

Проф. РИЛАНЕСОВ

ОЧЕРКИ РУССКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ

УЧПЕДГИЗ
1949

*Допущено
Министерством высшего образования СССР
в качестве учебного пособия
для филологических факультетов университетов
и факультетов русского языка и литературы
педагогических институтов.*

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Курсы русской диалектологии обычно представляют собой опыты классификации наречий и говоров русского языка на основе отдельных их особенностей, своего рода каталоги с указанием языковых различий по территориям. Отдельные говоры как целостная система и тем более русский язык в целом со всеми его говорами как своеобразная сложная система оставались вне их поля зрения, так как диалект рассматривался обычно лишь как один из важнейших этнографических признаков, а не как объект подлинно лингвистической дисциплины.

Между тем лингвистическое изучение русских говоров весьма важно. Русские говоры, при всем их многообразии, обладают значительным единством. Изучение русского языка в его единстве и различиях как своеобразной сложной системы представляется необходимым не только с точки зрения общего языкознания, но и для истории русского языка, поскольку и последняя в настоящее время стремится превратиться из науки об истории отдельных частных изолированных явлений в науку о строе языка в целом, о возникновении, развитии и смене языковых систем, обусловленных социально-экономической, политической и культурной историей общества — носителей соответствующего языка. Наконец, такое изучение весьма важно и для собственно диалектологии.

В зарубежной лингвистической науке довольно распространено мнение о несовместимости изучения языка как системы, с одной стороны, и как объекта диалектологии, в частности лингвистической географии, — с другой. Подобное мнение неправильно. Современный русский язык в его общенациональной, литературной форме и местных наречиях и говорах образует сложную систему, включающую в себе черты общие и частные, черты единства и различия разных степеней диалектного членения. Поэтому диалектные различия по отношению к строю языка представляют собой не только различия в отдельных единичных фактах, но также и различия в некоторых цельных звеньях языковой системы, выступающих на фоне общности ее в остальных звеньях. Понятие диалектного различия, выводимое не изолированно, в отрыве от языковой системы, а исходя из языковой системы, из строя языка в целом является особенно плодотворным для диалектологии вообще и лингвистической географии в частности.

Из сказанного выше не вытекает, что диалектные различия всегда представляют собой те или иные звенья языковой системы. Они могут являться и в виде отдельного единичного факта. Однако диалектные различия последнего рода могут плодотворно изучаться только на фоне различий первого рода, если они для данного факта имеются: несовпадение между пределами распространения диалектного различия как последовательного проведенного звена языковой системы, с одной стороны, и распространения отдельных

единичных фактов с признаками того же диалектного различия — с другой, дает весьма важный материал для истории соответствующих говоров, их движения в прошлом в связи с изменением производственных отношений, с историей заселения края, путей его колонизации, сменой культурно-экономических центров в нем.

Квалификация диалектного различия лишь как частного, единичного факта, не связанного с строем языка, характерная для крайних представителей западноевропейской лингвистической географии, ведет к отрицанию самого диалекта, к отрицанию языковой системы и, по существу, к отрицанию возможности изучения закономерностей исторического развития языков и диалектов и потому не может быть принята советской лингвистикой.

В соответствии со сказанным, в настоящих „Очерках“ уделяется место не только группировке наречий и говоров русского языка, но также, прежде всего, описанию строя русского языка в его говорах, которому посвящен ряд основных как по значению, так и по объему глав книги. В главах этих описывается фонетика, морфология, синтаксис и лексика русских традиционных говоров. В этом существенное отличие настоящих „Очерков“ от предыдущих курсов.

В главе, посвященной фонетике, описание ведется в основном с точки зрения функциональной фонетики, иначе — фонологии, учения о системе фонем. Работа эта затруднялась отсутствием у автора предшественников: если система фонем русского литературного языка в той или иной мере была предметом описания, то диалектный материал фонологическому описанию не подвергался; в литературе предмета нет ни одного описания системы фонем того или иного говора. Автор опирался здесь на свои многолетние наблюдения над системой фонем разного типа русских говоров, большую часть еще не опубликованные. При описании фонетики русских говоров автор прежде всего стремится применять понятие фонемы, очистив его от психологизма и став на последовательно функциональную точку зрения, которая одна отвечает в полной мере социальной природе языка.

Необходимо помнить, что „в противоположность метафизике диалектика рассматривает природу не как случайное скопление предметов, явлений, оторванных друг от друга, изолированных друг от друга и не зависящих друг от друга, — а как связанное, единое целое, где предметы, явления органически связаны друг с другом, зависят друг от друга и обуславливают друг друга“¹. В связи с этим каждое отдельное фонетическое явление по возможности рассматривается в связи с другими явлениями, со всей языковой системой. Оказывается, что отдельное частное фонетическое явление обычно в какой-то мере определяет и самую языковую систему, но в то же время оно и само нередко бывает обусловлено той же языковой системой.

Изложение фонетического строя русских говоров затруднялось еще тем, что в книге нужно было дать описание системы фонем не одного какого-либо говора, а в принципе — всех русских говоров и притом, по возможности, свела их воедино. В книге сделана лишь первая попытка такого сводного изложения фонетики русского языка в его говорах; она должна быть продолжена и усовершенствована в дальнейших работах как автором, так и другими исследователями. Территориальное многообразие русских говоров в отношении их фонетического строя представляет собою не что иное, как „следы минувшего“ — дошедшую до нас живую историю языка в ее пространственной проекции. Поэтому, исходя из основных положений нового учения о языке, решительно отвергающего механистический и антидиалектический разрыв в учении Ф. де Соссюра между синхронией и диахронией, автор считает, что только органическое взаимопроникновение языковых явлений настоящего и прошлого обеспечивает наилучшее постижение природы языковых процессов. В развитии языка, как и любого другого явления, в каждый данный момент рядом с настоящим существуют пережитки прошлого и ростки будущего. Территориальные и со-

¹ История ВКП(б). Краткий курс, стр. 101.

циальные разновидности языка данной эпохи заключают в себе богатейший материал, свидетельствующий о пройденном им историческом пути, и автор не считает для себя возможным избегать исторических комментариев, интерпретации отдельных языковых явлений на почве фактов современной диалектологии, а напротив, дает их всюду, где для этого оказываются необходимые данные.

В более узком объеме в книге сделана попытка сводного изложения морфологии русского языка в его говорах. Однако при составлении главы, посвященной морфологии, автор испытывал большой недостаток в специальных исследованиях и монографиях: он мог опереться только на известный труд акад. С. П. Обнорского „Именное склонение“ для главы о существительных, но был лишен обобщающих работ для других частей речи. Еще труднее было составить очерки синтаксиса и лексики, так как эти разделы в диалектологии до сих пор еще остаются почти совсем не изученными. Автор использовал при составлении соответствующих глав неопубликованную монографию проф. А. Б. Шапиро „Строение предложения в русских говорах“ и труды проф. Ф. П. Филина (главным образом его „Исследование о лексике русских говоров“, 1936).

Автор вполне сознает краткость и схематичность некоторых из названных глав, в особенности лексики, но все же он не считал возможным их опустить: эти главы во всяком случае будут служить напоминанием о первоочередности научной разработки соответствующих разделов русской диалектологии.

В главах, посвященных строю русского языка в его говорах, дается описание традиционных русских говоров, как они сохранились к концу XIX в. — началу XX в. (хотя следует иметь в виду, что языковые явления, соответствующие этим говорам, пережиточно могли сохраняться и в позднейшие годы, главным образом, в устах более отсталых слоев населения, старшего поколения). Языковым процессам современной советской деревни посвящена отдельная глава книги. Глава эта не может быть пока разрешена с нужной полнотой, так как проблемы языкового развития советской деревни, качественные сдвиги, происшедшие в языке колхозного крестьянства, исследованы, к сожалению, очень недостаточно. При составлении этой главы автор опирался частью на свои собственные наблюдения, частью на труды проф. А. М. Селищева, проф. Ф. П. Филина, проф. Н. П. Гринковой.

Особая глава посвящена вопросам происхождения и состава русского языка. Эта глава дана не в начале книги, как одна из вводных, а напротив, в конце ее — после обзора строя русского языка в его говорах и после выяснения взаимоотношений — схождения и расхождения — между современными восточнославянскими языками и между наречиями и говорами русского языка, т. е. после того, как пользующиеся книгой овладеют основным материалом русской диалектологии. Такое изложение дает возможность более серьезно рассмотреть трудный вопрос о происхождении и составе русского языка. В главе этой заключается критика неприемлемых для нового учения о языке взглядов акад. А. А. Шахматова, в основе своей исходящих из теории праязыка, а также излагается проблема происхождения русского языка с точки зрения принципов советского языкознания. Следует, конечно, иметь в виду, что такой основной вопрос исторической диалектологии и истории русского языка, каким является вопрос о происхождении и составе русского языка, может быть разрешен лишь после того, как будет закончена работа над диалектологическим атласом русского языка и на основе этого атласа, а также когда будет значительно расширен круг изученных с лингвистической точки зрения древних письменных памятников. До этого времени все новые попытки в этом отношении не могут не оставаться лишь на положении более или менее правдоподобных гипотез. Однако не может быть сомнения в том, что критический пересмотр теории акад. А. А. Шахматова сейчас вполне назрел и новая постановка вопроса, исходящая из основных положений советского языкознания — нового учения о языке, будет лишь содействовать дальнейшей его разработке и углублению.

Книга заканчивается главой о методах изучения диалектов, очерком истории русской диалектологии и библиографией основной литературы предмета. Ориентировать молодых диалектологов в практике диалектологической работы, ознакомить с приемами производства наблюдений над живым языком, с основными программами собирания диалектного материала, а также с основными моментами истории науки — такова непосредственная задача этих глав. Но те же задачи по существу ставятся и всей книгой.

Выше было указано на неправильность взгляда о несомнимости изучения диалектов с точки зрения строя языка и как предмета лингвистической географии. Отсюда с необходимостью вытекает и вывод о недостаточной обоснованности противопоставления монографического описания говора изучению его для лингвистического атласа. Между этими видами изучения диалектов различие скорее количественное, чем качественное: речь идет прежде всего лишь о большем или меньшем охвате языковых явлений. Но в обоих случаях в результате наблюдения диалекта должно явиться его описание: ведь ответы даже на самую краткую современную диалектологическую программу представляют собой по существу описание говора, так как программа предусматривает не случайные особенности диалекта, а наиболее существенные черты языковой системы. Поэтому вне зависимости от того, с какой целью производится изучение диалекта, наблюдатель должен обладать необходимыми сведениями о строе изучаемого языка в его говорах.

Точно так же как врач, исследуя больного, т. е. индивидуальный случай, чтобы установить диагноз, должен знать анатомию, физиологию и патологию человека, так и диалектолог, изучая тот или иной конкретный говор, должен иметь необходимые общие сведения о строе данного языка, о его устойчивых и подвижных элементах, о чертах существенных и второстепенных. Неопытный врач, даже подробно исследовав организм больного, может все же не суметь правильно поставить диагноз; напротив, опытный врач ставит диагноз уже после беглого исследования. Так и диалектолог, не имеющий достаточных сведений о строе языка в его диалектах, даже после тщательного и длительного исследования говора все же может упустить существенное, зафиксировать случайное; напротив, имея эти сведения и некоторый практический опыт, он может в короткий срок „поставить диагноз“ — описать говор в его наиболее существенных чертах.

Как это ни парадоксально, но именно наблюдающий говор с целями лингвистической географии должен в первую очередь иметь достаточные сведения в области строя языка и его типичной лексики, так как для него неизвестным, искомым является прежде всего территориальное распределение языковых явлений, а не самые языковые явления. Только при наличии этих сведений и вообще достаточной предварительной лингвистической подготовки он может справиться с своей задачей — в возможно более короткий срок описать говор хотя и не во всех деталях, но в существенных, важнейших чертах.

В связи с этим автор полагает, что не только глава о методах изучения диалектов, но и вся книга, в особенности ее главы, посвященные строю русского языка в его говорах (главы 2—5), ставят своей задачей не только дать студенту, аспиранту и начинающему работнику теоретические сведения по диалектологии, но и помочь им в практической работе по изучению говоров русского языка и в особенности в собирании материалов для диалектологического атласа русского языка.

Это особенно важно сейчас, когда в Советском Союзе ведется беспрецедентная в истории мирового языкознания коллективная работа по изучению русских говоров для создания многотомного диалектологического атласа русского языка, одного из крупнейших научных предприятий нашего времени в области филологических наук. Десятки вузов, сотни студентов и аспирантов, большое количество работников университетов, педагогических и учительских институтов ежегодно участвуют в диалектологических экспедициях под общим руководством Академии наук СССР. Весь этот многочисленный коллектив нуждается в постоянном инструктировании, специаль-

ных методических указаниях, но вместе с тем он нуждается в повышении своей квалификации, в улучшении общей диалектологической подготовки, в особенности в области фонетики, требующей специальной выучки. Автор полагает, что настоящая книга частично сможет ответить и этой последней потребности.

В соответствии с вышеизложенным настоящие „Очерки“ распадаются на следующие десять глав:

1. Введение. 2. Фонетика. 3. Морфология. 4. Синтаксис. 5. Лексика. 6. Языковые явления современной деревни. 7. Группировка восточнославянских языков и говоров русского языка. 8. Образование русского языка в его говорах. 9. Методы изучения диалектов. 10. Очерк истории русской диалектологии. Библиография важнейшей литературы по русской диалектологии.

По техническим причинам настоящие „Очерки“ выпускаются в двух частях. Первая часть заключает в себе главы 1, 2, 5, 6, 7, 9. Во второй части будут даны остальные главы и библиография.

В настоящей книге употребляется система транскрипции, принятая Институтом русского языка Академии наук СССР для собирания материалов „Диалектологического атласа русского языка“ (она воспроизведена в §§ 248—252) и получившая за последнее время весьма широкое распространение.

Относительно пользования этой транскрипцией необходимо сделать следующее замечание. Если по ходу изложения предмета приводимые примеры относятся к какому-либо определенному диалекту, а не к русскому языку в целом, то они даются в фонетической транскрипции. Если же примеры относятся к русскому языку в целом или к одному из его крупных наречий, в пределах которого представлено большое диалектное многообразие, то фонетически транскрибируется обычно только то явление, о котором идет речь в данном месте книги (в необходимых случаях оно выделяется жирным шрифтом) — остальное же дается в упрощенной фонематической транскрипции и притом применительно к составу фонем литературного языка.

В применении фонематической транскрипции приняты следующие упрощения: употребляется буква *ы*, которая после согласных указывает на фонему *и* с твердостью предшествующей согласной (*был*). Если в каком-нибудь фонетическом положении в любом говоре русского языка группа фонем не различается, причем звук данной морфемы нельзя поставить в такие условия, в которых эти фонемы различались бы, — в таких случаях в транскрипции обозначается тот звук, который реально произносится (без указания путем дополнительных знаков, какие именно фонемы не различаются в данном положении; например, *стол, з'д'ес'*).

Если в том или ином фонетическом положении в данном диалекте не различается группа фонем, причем звук данной морфемы не может быть поставлен в условия, в которых эти фонемы различаются, а в другом диалекте эта группа фонем в том же положении различается, то в транскрипции употребляется буква фонемы применительно к диалекту, где данная группа фонем различается. Так, например, слово *собака* транскрибируется с буквой *о* (*собака*), так как в окружающих говорах, где фонемы *о* и *а* в 1-м предударном слоге различаются (ср. *вода*, но *трава*), произносится *соб'ака*.

Из сказанного вытекает, что оглушение и озвончение согласных при фонематической транскрипции не передаются (т. е. транскрибируется *хл'еб*, *хл'ебца*, а не *хлеп*, *хл'енца*, если не имеется в виду произношение звонких согласных на конце слова и перед глухими согласными). Не передается также обычно ассимилятивная мягкость согласных, которая может быть различной по говорам (т. е., если не идет речь о данном явлении, транскрибируется *сп'ина*, *зв'ер'*, а не *с'п'ина*, *з'в'ер'*).

Настоящая книга сложилась на основе общих и специальных курсов по русской диалектологии, читавшихся автором в течение ряда лет в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова. По своему

содержанию книга превышает объем общего курса русской диалектологии пединститутков. Дополнительный материал частью выделен шрифтом. Можно полагать, что преподаватель всегда сумеет указать своим слушателям, какие разделы и параграфы он считает необходимыми при первоначальном знакомстве с предметом.

Все основные типы русских говоров в большей или меньшей степени были предметом непосредственных изучений автора, которые он производил на протяжении более 20 лет. Поэтому при составлении этой книги он не только использовал литературу предмета, но также широко пользовался своими собственными наблюдениями и частично выводами из своих неопубликованных исследований. Кроме того, автор пользовался наблюдениями своих товарищей по работе проф. П. С. Кузнецова, В. Н. Сидорова, проф. А. Б. Шапиро, в том числе своих учеников С. С. Высотского, В. Г. Орловой, Л. Н. Булатовой, С. В. Бромлей, К. В. Горшковой, Л. П. Жуковской, Г. А. Касвин, О. Г. Гецовой и др., за что им приносит глубокую благодарность.

Автор считает нужным отметить, что в своих диалектологических исследованиях он многим обязан акад. С. П. Обнорскому — пользовался его советами и указаниями, за которые выражает ему глубокую благодарность. Вместе с тем автор благодарит проф. Ф. П. Филина за многие весьма ценные замечания, а также профессоров П. С. Кузнецова и И. Г. Голанова, прочитавших рукопись и сделавших ряд важных указаний.

Часть подготовленных карт по техническим причинам не могла быть помещена в первой части настоящей книги и будет дана в её второй части. Автор пользуется случаем, чтобы поблагодарить проф. Ф. П. Филина, М. Д. Мальцева и Г. А. Касвин, давших ему возможность опубликовать составленные ими лингвистические карты.

Р. Аванесов

Предварительные сведения.

§ 1. Диалектологией (от греческого *διάλεκτος*) называется наука о диалектах языка. Под диалектом имеется в виду разновидность языка, являющаяся орудием общения более или менее ограниченного коллектива, представители которого находятся в непосредственном общении, и потому характеризующаяся относительным единством языковой системы.

Диалект всегда представляет собою часть целого, т. е. входит в состав более обширного языкового образования, и потому он всегда противопоставлен другому диалекту (или другим диалектам). Поэтому в своем конкретном значении термин диалект всегда употребляется с определением (например, диалекты французского языка; древние восточнославянские диалекты). Диалекты, в большей или меньшей степени между собою сходные, объединяются в группы; более мелкие группы диалектов объединяются в группы более крупные, вплоть до такой совокупности различающихся между собой, но все же сходных разновидностей языка — диалектов, которая соответствует объединению человеческого общества в нацию и представляет собой язык данной нации.

Из сказанного явствует, что язык нации является сложным по своему строю целым, представляющим собой многостепенную систему, заключающую в себе черты общие и частные, черты единства и различий разных степеней диалектного членения языка. Поэтому в строе языка и диалектов следует различать общие и различительные признаки. Благодаря общим признакам два диалекта более мелкого деления входят в состав одного диалекта более крупного деления; точно так же благодаря общим признакам диалектов более крупного деления они входят в состав одного языка. Напротив, сами диалекты выделяются благодаря различительным признакам, которыми они и противопоставляются друг другу.

Следует иметь в виду относительность понятий „общие признаки диалектов“ и „различительные признаки диалектов“: различительные

признаки диалекта, при помощи которых выделяется данный диалект, противопоставляясь другим, в то же время являются общими признаками для более дробных диалектов, на которые подразделяется данный диалект. И напротив, общий признак данных диалектов может оказаться их различительным признаком в пределах более крупного диалекта. Например, южновеликорусское наречие представляет собой диалект русского языка, потому что, с одной стороны, в нем по отношению к северновеликорусскому наречию выделяются определенные различительные признаки, по которым они противопоставляются друг другу; с другой стороны, потому что оба они разделяют общие признаки русского языка.

Отсюда следует, что при всем различии систем отдельных русских говоров в них имеются наряду с чертами различия черты общие, тождественные. Поэтому можно говорить не только о частных системах отдельных русских говоров, но также и об общей системе русского языка в целом со всеми его говорами. Эта последняя включает в себе, с одной стороны, черты, общие для всего русского языка, черты, так сказать, устойчивые, стабильные, и, с другой стороны, черты, в большей или меньшей степени неустойчивые, подвижные, в которых и проявляются диалектные различия.

§ 2. В силу причин исторического характера, о которых будет сказано ниже (см. §§ 11—16), язык нации не представляет собой полного единства, а образует сложное целое, в состав которого входят как диалекты, так и литературный язык, выделяющийся среди диалектов как качественно отличное образование. Литературный язык, который обычно не совпадает ни с одним из диалектов данного языка, возвышается над диалектами и призван быть единым орудием общения, обслуживающим всю нацию.

Внутри языка нации диалекты противопоставлены литературному языку: каждый из диалектов распространен на сравнительно ограниченной территории и служит на ней для повседневных бытовых и производственных нужд местного населения, по преимуществу крестьянства; напротив, литературный язык в той или иной степени распространен на всей территории данной нации, он призван быть средством связи между членами нации в целом во всех ее классах и социальных группах, быть орудием общенациональной культуры, языком науки и литературы, а также общим разговорным языком нации.

В капиталистическом обществе литературный язык является достоянием по преимуществу господствующих классов, интеллигенции, а также части передовых элементов рабочего класса. В нашей социалистической стране литературные языки стали достоянием широких народных масс и успешно вытесняют собою диалекты. Сложный состав языка нации, противоречия между местными диалектами и литературным языком отражают сложный путь образования нации (см. ниже §§ 11—16).

§ 3. В связи с сложностью диалектного членения языка в русской научной литературе наряду с термином диалект употреб-

ляются термины наречие и говор. Первое из них (наречие) обозначает понятие более широкое по отношению ко второму (говор). Группа в общем сходных, но имеющих между собой частные различия говоров образует наречие; два или несколько наречий входят в состав данного языка¹. Таким образом, говоры ближе друг к другу, более сходны между собой, чем наречия. Однако надо иметь в виду всю относительность этих терминов.

Термин диалект в русской научной литературе употребляется как в более широком значении наречия, так и в более узком значении говора. Некоторые ученые под диалектом имеют в виду понятие, среднее по объему между понятиями говора и наречия.

§ 4. Как мы видим, диалекты ограничены в территориальном отношении: каждый из них имеет свою определенную территорию. Этим объясняется употребляемый по отношению к ним термин территориальные диалекты или говоры (а также областные говоры, местные говоры, местные народные говоры), посредством которого их противопоставляют социальным диалектам. Такое противопоставление не совсем точно: правда, социальные диалекты обычно в территориальном отношении четко не ограничены, но современные территориальные диалекты в социальном отношении ограничены — они по преимуществу являются достоянием крестьянства. Однако практически такое противопоставление не влечет за собою особых неудобств, так как под социальными диалектами (франц. *l'argot*; близко сюда подходит термин жаргон) прежде имеются в виду арг, профессиональные и разного рода специальные (иногда тайные) языки (например, язык школьников, язык охотников, язык шорников или валяльщиков, язык офеней и т. д.).

Между территориальными и социальными диалектами имеется еще одно существенное различие: характерные особенности первых в большей или меньшей степени касаются всего строя языка (фонетики, морфологии, синтаксиса), а также лексики и фразеологии, в то время как особенности социальных диалектов охватывают главным образом факты лексики и фразеологии. Поэтому нередко вместо термина социальные диалекты, хотя и без достаточных оснований, пользуются терминами профессиональная лексика или специальный словарь (словарь какой-либо профессии, специальности, промысла и т. д.).

§ 5. Как это будет показано ниже (см. §§ 11—13), происхождение диалектов связано с большей или меньшей разобщенностью их носителей в прошлом. Диалекты обособляются или, наоборот, объединяются в зависимости от того, существует ли общение между соответствующими коллективами, насколько оно интенсивно и как долго оно продолжалось. Однако, современный русский язык в целом, вместе со всеми своими диалектами представляет собой

¹ Наряду с этими терминами некоторые употребляют еще термины „поднаречие“ и „подговор“. Значение этих терминов, их место в диалектном членении языка ясно из самих их названий.

определенную языковую реальность. Он образует сложную систему, в состав которой входят все его разновидности.

Следует считать в корне неправильной индивидуалистическую и идеалистическую концепцию, характерную для младограмматиков, согласно которой языковой реальностью является лишь язык индивида, а язык даже самого маленького коллектива и, следовательно, всякий диалект, не говоря об общем национальном языке, объявляется фикцией, создаваемой в уме ученого абстракцией, а не реально существующим явлением¹. Язык индивидуума, конечно, есть реальность, и притом не только физическая (акустическая), физиологическая, психологическая, но также и социальная, поскольку нет людей, живущих изолированно друг от друга, вне общества, вне человеческого коллектива: язык индивида является поэтому определенным представителем, типичным примером языка коллектива (т. е. диалекта в широком смысле слова). Таким образом, диалект представляет собой несомненную языковую реальность.

Но если диалект является безусловной языковой реальностью, то в какой мере можно принять за языковую реальность систему национального языка вместе со всеми диалектными разновидностями? Этот вопрос также разрешается не абстрактно, а с учетом конкретно-исторических условий: одно дело, если мы имеем в виду диалекты и общий письменный язык эпохи феодализма разных периодов, другое дело — современные диалекты и соответствующий литературный язык. По-разному разрешается вопрос для разных современных национальных языков, например, для русского языка с его хотя и многообразными, но весьма близкими друг другу диалектами, с одной стороны, и для таких языков, как немецкий, французский с их диалектами, весьма отличными друг от друга как в фонетическом и структурно-грамматическом отношениях, так и по лексическому составу, с другой.

В далеком прошлом, в эпоху формирования диалектов непосредственное языковое общение между представителями разных диалектов не имело такого значения, как в позднейшие эпохи: диалекты и развивались нередко именно вследствие обособления соответствующих групп населения. Однако уже в эпоху капитализма в связи с ростом промышленных центров и торговли, в связи с проникновением капиталистических отношений в деревню языковое общение между носителями разных диалектов значительно расширяется. Особенно расширяется оно в эпоху социализма. В Советской стране в отличие от капиталистического мира трудовой народ объединен единством идеологии, социалистическим мировоззрением. Поэтому утрата диалектных черт происходит у нас с особой силой и приобретает новое качество. Наши стройки сталинских пятилеток

¹ См. например, Н. Paul, *Prinzipien der Sprachgeschichte*, 1909, стр. 37—38, А. А. Шахматов, *Очерк соврем. русского языка*, изд. 4-е, 1941, стр. 59; И. А. Бодуэн де Куртене, *Введение в языковедение*, изд. 5-е, литогр., 1917, стр. 41.

являются местом, где происходит широкое междиалектное общение. Книга и газета, радио, звуковое кино, распространяя социалистическую культуру, в то же время приобщают носителей диалектов к литературному языку. Школа также является местом встречи разных диалектов. Все это приводит к известному двуязычию носителей современных русских диалектов: наряду с местным диалектом, они в той или иной степени владеют и литературным языком, хотя бы пассивно: узнают формы литературного языка, которые являются для них своего рода образцом.

В процессе междиалектного общения, а также общения между носителями диалектов и литературного языка неуклонно стираются диалектные черты и вчерашние носители диалектов постепенно овладевают важнейшими нормами литературного языка.

Применительно к описанным условиям современный русский язык в целом, включая его диалектные разновидности, представляет собой определенную реальность не только в структурно-языковом отношении, но также и как явление культурно-историческое, т. е. целостное средство общения.

§ 6. Создатель нового учения о языке акад. Н. Я. Марр всегда указывал, что изучение живых языков и их диалектов дает исследователю весьма важные данные для воссоздания их исторического развития. Это положение он относил не только к бесписьменным языкам, для которых данные живых диалектов являются единственным источником исторического изучения, но также и к древнеписьменным языкам, так как древние письменные памятники не всегда отражают более архаический языковой строй, чем тот, который сохранился в живом употреблении. Так, например, акад. Н. Я. Марр указывал, что современные армянские диалекты в ряде отношений находятся на более древней стадии развития, чем та, которая отразилась в письменных памятниках армянского языка, зафиксированного, как известно, в многочисленных памятниках высокой древности.

Значение русской диалектологии как научной дисциплины и определяется прежде всего тем, что современные диалекты рядом с показаниями письменных памятников прошлого представляют собой два основных источника для построения истории языка. Одни ученые преимущественное значение придавали показаниям письменных памятников (например, акад. А. И. Соболевский), другие, — напротив, данным современных говоров (например, акад. А. А. Шахматов), но никогда не возникало сомнения в том, что именно эти два источника являются основными для истории языка.

Известно высказывание акад. А. А. Шахматова о том, что „письменные памятники не всегда дают надежный материал для определения звукового состава минувших эпох... Главный источник, откуда извлекается надежнейший и важнейший материал для исторической грамматики, — это, конечно, современные живые говоры“. Действительно, письменная традиция не всегда позволяла проявиться особенностям живого языка писца: эта традиция обычно создавалась применительно к более раннему периоду развития данного говора

по сравнению с говором писца; она нередко приходила на данную территорию из другого места, т. е. создавалась не только в более ранний период, но и применительно к другому говору по сравнению с говором писца; наконец, письменные памятники по своему содержанию, характеру, по своим жанрам обычно бывали таковы, что они не могли отразить одинаково все стороны языка, все его богатство; естественно, что более слабо они отражают черты разговорного живого языка и при этом особенно скупо — язык народных масс, так как письменный литературный язык был достоянием лишь образованных кругов господствующего класса и, по преимуществу, духовенства.

Все это делает показания современных говоров ⁴первостепенным источником истории русского языка.

В одних случаях преимущественное значение имеют показания современных говоров (например, для исторической фонетики), в других — наряду с ними не менее важное значение приобретают данные письменных памятников (например, для исторической морфологии). При этом и в пределах отдельных сторон языка для истории разных явлений тот и другой источник имеет неодинаковое значение: одни вопросы исторической фонетики решаются по преимуществу на основе данных современных говоров (например, история аканья, изменения *е* в *о*), для других — наряду с ними важное значение приобретают показания письменных памятников (например, история *ль*); последние имеют важнейшее значение для изучения многих фонетических процессов прошлого (например, для истории редуцированных *ъ*, *ь*). Для исторической морфологии показания письменных памятников в общем имеют, пожалуй, большее значение, чем для исторической фонетики. Например, изучая современные русские говоры и даже шире — восточнославянские языки в их говорах, трудно восстановить для их прошлого наличие аориста или имперфекта, поскольку от них остались самые ничтожные реликты, между тем письменные памятники с очевидностью свидетельствуют об этом. Однако и для исторической морфологии, в особенности для процессов более поздних эпох, современные говоры дают весьма важный, а иногда и единственный материал, так как письменные памятники в силу особенностей их содержания и жанра не отражают многочисленных новообразований, например, в области именных и глагольных форм, которыми изобилуют местные говоры. Синтаксис языка письменных памятников в общем особенно традиционен и потому в него сравнительно слабо проникают характерные черты синтаксиса живого языка. Лишь в отдельных жанрах письменных памятников более широко отражаются особенности синтаксиса живого языка (ср., например, прямую речь и диалоги в летописи, для более поздних эпох „пыточные речи“ — протоколы допросов, представляющие собою по существу записи прямой речи). Но все же многие синтаксические конструкции остаются неотраженными или слабо отраженными в языке письменных памятников. В письменных памятниках вообще весьма широко и многообразно представлена лексика, поэтому их данные для исторической

лексикологии весьма важны; однако все же далеко не все стороны лексики — в силу характера письменных памятников, их содержания, социальной и жанровой ограниченности — отражаются в этих последних. Поэтому как для исторического синтаксиса, так и для исторической лексикологии данные современных говоров сохраняют свое весьма важное значение.

Таким образом, для одних сторон языка оказывается более важным один из названных источников, для других — другой. Точно так же для разных периодов истории данного языка приобретает преимущественное значение то один, то другой из этих источников. Но не будет ошибкой сказать, что история языка наиболее надежные выводы делает на основе перекрестного изучения, взаимного контроля данных современных говоров и показаний письменных памятников прошлого. Именно таковы основные достижения и открытия не только акад. А. А. Шахматова, который придавал преимущественное значение данным современных говоров, но и акад. А. И. Соболевского, отводившего им меньшую роль, а также его талантливого ученика Л. Л. Васильева.

Ценность показаний современных говоров для истории языка связана со специфическими особенностями развития говоров по сравнению с литературным языком. Литературный язык, скованный традицией письма, вообще изменяется медленнее, чем живые говоры. С другой стороны, в литературном языке как правило избегаются узко местные, диалектные формы. Поэтому письменный язык вообще единообразнее устного, в нем меньше как архаизмов живого языка, так и новообразований, широко бытующих в последнем. Напротив, живые говоры, для которых отсутствовала письменная традиция, развивались, так сказать, более естественно. Развиваясь в прошлом более или менее обособленно друг от друга, они, с одной стороны, нередко сохраняют различные архаизмы, давно утратившиеся в литературном языке; с другой стороны, переживают большое количество новообразований, не проникающих в литературный язык в силу большого влияния на него традиции.

Так, например, в ряде говоров сохраняется *ѵ* (о закрытое) под ударением в отличие от *о* (о открытого): *скѵт*, *кѵт*, *ѵвѵр*, но *год*, *ход*, *вор*; *глубѵко*, но *дубок*, *с'олѵ*, но *с'олож* (или *с'алѵ*, но *с'илож*), *ворѵна*, *сорѵка* и т. д. Оказывается, что *ѵ* произносится на месте старого *о* под восходящим ударением, а *о* — на месте старого *о* под нисходящим ударением, а также на месте *о* из *ѵ*. В ряде русских говоров на месте *ѵ* под ударением перед твердой согласной произносится звук, отличный от *е* — *ѣ* (*е* закрытое) или *иѣ*: *л'ѣс*, *с'ѣно*, *с'ѣрој* *м'ѣсто* или *л'иѣс*, *с'иѣно* и т. д. В некоторых с-в-р¹ говорах сохранилась старая форма им. п. ед. ч. *мати*, причем по говорам она отличается от вин. п. ед. ч., также сохранившего старую форму *матерь* (*пришла мати*, но *видѣл матерь*). Среди ю-в-р говоров, а

¹ В дальнейшем изложении с-в-р будет обозначать *северновеликорусский*, ю-в-р — *южновеликорусский*, ср-в-р — *средневеликорусский*.

в особенности рязанских, распространена весьма архаическая форма им. п. ед. ч. *связкрѣ*. На западе ю-в-р территории встречаются архаические формы дат. и местн. пп. мн. ч. типа *гостѣм, гостѣх, лошадем, лошадех*, представляющие собой продолжение (с фонетическими изменениями) старых форм *гостѣмъ, гостѣхъ*.

По русским говорам встречаются наречия *осенесь, ночесь*, представляющие собой старую спайку форм вин. п. ед. ч. от *осень, ночь* с постпозитивным местоимением *сь* (*осень + сь, ночь + сь*), сохранившуюся лишь с фонетическими изменениями (*ь* в сильном положении изменился в *е*, а в слабом положении исчез, оставив после себя мягкость предшествующей согласной; ср. рядом *летось, зимусь*). Архаизмом является наречие *намедни*, восходящее к сочетанию *ономъ дѣни* (с рядом фонетических изменений) и представляющее собой весьма архаическую конструкцию с местным падежом без предлога.

С другой стороны, часто те же говоры представляют и многочисленные новообразования, также чуждые литературному языку, но важные для истории языка. Так, например, в значительной части с-в-р говоров *а* между мягкими согласными под ударением изменилось в *е* (*п'ет', з'ет', гр'ез', вз'эл'и, пом'эл'и*; ср. *п'ат', з'ат', гр'аз', вз'ал'и, пом'ал'и*); во многих с-в-р говорах в тех же условиях развилось *и* на месте старого *ь* (*с'ѣѣут, с'ѣм'о, в'ѣт'ор, м'ѣс'ец'*; ср. *с'ѣѣут, с'ѣм'а, в'ѣт'ор, м'ѣс'ец'*). Многим ю-в-р говорам свойственны новые формы им. п. мн. ч. на *-а* от слов женского рода — *лошадѣя, деревнѣя, яблонѣя, матерѣя* и др. В тех же говорах от некоторых из этих слов встречаются формы вин. п. ед. ч. на *-у* (*лошад'у, мат'ер'у*), и вин. п. ед. ч. на *-ей* (*-яй*) или *-ѣѣ* (*лошад'ај, лошад'ѣѣ; ѣр'аз'ај, ѣр'аз'ѣѣ*). По говорам форма род. п. мн. ч. на *-ов* широко распространяется на слова женского рода: *ягодов, свадьбов, старушков* и т. д. Во многих говорах вместо *п'еѣѣш, ст'ер'еѣѣш* встречаются более новые формы *п'ек'ѣш, ст'ер'ег'ѣш; п'ек'ѣш, ст'ер'ег'ѣш; п'екѣш, ст'ер'егѣш*; вместо *купл'у, носу, молочу* встречаются новообразования *кѣп'у, нѣс'у, молѣт'у*.

Таким образом, значение диалектов для истории языка заключается в том, что в отличие от литературного языка они, наряду с архаизмами иногда весьма большой древности, заключают в себе также большое количество новообразований: те и другие служат важным материалом для построения исторической грамматики.

§ 7. Диалектология тесно связана с историей. Данные современных говоров нередко служат важным материалом для историка: как группировалось население в прошлом, где оно обитало, каковы были колонизационные движения, каковы были связи у разных частей данного народа между собою и с соседними народами в разные исторические эпохи — все это в той или иной степени отражается в говорах. Дело в том, что территориальное распределение диалектных различий представляет собой как бы отпечаток, след пройденного народом исторического пути. Нередко оно является для историка единственным источником, так как передвижения народных масс

в особенности в древнейшие периоды, обычно не находят в себе отражения в основных источниках истории — письменных памятниках.

Но имеется и обратная зависимость: полное понимание современного диалектного многообразия языка, территориального распределения диалектных различий невозможно без учета исторических фактов. Поэтому историческая диалектология и история языка должны широко пользоваться данными истории. Например, оказывается, что граница между различным произношением фонемы *в* в известных положениях в ю-в-р говорах в общем совпадает с границей Московского государства и Литовского великого княжества в XV — XVI вв. Мы не разберемся в вопросах образования русского языка, если не примем во внимание многие процессы, имевшие место в Ростовско-Суздальской Руси и позднее в Московском государстве.

Отсюда естественное методологическое требование — историческое изучение диалектов от древнейших доступных эпох до нового периода производить в тесной связи с данными истории.

§ 8. Методологическое требование исторической диалектологии и истории языка — изучать диалекты с учетом данных истории — распространяется и на данные археологии, которая, как известно, является отделом истории. Археология в отличие от собственно истории имеет в качестве своего объекта не письменные источники, а вещественные — прежде всего древние поселения („городища“, „селища“, „стоянки“) и древние погребения. Археологические данные, в основном подтверждая данные летописи о расселении древних восточнославянских племен, позволяют довольно точно очертить территорию, занимаемую отдельными племенами в разные периоды их развития, начиная с эпохи значительно более ранней, чем та, к которой относятся данные летописи, проследить пути их передвижения; они помогают установить территории иноязычных соседей восточных славян (финнов, балтийцев) и т. д. Все эти данные весьма полезны для диалектолога и историка языка: они существенно помогают ему при изучении древнейших судеб русского и других восточнославянских языков.

§ 9. Диалектология тесно связана с этнографией — наукой о материальной культуре народа. Дело не только в том, что диалектные особенности являются одним из важнейших этнографических признаков; и не только в том, что без знакомства с основами этнографии диалектологу нелегко ориентироваться в деревне при производстве наблюдений над говорами, так как он должен иметь хотя бы элементарные сведения о быте и предметах материальной культуры деревни; дело в том, что многие этнографические особенности тесно связаны с особенностями диалектными. Например, оказывается, что понёва (род юбки из особой шерстяной ткани) в основном соответствует ю-в-р наречию, а сарафан с-в-р. Понёва, как и сарафан, имеет много своих разновидностей, которые важно соотнести с соответствующими говорами. Территориям с-в-р и ю-в-р наречий соответствуют весьма различные типы жилого дома и т. д.

Диалектологические и этнографические сведения, вместе взятые, подкрепляя друг друга, могут привести исследователя к важным заключениям об истории соответствующего говора и его носителей — населения этой местности. Даже в тех случаях, когда не окажется совпадения между данными диалектологическими и этнографическими, это несовпадение даст исследователю важный материал для установления культурных и языковых влияний или этнических смещений в прошлом.

Тесные связи между диалектологией и этнографией, между прочим, можно иллюстрировать тем, что выдающийся советский этнограф Д. К. Зеленин является в то же время видным диалектологом, и его перу принадлежит замечательное исследование „Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением заднеязычных согласных“ (СПБ, 1913), где, несмотря на спорность некоторых положений и выводов, автором дается первая попытка исторического изучения диалектной особенности в связи с данными истории и этнографии. Видный советский диалектолог Н. П. Гринкова в равной мере является и этнографом.

§ 10. Помимо своего научного значения, диалектология имеет также весьма важное практическое значение.

Знакомство с диалектологией необходимо для каждого учителя русского языка. Ведь основной задачей учителя является привитие ученикам твердых навыков в пользовании русским литературным языком в его устной и письменной разновидностях, всемерное повышение культуры русского литературного языка учащихся. С этой задачей нельзя справиться, не будучи знакомым с основами русской диалектологии, так как отклонения в речи учащихся от литературного языка в подавляющей своей части являются пережитками того или иного местного диалекта, а именно родного говора ученика.

Знакомство с диалектологией необходимо не только для сельского учителя, но и — не в меньшей степени — для учителя городского, в том числе и столичного. Учащиеся сельских школ обычно подбираются из соседних деревень и потому большей частью по своим диалектам бывают более или менее однородными: учителю нужно хорошо знать местный диалект, чтобы успешно справиться с своей задачей. Напротив, учащиеся городских школ, в особенности в крупных городах, обычно отличаются большой пестротой своих говоров, так как население наших городов, и в особенности больших, в условиях характерного для нашей растущей страны быстрого роста городского населения не в малой своей части комплектуется из самых разных частей страны и приносит с собою непреодоленные особенности своих местных диалектов. Поэтому задача городского учителя несравненно сложнее, чем задача сельского учителя: он должен быть знаком со всеми русскими диалектами; в своей практической работе он в гораздо большей степени должен проявлять индивидуальный подход к учащимся, так как отклонения в их речи от литературного языка могут быть самыми разнообразными в зависимости от родного диалекта отдельных учащихся.

Сведения по диалектологии нужны учителю во всех разделах работы по языку — касается ли она лексики и фразеологии, синтаксиса, фонетики или правописания. В устной речи учащихся и в разных видах их письменного языка (сочинение, изложение, списывание, диктант) в разной степени встречаются погрешности против всех названных разделов: ученик может употребить слово, фразеологический оборот или синтаксическую конструкцию, не свойственную литературному языку, употребить диалектную грамматическую форму, передать фонетическую особенность своего родного говора и вообще сделать орфографическую ошибку, основанную на особенностях фонетической системы своего говора.

Ошибки против лексики и синтаксиса литературного языка могут быть весьма разнообразны. Приведем несколько примеров ошибок морфологических.

Так, например, в письменных работах учащихся, еще сохраняющих особенности своих диалектов, можно встретить такие формы, как *больную*, *старая* (вин. п. ед. ч.), *стараи* (им. п. мн. ч.), формы 3 л. ед. ч. глаголов с мягкой *т* на конце (*идеть*, *несеть*), формы 3 л. мн. ч. глаголов 2-го спряжения на *-ут'* (*хвалят*, *любят*), форма род. п. ед. ч. типа *у сестре*, *от корови*, формы дат. и местн. п. п. типа *к жены*, *на стены* и т. д.

Часто встречаются, в особенности у учащихся начальных школ, орфографические ошибки, свидетельствующие о фонетических чертах различных говоров. Например, в условиях цокающего говора, при наличии в говоре одной аффрикаты вместо двух, имеющих в литературном языке, можно найти в работах учащихся наряду с правильным употреблением *ц* и *ч* написания *ч* вместо *ц* и *ц* вместо *ч*: *овча*, *челой* и *цасто*, *цугун*, *церви*. В условиях говора, где вместо *ф* в определенных условиях произносят *х*, возможно написание *х* вместо *ф*, по произношению: *торх*, *Хролов* (фамилия) вместо *торф*, *Фролов*. Но учащиеся, усвоив правильное написание таких слов с буквой *ф* — при сохранении в произношении этих слов звука *х* — могут сделать новую ошибку: написать *ф* вместо *х*, например *фромой* вместо *хромой*, хотя они и произносят здесь правильно звук *х*. Часто встречается написание *х* вместо *г* на конце слова в соответствии с произношением: *сних*, *сапох*, *вокрух*, *плух*. Весьма часто ошибки учащихся передают аканье — пишут: *вада*, *нага*, *приготовь*, *пасуда* и т. д. Научившись употреблять букву *о* в соответствии с безударным *а*, учащиеся нередко делают новые ошибки: пишут букву *о* вместо *а* в соответствии с безударным *а* — *трова*, *сторик*, *довай*. Эти ошибки, как и написания с *а* вместо *о*, свидетельствуют об акающем говоре учащихся.

Здесь нет возможности анализировать возможные типы ошибок учащихся.

Но надо иметь в виду, что ошибки учащихся против норм литературного языка (и не только орфографические) бывают весьма различны в условиях разного диалектного окружения. Приведенные примеры имеют целью лишь показать, сколь важно знакомство с основными фактами диалектологии для учителя родного языка.

Данные диалектологии весьма полезны во всех тех случаях, когда речь идет о привитии навыков орфоэпии, т. е. произношения, соответствующего нормам литературного языка, а также других сторон литературного языка — норм морфологических, синтаксических, лексических. Важное значение здесь приобретает работа над привитием норм русского ударения — все равно касается ли это ударения в отдельных словах (ср. *туча*, *засуха*, *свёкла* и диалектные *туча*, *засуха*, *свекла*) или определенных категориях (ср. *за ногу*, *на гору*,

на сторону и т. д. и нелитературные или диалектные *за нóгу, на гóру, на стóрону; за ногóу, на горóу, на сторóну*; или: *была́, спа-ла́, далá, взяла́* и т. д. и нелитературные диалектные *бýла, спáла, дáла, взýла* и т. д.).

Привитие навыков орфоэпии и вообще норм литературного языка, являющееся одной из важных обязанностей школы и учителя русского языка, в то же время имеет значительно более широкое значение — для сцены и эстрады, для звукового кино, для радиовещания. Наконец, при всеобщем росте культуры народа в нашей стране нормы литературного языка и, в частности, его произносительные нормы — орфоэпия — все больше и больше становятся необходимыми для каждого культурного советского человека.

Диалектология имеет известное значение также для литературоведа и преподавателя литературы. Дело в том, что между литературным языком и говорами существует тесное взаимодействие: народные говоры в течение веков питали и питают литературный язык; в то же время литературный язык оказывал и теперь оказывает все более мощное влияние на них. В художественном произведении нередко в определенных стилистических целях употребляются те или иные особенности диалектов (так называемые диалектизмы). Особенно много бывает их в речи действующих лиц, в диалогах, но некоторые авторы пользуются ими в стилистических целях и в авторской речи (например, в так называемом сказе).

Диалектизмами в большей или меньшей степени пользовались Тургенев (в „Записках охотника“), Л. Толстой (например, во „Власти тьмы“), Лесков (во многих произведениях), Короленко (в ряде произведений, см., например, очерк „Река играет“, где довольно точно воспроизводится ветлужский говор), Мельников-Печерский (во многих произведениях), Мамин-Сибиряк и др. Из наших советских писателей диалектизмами нередко пользуется, например, М. Горький (во многих произведениях; см., например, сборник „По Руси“) и Шолохов, в обоих романах которого („Тихий Дон“ и „Поднятая целина“) широко представлены различные особенности донских говоров.

Чтобы правильно понять диалектные элементы в составе языка художественного произведения и оценить их стилистическую роль, естественно, требуется знакомство с данными диалектологии.

Диалекты и национальные языки в историческом развитии.

§ 11. Развитие языка вообще, как явления социального, обусловлено развитием общества. Точно так же развитием общества обусловлено развитие диалектов и национальных языков. Известные нам диалекты и национальные языки являются историческими категориями. Это значит, что они не всегда существовали, что они принимали разные формы в различных общественно-экономических условиях, что закономерности их развития обусловлены закономерностями развития общества.

Закономерности развития общества в эпоху разных сменяющих друг друга общественно-экономических формаций, как известно, весьма различны: они одни для доклассового общества, эпохи родового

стройка, другие — для классового общества; они весьма различны в различных формациях классового общества — рабовладельческого, феодального, капиталистического, при этом неодинаковы и в разные периоды развития каждой из этих общественно-экономических формаций. Качественно новые общественные отношения возникают в эпоху социализма.

Различные закономерности общественного развития в эпоху разных общественно-экономических формаций вызывают качественно различные закономерности языкового развития. Одни эпохи вызывают по преимуществу дробление языка, образование множества близких друг к другу диалектов; в другие эпохи, напротив, происходит объединение, концентрация этих диалектов в больших или меньших масштабах. В соответствии с этим в одни эпохи по преимуществу возникают диалектные различия, а в другие происходит нивелировка, сглаживание, объединение диалектов. Весьма часто одновременно имеют место оба эти процесса: в одних, более узких, пределах происходит объединение диалектов, а в других, более широких, напротив, — дальнейшее их расхождение, выработка новых диалектных различий.

При одних условиях диалекты являются категорией продуктивной, т. е. они вызываются к жизни существующими в данную эпоху общественно-экономическими отношениями; при других условиях они, напротив, являются категорией реликтовой, пережиточной, деградирующей, т. е. такой, которая не вызывается к жизни существующими в данную эпоху общественно-экономическими отношениями, а наоборот, продолжает еще существовать, несмотря на наличие в эту эпоху уже других общественно-экономических отношений, нивелирующих диалектные различия, способствующих объединению диалектов. Таким образом, в этих последних условиях диалекты существуют потому, что новые общественно-экономические отношения еще не успели полностью или в меру своих возможностей нивелировать их. Перед нами в этом случае одно из частных проявлений отставания надстройки от базиса: диалекты, как категория надстроечная, в своем развитии отстают от развития общественно-экономических отношений и часто не вполне соответствуют им. Таковы, например, диалекты в эпоху капитализма, не говоря уже об эпохе социализма: капиталистические отношения сами по себе вообще не вызывают к жизни развития диалектов, и если последние существуют в капиталистическом обществе, то только благодаря ранее господствовавшим феодальным отношениям. Тем более не вызывает к жизни новых диалектов социалистическое общество; в эпоху социализма процесс нивелировки диалектов особенно усиливается и литературный язык постепенно становится достоянием всей нации; и если в наши дни, в эпоху социализма, еще существуют диалекты, пусть находящиеся в стадии деградации, то это потому, что жизнь языка, в особенности развитие его фонетического и грамматического строя, нередко отстает от развития общественно-экономических отношений: научный анализ показывает, что современные диалектные

различия в значительной своей части восходят, как пережитки, к разным периодам эпохи феодализма, а частично даже к еще более ранней эпохе племенных отношений.

Таким образом, территориальные диалекты или территориальное распределение диалектных черт обусловлено социально-экономической и политической историей общества на определенной территории. В соответствии с этим в одних исторических условиях они характеризуют язык почти всего населения данной территории (таковы диалекты в эпоху феодальной раздробленности); в других исторических условиях, по мере развития национального языка и постепенного перехода господствующего класса и близких к нему групп на литературный язык, диалекты, сохраняя свой территориальный характер, приобретают все более ярко выраженную классовую окраску, становясь на данной территории лишь достоянием крестьянства (таковы, например, диалекты в эпоху капитализма).

Если современные диалекты не всегда существовали, то это еще в большей мере относится к национальным языкам — категории весьма позднего времени. Национальный язык является одним из признаков нации, а нация, как известно, складывается в процессе ликвидации феодализма и развития капитализма.

Итак, окончательное формирование национальных языков относится к эпохе капитализма, буржуазному обществу. Однако общность языка, служившая основой для образования национального языка, обычно складывается в течение длительного периода; нередко задолго до эпохи победы капитализма над феодализмом.

В эпоху капитализма в связи с сложной социально-классовой дифференциацией общества — наличием многочисленного класса крестьянства, его социальным расслоением, развитием пролетариата, наличием мелкой буржуазии и городского мещанства — имеет место весьма сложная дифференциация языковая.

§ 12. В эпоху родового строя в его начальной стадии люди живут сравнительно небольшими обособленными группами. Крупных объединений еще нет. Основной единицей этого общественного строя является племя. Каждое племя имеет свой диалект, и в то же время каждое племя является единым по языку. Ф. Энгельс по этому поводу пишет, что „в действительности племя и диалект по существу совпадают“¹. Развитие племени обуславливает собой и развитие племенного диалекта. Основным процессом в развитии племен является их непрерывное разделение, распадение: племя по мере роста населения и территориального расхождения распадается на части, каждая из которых сама становится племенем. Так образуются родственные племена. В результате разделения племени разделяется и племенной диалект — образуются родственные диалекты. Этот процесс Ф. Энгельс характеризует как „новообразование племен и диалектов путем разделения“².

¹ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, ОГИЗ, 1948, стр. 104.

² Там же.

Таким образом, в эпоху родового строя в соответствии с членением общества на родственные племена наблюдается большое количество родственных, близких между собой племенных диалектов. Степень близости их между собой может быть неодинаковой: она обусловлена степенью близости между собой соответствующих племен.

В дальнейшем, в связи с процессами разложения родового строя, возникают союзы родственных племен. В связи с образованием союзов родственных племен происходит и объединение родственных племенных диалектов, вошедших в состав каждого из таких союзов. Так образуется противопоставление языка диалектам¹: язык племенных союзов и диалекты отдельных племен. В одних случаях племенные диалекты могли полностью раствориться в едином языке союза племен, или иначе диалекте, если иметь в виду язык других союзов племен; в других случаях они могли частично сохранить свои особенности.

Таким образом, еще в эпоху доклассового общества мы констатировали как процесс распада, дифференциации, в результате которого образовалось большое количество родственных племенных диалектов, так и, напротив, процесс объединения их в языке (или диалекте) союза родственных племен.

Распадение и объединение близко родственных диалектов является едва ли не основным процессом рассматриваемой эпохи.

Союзы племен могли охватывать и неродственные, иноязычные племена. Такое объединение разноязычных племен не могло не приводить к смешению и скрещению племен, а вместе с этим к образованию смешанных, скрещенных диалектов. Этот фактор — скрещивание — наряду с распадом и объединением близко родственных диалектов является весьма важной причиной образования диалектных различий.

В эпоху разложения родового строя и перехода к классовому обществу могут иметь место и более крупные общественные объединения из нескольких союзов родственных племен, которые приводят к образованию народностей. Следствием образования народностей является объединение диалектов вошедших в их состав племенных союзов. Впрочем, полного объединения могло и не быть: развившиеся в более раннюю эпоху диалектные различия частично могли сохраняться.

§ 13. С развитием классового общества укрупняются человеческие коллективы. Образуются государства, нередко объединяющие не только родственные племена и их союзы, но также и неродственные иноязычные племена. Происходят новые этнические и языковые объединения, перекрывающие старые. Вместе с этим усложняются и функции языка как орудия общения: он начинает служить не только

¹ Впрочем, надо иметь в виду относительность термина „язык“ в историческом языкознании: язык союза родственных племен можно назвать и диалектом, если иметь в виду этот язык в его отношении к языку других родственных племенных союзов. Однако противопоставление языка и диалекта в пределах союза родственных племен остается в силе.

для непосредственного и единичного общения, но и для общения в пространстве и времени. Тем самым устанавливается различие между обиходной речью и письменным литературным языком.

В эпоху феодализма нередко в качестве письменного языка употреблялся язык мертвый или чужой (ср. латинский язык в Западной Европе, арабский и персидский на Ближнем Востоке). В значительно лучшем положении была древняя Русь. Правда, после принятия христианства в качестве письменного языка преобладающим стал у нас язык церковнославянский. Но, во-первых, наряду с ним у нас издавна, повидимому, существовал свой чисто русский литературный язык; во-вторых, церковнославянский язык, основанный на одном из близкородственных славянских диалектов (древнеболгарском), был весьма близок древнерусскому языку и быстро русифицировался. Взаимодействие церковнославянского (а через него и элементов византийской культуры) с русским оказалось весьма плодотворным для развития русского литературного языка и способствовало обогащению последнего многими выразительными средствами, в особенности в области лексики и словообразования.

Эпоха феодализма характеризуется образованием на территории племен и племенных союзов большого количества феодальных земель-государств. В условиях натурального хозяйства и мелкого товарного производства характерна большая или меньшая обособленность в развитии каждого из этих феодальных земель-государств. Связи между отдельными феодальными землями нередко бывали слабы и случайны. Широкие объединительные тенденции отсутствовали. Это вело к экономической и политической разобщенности отдельных областей, соответствующих разным феодальным землям.

Территориальная разобщенность феодальных земель-государств в течение длительного времени могла привести в свою очередь к образованию территориальных диалектов, соответствующих отдельным феодальным государствам.

Для развития диалектов в эпоху феодализма характерны два процесса: при наличии между феодальными землями-государствами более или менее устойчивых границ в течение длительного периода происходит обособление территориальных диалектов каждой из этих земель-государств: между ними и развиваются все новые и новые диалектные различия. Родственные диалекты всё более отходят друг от друга. Иной процесс происходит внутри отдельных феодальных земель-государств. Последние образовались на территории диалектов племен и племенных союзов более ранней эпохи. При этом не всегда территория феодального государства совпадала с территорией племени или союза племен. Феодальное государство могло занимать территорию нескольких племен и племенных союзов; территория одного племени или племенного союза могла оказаться поделенной между разными феодальными государствами и т. д. Поэтому феодальное государство при своем возникновении часто бывало не единым по своим диалектам: в нем нередко сохранялись в качестве пережитка диалекты предшествующего, родоплеменного строя общества.

Однако в дальнейшем своем развитии, именно благодаря обособленности разных феодальных государств-земель друг от друга и, напротив, тесным экономическим, политическим и культурным связям внутри отдельного феодального государства, феодальное государство на всей своей территории вырабатывает более или менее единый территориальный диалект.

Вообще нарушение политических и экономических связей населения с течением времени может повести к нарушению общности языковой жизни, к появлению на территории каждой обособившейся группы населения своих местных, только ей присущих диалектных особенностей; напротив, установление таких связей между ранее обособленными местностями приводит к стиранию диалектных особенностей и способствует распространению языковых новообразований на всей политически и экономически объединенной территории. Поэтому теоретически возникновение диалектной черты, свойственной только данной местности, следует относить к эпохе, когда местность эта от других была обособлена, а возникновение диалектной черты, распространенной на более обширной территории — к такой эпохе, когда эта территория представляла известное экономическое и политическое единство, благоприятствовавшее взаимообщению населения.

Эпоха феодализма, таким образом, вообще характеризуется, с одной стороны, объединением, унификацией диалектов старшей формации внутри отдельного феодального государственного образования и выработкой единого территориального диалекта этого государства, с другой стороны, — все большим обособлением территориальных диалектов разных феодальных государств, все большим расхождением этих диалектов, развитием новых диалектных особенностей, различных на территории разных феодальных государств-земель. Этнические смешения разноязычного населения и скрещение диалектов и в эту эпоху имели большое значение.

Именно в эпоху феодальной раздробленности сложились и закрепились на определенных территориях многие из наблюдаемых ныне диалектных особенностей. Границы многих диалектных особенностей ряда языков совпадают с границами соответствующих феодальных областей или приближаются к ним.

Однако феодализм принимал весьма различные формы в разных странах. Например, в средневековой Германии он развивался иначе, чем во Франции; особые своеобразные формы он принял у нас на Руси. Кроме того, весьма отличаются друг от друга разные периоды в развитии феодализма — ранний феодализм, эпоха феодальной раздробленности, более поздние периоды, которые характеризуются ростом городов, усилением буржуазных элементов, часто образованием крупных централизованных государств. В соответствии со всем этим языковое развитие эпохи феодализма принимает весьма многообразные формы в разных странах и в разные периоды феодализма. В одних случаях в течение столетий сохранялись более или менее неизменные границы феодальных государств; естественно,

что за такой длительный срок успевали выработаться и более или менее четкие границы диалектных явлений. В других случаях границы того или иного феодального государства постепенно раздвигались благодаря территориальным присоединениям. В этом случае можно ожидать последовательного, ступенчатого распределения границ диалектных явлений. В третьих случаях границы между феодальными государствами не были устойчивыми — они часто менялись то в одну, то в другую сторону, так что одна и та же территория оказывалась то в пределах одного государства, то другого; это не могло не сказаться и на отсутствии четких языковых границ.

Во многих случаях в эпоху феодализма представителями данного народа колонизовались новые территории, до того времени или вовсе не заселенные или заселенные другим, иноязычным народом. Развитие диалектов на вновь колонизируемых территориях принимает весьма своеобразные формы в зависимости от конкретных исторических условий. При колонизации территории, ранее в большей или меньшей степени заселенной иным народом, нередко происходят разного рода межъязыковые смешения, которые могут порождать новые диалектные различия.

В эпоху образования крупных централизованных феодальных государств, роста городов, усиления торговли происходит образование общего делового, административного языка, который затем при образовании национального языка в связи с переходом к капитализму станет одной из основ литературного языка.

Характерной особенностью языкового развития эпохи феодализма является то, что территориальный диалект феодального государства является языком не одной какой-либо социальной группы феодального общества, в частности эксплуатируемого класса — крестьянства, а до известной степени языком всего населения на данной территории. Территориальный диалект эпохи феодализма — это прежде всего единица территориальная, обусловленная социально-экономической и политической историей феодального общества: она объединяла значительную часть населения в пределах данной феодальной области, земли или княжества. Поэтому не только в XVIII, но и в XIX в. русское поместное дворянство нередко сохраняло яркие местные диалектные черты. Это не значит, конечно, что в эпоху феодализма не было социально-классовой дифференциации языка — она безусловно была, но затрагивала главным образом лексику: словарь языка господствующих классов и крестьянства в связи с различиями их в быте, в материальной и духовной культуре имел существенные различия. Различия в фонетико-грамматическом строе языка крестьянства и господствующего класса на той или иной территории были менее заметны.

Однако в дальнейшем, в эпоху капитализма, территориальные диалекты приобретают все более ярко выраженную социально-классовую окраску: они характеризуют язык эксплуатируемого класса, прежде всего крестьянства. Для эпохи капитализма территориальные диалекты одновременно являются крестьянскими диалектами.

§ 14. При переходе от феодализма к капитализму образуются нации. „Нация, — говорит И. В. Сталин, — является не просто исторической категорией, а исторической категорией определенной эпохи, эпохи подымающегося капитализма. Процесс ликвидации феодализма и развития капитализма является в то же время процессом складывания людей в нации“¹. Как известно, общность языка является одним из основных признаков нации: „Нация, — по определению И. В. Сталина, — есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры“². Вместе с нациями окончательно формируются национальные языки в качестве одного из существенных их признаков, поскольку, как указывает И. В. Сталин, „национальная общность немыслима без общего языка“³.

Языковая общность, являющаяся предпосылкой образования национального языка представляет собой результат длительного развития. Разложение феодальных отношений, рост городов, развитие торговли и промышленности, объединение мелких феодальных областей в крупные государства, в особенности с централизованным управлением, приводит к значительному развитию связей между различными, ранее обособленными, областями. Все это способствует образованию в пределах данного государства общего делового и административного языка и на его базе основных особенностей общего народно-разговорного языка. Последние затем в эпоху господства капиталистических отношений явятся важнейшими составными элементами национального языка. Таковыми были по отношению к русскому национальному языку деловой, приказный язык Московского государства XVI—XVII вв., а также русский народно-разговорный язык, сформировавшийся на основе московского говора.

Национальный язык в его литературной форме стремится преодолеть диалектную раздробленность, доставшуюся ему в наследство от прошлого. Он служит орудием общей национальной культуры. Таким образом, речь идет, говоря словами Маркса и Энгельса, о „концентрации диалектов в единый национальный язык, обусловленной экономической и политической концентрацией“⁴.

„Во всем мире, — писал В. И. Ленин, — эпоха окончательной победы капитализма над феодализмом была связана с национальными движениями. Экономическая основа этих движений состоит в том, что для полной победы товарного производства необходимо завоевание внутреннего рынка буржуазией, необходимо государственное сплочение территорий с населением, говорящим на одном языке, при устранении всяких препятствий развитию этого языка и закреплению его в литературе. Язык есть важнейшее средство человеческого общения; единство языка и беспрепятственное развитие есть одно из

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 2, стр. 303.

² Там же, стр. 296.

³ Там же, стр. 293.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Немецкая идеология, Соч., т. IV, стр. 414.

важнейших условий действительно свободного и широкого, соответствующего современному капитализму, торгового оборота, свободной и широкой группировки населения по всем отдельным классам, наконец — условие тесной связи рынка со всяким и каждым хозяином или хозяйчиком, продавцом и покупателем¹.

Пути образования наций бывают весьма различны в зависимости от конкретных исторических условий, от времени перехода к капитализму. В Западной Европе нации образовались в процессе ликвидации феодализма и развития капитализма. „Англичане, французы, германцы, итальянцы и прочие сложились в нации при победоносном шествии торжествующего над феодальной раздробленностью капитализма“, — пишет И. В. Сталин². „Но образование наций означало там вместе с тем превращение их в самостоятельные национальные государства“, — читаем там же.

Иначе протекало национальное развитие у тех народов, которые в эпоху феодализма утратили свою политическую самостоятельность и в эпоху образования наций вошли в состав образовавшихся крупных государств в качестве народов, подчиненных господствующему народу. Такими многонациональными государствами являлись на Востоке в XIX в. Россия, Австро-Венгрия и Турция.

„В то время как на Западе, — пишет И. В. Сталин, — нации развились в государства, на Востоке сложились межнациональные государства, состоящие из нескольких национальностей. Таковы Австро-Венгрия, Россия. В Австрии наиболее развитыми в политическом отношении оказались немцы — они и взяли на себя дело объединения австрийских национальностей в государство. В Венгрии наиболее приспособленными к государственной организованности оказались мадьяры — ядро венгерских национальностей, они же объединители Венгрии. В России роль объединителя национальностей взяли на себя великороссы, имевшие во главе исторически сложившуюся сильную и организованную дворянскую военную бюрократию“³.

„Этот своеобразный способ образования государств, — пишет далее И. В. Сталин, — мог иметь место лишь в условиях неликвидированного еще феодализма, в условиях слабо развитого капитализма, когда оттертые на задний план национальности не успели еще консолидироваться экономически в целостные нации“⁴.

При таком способе образования государств рано сказываются противоречия между господствующей национальностью, носительницей государственности, и национальностями, „оттертыми на задний план“, занимающими более или менее подчиненное положение. В этих условиях начинаются национально-освободительные движения, охватывающие Восточную Европу в конце XVIII и в течение XIX в.

¹ В. И. Ленин, О праве наций на самоопределение, Соч., т. XVII, стр. 428.

² И. В. Сталин, Соч., т. 2, 1946, стр. 303.

³ Там же, стр. 303—304.

⁴ Там же, стр. 304.

В результате этих движений складываются в нации поляки и чехи, болгары и сербы, греки, латыши и литовцы, финны, эсты, украинцы и белорусы, армяне и грузины.

По поводу буржуазных национально-освободительных движений товарищ Сталин пишет: „Борьба началась и разгорелась, собственно, не между нациями в целом, а между господствующими классами командующих и оттесненных наций. Борьбу ведут обыкновенно или городская мелкая буржуазия угнетенной нации против крупной буржуазии командующей нации (чехи и немцы), или сельская буржуазия угнетенной нации против помещиков господствующей нации (украинцы в Польше), или вся „национальная“ буржуазия угнетенных наций против правящего дворянства командующей нации (Польша, Литва, Украина в России). Буржуазия — главное действующее лицо“¹.

Борьба за экономическое и политическое равноправие, за полную национальную и политическую самостоятельность при буржуазных национально-освободительных движениях всегда бывает сопряжена с борьбой за развитие собственной национальной культуры и прежде всего собственного национального языка, как орудия этой культуры, как средства национального объединения.

Развитие национальных языков в условиях буржуазного национально-освободительного движения принимает весьма многообразные формы в зависимости от места и времени, от социально-экономического и культурного уровня данной нации, от наличия или отсутствия в предшествующую эпоху своего письменного языка на базе одного из диалектов, от степени антагонизма с господствующей нацией и т. д.

§ 15. Язык нации в эпоху капитализма представляет собой весьма сложное целое: он включает в себя литературный язык, народно-разговорный язык, сформировавшийся на базе взаимодействия диалектов между собой, а также диалектов и литературного языка, и, наконец, всю совокупность местных диалектов.

Литературный язык, несмотря на весь свой сложный состав, уходит всеми своими корнями в толщу народного языка, создается на почве народного языка и вместе с тем, сформировавшись, он оказывает все более и более мощное воздействие на народный язык, на его местные диалекты.

Как было уже отмечено выше (см. § 13), в эпоху капитализма происходит весьма важный функциональный социально-классовый сдвиг старых территориальных диалектов: поскольку литературный язык в эту эпоху является по преимуществу достоянием господствующего класса и примыкающих к нему групп, местные диалекты, сохраняя свой территориальный характер, вместе с тем приобретают ярко выраженный классовый характер: они становятся по преимуществу языком эксплуатируемого класса — крестьянства.

Вообще для капиталистического общества характерна сложная социально-классовая дифференциация языка: территориальные диа-

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 2, 1946, стр. 305.

лекты, как было только что указано, становятся достоянием крестьянства; литературным языком по преимуществу пользуются господствующие классы и близкие к ним группы; промежуточное положение занимает мелкая буржуазия и мещанство, которые в условиях жизни в маленьких городах и в крестьянском диалектном окружении нередко сохраняют многие местные особенности, частью на базе местных диалектов образуют своеобразные мещанские диалекты, частью — по мере приобщения к общенациональной культуре — усваивают основные нормы литературного языка.

Своеобразное положение по своему языковому развитию занимает пролетариат: рекрутируемые главным образом из крестьянства, рабочие приносят в города на фабрики и заводы свои местные диалектные особенности. В условиях производства и городской жизни, для которых характерно междиалектное смешение и смешение диалектов с общегородским просторечием, элементы местных диалектов в языке рабочих довольно быстро сглаживаются — бывшие носители диалектов переходят на общегородской разговорный язык. В дальнейшем по мере роста классового самосознания рабочего класса и приобщения его передовых кругов к общенациональной культуре происходит постепенное овладение пролетариатом литературным языком.

Язык разных общественных классов и групп, кроме различий в фонетико-грамматическом строе, отличается своеобразным развитием разных сторон лексики, своеобразной семантикой многих слов, в том числе и общих для всего данного языка.

Функциональные изменения территориального диалекта в эпоху капитализма заключаются в том, что из почти общего орудия общения в пределах данного общества, каким диалекты были при феодализме, они постепенно превращаются в средство лишь частных и ограниченных видов обиходно-бытового и производственного общения в пределах семьи и среди жителей-крестьян данной местности.

Капиталистическое развитие в связи с его всеобщностью имеет тенденцию полностью унифицировать язык нации, способствовать полной нивелировке диалектов, их ликвидации и переходу вчерашних носителей диалекта на нормы литературного языка. Однако в силу противоречий, заложенных в системе капитализма, неравномерности в проникновении капиталистических отношений в разные районы страны, неспособности капитализма преодолеть противоречие между городом и деревней эта тенденция остается неосуществленной: территориальные диалекты в значительной мере продолжают сохраняться.

Влиянием литературного языка диалекты охватываются очень неравномерно и по преимуществу в районах, экономически и культурно тяготеющих к крупным центрам. Школа и просвещение в виду их ограниченного распространения среди крестьянства в эпоху капитализма также оказывают лишь ограниченное влияние. Благодаря всему этому территориальные диалекты в эпоху капитализма не только в значительной мере сохраняются, но при благоприятных обстоя-

тельстввах частью могут еще развиваться, вырабатывая иной раз новые диалектные отличия, например на периферии распространения данного языка, в наиболее удаленных от культурных центров районах и т. д.

Таким образом, языковое развитие в эпоху капитализма характеризуется: 1) сложным составом языка нации; 2) стремлением литературного языка вытеснить собою территориальные диалекты, в связи с этим известной деградацией, нивелировкой территориальных диалектов, которые в более чистом виде сохраняются в областях, менее проникнутых капиталистическими отношениями; 3) низведением территориальных диалектов до уровня семейного и обиходно-бытового языка эксплуатируемого класса — крестьянства и вообще наиболее отсталой части населения данной местности; 4) значительной социально-классовой дифференциацией языка, особенно широкой по сравнению с прошлыми эпохами; 5) дифференциацией языка по профессиональному признаку — развитием профессиональной и вообще специальной лексики; 6) наконец, в связи со всем вышесказанным — значительным развитием двуязычия: носители диалекта часто владеют наряду с системой местного диалекта в той или иной мере также системой литературного языка.

§ 16. Октябрьская социалистическая революция открыла новую эру в языковом развитии. Эпоха социализма вызвала к жизни качественно новые процессы в жизни языков на территории многонациональной бывшей Российской империи.

Капиталистический и национальный гнет в царской России, как известно, проявлялся „в его наиболее бесчеловечной и варварской форме“ (Сталин). Национальный гнет выступал, между прочим, с особой силой по отношению к родным языкам многочисленных народов, населявших царскую Россию. Русский язык был обязательным государственным языком. „Все дела в учреждениях, в судах велись на русском языке. Было запрещено издавать газеты и книги на национальных языках, в школах запрещалось обучаться на родном языке. Царское правительство стремилось задуть всякое проявление национальной культуры, проводило политику насильственного „обрусения“ нерусских национальностей. Царизм выступал в качестве палача и мучителя нерусских народов“¹.

Благодаря такой политике языки многих народностей царской России продолжали оставаться на положении бесписьменных устных диалектов. Другие народы, например азербайджанцы, татары, пользовались арабским алфавитом, недоступным массам. Даже народы, обладавшие многовековой письменной традицией — такие, как армяне и грузины — не имели условий для развития своих родных литературных языков. Не имели их также украинцы и белорусы, которые, как народы, ближайшим образом родственные русскому, не признавались самостоятельными народами; не признавались также и их языки, которые квалифицировались в качестве диалектов русского

¹ История ВКП(б). Краткий курс, стр. 6.

языка. Недаром царскую Россию с полным основанием называли тюрьмой народов.

Великая Октябрьская социалистическая революция „разбила цепи национально-колониального гнета и освободила от него все без исключения угнетенные народы обширного государства“ (С т а л и н)¹. Это вызвало к жизни качественно новые процессы в развитии их языков.

Одним из основных языковых процессов Советского периода является расцвет национальных языков. Это является следствием того, что „период диктатуры пролетариата и строительства социализма в СССР,— как говорил товарищ Сталин на XVI партийном съезде, — есть период *расцвета* национальных культур, социалистических по содержанию и национальных по форме“².

Буржуазные теоретики предполагали, что в случае победы социалистической революции языки более слабых народов будут поглощены языками народов, экономически и политически более сильных. Так, ренегат Каутский, говоря о судьбе национальных языков Центральной Европы в случае победы пролетарской революции, утверждал, например, что чешский язык будет вытеснен немецким. Великая Октябрьская социалистическая революция полностью опровергла эту насквозь шовинистическую теорию. Тридцатилетний опыт нашей страны, имеющий громадное всемирно-историческое значение, показал, что при социализме языки одних народов не только не вытесняются языками других народов, но, напротив, создаются условия для расцвета национальных языков всех народов, больших и малых.

„Если прав Каутский, — говорил товарищ Сталин на том же XVI партийном съезде, — чем объяснить тогда тот факт, что такие сравнительно отсталые национальности, как белоруссы и украинцы, более близкие к великоруссам, чем чехи к немцам, не обрусели в результате победы пролетарской революции в СССР, а, наоборот, возродились и развились, как самостоятельные нации? Чем объяснить, что такие нации, как туркмены, киргизы, узбеки, таджики (не говоря уже о грузинах, армянах, азербайджанцах и т. д.), несмотря на свою отсталость, не только не обрусели в связи с победой социализма в СССР, а, наоборот, возродились и развились в самостоятельные нации?“³

Исключительно велики достижения Советского государства в области развития национальных языков. Большое количество бесписьменных народов получило письменность и успешно развивает свои национальные литературные языки. Бурно развиваются также литературные языки народов, уже имевших свою письменность. Нацио-

¹ И. Сталин, *Международный характер Октябрьской революции*. „Вопросы ленинизма“, 11-е изд., 1939, стр. 177.

² И. Сталин, *Политический отчет Центрального Комитета XVI съезду ВКП(б)*. „Вопросы ленинизма“, 10-е изд., стр. 426.

³ И. Сталин, *Политический отчет Центрального Комитета XVI съезду ВКП(б)*. „Вопросы ленинизма“, 10-е изд., стр. 424.

нальный литературный язык, развиваясь на почве тех или иных диалектов, по мере своего роста и укрепления приводит в движение сами эти диалекты, которые под его влиянием постепенно утрачивают узко диалектные особенности.

Резко изменились в нашей стране роль и место русского языка среди других языков. Как известно, в царской России русский язык служил в руках господствующего класса орудием великодержавного шовинизма, руссификаторской политики. Вот что писал Ленин в 1914 году, критикуя буржуазных либералов, отстаивавших необходимость русского языка как обязательного государственного языка, приобщающего остальные народности к великой культуре русского народа: „Все это верно, господа либералы... Мы лучше вас знаем, что язык Тургенева, Толстого, Добролюбова, Чернышевского — велик и могуч. Мы больше вас хотим, чтобы между угнетенными классами всех без различия наций, населяющих Россию, установилось возможно более тесное общение и братское единство. И мы, разумеется, стоим за то, чтобы каждый житель России имел возможность научиться великому русскому языку. Мы не хотим только одного: элемента *принудительности*... Мы думаем, что великий и могучий русский язык не нуждается в том, чтобы кто бы то ни было должен был изучать его *из-под палки*... Те, кто по условиям своей жизни и работы нуждаются в знании русского языка, научатся ему и без палки“¹.

Советская действительность полностью оправдала слова Ленина. Как известно, в Советском Союзе нет обязательного государственного языка. Но русский язык, естественно, стал языком межнационального общения братского содружества наций, входящих в СССР, — естественно, потому что это язык народа, который возглавил борьбу за свержение власти помещиков и капиталистов и установление диктатуры пролетариата, за строительство социализма, за победу над немецко-фашистскими захватчиками, потому что это язык народа, создавшего величайшую мировую культуру и литературу. Трудящиеся всех национальностей Советского Союза свободно и добровольно изучают русский язык, тем самым приобщаясь к культуре великого русского народа и обогащая свою национальную культуру, свою литературу, свой родной язык. Изучение русского языка в немалой степени содействовало развитию культуры народов СССР, национальной по форме, социалистической по содержанию.

Новые языковые процессы стали переживать и говоры русского языка после Октябрьской социалистической революции. По мере проникновения в деревню новых социалистических отношений, коллективных форм хозяйства, индустриализации, ликвидации неграмотности и повышения культурного и политического уровня масс начинаются бурные процессы разрушения местных диалектов, их нивелировки, утраты наиболее резких диалектных черт, приближения языка колхозного крестьянства к нормам литературного языка и овладения этими последними.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. XVII, стр. 180.

Как известно, процессы нивелировки диалектов начались еще в эпоху капитализма (см. выше § 14). Но в силу противоречий, присущих капиталистическому обществу, эти тенденции не могли последовательно развиваться. Лишь уничтожение классов, диктатура пролетариата и социалистический строй ведут к ликвидации противоречий между городом и деревней, а вместе с этим и к ликвидации разрыва между диалектами и литературным языком и к постепенной утрате диалектов. В результате этого все представители данной нации приобщаются к нормам литературного языка и последний, действительно, станет общенациональным языком, т. е. языком всей нации.

Как видно из предыдущего изложения, современные национальные языки (в том числе русский) образовались не в результате распада некогда единого языка на ряд современных, как это утверждали младограмматики, а напротив, в результате объединения множества диалектов и языков старшей эпохи. В истории языков, в разных исторических условиях имели место процессы как языкового членения, распада, так и, напротив, языкового объединения. Однако основным в языковом развитии, как это установлено акад. Н. Я. Марром, является объединение диалектов и языков, их развитие от множества к единству.

Образование русского языка.

§ 17. Русский язык в своем развитии пережил те же процессы, которые переживали и другие языки, развивавшиеся в аналогичных общественно-экономических условиях. От древних восточнославянских племенных диалектов эпохи родового строя, через территориальные диалекты древнерусской народности разных периодов развития феодализма к образованию современных национальных восточнославянских языков — таков путь развития русского языка, пройденный им в связи с отчасти параллельными процессами образования ближайшим образом родственных украинского и белорусского языков.

Летопись сохранила нам названия древних восточнославянских племен. Это поляне, древляне, дреговичи, кривичи, словене, северяне, радимичи, вятичи и др.

Поляне сидели в районе Киева по обоим берегам Днепра. Древляне жили на севере от полян в лесах („древляне, зане сѣдоша въ лѣсѣхъ“). Их города — Искоростень и Вручии (современные города Коростень и Овруч на севере Житомирской области). Дреговичи занимали обширные болотистые пространства на север от Припяти. Кривичи сидели в верховьях Днепра, Западной Двины и Волги („кривичи, иже сѣдять на верхъ Волги, и на верхъ Двины, и на верхъ Днепра, ихъ же градъ есть Смоленскъ“); кроме Смоленска, кривичскими городами являлись Полоцк, где жили полочане, разновидность кривичей („нарекошася полочане, рѣчькы ради, яже втечь въ Двину“).

имянем Полоту“), а также Псков и Изборск¹; кривичи далеко распространились на восток в области Ростова и Суздаля. Словене жили на север от кривичей в районе озера Ильмень с центром в Новгороде. На восток и северо-восток от полян по Десне, Сейму и Суле жили северяне. На северо-востоке от них по р. Сожу жили радимичи. На восток от радимичей и северян по Оке (кроме низовьев) жили вятичи. Наконец, на юге от полян по Бугу и Днестру сидели бужане, уличи и тиверцы.

Можно думать, что летопись сохранила не все племенные названия восточных славян. Далее, судя по обширности территории, занимаемой некоторыми из летописных племен, можно полагать, что перед нами не всегда племена в собственном смысле слова, а, скорее, племенные союзы или союзы родственных племен.

Каждое из перечисленных племен или племенных союзов имело свой диалект, близкий к диалекту других племен, но имевший те или другие отличительные особенности. В силу неустойчивости племени как общественного образования (благодаря процессам распада и объединения племен), их недостаточно крепкой связи с определенной территорией можно думать, что древнейшие племенные диалекты восточных славян были весьма пестры в территориальном распределении своих особенностей. Эта пестрота еще более усиливалась межъязыковым смещением — скрещением разных языков, имевшим большое значение в образовании диалектных различий. Современная наука не может еще восстановить во всей конкретности эти диалекты, так как они в значительной степени перекрыты позднейшими языковыми процессами, диалектами более поздней формации. Однако можно думать, что уже в довольно раннюю эпоху большая часть древних восточнославянских диалектов (может быть, все, кроме диалектов словен и кривичей) развила изменение *г* в *γ* (*γусь* вместо *гусь*). С другой стороны, в говорах словен и большей части кривичей звуки *ц* и *ч* заменились одним звуком *ц* — появилось цоканье, образовавшееся в связи с межъязыковым смещением славян и финских племен. Часть кривичей, занимавшая восточную часть территории распространения этого племени, не развила цоканья и характеризовалась, таким образом, *г* взрывным и различием *ц* и *ч*.

§ 18. С переходом к классовому обществу, образованием Киевского государства, объединившего все восточнославянские земли, начинаются объединительные процессы и в языковом развитии: появляются черты, охватывающие все или почти все восточнославянские диалекты. Однако связь между отдельными частями Киевского государства не могла быть особенно прочной. Поэтому значительная часть старых диалектных различий сохранялась.

Развитие новых диалектных различий заметно усиливается в связи с периодом упадка Киевского государства, в связи с его ослаблением, децентрализацией, усилением областных тенденций.

¹ Впрочем, Псков и Изборск находились уже на границе с территорией ильменских словен.

Ослабление Киевского государства было связано с обособлением земель, с образованием новых, на этот раз местных центров, с общей передвижкой исторической жизни древней Руси на север, северо-восток, северо-запад, запад. Эти процессы не могли не привести к развитию новых диалектных различий, соответствовавших нарастающим областям и землям.

При этом надо иметь в виду, что переход к классовому обществу характеризовался „территориальным делением, идущим на смену племенному“ (акад. Б. Д. Греков). Он был связан с установлением более крепкой связи населения с землей, с его концентрацией вокруг городов, выросших на территории отдельных племен. Однако надо иметь в виду, что территории отдельных племен редко полностью совпадали с формирующимися областями и землями.

Правда, территория, например, ильменских словен в общем совпадает с территорией Новгородской земли. Но типичнее случаи, когда старая, племенная территория по частям оказывается в составе разных земель или когда формирующаяся область включает в себя территории нескольких племен. Так, например, на территории кривичей формируются Смоленское и Полоцкое княжества с их весьма близкими друг к другу говорами и, с другой стороны, Псковская земля с ее весьма отличным от первых и своеобразным говором. Примером образования диалекта области на почве объединения старых племенных диалектов может служить Ростовско-Суздальская Русь: население этой земли составили, главным образом, племена кривичей, а также словен, частично вятичей.

Таким образом, новые диалектные черты, появляющиеся на территориях формирующихся областей и земель, наслаиваются на старые диалектные черты, соответствовавшие племенным территориям. В эту и последующие эпохи также продолжают интенсивные процессы языкового смешения, ведущие к образованию новых диалектных различий.

Уже в домонгольскую эпоху достаточно четко выделяются говоры новгородский, галицко-волинский, смоленско-полоцкий; менее четко — киевский, ростово-суздальский. К этому времени сформировался безусловно и говор Пскова, о котором мы можем судить по памятникам XIV—XV вв. Письменные памятники не дают данных для суждения о говорах Рязанской земли, но можно быть уверенным, что и здесь в XIII в. появились свои характерные диалектные особенности.

Несмотря на все диалектное многообразие этого периода, к этому времени уже довольно четко намечаются языковые особенности, которые в дальнейшем станут характерными признаками украинского и русского языков. Слабее выделяется в это время белорусская зона, так как наиболее характерные особенности белорусского языка относятся к эпохе несколько более поздней.

Монгольское нашествие привело к дальнейшему усилению областного членения, к усилению феодальной раздробленности. Однако, борьба с монгольским игом, с одной стороны, и немецкой агрессией, с другой — вскоре приводит и к обратным объединитель-

ным процессам на северо-востоке, в пределах Ростовско-Суздальской земли и на западе, Литовском великом княжестве. В первом из них накапливаются черты „великорусские“, во втором — украинско-белорусские.

§ 19. Условия исторического процесса восточных славян в этот и последующие периоды были таковы, что вместо языкового единства русской народности в его диалектном многообразии, характерного для старшей эпохи, на разных территориях постепенно начинается складываться своя общность языка, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры. Иными словами, складываются русский, украинский и белорусский народы как нации и вместе с этим соответствующие национальные языки.

История всех восточных славян протекала в условиях тесной взаимной связи. Поэтому и процесс формирования русского национального языка не может быть рассмотрен вне связи с параллельными процессами образования украинского и белорусского языков. Особенно тесны исторические связи русского и белорусского языков, а также белорусского и украинского.

Истоки русского (великорусского) языка лежат в языковых процессах, имевших место в северо-восточной Руси. Ростовско-Суздальская Русь по праву считается колыбелью русского (великорусского) народа. В политическую систему Ростовско-Суздальской Руси входила и Москва, Московское княжество. Однако окончательное формирование русского (великорусского) народа и русского языка относится к более поздней эпохе возникновения и развития вокруг Москвы Русского государства. Москва объединила весьма разрозненные и обособленные до того времени этнические и диалектные группы, как, например, население Новгородской, Тверской и Псковской земель, с одной стороны, и Рязанской земли, части северских земель, с другой. Это объединение не могло не сказаться в дальнейшей судьбе соответствующих диалектов. В частности, в Русском государстве объединились весьма различные диалекты, продолжением которых являются современные северновеликорусское и южновеликорусское наречия. Удельный вес этих диалектов в разные периоды был неодинаков (об этом см. во 2-ой части наших „Очерков“, в главе „Образование русского языка в его говорах“). В результате жизни этих диалектов в пределах одного Русского государства развились особые средневеликорусские говоры, совмещающие в себе одни характерные черты северновеликорусского наречия с другими, не менее характерными чертами южновеликорусского наречия. Образование средневеликорусских говоров следует считать уже специфически великорусским явлением. В Москве на почве одного из средневеликорусских говоров, именно московского, в XV—XVII вв. сложились основы литературного русского языка.

Перевод столицы в начале XVIII в. в Петербург уже не мог оказать существенного влияния на общий характер русского литературного языка: вновь построенная столица была лишена в своих окрестностях большого компактного населения, последнее к тому же в политическом,

экономическом и культурном отношениях не имело сколько-нибудь заметного значения. С другой стороны, в самой новой столице было смешанное разноречное население, для которого в течение длительного времени московское наречие сохраняло свой образцовый характер (как известно, сам Петр Великий был носителем типичного московского говора своего времени). Таким образом, русский литературный язык сложился на основе московского говора.

Однако в дальнейшем он развивался во взаимодействии со всеми русскими говорами, а также испытал известное воздействие сформировавшегося языка Петербурга.

Примечание. В современной диалектологии наряду с термином „северновеликорусский“, „южновеликорусский“, „средневеликорусский“ приняты также термины севернорусский, южнорусский и среднерусский. Оба ряда этих терминов имеют право на существование. Но с исторической точки зрения удобнее термины первого ряда.

Это связано с тем, что термин „русский“ для историка и историка языка имеет двоякое значение: в применении к более древней эпохе понятие „русский народ“ (народность) или „русский язык“ в этническом и языковом отношении охватывает всех восточных славян: русский народ этой эпохи является предком в равной мере русских, белорусов и украинцев; древнерусский язык — это язык, на почве диалектов которого образовались современные русский, белорусский и украинский языки.

В дальнейшем, с образованием украинского, белорусского и русского (в современном значении) народов как наций и национальных языков, термин „русский язык“ приобретает более узкое значение, указывая на один из восточнославянских народов и языков, а именно русский в современном значении, т. е. великорусский в отличие от белорусского и украинского (см. об этом выше § 19).

Так как в диалектологии все время приходится иметь дело с историей языка, то во избежание двусмысленности и неточного употребления терминов южнорусский, среднерусский и севернорусский удобнее пользоваться терминами южновеликорусский, средневеликорусский, северновеликорусский: каждый из этих терминов однозначен, четко ограничивает объем понятия и притом, что очень важно, в определенной исторической перспективе: указывает на категорию определенной, а именно позднейшей исторической эпохи.

Гласные ударенного слога

**Сильное положение для гласных фонем русского языка
в его говорах.**

§ 20. Состав фонем в разных русских говорах неодинаков. Состав фонем определяется по их сильному положению. Как известно, сильным положением для фонем является такое положение, в котором ее звуковое качество в наименьшей степени обусловлено позицией, где она выступает в своем основном виде и противопоставлена наибольшему количеству других звучаний — фонем. Напротив, слабым положением является такое, в котором звуковое качество фонемы в большей степени обусловлено позицией и в котором — в связи с возможным совпадением некоторых фонем в одном общем варианте — могут различаться не все фонемы.

Для гласных фонем акающих говоров, в частности литературного языка, сильным положением является положение под ударением, где все фонемы различаются, а слабым — положение гласной в безударных слогах, где некоторые гласные фонемы не различаются, совпадая в одном общем варианте. Ср., например, под ударением *о* и *а* при предударном *а* (или *э*) в соответствии как с ударенным *о*, так и ударенным *а*: *палбѣ́'ѣт*, *ла́ска*, но *пѣласка́т'* (*пѣлѣска́т'*) в значении „полоскать белье“ и „полоскать ребенка“; или *бок* и *бак*, но *бач'ок* — уменьшительное как от *бок*, так и от *бак*. Ср. также в акающих говорах *т'ану́*, *н'асу́*, *в-л'асу́*, или *т'ину́*, *н'ису́*, *в-л'ису́* с одинаковым гласным в предударном слоге — вариантом разных гласных фонем — и *т'áнут*, *н'ос*, *л'ѣс* (*л'ес*) с различающимися разными гласными фонемами под ударением.

Можно подумать, что для северновеликорусских говоров положение гласной фонемы по отношению к ударению несущественно, так как при оканье гласные фонемы различаются не только под ударением, но и в безударных слогах. Однако такой взгляд был бы неправилен. Можно указать, например, на то, что фонемы *о* и *ѵ* не только в акающих, но и в окающих говорах различаются только под ударением. Ср., например, *год* и *кѵт*, но *годовъ*, *котѵв* или *гѵдовъ*, *катѵв* с общим вариантом для обеих фонем — *о* в окающих

говорах и *а* в акающих. Фонема *е* также различается только под ударением. Можно указать и на то, что после мягких согласных гласные фонемы неверхнего подъема в 1-ом предударном слоге по северновеликорусским говорам далеко не всюду различаются (*в-л'есу́, н'осу́, т'ану́*) — чаще эти фонемы частично совпадают и могут совпадать даже все: возможно произношение — *в-л'осу́, н'осу́, но т'ану́* (или *т'эну́*); *в-л'есу́, н'есу́, но т'ану́; в-л'есу́, т'эну́, но н'осу́* и т. д. и даже — *в-л'есу́, н'есу́, т'эну́*. Таким образом, не все гласные фонемы обязательно различаются в каждом северновеликорусском говоре даже в 1-ом предударном слоге. Что же касается других безударных слогов, то известно, что многим северновеликорусским говорам (например, Владимирско-Поволжским) свойственны в этих слогах сильная редукция гласных и качественные изменения, приводящие к совпадению некоторых гласных фонем в одном общем варианте. Ср. в таких говорах *сѣдовѣд* и *сѣдовѣз, вѣпѣлу* от „палить“ и от „полоть“, где звук *ѣ* выступает в качестве варианта фонем *о* и *а*.

Все это свидетельствует о том, что фактор ударения для системы гласных фонем северновеликорусских говоров не является безразличным. Правда, в общем, он имеет для них меньшее значение, чем для говоров акающих. Однако его значение, в особенности для некоторых северновеликорусских говоров, все же достаточно велико.

Таким образом, и для северновеликорусских говоров положение гласных фонем в безударных слогах не является сильным положением: в акающих говорах — как и в акающих — сильным положением для гласных фонем является положение под ударением.

§ 21. Однако и это последнее положение не всегда является сильным для вокализма северновеликорусских говоров: здесь вторгается другой, весьма важный для системы гласных северновеликорусских говоров фактор — качество соседних согласных (в особенности твердость или мягкость). Этот фактор имеет известное значение для любого русского говора: после мягких согласных гласные фонемы испытывают большую или меньшую передвижку артикуляции вперед и вверх, в связи с чем они реализуются в своих более передних вариациях. На этом основано различие аканья в собственном смысле слова и яканья в их разновидностях. Особенно значительна эта передвижка в положении между мягкими согласными. Это положение весьма важно в диалектологическом отношении, так как по разным русским говорам в этом положении гласные изменяются не в одинаковой степени, что вносит существенные различия в системы вокализма разных говоров. В литературном языке, в южновеликорусских говорах, в большей части средневеликорусских и части северновеликорусских говоров фонемы *а, о, у* между мягкими согласными выступают в своих передних и передне-средних вариациях *ѣ, ѓ, ѱ*. Однако для значительной части северновеликорусских говоров этот фактор приобретает принципиальное значение, так как благодаря ему формируется специфически севернове-

ликорусская система вокализма: в положении между мягкими согласными некоторые гласные фонемы в значительной части северновеликорусских говоров изменяются так сильно, что совпадают с другими фонемами, выступая, таким образом, в своих вариантах: ср. *п'áтој* — *п'ет'*, *вз'ал*, *вз'эл'и*, *стр'ел'áл*, *стр'ел'эл'и*, *гул'áл* — *гул'э́јут* и т. д. Или: *л'это* — *в-л'йт'е*, *с'ено* — *в-с'ин'е*, *б'елој* — *б'йл'ен'кој*, *в'этра* — *в'йт'ор*, *хл'ѣб* — *хл'ѣбец'*, *в'эра* — *в'ѳрит* и т. д. Что здесь мы имеем дело с вариантами фонем, видно из таких примеров, как *п'ѣл в-хор'е* и *п'ил вóду*, но *п'ѣл'и в-хор'е* и *п'ѣл'и вóду*; *м'ѣра* и *м'ир*, но *по-м'ѳре картóшк'и* и *жѣл'и в-м'ѳре*. Следовательно, для многих северновеликорусских говоров положение под ударением между мягкими согласными является слабым положением. Сильное положение для них можно определить как положение под ударением не между мягкими согласными.

§ 22. Из предыдущего можно сделать следующие выводы: модификации гласных фонем русского языка в его говорах зависят от двух факторов: места гласной по отношению к ударению и качества соседних согласных. Система вокализма акающих говоров определяется главным образом местом гласной по отношению к ударению, а качество соседних согласных является хотя и существенным, но дополнительным фактором. Для окающих говоров, напротив, место гласной по отношению к ударению имеет вообще меньшее значение, хотя все же довольно значительное, но зато для большей части окающих говоров первостепенное значение имеет качество соседних согласных.

Какое же фонетическое положение гласных фонем можно считать сильным по отношению к любому русскому диалекту. Иначе — какое фонетическое положение гласных фонем можно считать абсолютно сильным, т. е. применимым к русскому языку в целом. Абсолютно сильным положением гласных фонем для всех русских говоров является положение под ударением после твердой согласной перед твердой или мягкой или на конце слова (*tat*, *tat'*, *ta*)¹, в абсолютном начале слова перед твердой или мягкой согласной (*at*, *at'*), после мягкой согласной перед твердой и на конце слова (*t'at*, *t'a*), короче — под ударением не между мягкими согласными.

Различия в составе гласных фонем по русским говорам.

§ 23. В значительной части русских говоров, как и в литературном языке, — пять гласных фонем: *и*, *е*, *а*, *о*, *у*. В говорах, где имеются эти фонемы, все они различаются в абсолютно сильном положении — под ударением не между мягкими согласными.

Однако количество гласных фонем по говорам может быть раз-

¹ Здесь и ниже *a* является символом гласной фонемы, а *t* и *t'* символами твердой или мягкой согласной.

личным, в некоторых из них доходя до семи. Неодинакова по говорам и сфера употребления отдельных фонем — большая или меньшая широта их употребления в определенных морфемах.

Различия в составе гласных фонем по говорам объясняются тем, что, кроме устойчивых, стабильных элементов фонетической системы русского языка, имеются также подвижные элементы — соответственные явления, которые по говорам реализуются в разных своих конкретных проявлениях (членах).

Такими подвижными элементами в системе вокализма русского языка в его говорах, точнее — в составе гласных фонем, являются:

1) Наличие под ударением после мягких согласных перед твердыми звука *о* или произнесение в соответствии с *о* в указанном положении звука *е*: *пр'ин'бс*, *б'ер'бза* или *пр'ин'ёс*, *б'ер'ёза* (подробнее об этом см. ниже). С исторической точки зрения — наличие или отсутствие по говорам результата изменения *е* (из старых *е* и *ь*) в *о*.

2) Наличие или отсутствие под ударением после твердых парных согласных и задненебных особой фонемы *ъ* („*о* закрытое“) или *ѓ* в отличие от фонемы *о* („*о* открытого“). С исторической точки зрения — различение или неразличение замен старого *о* под восходящим ударением, с одной стороны, и старого *ѡ* и *о* под нисходящим ударением, с другой.

3) Наличие или отсутствие под ударением особой фонемы *ѣ* („*е* закрытое“) или (реже) *Ѥ* в отличие от других гласных фонем, в том числе от *е* („*е* открытого“) в той мере, в какой по говорам представлена эта последняя фонема. С исторической точки зрения — наличие на месте *ѣ* под ударением разных замен, в том числе *ѣ* (или *Ѥ*), с одной стороны, и *е* („*е* открытого“) или *и*, с другой.

§ 24. Рассмотрим в отдельности перечисленные подвижные элементы, иначе — соответственные явления, в составе гласных фонем русских говоров.

1) В системе вокализма подавляющей части русских говоров и в литературном языке после мягких согласных и шипящих под ударением перед твердой согласной широко представлена фонема *о*. Ср. *л'он*, *ов'бс*, *св'бкла*, *кл'он*, *б'ер'бза*, *в'ес'блѡј*, *ч'ер'бмуха*; *п'ат' в'брст*, *д'ѡн*, *с'ѡл*; *зав'бртыват'*, *тв'брдој*, *м'ѣдв'ѣжѡнок*; *н'ес'ѡм*, *в'ез'ѡм*, *пл'ѣт'ѡм*, *в'ѣд'ѡм*, *гр'ѣб'ѡм*; *дн'ѡм*, *кул'ѡм*, *б'ѣл'ѡм*, *з'ѣмл'ѡј*; *кул'ѡк*, *огон'ѡк*, *д'ѣн'ѡк*, *п'ѣн'ѡк*.

Однако в некоторых говорах (например, в Спасском и Солотчинском районах Рязанской области) звук *о* под ударением после мягкой согласной представлен только в падежных окончаниях (*дн'ѡм*, *кул'ѡм*, *м'ѣдв'ѣд'ѡм*, *з'ѣмл'ѡј*, *конопл'ѡј*) и в уменьшительном суффиксе *ѡк* (*п'ѣн'ѡк*, *д'ѣн'ѡк*, *кул'ѡк*, *огон'ѡк*). Можно с уверенностью утверждать, что *о* в этих категориях случаев появился нефонетическим путем: под влиянием твердой разновидности склонения (*окном*, *пилой*) и уменьшительного суффикса *-ѡк* после твердых со-

гласных (дубок, возок, домок). В остальных же случаях сохраняется *е*: *л'ен, ов'ес, св'екла, кл'ен, б'ер'еза, в'ес'елој, ч'ер'емуха; п'ат' в'ерст, д'ен, с'ел; заvēртыват', тв'ердој, кошёлка, д'ешево; кот'ёнок, галч'ёнок, м'едв'ежёнoк; н'ес'ём, в'ез'ём, пл'ет'ём, в'ед'ём, гр'еб'ём*. Следует отметить, что звук *е* под ударением в личных окончаниях глаголов 1-го спряжения широко представлен также в говорах, вообще знающих *о* после мягких согласных, в особенно-сти — в южновеликорусских.

Отсутствие в таких говорах — не в падежных окончаниях и не в уменьшительном суффиксе — звука *о* после мягких согласных ведет к тому, что *о* и *е* после мягких согласных различаются в немногих случаях, причем примеры с *о* падают на падежные формы или уменьшительные образования с -ок: ср. *з'емл'ој* и *пол'еј; м'едв'ад'ом* и *пр'ив'ед'ём; лар'ок* и *пон'ер'ёк*. Как правило же, в таких говорах *о* и *е* взаимно исключаются в одном положении: после твердых произносятся *о*, после мягких — *е*.

В говорах, в которых вследствие изменения *е* в *о* перед твердой согласной последовательно представлено под ударением *о*, в положении перед мягкой согласной закономерно с точки зрения исторической фонетики выступает *е*. Ср. *с'бла — с'ёл'ској, в'ес'блој — в'ес'ёл'јо, нап'брсток — н'ёрст'ен* и т. д. В эпоху, когда чередование *о || е* после мягких согласных в зависимости от положения перед твердой согласной (сильное положение) или мягкой согласной (слабое положение) было фонетически закономерным, звуки *о* и *е* после мягких согласных были разновидностями одной и той же фонемы. Такое положение отчасти держится до недавнего времени в некоторых говорах. Однако во всех почти говорах русского языка — в большей или меньшей степени нефонетическим путем в слабом положении (между мягкими согласными) появилось *о*: появились формы *на-б'ер'о́з'е, кл'о́н'е* по образцу *б'ер'о́за, кл'он; з'ел'о́н'ен'кој* — по образцу *з'ел'о́ној; нес'о́т'е, в'ед'о́т'е* — по образцу *н'ес'о́м, в'ед'о́м; т'о́т'а* — по образцу *т'о́тка; з'емл'о́ј* — по образцу *н'ил'о́ј* и т. д. Благодаря этому в положении между мягкими согласными *е* и *о* стали различаться: ср. *в'ес'ел* и *в'о́с'ел, в'ес'ёл'јо — в'ес'о́лен'кој, ол'ён' — л'о́н'а, т'ём'ен' — т'о́м'ен*. Иначе говоря, слабое положение перестало быть таковым: вследствие нефонетических причин (действия аналогии) произошла качественная перестройка звуковой модели слова — слабое положение стало сильным. В результате этого *о* и *о́* в таких говорах как звуки, находящиеся в отношениях регулярного фонетического чередования (ср. *в'ес'блој — в'ес'о́л'ен'кој*), стали разновидностями одной фонемы (*о*), а звук *е* между мягкими согласными (*в'ес'ёл'јо*), освободившись от уз фонетической позиции, представляет уже иную фонему — *е*, так как в этом же положении может употребляться и *о*.

Однако место этой фонемы в вокализме разных русских говоров — весьма различно: во многих из них фонема *е* отличается большой неполноценностью, слабой противопоставленностью другим

фонемам, в других — она полноценна и употребляется весьма широко.

2) В ряде самых разных русских говоров (как северновеликорусских, так и южновеликорусских), кроме фонемы *о*, сходной по образованию с соответствующей фонемой литературного языка, имеется фонема *ѳ* („о закрытое“), которая может произноситься так же, как дифтонг *уѳ*. В говорах, знающих фонемы *о* и *ѳ*, эти фонемы различаются во всех ударенных слогах, кроме конечного открытого слога, где обычно произносится только одна из этих фонем — первоначально *ѳ*. Это объясняется тем, что старое *о* не в первом слоге слова имело ударение только восходящее (на месте такого *о* мы и находим под ударением *ѳ*); старое же *ѳ* в конечном открытом слоге, будучи в слабом положении, утратилось.

В говорах, различающих *о* и *ѳ* произносят: *год*, но *кѳт*; *пѳл'о*, но *вѳл'а*; *вышел вѳн*, но *вѳн там*; *дубѳк*, но *глубѳко*; *носѳк*, но *высѳк*; *мох*, но *не мѳг*; *сыроѳ* *х'лѳб*, но *в-сырѳѳ* *з'емл'ѳ*; *п'ѳрѳм*, но *порѳм*; в конечном открытом слоге: *с'ѳлѳ*, *окнѳ*, *в'ѳдрѳ*, *давнѳ*.

Однако замечено, что в говорах, различающих *о* и *ѳ*, в конечном открытом слоге нередко вместо *ѳ* произносится *о*. Это явление относится прежде всего к местоименным формам *его*, *чего*, *кого*, *того*, *всего* и т. д., где объясняется, видимо, их частой слабуюдаряемостью, а также и к другим случаям: *сѳло* вм. *селѳ* и т. д. Так как случаи с *о* в конечном открытом слоге в значительной своей части представляют собой формы им. п. ед. ч. ср. р. на *-о*, то в появлении *о* вместо ожидаемого *ѳ*, может быть, следует видеть результат аналогии со стороны формы тв. п. ед. ч. — *селѳм*, где *о* открытое закономерно, так как находится на месте *ѳ*.

3) В ряде разных говоров — как северновеликорусских, так и южновеликорусских — в составе гласных фонем имеется фонема *ѳ* („е закрытое“), которая может произноситься так же, как *ѳѳ*. Этой фонеме, являющейся одной из замен старого *ѳ*, в литературном языке и многих говорах соответствует *е* („е открытое“): *с'ѳно*, *д'ѳло*, *в'ѳра*, *м'ѳра*, *с'ѳла*, *п'ѳла*, *б'ѳлоѳ*, *забол'ѳла*, *на-стѳл'ѳ*, *к-ст'ѳн'ѳ*, и т. д.

Наличие фонемы *ѳ* ведет к различению фонем *ѳ* и *е* в той мере, в какой в том или ином говоре представлена фонема *е*.

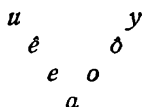
В части западно-новгородских говоров вместо *ѳ* в сильном положении (т. е. под ударением после мягкой согласной перед твердой) произносится *и*: *с'ѳно*, *д'ѳло*, *в'ѳра*, *м'ѳра*, *с'ѳла*, *б'ѳлоѳ*, *забол'ѳла* и т. д.

В связи с этим в таких говорах сильно увеличивается состав слов и морфем, в которых употребляется фонема *и* (в них последняя звучит как на месте *и*, так и на месте *ѳ*).

§ 25. Различия в составе гласных фонем по отдельным говорам зависят от того, как реализуются в том или ином говоре указанные выше соответственные явления, в какой из своих разновидностей, как комбинируются друг с другом. Ниже мы сделаем попытку пред-

ставить различия в составе гласных фонем по русским говорам, начиная свой обзор от говоров с максимальным количеством гласных фонем и доводя его до говоров с минимальным их количеством.

1. Семифонемный состав гласных с полноценной фонемой *е*, с различением *ъ* и *о*, *ѣ* и *е*. Полноценность фонемы *е* обусловлена отсутствием результата изменения *е* в *о*. Таковы, например, говоры с. Новоселки Рыбновского района, д. Тимохино Клепиковского района Рязанской области и некоторые другие. Состав гласных фонем таких говоров представлен в схеме:

2. Семифонемный состав гласных с неполноценной фонемой *е*, различающий фонемы *ъ* и *о*, имеющий фонему *ѣ*. Неполноценность фонемы *е* обусловлена тем, что в относящихся сюда говорах представлен результат изменения *е* в *о*, и потому в сильном положении — под ударением после мягкой согласной (*е* не употребляется после твердой) перед твердой произносится *о*. Звук *е* в этом положении может быть представлен лишь в немногих церковнославянизмах и книжных заимствованиях, попавших в говор¹. Кроме того, звук *е*² в таких говорах может употребляться в слабом положении — под ударением между мягкими согласными (*д'ен'*, *с'ѣл'ској*); но так как в том же положении по причинам нефонетического порядка может произноситься и *о* (об этом см. выше), то положение между мягкими согласными из слабого перерастает в сильное, а звук *е* между мягкими согласными становится фонемой *е*. Звук *е* между мягкими согласными в таких говорах может произноситься также в старом сочетании *ьѣтѣ*, в котором *р* перед губной или заднеязычной нередко сохраняет свою мягкость: *п'ѣр'вој*, *с'ѣр'п*, *ч'ѣтѣ'ѣр'г*, *в'ѣр'х*, *д'ѣр'гам'*, *з'ѣр'кало*. Из этих категорий случаев и комплектуется в таких говорах фонема *е*, которая в системе гласных оказывается слабо противопоставленной как фонеме *о*, так и фонеме *ѣ*, что и дало нам основание считать ее неполноценной. Таков, например, говор с. Леки Коробовского района Московской области, часть говоров б. Тотемского у. Вологодской губ., б. Никольского у. Вологодской губ., говор с. Пышуг Пышугского района Костромской области и др.

¹ Впрочем, в старых заимствованиях, да и не только в старых, звук *е* перед твердой согласной нередко приравнивается к своему *ѣ*: так, например, по с-в-р говорам широко известно произношение: *л'ѣнта*, *кор'ѣта*, *кор'ѣла*; такое же произношение отмечено в некоторых говорах и в новых заимствованиях из литературного языка: *ц'ѣнтр*, *л'ѣки'ија*.

² Точнее, *ѣ*; но здесь закрытость не свободная, а вынужденная, обусловленная положением перед мягкой согласной.

Можно думать, что сюда относятся также некоторые говоры б. Обоянского у. Курской губ., а также и некоторые другие южновеликорусские говоры. Состав гласных фонем таких говоров представлен в схеме:

$$\begin{array}{ccc} & & у \\ & е & ъ \\ & (е) & о \\ & & а \end{array}$$

Неполноценность фонемы *ѐ* обозначена здесь и ниже заключением в скобки.

3. Шестифонемный состав гласных с неполноценной фонемой *ѐ*, не различающий фонем *ъ* и *о*, имеющий фонему *ѐ*. Относящиеся сюда говоры отличаются от предыдущих лишь неразличением *ъ* и *о*: наличием вместо обеих этих фонем одной, а именно *о*. Говоры с таким составом гласных фонем весьма широко известны на северновеликорусской территории и встречаются также среди южновеликорусских. Состав гласных фонем таких говоров представлен в схеме:

$$\begin{array}{ccc} & & у \\ & ѐ & \\ & (ѐ) & о \\ & & а \end{array}$$

4. Пятифонемный состав гласных с полноценной фонемой *е*, которая выступает вместо *ѐ*, не различающий фонем *о* и *ъ*. В относящихся сюда говорах также представлен результат изменения *е* в *о*, и потому под ударением после мягких перед твердыми согласными широко употребительно *о* (*н'ос, в'ол, б'ер'ѡза*). Полноценность фонемы *е* объясняется тем, что в указанном только что положении вместо *ѐ* произносится *е* („*е* открытое“): *л'ѣто, с'ѣно, в'ѣтра* и т. д. Состав гласных фонем таких говоров представлен в схеме:

$$\begin{array}{ccc} & & у \\ & е & о \\ & & а \end{array}$$

Говоры с таким составом гласных фонем широко известны как на юге, так и на севере. К их числу относится и литературный язык. Следует особо отметить, что в литературном языке в отличие от сходных с ним по составу гласных говоров фонема *е* пополняется не только за счет *ѐ*, но и за счет слов книжного, церковнославянского происхождения (типа *крест, перст, мерзкий, дерзкий, хребет*) и западноевропейских заимствований (типа *атлет, котлета, билет, бадет, валет, сонет, манера*).

Здесь уместно следующее замечание. Принято считать, что старое *ѣ*, по крайней мере в литературном языке и сходных с ним по этой черте говорах, совпало с *е*. С таким утверждением нельзя согласиться, так как оно основано на сопоставлении соответствующих

фонем вне их употребления в определенных позициях, без учета функциональной стороны. Ведь если *ѣ* (иначе старое *ь*) в этих говорах под ударением перед твердой согласной заменилось звуком *е* (открытым), то само *е* в том же положении изменилось в *о*: ср. *с'ела* (из *съла*) и *с'ола* (из *седа*). Следовательно, „совпадения“ здесь нет. Совпадение старых *ь* и *е* имеется только в слабом положении — между мягкими согласными: ср. *с'ел'и* (из *съли*) и *с'ел'ској* (из *сельскыи*). Таким образом, можно констатировать, что в относящихся сюда говорах старые *ь* и *е* совпали лишь в определенных условиях, т. е. в такой же мере, в какой совпали в системе литературного языка, например, фонемы *о* и *а* (ср. *вада*, *трава*, но *воды* — *травы*).

По отношению к литературному языку можно сказать лишь, что замена старого *ь* под ударением перед твердой согласной совпала с *е* в словах книжного, церковнославянского происхождения, в словах иноязычного происхождения, а также в словах типа *верх*, *первый*. Что касается сходных по составу гласных фонем говоров, то надо учесть, что в них окажется значительно меньше слов церковнославянского и западноевропейского происхождения и потому по отношению к ним еще меньше окажется оснований для утверждения о совпадении *ь* (*ѣ*) и *е*¹.

Б. Пятифонемный состав гласных с неполноценной фонемой *е*, не различающий фонем *ѡ* и *о* и имеющий *и* вместо *ѣ*. Неполноценность фонемы *е* объясняется совершенно так же, как и в говорах под пунктом 2 (см. выше). Фонема *е* в относящихся сюда говорах не может пополняться за счет *ѣ*, так как характерная особенность этих говоров заключается в полном совпадении фонемы *ѣ* с *и*, в том числе и в сильном положении (под ударением перед твердой согласной). Это значительно увеличивает сферу употребления фонемы *и*, которая выступает как на месте *и* (*н'ѣтка*, *л'ѣпа*, *в'ѣлы*), так и на месте *ѣ* (*н'ит*, *л'ѣто*, *в'ѣтра*.) Одновременно это также значительно ослабляет позиции фонемы *е*: ведь если под ударением перед твердой согласной вместо *ѣ* выступает *и*, а вместо *е* — *о*, то на долю *е* остаются лишь могущие быть в говоре отдельные церковнославянизмы и книжные заимствования, да немногие случаи с *е* перед поздно отвердевшей *р* (типа *первый*, *верх*). Такой состав гласных фонем встречается главным образом в западно-новгородских говорах, а также в некоторых говорах Вологодско-Вятской группы. Состав гласных фонем таких говоров представлен в схеме:

$$\begin{array}{cc} & \text{и} & \text{у} \\ & (е) & о \\ & \text{а} & \end{array}$$

Мы сделали обзор состава гласных фонем по русским говорам, начиная с говоров, различающих наибольшее количество гласных

¹ Действительное совпадение фонем *ѣ* и *е* имеет место в отдельных русских говорах; но о них см. ниже под пунктом 2^а.

фонем, до говором с их наименьшим количеством. Однако, кроме описанных выше пяти типов, можно отметить еще один тип, который легче всего описать, исходя из говором с максимальным составом гласных фонем, с которыми соответствующие говоры и генетически тесно связаны, так как тоже представляют говоры, не знающие результата изменения *е* в *о*. Опишем здесь этот тип под пунктом 2^а.

2^а. Пятифонемный состав гласных с полноценной фонемой *е*, которая выступает как вместо *ѣ*, так и вместо *е*, не различающий *ѣ* и *о*. В относящихся сюда говорах не представлен результат изменения *е* в *о*: вместо *е* перед твердой согласной звучит *е* (*пр'ин'ѣс*, *п'ат' с'ѣл*, *п'ат' д'ѣн*); вместо *ѣ* в том же положении звучит также *е* (*с'ѣл на лавку*, *л'ѣто*). Благодаря этим двум обстоятельствам фонема *е* оказывается полноценной, широко употребляющейся.

Относящиеся сюда говоры отличаются по составу гласных фонем от говором, описанных под пунктом 1, совпадением *ѣ* и *о* и совпадением *ѣ* и *е*, но сходны с ними отсутствием результатов изменения *е* в *о*. Такой говор отмечен в с. Кидусово Сласского района Рязанской области, в д. Картоносозы Солотчинского района той же области и в некоторых других пунктах. Схему состава гласных фонем этих говором не даем, так как она не отличается от говором, описанных выше под пунктом 4. Однако относящиеся сюда говоры весьма существенно отличаются от этих последних такими особенностями, которые в схеме переданы быть не могут: особой широтой употребления фонемы *е* в сильном положении, т. е. под ударением после мягких перед твердой согласной; отсутствием в том же положении фонемы *о* (кроме некоторых морфем формального значения, о которых было сказано выше, см. стр. 42—43); и как следствие этих особенностей — слабой дифференциацией *е* и *о*: *е* употребляется только после мягких согласных, *о* (не в указанных выше формальных морфемах) — только после твердых согласных. Звуки *о* и *е* вообще взаимно исключаются в одном и том же положении, кроме случаев в падежных окончаниях и в суффиксе *-ок*, где после мягких согласных может употребляться не только *е*, но и *о*.

В заключение иллюстрируем на нескольких примерах различия в составе гласных фонем русских говором. Цифра в начале каждой группы тождественных примером соответствует только что рассмотренной группировке.

1.

1. *л'ѣпа*, *м'ѣр*, *п'ѣл*, *б'ѣл*, *с'ѣла*; 2. *л'ѣто*, *ж'ѣра*, *п'ѣл*, *б'ѣлој*, *с'ѣла*, *р'ѣзат'*; 3. *д'ѣн*, *с'ѣл'ској*, *п'ѣр'вој* или *п'ѣр'вој*; *кр'ѣст*; *при-н'ѣс*, *кл'ѣн*, *б'ѣр'ѣза*, *кот'ѣнок*, *с'ѣла* (им. п. мн. ч.); 4. *год*, *сон*, *пол'о*, *кусок*, *дубок*, *сол'ом*, *сыр'ој* (им. п. ед. ч. м. р.); 5. *кодт*, *вол'а*, *высокој*, *глубокој*, *сыр'ој* (косв. падежи ед. ч. ж. р.), *ст'ен'ој*; 6. *дуб*, *сук*, *луг*, *лук*; 7. *мал*, *стал*, *рад*, *бросал*, *м'ал*, *т'ага*, *р'ад*, *с'аду*.

2.

1. *л'ўна, м'ур, п'ил, б'ил, с'ўла*; 2. *л'это, м'ера, п'ел, б'елој, с'ела, р'езат'*; 3. *д'ен', с'ел'ској, п'ер'вој* или *п'ервој*; *кр'ест*; 4. *пр'ин'ос, кл'он, б'ер'ёза, кот'ёнок, с'ёла*; *год, сон, пол'о, кусок, дубок, сол'ом, сыр'ој* (им. п. ед. ч. м. р.); 5. *кот, в'ола, выс'окој, гл'убокој, сыр'ој* (косв. падежи ед. ч. ж. р.), *ст'ен'ој*; 6. *дуб, сук, луг, л'ук*; 7. *мал, стал, рад, брос'ал, м'ал, т'ага, р'ад, с'аду*.

3.

1. *л'ўна, м'ур, п'ил, б'ил, с'ўла*; 2. *л'это, м'ера, п'ел, б'елој, с'ела, р'езат'*; 3. *д'ен', с'ел'ској, п'ер'вој* или *п'ервој*; *кр'ест*; 4. *пр'ин'ос, кл'он, б'ер'ёза; кот'ёнок, с'ёла; год, сон, пол'о, кусок, дубок, сол'ом, сыр'ој* (им. п. ед. ч. м. р.); *кот, в'ол'а, выс'окој, гл'убокој, сыр'ој* (косвенные падежи ед. ч. ж. р.), *ст'ен'ој*; 5. *дуб, сук, луг, л'ук*; 6. *мал, стал, рад, брос'ал, м'ал, т'ага, р'ад, с'аду*.

4.

1. *л'ўна, м'ур, п'ил, б'ил, с'ўла*; 2. *л'это, м'ера, п'ел, б'елој, с'ела, р'езат'*; *д'ен', с'ел'ској, п'ер'вој* или *п'ервој*; 3. *пр'ин'ос, кл'он, б'ер'ёза; кот'ёнок, с'ёла; год, сон, пол'о, кусок, дубок, сол'ом, сыр'ој* (им. п. ед. ч. м. р.); *кот, в'ол'а, выс'окој, гл'убокој, сыр'ој* (косвенные падежи ед. ч. ж. р.), *ст'ен'ој*; 4. *дуб, сук, луг, л'ук*; 5. *мал, стал, рад, брос'ал, м'ал, т'ага, р'ад, с'аду*.

5.

1. *л'ўна, м'ур, п'ил, б'ил, с'ўла* (суш. ж. р.); *л'это, м'ура* (суш. ж. р.), *п'ил* (= пел), *б'илој, с'ўла* (прош. вр. глагола); 2. *д'ен', с'ел'ској, п'ер'вој* или *п'ервој*; *кр'ест*; 3. *пр'ин'ос, кл'он, б'ер'ёза; кот'ёнок, с'ёла; год, сон, пол'о, кусок, дубок, сол'ом, сыр'ој* (им. п. ед. ч. м. р.); *кот, в'ол'а, выс'окој, гл'убокој, сыр'ој* (косвенные падежи ед. ч. ж. р.), *ст'ен'ој*; 4. *дуб, сук, луг, л'ук*; 5. *мал, стал, рад, брос'ал, м'ал, т'ага, р'ад, с'аду*.

2а.

1. *л'ўна, м'ур, п'ил, б'ил, с'ўла*; 2. *л'это, м'ера, п'ел, б'елој, с'ела* (прош. вр. глагола), *р'езат'*; *д'ен', с'ел'ској, п'ер'вој* или *п'ервој*; *кр'ест; пр'ин'ес, кл'ен, б'ер'ёза, кот'ёнок, с'ела* (им. п. мн. ч.); 3. *год, сон, пол'о, кусок, дубок, сол'ом, сыр'ој* (им. п. ед. ч. м. р.); *кот, в'ол'а, выс'окој, гл'убокој, сыр'ој* (косвенные падежи ж. р. ед. ч.); *ст'ен'ој*; 4. *дуб, сук, луг, л'ук*; 5. *мал, стал, рад, брос'ал, м'ал, т'ага, р'ад, с'аду*.

То же наглядно показано в таблице:

2а	1	2	3	4	5
и	и	и	и	и	и
е	ѐ	ѐ	ѐ	е	е
	е	е	е		
о	о	о	о	о	о
	ó	ó			
у	у	у	у	у	у
а	а	а	а	а	а

Выше были описаны типы ударенного вокализма русских говоров в их традиционном бытовании. Однако следует иметь в виду, что благодаря взаимодействию между диалектами и, в особенности, благодаря воздействию литературного языка на диалекты, описанные типы ударенного вокализма не все и далеко не всегда проводятся последовательно. Обычно имеют место в большем или меньшем количестве исключения. Последние, постепенно накапливаясь, в дальнейшем содействуют качественной перестройке системы ударенного вокализма, переходу от одной системы к другой — обычно более приближающейся к системе ударенного вокализма литературного языка.

Модификации гласных фонем в ударенном слоге.

§ 26. В то время как модификации гласных фонем в безударных слогах зависят как от места гласной по отношению к ударению, так и от качества соседних согласных, модификации гласных фонем в ударенном слоге зависят только от последнего фактора — качества предшествующей и последующей согласной.

В ю-в-р, значительной части ср-в-р и части с-в-р говоров гласные фонемы в ударенном слоге, подвергаясь в зависимости от качества соседних согласных некоторым изменениям, все же не совпадают с модификациями других фонем и выступают, таким образом, в своих вариациях. В значительной части с-в-р говоров, напротив, некоторые гласные фонемы в ударенном слоге, в зависимости от качества соседних согласных, подвергаются весьма сильным изменениям, нередко совпадая с изменениями других гласных фонем и выступая, следовательно, в своих вариантах.

§ 27. Фонема *и* в русском литературном языке и говорах в положении после твердых согласных сильно изменяется в своем качестве, выступая в вариации *ы*. Таким образом фонема *и* выступает в своем основном виде в начале слова (*и́ва, и́збы, и́грывал, и́волга*) и после мягких согласных (*л'и́на, в'и́лы, пр'и́был, т'и́на, с'и́ла, б'и́л'и*). Фонема *и*

выступает в своем основном виде также после шипящих и *ц*, если они мягки в том или ином говоре, например: *ч'йсто*, *поч'йн'им*, *пойш'й*, *в'йж'йт*; или в диалектных формах: *ц'йсто*, *поц'йн'им*, *огур'ц'й*; *скаж'й*, *ш'ит'*.

После твердых парных согласных фонема *и* выступает в своей вариации *ы*: Ср. *йзбы* и *в-йзбу*, *йва* и *с-йвој*, *под-йвој*, *йш'ит* и *атб'ш'ит*, *сб'ш'ит*, *йгор'* и *с-йгор'ом*, *вод'ы*, *ст'ены*, *п'ил'ы* (род. п. ед. ч.; ср. *з'емл'й*), *мыл*, *был*, *выл*, *ост'ыл*, *сыр*. После фонемы *ц*, если она тверда в говоре, произносится вариация фонемы *и* — звук *ы*: *ц'ыфра*, *цыган*, *куп'цы*, *огур'цы*. Фонема *и* выступает в своей вариации *ы* также после твердых шипящих не перед мягкой согласной: *жыл*, *шыл*, *маш'ына*; в диалектных формах: *пойш'ы*, *муш'ына* (или *муш'ына*), *помол'ы*, *ч'ысто*.

После задненебных *к*, *г*, *х* фонема *и* выступает в своем основном виде, смягчая при этом задненебную согласную, например: *рук'й*, *мук'й*, *ног'й*, *сох'й*, *снох'й* (ср. *рука* — *рук'й* и *вода* — *вод'ы*, *з'емл'а* — *з'емл'й*), *сапог'й*, *песк'й* (ср. *сапог* — *сапог'й* и *плот* — *плот'ы*), *к'йслој*, *к'йнул*, *зг'йнул*, *г'йр'а*, *х'йтрој*, *х'йлој*. Однако на стыке слов, особенно часто при сочетании предлога *к* и слова, начинающегося с *и*, перед фонемой *и* обычно произносятся несмягченные задненебные, а сама фонема *и* изменяется и выступает — как и после остальных твердых согласных — в своей вариации *ы*: ср. *йзбы* и *к-йзбам*, *йва* и *к-йвам*, *йгры* и *к-йграм*, *йстра* (= Истра) и *к-йстр'е*; *как-йгор'* скажет, *так-ы* сделаем.

Таково употребление фонемы *и* в ее основном виде и вариации *ы* в литературном языке, а также в подавляющей части говоров.

По говорам в немногих случаях представлено и сочетание *кы* внутри корня — главным образом, правда, в словах эмоционального значения. Ср. *кыс*, *кыса*, *кыска* и другие производные („кошка“), известные и в литературном языке, *кыт* (кличка поросят, например, в б. Вятской губ.), *кык* (лебединый крик) и отсюда *кыкати* (о лебеде) в б. Иркутской губ., *кыркаць* („быть нездоровым“) и *кыркнуть* („пропасть, утратиться“) в б. Псковской губ.; *кыка* („кличка“) в говорах Рязанской губернии. Таковы же, видимо, слова *гынь* (употребляется при отгоне гусей) в б. Смоленской губ., *гысь* („прочь“ — употребляется при отгоне свиней) в б. Калужской губ. и др.

В немногих говорах после задненебных (*к*, *г*, *х*) на стыке слов, как и в середине слова, фонема *и* выступает в своем основном виде, смягчая при этом предшествующую задненебную согласную: *к'-йзбам*, *к'-йве*, *к'-йграм*, *к'-йгор'у*.

В немногих русских говорах (между прочим, у „терюхан“ — в группе селений Дальне-Константиновского района Горьковской обл.) после твердых губных согласных фонема *и* выступает в своем основном виде, смягчая предшествующую губную, например: *сноп'й*, *клоп'й*, *рв'й* (им. п. мн. ч. от *сноп*, *клоп*, *ров*; ср. *стол* — *стол'ы*), *п'ил'* (пыль), *м'ило* (мыло), *в'и* (вы), *м'и* (мы), *пом'ил* (помыл), *б'ик* (бык)¹. Происхождение этой черты, видимо, связано с ино-

¹ В таких говорах твердость и мягкость губных согласных перед фонемой *и* не различается. Отсюда омонимизация в них случаев, которые в других

язычной основой соответствующих говоров, в частности мордовской у „терюхан“.

По говорам в отдельных случаях встречаются колебания в мягкости и твердости согласных и соответственно в употреблении после них звука *и* или *ы* — например: *в'ишн'а* и *вышн'а*, в безударном слоге — *высо́кой* и *в'исо́кой*. Отмечается группа слов, в которых колеблются сочетания *ри* и *ры*, обычно находящиеся в положении после задненебных *к*, г: *гриб* и *грыб*, *крик* и *крык*, *скрип* и *скрып*, *крынка* и *кринка*, *крыло* и *крило*, а также *рыга* и *ры́га*. То же и в безударных слогах: *гр'ибь* и *грыбь*, *кр'ичал* и *крыч'ал*, *скр'ипел* и *скрыпел*.

Можно упомянуть еще случаи: *стрыгу*, *стрычь*, *стрыгач* (жеребенок по 2-му году), употребляющиеся, например, в тульских говорах. Возможно, *стрыгу* вместо *стригу* под влиянием корня *стрыс-* в *стрыгать* (ср. при иной огласовке *струг-* в *стругать*).

Из изложенного выше материала видно, что в русском языке как в литературном, так и в говорах нет такого фонетического положения, в котором различались бы звуки *и* и *ы*: в одних положениях произносится *и* и невозможно *ы*; в других, напротив, произносится *ы* и невозможно *и*.

Особенно следует подчеркнуть, что в окончаниях слов звуки *и* и *ы* функционально тождественны, т. е. входят в состав одних и тех морфем, и наличие того или иного звука целиком обусловлено мягкостью или твердостью предшествующей согласной: ср. *пилá* — *земл'á*, *пилóж* — *земл'ój*, *пилу́* — *земл'у* и рядом в род. п. ед. ч. *пилы́* — *земл'ы́*. То же и в безударных слогах: ср. *ста́рых* и *ка́р'их*, *ста́рым* и *ка́р'им* и т. д. Все это указывает на то, что в русском языке звуки *и* и *ы* не образуют двух отдельных фонем, а представляют собой разновидности одной и той же фонемы: а именно звук *ы* является вариацией фонемы *и*: в начале слова и после мягкой согласной фонема *и* выступает в своем основном виде, а после твердой согласной она изменяется, выступая в своей вариации *ы*.

Во многих с-в-р говорах Западной группы, а также в некоторых говорах Вологодско-Вятской группы круг употребления фонемы *и* значительно расширился в связи с изменением фонемы *é* в *и* во всех условиях, таким образом, полным отождествлением с *и*. Ср. *в'и́рно*, *в'и́тра*, *в'и́тор*, *д'и́ло*, *в-д'и́ле*, *л'и́то*, *хл'и́ба*, *хл'и́бец*, *б'и́лој*, *р'и́зат'*, *н'и́т* и т. д.

§ 28. Фонема *у* во всех говорах в положении после мягкой согласной не перед мягкой испытывает некоторую передвижку вперед в начальной стадии своей длительности (*т'у́к*, *л'у́к*, *н'у́ра*, *кур'у́*). Эта передвижка более заметна и относится ко всей длительности гласной в положении между мягкими согласными (*л'у́д'и*, *л'у́бит*, *ч'у́т*). Если звук *у* в *т'у́к*, *кур'у́* можно определить как передне-средний в начальный момент своей длительности и задний к концу, то звук *у* между мягкими согласными во всей своей длительности относится к среднему ряду. Особенно сильна передвижка вперед артикуляции гласной *у* между мягкими согласными в безударных слогах:

говорах отличаются друг от друга твердостью или мягкостью губных согласных перед фонемой *и* (*ы*): пары слов *забыл* и *забил*, *мыл* и *мил*, *выли* и *вили* и др. в таких говорах произносятся одинаково — *заб'ил*, *м'ил*, *в'ил'и*.

л'юб'ѣт', л'юд'ѣј, ч'юд'ѣт, с'л'юн'ѣј. В отдельных случаях такое у произносится также в безударном слоге перед твердой согласной, например *ч'югун* (или *ц'югун*). Звук *ю* можно определить для ряда положений как гласный переднего или передне-среднего образования¹. При всех этих изменениях не происходит совпадения модификаций фонемы *у* с модификациями других фонем. Поэтому звуки *ю* и *ѹ* надо считать вариациями фонемы *у*.

§ 29. Фонема *о* во всех русских говорах употребляется как после твердых согласных, так и после мягких. Но в некоторых отдельных говорах употребление ее после мягких согласных ограничено лишь определенными формальными морфемами — флексиями и суффиксами (см. § 24).

Фонема *о* в положении после мягкой согласной не перед мягкой испытывает в своей артикуляции передвижку вперед, охватывающую начальную стадию длительности гласной, например: *т'отка*, *л'од*, *пл'отка*, *пр'ин'ос*, *с'бла*, *пр'ив'ол*, *т'ос*, *подм'ол*, *п'ос*; диалектное: *дул'о*, *нутр'о*; *ид'ит'о*, *н'ес'ит'о* (произносится как бы *и^{ео}* или *ѹ^{до}*). Звук *о* после мягкой согласной не перед мягкой можно определить как передне-средний в начальной своей фазе и задний в конечной. Особенно сильную передвижку вперед испытывает фонема *о* в положении между мягкими согласными, где произносится гласный передне-среднего ряда (*о*): *т'от'а*, *л'он'а*, *п'ос'ик*, *в'ес'ол'ен'кој*, *н'ес'от'е*, *б'ер'от'е*, *з'емл'ој*. При описанных изменениях фонемы *о* не происходит совпадения ее с разновидностями других фонем. Поэтому отмеченные выше модификации фонемы *о* являются ее вариациями.

Однако звук *о* между мягкими согласными (*о*) не во всех говорах представлен в одинаковой мере. Как известно, он появился в результате аналогии: форма *т'от'а* появилась под влиянием *т'отка*, *п'ос'ик* — под влиянием *п'ос*, *в'ес'ол'ен'кој* — под влиянием *в'ес'олой*, *н'ес'от'е* — под влиянием *н'ес'от*, *з'емл'ој* — под влиянием *п'илој*. Эта аналогия в одних говорах могла шире захватить подходящие случаи, в других уже, а в иных, может быть, и вовсе не иметь места. В последнем случае (если бы в говоре отсутствовало чередование *т'от* || *т'от'*) оказалось бы фонетически закономерным, т. е. совершенно обязательным, чередование звука *о* в положении после мягкой согласной перед твердой со звуком *е* в положении между мягкими согласными (*т'от* || *т'ет'*), т. е. при *в'ес'олој* — *в'ес'ел'ю*, было бы также и *в'ес'ел'ен'кој*; *з'ел'бној* — *з'ел'ен'ен'кој*; *н'ес'ет'е*, *в'ед'ет'е*; *з'емл'ѣј*. Если в таком говоре фонему *о* в положении между мягкими согласными в той же морфеме регулярно замещает звук *е*, то последний, следовательно, является одной из модификаций фонемы *о*. Однако эти отношения в чистом виде, кажется, не сохранились ни в одном говоре.

¹ Такой гласный после потери лабиализации совпадает с *и*, что и наблюдается в отдельных случаях, например *ч'югун* (или *ц'югун*). Форма *сл'ин'ѣј*, *сл'иноватој* сюда, видимо, не относится, т. к. этот корень известен и с гласной *и* — *сл'ина*, ср. старослав. *слина*.

В подавляющем большинстве современных русских говоров более или менее широко представлен аналогического происхождения звук *о* между мягкими согласными (*ё*). А так как в том же положении употребляется и звук *е*, то, следовательно, в положении между мягкими согласными *о* и *е* могут различаться и различать собой слова и формы, т. е. являются двумя разными фонемами: ср., например, *з'емл'о́ј* и *пол'е́ј*, *в'ес'ел* и *в'о́с'ел*.

Однако русский язык во всех своих говорах — в одних более ярко, в других менее — сохраняет многочисленные пережитки, указывающие на то, что звуки *о* и *е* после мягких согласных в положении перед твердой или мягкой согласной (*t'ot* || *t'et'*) представляли в прошлом одну, единую фонему.

Таким образом, для русских говоров в настоящее время фонетическим следует считать чередование *t'ot* || *t'ot'*, где звуки *о* и *ё* являются вариациями фонемы *о*, а встречающийся между мягкими согласными звук *е* (*t'et'*) относится уже к другой фонеме.

§ 30. Фонема *о* представлена лишь в части русских говоров как с-в-р., так и ю-в-р и ср-в-р. В остальной (большей) части говоров ей соответствует *о*.

Фонема *о* употребляется только после твердых парных согласных и заднеязычных (*двѡр*, *стѡл*, *нарѡд*, *вѡл'а*, *плѡт*, *скѡт*, *с'олѡ*, *ногѡј*). Однако в окончаниях она может употребляться также после мягких согласных и шипящих: *з'ер'јѡ*, *з'емл'ѡј*, *междѡј*, *хорѡшѡ*. Звук *о* после мягкой согласной испытывает некоторую передвигку своей артикуляции вперед.

§ 31. Фонема *а* во всех русских говорах употребляется как после твердых согласных, так и после мягких. В положении после мягких согласных не перед мягкой во всех русских говорах она испытывает передвигку артикуляции вперед в начальной фазе своей длительности. Гласный *а* в этом положении можно определить как передне-средний в начале своей длительности и „нормальный“, т. е. средний или средне-задний в конце. Примеры: *п'ѡтој*, *м'ѡсо*, *с'ѡду*, *в'ѡлој*, *т'ѡга*, *з'ѡбну*, *т'ѡб'ѡ*, *м'ѡн'ѡ*, *кон'ѡ* (произносится как бы *еа*). Еще большую передвигку испытывает фонема *а* между мягкими согласными. Все же в ю-в-р., в большей части ср-в-р и части с-в-р говоров, а также в литературном языке передвигка артикуляции вперед и связанное с ним движение языка вверх не идут настолько далеко, чтобы в результате оказался гласный звук иного типа, чем *а*: в указанных говорах между мягкими согласными звучит *ѡ* — гласный передне-среднего ряда. Последний не совпадает с разновидностью какой-либо другой гласной фонемы и потому является вариацией фонемы *а*, обусловленной положением между мягкими согласными. Ср. фонетическое чередование *t'ѡt* || *t'ѡt'* в этих говорах: *п'ѡтој* — *п'ѡт'*, *вз'ѡл'у* — *вз'ѡл* — *вз'ѡт'*, *гр'ѡзној* — *гр'ѡз'*, *в'ѡлој* — *в'ѡл'еној*, *т'ѡнут* — *т'ѡн'еш*, *лошад'ѡм* — *лошад'ѡм'и*, *гус'ѡм* — *гус'ѡм'и*, *гул'ѡл* — *гул'ѡл'и*, *стрѡл'ѡл* — *стр'ел'ѡт'*, *оставл'ѡл* — *оставл'ѡј*.

Однако в значительной части с-в-р говоров, а также в некоторых ср-в-р говорах между мягкими согласными передвижка артикуляции фонемы *а* и связанное с ней движение языка вверх идет дальше в зону звуков типа *е*: между мягкими согласными на месте фонемы *а* звучит гласный *е*; образуется фонетическое чередование *t'at* || *t'et'*: *n'ámoj* — *n'em'*, *v'ázal* — *vz'él'и*, *vz'em'*; *gr'áznoj* — *gr'ez'*, *gul'ál* — *gul'él'и*, *str'el'ál* — *str'el'éli*, *str'el'ém'*; *ostavl'ál*, *ostavl'éj*, *s'ádu* — *s'éd'esh*, *gl'ánu* — *glén'esh*, *pot'ánut* — *pot'én'esh*. Звук *е* между мягкими согласными вместо фонемы *а* является вариантом этой фонемы, так как в этом звуке могут совпадать разновидности других гласных фонем. В некоторых говорах между мягкими согласными совпадают варианты фонем *а* и *е*: ср. *vz'al* — *vz'él'и* и *s'el* — *séli* (*а* и *е* после мягкой согласной различаются перед твердой согласной и совпадают в одном варианте перед мягкой). По говорам возможно также совпадение в этом положении фонем *а* и *е*: ср. *n'ámoj* — *n'em'* и *n'éр-voj*¹ — *n'éр'вен'ец* (фонемы *а* и *е* после мягкой согласной различаются перед твердой согласной и совпадают в одном варианте перед мягкой).

Чередование *а* || *е* после мягкой согласной в зависимости от положения перед твердой или мягкой согласной является одной из самых характерных черт с-в-р ударенного вокализма. При этом черта эта до последнего времени являлась стойкой и живой, это видно по тому, что она иногда проводится в сравнительно новых словах (например, *шл'ána*, *в-шл'én'е*) и в словах, связанных своим употреблением с городским языком (например, *объявл'ál* — *объявл'él'и*, *заъявл'ál* — *заъявл'éjут*, *дов'ер'ál* — *не-дов'ер'éj*, *дов'ер'éjут*).

Надо иметь в виду, что говоры, не знающие между мягкими согласными звука *е* в качестве варианта фонемы *а*, в отдельных словах имеют нередко *е* там, где, казалось, должен звучать *а*. Особенно часто звук *е* употребляется в словах: *оп'ém'*, *п'ем'*, *м'еч'ик*, *пл'ем'ен'н'ик* — такое произношение этих слов известно и в ю-в-р говорах. Оно имеет разное происхождение: в одних случаях объясняется возможной слабой ударяемостью или безударностью некоторых слов (*оп'ém'*, *п'ем'*), в других случаях, возможно, образованием от иной основы с *е*, а не *а* (*племенник*, от основы *племен-*; ср. *иноплеменник*). Характерно, что звук *е* в этих словах всегда находится перед мягкой согласной и не может быть в той же морфеме поставлен перед твердой согласной, т. е. отсутствует чередование *t'at* || *t'et'*.

В некоторых говорах наличие лишь отдельных слов с *е* вм. *а* между мягкими согласными является реликтом — остатком ранее проведенной последовательной фонетической черты, которая исчезла под влиянием литературного языка или говоров, не знавших этой особенности.

В других говорах, не знавших ранее этой фонетической черты, напротив, *е* между мягкими согласными под ударением вместо *а* могло быть вторичного происхождения — появиться под влиянием говоров, знающих эту особенность. В некоторых случаях вторичность этой черты может быть установлена путем анализа материала самого данного говора. Например, в некоторых мещерских говорах Спасского р. Рязанской области (с. Кидусово и др.) наряду с яркими ю-в-р чертами представлено также *е* между мягкими — черта, не без основания считающаяся с-в-р: там говорят — *гр'ес'*, *з'ем'*, *vz'él'и*, *прин'ém'*, *път'ер'эл'и*, *пъул'эл'и*, *иставл'éjут'*, *чул'éjут'*. Однако в одной категории

¹ Если не произносится *п'эр'voj*.

случаев между мягкими согласными в этих говорах никогда не звучит *е*, а всегда *а*: это в 3-м л. мн. ч. глаголов 2-го спряжения (как видно из примеров, говору свойственно *т'* в конце 3-го л. глаголов). Говорят: *аны в'ал'ám', нил'ám', кур'ám', сид'ám', јад'ám', стајám', ј'л'ад'ám', вар'ám'* и т. д. Эта непоследовательность объясняется тем, что в данном говоре встретились черты, ранее принадлежавшие двум *ра* з н ым говорам: ю-в-р морфологическая особенность (*т'* в 3-м л. глаголов) с с-в-р фонетической особенностью (звук *е* между мягкими согласными вместо *а*). При воздействии с-в-р говора на ю-в-р звук *е* был усвоен во всех тех словах и формах, где он имелся в с-в-р (ср. с-в-р *п'ем', в'з'ем', гр'ес', гул'ели* и ю-в-р *п'ам', в'з'ам', јр'ас', јул'ál'и*; в данном говоре в подобных случаях появилось *е*). В 3-м же лице мн. ч. глаголов 2-го спряжения звук *а* был как в с-в-р говоре (т. к. звук *т* в конце этой формы там произносится твердо: *вел'ám', гл'ад'ám', стојám', јед'ám'* и т. д.), так и в ю-в-р говоре (т. к. изменение *а* в *е* между мягкими согласными ему не было свойственно: *в'ел'ám', ј'л'ад'ám', стајám'* и т. д.). Именно поэтому в этой категории случаев звук *е* и не мог появиться.

По той же причине в этих говорах обычно не произносится *е* в окончании тв. п. мн. ч. -ами после мягких согласных: *јус'ám'и, јваз'ád'ám'и, кан'ám'и*. (Ср. более типичные с-в-р формы тв. п. мн. ч.: *кон'ám', кон'ám'и*.) Звук *а* между мягкими согласными мог сохраниться под влиянием тех же форм твердой разновидности (*столами, домами*), а также форм дат. и мест. падежей мягкой разновидности склонения (*кон'ám, гус'ám, кон'áх, гус'áх*).

Благодаря этим двум последним причинам формы на -ами с *а* между мягкими согласными известны и многим из тех с-в-р говоров, которые в тв. п. мн. ч. не имеют форм на -ам или -амы и в которых в остальных случаях последовательно проведено *е* между мягкими согласными вместо *а*, т. е. где говорят *в'з'ем', з'ем', гр'ес', при'н'ем'*, но *кон'ám'и, гус'ám'и*.

Впрочем, известны говоры (например, кое-где в Рязанской области), в которых вместо *а* под ударением между мягкими согласными произносится *е* во всех случаях, в том числе в 3-м л. мн. ч. глаголов 2-го спряжения и в окончании -ам'и: *в'ел'ém'* (= велят), *гус'ém'и* и др.

§ 32. В значительной части с-в-р говоров, также в ряде архаических ю-в-р и ср-в-р говоров имеется фонема *ѐ*. Эта фонема употребляется после парных мягких согласных, в немногих случаях после *ц*, а в окончаниях после любой согласной, причем парные твердые и *к, г, х* перед *ѐ* смягчаются, а твердые шипящие сохраняют свою твердость. Например: *с'ѐрој, б'ѐлој, д'ѐло, в'ѐра, при'ис'ѐл, хл'ѐп; на-стол'ѐ, на-двор'ѐ, на-ст'ен'ѐ, к-в'ес'н'ѐ, на-рук'ѐ, на-ног'ѐ, к-снох'ѐ, на-м'ежѐ, на-ножѐ, в-шалашѐ*. В сильном положении под ударением (не перед мягкой согласной) эта фонема произносится как *е* закрытое (*ѐ*) или как дифтонг *ѐе*. При этом во многих говорах произносится как *ѐ*, так и *ѐе* без особого разграничения. Во многих с-в-р говорах *ѐе* произносится, главным образом, в отчетливой речи, в особых случаях эмоциональной речи наряду с *ѐ* в обычной беглой речи. В некоторых говорах дифтонг особенно употребителен в отдельных словах (напр., в отрицании „нет“, которое произносится: *н'ѐет*).

Качество *ѐ* и *ѐе* по говорам неодинаково: звук *ѐ* колеблется от более открытых оттенков до очень закрытых, близких к *и*. Неопытный наблюдатель с точки зрения литературного произношения нередко первые не отличает от *е*, а вторые отождествляет с *и*. Неодинаково бывает также качество дифтонга: прежде всего может быть различна степень расширения его второго элемента (большая или меньшая закрытость *е*), а также возможно различное распределение слоговости

между двумя элементами дифтонга: носителем слога чаще бывает его второй элемент (*üe*), но также и первый элемент (*üe*).

Ю-в-р говоры, знающие фонему *ê* (*üe*), обычно сохраняют в общем тот же тип звука и в положении перед мягкой согласной: *л'это* — *в-л'ет'и*, *с'ена* — *в-с'ен'и*, *в'етра* — *в'ет'ар*, *м'ера* — *м'ер'ит'*; или *л'иета* — *в-л'иет'и*, *с'иена*, *в-с'иен'и*, *в'иетра* — *в'иет'ар*, *м'иера*, *м'иер'ит'*.

Напротив, в с-в-р говорах, знающих фонему *ê* (*üe*), в положении между мягкими согласными фонема *e* под влиянием мягкости следующей согласной обычно испытывает в своей артикуляции движение языка вверх в зону *и*. В результате этого вместо *ê* перед мягкой согласной произносится *и*. Образуется фонетическое чередование *t'ët* (или *t'îet*) || *t'it'*. Фонема *ê* перед мягкой согласной выступает в своей модификации *и*, которая является ее вариантом, т. к. совпадает с фонемой *и* (ср. *н'ел*, *н'ил*; но одинаково — *н'ил'и* (= пели и пили). Примеры: *л'это* — *в-л'ит'е*, *с'ено* — *в-с'ин'е*, *в'етра* — *в'ит'ор*, *м'иера* — *м'ир'ит'*, *б'иелой* — *б'ил'ен'кој*, *хл'иieb* — *хл'иб'ец'*, *в'ел'иел* — *в'ел'ил'и*, *с'ел* — *с'или*. Однако и по с-в-р говорам в отдельных случаях известно *üe* перед мягкой согласной (например, *м'иес'ец'*).

Примечание 1. В с-в-р говорах западной группы (новгородской) фонема *ê* может отсутствовать, изменившись в *и* не только перед мягкой, но и перед твердой согласной, и, таким образом, полностью отождествиться с фонемой *и*: *л'ито*, *в-л'ите*, *хл'иб*, *хл'иб'ец'*, *б'илој*, *б'ил'ен'кој* и т. д. (см. выше § 24 и 25).

Примечание 2. Во многих говорах как ю-в-р и ср-в-р, так и с-в-р фонема *ê* в положении перед твердой согласной изменилась в *e* открытое, таким образом частично или — в немногих говорах — полностью совпав с *e*: *л'ето*, *с'ено*, *хл'ен*.

Примечание 3. В некоторых говорах вместо ожидаемого *ê* (*e*) произносится *о* в отдельных словах, например: *б'ес'ода*, *т'ел'ога*, *сус'од*, *в'одра* (им. п. мн. ч.), *зв'озды*. В отдельных говорах при наличии фонемы *ê* вместо *e* закрытого произносится *e* в слове *н'ев'еста* (напр., в с. Новоселки, Рыбновского района Рязанской области). Эти исключения имеют разные объяснения.

В говорах, в которых на месте фонемы *ê* употребляется фонема *e* (*e* открытое), последняя в положении перед мягкой согласной под влиянием этой мягкости произносится как *ê* (*e* закрытое), таким образом получается фонетическое чередование *t'et* || *t'ët*, в котором *ê* является вариацией фонемы *e*: ср. *л'это* — *в-л'ет'е*, *с'ено* — *в-с'ен'е*, *хл'ieb* — *хл'иб'ец'*, *б'елој* — *б'ел'ен'кој*, *сел* — *сел'и*, *н'ел* — *н'ел'и*.

В относящихся сюда говорах (при малом количестве вообще в говорах слов церковнославянского происхождения и западноевропейских заимствований с *e*) фонема *e*, главным образом, и складывается из *e* в словах и формах, имевших ранее в них *ê* и сохраняющих эту последнюю фонему и теперь в других говорах, а также из *e* в положении между мягкими согласными (*в'ес'ел'жо*), так как в этом положении появилось и *о* (*в'ес'бл'ен'кој*), превратившее это положение из слабого в сильное.

В литературном языке фонема *e* комплектуется также и из широ-

кого круга церковнославянских и западноевропейских элементов (ср., например, *н'ѣбъ, кр'ѣст, н'ѣрст, свѣр'ѣм'ѣннѣ, пр'ив'ѣтшѣ, ис'т'ѣхшѣ; атл'ѣт, катл'ѣта, ман'ѣра, бал'ѣт, вал'ѣт*).

В этих случаях также представлено чередование *t'et* || *t'ët*, т. е. фонема *e* регулярно выступает в своей вариации *ë* в положении перед мягкой согласной: ср. *н'ѣбо* — *в-н'ѣб'е*; *кр'ѣст* — *кр'ѣс'т'ик*; *катл'ѣта* — *в-катл'ѣт'е*, *ман'ѣра* — *в-ман'ѣр'е* и т. д.

Надо иметь в виду, что говоры, не знающие звука *и* перед мягкой согласной в качестве варианта фонемы *ë*, могут иметь *и* в отдельных словах. Так, например, широко известно произношение *ѣс'т'* (кушать) с *и* (ср. *ѣѣм, ѣѣл*) во многих русских говорах, в том числе в ю-в-р (в последних и в 3-м л. ед. ч.: *он ѣс'т'*). В некоторых из таких говоров нередко употребляется слово *с'ѣв'ерно* (холодно) с *и*. Отрицание „нет“ часто звучит с гласной, отличной от других случаев, имеющих фонему *ë* перед твердой согласной: например, с *и* (*н'ит*) или с *ѣе* (*н'ѣет*), тогда как в других случаях в этом положении произносится не *и* или не *ѣе*. Эти отклонения имеют разное происхождение: в одних случаях они могли быть заимствованы из других говоров; в других — они отражают пройденный этап в жизни говора: сохранение *и* или *ѣе* в отдельных случаях при замене их вообще звуком *e* под влиянием литературного языка или сходных с ним в отношении этой черты говоров. В случае с *н'ѣет* дифтонгическое произношение, вероятно, связано с особой синтаксической функцией этого слова и ее особой эмоциональностью.

Предударный вокализм.

О распределении экспираторной силы между разными слогами и сравнительной полновесности разных безударных слогов по отношению к ударенному в русских говорах.

§ 33. В русском языке, как известно, ударение экспираторное, и поэтому наиболее сильным в отношении выдыхательной силы является слог ударенный. Однако в разных русских говорах степень полновесности разных безударных слогов по отношению к ударенному неодинакова. Это зависит не только от экспираторной силы, но также от связанной с нею длительности и движения тона (т. е. относительной высоты). Кроме того, помимо чисто фонетических причин, распределение экспираторной силы в заударных слогах связано с фактором интонационно-ритмическим. Все эти вопросы по отношению к русским говорам почти совершенно не изучены. Поэтому мы принуждены будем ограничиться лишь самыми общими и краткими замечаниями.

§ 34. Существуют говоры, в которых все безударные слоги в отношении их полновесности и экспираторной силы произносятся более или менее одинаково, уступая лишь ударенному слогу. Это типичная для многих с-в-р говоров система распределения экспираторной силы.

При этом в некоторых из таких говоров, например Вологодских, Ветлужских, Архангельских, безударные слоги произносятся достаточно полновесно и лишь сравнительно немного уступают в отношении экспираторной силы ударенному слогу. Отсюда впечатление „рубленной“ речи у наблюдателя, привыкшего к системе литературного языка или ю-в-р говоров. Если степень экспираторной силы ударен-

ного слога обозначить коэффициентом 3, то безударные слоги в таких говорах можно обозначить коэффициентом 2: 2+2+2+3+2+2.

Например: *поговор'и́л'и; потолок'и́и б'уд'ом; н'ер'еп'и́ют*
 $\begin{matrix} 2 & 2 & 2 & 3 & 2 & 2 & 2 & 2 & 3 & 2 & 2 & 3 & 2 & 2 & 2 & 3 & 2 \\ \text{ов'ос-ом; д'умала; до хоро́шого дн'и́ дб'жы'и, б'ат'ушко.} \\ 2 & 3 & 2 & & 3 & 2 & 2 & 2 & 2 & 3 & 2 & 2 & 3 & 2 & 2 & 3 & 2 \end{matrix}$

В других говорах, например, в некоторых русских говорах Карело-Финской ССР, разница между ударенным и безударными слогами сильнее: безударные слоги произносятся со значительно меньшей экспираторной силой и длительностью, чем слог ударенный. Это создает впечатление скороговорки. Распределение слогов по их сравнительной полновесности в таких говорах приблизительно следующее: 1+1+1+3+1+1.

Например: *поговор'и́л'и; потолок'и́и; н'ер'еп'и́ют*
 $\begin{matrix} 1 & 1 & 1 & 3 & 1 & 1 & 1 & 1 & 3 & 1 & 1 & 1 & 3 \\ \text{ов'ос-ом.} \\ 1 & 1 & 3 & 1 & & & & & & & & & \end{matrix}$

Следует отметить, что в обоих случаях характерной особенностью безударного вокализма является более или менее одинаковая степень полновесности разных безударных слогов.

§ 35. Однако не все русские (и даже с-в-р) говоры таковы. Многие говоры при сохранении большей полновесности 1-го предударного слога характеризуются особым ослаблением других безударных слогов. Распределение слогов по их сравнительной полновесности в таких говорах приблизительно следующее: 1+1+2+3+1+1.

Такова система литературного языка, многих ср-в-р говоров, а также части Владимирско-Поволжских, с-в-р говоров.

Например, с-в-р: *пѣгъвор'и́м; пѣгълов'ѣ; нѣ-д'и в'анб-*
 $\begin{matrix} 1 & 1 & 2 & 3 & 1 & 1 & 2 & 3 & 1 & 1 & 2 & 3 \\ \text{стѣм гад'у, нѣ-б'и р'ог'у.} \\ 1 & 2 & 3 & 1 & 1 & 2 & 3 \end{matrix}$

В литературном языке: *пѣгъвар'и́м; пѣ-гълав'ѣ; пѣ-*
 $\begin{matrix} 1 & 1 & 2 & 3 & 1 & 1 & 1 & 3 & 1 \\ \text{д'ь в'е"ннбстѣ; нѣ-б'ь р'е"г'у.} \\ 1 & 2 & 3 & 1 & 1 & 1 & 2 & 3 \end{matrix}$

Таким образом, здесь резко отличается 1-й предударный слог от прочих безударных. Однако существует тенденция к различению степени полновесности и среди прочих предударных слогов. Так, например, 3-й предударный слог может быть несколько полновеснее 2-го предударного, т. е. возможна и такая схема распределения слогов по их сравнительной полновесности: $1\frac{1}{2}+1+2+3+1$.

Например, в литературном языке: *разгъвар'и́лсѣ* или *рѣз-*
 $\begin{matrix} 1\frac{1}{2} & 1 & 2 & 3 & 1 \\ \text{гъвар'и́лсѣ; н'е р'ьт'е"н'у́л или н'ь'р'ьт'е"н'у́л.} \\ 1 & 2 & 3 & 1 & 1\frac{1}{2} & 1 & 2 & 3 & 1 & 1 & 2 & 3 \end{matrix}$

§ 36. В некоторых русских говорах различия между степенью полновесности разных безударных слогов еще более значительны. Это достигается прежде всего особым усилением 1-го предударного слога (когда в нем гласные неверхнего подъема), который выделяется даже по отношению к ударенному слогу своей длительностью, а иногда также более высоким тоном, т. е. получается схема $1+1+2\frac{1}{2}+3$. С усилением 1-го предударного слога связано возможное ослабление

2-го предударного, т. е. образование схемы $1 + \frac{1}{2} + 2\frac{1}{2} + 3^1$. В таких говорах неодинакова сила и разных заударных слогов: очень ослаблены заударные неконечные слоги и, напротив, усилены заударные конечные слоги (особенно в абсолютном конце речи), т. е. такое распределение: $3 + \frac{1}{2} + 1\frac{1}{2}$ или $3 + 1 + 2$.

Описанный тип распределения экспираторной силы между безударными слогами типичен для ю-в-р наречия, но он встречается также в некоторых Владимирско-Поволжских, т. е. с-в-р говорах.

Приведем несколько примеров.

В одном из Владимирско-Поволжских говоров: *мѣл о к ѣ*; *п р ъ*
д а в ѣ л, *п ѣ г л' а ж ѹ*, а также *п ѣ г л' а ж ѹ*; *ф-с' ѣ н' т' а б р' ѣ*;
п р' и в' о з ѹ, а также *п р' и в' о з ѹ*.
 $\begin{matrix} 1 & 2\frac{1}{2} & 3 \\ 3 & 1 & 2 \end{matrix}$ $\begin{matrix} 1 & 2\frac{1}{2} & 3 \\ 3 & 1 & 2 \end{matrix}$ $\begin{matrix} 1 & 2\frac{1}{2} & 3 \\ 3 & 1 & 2 \end{matrix}$ $\begin{matrix} 1 & 2\frac{1}{2} & 3 \\ 3 & 1 & 2 \end{matrix}$

В заударных слогах в том же говоре: *д ѹ м ѣ л а*, *в ѣ д ѹ м а л*,
д ѹ р ѣ ч к а, *в-г о р ѣ д' и*.
 $\begin{matrix} 3 & 1\frac{1}{2} & 1\frac{1}{2} & 3 & 1 & 2 \end{matrix}$

В ю-в-р говорах: *п ѣ ѣ в а р' ѹ м*, *п ѣ х ѣ р а н' ѹ л*, *п ѣ-ѣ л а в' ѣ*,
п ѣ р ѣ н' а с ѹ, *п ѣ ѣ л' а д' ѣ л*.
 $\begin{matrix} 1 & 1\frac{1}{2} & 2\frac{1}{2} & 3 \\ 1 & 1\frac{1}{2} & 2\frac{1}{2} & 3 \end{matrix}$ $\begin{matrix} 1 & 1\frac{1}{2} & 2\frac{1}{2} & 3 \\ 1 & 1\frac{1}{2} & 2\frac{1}{2} & 3 \end{matrix}$ $\begin{matrix} 1 & 1\frac{1}{2} & 2\frac{1}{2} & 3 \\ 1 & 1\frac{1}{2} & 2\frac{1}{2} & 3 \end{matrix}$

Второй предударный слог во многих ю-в-р говорах настолько ослаблен, что при наличии благоприятных условий редукция гласного в нем может дойти до нуля, т. е. до полной его утраты. Такими благоприятными условиями, между прочим, являются наличие 3-го предударного слога и соседство с плавными, напр.: *п ѣ-ѣ л а в' ѣ*, *п ѣ х р а н' ѹ л*, *д ѣ-п л а в' ѹ н ы*, *ѹ к л' а в ѣ т' п а р ѣ* (= околевать), *а п х м' а л' ѹ л с' и*, *п ѣ с н а в' ѹ т'* (= постановить), *п р а с ѹ к* (поросенок), но *т р' и п ѣ р с у к ѣ*, *с ѣ р к а в ѣ ѹ т*, *с' е л н ѣ-п р а х ѣ д* (= пароход); *п' е р л а в' ѹ т'*, *п' е р в а з' ѹ т'*, *п' е р с а д' ѹ т'*, *п' е р д а в ѣ т'* и т. д.

В ряде ю-в-р говоров слово *кладовая* произносится без гласной после *л*, но зато с гласной перед *л*: *и с-к ѣ л д а в ѣ ѹ*, *ф-к ѣ л д а в ѹ ѣ* и т. д. Это объясняется редукцией до нуля гласной 2-го предударного слога (гласной после *л*) и затем образованием вторичной, этимологически не оправданной гласной перед *л*: отсутствие этой гласной привело бы к образованию слоговой плавной *л*, которая, как и вообще слоговые согласные, не свойственна русскому языку.

В заударных слогах: *н ѣ в ѣ в а*, *н' а д ѹ м ѣ л а*, *ж ѹ т' ѣ л' а м*,
с-ѹ ч' ѹ т' ѣ л' а м, *п ѣ с ѣ н а к* (= пасынок), *и с-к ѹ з ѣ в а*, *р а с к ѣ*
з ѣ в а л.
 $\begin{matrix} 3 & 1\frac{1}{2} & 1\frac{1}{2} & 2\frac{1}{2} & 3 & 1\frac{1}{2} & 1\frac{1}{2} & 3 & 1\frac{1}{2} & 1\frac{1}{2} \\ 2 & 3 & 1\frac{1}{2} & 1\frac{1}{2} & 3 & 1\frac{1}{2} & 1\frac{1}{2} & 2\frac{1}{2} & 3 & 3 \end{matrix}$

Редукция гласного в заударном неконечном слоге также настолько велика, что в отдельных случаях она может привести к полному его

¹ При диссимилятивном аканье и яканье (см. §§ 49, 53, 64) гласный 1-го предударного слога, отличный от *а* (*ѣ, ѹ, е, и* и др.), сильно редуцирован и во всяком случае не полновеснее гласной 2-го предударного слога: ср. *ѣ ѣ л ѣ в ѣ*
 $\begin{matrix} 1 & 1 & 3 \end{matrix}$

и *ѣ ѣ л а в ѣ ѹ*, *п р' и н' и с л ѣ* и *п р' и н' а с ѹ*.
 $\begin{matrix} 1 & 2\frac{1}{2} & 3 & 1 & 1 & 3 & 1 & 2\frac{1}{2} & 3 \end{matrix}$

исчезновению: ср. название села под Рязанью — Мўрмино вместо Муромино (от Муром), ю-в-р *ба́чка* вместо *ба́т'ушка*¹ (*ч'* из *т'ш* после утраты *у* в заударном неконечном слоге; *мачка* вместо *ма́тушка* по говорам с *ч* твердым из *тш* после утраты *у* в том же положении) и т. д.

§ 37. На произношении гласных заударных слогов сказывается интонационно-мелодический фактор: одни и те же заударные конечные слоги *сло́ва* в одном и том же говоре могут произноситься неодинаково в зависимости от того, приходится ли это слово на конец предложения, фразы, речевого такта, т. е. оказывается ли оно перед паузой, или данное слово произносится без паузы, слитно со следующим словом при помощи одной непрерывной струи выдыхаемого воздуха. В первом случае (перед паузой) во всех говорах наблюдается большее или меньшее удлинение гласных конечного слога, которое в некоторых говорах ощущается как весьма заметное растягивание гласных конечных заударных слогов. Этим объясняются такие колебания, как *чо́рът* и *чо́рат*, *д'э́вѣк* и *д'э́вак*, *вѣ́н'ѣс* и *вѣ́н'ас*, *зѣ́-д'ир'э́вн'ѣ* и *зѣ́-д'ир'э́вн'а́*, *с-уч'и́т'ѣ́л'ѣм* и *уч'и́т'ѣ́л'а́м*, *ду́мѣлѣ* и *ду́мѣла*, *с'э́нѣ* и *с'э́на*. В некоторых говорах при сильном удлинении гласных заударных конечных слогов перед паузой произносятся как бы *зѣ́-д'ир'э́вн'ааа́*, *с-му́жааа́м*, *во́т шѣ́ наду́мѣлаа́а*. В таких случаях длительность гласных заударного конечного слога может значительно превышать длительность любой другой гласной, в том числе ударенной.

§ 38. Из сделанных выше замечаний видно, что различия в распределении экспираторной силы между разными слогами не соответствуют противопоставлению с-в-р и ю-в-р наречий: ю-в-р, ср-в-р и многие Владимирско-Поволжские (т. е. с-в-р) говоры при наличии в них частных отличий все же имеют много общего, противопоставляясь остальным с-в-р говорам.

Следует отметить также, что непосредственной связи и полной зависимости между степенью полновесности безударных слогов и качеством безударных гласных нет, по крайней мере для современного состояния русских говоров. Конечно, редуцированные звуки типа *ѣ*, *ѣ* употребляются вообще в говорах, где некоторые безударные слоги произносятся с малой полновесностью. Однако при возможном одинаковом распределении экспираторной силы между слогами, например, в с-в-р (Владимирско-Поволжских), ср-в-р и ю-в-р говорах могут произноситься весьма различные по качеству гласные: *зѣ́н'осѹ́* ($1+2+3$ или $1+2^{1/2}+3$), *зѣ́н'асѹ́* ($1+2+3$ или $1+2^{1/2}+3$), *зѣ́н'е́сѹ́* ($1+2+3$); *мѣ́лодо́ѣ* ($1+2+3$ или $1+2^{1/2}+3$), *мѣ́лодо́ѣ* ($1+2+3$ или $1+2^{1/2}+3$). Можно только заметить, что наиболее сильные качественные изменения безударных гласных наблюдаются в говорах с наиболее резкими отличиями в степени полновесности разных безударных слогов (т. е. прежде всего в ю-в-р).

¹ Ср. это слово у Л. Н. Толстого в „Утре помещика“: „Жили при бачке с братьями, ни в чем нужды не видали“ (Полн. собр. худ. пр., т. II ГИЗ, 1928, стр. 223).

§ 39. Система безударного вокализма русских говоров характеризуется двумя основными типами — аканьем и оканьем. Аканьем вообще называется неразличение гласных фонем неверхнего подъема в безударных слогах, их совпадение в одном звуке. Так определяется аканье в широком смысле, противопоставляемое понятию оканья — различению хотя бы части гласных фонем неверхнего подъема в безударных слогах. Ср., например, *дама́, далá* (или *дѣма́, дѣла́*) в акающих говорах при *дома́*, но *далá* — в окающих.

Для безударного вокализма всех русских говоров существенны следующие важнейшие условия: 1) положение гласной по отношению к ударению — в предударных и заударных слогах; в разных предударных и разных заударных слогах (например, в 1-м, 2-м предударных слогах); 2) положение безударной гласной после твердых согласных (кроме шипящих), в абсолютном начале слова, после мягких согласных, после шипящих.

В системе безударного вокализма разных русских говоров имеются и свои более частные, но вместе с тем весьма важные фонетические условия, которые будут описаны ниже.

§ 40. Для системы вокализма русских говоров исключительно важное значение имеет изучение реализации гласных фонем в 1-м предударном слоге, в котором по говорам устанавливается большое количество разных типов вокализма. Установление этих типов весьма важно также для группировки и истории русских говоров, так как с различениями в типе вокализма 1-го предударного слога связывается большое количество различий в других языковых явлениях (консонантизме, формах, лексике), а также в материальной культуре носителей этих диалектных различий. Гласные других безударных типов не дают такого многообразия типов.

§ 41. Понятие аканья, кроме своего широкого значения, при котором оно противопоставляется оканью (см. выше), имеет и другое, более узкое значение: под аканьем в этом более узком значении имеется в виду неразличение в безударных слогах гласных фонем неверхнего подъема после твердых согласных (кроме шипящих). Аканье в узком значении противопоставляется яканью, иканью, еканью — разным видам неразличения в безударных слогах гласных фонем неверхнего подъема после мягких согласных. Особняком, но ближе к яканью и др. типам безударного вокализма после мягких согласных стоит неразличение в безударных слогах гласных фонем неверхнего подъема после твердых шипящих (так как последние в прошлом были мягкими).

Понятие оканья также кроме своего более широкого значения, при котором оно противопоставляется аканью, употребляется и в более узком значении — оно означает различение в безударных слогах (хотя бы части) гласных фонем неверхнего подъема после твердых согласных (кроме шипящих). Оканье в этом узком значении противопоставляется полному или частичному различению

в безударных слогах гласных фонем неверхнего подъема после мягких согласных. Безударный вокализм после мягких согласных при оканье не имеет, видимо, таких четко выделяемых типов, как при аканье (разные типы яканья, иканье, еканье), а также не имеет для своего определения специальных терминов¹. При оканье, как и при аканье, особо следует рассматривать реализацию в безударных слогах гласных фонем неверхнего подъема после твердых шипящих (которые ранее были мягкими).

Модификация гласных фонем в 1-м предударном слоге после твердых согласных и в начале слова.

Оканье.

§ 42. При оканье гласные фонемы неверхнего подъема в 1-м предударном слоге вообще различаются, хотя и не все: различаются только фонемы *о*, *ѳ*, вместе взятые, с одной стороны, и фонема *а* — с другой. Первые две (если в говоре имеется фонема *ѳ*) совпадают в одном общем варианте типа *о*, вторая сохраняется как *а*.

Примеры: а) *го́да*, *до́ма*, *возо́в*, *по́л'а* (ср. под ударением *год*, *дом*, *воз*, *по́л'о*); б) *ко́та*, *дво́ра*, *сто́ла*, *ско́та* (ср. под ударением *ко́т* или *кот*, *дво́р* или *двор*, *сто́л* или *стол*, *ско́т* или *скот*); в) *да́ла*, *ста́ра*, *ма́ла*, *бра́ла*, *тра́ва* (ср. под ударением *дал*, *стар*, *мал*, *брал*, *тра́вка*).

Остальные гласные после твердых согласных (*у*, *ы*) в 1-м предударном слоге также различаются. Например: а) *плу́та*, *ку́ма*, *суч'ѳк* (ср. *плут*, *кум*, *сук*); б) *бы́ла*, *сыр'ѳк*, *дыра́* (ср. *был*, *сыр*, *дырка*).

Таким образом, вокализм 1-го предударного слога после твердых согласных при оканье может быть представлен в следующей таблице:

Под ударением ²	<i>о</i>	(<i>ѳ</i>)	<i>а</i>	<i>ы</i>	<i>у</i>
В 1-м предударном слоге	<i>о</i>		<i>а</i>	<i>ы</i>	<i>у</i>

§ 43. Качество гласной *о* в 1-м предударном слоге при оканье различно по разным говорам. В одних говорах это звук сильно лабиализованный, более высокого подъема, чем обычное *о*, т. е. звук, приближающийся к *у*³ (иногда в этом положении вместо *о* даже звучит *у*): *коу́рѳва*, *роу́бѳбат*, *хоу́рѳшој*, *хоу́лѳдној*, *доу́ѳѳ*, *скоу́т'ѳна*, *поу́с'ѳжал*; и даже *куру́ѳва*, *хуру́ѳших*, *пу́с'ѳжал* и т. д. Такое произношение особенно распространено во Владимирско-Поволжских говорах и части Вологодско-Вятских.

¹ Понятие ёканья при окающем вокализме не соответствует понятиям яканье или иканье при аканье. В то время как последние характеризуют всю систему безударного вокализма после мягких согласных (при яканье и иканье все гласные неверхнего подъема в безударных слогах после мягких согласных совпадают в одном звуке), ёканье обычно указывает лишь на определенную реализацию в безударных слогах (после мягких согласных) одной лишь фонемы *о* (ср. *н'ос* — *н'осу́*) или фонем *о* и *ѳ* (ср. *н'ос* — *н'осу́* и *л'ѳс* — *л'ѳса́*), а не в с е х гласных фонем неверхнего подъема (рядом с *н'осу́* и *л'ѳса́*, реже *н'осу́* и *л'ѳса́* обычно произносится *н'ата́к* или *н'ѳта́к*).

² В скобках обозначена фонема *ѳ*, имеющаяся не во всех говорах. При отсутствии фонемы *ѳ* ей соответствует фонема *о* (см. выше §§ 24, 25, 30).

³ Такой звук обозначен ниже знаком *оу*.

Следует отметить, что только что описанный звук (*оʹ* или *у* вместо *о*) в 1-м предударном слоге особенно часто появляется в положении после или перед губными и задненебными согласными (примеры см. выше).

В других говорах, напротив, в 1-м предударном слоге произносятся открытые оттенки *о*, очень слабо лабиализованные, т. е. звуки, которые можно отметить знаком *о^а*: *но^ага*, *во^ада*. Такое произношение более свойственно говорам северо-запада, например на территории Карело-Финской ССР.

§ 44. Как известно, наше русское правописание в основе своей морфологическое, т. е. разными буквами на письме обозначаются не все реально произносимые звуки, а лишь фонемы — каждая фонема со всеми своими разновидностями обозначается одной буквой. В связи с этим аканье, как правило, остается не обозначенным (ср. написания *вода* и *трава* при произношении *вад^а*, *трав^а*). Этим же объясняется и то, что при оканье безударным гласным *о* и *а* обычно соответствуют на письме буквы *о* и *а* (ср. те же написания при произношении *вод^а*, но *трав^а*).

Однако в русском правописании морфологический принцип не проведен последовательно: имеются случаи, когда написание гласной не соответствует фонеме. Сюда относятся слова с безударным начальным сочетанием *ро-*, которому в правописании соответствует написание *ра-* церковнославянского происхождения. Акающее литературное произношение способствовало укреплению в орфографии написания *ра-* вместо русского *ро-* с гласной *о*, которая произносится в сильном положении, под ударением. В связи с этим в окружающих говорах оказывается известная категория случаев, в которых звуку *о* безударного слога в правописании соответствует буква *а*. Сюда относятся прежде всего слова с приставкой *роз-*, с корнями *роб(от)-*, *рост-*: *роск^аз*, *роск^ажет*, *росп^айка*, *розд^аёл*, *и*, *в-роз^аж^ае*, *росп^айт*, *розб^ав*, *и*, *роб^ата*, *роб^атам*, *росп^ат* (ср. под ударением: *ро́ска́з*, *ро́зкал*, *ро́сп*, *и*, *ро́б*, *и*). Из сказанного должно быть ясно, что звук *о* в таких случаях нельзя считать явившимся из *а* или на месте *а*: напротив, здесь в нашем правописании буква *а* пишется вместо *о*. Такое правописание не может не воздействовать на грамотное население, а через него и на остальное в смысле утраты в соответствующих случаях оканья и переходу в них к аканью.

Примечание. Говоры, в которых оканье представлено не только в 1-м предударном слоге, но и других безударных, в этих случаях имеют звук *о* и в других безударных слогах: *робот^онка*, *робет^ошка*, *ро́ска́т*, *розда́вт*, *ро́спрегот*, *розбежа́л*, *и*, *выро́тот*.

В окружающих говорах обычно произносится *боран*, *стокан*, где, несмотря на написание с *а* (*ба́ран*, *стака́н*), предударный гласный восходит к этимологическому *о*. С *о* в предударном слоге произносится также слово *зобота* (при написании с *а*: *забо́та*). Этимологию этого последнего слова нельзя считать установленной.

Однако по окружающим говорам в 1-м предударном слоге гласный *о* может произноситься в ряде случаев, в которых этимологическое *а* находится вне всякого сомнения: *зобор*, *долбо́ко*, *дова́ж*, *скоза́л*, *зобро́сит*, *ноло́к*. Это явление для своего объяснения требует еще детальных изучений.

§ 45. В русском языке в начале слова фонема *Ѡ* фактически не употребляется, так как старое *о* под восходящим ударением, из которого развилась фонема *Ѡ*, в начале слова развилось перед собой согласную *в* (например, *вѠщина*, *вѠчим*, *вѠсем*).

В начале слова фактически редко встречается и фонема *а*, которая употребляется главным образом в заимствованных словах. Однако начальное безударное *а* в старых заимствованиях еще в древности было усвоено со звуком *о*, который в окружающих говорах сохраняется и до сих пор. Ср. *олтар*, *Ондрей*, *Онтон*, *Ол'екс'ей*, *Ол'ександр*, *Овдот* и т. д. С *о* нередко передаются в окружающих говорах отдельные новые

заимствования (ср. *оптека, огроном*). Начальное безударное *а* в окающих говорах встречается лишь в единичных случаях (напр., *аршйн*). Впрочем, в передаче безударных *о* и *а* в начале слова существуют по говорам колебания.

Зато в русском языке широко представлена в начале слова фонема *о*, которая в 1-м предударном слоге при оканье сохраняет свое качество и произносится как *о*, например: *оса́* (ср. *бсы́*), *окна́* (ср. *окна́*), *оз'ор* (ср. *бз'оро*), *одда́т'* (ср. *бддано*) и т. д.

В связи с отсутствием фонем *б* и *а* в начале слова практически во всяком начальном *о* безударных слогов можно видеть фонему *о*: *од'ин, одна́, от'е́ц, огур'е́ц* и т. д.

В некоторых случаях вместо начального *о* в 1-м предударном слоге по говорам произносится *о'* или *у*: *уп'а́т', удда́т'*.

Смешанный окающе-акающий вокализм.

§ 46. На путях перехода от оканья к аканью наблюдаются разные типы смешанного окающе-акающего вокализма, совмещающие в себе частично принципы оканья и аканья.

Так, например, в ряде говоров наблюдается оканье при ассимилятивном аканье. В таких говорах фонемы *о* и *а* в 1-м предударном слоге вообще различаются, но если под ударением находится *а*, то в 1-м предударном слоге они совпадают в одном общем варианте — *а*, т. е. произносится: *ног'й, ног'е, ногб́ј*, но *нага́*; *сто́ль, сто́лов, к-сто́лу*, но *ста́ла́*; *вод'й, вод'е, водб́ј*, но *вада́* (ср. *трав'й, трав'е, травб́ј, травá*). Такой говор отмечен, например, в д. Дорофеево Шатурского района Московской области (в 1929 г.).

Описанный вокализм представляет как бы первый шаг на пути от оканья к аканью. Дальнейший шаг на этом пути можно наблюдать в говорах, где представлено ассимилятивное оканье при аканье. В таких говорах фонемы *о* и *а* в 1-м предударном слоге вообще не различаются, совпадая в общем варианте *а*, но если под ударением находится *о*, то в предударном слоге *о* и *а* различаются, т. е. произносится: *нага́, наг'й, наг'е*, но *ногб́ј*; *вада́, вад'й, вад'е*, но *водб́ј*; *ста́ла́, к-ста́лу, ста́ль*, но *сто́лов* (ср. *травá, трав'й, трав'е, травб́ј*).

При переходе от оканья к аканью в 1-м предударном слоге на месте фонемы *о* наблюдается также беспорядочное употребление то по старой окающей норме звука *о*, то звука *а* — в соответствии с усваиваемой акающей системой (*нога́* и *нага́*). Нередко аканье имеет место в словах новых, заимствованных из города, а оканье чаще сохраняется в словах своих, в особенности в словах специфически диалектных.

Аканье.

§ 47. Аканье различается диссимилятивное и недиссимилятивное. Значительной части русских акающих говоров — всем ср-в-р., а также большей части ю-в-р — свойственно аканье

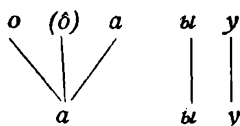
недиссимильативное. Диссимильативное аканье распространено, главным образом, в западной части территории ю-в-р наречия, а также в соседней с нею территории восточных говоров белорусского языка¹.

Принцип недиссимильативного аканья очень прост: гласные фонемы верхнего подъема после твердых согласных (кроме шипящих), т. е. *а*, *о*, *ѳ*, в первом предударном слоге совпадают, выступая в одном общем варианте — звуке *а* того или иного качества.

Следует отметить, что при недиссимильативном аканье качество гласного первого предударного слога никак не связано с тем, какая гласная фонема находится под ударением.

Система гласных 1-го предударного слога при недиссимильативном аканье может быть выражена в следующей схеме:

Под ударением

В 1-м предударном слоге

Итак, фонемы *о* (или *о* и *ѳ*, если они различаются под ударением) и *а* в 1-м предударном слоге совпадают, выступая в общем варианте *а*, но сохраняют свою различаемость с гласными фонемами верхнего подъема — *ы* и *у*. Это можно иллюстрировать на примерах: *здарѳв* (ср.: *здѳръвъ*) и *дарѳв* (ср.: *дар*), но *дыра* (ср.: *дырка*), *дурак* (ср.: *дура*). Ср.: *вада*, *вады*, *вадѳ*; *стала*, *к-сталу*, *нѳ-сталѳ*, *зѳ-сталѳм*; *адна*, *адну*; *азѳр*, *асѳл*, *асла*.

§ 48. Качество общего варианта фонем *о* и *а* в первом предударном слоге неодинаково по разным говорам. В ю-в-р говорах с недиссимильативным аканьем здесь произносится обычно полновесное по своему образованию, широкое, открытое *а*: *сѳхарку*, *мѳлака*, *пѳгадѳ*. Литературному произношению — и, видимо, значительной части ср-в-р говоров — в этом положении свойственно *а* заметно менее открытого образования, с меньшим раствором рта (отметим такое *а* знаком *а*): *сѳхарку*, *мѳлака*, *пѳгадѳ*. В говорах, которые недавно усвоили аканье, а также у отдельных лиц, перешедших от системы оканья к аканью (например, у северновеликоруссов или украинцев), в первом предударном слоге в качестве варианта фонем *а* и *о* нередко произносятся гласный средне-заднего ряда, довольно узкого образования — среднего подъема, т. е. типа *ѳ* или очень заднего э: *стѳла*, *к-стѳлу*, *ѳ-стѳлѳ*; *вѳда*, *вѳды*, *в-вѳдѳ* (или *стѳла*, *к-стѳлу*, *ѳ-стѳлѳ* и т. д.). У лиц с таким произношением этот гласный по качеству не отличается от варианта фонем *а* и *о* после твердых согласных во втором предударном слоге, но может отличаться от него лишь меньшей степенью редукции, большей полновесностью: *вѳдѳвѳдз*, *сѳхѳрку*, *мѳлѳко*, *пѳгѳдѳ* (или *вѳдѳвѳдз*, *сѳхѳрку*, *мѳлѳко*, *пѳгѳдѳ*). Отмеченная черта довольно широко известна, между прочим, в русском произношении украинской интеллигенции гг. Харькова и Киева.

¹ Пределы распространения диссимильативного аканья, в особенности на восток и юго-восток, до сих пор не могут считаться точно установленными, ввиду отсутствия достаточного количества материалов, а также трудности фиксации этой черты наблюдателями (об этом см. ниже § 50).

§ 49. Принцип диссимилятивного аканья сложнее. Он сводится к следующему: гласные фонемы неверхнего подъема после твердых согласных (кроме шипящих), т. е. *а, о (о)*, в первом предударном слоге совпадают, выступая в одном общем варианте: в звуке *а*, если под ударением находится любая гласная, кроме *а*, и в звуке, отличном от *а*, — типа *э*, если под ударением находится *а*: *нэ́а*, но *нэ-на́э*, *на́о*; *сэх́а*, но *сах́'и*, *к-сах́'е*, *сах́о́*; *трэ́а*, но *нэ-тра́в'е*, *тра́в*, *траво́*; *пэх́ат'*, но *пашу́*, *паш'и*; *скэ́ал*, но *скаж'и*; *сэ́рват'*, но *сарву́*, *сарв'и*, *сарв'ет'*; *нэ́ска*, но *на́сок*, *на́ск'и*; *стэ́кан*, *бэ́ран*, *сэ́бка*, *тэ́дар'ин*; *мэ́ја*, но *май*, *ма́ју*; *твэ́ја*, но *твай*, *тва́ју*; *стэ́јал*, но *ста́ју*, *стайш*; *бэ́јалс'и*, но *ба́јус'*, *байс'с'и*; *бэ́л'ат'*, но *бал'ит'*, *умэ́л'ат'* и т. д.

Звук, „отличный от *а*“, в котором совпадают гласные фонемы неверхнего подъема, при ударенном *а* по своему качеству неодинаков по разным говорам, а также, видимо, и в одном и том же говоре в разных фонетических условиях: от широкого, отодвинутого назад *э*, акустически близкого к менее открытым разновидностям звука *а*¹, до гласной верхнего образования *ы*; чаще выступает здесь звук средний по подъему языка между *э* и *а*, который можно обозначить знаком *э̃*. Итак, рядом с *нэ́а* (ср.: *на́о*) имеются также формы *нэ́а* и *ны́а*.

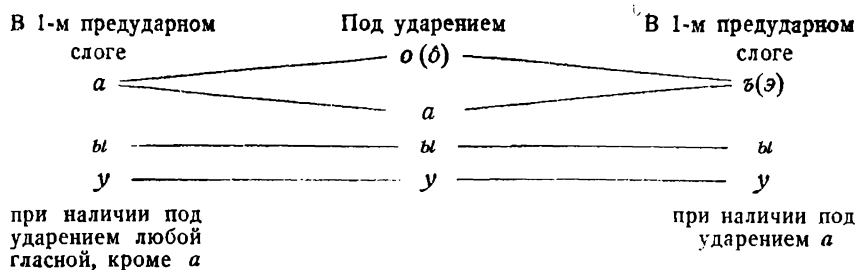
Если расположить эти произносительные варианты, отправляясь от более открытых звуков в 1-м предударном слоге к наиболее закрытым, то получится *нэ́а* (близко к *на́а*), *нэ́а*, *ны́а*; *дэ́ска* (близко к *даска́*), *дэ́ска*, *ды́ска*; *стэ́јал'и*, *стэ́јал'и*, *сты́јал'и*; *мэ́ја*, *мэ́ја*, *мы́ја* и т. д.

§ 50. Для наблюдателя, владеющего системой литературного языка, заметить в этих случаях звук *ы* (гласный среднего образования верхнего подъема), может быть, и не представляет большого труда, но для него очень трудно заметить более открытые разновидности, в особенности *э̃*. Для того, чтобы схватить разницу между литературным *ва́д*, *ва́ды* и диалектным *вэ́д*, *ва́ды*, нужен не только хороший природный слух, но, кроме того, достаточная фонетическая тренировка: дело в том, что звук *а* литературного языка (*ва́д*, *ва́ды*) является немного более открытым, чем диалектное *э̃* в *вэ́д*, и немного более закрытым, чем диалектное *а* в *ва́ды*, т. е. занимает промежуточное положение между *э̃* и *а*, и поэтому для такого наблюдателя может показаться тождественным диалектным звукам *э̃* и *а*. Между тем можно думать, что более открытые разновидности этого варианта фонем *а* и *о* являются одновременно и более распространенными. Поэтому можно быть совершенно уверенным в том, что многие наблюдатели-дилетанты прошли мимо диссимилятивного аканья, не заметив его и не отразив в своих записях².

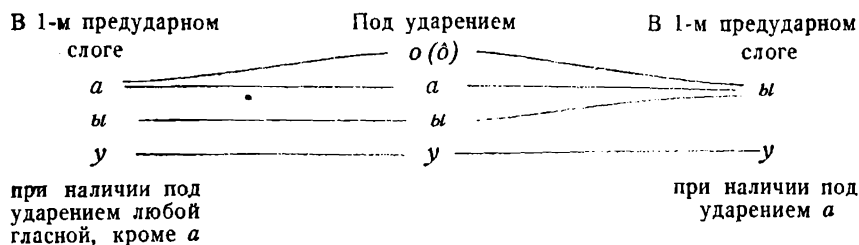
§ 51. Таким образом, система гласных 1-го предударного слога при диссимилятивном аканье может быть выражена в следующей схеме:

¹ В частности, к тому, который известен в литературном языке и выше был обозначен знаком *а*.

² Даже такой опытный наблюдатель, как Е. Ф. Будде, не заметил диссимилятивного аканья в Полпине б. Брянского у., хотя сделанные там позднее наблюдения И. Г. Голанова безусловно указывают на диссимилятивное аканье.

Если при диссимилятивном аканье в качестве варианта, отличного от *а*, выступает *ы*, то система гласных приобретает несколько иной вид:

В этом случае фонемы *о (Ѧ)*, *а* 1-го предупредного слога, выступая при наличии под ударением *а* — в своем общем варианте *ы*, совпадают с *ы*. Однако те же фонемы сохраняют свою различаемость с *ы*, если под ударением находится любая другая гласная фонема, кроме *а*.

§ 52. Необходимо сделать еще несколько частных замечаний. Одно из них касается случаев, когда гласная 1-го предупредного слога находится в абсолютном начале слова, т. е. не прикрыта согласной. Отмечено, что в таких случаях принцип диссимилятивности нередко отсутствует, т. е. при наличии под ударением *а* в предупредном также часто произносится *а*: *адна*, *аѣн'а*, *амбар*, *аз'аб*, *аст'ал'с'и*, *акн'а* и т. д.¹ Если начальная гласная 1-го предупредного слога попадает в положение после твердой согласной (обычно согласной предлога), то принцип диссимилятивности может соблюдаться, но может также — по аналогии с теми же случаями в абсолютном начале слова — и не соблюдаться. Причем подобные колебания встречаются не только в разных говорах, но и в говоре одного и того же лица, которое в положении после согласных диссимилятивное аканье вообще проводит последовательно. Итак, возможно произношение: *из-ѣн'а*, *в-ѣмбар'е*, *с-ѣкн'а* и рядом *из-аѣн'а*, *в-амбар'е*, *с-акн'а*.

Примечание. В немногих ю-в-р говорах с диссимилятивным аканьем в абсолютном начале слова отмечено *и*: *иб'анцик*, *ип'рав'ил'с'и*, *ит'рада*, *идн'а*, *ип'ат'*. Что касается последнего случая (*ип'ат'*), то в нем *и*, может быть, объясняется частой слабоударяемостью этого слова.

¹ Что *а* в таких случаях является не „исключением“, а скорее „правилом“, т. е. чертой системы, видно из того, что в тех же говорах *а*, а не *ѣ* произносится в абсолютном начале слова и в более отдаленных от ударения слогах: *аднаѦѦ*, *атк'з'ал'и*, *аст'ѣ'ал'с'и* и т. д.

§ 53. Предударный гласный, отличный от *а* (т. е. *э* и др.), представляет собой редуцированный звук. Таким образом, в количественном отношении 1-ый предударный слог при диссимильативном аканье бывает неодинаков в зависимости от того, произносится ли в нем *э* (перед слогом с *а*) или *а* (перед слогом с другими гласными). В первом случае предударный слог редуцированный (*нэ́дá*), во втором (например: *на́гу*) он может уступить по полновесности только ударенному слогу. Что предударный слог с *э* относится к наименее полновесным слогам, это видно из анализа случаев, когда звуку *э* предшествует плавная или когда за ним следует плавная того же слога (т. е. находящаяся перед согласной). При диссимильативном аканье в этих случаях редуцированный гласный нередко ослабляется вплоть до полного исчезновения (особенно когда редуцированный следует за плавным), причем носителем слога нередко становится плавный: *кр^ват'* или *кр^вáт'*, *пр^дáл* или *п^рдáл*, *бр^тán*, *клá*; *ч^врбáтáй*, *т^вклá* при возможном *т^вклá*, *бал^втá*, *сар^вкá рубл^вéй* и т. д.

Есть основания предполагать, что при диссимилятивном аканье 1-ый предударный слог с *ъ* даже менее полновесен, чем 2-й предударный слог. На это, видимо, указывает следующая особенность в произношении случаев, когда между гласными 2-го и 1-го предударных слогов находится плавная. В подобных случаях наблюдается большое разнообразие в произношении: рядом с „нормальным“ *ѣлъва, бѣрѣда* находим *ѣл'ва, бар'ѣда, стар'на, вар'та; ѣлва, барѣда, стар'на, вар'та* и даже, если верить записям, *ѣлва, вар'та*. Естественно предположить, что редукция до нуля имеет место в более слабом слого, а усиление гласной до *а* — в более полновесном, т. е. что 1-ый предударный слог с *ъ* при диссимилятивном аканье, видимо, несколько слабее 2-го предударного слога. Что касается плавного, то он может приобрести слововость в результате ослабления предшествующего или последующего редуцированного звука.

лѣмѣт'. Некоторые наблюдатели легкую лабиализацию *ѣ* и неполное его совпадение с *о* или *у* обозначают знаком *ѣ°*, *ѣу*: *пѣуѣл'и*, *пѣ°мѣжу*.

Возможно, что дополнительным условием, способствующим лабиализации *ѣ* в 1-м предударном слоге, является наличие гласной *у* во 2-м предударном слоге. Ср. частое произношение *у* в следующих случаях: *дурукѣ*, *гусукѣ*, *рукѣ*.

Надо иметь в виду, конечно, что это „новое оканье“ ничего общего не имеет с собственно оканьем: при диссимилятивном аканье *о* (или *у*) звучит как на месте *о*, так и на месте *а* (т. е. фонемы *о* и *а* не различаются; ср.: *водѣ* и *трѣвѣ*). Далее, эта особенность не носит характера обязательной черты фонетической системы говора: наряду с *о* и *у* в том же говоре и часто в речи одних и тех же лиц звучат и „нормальные“ варианты фонем *о* и *а* (*вѣдѣ*, *пѣшлѣ*, *лѣмѣт'*, *трѣвѣ* и т. д.). Степень лабиализации *ѣ* очень различна от *ѣ°* до *у*. Все это не составляет сомнения в том, что *о* и *у* в приведенных выше случаях заменили более старый *ѣ*.

Что звуки *о* или *у* в 1-м предударном слоге в говорах с диссимилятивным аканьем появились непосредственно на месте *ѣ*, видно и из того, что в тех же говорах они нередко звучат и во 2-м предударном слоге на месте *ѣ* — обычного варианта фонем *о* и *а* в этом положении; ср.: *пущар'ѣ*, *пущулам*, *кумарѣ*, *у-пущад'ѣ*, *говѣр'ѣт'*, *с-кобока*; здесь также слабый, редуцированный звук *ѣ* легко лабиализуется при соответственном окружении согласных.

Примечание 1. Вообще всякое ослабление гласной и изменение ее в *ѣ* делает возможным при благоприятных условиях дальнейшее изменение *ѣ* в *о* или *у*. Ср. частые в ю-в-р говорах *коѣо*, *тоѣо* или *куѣо*, *туѣо*, где *о* не представляет собой сохранения старого *о*, а *у* — изменения *о* в *у*: как *о*, так и *у* являются здесь непосредственными заменами редуцированного *ѣ*, который появился в этих случаях в связи с слабоударностью местоимений.

Примечание 2. В отдельных случаях перед слогом с ударным *а* в 1-м предударном слоге подвергается ослаблению гласный верхнего подъема *ы*, это вызывает его изменение в *ѣ*, а последний при выше описанных благоприятных условиях может лабиализоваться. Отсюда возможное *у* вместо *ы*: *муѣѣл'и*, *муѣѣнт*.

Модификации гласных фонем 1-го предударного слога после мягких согласных.

§ 55. В с-в-р говорах гласные фонемы неверхнего подъема в 1-м предударном слоге после мягких согласных реализуются весьма многообразно, однако, повидимому, не образуя — как это имеет место в акающих говорах — достаточно четко выраженных типов. Последнее объясняется, между прочим, тем, что в одном и том же говоре нередко в этом положении употребляются различные разновидности одних и тех же гласных фонем неверхнего подъема в зависимости от стиля речи, а также от воздействия одних говоров на другие, от влияния литературного языка и т. д.; например, неодинаковые разновидности фонемы произносятся в отчетливой речи

(особенно песенной) и беглой: одно и то же лицо может сказать *н'осú* и *н'есú* или *т'анú* и *т'енú* и т. д. Имеется, кроме того, много тонких переходных случаев, которые можно отнести к одной и другой разновидности фонемы, напр.: *н'осú*, *н'бсú*, *н'е^осú* (чуть лабиализованное переднее *е*), *н'есú*; *т'анú*, *т'әнú*, *т'е^анú* (широкое переднее *е*), *т'енú*. В значительной части с-в-р говоров существенное значение для реализации гласных фонем неверхнего подъема в 1-м предударном слоге после мягких согласных в той или иной своей разновидности имеет качество следующей согласной — ее твердость или мягкость: одна и та же фонема в положении перед твердой или мягкой согласной может реализоваться в разных своих разновидностях; ср., например: *т'анú* и *т'ен'ú*, *р'екá* и *нъ-р'ик'е*.

Фонема *а* в интересующем нас положении реализуется в одних говорах в звуке *а*, в других — перед твердой согласной — в звуке *а*, перед мягкой — в звуке *е* (*а||е*), в третьих — в обоих положениях в звуке *е*: а) *загл'анú* — *загл'ан'ú*; *пот'анú* — *пот'ан'ú*; *п'атак* — *п'ат'ú*; *вз'алáс* — *вз'ал'úс*; б) *загл'анú* — *загл'ен'ú*; *пот'анú* — *пот'ен'ú*; *п'атак* — *п'ет'ú*; *вз'алáс* — *вз'ел'úс*; в) *загл'енú* — *загл'ен'ú*; *пот'енú* — *пот'ен'ú*; *п'етáк* — *п'ет'ú*; *вз'елáс* — *вз'ел'úс*.

Фонемы *о||е* (*с'ола* — *с'ел'ској*) после мягких согласных в 1-м предударном слоге также реализуются неодинаково: в одних с-в-р говорах перед твердой согласной произносится *о*, а перед мягкой — *е* (*о||е*), в других — звук *е* произносится как перед твердой согласной, так и перед мягкой: а) *с'оло* — *в-с'ел'е*; *в'осна* — *к-в'ес'н'е*; *н'осú* — *н'ес'ú*; *п'окú* — *п'ек'ú*; б) *с'ело* — *в-с'ел'е*; *в'есна*, *к-в'ес'н'е*; *н'есú* — *н'ес'ú*; *п'екú* — *п'ек'ú*.

В литературе предмета, хотя и гораздо реже, но все же отмечено *о* перед мягкой согласной: *б'ор'о́за*, *в-с'ол'е*, *к-в'ос'н'е* и т. д. Однако для того, чтобы установить, какова территория распространения такого произношения, насколько широк круг случаев, захваченных им, каково его место в фонетической системе соответствующих говоров, требуется проведение тщательных наблюдений и наличие большого материала, которым пока мы не обладаем.

Неодинаково реализуется в 1-м предударном слоге после мягких согласных по с-в-р говорам и фонема *е*. В большей части с-в-р говоров перед твердой согласной звучит *е*, а перед мягкой — *и* (*е||и*); в части говоров перед твердой согласной звучит *о*, а перед мягкой — *и* (*о||и*). Впрочем, при наличии перед твердой согласной как *е*, так и *о* в положении перед мягкой согласной может звучать не только *и*, но и *е*. Поэтому, видимо, могут быть также говоры с *е* как перед твердой, так и перед мягкой согласной, а также говоры с *о||е*: а) *р'екá* — *р'ик'е*, *б'еда* — *б'ид'е*; б) *р'окá* — *р'ик'е*; *б'ода* — *б'ид'е*; а также: *р'екá*, *р'ек'е*; *б'еда*, *б'ед'е* или *р'окá* — *р'ек'е*; *б'ода* — *б'ед'е*.

Все эти модификации гласных фонем неверхнего подъема в разных с-в-р говорах в 1-м предударном слоге выступают в самых разных комбинациях. Если к этому еще принять во внимание, что, как указано выше, в одном и том же говоре и в одном и том же фонетическом положении нередко употребляются неодинаковые раз-

новидности той или иной фонемы, станет ясной вся затруднительность установления типов предударного вокализма после мягких согласных с-в-р говоров.

Примечание. Большая часть исследователей с-в-р говоров изучала лишь отдельные явления и не во всех фонетических положениях (например, отмечала, что произносятся *заг'ану́*, не указывая, какой звук произносят на месте *а* перед мягкими согласными). При этом не обращалось внимания на соотношения данного явления с другими явлениями, стоящими в этом же ряду (например, наблюдался, какой звук произносится в 1-м предударном слоге после мягких согласных на месте *а*, но не соотносилось это с тем, какой звук произносится в том же положении вместо других гласных неверхнего подъема). Это также затрудняет установление типов предударного вокализма с-в-р говоров. Возможно, что в результате дальнейших тщательных систематических изучений отдельных с-в-р говоров удастся более точно описать их системы.

Полное или частичное различие гласных фонем неверхнего подъема в 1-м предударном слоге.

§ 56. Ниже рассмотрим некоторые типы предударного вокализма после мягких согласных.

I. Гласные фонемы неверхнего подъема после мягких согласных в 1-м предударном слоге реализуются: фонема *а* — в звуке *а*; фонема *е ('о)* — перед твердой согласной в звуке *о*, перед мягкой — в звуке *е*; фонема *ê* — перед твердой согласной в звуке *е*, перед мягкой — в звуке *и* (или близком к *и* — *е^и*).

Этот тип может быть представлен в следующей таблице:

В 1-м предударном слоге	Под ударением	В 1-м предударном слоге
<i>а</i> _____	<i>а</i> _____	<i>а</i>
<i>о</i> _____	<i>е ('о)</i> _____	<i>е</i>
<i>е</i> _____	<i>ê (е)</i> _____	<i>и</i>
перед твердой согласной		перед мягкой согласной

Как видно из таблицы, в такого рода говорах в предударном слоге различаются три фонемы как перед твердой, так и перед мягкой согласной. Иллюстрируем примерами такие говоры: а) *пр'адү* — *пр'ад'ү*; *заг'анү* — *заг'ан'ү*; *св'атöj* — *ос'в'ат'үт'и*; *пот'анү* — *пот'ан'ү*; *п'атак* — *п'ат'ү*; б) *н'осү* — *н'ес'ү*; *пр'ив'одү* — *пр'ив'ед'ү*; *нап'окү* — *нап'ек'ү*; *с'олö* — *в-с'ел'е*; *в'оснä* — *к-в'ес'н'е*; *пов'олä* — *пов'ел'ү*; *ун'ослä* — *ун'ес'л'ү*; в) *л'есök* — *л'ис'үстоj*; *р'екä* — *в-р'ик'е*, *б'едä* — *в-б'ид'е*.

Однако значительно больше таких с-в-р говоров, в которых в 1-м предударном слоге после мягких согласных различается меньшее количество гласных фонем неверхнего подъема. Рассмотрим такие говоры.

II. Гласные фонемы неверхнего подъема после мягкой согласной реализуются: фонема *а* — в звуке *а* перед твердой согласной и в

звуке *е* перед мягкой; фонема *е* ('*о*') — в звуке *о* перед твердой согласной и в звуке *е* перед мягкой; фонема *ê* — в звуке *е* перед твердой согласной и в звуке *и* (или близком к *и* — *е^и*) перед мягкой.

Этот тип может быть представлен в следующей таблице:

В 1-м предударном слоге	Под ударением	В 1-м предударном слоге
<i>а</i> ————— <i>а</i> ————— <i>е</i>		
<i>о</i> ————— <i>е</i> (' <i>о</i> ') ————— <i>е</i>		
<i>е</i> ————— <i>ê</i> (<i>е</i>) ————— <i>и</i>		
перед твердой согласной		перед мягкой согласной

В такого рода говорах, как видно из таблицы, *а*, *е* ('*о*'), *ê* (*е*) в 1-м предударном слоге различаются в положении перед твердой согласной; в положении же перед мягкой согласной фонема *а* выступает в своем варианте *е*, совпадая таким образом с *е* ('*о*'), и им противопоставлена лишь фонема *ê*, выступающая в своем варианте *и* (или *е^и*). Иллюстрируем примерами такие говоры: а) *пр'адý* — *пр'ед'ý*; *загл'анý* — *загл'ен'ý*; *св'атóј* — *осв'ет'ít*; *пот'анý* — *пот'ен'ý*; *п'атáк* — *п'ет'ý*; б) *н'осý* — *н'ес'ý*; *пр'ив'одý* — *пр'ив'ед'ý*; *нап'окý* — *нап'ек'ý*; *с'олó* — *в-с'ел'ê*; *в'оснá* — *к-в'ес'н'ê*; *пов'олá* — *пов'ел'ý*; *ун'ослá* — *ун'ес'л'ý*; в) *л'есóк* — *л'ис'ýстој*; *р'екá* — *в-р'ик'ê*; *б'одá* — *в-б'ид'ê*.

III. Гласные фонемы неверхнего подъема после мягких согласных в 1-м предударном слоге реализуются: фонема *а* — перед твердой согласной в звуке *а*, перед мягкой — в звуке *е*; фонема *е* ('*о*') — перед твердой согласной в звуке *о*, перед мягкой — в звуке *е*; фонема *ê* — перед твердой согласной в звуке *о*, перед мягкой — в звуке *и* (или *е^и*).

Этот тип может быть представлен в следующей таблице:

В 1-м предударном слоге	Под ударением	В 1-м предударном слоге
<i>а</i> ————— <i>а</i> ————— <i>е</i>		
<i>о</i> ————— <i>е</i> (' <i>о</i> ') ————— <i>е</i>		
<i>е</i> ————— <i>ê</i> (<i>е</i>) ————— <i>и</i>		
перед твердой согласной		перед мягкой согласной

Как видно из таблицы, в таких говорах как перед твердой согласной, так и перед мягкой различаются только два звука, в одном из которых совпадают варианты двух гласных: перед твердой согласной *е* ('*о*') и *ê* совпадают в варианте *о*; перед мягкой согласной *а* и *е* ('*о*') совпадают в варианте *е*.

Иллюстрируем примерами такие говоры: а) *пр'адý* — *пр'ед'ý*; *загл'анý* — *загл'ен'ý*; *св'атóј* — *осв'ет'ít*; *пот'анý* — *пот'ен'ý*; *п'атáк* — *п'ет'ý*; б) *н'осý* — *н'ес'ý*; *пр'ив'одý* — *пр'ив'ед'ý*; *нап'окý* — *нап'ек'ý*; *с'олó* — *в-с'ел'ê*; *в'оснá* — *к-в'ес'н'ê*; *пов'олá* — *пов'ел'ý*; *ун'ослá* — *ун'ес'л'ý*; в) *л'есóк* — *л'ис'ýстој*; *р'екá* — *в-р'ик'ê*; *б'одá* — *в-б'ид'ê*.

В части говоров, в которых перед твердой согласной *е*('о) и *ѣ* выступают в своем варианте *о* (*н'осѹ, р'окá*), на месте фонемы *а* может произноситься не только *а*, но и *е* (*пр'едѹ, загл'енѹ*), но это не меняет системы вокализма: и в этом случае *е*('о) и *ѣ* совпадают в одном варианте, различаясь с вариантом фонемы *а*.

С другой стороны, система вокализма не будет той же, если перед мягкой согласной вместо *а* и *е*('о) звучит гласный *е*, более или менее склонный к *и* (*е^и*), и такой же звук имеется в том же положении вместо фонемы *ѣ*; в этом случае перед мягкой согласной гласные фонемы неверхнего подъема, следовательно, не различаются, выступая в одном общем варианте *е^и* (*пот'е^ин'ѹ, н'е^ис'ѹ, в-р'е^ик'ѣ*).

IV. Гласные фонемы неверхнего подъема после мягких согласных в 1-м предударном слоге реализуются: фонема *а* — в звуке *е*; фонема *е*('о) — в звуке *о* перед твердой согласной и в звуке *е* перед мягкой; фонема *ѣ* — в звуке *е* перед твердой согласной и в звуке *и* перед мягкой. Этот тип может быть представлен в таблице:

В 1-м предударном слоге	Под ударением	В 1-м предударном слоге
<i>о</i> ————— <i>е</i> ('о)	————— <i>а</i> ————— <i>е</i>	
<i>е</i> ————— <i>ѣ</i> (<i>е</i>)	————— <i>ѣ</i> (<i>е</i>) ————— <i>и</i>	
перед твердой согласной		перед мягкой согласной

Здесь мы видим совпадение *а* и *ѣ* перед твердой согласной и *а* и *е*('о) перед мягкой согласной в одном общем варианте.

Иллюстрируем примерами такие говоры: а) *пр'едѹ* — *пр'ед'ѹ*; *загл'енѹ* — *загл'ен'ѹ*; *св'етѹ* — *осв'ет'ѹ*; *пот'енѹ* — *пот'ен'ѹ*; *н'етáк* — *н'ет'ѹ*; б) *н'осѹ* — *н'ес'ѹ*; *пр'ив'одѹ* — *пр'ив'ед'ѹ*; *нап'окѹ* — *нап'ек'ѹ*; *с'олѹ* — *в-с'ел'е*; *в'оснá* — *к-в'ес'н'ѣ*; *пов'олá* — *пов'ел'ѹ*; *ун'ослá* — *ун'ес'л'ѹ*; в) *л'есѹк* — *л'ис'ѹстоѹ*; *р'екá* — *в-р'ик'ѣ*; *б'едá* — *в-б'ид'ѣ*.

V. Гласные фонемы неверхнего подъема после мягких согласных в 1-м предударном слоге реализуются: фонема *а* — в звуке *а* перед твердой согласной и в звуке *е* перед мягкой; фонема *е*('о) — в звуке *е*; фонема *ѣ* — в звуке *е* перед твердой согласной и в звуке *и* перед мягкой.

Представим вокализм такого говора в таблице:

В 1-м предударном слоге	Под ударением	В 1-м предударном слоге
<i>а</i> ————— <i>а</i> ————— <i>е</i>	————— <i>а</i> ————— <i>е</i>	
<i>е</i> ————— <i>ѣ</i> (<i>е</i>)	————— <i>е</i> ('о) ————— <i>и</i>	
перед твердой согласной		перед мягкой согласной

В таких говорах, как видно из таблицы, перед твердой согласной фонема *а* противопоставлена *е*('о) и *ѣ*, которые выступают в общем

варианте *е*, а перед мягкой согласной *а* и *е* ('*о*'), выступающие в общем варианте *е*, противопоставлены варианту фонемы *ѐ* — *и*.

Иллюстрируем примерами такой говор: а) *пр'адѹ* — *пр'ед'ѹ*; *загл'анѹ* — *загл'ен'ѹ*; *св'атѹ* — *осв'ет'ѹ*; *пот'анѹ* — *пот'ен'ѹ*; *п'атѹк* — *п'ет'ѹ*; б) *н'есѹ* — *н'ес'ѹ*; *пр'ив'едѹ* — *пр'ив'ед'ѹ*; *нап'екѹ* — *нап'ек'ѹ*; *селѹ* — *в-сел'ѹ*; *веснѹ* — *к-в'ес'нѹ*; *пов'елѹ* — *пов'ел'ѹ*; *ун'еслѹ* — *ун'ес'л'ѹ*; в) *л'есѹк* — *л'ис'ѹстой*; *рекѹ* — *в-р'ик'ѹ*; *б'едѹ* — *в-б'ид'ѹ*.

Еканье.

§ 57. Следует иметь в виду, что отсутствие „ёканья“, т. е. произношение типа *н'есѹ* с *е* перед твердой согласной в предударном слоге, широко распространено во многих с-в-р говорах. С другой стороны, в этом же положении широко распространено произношение *е* вместо фонемы *а*. Если учесть возможность отсутствия ёканья в типе IV, т. е. произношение *н'есѹ* и т. д., как в типе V, а также возможность произношения звука *е* перед твердой согласной вместо *а* в говорах типа V, как это имеет место в типе IV, то нельзя не отметить возможность совпадения всех гласных фонем неверхнего подъема после мягких согласных в 1-м предударном слоге в одном их общем варианте *е* (в „ёканье“). Таким образом, возможен еще следующий тип:

VI. Все гласные фонемы неверхнего подъема, т. е. *а*, *е* ('*о*'), *ѐ* (*е*), после мягких согласных в 1-м предударном слоге перед твердой согласной реализуются в общем варианте *е*; перед мягкой согласной *а* и *е* ('*о*') выступают в варианте *е*, а фонема *ѐ* — в варианте *и*.

Такой говор может быть представлен в следующей таблице:

В 1-м предударном слоге	Под ударением	В 1-м предударном слоге
<i>е</i>	<i>а</i>	<i>е</i>
	<i>е</i> (' <i>о</i> ')	
	<i>ѐ</i>	<i>и</i>
перед твердой согласной		перед мягкой согласной

Иллюстрируем примерами еканье: а) *пр'едѹ* — *пр'ед'ѹ*; *загл'енѹ* — *загл'ен'ѹ*; *св'етѹ* — *осв'ет'ѹ*; *пот'енѹ* — *пот'ен'ѹ*; *п'етѹк* — *п'ет'ѹ*; б) *н'есѹ* — *н'ес'ѹ*; *пр'ив'едѹ* — *пр'ив'ед'ѹ*; *нап'екѹ* — *нап'ек'ѹ*; *селѹ* — *в-сел'ѹ*; *веснѹ* — *к-в'ес'нѹ*; *пов'елѹ* — *пов'ел'ѹ*; *ун'еслѹ* — *унес'л'ѹ*; в) *л'есѹк* — *л'ис'ѹстой*; *рекѹ* — *в-р'ик'ѹ*; *б'едѹ* — *в-б'ид'ѹ*.

По отношению ко всем предшествующим типам, в которых вместо фонемы *ѐ* в 1-м предударном слоге перед мягкой согласной произносится вариант *и*, надо иметь в виду еще следующее обстоятельство: вместо *и* по говорам может произноситься также звук *е^и* (т. е. ненапряженный гласный, средний по подъему языка между *и* и *е*). А так как такой же звук нередко произносится в том же положении и вместо *а* (*загл'ен'ѹ*) и *е* (*п'он'ес'ѹ*), то, следовательно, совпадение всех гласных неверхнего подъема в одном общем вари-

анте *е* в 1-м предударном слоге перед мягкой согласной распространено шире, чем перед твердой согласной.

§ 58. Надо иметь в виду, что различие гласных фонем неверхнего подъема — полное, т. е. всех этих фонем, или частичное, т. е. некоторых из них (типы I — V), свойственно с-в-р, т. е. окающим говорам.

Примечание. Правда, в научной литературе есть указания на то, что в некоторых акающих с-в-р говорах в предударном слоге после мягких согласных фонема *а* отличается от *е* (*о*) и *ё* тем, что на месте *а* произносится *а*, а на месте *е* (*о*) и *ё* — звук *е* (т. е. по типу V), но не все эти указания заслуживают полного доверия: некоторые записи, указывающие на такое различие, можно заподозрить в сохранении *а* после мягких согласных (*я*) под влиянием орфографии (т. е. весьма возможно, что написания *загляну*, *загляни* или *загл'ану*, *загл'ан'и* при написаниях *несу*, *неси*, *река*, *беда* по отношению к акающим говорам представляют собой сохранение орфографической нормы). Однако все же, видимо, существуют говоры, с-в-р по происхождению, утратившие оканье в собственном смысле слова, но еще частично сохраняющие различия между гласными неверхнего подъема после мягких согласных. Отдельные такие говоры отмечены на севере и северо-востоке Рязанской области.

Что касается „еканья“, т. е. совпадения всех гласных неверхнего подъема после мягких согласных в 1-м предударном слоге в одном общем варианте *е*, то оно свойственно как с-в-р, т. е. окающим говорам, так и говорам акающим, главным образом с-в-р. Таким образом, еканье (т. е. произношение *т'ену́*, *н'есу́*, *в-л'есу́*) — черта нейтральная по отношению к выделению основных наречий русского языка: оно может быть сопряжено — в положении после твердых согласных — как с оканьем (т. е. произношением *водá*, но *травá*), так и с аканьем (т. е. произношением *вадá*, *травá*).

Обзор типов предударного вокализма после мягких согласных, свойственных с-в-р говорам, мы выше закончили так называемым еканьем — системой, при которой гласные неверхнего подъема после мягких согласных в предударном слоге совпадают в одном общем варианте *е*. Еканье встречается как в окающих говорах, так и в акающих. Поэтому при выделении основных наречий русского языка эта система является в общем нейтральной.

Иканье.

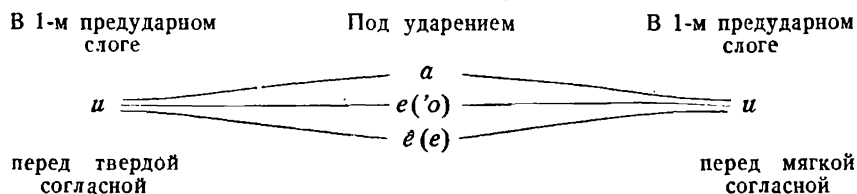
§ 59. Однако гласные фонемы неверхнего подъема после мягких согласных в 1-м предударном слоге могут совпадать не только в варианте *е*, но также и в варианте *и*. Такая реализация их носит название иканья. При иканье, как и при еканье, твердость и мягкость последующей согласной в общем не существенна: в обоих положениях произносится вариант *и*.

Примечания. 1. Качество этого варианта, впрочем, может быть не одинаковым. Наряду с „нормальным“ *и* употребляются более открытые оттенки *и* (т. е. *и^е*). Во многих говорах перед твердой согласной произносятся более открытые оттенки *и* (*и^е*), а перед мягкой — более закрытые.

2. Надо иметь в виду, что нельзя провести четкую грань между иканьем и еканьем: если при иканье могут употребляться более открытые оттенки

а (т. е. *и^е*), а при еканье наряду с другими оттенками *е* также оттенки, более закрытые (т. е. *е^а*), то грань между *и^е* и *е^а* провести весьма трудно, и та или иная квалификация соответствующего звука во многом зависит от индивидуального восприятия наблюдателя.

Если передать систему иканья посредством такой же таблицы, как выше переданы другие типы предупредного вокализма после мягких согласных, то таблица будет иметь следующий вид:

Приведем примеры на иканье: а) *нѣпр'иду* — *нѣпр'ид'и*; *зѣгл'ину* — *зѣгл'ин'и*; *св'итѣ* — *ас'в'ит'ит'*; *пѣт'ину* — *пѣт'ин'и*; *п'итѣ* — *п'ит'и*; б) *н'ису* — *н'ис'и*; *пр'ив'иду* — *пр'ив'ид'и*; *нѣп'икѣ* — *нѣп'ик'и*; *с'илѣ* — *в-с'ил'е*; *в'иснѣ* — *в'ис'н'е*; *пѣв'илѣ* — *пѣв'ил'и*; *унислѣ* — *ун'исл'и*; в) *л'исѣ* — *л'ис'ѣстѣ*; *р'икѣ* — *в-р'ик'е*; *б'идѣ* — *в-б'ид'е*.

Иканье распространено среди акающих говоров ср-в-р, а также в части таких говоров, которые принято относить к ю-в-р. Иканье характерно также для одной из разновидностей так называемого „московского“ произношения, лежащего в основе произносительной системы литературного языка. Впрочем, наряду с *и* системе современного литературного языка в 1-м предупредном слоге после мягких согласных в качестве варианта гласных фонем неверхнего подъема свойственно также произношение *и^е* или *е^а*, т. е. звуков, средних между *и* и *е*, не совпадающих полностью с *и*.

Яканье.

§ 60. В акающих говорах все гласные неверхнего подъема в 1-м предупредном слоге после мягких согласных, как и в других безударных, не различаются в произношении. Однако частные фонетические условия, в которых происходит это совпадение, весьма различны по говорам. Различно также качество общего варианта неразличающихся фонем.

В одних говорах все гласные фонемы неверхнего подъема после мягких согласных в 1-м предупредном слоге вне зависимости от дальнейших, более частных фонетических условий совпадают в звуке *и* или *е* (это так называемые иканье или еканье), в других они совпадают всегда в *а* или в одних фонетических условиях в звуке *а*, в других в звуке *и* или *е*. Это так называемое яканье.

Таким образом, яканьем называется совпадение гласных фонем неверхнего подъема после мягких согласных в 1-м предупредном слоге либо постоянно в одном варианте *а*, либо в варианте *а* в чередовании с вариантом *и* или *е* в зависимости от разных более частных фонетических условий.

Существует несколько видов яканья. Выделение этих видов про-

изводится на основании того, совпадают ли гласные фонемы неверхнего подъема после мягких согласных в 1-м предударном слоге в общем варианте *а* всегда, вне зависимости от дальнейших, более частных фонетических условий, или в зависимости от этих условий неразличающиеся фонемы совпадают то в варианте *а*, то в варианте *и* (или *е*). В последнем случае виды яканья выделяются в зависимости от того, каковы фонетические условия, в которых выступают варианты *а* или *и* (или *е*).

Основных видов яканья три: умеренное, диссимилятивное и сильное.

Умеренное яканье.

§ 61. Выше был рассмотрен предударный вокализм после мягких согласных с-в-р говоров. Среди всех видов яканья наиболее близко к нему по самому своему принципу яканье умеренное. Поэтому с него именно мы и начнем наш обзор.

Умеренное яканье заключается в том, что наличие того или иного варианта гласных фонем неверхнего подъема после мягких согласных (*а* или „не *а*“) зависит от твердости или мягкости последующей согласной: перед твердой согласной выступает вариант *а*, перед мягкой согласной — *и* (или *е*).

Примеры на умеренное яканье:

а) перед твердой согласной: *н'асу́, в'аду́, нѣп'аку́, пѣс'алу́, с'алó, з'арнó, зѣс'астрóј, с'алóм, з'арнóм, н'аслá, прив'алá, с'астрá, в'арстá, тр'и в'арстý, у-с'астрý* (ср. под ударением в тех же морфемах: *н'ос, с'óла, сл'óзы* и т. д. или — редко — *н'ес, сл'эзы* и т. д.); *нѣ-р'аку́, б'аду́, в-с'н'азу́, в-л'асу́, гн'адужу́, зѣ-р'акóј, к-сл'анóј, б'адóј, л'асóк, гн'адóј* (мерин), *сл'анóј* (старик), *р'акá, б'адá, из-гн'аздá, пѣс'п'авáт', цв'атý, сл'анýх* (ср. под ударением в тех же морфемах: *р'эк* — род. п. мн. ч., *с'н'эг, л'ес* и т. д. или *л'ес, л'иес* и т. д.); *пѣт'ану́, зѣгл'ану́, р'абужу́, п'атнó, пѣ-пр'амóј, п'атнóм, р'аднóм, пр'алá* (ср. под ударением в тех же морфемах: *т'áнут, пр'áмо, пр'ал* и т. д.).

б) перед мягкой согласной — *н'ис'и́, ув'из'и́, пѣв'ил'и́, пр'и-н'ис'л'и́, в-с'ил'е́, ул'ит'е́ла, в'ил'ел', н'ис'óм, вид'óм, д'ир'евн'а, в'ис'óлѣј, з'ил'óнѣј, в'ил'у́, пѣс'т'ил'у́, с'им'já, пѣт'ир'áл, д'ьр'ив'áннѣј* (в предударном слоге находится гласная, которой в той же морфеме под ударением в большей части говоров соответствует о||е, т. е. гласный о перед твердой согласной, чередующийся в положении перед мягкой согласной с гласным е: ср. *н'ис'и́, прин'ис'л'и́, нис'óм* — *н'ос, н'ес'т'*; другие примеры: *в'оз* — *в'ес'т', пав'óл, с'óла, с'ел'скѣј*); *пѣбил'ил'и́, укр'ип'ил', л'ис'н'и́к, кѣ-ст'ин'е́, к-р'ик'е́, цв'ит'óт, см'и́жутѣ, ж'и́ју, пѣбил'у́, стр'ил'áт', пѣм'ин'áл* (ср. под ударением в тех же морфемах: *б'елѣј, л'ес, ст'ены, цв'ет* и т. д. или *б'елој, б'и́елој* и т. д.); *нѣпр'ид'и́, нѣр'ид'илсѣ́, гл'ид'е́ла, нѣпр'ид'óм, п'ит'jú, д'ис'ит'jú* (ср. под ударением в тех же морфемах: *пр'ас'т', пр'áжа, нар'áд, взгл'áд, п'áтѣј, д'ес'áтѣј*).

Система умеренного яканья может быть представлена в следующей таблице:

В 1-м предударном слоге	Под ударением	В 1-м предударном слоге
<i>a</i>	<i>a</i>	<i>и</i>
	<i>e('o)</i>	
	<i>ê(e)</i>	
перед твердой согласной		перед мягкой согласной

Вариант „не *a*“ при умеренном яканье может быть весьма разнообразен по своему качеству: от *и* до *e*; некоторые наблюдатели отмечают здесь звуки средние между *и* и *e* — *e^u*. Таким образом, рядом с *в'ил'эл*, *в'ил'у*, *път'ир'ал*, *пъгл'ид'у*, *р'иб'йна* встречается *в'ел'эл*, *в'ел'у*, *път'ер'ал*, *пъг'ед'у*, *р'еб'йна* или *в'е^uл'эл*, *в'е^uл'у*, *път'е^uр'ал*, *пъгл'е^uд'у*, *р'е^uб'йна*.

Выше была отмечена близость умеренного яканья к предударному вокализму после мягких согласных с-в-р говоров. В чем же эта близость? В системе умеренного яканья в предударном слоге после мягких согласных звуки *a* и „не *a*“ (*и* или *e*) чередуются в зависимости от того, тверда или мягка следующая согласная (*н'ас'у*, *н'ис'и*, *в'ил'у*). Как было показано выше, на основе того же принципа — в зависимости от твердости или мягкости следующей согласной — могут чередоваться гласные предударного слога после мягких согласных в с-в-р говорах; и в этих последних наличие того или иного варианта гласных фонем неверхнего подъема может быть обусловлено твердостью или мягкостью следующей согласной; ср.: *н'ос'у* — *н'ес'у*, *т'ан'у* — *т'ен'у*, *б'едá* (или *б'одá*) — *б-в'ид'е* и т. д. Таким образом, принцип умеренного яканья весьма близок к системе предударного вокализма после мягких согласных большей части с-в-р говоров.

§ 62. Умеренное яканье может иметь две разновидности в зависимости от того, какой вариант гласных фонем неверхнего подъема после мягких согласных произносится в 1-м предударном слоге перед твердыми шипящими согласными: дело в том, что шипящие в прошлом были мягкими согласными, а в дальнейшем они частью отвердели. Отсюда их двойственная „роль“ по отношению к гласным. В одних говорах они „ведут себя“ по отношению к предшествующей гласной, как мягкие согласные, и перед ними произносится вариант „не *a*“, в других — как твердые согласные, и перед ними произносится *a*. Например, как в с. Шехмино Рыбновского района Рязанской обл., так и в д. Криуши Солотчинского района той же области отмечено умеренное яканье. Но в первом перед шипящими произносится *и* (*м'ижá*, *л'ижáт'*, *б'ижáт'*; *из-м'ишкá*, *мишáт'*, *м'ишók*, *п'ишкóm*), а во втором — *a* (*м'ажá*, *л'ажáт'*, *б'ажáт'*; *из-м'ашкá*, *м'ашáт'*, *м'ашók*, *п'ашкóm*).

Можно думать, что первая разновидность умеренного яканья более старого происхождения по сравнению со второй, так как звук *и* (*e*) перед шипящими, видимо, появился тогда, когда шипящие еще были мягкими. Напротив, вторая разновидность яканья появилась

в говорах, уже имевших отвердевшие шипящие, и потому в них перед шипящими, как и перед другими твердыми согласными, в 1-м предударном слоге явилось *а*.

§ 63. При умеренном яканье отмечены некоторые аномалии. Так, например, обычно произносится *п'акл'й*, *т'икл'й*, *л'игл'й*, *ст'ьригл'й*, *зэпр'игл'й*, а не *п'акл'й* и т. д.; *нз-ст'икл'ё*, *в-в'идр'ё*, а не *нз-ст'акл'ё*, *в-в'адрэ*; *к-с'истр'ё*, а не *к-с'астр'ё*, как надо было ожидать перед твердыми согласными (*к*, *г*, *д*, *с*). Чем объясняется это отклонение от общего правила?

В приведенных примерах предударная гласная находится перед сочетанием согласных. Значительная часть сочетаний согласных в русском языке такова, что при мягкости второй согласной первая согласная также смягчается; ср.: *злой* — *з'л'ей*, *козла* — *к'оз'л'ик*, *сна* — *ва-с'н'ё*, *осла* — *ос'л'ик*, *узда* — *уз'д'ёч'кэ* и т. д. Однако рядом с такими сочетаниями есть и иные, в которых при мягкости второй согласной первая сохраняет свою твердость; ср.: *вытру* — *вытр'й*, *адра* — *нз-адрэ*, *остр'я* — *астр'ёя*, *маглá* — *магл'й*, *мокла* — *мокл'и* и т. д.

В приведенных выше примерах отклонений от системы умеренного яканья как раз имеются сочетания согласных второго рода.

При изучении звуковой системы языка всегда следует иметь в виду строение слова, его грамматические связи, т. к. многие звуковые особенности появляются нефонетическим путем благодаря воздействию одних грамматических форм на другие или данной грамматической формы одних слов на ту же форму других слов.

Надо думать, что указанные выше отклонения и появились в результате воздействия тождественных форм разных слов — одних, которые не имели сочетаний согласных или имели сочетание с мягкой согласной перед мягкой, на другие, имевшие твердую согласную перед мягкой, т. е. что *т'икл'й*, *п'икл'й* с *и* в предударном слоге появилось под влиянием *в'ил'й*, *пл'ил'й*, *пэдж'ил'й*, *п'ис'л'й*, *в'из'л'й* и т. д.; *нз-ст'икл'ё*, *в-в'идрэ* появилось под влиянием *в-сил'ё*, *нз-вис'л'ё*, *в-п'ир'ё* (от „перо“) и т. д.; *с'истр'ё* появилось под влиянием *нз-с'тин'ё*, *в-р'ик'ё*, *в-б'ид'ё*, *в'ис'н'ё* и т. д.

Примечание. Возможно и предположение, что некоторые из твердых согласных перед мягкими в прошлом были в какой-то мере мягкими — в частности задненебные *к*, *г*; ср.: *л'охкэ* — *л'ёх'и* (звук *е* в сравнительной степени, не изменившийся в *о*, может быть, указывает на былую не полную твердость *х* перед мягкой *ч'*), и что таким образом формы типа *п'икл'й* возникли фонетически закономерно. Однако у нас нет никаких указаний на мягкость в прошлом *д*, *т* перед *р* и др. Между тем не подлежит сомнению, что случаи типа *с'истр'ё*, *в'идрэ* такого же порядка, что и *с'т'икл'ё*, и должны быть объяснены одинаково. Случай же *с'т'икл'ё* ничем не отличается от *п'икл'й*, *т'икл'й* и также, вероятно, объясняется одинаково с последними. Характерно, что случаи отклонений обычно относятся к грамматическим формам, имеющим соответствующие образцы, которые могли воздействовать на появление случаев с отклонениями. Поэтому предложенное выше нефонетическое объяснение представляется более вероятным.

Диссимилятивное яканье.

§ 64. Диссимилятивное яканье заключается в том, что наличие в 1-м предударном слоге после мягких согласных одного из двух вариантов гласных фонем неверхнего подъема (*а* или „не *а*“) зависит от качества гласной следующего, ударенного слога: если под ударением находятся гласные верхнего подъема — *и* (*ы*), *у* — то в предударном звучит *а*, если же под ударением — гласная нижнего подъема — *а*, то в предударном звучит „не *а*“, а именно *и* или *е*.

Иллюстрируем диссимилятивное яканье примерами:

1. Под ударением гласные верхнего подъема:

у: *н'асу́, в'аду́, п'аку́, с'астру́, сл'азу́, пѣднаму́ д'ан'к'у́, в'ал'у́, пѣс'тал'у́, ас'ан'ју́* (ср. под ударением в тех же морфемах — *н'ос, н'ес'т'; п'ок, п'еч'; с'обстры, с'ѣстр'ин; п'ат' д'он, д'ен'* и т. д.);
р'аку́, ба'ду́, у-сн'а'у́, в-л'асу́, џн'аду́жа, сл'ану́жа, см'ажу́тца, зм'ажу́ (ср. под ударением в тех же морфемах: *сн'ех, л'ес* или *сн'ѣх, л'ѣс* и др.);
пѣт'ану́, зѣл'ану́, пр'аду́, р'абу́жа, пр'аму́жа, д'ис'ат'ју́, џл'аду́ (ср. под ударением в тех же морфемах: *т'анут', џл'ану, пр'ама, д'ис'атај* и др.).

и (ы): *н'ас'и́, в'ад'и́, н'ас'л'и́, в'ал'и́, п'акл'и́, л'а'џл'и́* (ср. под ударением в тех же морфемах: *н'ос, н'ес'т'; п'ок, п'еч'; л'ох, л'еч'* и др.);
пѣб'ал'ил'и, укр'ан'ил'и, п'аск'и́, л'ан'и́вај (ср. под ударением: *б'ѣлај, кр'ѣпкај* или *б'ѣлај, кр'ѣпкај* и т. д.);
нѣпр'ад'и́, пѣџл'ад'и́, нѣр'ад'ил'и, р'аб'ина, д'ис'ат'и́ (ср. под ударением: *пр'а́жа, џл'а́нул, нар'а́д* и т. д.);

три в'арст'и́, у-с'астр'и́ (ср. под ударением: *в'орст, с'обстры, с'ѣстр'ин*);

т'в'ат'и́, л'асн'и́х, с'л'ап'и́х, џн'ад'и́х (ср. под ударением: *т'в'ет, л'ес, асл'ѣп* или *т'в'ѣт, л'ѣс, ас'л'ѣп* и др.);

р'ад'и́, пр'ам'и́х, с'в'ат'и́х, р'аб'и́х (ср. под ударением: *р'а́д, пр'а́ма* и др.).

2. Под ударением гласная нижнего подъема — **а:** *н'исла́, п'икла́, с'истра́, с'л'иза́, два д'ин'к'а́, у-с'ила́, л'ит'ам', в'ил'ам'* (ср. под ударением в тех же морфемах: *н'ос, н'ес'т'; п'ок; п'еч'; с'обстры, с'ѣстр'ин; с'л'бзы, п'ат' д'он, д'ен'* и др.);

б'ида́, с'л'ипа́ја, р'ика́, с'м'и́ја́тца, м'ин'ам', стр'ил'ам' (ср. под ударением в тех же морфемах: *б'ѣднај, сл'ѣпн'ит', р'ѣк* или *б'ѣднај, сл'ѣпн'ит', р'ѣк* и др.);

пр'има́ја, р'иб'а́ја, пр'ила́, вз'ила́, џл'ид'ам' (ср. под ударением в тех же морфемах: *пр'а́ма, пр'а́л, вз'а́л, џл'а́ну*).

Диссимилятивное яканье может быть представлено в следующей таблице:

В 1-м предударном слоге в той же морфеме	Под ударением фонема	В 1-м предударном слоге в той же морфеме
<i>а</i>	<i>а</i> <i>е('о)</i> <i>ѣ(е)</i>	<i>и(е)</i>
если под ударением гласные верхнего подъема (<i>у, и — ы</i>)		если под ударением гласная нижнего подъема (<i>а</i>)

§ 65. Однако диссимилятивное яканье имеет ряд разновидностей, которые выделяются в зависимости от того, какой из двух вариантов гласных фонем неверхнего подъема произносится после мягких согласных в 1-м предударном слоге, когда под ударением находятся гласные среднего подъема, а также средне-верхнего подъема, если последние в говоре имеются.

Какие же гласные среднего или средне-верхнего подъема могут быть под ударением? Таких гласных по русским говорам максимально четыре, но может быть и меньше — три и даже два, так как некоторые из них во многих говорах совпали друг с другом. Рассмотрим их с точки зрения говора, различающего все эти четыре фонемы.

Под ударением, как было указано выше (см. § 23), могут быть следующие гласные среднего или средне-верхнего подъема:

1. *ô* (или *уô*) — закрытое *о* или дифтонг *уô*. Эта фонема сохраняется в части говоров на месте старого *о* под восходящим ударением. В остальных говорах она совпала с *о* („*о* открытым“).

2. *о* — открытое *о*. В говорах, различающих *о* и *ô*, фонема *о* восходит к старому *ѡ*, а также к *о* под нисходящим ударением.

3. *е* — *е* открытое. Эта фонема как *е* открытое под ударением перед твердой согласной произносится лишь в немногих говорах, не знающих изменения *е* в *о* (напр., *п'ат' в'ёрст*, *п'ат' д'ен*, *кл'ен*, *б'ер'ёза*, *в'ес'ёлој*, *ч'ер'ёмуха* и т. д.). Обычно на ее месте в русском языке находим *о* перед твердой согласной и *о* (точнее *ô*) или *е* перед мягкой. Например: *с'ôла*, *в'ес'ôлој*, *б'ер'ôза*; *в'ес'ôл'ен'кој*, *наб'ер'ôз'е*, *с'ёл'ској*, *в'ес'ёл'јо*, *н'ес'ôм*, *в'ед'ôм*. Впрочем, в личных окончаниях глаголов 1-го спряжения во многих ю-в-р и некоторых с-в-р говорах звучит *е*, а не *о* (*н'ес'ём*, *п'ек'ём*, *пл'ет'ёш*, *в'ед'ёш*). Эти звуки восходят к старым *е* и *ь*.

4. *ê* — закрытое *е* или дифтонг *иê*. Эта фонема сохранилась в части русских говоров. В другой, значительной их части, вместо нее звучит *е* открытое. Ср.: *л'ёс*, *хл'ён*, *в'ёра* или *л'иес*, *хл'иен*, *в'иера* в одних говорах, при *л'ес*, *хл'ен*, *в'ера* в других¹. Эти звуки восходят к старому *ѣ*.

В одних русских говорах различаются все только что перечисленные четыре гласные фонемы среднего и верхне-среднего ряда, в других — три ввиду совпадения *ô* и *о* в одной фонеме, а именно *о*, *е* (*е* || *о*) и *ê*; в третьих — только две ввиду совпадения в них *ô* и *о* и совпадения *е* частью с *о*, а частью с фонемой *ê*, в свою очередь изменившейся в *е* открытое.

Разновидности диссимилятивного яканья выделяются в зависимости от того, какой из двух вариантов гласных неверхнего подъема после мягких согласных произносится в 1-м предударном слоге, когда под ударением находятся гласные среднего или средне-верхнего подъема. Разновидности диссимилятивного яканья в своей основе зависят от того, различаются ли в том или ином говоре под ударением гласные верхне-среднего подъема в отличие от гласных среднего подъема, или они совпали в одной категории гласных среднего подъема.

Установлены следующие разновидности диссимилятивного яканья.

§ 66. Архаический тип диссимилятивного яканья. Архаический тип диссимилятивного яканья заключается в следующем: если под ударением находится *ô* или *ê*, то в 1-м предударном

¹ В части с-в-р говоров в соответствии с этой фонемой произносится также *и*.

слоге произносится *а*; если же под ударением — *о* или *е* (*'о*), то в 1-м предударном слоге произносится „не *а*“, т. е. *и* или *е*. Иначе говоря, в архаическом типе диссимилятивного яканья ударенные гласные *о* и *е*, как более закрытые или даже начинающиеся с верхнего подъема (*yo, ie*), функционируют в отношении к гласной предударного слога как гласные верхнего подъема, а ударенные *о* и *е* (*'о*), как более открытые, функционируют как гласные нижнего подъема.

Иллюстрируем архаический тип диссимилятивного яканья примерами:

1. Под ударением *о*: *с'алб, в'аслб, з'арно, зь-с'астрбј*; *сл'азбј* (ср. в тех же морфемах под ударением: *с'обы, с'обстры* и т. д. или — редко — *с'ёлы, з'ёрны* и т. д.);

зб-р'акбј, к-сл'анбј, г-гн'адбј (лошади), *пз-л'аснбј* (дорог'е), *зб-с'т'анбј, гн'адбја* (ср. в тех же морфемах под ударением: *р'ек, сл'еп, л'ес* или *р'ёк, сл'ён, л'ёс* и др.);

п'атноб, р'адноб, р'аббја, св'атбја, к-р'аббј (ср. в тех же морфемах под ударением: *п'атны¹, р'ан, св'ат*).

2. Под ударением *о*: *зб-с'илбм, в'ислбм, з'ирноб²* (ср. в тех же морфемах под ударением: *с'олы, з'орны* или — редко — *с'ёлы, з'ёрны*); *сл'ипбј, с'идбј* (им. п. ед. ч. муж. р.)³, *л'исбк, п'исбк* (ср. в тех же морфемах под ударением: *л'ес, сл'еп, с'ет* или *л'ёс, сл'ён, с'ёт*, или *л'иес* и т. д.);

п'итнобм, р'иднобм, р'иббј, св'итбј, пр'имбј (ср. под ударением в тех же морфемах: *п'атны, пр'ама* и т. д.).

3. Под ударением *е*: *в-с'ал'ё, в-з'арн'ё, нз-в'асл'ё, в'ал'ёла, ул'ат'ёла* (ср. под ударением: *с'обы* или *с'ёлы* и т. д.);

нз-с'т'ан'ё, нз-р'ак'ё, в-гн'аз'ёд (ср. под ударением: *с'т'ёны*);

гл'ад'ёла (ср. под ударением: *гн'ану*).

4. Под ударением *е* (*'о*): *д'ир'ёвн'а, в'ис'облај, б'ир'оба, з'ил'обнај* или *в'ис'ёлај, б'ир'ёза з'ил'ёнај; н'ис'бм, в'ид'бм, п'ик'бм* или *н'ис'ём, в'ид'ём, п'ик'ём* (ср. под ударением: *в'ёс'ьль, н'ос* и т. д.);

¹ В ю-в-р говорах под ударением может быть в этом слове и *'о(е)*: *п'обны* (или *п'ётны*). Звук *о(е)* в этом случае появился на почве неразличения гласных неверхнего подъема в безударных слогах благодаря аналогии *с'алб: с'обы* (или *с'ёлы*) = *п'атноб: х*; *х* = *п'обны* (или *п'ётны*).

² Звук *о* в окончании твор. п. ед. ч. -ом в русском языке, равно как и других восточнославянских, восходит к ъ. Об этом свидетельствуют как показания древних памятников (написание -ѡмъ), так и данные украинского языка (*селом*, а не *селѣм*, как было бы, если бы в новом закрытом слоге оказалось старое *о*) и русских говоров (различение *о* и *о* под ударением, а в некоторых ю-в-р говорах, также наличие при ударенных *о* или *о* в предударном слоге разных гласных: *с'алб* и *с'илбм*).

³ Звук *о* в окончании имен. п. ед. ч. муж. р. прилагательных (-ой) восходит к редуцированному *ы*, развивавшемуся в свою очередь из *ѡ* в положении перед *и* или *і*. Ср. старославянское и др.-р. *сѡити, сѡпѣти* и их исходные формы *svetŭi, slęryi* (с сочетанием редуцированных — *ŭ* в сильном положении и *i* в слабом). В украинском и белорусском языке редуцированное *ŭ* (*ы*) в сильном положении заменилось звуком *ы* полного образования. Ср. украинское *сліпій*, белорусское *слыпѣ*.

т'в'ит'о или *т'в'ит'е*, *т'в'ит'от'*, *т'в'ит'ет'* (ср. под ударением *т'в'ет* или *т'в'ет'*);

нѣпр'ид'ом или *нѣпр'ид'ем* (ср. под ударением: *пр'ѣжа*).

§ 67. Щигровский тип диссимилятивного яканья. Щигровский тип диссимилятивного яканья отличается от архаического тем, что наличие в нем под ударением *о* или *о* не отражается на качестве гласного предударного слога: при наличии под ударением как *о*, так и *о* в предударном слоге произносится *а*. Напротив, ударенные *е*, с одной стороны, и *е* (*'о*), с другой, как и при архаическом типе дифференцируют гласный предударного слога: если под ударением находится *е*, то в предударном выступает вариант *а*; если же под ударением — *е* (*'о*), то в предударном — „не *а*“, т. е. *и* или *е*.

Итак, при Щигровском типе яканья в 1-м предударном слоге звучит *а*, если под ударением — *о*, *о* и *е*; если же под ударением находится *е* (*'о*), то в предударном слоге звучит „не *а*“, т. е. *и* или *е*. Иначе говоря, в Щигровском типе диссимилятивного яканья не только *о* и *е*, но также и *о* действуют, как гласные верхнего подъема, а гласная *е* (*'о*) — как гласная нижнего подъема.

В говорах с Щигровским типом диссимилятивного яканья *о* и *о* обычно не различаются, совпадая в одном звуке *о*. Не различаясь под ударением, они, естественно, не могут воздействовать на качество гласной предударного слога.

Однако, видимо, имеются и говоры, в которых ударенные *о* и *о* различаются, хотя это и не отражается на качестве предударных гласных. Ср., например, в с. Новоселки Рыбновского района Рязанской обл.¹: *с'алб*, *зѣ-с'алом*; *в'аслб*, *зѣ-в'аслом*; *в'адрб*, *зѣ-в'адрбм*; *к-сл'анбј* *лѡшыд'и*, *сл'анпј* *мужык* и т. д. — под ударением звучит *о*, то *о*, в то время как в предударном слоге неизменно выступает *а*.

Иллюстрируем примерами Щигровский тип диссимилятивного яканья:

1. Под ударением *о* (обычно *о* из *о*): *с'алб*, *в'аслб*, *з'арноб*, *зѣ-с'астрбј*, *сл'азбј*; *зѣ-р'акбј*, *к-сл'анбј*, *г-гн'адбј* (*лѡшыд'и*) и *пѣ-л'аснобј* (*дароу'и*), *зѣ-ст'анбј*, *гн'адбѡа*; *п'атноб*, *р'адноб*, *р'абѡѡа*, *св'атѡѡа*, *к-р'аббј*.

2. Под ударением *о*: *зѣ-с'алом*, *в'аслом*, *з'арном*; *сл'анбј*, *с'адбј* (им. п. ед. ч. муж. р.), *л'асбк*, *п'асбк*, *п'атном*, *р'адном*, *р'аббј*, *св'атбј* (им. п. ед. ч. муж. р.).

3. Под ударением *е*: *у-с'ал'е*, *в-з'арн'е*, *нѣ-в'ас'л'е*, *в'ал'ела*, *ул'ат'ела*; *нѣ-ст'ан'е*, *нѣ-р'ак'е*, *в-гн'аз'д'е*; *гн'ад'ела* (или *у-с'ал'е*, *в-зарн'е* и т. д.).

4. Под ударением *е* (*'о*): *д'ир'евн'а*, *в'ис'олај*, *б'ир'ѡза*, *з'ил'ѡнај* (или: *в'ис'елај*, *б'ир'ѡза*, *з'ил'ѡнај*), *н'ис'ом*, *в'ид'ом*, *п'ик'ом*, (или: *н'ис'ем*, *в'ид'ем*, *п'ик'ем*); *т'в'ит'о* (или *т'в'ит'е*, *т'в'ит'от'*, *т'в'ит'ет'*); *нѣпр'ид'ом* (или *нѣпр'ид'ем*).

¹ Правда, в Новоселках не диссимилятивное яканье Щигровского типа, а ассимилятивно-диссимилятивное яканье. Но последнее сложилось на основе диссимилятивного яканья Щигровского типа (об этом см. ниже § 76) и в отношении приведенной особенности ничем не отличается от Щигровского типа.

В последующих типах диссимилятивного яканья не используются для различения гласного предударного слога различия ни ударенных *ѳ* и *о*, ни ударенных *ѣ* и *е* (*'о*). Эти гласные, все или частью, в одних из них функционируют по отношению к гласному 1-го предударного слога, как гласные верхнего подъема, в других — как гласные нижнего подъема.

В говорах с этими типами диссимилятивного яканья под ударением на месте *ѳ* и *о* обычно, видимо, звучит *о*, на месте *ѣ* под ударением перед твердой согласной — *е* („е открытое“ — как в литературном языке), а на месте *е* звучит под ударением — перед твердой согласной *о*, а перед мягкой согласной — *е* или *ѳ*.

§ 68. Суджанский тип диссимилятивного яканья. В Суджанском типе диссимилятивного яканья ударенные *ѳ* и *о* по отношению к гласному предударного слога функционируют как гласные верхнего подъема, а ударенные *ѣ* и *е* (*'о*) как гласные нижнего подъема. Таким образом, при Суджанском типе диссимилятивного яканья в 1-м предударном звучит *а*, если под ударением находятся *ѳ* и *о*; если же под ударением — *ѣ* и *е* (*'о*), то в предударном слоге звучит „не *а*“, т. е. *и* или *е*.

Иллюстрируем примерами Суджанский тип диссимилятивного яканья:

1. Под ударением *ѳ* (произносится обычно *о*): *с'алѳ*, *в'аслѳ*, *з'арнѳ*, *зѳ-с'астрѳј*, *сл'азѳј*, *зѳ-р'акѳј*, *к-сл'апѳј*, *г-гн'адѳј* (лошади), *пѳ-л'аснѳј* (дороге), *зѳ-ст'анѳј*, *гн'адѳја*; *п'атнѳ*, *р'аднѳ*, *р'абѳја*, *св'атѳја*, *к-р'абѳј*.

2. Под ударением *о*: *зѳ-с'алѳм*, *в'аслѳм*, *з'арнѳм*; *сл'апѳј*, *с'адѳј* (им. п. ед. ч. муж. р.), *л'асѳк*, *п'асѳк*; *п'атнѳм*, *р'аднѳм*, *р'абѳј*, *св'атѳј* (им. п. ед. ч. муж. р.).

3. Под ударением *ѣ* (перед твердой согласной обычно произносится *е* „открытое“): *в-с'ил'ѣ*, *в-з'ирн'ѣ*, *нѳ-в'исл'ѣ*, *в'ил'ѣла*, *ул'ит'ѣла*; *нѳ-ст'ин'ѣ*, *нѳ-р'ик'ѣ*, *в-гн'изд'ѣ*; *гн'ид'ѣла*.

4. Под ударением *е* (*'о*): *д'ир'ѣвн'а*, *в'ис'блај*, *б'ир'ѳза*, *з'ил'ѳнај* (или *в'ис'ѣлај*, *б'ир'ѣза*, *з'ил'ѣнај*), *н'ис'ѳм*, *в'ид'ѳм*, *п'ик'ѳм* (или *н'ис'ѣм*, *в'ид'ѣм*, *п'ик'ѣм*); *тв'ит'ѣт'*; *нѳпр'ид'ѳм* (или *нѳпр'ид'ѣм*).

§ 69. Донской тип диссимилятивного яканья. В Донском типе диссимилятивного яканья все гласные среднего или верхне-среднего подъема, если последние имеются, функционируют по отношению к предударному слогу как гласные нижнего подъема. Таким образом, при этом типе яканья при наличии под ударением гласных *ѳ*, *о*, *ѣ*, *е* (*'о*) или их замен в 1-м предударном слоге звучит „не *а*“, т. е. *и* или *е*.

Иллюстрируем примерами Донской тип диссимилятивного яканья:

1. Под ударением *ѳ* (произносится обычно *о*): *с'илѳ*, *в'ислѳ*, *з'ирнѳ*, *зѳ-с'истрѳј*, *сл'изѳј*; *зѳ-р'икѳј*, *к-сл'илѳј*, *г-гн'идѳј* (лошади), *пѳ-л'иснѳј* (дороге), *зѳ-ст'инѳј*, *гн'идѳја*; *п'итнѳ*, *р'иднѳ*, *р'ибѳја*, *св'итѳја*, *к-р'ибѳј*.

2. Под ударением *о*: *зѳ-с'илѳм*, *в'ислѳм*, *з'ирнѳм*; *сл'илѳј*, *с'идѳј* (им. п. ед. ч. муж. р.), *л'исѳк*, *п'исѳк*, *п'итнѳм*, *р'иднѳм*, *р'ибѳј*, *св'итѳј* (им. п. ед. ч. муж. р.).

3. Под ударением *ê* (перед твердой согласной обычно произносится *e* открытое): *в-с'ил'е́, в-з'ирн'е́, нъ-в'ис'л'е́, в'ил'ела, ул'и-т'ела; нъ-ст'ин'е́, нъ-р'ик'е́, в-гн'ид'е́, гл'ид'ела.*

4. Под ударением *е* ('*о*): *д'ир'евн'а, в'ис'олај, б'ир'бза, з'ил'б-нај* (или *в'ис'елај, б'ир'е́за, з'ил'енај*), *н'ис'ом, в'ид'ом, п'ик'ом* (или *н'ис'ем, в'ид'ем, п'ик'ем*), *т'в'ит'ет'*; *нъпр'ид'ом* (или *нъпр'ид'ем*).

§ 70. Жиздринский (или белорусский) тип диссимилятивного яканья. В Жиздринском типе диссимилятивного яканья все гласные среднего и выше-среднего подъема, если последние имеются, функционируют по отношению к гласному предударного слога как гласные верхнего подъема. Таким образом, при этом типе яканья при наличии под ударением гласных *б, о, ê* и *е* ('*о*) или их замен в 1-м предударном слоге звучит *а*.

Иллюстрируем примерами этот тип диссимилятивного яканья:

1. Под ударением *б* (произносится обычно *о*): *с'алб, в'аслб, з'арнб, зъ-с'астрбј, сл'азбј; зъ-р'акбј, к-сл'анбј, г-гн'адбј* (*адшди*), *пъ-л'аснбј* (*дарб'и*), *зъ-ст'анбј, гн'адбја; п'атнб, р'адно, р'аббја, св'атбја, к-р'аббј.*

2. Под ударением *о*: *зъ-с'алом, в'аслом, з'арном; сл'анбј, с'адбј* (им. п. ед. ч. муж. р.), *л'асок, п'асок; п'атном, р'адном, р'аббј, с'ватбј* (им. п. ед. ч. муж. р.).

3. Под ударением *ê* (перед твердой согласной обычно произносится *e* открытое): *в-с'ал'е́, в-з'арн'е́, нъ-в'асл'е́, в'ал'ела, ул'ам'ела.*

4. Под ударением *е* ('*о*): *д'ар'евн'а, в'ас'олај, б'ар'бза, з'ал'б-нај, н'ас'ом, в'ад'ом, п'ак'ом* (или *н'ас'ем, в'ад'ем, п'ак'ем*), *цв'ат'ом'* (или *цв'ат'ет'*), *нъпр'ад'ом* (или *нъпр'ад'ем*).

§ 71. Не входя в сложный и не до конца разрешенный вопрос об истории образования различных типов диссимилятивного яканья (это дело курса истории русского языка), необходимо все же сделать следующее замечание по вопросу о том, в каких отношениях находится реальная различимость под ударением гласных верхне-среднего и среднего подъемов (*б* и *о, ê* и *е*) и качество гласных на месте гласных фонем неверхнего подъема после мягких согласных в 1-м предударном слоге.

Наличие в предударном слоге после мягких согласных того или иного варианта гласных фонем неверхнего подъема (*а* или „не *а**“), несомненно, обусловлено качеством гласной фонемы ударенного слога. Поэтому если в предударном слоге мы находили разные варианты гласных фонем неверхнего подъема, — можно быть уверенным, что и под ударением находились разные по качеству гласные фонемы. Например, известны образцовые записи песен, сделанные еще в 50-х годах XIX в. в б. Обоянском у. Курской губ. А. С. Машкиным. Эти записи были сделаны наблюдателем, не имевшим специальной лингвистической подготовки, и притом одними только орфографическими средствами. Именно на основе этих записей Л. Л. Васильевым был установлен архаический Обоянский тип диссимилятивного яканья. А. С. Машкин записывает: *пярo, рярo, сляпому, по пиром, рибром, слипой* (им. п. ед. ч. муж. р.), т. е. в предударном слоге мы находим разные варианты (то *а*, то *и*), хотя гласная под ударением везде наблюдателем обозначена через букву *о*. Последовательное проведение в предударном слоге звука *а* в тех случаях, когда ударенный гласный восходит к старому *о* под восходящим ударением (*пярo, рярo, сляпому*) и звука *и*, когда ударенный гласный восходит к старому *ь* (*пиром, рибром, слипой*), позволяет думать, что в Обоянском говоре *б* и *о* под ударением

различались не только в ту эпоху, когда возникло яканье, но, возможно, и тогда, когда А. С. Машкин производил свои наблюдения (т. е. в середине XIX в.). Иначе трудно было бы объяснить полную последовательность в употреблении *а* и *и* в предударном слоге. Это предположение подтверждается тем, что позднее (в том числе уже и в XX веке) в б. Курской губ. были отмечены говоры, различающие под ударением *б* и *о*. К тому же надо иметь в виду, что А. С. Машкин, ограниченный в передаче звуковой стороны говора средствами обычной орфографии, не имел возможности различить на письме *б* и *о*, если бы даже он обратил внимание на различие этих звуков. А последние он мог и не различить, не имея специальной подготовки а также ввиду того, что целью его было не фонетическое описание говора, а собирание песен, которые он записывал, передавая звуковые особенности говора в той мере, в какой позволяли средства орфографии.

Утрата различий между *б* и *о*, несомненно, привела бы к тому, что в результате действия аналогии появилась бы непоследовательность и в употреблении *а* и *и* в предударном слоге (*и* могло бы появиться и в случаях перед ударенным *о* на месте бывшего *б*, и, наоборот, *а* могло бы появиться перед слогом с ударенным *о* из старого *ъ* и из *о* под нисходящим ударением), а затем мог бы обобщиться один из вариантов (*а* или *и*) перед слогом с одной и той же гласной фонемой *о*, восходящей к *б* и *о* или *ъ*. Между тем в Обоянском говоре различение вариантов *а* и *и* в предударном слоге проведено совершенно последовательно.

Итак, последовательное проведение в определенных категориях случаев в предударном слоге разных вариантов — то *а*, то *и*, свидетельствует о том, что и под ударением в этих случаях различались, а возможно, и различаются, разные гласные фонемы. Однако нельзя это утверждение перевернуть, т. е. сказать обратное, что если в определенных категориях случаев в предударном слоге выступает всегда один и тот же вариант (например, *а*), то, следовательно, и под ударением обязательно звучала и звучит одна и та же фонема. Правда, совпадение гласных фонем неверхнего подъема в предударном слоге в одном варианте может являться следствием совпадения некоторых гласных фонем под ударением: в говоре, не различающем под ударением *б* и *о*, невозможно различение в предударном слоге *а* и *и*. Однако различение под ударением гласных среднего и верхне-среднего подъема может не отразиться на качестве варианта предударного слога. Напр., в с. Новоселки Рыбновского района Рязанской области под ударением последовательно различается *б* и *о*, но в предударном слоге в обоих случаях выступает вариант *а*: *с'алб*, *зъ-с'алб*; *в'аслб*, *зъ-в'аслб*; *в'адрб*, *зъ-в'адрб*; *пъ-л'аснбј* *дарбј*, *л'аснбј* *п'ан'бк* и т. д.

Итак, различаемость гласных среднего и верхне-среднего подъема под ударением может не отразиться на качестве варианта предударного слога. Но, напротив, наличие в предударном слоге разных вариантов гласных неверхнего подъема (*а* и *и*) обязательно свидетельствует о различаемости, хотя бы в прошлом, под ударением соответствующих фонем, так как эти разные варианты обусловлены разными по качеству фонемами ударенного слога.

Сильное яканье.

§ 72. Сильным яканьем называется постоянное совпадение гласных фонем неверхнего подъема после мягких согласных в 1-м предударном слоге в одном общем варианте *а* вне зависимости от дальнейших частных фонетических условий. Таким образом, при сильном яканье для качества гласного предударного слога несущественна мягкость или твердость следующей согласной (как при умеренном яканье) или качество гласной фонемы ударенного слога (как при яканье диссимилятивном): вне зависимости от мягкости или твердости следующей согласной, при наличии под ударением

любой гласной фонемы, в предударном слоге всегда произносится один и тот же вариант гласных неверхнего подъема, а именно *а*.

Иллюстрируем примерами сильное яканье: *н'асу́, в'аду́, сл'азу́; в'ал'у́, пэс'т'ал'у́, ас'ан'ју́; р'аку́, б'аду́; пэб'ал'у́, с'м'и́ютца; пр'аду́, зэгл'ану́, пэм'ану́; зэ-п'ат'ју́, д'ис'ат'ју́;*

н'ас'и́, в'ад'и́, пр'ин'ас'и́и, укр'ап'и́и, пэб'ал'и́и, л'ан'и́ви́, нэпр'ад'и́, пэгл'ад'и́, нэр'ад'и́и́;

тр'и в'арст'и́; цв'ат'и́, л'асн'и́х; р'аб'и́х;

с'алó, з'арнó, зэ-с'астр'ó; р'акó, к-сл'апó; п'атнó, р'аднó, р'абóва;

зэ-с'алóм, з'арнóм; л'асóк, сл'апó, п'атнóм, р'аднóм;

в'ал'éл, в-с'ал'é, в'ал'éла; нэ-ст'ан'é, к-р'ак'é, в-гн'аз'д'é; гл'ад'éла;

д'ар'эвн'а, пл'ат'én', в'ас'óлэ́, б'ар'óза, з'ал'óнэ́, н'ас'óм, в'а-д'ом, п'ак'óм (или: н'ас'éм, в'ад'éм, п'ак'éм); д'ат'é́, зв'ар'é́, нэпр'а-д'óм (или: нэпр'ад'é́м);

н'аслá, пр'ив'алá, в'арстá; с'ám'ja, пэм'ар'áл, д'ир'ав'áнja, д'ас'áтja; р'акá, б'адá, из-гн'аздá; с'м'а́јатца, пэм'ан'áл, стр'ал'áт; пр'алá, гл'ад'áт'.

Яканье, осложненное ассимилятивностью.

§ 73. Кроме изложенных выше основных видов яканья и их более частных типов, существуют еще более сложные разновидности яканья, представляющие собой один из разобранных выше типов яканья, на который как бы накладывается принцип ассимилятивности. Ассимилятивность заключается в зависимости гласного предударного слога — варианта гласных фонем неверхнего подъема после мягких согласных — от качества гласной фонемы ударенной, причем зависимости именно ассимилятивной: если под ударением находится гласная *а*, то в предударном слоге в качестве варианта гласных фонем неверхнего подъема выступает звук *а* (напр.: *н'аслá, с'астрá, р'акá, р'абáја, пэм'ар'áл, стр'ал'áт, м'ан'áт*).

Ассимилятивность наслаивается на один из ранее разобранных типов предударного вокализма после мягких согласных, а именно на иканье, умеренное яканье, диссимилятивное яканье Щигровского типа или диссимилятивное яканье Суджанского типа.

В зависимости от того, какова основа, на которую наслаивается ассимилятивность, различают следующие типы яканья, осложненного ассимилятивностью.

§ 74. Яканье ассимилятивное. Основой ассимилятивного яканья является система иканья, на которое наложилась ассимилятивность. При ассимилятивном яканье гласные фонемы неверхнего подъема после мягких согласных в 1-м предударном слоге выступают в своем варианте *а*, если под ударением находится фонема *а*; если же под ударением находится любая другая гласная фонема, то в предударном слоге выступает вариант „не *а*“ (*и* или его более открытые оттенки). Иллюстрируем ассимилятивное яканье примерами:

1. Под ударением *а*: *н'аслá, з'арнá, с'астрá; р'акá, б'адá, сл'анáја; р'абáја, пр'амáја; пэм'ар'áл, стр'ал'áл, м'ан'áт, гл'ад'áт'.*

2. Под ударением остальные гласные: *с'илó, з'ирнó; р'икóј, б'идóј; н'итнó, р'иднó, к-сл'ипóј;*

зъ-с'илóm, в'ислóm, з'ирнóm; л'исók; н'итнóm; н'исú, к-з'ирнú; р'акú, б'идú; р'ибúју; в'ил'ú; с'м'ијútца, гл'ид'ú;

н'ис'ú; в'ид'ú; л'ин'ивъј, пъб'ил'út', пъл'ид'ú; тр'и в'ирс'тá; цв'итá; р'ибáх;

в-с'ил'é, в-з'ирн'é; н'ид'él'а, нъ-ст'ин'é, гл'ид'éла; д'ир'эвн'а, б'ир'óза; нъпр'ид'óm.

§ 75. Яканье ассимилятивно-умеренное. Основой ассимилятивно-умеренного яканья является умеренное яканье, на которое наложилась ассимилятивность. Так как при умеренном яканье в предударном слоге перед твердой согласной вместо всех гласных фонем неверхнего подъема выступает вариант *а*, в том числе в тех случаях, когда под ударением находится *а* (напр., *н'аслá, б'адá, р'абáја*), то ассимилятивно-умеренное яканье отличается от умеренного только тем, что в указанном положении при наличии под ударением *а* — в предударном слоге выступает вариант *а* не только перед твердой согласной, но также и перед мягкой согласной: *т'ар'át', стр'ал'át', гл'ад'át'.*

Таким образом, при ассимилятивно-умеренном яканье гласные фонемы неверхнего подъема после мягких согласных выступают в своем варианте *а*, если они находятся перед твердой согласной, а также — вне зависимости от твердости или мягкости следующей согласной — если под ударением находится гласная *а*. Те же гласные выступают в своем варианте *и* (или *е*), если они стоят перед мягкой согласной, а под ударением находится любая гласная, кроме *а*.

Иллюстрируем примерами ассимилятивно-умеренное яканье.

1. Перед твердой согласной, а также перед мягкой согласной, если под ударением находится *а*: *н'асú, пъ-с'алú, сл'азú, р'акú, б'адú, гн'адúју; пр'адú, зъл'анú.*

три в'арс'тá, у-с'астр'á; цв'атá; р'абáх, пр'амáх;

с'алó, з'арнó, с'астр'óј; зъ-р'акóј, к-сл'ипóј; н'атнó, к-р'абóј;

с'алóm, з'арнóm, р'абóј, пр'амóј;

н'аслá, н'аклá, в'арс'тá; р'акá, б'адá, из-гн'аздá; р'абáја, пр'алá, н'атáк;

с'ам'já, път'ар'ál, д'ир'ав'áнъј, д'ас'атај; с'м'ајáтцъ, стр'ал'át', пъл'ан'ál; гл'ад'át'.

2. Перед мягкой согласной, если под ударением — любая гласная, кроме *а*:

н'ис'ú, в'ид'и, пъв'из'ú; укр'ип'úл'и, пъл'ил'úл'и; нъпр'ид'и, пъл'ид'и;

в-с'ил'é, в'ил'él, ул'ит'él; нъ-ст'ин'é, нъ-р'ик'é; гл'ид'éла;

д'ир'эвн'а, в'ис'óлъј, б'ир'óза, пл'ит'én', н'ис'óm, в'ид'óm; цв'и-т'óm; нъпр'ид'óm.

§ 76. Ассимилятивно-диссимилятивное яканье Новоселковского типа. Этот тип яканья называю Новоселковским по с. Новоселки Рыбновского района Рязанской области, где он

употребляется. Основой ассимилятивно-диссимилятивного яканья Новоселковского типа является Щигровский тип диссимилятивного яканья, на который наслоиась ассимилятивность. При этом типе яканья гласные фонемы неверхнего подъема после мягких согласных выступают в своем варианте *а*, если под ударением находятся гласные *у, и (ы), ъ, о, е* и их замены, а также *а*; если же под ударением находится *е (’о)*, то в предударном слоге выступает вариант „не *а“*, т. е. *и* или *е*.

Иллюстрируем этот тип яканья примерами:

1. Перед слогом с ударенными *у, и (ы), ъ, о, е*, а также *а*: *н’асу́, в’аду́, п’аку́, сл’азу́; в’ал’у́, пѣс’т’ал’у́, ас’ан’ју́; р’аку́, б’аху́, б’аду́; пѣб’ал’у́, с’м’ају́тца; пр’аду́, зѣгл’ану́, пѣт’ану́; зѣ-п’атју́, д’ис’атју́; н’ас’и́, в’ад’и́, пр’ин’асл’и́; укр’ап’и́л’и, пѣб’ал’и́л, л’ан’и́вај; нѣпр’ад’и́, нѣгл’ад’и́, нѣр’ад’и́лс’и́;*

три в’арст’и́, сл’аз’и́; цв’ат’и́, л’асн’и́х; р’аб’и́х;

с’ал’о́, з’арн’о́, зѣ-с’астр’о́ј; р’ак’о́ј, к-сл’ап’о́ј; п’атн’о́, р’адн’о́, р’аб’о́ва (или с’ал’о́, з’арн’о́ и т. д.);

зѣ-с’ал’о́м, з’арн’о́м; л’ас’о́к, с’л’ап’о́ј; п’атн’о́м, р’адн’о́м;

в’ал’е́л, в-с’ал’е́, л’ат’е́ла; нѣ-с’т’ан’е́, нѣ-р’ак’е́, в-гн’аз’д’е́, гл’ад’е́ла (или в’ал’е́л и т. д.);

н’асл’а́, пр’ив’ал’а́, в’арст’а́; с’ам’ја́, пѣт’ар’а́л, д’ир’аз’а́нај, д’ас’ата́ј, р’ак’а́, б’ад’а́, из-гн’аз’да́; с’м’аја́тца, пѣм’ан’а́л, стр’ал’а́м; св’ата́ја, пр’ала́; гл’ад’а́т’.

2. Перед слогом с ударенным *е (’о)*: *д’ир’евн’а́, пл’ит’ен’́, в’ис’о́лај, б’ир’о́за, з’ил’о́нај (или: в’ис’е́лај, б’ир’е́зѣ, з’ил’е́нај), н’ис’о́м, в’ид’о́м, п’ик’о́м (или: н’ис’е́м, в’ид’е́м, п’ик’е́м); д’ит’е́ј, зв’ир’е́ј; нѣпр’ид’о́м (или нѣпр’ид’е́м).*

§ 77. Ассимилятивно-диссимилятивное яканье Кидусовского типа. Этот тип яканья называю Кидусовским по с. Кидусово Спасского района Рязанской области, где он употребляется. Основой ассимилятивно-диссимилятивного яканья Кидусовского типа является Суджанский тип диссимилятивного яканья, на который наслоиась ассимилятивность. При этом типе яканья гласные фонемы неверхнего подъема после мягких согласных выступают в своем варианте *а*, если под ударением находятся гласные *у, и (ы), ъ, о*, а также *а*; если же под ударением находятся *е* и *е (’о)*, то в предударном слоге выступает вариант „не *а“* (*и* или *е*).

Иллюстрируем этот тип яканья примерами:

1. Перед слогом с ударенными *у, и (ы), ъ, о, а*, а также *а*: *н’асу́, в’аду́, сл’азу́, в’ал’у́, пѣс’т’ал’у́, ас’ан’ју́; р’аку́, б’аду́; пѣб’ал’у́, с’м’ају́тца; пр’аду́, зѣгл’ану́, пѣт’ану́; зѣ-п’атју́, д’ис’ат’ју́;*

н’ас’и́, в’ад’и́, пр’ин’асл’и́; укр’ап’и́л’и, пѣб’ал’и́л, л’ан’и́вај; нѣпр’ад’и́, нѣгл’ад’и́, нѣр’ад’и́лс’и́;

три в’арст’и́, сл’аз’и́; цв’ат’и́, л’асн’и́х; р’аб’и́х;

с’ал’о́, з’арн’о́, зѣ-с’астр’о́ј, р’ак’о́ј, к-сл’ап’о́ј, п’атн’о́, р’адн’о́, р’аб’о́ва;

зѣ-с’ал’о́м; з’арн’о́м; л’ас’о́к, с’л’ап’о́ј, п’атн’о́м, р’адн’о́м;

н’асл’а́, пр’ив’ал’а́, в’арст’а́; с’ам’ја́, пѣт’ар’а́л, д’ир’ав’ана́ј,

*б'ас'атај; р'акá, баdá, из-гн'азdá; см'ајáтца; пьма'н'áл, стр'а-
л'áт'; св'атаја, пр'алá; гл'ад'áт'.*

2. Перед слогом с ударенными *е* и *е*(*о*)¹:

*в'ил'él, в-с'ил'é, л'ит'éла; нъ-с'т'ин'é, нъ-р'и'кэ, в-гн'из'д'é;
гн'ид'éла;*

*д'ир'эвн'а, пл'ит'én'; в'ис'элэј, бир'эза, з'ил'энэј (или в'ис'олэј,
бир'óза, з'ил'ónэј), н'ис'ém, в'ид'ém, п'ик'ém (или н'ис'óm, в'ид'óm,
п'ик'óm); д'ит'эј, зв'ир'эј; нэпр'ид'ém (или нэпр'ид'óm).*

§ 78. Разобрав различные разновидности яканья, осложненного ассимилятивностью, нетрудно прийти к выводу о том, что ассимилятивность в них представляет собой результат позднейшего процесса, наслоившийся на уже отстоявшуюся систему иканья, умеренного яканья или диссимилятивного яканья Щигровского или Суджанского типов. Такой вывод делается прежде всего благодаря тому, что ассимилятивность в этих разновидностях яканья легко выделяется: эти разновидности яканья минус ассимилятивность равны иканью, умеренному яканью или одному из только что названных типов диссимилятивного яканья, которые известны и без пласта ассимилятивности. С другой стороны, такой же вывод делается ввиду того, что эта ассимилятивность находится в прямом противоречии с перечисленными только что системами иканья и яканья.

В самом деле: система иканья заключается в том, что все гласные неверхнего подъема после мягких согласных в 1-м предударном слоге вне зависимости от дальнейших фонетических условий совпадают в своем общем варианте *и*. Между тем при ассимилятивном яканье те же фонемы предударного слога, если под ударением находится *а*, совпадают в варианте *а*.

Более ясно противоречие между ассимилятивностью и умеренным яканьем, сочетающимся в ассимилятивно-умеренном яканье.

Как известно, умеренное яканье заключается в том, что гласные фонемы неверхнего подъема в 1-м предударном слоге перед твердой согласной совпадают в варианте *а*, а перед мягкой — в варианте *и*. Между тем при общем сохранении этого принципа (перед твердыми согласными звучит *а*), если под ударением находится *а*, то и в положении перед мягкими согласными гласные фонемы неверхнего подъема в 1-м предударном слоге выступают в варианте *а*.

Особенно ярко противоречие между ассимилятивностью и основной системой яканья, на которую она наслоилась, в яканье ассимилятивно-диссимилятивном. Ведь сущность диссимилятивного яканья заключается в том, что при наличии под ударением гласных верхнего подъема в предударном слоге в качестве общего варианта гласных фонем неверхнего подъема выступает звук *а*, а при наличии под ударением гласной нижнего подъема (т. е. *а*) в предударном звучит звук *и* (или *е*). Между тем при ассимилятивно-дис-

¹ В говорах, где на месте *é* под ударением перед твердой согласной произносится *е*, а *е* в том же положении не изменилось в *о*, звуки *é* и *е* совпали, напр.: *с'ел на лавку; кружóm многа с'ел*. Так в Кидусове (об этом см. выше §§ 23, 24).

симилятивном яканье сохраняется только первая часть этой закономерности, в прямом противоречии со второй частью — в результате закономерности диаметрально противоположной — в 1-м предударном слоге появляется *а*, если имеется *а* в ударенном слоге. Поэтому о диссимилятивной основе этой разновидности яканья можно догадаться только по различению гласных предударного слога, когда под ударением находятся гласные фонемы среднего или верхне-среднего подъема (напр., *в'ис'елај*, но *в'ал'ела*; так при ассимилятивно-диссимилятивном яканье Новоселковского типа; или: *с'алб*, *зэ-с'албм*, но *в'ис'елај*, *в'ил'ела*; так при ассимилятивно-диссимилятивном яканье Кидусовского типа).

Вот эти противоречия принципа ассимилятивности принципу диссимилятивности или принципу умеренного яканья, а также иканью и свидетельствуют о том, что ассимилятивность представляет собой позднейший слой, как бы наложившийся на уже отстоявшийся тип предударного вокализма после мягких согласных.

§ 79. Необходимо сделать одно очень важное замечание, касающееся системы диссимилятивного яканья архаического, Щигровского и Суджанского типов, а также ассимилятивно-диссимилятивного яканья обеих разновидностей, развившихся, как было показано выше, на основе Щигровского и Суджанского типов диссимилятивного яканья.

Как известно, при архаическом типе диссимилятивного яканья в предударном слоге произносится *а* при наличии под ударением *б*; если же под ударением находится *о*, а также *е* (*о*), то в предударном слоге произносится *и* (или *е*).

Фонема *б*, как правило, произносится после твердых парных согласных и задненебных, т. е. после исконно твердых согласных. Она возникла на месте старого *о* под восходящим ударением (см. § 23, 24 и 65). Однако есть категория случаев, когда звук *б* (*уб*) нефонетически появлялся и после мягких согласных (а также шипящих, бывших ранее мягкими) на месте старого *е*: напр. *х'раш'б* под влиянием *в'ис'алб*, *дит'б* под влиянием *с'алб*, *с-радн'бј* — под влиянием *ст'андј*, *з'ат'јов* по типу *стал'бв* и т. д.

Такое *б* после мягких согласных и шипящих, восходящее к старому *е*, по отношению к гласным предударного слога функционирует так же, как и всякое другое *б*, т. е. восходящее к старому *о*: в предударном слоге гласные фонемы неверхнего подъема после мягких согласных выступают в своем варианте *а*. Например: *г'р'ач'уо*, *св'ажуо*; *пл'ач'уо*, *б'ал'јуо*, *в'ид'ан'јуо*, *л'ид'ан'јуо*, *м'ид'в'ад'јуо*; *к'л'ашн'уоју*, *з'ам'л'уоју* (или *з'ам'л'уој*), *п'д-м'ажуоју*; *в'ид'м'ад'уов*, *з'ат'јуов*, *кн'аз'јуов*, *хр'асцуов*.

С приведенным материалом можно сравнить формы твор. п. ед. ч. муж. и ср. р. на *-ом* после мягкой согласной, где под ударением *-о* (*о* открытое), а в предударном слоге произносится *и* (*е*): *б'ил'јом*, *м'ид'в'ид'бм*, *пл'ич'бм*, *в'ид'ин'јом*. (Ср. в твердой разновидности склонения: *с'илбм*, *в'идрбм*, *ст'иклбм* и пр., также *о* открытое под ударением, и поэтому *и* в предударном слоге.)

С явлением аналогического происхождения мы сталкиваемся при ближайшем знакомстве с диссимилятивным явлением Щигровского и Суджанского типов и развившимися на их основе обоими типами ассимилятивно-диссимилятивного яканья.

Как известно, при этих типах яканья, если под ударением находится *о* (или же *б*, и *о*), то в предударном слоге произносится *а*, если же под ударением *е* (*о*), то в предударном звучит *и* (*е*). Таким образом, при наличии под ударением *о* после мягких согласных в предударном слоге в качестве общего варианта гласных фонем неверхнего подъема выступает „не *а*“.

Однако от этого правила имеется одно отступление, которое нельзя считать исключением, так как оно характеризует самую систему этих типов яканья: если под ударением находится о после мягких согласных, входящее в состав именных форм, в частности падежных окончаний, а также уменьшительного суффикса -ок, то в предударном слоге произносится а.

Например: *в'ис'б'л'я*, *б'ир'б'за*, *в'ид'б'м*, *н'ис'б'м*; но *пл'ач'б*, *б'ал'б*, *в'ид'ан'б*, *м'ид'в'ад'б*, *з'амл'б'ю*, *кл'ашн'б'ю*, *зв-м'ажб*; *м'ид'в'ад'б'в*, *з'ат'б'ю*, *кн'аз'б'ю*; *т'ыр'ач'б*, *св'ажб*; *б'ал'б'м*, *с-м'ид'в'ад'б'м*, *пл'ач'б'м*, *в'ид'ан'б'м*, *ж'ажбм*; *п'ан'б'ок*, *д'ан'б'ок*, *ч'ир'а'б'ок*, *м'ашб*, *б'ир'ажб*, *сн'ажб*.

Возникает вопрос: почему последовательно произносится *в'ид'б'м*, но *м'ид'в'ад'б'м*. Почему при наличии под ударением одной и той же гласной, а именно о после мягкой согласной, в предударном слоге обычно произносится и (или е), но в определенной категории случаев последовательно произносится а.

Окончательный ответ на этот вопрос дадут данные говоров, не знающих изменения е в о, приводимые ниже. Пока же следует обратить внимание на то, что при ударенном о после мягких согласных в предударном слоге звук а произносится в таких формах, где имеется твердая разновидности тех же форм, т. е. где возможна грамматическая аналогия. В словах *пл'ач'б*, *м'ид'в'ад'б* звук о появляется под влиянием *с'алб*; в словах *з'амл'б'ю*, *кл'ашн'б'ю* — под влиянием *п'ил'б'ю*, *ст'анб'ю*; в словах *м'ид'в'ад'б'в* — под влиянием *сталб*; в словах *пл'ач'бм*, *м'ид'в'ад'б'м* — под влиянием *с'албм*, *сталбм*; *п'ан'б'ок*, *б'ир'ажб* — под влиянием *дамб*, *взб*, *дубб*. Отсюда естественное предположение, что ударенное о после мягких согласных в этих формах появилось нефонетически, в результате грамматической аналогии. Если это предположение правильно, то, следовательно, ударенное о после мягких согласных в случаях типа *н'ис'б'м*, *в'ид'б'м*, *б'ир'б'за*, *в'ис'б'л'я*, с одной стороны, и *м'ид'в'ад'б'м*, *б'ал'б*, *п'ан'б'ок*, с другой стороны, имеют разное происхождение. Это дает возможность объяснить двойственность в предударном слоге (то а, то и) при наличии под ударением одной и той же гласной о после мягкой согласной тем, что ударенное о в этих двух категориях случаев появилось в разное время, и потому оно по-разному воздействовало на гласную предударного слога.

Говоры, не знающие изменения е в о и имеющие в то же время один из интересующих нас типов яканья, полностью подтверждают высказанные выше предположения. В этих говорах звук о после мягких согласных произносится только в именных формах, главным образом в падежных окончаниях и в уменьшительном суффиксе -ок, в остальных случаях произносится е: *ф'с'о*, *ап-ч'бм*, *кв-твабм*, *дит'б*, *дупл'б*, *кан'бм*, *радн'б*, *зат'б'ю*, *х'рашб*, *кул'б*, *акан'б* (окунек), но *кл'ен*, *п'ат в'ерст*, *б'ер'еза*, *в'ес'ела*, *ч'ер'емука*, *п'ат д'ен*, *мнб'а* *сел*, *кат'енак*, *каз'л'енак*, *н'ес'еш*, *в'ед'еш*, *п'ек'еш*; *н'ес'ет'*, *в'ед'ет'*, *п'ек'ет'*; *н'ес'ем*, *в'ед'ем*, *п'ек'ем*.

Если на основе ранее приведенного материала можно было лишь предполагать аналогическое происхождение ударенного о после мягких согласных и шипящих в именных формах и уменьшительном суффиксе -ок, то говоры, не знающие результатов изменения е в о, не оставляют в этом никакого сомнения и позволяют утверждать, что о в указанных выше формах появилось нефонетически, под влиянием соответствующих форм твердой разновидности: всюду, где есть возможность такой аналогии, мы находим о; если же такой возможности нет, то под ударением звучит е.

Далее можно утверждать, что говоры, знающие под ударением о после мягких согласных и шипящих только в указанных выше формах и сохраняющие е в остальных случаях, представляют собой в отношении этой черты более раннюю стадию развития, чем те говоры, в которых последовательно под ударением перед твердой согласной произносится о: говоры, не знающие изменения е в о, звук о под ударением после мягких согласных и шипящих получили в результате морфологической аналогии в ту эпоху, когда еще складывался существующий в них тип яканья или во всяком случае, когда последний еще представлял собой актуальную, действующую фонетическую закономерность. А так как в интересующих нас типах яканья при

наличии под ударением *о* в предударном слоге произносится *а*, то вновь появившееся *о* после мягких согласных и шипящих стало действовать по отношению к гласной предударного слога, как и всякое другое *о*, т. е. в предударном слоге появлялось *а*. Так появились *ба'л'јо, ба'л'јом, м'ид'в'ад'оф, п'ан'ок* и пр. В остальных же случаях ударенное *е* сохранялось, и потому в предударном слоге произносилось *и* (или *е*). Такое произношение (*н'ес'ем, в'ед'ем, б'ер'еза, в'ес'елај, но м'ид'в'ад'ом, м'ид'в'ад'оф, з'амл'ој, м'ажој, д'ан'ок*) сохранилось, например, в с. Кидусово Спасского района Рязанской области, в с. Новоселки Рыбновского района Рязанской области, в Вадском районе Пензенской обл. и др. В дальнейшем звук *о* после мягких согласных и шипящих под влиянием говоров, знавших изменение *е* в *о*, проник во многие ю-в-р. говоры с интересующими нас типами яканья. Однако это было уже в позднейшую эпоху, когда типы яканья заостенели, не представляли собой действующей фонетической закономерности. Поэтому появление *о* под ударением в этих случаях не отразилось как-либо на качестве гласной предударного слога: было *б'ир'еза, н'ис'ем*; стало *б'ир'бза, н'ис'ом*.

Итак, более раннюю ступень представляет произношение *б'ир'еза, в'ид'ем; м'ид'в'ад'ом*: под ударением разные гласные, и в зависимости от этого различно качество гласных предударного слога. Более позднюю ступень представляет произношение *б'ир'бза, в'ид'ом, но м'ид'в'ад'ом*: под ударением произносится одна и та же гласная, но в предударном — разные. Объясняется это тем, что *о* в первых двух случаях (*б'ир'бза, в'ид'ом*) появилось в позднейшую эпоху, когда тип яканья уже не представлял действующей фонетической закономерности. Впрочем, в глагольных формах архаические ю-в-р. говоры знают обычно звук *е* (*н'ес'еш, н'ес'ет', н'ес'ем*), который в них и надо едва ли не считать общим для ю-в-р. наречия, а широко распространенный теперь в этих формах звук *о*, видимо, появился в ю-в-р. говорах под влиянием литературного языка или других говоров, знавших в них *о*. Что касается последней категории случаев (*м'ид'в'ад'ом*), то звук *о* появился в них в более раннюю эпоху, и потому он оказал такое же воздействие на качество гласной предударного слога, как и всякое другое *о*: в предударном слоге произносится *а*.

§ 80. Из представленного выше материала видно, что определение типа яканья говора не легкое дело. Для этого не только нужно выделить и отдельно рассмотреть проклитику — отрицание, предлоги, а также приставки. Необходимо выделить вообще частичные слова и слова слабоударяемые, каковыми могут быть многие местоимения, некоторые числительные и другие слова. Необходимо, кроме того, выделить слова не исконные для диалекта, заимствованные, в частности из языка городского, литературного и т. д. Произношение гласных предударного слога в перечисленных выше категориях случаев может не соответствовать типу яканья.

Как и при описании других сторон фонетики диалекта, необходимо подбирать факты, относящиеся к одной и той же диалектной системе, т. е. к говору не только одного и того же населенного пункта, но также одного и того же по типу языка круга жителей; следует сопоставлять факты только в пределах одного и того же жанра. Наконец, даже в пределах всех этих ограничений необходимо отдельно учитывать материал, записанный от разных лиц, так как последние могут быть носителями разных говоров. Если не принимать во внимание различия в материале, записанном от разных лиц, нетрудно индивидуальные особенности речи отдельных лиц принять за общие — за различия в самих говорах как таковых.

Кроме всего этого, для определения типа яканья необходимо большое количество примеров. Прежде всего нужно, чтобы в предударном слоге были варианты разных гласных фонем неверхнего подъема (напр. *пѣт'ану́*, *ф-сн'ау́*, *пр'ив'азу́*; ср. под ударением: *т'анут'*, *с'н'ех*, *пр'ив'ос*). Далее нужно, чтобы эти варианты разных гласных неверхнего подъема в примерах встречались бы как перед твердыми согласными, так и перед мягкими (так как на этом основано выделение умеренного яканья). Очень желательно также, чтобы они были также в примерах перед твердыми шипящими (так как на этом положении основано выделение разновидности умеренного яканья). Наконец, нужно, чтобы эти варианты разных гласных неверхнего подъема находились бы перед слогом с разными ударенными гласными, не только теми, которые различаются в данном говоре, но с учетом тех, которые различаются хотя бы в каком-нибудь русском говоре, или — что практически то же самое — с учетом происхождения различающихся в данном говоре ударенных гласных. Для того, чтобы в собранном материале были представлены все эти многочисленные частные фонетические положения, нужны многие десятки примеров.

Во многих из имеющихся в научной литературе описаний русских говоров на яканье приводится 3—5—10 и больше примеров на одни и те же, наиболее часто встречающиеся слова и в наиболее часто встречающихся фонетических положениях. Ясно, что по такому материалу нельзя определить типа яканья. Например, сколько бы ни было приведено примеров типа *н'асу́* (например: *в'аду́*, *п'аку́*, *с'астру́* и т. д.) или типа *цв'аты́* (напр.: *в'арсты́*, *с'астры́* и т. д.), ничего нельзя сказать о характере яканья, так как в этих примерах звук *а* предударного слога находится одновременно как перед твердой согласной, так и перед слогом с ударенными гласными верхнего подъема. Поэтому звук *а* в них произносится и при умеренном яканье и при диссимилятивном, равно как и при основанных на них типах яканья ассимилятивно-умеренном и ассимилятивно-диссимилятивном, не говоря уже о сильном яканье. Другие типы примеров могут быть более выразительными для определения типа яканья. Например, примеры типа *н'исла́*, *вз'ила́*, *р'ика́*, *стр'ил'ам'*, *пѣт'ур'ал*, вместе взятые, могут указывать только на иканье или диссимилятивное яканье; примеры типа *н'ас'у́*, *в'ад'у́*, *л'ан'ива́й* — могут указывать на яканье сильное или диссимилятивное и т. д., а также основанное на последнем яканье ассимилятивно-диссимилятивное. Однако ни один тип примеров не может оказаться достаточным для определения характера яканья. Если пример *пѣт'ур'ал* указывает или на иканье, или на умеренное, или на диссимилятивное яканье, то вопрос, каков же предударный вокализм говора, решается тем, с каким гласным в предударном слоге в других положениях сосуществует произношение *пѣт'ур'ал*: если рядом в том же говоре *н'ас'у́*, то, видимо, перед нами диссимилятивное яканье; если же произносится *н'ис'у́*, тогда, видимо, говор характеризуется иканьем или умеренным яканьем. Если, например, рядом с

пѣт'ир'ѣл и *н'ис'ѣ* произносятся *н'асу*, *н'асла*, то тип яканья можно определить как умеренный.

Тип яканья может быть определен с достаточной точностью только в том случае, если имеется большое количество примеров на варианты разных гласных фонем предударного слога в положении как перед твердыми и мягкими согласными, так и перед слогом с разными по качеству, а также по происхождению ударенными гласными, в возможно более разнообразных морфологических категориях.

§ 81. Представим все эти основные положения вариантов гласных фонем в 1-м предударном слоге после мягких согласных в одной общей схеме.

	В ударенном слоге	В предударном слоге	
		перед твѣрд. согл.	перед мягк. согл.
1.	и		
2.	у		
3.	ѡ		
4.	о		
5.	ѣ		
6.	е ('о)		
7.	а		

а

б

Надо иметь в виду, что схема эта составлена с точки зрения говора, различающего под ударением максимальное количество гласных фонем. Во многих говорах часть этих гласных (*ѡ* и *ѣ*) не различается. В подавляющей части говоров вместо *е* под ударением перед твердой согласной произносится *о*.

Горизонтальные деления в таблице обозначены цифрами, вертикальные — буквами (а и б). Горизонтальные деления указывают на то, какая фонема находится под ударением. При этом в п. 1 имеется в виду не только ударенное *и*, но и гласный *ы*, являющийся вариацией фонемы *и*. Вертикальное деление (а и б) указывает на положение предударной гласной перед твердыми и мягкими согласными.

При пользовании таблицей надо иметь в виду, что примеры на одни положения часто встречаются и в большом количестве слов и форм, примеры на другие положения, напротив, встречаются редко и даже могут вовсе отсутствовать.

Так, например, сравнительно редко встречается положение 3б и 4б (перед мягкой согласной при ударенной *ѡ* или *о*). Ударенные *ѡ* и *о* восходят к старым *о* и *ѡ*, поэтому перед ними согласные бывают твердые. В связи с этим предударные гласные при ударенных *ѡ* и *о* обычно оказываются перед твердой согласной. Лишь в редких случаях — при наличии между предударным гласным и ударенным сочетания согласных, в котором первая сохраняет мягкость — предударный гласный при наличии под ударением *ѡ* или *о* может оказаться перед мягкой согласной, например: *б'ел'мѡ*, *в'аз'мѡ*, *с'ер'ѡѡ(у)* (тв. п. ед. ч.); случаи типа *п'ен'кѡв* обычно звучат

в ю-в-р говорах с мягким *к'* после мягких согласных — *п'ен'к'ов* (примеры на положение 3б); *б'ел'мом, в'аз'мом, с'-п'ен'к'ом* (примеры на положение 4б).

При ударенной *е* и ее заменах предударная гласная обычно находится перед мягкой согласной, так как перед *е* парные твердые согласные, а также *к, г (γ), х* смягчаются; предшествующие ей согласные, если они имеются, во многих случаях смягчаются перед мягкой согласной (ср.: *к-в'ес'н'е, на-в'ес'л'е* и др.). Поэтому весьма обычно положение 5б, но значительно реже встречается положение 5а (перед твердой согласной при наличии под ударением *е*). Последнее встречается в той мере, в какой представлены в русском языке случаи с такими сочетаниями согласных между гласными предударного и ударенного слогов, из которых первая согласная сохраняет свою твердость, находясь перед мягкой согласной. Например: *на-ст'екл'е, в-в'едр'е, к-с'естр'е, на-п'еск'е, т'елк'е*, если имеются такие формы: *пот'емн'ело* и др.

По тем же причинам положение 6а (перед твердой согласной при наличии под ударением *е||'о*) можно считать практически почти не встречающимся: на это положение можно указать лишь единичные примеры вроде *л'агн'от, тр'ахн'от* (или *л'агн'эт, тр'ахн'эт* и др.), *јагн'онк*.

Положения 1б и 1а равно употребительны: ср. *в'ел'и* и *ст'енй*. Однако надо иметь в виду, что в положении 1б предударный гласный находится перед мягкой согласной, а под ударением обычно звучит фонема *и* в своем основном виде (*пр'ив'ел'и, подж'ел'и, н'ес'и, в'ез'и*), а в положении 1а предударный гласный находится перед твердой согласной, а в предударном звучит вариация фонемы *и* — звук *ы* (*с'т'енй, с'едьх, гн'едьм, пр'амьм*). Это объясняется тем, обстоятельством, что перед фонемой *и* мягкие и твердые парные согласные различаются.

Если между предударным гласным и гласным ударенного слога имеется сочетание согласных, предударный гласный в некоторых случаях может находиться перед твердою согласною при наличии под ударением фонемы *и* в своем основном виде, а также перед мягкой согласной при наличии под ударением звука *ы* как вариации фонемы *и*. То и другое возможно в той мере, в какой возможны в русском языке сочетания твердых согласных перед мягкими согласными и, напротив, мягких согласных перед твердыми согласными. Ср., например: *п'екл'и, т'екл'и, л'егл'и; п'еск'и, б'елк'и, т'елк'и* (предударный гласный перед твердой согласной при ударенной гласной *и*); особенно редко положение перед мягкой согласной при ударенном *ы* как варианте фонемы *и*: *т'ес'мй, с'ер'нй* (если представлена мягкость *р* и одновременно форма на *ы* в соответствующем падеже).

Итак, наиболее употребительны положения 1а, 1б, 2а, 2б, 3а, 4а, 5б, 6б, 7а, 7б.

Представим рассмотренные выше типы яканья в таблицах на основе представленной выше схемы.

Умеренное яканье

	в ударенном слоге	в предударном слоге	
		перед. тверд. согл.	перед. мягк. согл.
1.	и	а	и
2.	у	а	и
3.	Ѣ	а	и
4.	о	а	и
5.	ѣ		и
6.	е ('о)		и
7.	а	а	и

а б

Примечание. Для положения ба не указано произношение предударной гласной ввиду практического отсутствия примеров на это положение. Положение ба представлено примерами, хотя и сравнительно немногочисленными. Но произношение предударной гласной в этом положении в таблице не указано, так как при умеренном яканье здесь часто произносится, видимо, по нефонетическим причинам вместо ожидаемого а звук и: *к-с'истр'ѣ, нѣ-в'идр'ѣ*. То же следует сказать относительно положения 1а, если под ударением произносится фонема и в своем основном виде; и здесь также при умеренном яканье обычно произносится и вместо ожидаемого а; *п'икл'ѣ, л'игл'ѣ* и т. д.

Продумайте эту и следующие таблицы. Сопоставьте друг с другом разные типы диссимильативного яканья.

Сравните ассимилятивное яканье с иканьем; ассимилятивно-умеренное яканье с умеренным; ассимилятивно-диссимильативное яканье Новоселковского типа с диссимильативным яканьем Щигровского типа; ассимилятивно-диссимильативное яканье

Диссимильативное яканье архаического типа

а) Обоаянская разновидность

	в ударенном слоге	в предударном слоге	
		перед. тверд. согл.	перед. мягк. согл.
1.	и	а	а
2.	у	а	а
3.	Ѣ	а	а
4.	о	и	и
5.	ѣ	а	а
6.	е ('о)		и
7.	а	и	и

а б

б) Задонская разновидность

	в ударенном слоге	в предударном слоге	
		перед. тверд. согл.	перед. мягк. согл.
1.	и	а	а
2.	у	а	а
3.	Ѣ	а	а
4.	о	е	е
5.	ѣ	а	а
6.	е ('о)		е
7.	а	е	е

а б

**Диссимилятивное яканье
Щигровского типа**

	в удар- ном слоге	в предударном слоге	
		перед твѣрд. согл.	перед мѣгк. согл.
1.	и	а	а
2.	у	а	а
3.	Ѡ	а	а
4.	о	а	а
5.	Ѣ	а	а
6.	е ('о)		и
7.	а	и	и

а б

**Диссимилятивное яканье
Суджанского типа**

	в удар- ном слоге	в предударном слоге	
		перед твѣрд. согл.	перед мѣгк. согл.
1.	и	а	а
2.	у	а	а
3.	Ѡ	а	а
4.	о	а	а
5.	Ѣ	и	и
6.	е ('о)		и
7.	а	и	и

а б

**Диссимилятивное яканье
Донского типа**

	в удар- ном слоге	в предударном слоге	
		перед твѣрд. согл.	перед мѣгк. согл.
1.	и	а	а
2.	у	а	а
3.	Ѡ	и	и
4.	о	и	и
5.	Ѣ	и	и
6.	е ('о)		и
7.	а	и	и

а б

**Диссимилятивное яканье
Жиздринского типа**

	в удар- ном слоге	в предударном слоге	
		перед твѣрд. согл.	перед мѣгк. согл.
1.	и	а	а
2.	у	а	а
3.	Ѡ	а	а
4.	о	а	а
5.	Ѣ	а	а
6.	е ('о)		а
7.	а	и	и

а б

Сильное яканье

	в ударном слоге	в предударном слоге	
		перед тверд. согл.	перед мягк. согл.
1.	и	а	а
2.	у	а	а
3.	Ѡ	а	а
4.	о	а	а
5.	Ѣ	а	а
6.	е ('о)		а
7.	а	а	а

а б

Ассимилятивное яканье

	в ударном слоге	в предударном слоге	
		перед тверд. согл.	перед мягк. согл.
1.	и	и	и
2.	у	и	и
3.	Ѡ	и	и
4.	о	и	и
5.	Ѣ	и	и
6.	е ('о)		и
7.	а	а	а

а б

Ассимилятивно-умеренное яканье

	в ударном слоге	в предударном слоге	
		перед тверд. согл.	перед мягк. согл.
1.	и	а	и
2.	у	а	и
3.	Ѡ	а	и
4.	о	а	и
5.	Ѣ		и
6.	е ('о)		и
7.	а	а	а

а б

Ассимилятивно-диссимилятивное яканье Новоселковского типа

	в ударном слоге	в предударном слоге	
		перед тверд. согл.	перед мягк. согл.
1.	и	а	а
2.	у	а	а
3.	Ѡ	а	а
4.	о	а	а
5.	Ѣ	а	а
6.	е ('о)		и
7.	а	а	а

а б

Ассимилятивно-диссимилятивное яканье Кидусовского типа

	в ударенном слоге	в предударном слоге	
		перед тверд. согл.	перед мягк. согл.
1.	и	а	а
2.	у	а	а
3.	ъ	а	а
4.	о	а	а
5.	ѐ	и	и
6.	е ('о)		и
7.	а	а	а

а б

Иканье

	в ударенном слоге	в предударном слоге	
		перед тверд. согл.	перед мягк. согл.
1.	и	и	и
2.	у	и	и
3.	ъ	и	и
4.	о	и	
5.	ѐ	и	и
6.	е ('о)		и
7.	а	и	и

а б

Кидусовского типа с диссимилятивным яканьем Суджанского типа. Уясните себе различия между этими типами яканья.

Сопоставьте ассимилятивно-диссимилятивное яканье Новоселковского и Кидусовского типов с сильным яканьем. Сопоставьте с сильным яканьем диссимилятивное яканье Жиздринского типа.

Выше была уже подчеркнута необходимость большого количества примеров для установления типа яканья. Иллюстрируем это еще несколькими фактами. Предположим в том или ином говоре ассимилятивно-умеренное яканье. Если случайно в записях не окажется примеров на положение 7б (перед мягкой согласной и при ударенной гласной а типа *ʎ'ad'ám', jad'ám', str'al'ám'*), которые, кстати сказать, не очень часто встречаются, то яканье этого говора неправильно будет определено как умеренное, так как последнее отличается от ассимилятивно-умеренного яканья только различием в произношении предударной гласной в этом положении.

Другой случай. Предположим в том или ином говоре ассимилятивно-диссимилятивное яканье Новоселковского типа. Предположим также, что сделано много записей по этому говору, но среди них случайно отсутствуют примеры на положение 6б (перед мягкой согласной при ударенной е; типа *d'er'év'а, н'ес'ѐш, в'ес'ѡлај или в'ес'ѐлај*). Этого будет достаточно, чтобы сделать неправильный вывод о сильном яканье в данном говоре, так как последнее отличается от ассимилятивно-диссимилятивного яканья Новоселковского типа иным произношением предударной гласной только в этом положении.

Нередко наблюдатели, не понимая, как важна точность в записях вообще и предударного вокализма якающих говоров в особенности, по общему, например, „якающему“, впечатлению, записывают некоторые примеры по памяти: например, слыша и записывая *н'асу, в'аду, с'т'ир'ау, н'ас'у, в'ад'у, с'т'ир'ау*, по памяти записывают *н'ас'ѡш, в'ад'ѡш, с'т'ир'аѡш*, между тем как в говоре на самом деле произносится *н'ис'ѡш, в'ид'ѡш, ст'ир'иѡш*. Таким образом исследователь впадает в заблуждение: он устанавливает,

например, сильное яканье там, где на самом деле яканье ассимилятивно-диссимилятивное или диссимилятивное.

§ 82. Кроме рассмотренных выше типов яканья, некоторые ученые различают еще яканье умеренно-диссимилятивное и диссимилятивно-умеренное. Эти типы яканья представляют собой объединение принципов диссимилятивного яканья и яканья умеренного. В одном из двух положений (перед твердой или мягкой согласной) сохраняется принцип диссимилятивности, а в другом — он уступает место принципу умеренного яканья.

Умеренно-диссимилятивное яканье заключается в том, что в 1-м предударном слоге перед мягкими согласными принцип диссимилятивности сохраняется, а перед твердыми согласными действует принцип умеренного яканья. Иными словами, в 1-м предударном слоге перед мягкой согласной произносится *а*, если под ударением — гласные *и* (*ы*), *у*, (положение 1а), и произносится *и* (*е*), если под ударением — *а* (положение 1б); перед твердыми согласными вне зависимости от качества ударенного гласного произносится *а* (положение 2). Примеры: 1а — *н'ас'й*, *в'ал'й*, *ч'л'ад'й*, *т'ас'м'й*, *в'ал'у*, *см'а'ус'*; 1б — *в'ил'ам'*, *ч'л'ид'ам'*, *п'ят'ир'ам'*, *стр'ил'ам'*; 2 — *н'асу*, *б'ау*, *пр'аду*, *т'в'аток*, *п'асок*, *т'в'аты*, *с'алб*, *в'аслб*, *в'ала*, *н'асла*, *пр'ала*, *б'ада* и т. д.

Диссимилятивно-умеренное яканье, напротив, заключается в том, что в первом предударном слоге принцип диссимилятивности сохраняется перед твердыми согласными, а перед мягкими согласными по норме умеренного яканья произносится *и* (*е*). Таким образом, при диссимилятивно-умеренном яканье в 1-м предударном слоге перед мягкими согласными произносится *и* (*е*) вне зависимости от качества ударенной гласной (положение 1), а перед твердыми согласными произносится *а*, если под ударением — *и* (*ы*), *у* (положение 2а), и произносится *и* (*е*), если под ударением — *а* (положение 2б). Примеры: 1 — *н'ис'й*, *ч'л'ид'й*, *т'ис'м'й*, *в'ил'у*, *см'а'ус'*, *в'ил'ам'*, *ч'л'ид'ам'*, *п'ят'ир'ам'*, *см'а'и'а'ца*, *н'ис'бш*, *д'ир'евн'а*; 2а — *н'асу*, *б'ау*, *пр'аду*; 2б — *н'исла*, *пр'ила*, *б'ида*.

Возможно, что эти типы яканья в положении, где сохраняется принцип диссимилятивности, различают более мелкие разновидности в зависимости от того, какой гласный произносится в 1-м предударном слоге, когда под ударением приходятся разные гласные среднего подъема (а также верхне-среднего, если они имеются), аналогично тому, как различаются типы диссимилятивного яканья архаического, Щигровского, Суджанского, Донского и Жиздринского. Однако для решения вопроса требуется больший материал, чем тот, которым мы обладаем.

Умеренно-диссимилятивное яканье и диссимилятивно-умеренное яканье по говорам проводятся, видимо, менее последовательно, чем остальные, описанные выше типы. Они носят явно смешанный характер и, вероятно, появились в процессе перехода от системы диссимилятивного яканья под влиянием ср-в-р говоров к яканью умеренному.

Модификации гласных фонем в 1-м предударном слоге после твердых шипящих и *ц*.

§ 83. Выше было показано, что гласные фонемы неверхнего подъема в 1-м предударном слоге реализуются по-разному в зависимости от того, находятся ли они после твердых согласных (твердых парных согласных, а также *к*, *г*, *х*; иначе — после исконно твердых согласных) или после мягких согласных. Кроме этих двух положений, следует различать еще положение после твердых шипящих и *ц*. Необходимо различать последнее положение объясняется следующим: как известно, шипящие в прошлом все были мягкими. В дальнейшем *ш* и *ж* отвердели почти во всех русских говорах; в части говоров отвердели, кроме того, долгие шипящие (см. ниже § 121). Фонема *ц*, в прошлом также мягкая, отвердела в значительной части говоров. Эта двойственность природы твердых шипящих и *ц*, в прошлом мяг-

ких, затем отвердевших, сказывается на качестве стоящих после них гласных.

Следует иметь в виду, что из числа гласных фонем неверхнего подъема в корнях слов после шипящих могут быть *а* и *е* || *о* (*жар*, *шест*, *сам-шост*) и не может быть *э*, а после *ц* может быть главным образом *э* (*цело́й*, *це́нной*), в немногих случаях *а* (*цар'*; это случаи, где сочетание *ца* не является исконным, ср. старое *цъсарь* → *цъсарь* → *царь* → *цар'*) и не может быть *е* || *о*.

§ 84. В части окающих говоров гласные неверхнего подъема в 1-м предударном слоге после шипящих и *ц*, как и после мягких согласных, могут различаться. Ср. *жона́*, *жолу́док*, *шопта́м'*, *шосто́й*, *жолто́к* или *же́на́*, *желу́док*, *шепта́м'* и т. д., но *жара́*, *шага́т'*; или *це́на́*, *це́ла́*, но *о́вациа́т'и*. В других говорах, опять-таки так же как и после мягких согласных, они могут совпасть в общем варианте *е*: *шепта́м'*, *же́на́* и рядом *же́ра*, *ше́гма́т'*.

Однако во многих с-в-р окающих говорах при наличии ёканья (*н'ос'у*, *в'озла́*) в положении после шипящих вместо *е* || *о* нередко произносится *а*: *жа́ла́м'*, *жа́на́*, *жа́н'и́х*, *пи́ша́нб*, *пи́ша́н'и́ца*, *жа́л'э́зо*. При этом такое произношение не является новым для этих говоров, появившимся в результате проникновения аканья, а характеризует старое произношение и объясняется особыми фонетическими процессами, имевшими место после шипящих. В некоторых говорах *а* отмечено главным образом в положении перед мягкой согласной при *о* в положении перед твердой: *жа́н'и́х*, но *жо́на́*, *пи́ша́н'и́ца*, но *пи́ша́нб*. Следует отметить, что произношение с *о* (*жо́на*, *жо́н'и́х*) представлено и в некоторых говорах, не знающих ёканья. При этом *о* перед мягкими согласными после шипящих представлено значительно чаще, чем после парных мягких (*б'ор'э́за*, *н'ос'и́*). Особенно часто произношение с *а* встречается в слове *жа́ла́м'*. Древность *а* в этом слове свидетельствуется письменными памятниками, не отражающими аканья: ср. *жала́ти* в Слове Серапиона, *жала́ите* в Типографской псалтыри XIV в. Возможно, что *а* в этом случае восходит к ступени долготы *е* (*ѣ*).

Что касается положения после *ц*, то здесь выделяется в особенности слово *целую́*, *целу́й*: при отсутствии ёканья на месте *ѣ* (= *ь*) в этом случае все же нередко произносится *о*: *цолу́ју*, *цолу́й*. Судьба предударного гласного в этом слове отлична и в акающих говорах. Достаточно сказать, что старомосковскому произношению (XIX — начала XX в.) при *цы́на́*, *цы́на́м'и*, *цы́ла́* (со звуком *ы* или близким к *ы* звуком *и́э*) в этом слове было свойственно *а*: *цалу́ју*, *цалу́й*. Такое произношение свидетельствуется соответствующими написаниями в письменных памятниках вплоть до второй половины XIX в. Особая судьба предударной гласной, видимо, связана с ее положением перед твердой, велярной *л*, способствовавшей ее лабиализации. Возможно, имела известное значение также постоянная безударность соответствующей гласной (этимологически тождественный корень в *цело́й* семантически давно уже не связан с корнем в *целу́ју*).

§ 85. В ряде говоров с умеренным яканьем реализация гласных фонем неверхнего подъема после твердых шипящих и *ц* в 1-м предударном слоге не отличается от общей системы умеренного яканья, т. е. эти фонемы перед твердой согласной совпадают в одном общем варианте *а*, а перед мягкой согласной в *ы* или *и́э*: *жа́на*, *жа́ну*, но к *жы́н'э́*, *жы́н'и́х*; *р'и́ша́тб*, но *в-р'и́шыт'э́*; *ша́сто́й час*, но *шы́с'т'и́ ч'асо́в*; *жа́ра*, но *пъ-жы́р'э́*; *жа́ла́ју*, *жы́л'э́т'*, *ца́на́*, но *пъ-цы́н'э́*; *ца́ла́*, но *цы́л'э́й*; *пъцалу́й*, *цы́д'и́т'*, *цы́н'и́т'*, *в-цы́п'а́х*.

Однако во многих говорах с умеренным яканьем, в 1-м предударном слоге после шипящих и *ц* звук *а* произносится не только перед твердой согласной, но нередко также и перед мягкой: рядом с *жа́на́* произносится *г-жа́н'э́*, *жа́н'и́лс'и*, *жа́н'и́х*, рядом с *пъша́нб* — *пъша́н'и́ца*, рядом с *ч'и́жа́лб* — *ч'и́жа́л'э́й*, рядом с *ца́на́* — *ца́н'и́т'*; *в-ца́н'а́х*, *пъца́д'и́л*, *жа́л'э́т'*, *р'э́жа́н'и́цу*. Подобное отклонение от системы умеренного яканья в разных говорах может иметь неодинаковое происхождение: в одних говорах оно, видимо, представляет собой остатки ранее имевшегося диссимилятивного яканья (едва ли случайно, что среди только что приведенных примеров

оказался лишь один случай с *а* в предударном слоге при ударенной *а*; в других говорах оно, напротив, может оказаться новообразованием, нарушающим старую систему умеренного яканья и появившимся в результате аналогического воздействия: *ч'ижал'ёј* под влиянием *ч'ижало́* и т. д. Наконец, следует учитывать, также индивидуальную судьбу отдельных слов: является ли то или иное слово своим, исконным для говора, или пришло из другого говора или из литературного языка. Все это могло оставить свои следы на звуковом оформлении соответствующего слова.

В говорах с умеренным яканьем в отношении произношения гласных после шипящих и *ц* в 1-м предударном слоге иногда встречается также отклонение другого рода: *ы* (или *ы³*) вместо *а* в положении перед твердой согласной, т. е. *жына́, шыптат', жылат'*. Это отклонение может иметь также разное происхождение. Во многих случаях оно, безусловно, является результатом влияния литературного произношения, а также близких к нему в этом отношении икающих говоров. Однако для отдельных говоров не исключено предположение о том, что случаи типа *жына́* заключают в себе остатки диссимильтивного яканья. Лишь реальная история соответствующих говоров в их основных ведущих чертах, а также история самих носителей этих говоров может помочь в разрешении этого и подобных вопросов.

§ 86. В говорах с разными типами диссимильтивного яканья в положении после твердых шипящих наблюдается одно характерное отклонение от типа яканья после мягких согласных: после *ш, ж* перед слогом с ударенным *а* в предударном слоге вместо *ы* или *е* (а часто также рядом с *ы* или *е*) появляется *а*: *жанá, жанáтај, жалáит', шастáја, чижалá; жарá, шажат', н'и шатáи'с'и*. Реже такое произношение отмечено и после *ц*: *цанá*.

Разные типы диссимильтивного яканья нередко имеют свои частные отклонения от соответствующих типов яканья после мягких согласных. Например, при Донском типе диссимильтивного яканья после *ш, ж* отмечено в 1-м предударном слоге при наличии под ударением гласных среднего подъема произношение звука *а* (вместо ожидаемого *ы* или *е*): *чижал'ёј, жалт'ёт', жалтók*; или при Суджанском типе диссимильтивного яканья в некоторых случаях после *ш, ж* в 1-м предударном слоге отмечено произношение звука *а* при наличии под ударением звука *ё* (*е*) или *е* (*'о*) вместо ожидаемого *ы* или *е*: *жан'ё, ч'ижал'ёј, шатр'ё; шан'онка*. Можно думать, что подобного рода отклонения во многих случаях объясняются своим появлением действием аналогии: произношение *жан'ё* появилось под влиянием *жану́, жанóј* и т. д.; *ч'ижал'ёј* — под влиянием *ч'ижало́*; *шатр'ё* — под влиянием *шатру́, шатрóм; шан'онка* (=щенёнка) — под влиянием *шанóк* и т. д. Ср. несколько конкретных примеров: в д. Саломыково (б. Обоянский у. Курской губ.) при *шатре, к жане* отмечено *жалей* рядом с *жилей, ни жилекоть, жилезнами*; в с. Карташовка (б. Малоархангельского у. Орловской губ.) рядом с *чижалей* отмечено *жилеть*; т. е. и (*ы*) употребляется обычно в тех случаях, где исключается возможность аналогии со стороны другой формы с той же основой, имеющей в предударном слоге *а* в соответствии с системой диссимильтивного яканья Суджанского типа. Характерное отклонение отмечено в с. Заломное (б. Суджанского у. Курской губ.): *шанёнка* с *а* вместо *и* (*ы*); однако рядом в том же говоре отмечено *лашыдёнка*; это делает вероятным объяснение произношения *шан'онка* подравниванием по образцу *шанóк* (такого образца нет для слова *лашыд'онка*, и потому в нем звучит в соответствии с системой диссимильтивного яканья Суджанского типа *ы*).

Иного рода частное отклонение отмечено при диссимильтивном яканье Жиздринского типа: после твердых шипящих и *ц* перед мягкой согласной при наличии под ударением гласной среднего подъема иногда вместо *а* появляется *ы*: *жыл'ёт', жыл'ёју, цыл'ёј*. Аналогия, возможная в последнем случае (ср. *цыла́*), исключается в двух первых. Поэтому возможно предположение, не появилось ли *ы* в них под влиянием литературного языка и других говоров.

Следует отметить еще одно отклонение, касающееся нескольких существительных во множ. числе с мягкой основой: *лошадей, жердей, сажений*.

При определенных типах диссимилативного яканья вместо ожидаемого *а* в этих случаях часто произносится *и* (*ы*).

Отмеченные отклонения в весьма значительной степени расшатывают систему диссимилативного яканья в положении после твердых шипящих и *ц*. Материалы многих говоров с диссимилативным яканьем свидетельствуют о том, что после шипящих зависимость качества гласного 1-го предударного слога от качества ударенной гласной фактически может отсутствовать.

Принцип диссимилативности после твердых шипящих и *ц* оказывается нарушенным, как и после исконно твердых согласных.

§ 87. При наличии в говоре сильного яканья — в соответствии с системой сильного яканья в 1-м предударном слоге после твердых шипящих и *ц* — может произноситься *а* вне зависимости от дальнейших условий (качества ударенной гласной или твердости-мягкости следующей согласной). Однако и при сильном яканье в положении после твердых шипящих и *ц* отмечены некоторые характерные отклонения.

При наличии под ударением *е* (*е*), главным образом в разных формах слова *жалеть*, в предударном слоге часто звучит *и* (*ы*): *жыл'эт'*, *жыл'эжу*, *жыл'эит'*, *пжыл'эј* и т. д. Такое произношение отмечено, например, в б. Скопинском у. Рязанской обл., в б. Усть-Медведицком округе Донской обл., в б. Вышневолоцком и Новоторжском у-у. Тверской губ. Реже такое произношение отмечено в форме *целей*: ср. *цыл'еј* (и рядом *ч'ижал'еј*) в б. Хоперском округе Донской обл.

Другое отклонение заключается в том, что в некоторых говорах с сильным яканьем перед слогом с ударенным *и* в предударном слоге после *ц* произносится *ы* в слове *цедить*: *цыд'ыл* (например, в б. Холмском у. Псковской губ., а также в б. Осташковском у. Тверской губ.).

Наконец, при сильном яканье отмечено также произношение формы *лошадей*, *жердей* с *ы* в предударном слоге *лшыд'еј*, *жырд'еј*.

Эти отклонения могут иметь разное происхождение. Можно думать, что в говорах ю-в-р они свидетельствуют о том, что сильное яканье в них сменило ранее господствующую систему диссимилативного или, непосредственно, ассимилятивно-диссимилативного яканья. Это тем более вероятно, что некоторым из указанных выше говоров вообще свойственно, возможно, не сильное яканье, а ассимилятивно-диссимилативное.

§ 88. В икающих говорах также представлен ряд отклонений в реализации гласных фонем неверхнего подъема после шипящих и *ц*. В некоторых говорах при наличии иканья после шипящих в 1-м предударном слоге нередко произносится *а*; при этом в одних говорах как перед твердыми, так и перед мягкими согласными (неясно, перед всеми ли ударенными гласными), в других только перед твердыми: *жал'ат'*, *жал'удьк*, *шаст'ој*, но *жыл'эт'*, *шыс'т'у*; *цал'ам'и*, *цал'очка*, но *в-цып'ах*. В последних, видимо, ранее представлено было умеренное яканье, заменившееся после мягких согласных иканьем и отчасти сохранившееся после шипящих и *ц*. В других говорах (например, в б. Медынском у. Калужской губ.) при наличии вообще иканья отмечено произношение *жал'эзэ*, *пашан'ица*, которое, может быть, указывает на ранее имевшееся диссимилативное яканье.

При наличии иканья часто произносится *а* в *цалуј*, *пцалују*, *цалују* и других формах с этой основой (об этом слове см. выше в § 84).

В ряде говоров и в литературном языке, по крайней мере в его старых московских нормах, иканье или близкое к *и* — *ы* произношение господствовало также после твердых шипящих и *ц*: ср. *жына* — *жын'е*, *шыст'ој* — *шыс'т'у*, *жыл'ат'*, *жыл'удьк*, рядом с *шыг'ат'* — *шыг'и*, *шылун* — *шыл'ит'*, *жыра* — *пжыр'е*, *жыл'эт'*, *цына* — *ф-цын'е*, *прцыд'ыл*. Однако в литературном языке, а может быть, также и в некоторых говорах отмечено вторичное стремление различать после шипящих *е* || *о* и *а*. Ср. произношение *жына* — *жын'е*, *шыст'ој* — *шыс'т'у*, *жыл'ат'*, *жыл'удьк*, но *шаг'ат'* — *шаг'и*, *шалун* — *шал'ит'*, *жара* — *по-жар'е*. В таких говорах это произношение представляет собой, видимо, восстановление этимологической глас-

ной под влиянием ударенной *а* в той же морфеме (ср.: *шаг*, *шальс'т'*, *жар*)¹. Можно считать, что оно уже господствует в современном литературном языке. Такое произношение, по крайней мере в литературном языке, вообладало, видимо, не без влияния письма. Ср. старое московское произношение с *ы* не только в случаях подобно приведенным, но также и в собственных именах: *шыл'áпин*, *ушыкóф*, *жыркóф* (Шаляпин, Ушаков, Жарков) при обычном теперь *шал'áпин*, *ушакóф*, *жаркóф*. Характерно, что при *жар'э*, *шаг'ú* (ср. под ударением *жар*, *шаг*) литературному произношению и теперь свойственно *жыл'эт'* (тот же корень с ударенной гласной в формах этого глагола отсутствует). Ср. то же в произношении заимствованных слов, широко усвоенных в устной речи, например, *жакет*, *жавель*: *жыл'эт*, *жыл'эл'*.

§ 89. Кроме отмеченных выше случаев, дающих частые отклонения (*целую*, *жалеть*, *железо* и др.), следует отметить также формы числительных *шестьсот*, *шесть*, *двадцати*, *тридцати*. Произношение предупредного гласного в них может отклоняться от общего типа яканья. Это объясняется, вероятно, тем, что в *шестьсот* возможно побочное ударение на первом слоге (*шѐтс'с'от*), другие случаи часто являются слабоударяемыми. В связи с этим возможно по говорам произношение *шыс'от*, *шыс'т'ú*, *двѣтцѣт'ú* с *ы* вместо ожидаемого *а*. Ср., между прочим, в литературном языке *двѣтцѣт'ú* (или *двѣтцѣт'ú*) (т. е. *ѣ* или *ы*-образный звук, а не *а*).

Модификация гласных фонем в предупредных слогах (кроме 1-го предупредного).

Положение после твердых согласных.

Гласные неверхнего подъема.

§ 90. В значительной части с-в-р говоров гласные неверхнего подъема *о* и *а* различаются в положении после твердых согласных не только в 1-м предупредном слоге, но и в других безударных слогах². Различение гласных фонем неверхнего подъема во всех безударных слогах может быть определено как полное оканье в отличие от оканья неполного, при котором гласные неверхнего подъема различаются только в 1-м предупредном слоге, совпадая в одном общем варианте в других безударных слогах. Неполное оканье характерно, главным образом, для Владимирско-Поволжской группы с-в-р говоров в противоположность остальным, характеризующимся оканьем полным.

§ 91. Итак, при полном оканье гласные фонемы неверхнего подъема различаются во 2-м и 3-м предупредных слогах. Например, произносится *трав'анóѣ*, но *дров'анóѣ*; *даровóѣ*, но *дорогóѣ*; *старовáт*, но *сторожáѣ*; *поросказáт'*, но *наросказáт'*; произносят *стар'ик'ú*, *малышáѣ*, *заставл'ѣют*, *нападáл'ú*, *зап'исáл'ú*, но *молодóѣ*, *головáѣ*, *бородáѣ*, *пропадáл'ú*, *проп'исáл'ú*, *потолковáл'ú*, *поговор'úл'ú*.

При неполном оканье, равно как и при аканье, во 2-м и 3-м предупредных слогах *о* и *а* совпадают в одном общем варианте, редуцированном *ѣ*. Поэтому как в с-в-р Владимирско-Поволжских

¹ Такое произношение в других говорах может быть и старым; см. § 84.

² В звуке *о* во 2-м предупредном слоге, как и в 1-м, совпадают фонемы *о* и *б* (если последняя имеется в говоре).

говорах с неполным оканьем, так и в литературном языке, а также в значительной части ю-в-р говоров произносится: *стѣри́кѣм* (ср.: *стар*), *мѣлышѣ* (ср.: *мал*), *зѣп'исѣл'и* (ср.: *зѣп'ис'*), *зѣгул'ѣл*; *зѣпуст'ѣл*, *нѣтп'исѣл* (ср.: *нѣтп'ис'*), *нѣткус'ѣл* и также *пѣрѣска́зѣл* (ср.: *рѣсказн'и*), *пѣтп'исѣл* (ср.: *пѣтп'ис'*), *гѣлубѣк* (ср.: *гѣлуп'*).

Ср. также с-в-р говоры с неполным оканьем: *гѣловѣ*, *стѣронѣ*, *мѣлодѣ*, *пѣлосѣ*, *стрѣјовѣ* (лес), *вѣдовѣс*, *гѣродѣ*, *гѣсподѣ*, *нѣ-дарѣг'ѣ*, *пѣ-пол'ѣм*; в литературном языке: *гѣлавѣ*, *стѣранѣ*, *бѣрадѣ*, *мѣлодѣ*, *пѣласѣ*, *стрѣјѣвѣ*, *вѣдавѣс*, *гѣрадѣ*, *гѣспадѣ*, *нѣ-дарѣг'ѣ*, *пѣ-пал'ѣм*; в ю-в-р говорах *гѣлавѣ* (или *гѣлѣвѣ*, *гѣлѣвѣ*), *стѣранѣ* (или *старѣнѣ*, *старнѣ*), *гѣспадѣ* (или *гѣспѣдѣ*, *гѣспудѣ*), *нѣ-дарѣг'ѣ*, *пѣ-пал'ѣм* (или *пѣ-пѣл'ѣм*). Как видно из примеров, *ѣ* вместо *о* и *а* звучит во 2-м предударном слоге как в с-в-р говорах с неполным оканьем, так и в литературном языке и в большей части ю-в-р говоров.

Звук *ѣ* во 2-м предударном слоге при благоприятных условиях (например, если имеется 3-й предударный слог или по соседству с плавными согласными, а также в некоторых других условиях) в ю-в-р говорах может очень сильно редуцироваться вплоть до полного исчезновения (например: *с'ѣл нѣ-прахѣт*, *дѣ-плав'ѣны*, *пѣгвар'ѣм*, *с'харкѣ*, *ф-спашк'ѣ* (= в Сапожке), *пѣснав'ѣли* (= постановили); другие примеры см. выше § 36).

§ 92. Выше, при анализе диссимилятивного аканья (§ 54), отмечалось, что редуцированный *ѣ* — звук слабый и довольно неопределенный, подверженный многообразным изменениям в своей артикуляции (например, лабиализации) в зависимости от соседних артикуляций.

Подобные изменения имеют место также и в с-в-р говорах с неполным оканьем, а также и в акающих говорах — по отношению к гласным 2-го предударного слога: в них также наблюдаются случаи лабиализации *ѣ* (во 2-м предударном слоге) тогда, когда *ѣ* находится по соседству с губными или заднеязычными согласными, а также если в следующем слоге (т. е. 1-м предударном) находится гласная *у*. В результате лабиализации *ѣ* в описанных условиях произносится слабое, неэнергичное *у*. В следующих, например, случаях наблюдается рядом с *ѣ* по говорам *у* (вместо *ѣ*): *пѣполѣм*, *пѣм'орлѣ*, *пѣ-домѣм*, *пѣскор'ѣј*, *пѣтушѣл*, *гѣлуб'ѣј*, *лѣскутѣк*, *пѣгл'ѣд'ѣ*, *пѣгодѣ* (при аканье: *пѣпалѣм*, *пѣпѣлѣм*; *пѣм'ирлѣ*, *пѣм'арлѣ*; *пѣ-дамам*, *пѣ-дѣмам*; *пѣскар'ѣј*). И рядом: *пуполѣм*, *пу-домѣм*, *пускор'ѣј*, *путушѣл*, *гулуб'ѣј*, *лускутѣк*, *пугл'ад'ѣ*, *пугод'ѣ* (при аканье: *пупалѣм*, *пупулѣм*; *пум'ирлѣ*, *пум'арлѣ*, *пу-дѣмам*, *пускар'ѣј*). Такое произношение встречается и при соседстве с другими согласными, например, *дурѣгѣ*, *стурѣнѣ*, *стурѣвѣт*. В некоторых случаях вместо *ѣ* звучит не *у*, а *о*: *сторѣвѣт*, *зоставл'ѣју*.

Таким образом, реализация фонем *о* и *а* во 2-м и 3-м предударных слогах после твердых согласных не дает оснований для противопоставления двух основных наречий русского языка — с-в-р и ю-в-р:

ъ как общий вариант гласных неверхнего подъема произносится в большей части ю-в-р говоров, в ср-в-р говорах и в значительной части Владимирско-Поволжских с-в-р говоров, имеющих неполное оканье. Все эти говоры, вместе взятые, противопоставляются остальным с-в-р говорам, различающим в этом положении *о* и *а*.

§ 93. В записях ю-в-р говоров нередко мы находим написания с *а* на месте фонем *о* и *а* во 2-м и 3-м предударных слогах: *ѳаспада́*, *маладо́ѳ*, *малако́*, *ѳалубо́ѳ*, *талакно́*, *паѳавар'ѳл'и*, *напам'и-наѳит'* и т. д. Некоторые наблюдатели звук 2-го и 3-го предударных слогов обозначают буквой *а* со знаком краткости (*â*): *ѳâспадâ*, *мâладо́ѳ*, *нâвâрат'ѳл'и* и т. д., подчеркивая таким образом, что звук *а* в этих слогах отличается от звука *а* в 1-м предударном слоге.

Если принять такие записи как полностью соответствующие произношению, можно говорить о ю-в-р говорах с полным аканьем, т. е. таких говорах, в которых звук *а* как вариант гласных фонем неверхнего подъема произносится после твердых согласных не только в 1-м предударном слоге, но и в других безударных слогах. Такое произношение, безусловно, имеется в смешанных русско-украинских говорах.

Однако по отношению к говорам чисто ю-в-р имеется больше данных, свидетельствующих о том, что перед нами и здесь редуцированные гласные, лишь в более открытых оттенках (*а*). См. сделанные выше (в главе о диссимилятивном аканье, §§ 50 и 54) замечания о неустойчивости артикуляции *ъ*, о ее более открытых оттенках, приближающихся к *а*, и более закрытых оттенках, приближающихся к *ы*. Ср. там же замечание о том, что нередко наблюдатель не замечает редукации гласного в 1-м предударном слоге при диссимилятивном аканье, так как очень часто в этом положении произносятся открытые оттенки редуцированного, которые он принимает за *а*, т. е. записывает *вада* вместо *вадâ* или *въдâ*.

Многим ю-в-р говорам свойственны более закрытые оттенки *ъ* (т. е. близкие к *ы*), которые говорящими отождествляются с *ы*. Это хорошо чувствуется в отчетливой речи, особенно в пении, где *ъ* может проявляться в *ы*: *рыбатâѳ*, *ныруб'ѳл*, *выратâ*, *пыл'уб'ѳл*, *пыл'ивâѳ*, *пыл'ивâѳ*, *пыл'ат'ѳл*, *стыр'ик'ѳй*. Особенно часто эти более закрытые оттенки редуцированного гласного произносятся в положении перед мягкой согласной (см. последние 4 примера). В некоторых Владимирско-Поволжских говорах с неполным оканьем в таких случаях, как *мълодо́ѳ*, *стъронâ*, редуцированный звук проявляется в *а*: *малодо́ѳ*, *старонâ*.

Гласные верхнего подъема.

§ 94. Гласные верхнего подъема, как правило, в русском языке различаются во всех предударных слогах. После твердых согласных могут быть следующие гласные верхнего подъема: *ы* (вариант фонемы *и*) и *у*.

ы: выдаѡт', вырубѡт', сыровѡто, мыловѡр, дымовѡја (труба), дымохѡд;

у: духотѡ, сухов'ѣј, дуиновѡто, суховѡт, мухомѡр, сухар'ѣ, кузн'ѣцѣ, дуракѡ, гусакѡ.

Звуки *ы* и *у* в этих слогах — в соответствии с тем, как распределяется экспираторная сила, сравнительная полновесность разных слогов в большей части русских говоров — произносятся более или менее ослабленно, с неэнергичной и вялой артикуляцией.

При ослабленности артикуляции звука *ы* он в этом положении иногда весьма сближается, а то и отождествляется в некоторых говорах с *ѣ*, т. е. произносится: *вѣдаѡт'* вместо *выдаѡт'* (ср.: *вѣдаѡс*), *мѣлавѡр* вместо *мыловѡр* (ср.: *мѣловѡт*).

Более заметные изменения, в связи всё с той же ослабленностью гласных во 2-м предударном слоге, может претерпевать по говорам фонема *у*: в связи с ослабленностью и вялостью артикуляции она может утратить лабиализацию, т. е. измениться в *ѣ* или редуцированное *ы*: *мѣжык'ѣ*, *мыжык'ѣ* (ср.: *мужык*); *кѣз'н'ѣцѣ*, *кыз'н'ѣцѣ*, (ср.: *куз'н'ѣц*), *сѣндук'ѣ*, *сындук'ѣ* (ср.: *сундук*), *сѣхар'ѣ* (ср.: *сухар'*), *пѣзыр'ок*, *пызыр'ок* (ср.: *пузыр'*), *дѣракѡ* (ср.: *дурак*); *кѣшакѡ*, *кышакѡ* (ср.: *кушак*), *гѣсаки*, *гысаки* (ср.: *гусак*). Подобная делябиализация *у* во 2-м предударном слоге встречается, например, в ряде говоров Поволжья.

Положение в абсолютном начале слова.

§ 95. В начале слова, как известно, могут употребляться гласные *о*, *у*, *и*. Фонема *а* в начале слова фактически в говорах почти не употребляется, так как она встречается, главным образом, в книжных заимствованных словах (см. § 45).

Фонемы *и* и *у* абсолютного начала слова во всех русских говорах сохраняют свое качество: *им'ѣнѡ*, *игрокѡ*, *изб'анѡј*, *уз'ѣлѡк*, *уголѡк*, *упуст'ѣл*, *упрос'ѣл*, *у ковѡ*.

Фонема *о* сохраняет свое качество в говорах с полным оканьем: *островѡ*, *озорн'ѣк*, *оѡновѡ*, *ос'ѣн'ѣс'*, *огур'ѣц*, *огорѡд*, *отошлѡ*, *оддажнѡт'*, *оддалѡ*, *об'ижат'* и т. д. В говорах с неполным оканьем также возможно сохранение *о* во 2-м предударном слоге абсолютного начала слова, но рядом с этим по говорам произносится и редуцированный гласный *ѣ*: *ѣстровѡ*, *ѣзорн'ѣк*, *ѣѡновѡ*, *ѣтошлѡ*; *ѣтопр'ѣ*, *ѣт-т'ѣб'ѡ*, *ѣддалѡ* и т. д. В тех же говорах, а также в некоторых акающих представлена и лабиализация редуцированного, т. е. произношение *у* вместо звука *ѣ*, который в свою очередь появился на месте *о*: *устровѡ*, *удновѡ*, *утошлѡ*, *утопр'ѣ*, *ут-т'ѣб'ѡ*, *уддалѡ* (а также *устрѡвѡ*, *уднавѡ*, *утаишлѡ*, *уаипр'ѣ*).

В некоторых окающих говорах, главным образом Владимирско-Поволжских, а также в некоторых говорах акающих, главным образом ср-в-р, в абсолютном начале слова во 2-м предударном слоге вместо *о* звучит гласный *и*: *иустровѡ*, *игур'ѣц*, *игорѡд*, *ибухѡм* (обухѡм), *из'арѡ* (озеро), *ис'ан'јѣ* (= осень), *иблѡчѡк* (облачко),

ид'и́ало, иташл́а, и́ддахн́ут', и́тобрл́и, и́тлом'и́ла, и́твар'и́ла, и́бош́јут и т. д. Произношение типа *игорóд* отмечено также в некоторых с-в-р говорах северо-запада (например, в староладожском говоре на Волхове).

Однако в значительной части акающих говоров как ср-в-р, так и в ю-в-р в этом положении фонема *о* реализуется в варианте *а*: *астравá, агур'е́ц, агарóд, ас'ан'ју́, аблачкá, ад'и́јала, аташл́а, аддахн́ут', аблам'и́ла, атвар'и́ла, а́бош́јут* и т. д.

Произношение *и* вместо *о* во 2-м предударном слоге абсолютного начала слова, видимо, черта продуктивная для ряда говоров, так как она нередко проводится в заимствованных из литературного языка словах с орфографическим *о* и *а*: *ип'ира́цыја, икуше́рка, игранóм*.

Положение после мягких согласных.

§ 96. В с-в-р говорах во 2-м предударном слоге после мягких согласных возможно различие гласных неверхнего подъема, например, произношение: *п'атакá, р'абовáтой; до-п'отровá дн'и; п'етухá* (или *п'итухá*). Однако чаще в этом положении встречается частичное или полное совпадение гласных фонем неверхнего подъема, а именно произношение: *п'атакá, рабовáтой* (или *пета́кá, ребовáтой*), но *до-п'отровá дн'и, п'отуха*; или *пета́кá, р'ебовáтой, до петрова дни*, но *п'итухá*; или, наконец, *п'етака, р'ебовáтой, до п'етровá дн'и, п'етухá* со звуком *е* во 2-м предударном слоге в качестве варианта всех гласных фонем неверхнего подъема. В этом положении наряду с *е* может произноситься также и *и*.

В акающих говорах, естественно, все гласные фонемы неверхнего подъема во 2-м предударном слоге совпадают в одном общем варианте — после мягких согласных в варианте, колеблющемся в своем качестве между *и* и *е*, часто в редуцированном звуке *ь*: *п'ьтакá, р'ьбавáт, дь-п'ьтравá дн'и, п'ьтухá*; или: *п'итакá, дь-п'итравá, дн'и, п'итухá*; другие примеры: *в'ит'арóк, б'ир'ажóк, в'ис'ал'йлс'и, п'ьр'ахóд'ит', п'ир'авóзут'*.

В диалектологических записях по ю-в-р говорам есть указания и на *а* в качестве варианта гласных фонем неверхнего подъема после мягких согласных во 2-м предударном слоге, т. е. на полное яканье: *нъ-в'ат'аркú, дь-п'атравá дни, п'атухá, п'атакá* и т. д. Однако такие записи требуют проверки, а соответствующие явления — дальнейших непосредственных наблюдений.

Изменения сочетаний предударных гласных.

§ 97. Как известно, в словах исконно русских не бывает обычно сочетаний гласных, за исключением случаев на стыке приставки и корня (ср.: *научить, поиграть, заострить*). Правда, в современном литературном языке имеется немало слов с сочетаниями гласных, но это — слова иноязычного происхождения (например: *буржуазия, туалет, авиация, радио, какоа* и т. д.). Подобные слова, попадая в говоры, развивали обычно между

гласными согласную *в*. Ср.: *радио***в**о, *кака***в**а, а также в именах *Лари***в**он, *Ради***в**он и др.

Однако в пределах фонетического слова — на стыке предлога, кончающегося гласной, или отрицания *не* и следующего слова, начинающегося с гласной, сочетания гласных в русском языке широко распространены. (Например, *по-одно***му**, *за-избо***у**, *у островов*, *ни-одно***го**, *по-угла***м** и т. д.) Подобные сочетания гласных, а также сочетания на стыке приставки и корня (примеры см. выше), оказываясь в предударных слогах, по говорам могут претерпевать некоторые специфические изменения.

§ 98. Сочетания гласных предударных слогов могут сохраниться без особых изменений в некоторых с-в-р говорах с полным оканьем: *на-одно***́**ю, *до-обе***́**да, *по-остров***а́**м, *за-одно***во**, *на-углу***у**, *н'е-одда***́**д'и́м и т. д. Однако в большей части с-в-р говоров, в особенности в говорах с неполным оканьем, а также во всех акающих говорах многие из таких сочетаний подвергаются существенным изменениям.

Изменения эти заключаются в следующем: если гласные сочетания одинаковы по своему качеству, то они стремятся лишь объединиться в одном слоге и далее могут стягиваться в один гласный звук большей длительности («долгий») и, наконец, в гласный звук нормальной длительности. Если же гласные сочетания различны по своему качеству, то один из них может ассимилироваться другому и затем они могут стягиваться в один слог. Ассимиляция происходит обычно в пользу более узкой (закрытой) гласной: ср., например, возможное произношение *ну***г**лу́, *удно***во**́ вместо *на-углу***у**, *у-одно***во**.

§ 99. Рассмотрим наиболее часто встречающиеся сочетания гласных в предударных слогах. Сочетания *оо* и *ао* во 2-м и 1-м предударных слогах¹ по говорам могут произноситься: 1) без стяжения с различением *о* и *а* (в части с-в-р говоров с полным оканьем): *по-одно***́**ю, *до-обе***́**да; *на-одно***́**ю, *за-одно***у**, *заор***а́**л; 2) с редукцией гласной 2-го предударного слога, но без стяжения: *пъ-одно***́**ю, *дъ-обе***́**да, *нъ-одно***́**ю, *зъ-одно***у**, *зъор***а́**л (в акающих говорах) и *пъ-одно***́**ю, *дъ-аб***́**еда, *нъ-одно***́**ю, *зъ-адн***у**, *зъор***а́**л (в акающих говорах); 3) ассимиляцией гласных, но без стяжения: *паодно***́**ю, *дааб***́**еда, *заадн***у**, *заор***а́**л (в акающих говорах) или *поодно***́**ю, *дообе***́**да, *зоодн***у**, *зоор***а́**л (в акающих говорах); в этом случае произносится как бы долгое *а* или долгое *о*, но с чуть заметными двумя экспираторными вершинами, т. е. с некоторым ослаблением экспирации в середине длительности гласного; 4) с ассимиляцией гласных и стяжением их в один долгий гласный звук: *п̄адно***́**ю, *д̄аб***́**еда, *з̄адн***у**, *з̄ор***а́**л (в акающих говорах) или *п̄одно***́**ю, *д̄обе***́**да, *з̄одн***у**, *з̄ор***а́**л (в акающих говорах); 5) с ассимиляцией гласных и стяжением их в один гласный звук нормальной длительности: *падно***́**ю, *даб***́**еда, *задн***у**, *зар***а́**л (в акающих говорах) или *подно***́**ю, *доб***́**еда, *зодн***у**, *зор***а́**л (в акающих говорах).

Подобного рода изменения испытывают те же сочетания в 3-м и 2-м предударных слогах с тем отличием, что сохранение двух гласных и различие *о* и *а* в 3-м предударном слоге имеет место лишь в меньшей части с-в-р говоров с полным оканьем. Представим наиболее типичные разновидности произношения сочетаний *оо* и *ао* в 3-м и 2-м предударных слогах: 1) без стяжения с различением *о* и *а*: *по-одно***му**, *по-остров***а́**м; *за-одно***во**, *на-остров***а́**х; 2) с ассимиляцией гласных, но без стяжения: *поодно***му**, *поостров***а́**м, *зоодно***во**, *ноостров***а́**х (в акающих говорах) или *паостров***а́**м, *паадна***му**, *заадна***во**, *наостров***а́**х (в акающих говорах, в том числе возможно в литературном языке); 3) с ассимиляцией гласных и стяжением: в акающих говорах возможно — *подно***му**, *постров***а́**м, *зодно***во**, *ностров***а́**х; как в акающих говорах, так и в акающих вместо этих сочетаний часто произносится редуцированный гласный *ъ*: *п̄дно***му** (*п̄дна***му**), *п̄стров***а́**м (*п̄страв***а́**м), *з̄дно***во** (*з̄дна***во**), *н̄стров***а́**х (*н̄страв***а́**х).

¹ Сочетания *оо* и *ао* для говоров с неполным оканьем и для акающих говоров можно считать тождественными ввиду совпадения в них гласных *о* и *а* во 2-м предударном слоге.

Сочетания *оу, ау* во 2-м и 1-м предударных слогах по говорам произносятся: 1) без ассимиляции и стяжения с различением *о* и *а* во 2-м предударном слоге: *по-угла́м, по-уса́м; на-углу́, на-уса́х* (в части с-в-р говоров с полным аканьем); 2) без стяжения, но с редукцией и совпадением гласных *о* и *а* во 2-м предударном слоге: *пѣ-угла́м, пѣ-уса́м, нѣ-углу́, нѣ-уса́х* (такое произношение свойственно как окающим, так и акающим говорам, в том числе литературному языку); 3) с ассимиляцией двух гласных сочетания в один звук *у*: *пу́глам, пу́сам, ну́глу, ну́сах* (распространено в акающих говорах, а также в части окающих).

Сочетания *оу, ау* в 3-м и 2-м предударном слогах еще реже сохраняются без изменения и, наоборот, чаще произносятся на их месте гласный *у*: *пуго-во́ру (пугаво́ру)*, (т. е. поговору), *зуго́лкѡм (зугалкѡм)* (т. е. за уголком). В литературном языке и части говоров в этих сочетаниях произносится *ѣу*: *ѣу-угалкѡм, пѣ-уговѡру*.

Сочетание *уо* в 3-м и 2-м предударных слогах в части говоров может сохраняться: *у-одново́, у-островѡф*; или, как в литературном языке: *у-аднавѡ, у-астрѡвѡф*. Но нередко как в окающих, так и в акающих говорах мы находим на месте сочетания *уо* в этом положении гласный *у*, явившийся в результате ассимиляции и стяжения гласных: *удново́ (уднавѡ), устрѡвѡф (устрѡвѡф)*.

Сочетания *ео* и *ио* также сохраняются в части говоров: *н'еоддад'ѣм, не-открыва́ла, н'ѣ-одному́*. В литературном языке и сходных с ним по этой черте говорах эти сочетания также произносятся без ассимиляции и стяжения: *н'ѣ-аддад'ѣм, н'ѣ-аткрыва́ла, н'ѣ-аднаму́*. Однако в значительной части акающих, а также в части окающих говоров на месте сочетаний *ео* и *ио* в 3-м и 2-м предударных слогах мы находим в результате ассимиляции и стяжения звук *и*: *н'иддад'ѣм, н'иткрыва́ла, н'иб'ижда́мс'и, н'иднаму́*.

Сочетания *ои, аи* во 2-м и 1-м предударных слогах могут произноситься без ассимиляции гласных и стяжения с различением *о* и *а* во 2-м предударном слоге или с совпадением их в одном звуке *ѡ*: *пои́гра́л, по-и́зб'ѣ; заи́гра́л, за-и́збо́ј, за-и́гло́кој*; или как в литературном языке: *пѣи́грал, пѣ-и́зб'ѣ, зѣи́гра́л, зѣ-и́збо́ј, зѣ-и́гло́кој*¹. Однако во многих говорах, особенно акающих, здесь возможна ассимиляция первой гласной второй (*пѣи́гра*) с последующим стяжением: *пы́гра́л, пы́збѣ, зы́гра́л, зы́збо́ј, зы́гло́кој*.

Такое стяжение особенно часто встречается в тех случаях, когда сочетания *ои, аи* входят в состав 3-го и 2-го предударных слогов: *пы́м'е́на́м* (т. е. по именам).

§ 100. В русских говорах безударные сочетания гласных, из которых второй является гласным верхнего подъема (*у, и*), изменяются в сторону этого второго гласного; иными словами, в таких сочетаниях первый гласный ассимилируется второму, и, далее, в результате стяжения на месте сочетания может появиться один гласный верхнего подъема (*у, ѣ*). Ср.: *пуго́лка́м* вместо *по-уго́лка́м; пы́гра́ли, пы́мена́м* вместо *пои́гра́ли, по именѡ́м*.

Те же сочетания в украинском и белорусском языках имеют тенденцию к иному рода изменению; менее звучный гласный верхнего подъема (*и, у*) после более звучных (*о, а*) в них становится неслоговым, например: *на́у́чил, за́йгра́л* и т. д. В далеком прошлом такое изменение не было чуждым и русскому языку. Ср. в нем такие случаи, как *завтра́* из *зау́тра*, *пойду́*, *найду́, пойму́, поймать* из *поиду́, наиду́, поиму́, поимать* и др.

Заударный вокализм.

§ 101. Заударный вокализм русского языка имеет свои существенные особенности. Они зависят от того, что заударные слоги представляют собой конец слова, а конец слова нередко состоит из

¹ Впрочем, здесь *ѣ* под влиянием последующего *и* произносится при более высоком подъеме языка, т. е. близко к *ѣ*.

формальных элементов (флексий, суффиксов) и, кроме того, может являться одновременно и концом фразы или речевого такта, т. е. смысловых и интонационно-ритмических единиц языка.

Как известно, формальные элементы слова (флексии, отчасти суффиксы) подвержены различным изменениям „по аналогии“, т. е. изменениям одних форм по образцу других. Поэтому произношение тех или иных гласных в заударных слогах нередко является результатом не только пережитых в прошлом фонетических процессов, но и морфологических изменений аналогического происхождения.

Однако качество гласной заударных слогов, кроме того, нередко объясняется положением их в конце смысловой и интонационно-ритмической единицы. Известно, что конец фразы или речевого такта в интонационно-синтаксическом отношении является особым, так сказать, сильным положением. В этом положении, хотя и неодинаково по разным говорам — в одних говорах в большей степени, в других в меньшей — происходит выделение интонацией, длительностью соответствующих конечных слогов фразы или речевого такта. Многие наблюдатели для разных говоров отмечают особого рода растянутость и пезучесть конца фразы или речевого такта. А это ведет нередко к качественным изменениям гласных заударных слогов.

Таким образом, система заударного вокализма, как она сложилась в русском языке во всех его говорах, является результатом: 1) пережитых фонетических процессов; 2) морфологических новообразований (изменений по аналогии); 3) изменений в условиях конца смысловых и интонационно-ритмических единиц. Всё это сильно усложняет картину заударного вокализма русского языка, в особенности его говоров. Нужно отметить также, что гласные заударных слогов до сих пор еще почти совершенно не подвергались специальному изучению. Мы не обладаем еще и достаточным материалом, чтобы осветить многие специальные вопросы заударного вокализма.

Положение после твердых согласных.

§ 102. При полном оканье в заударных слогах после твердых согласных различаются *о, а, ы, у*. Ср.: *вѣнос, вѣпас, вѣпуск, вѣмыт; вѣноса, вѣпаса, вѣпуска, вѣмыто; с'ѣно, бес-с'ѣна, к-с'ѣну, ст'ѣны* (им. п. мн. ч.); *пол'о фспѣхано, з'емл'а фспѣхана, пол'а фспѣханы; около, стукала*.

Примечание. Однако даже при полном оканье в других слогах — в заударном неконечном слоге, как наиболее слабом, в результате редукции фонемы *о* и *а* могут иногда реализоваться в своем варианте *ѡ*: *из горѡда, вѣнѡса, вѣпѡса*.

§ 103. При неполном оканье обычно в заударных слогах фонемы *о* и *а* совпадают в одном общем варианте. То же всегда имеет место при аканье: в заударном неконечном слоге фонемы *о* и *а* совпадают в варианте *ѡ*, в конечном же слоге — в варианте *ѡ* или *а*.

В последнем положении употребление звука *ъ* или *а* фонетически не разграничено: в одном и том же положении, в одном и том же слове, в речи одного и того же лица возможно употребление как *ъ*, так и *а*. Если и имеется разграничение в употреблении этих вариантов, то это разграничение жанрово-стилистическое и интонационно-синтаксическое: *ъ* произносится в обычной, более беглой речи, не в конце фразы или речевого такта, а *а* — в более отчетливой речи, в „полном стиле“, в конце фразы или речевого такта.

Примеры: 1) в заударном неконечном слоге: *из-гѣрѣда, старѣва, дѣрѣга, вѣпѣлѣла; дѣмѣла, вѣдѣла, вѣтѣскѣла, јѣхѣла, плѣкѣла*; в заударном конечном слоге — а) закрытом: *гѣрѣт* или *гѣрат, вѣмѣј* или *вѣмај, сѣрѣк* или *сѣрак, дѣвѣк* или *дѣвак, лѣдѣк* или *лѣдак, за-сѣдѣм* или *за-сѣдам, за-дѣмѣм* или *за-дѣмам, за-корѣвѣј* или *за-корѣвај, под-бѣр'ѣзѣј* или *под-бѣр'ѣзај, вѣдѣм* или *вѣдам*. Одинаково произносятся с *тараканом* и *к тараканам, с топориком* и *к топорикам* с гласным *ъ* или *а* во флексии; б) открытом: *с'ѣнѣ, л'ѣтѣ, д'ѣлѣ* или *с'ѣна, л'ѣта, д'ѣла* — так звучит и имен. п., и род. п. ед. числа: *нѣдѣ* или *нѣда; мѣжнѣ* или *мѣжна; дѣрѣгѣ* или *дѣрѣга; т'ѣхѣ* или *т'ѣха; пѣл'а спѣхнѣ* или *спѣхѣна; з'ѣмл'а спѣхнѣ* или *спѣхѣна; шѣпкѣ* или *шѣпка, корѣвѣ* или *корѣва, б'ѣр'ѣзѣ* или *бѣр'ѣза; старѣвѣ* или *старѣва, дѣбрѣвѣ* или *дѣбрѣва, ѣтѣвѣ* или *ѣтѣва*.

Примечание. Формы род. п. ед. ч. муж. и ср. рода прилагательных и местоимений могут иметь на конце *а* и при полном оканье, — в некоторых говорах может произноситься: *с'ѣно, доброго, лѣдно*, но *стѣрова, дѣброва*. Гласный *а* в конце этих форм в говорах с полным оканьем, видимо, имеет морфологическое происхождение.

§ 104. В соответствии с окончанием твор. п. ед. ч. *-ой* в заударном слоге в ряде говоров ср-в-р и ю-в-р (например, в Псковской, Великолукской, Калининской областях и особенно широко в Московской, Калужской, северной части Рязанской и Тульской областях) произносится *-уй*. Особенно часто такое произношение встречается после задненебных и губных согласных: *с-пѣлкуј, лѣшкуј, т'ѣткуј, бутѣлкуј, чѣшкуј, собѣкуј, за-старѣхуј, за-свѣхуј, гр'ѣч'ѣхуј, ѣтуј дѣрѣгуј, с-бѣбуј, п'ѣр'ѣд-свѣд'ѣбуј, за-корѣвуј*. После других согласных: *под-б'ѣр'ѣзуј, за-мал'ѣнуј, с-рабѣтуј*¹.

Такое произношение данного окончания в заударном слоге в соответствии с ударенным окончанием *-ой* встречается и в твор. п. ед. ч. жен. рода прилагательных: *со всѣкуј, с редкуј (женщиной)*.

Происхождение этих форм не вполне ясно. При решении вопроса необходимо учесть, во-первых, что в этих формах *-уй* произносится только при безударности окончаний и почти исключительно в ср-в-р говорах и ю-в-р, находящихся под ср-в-р влиянием. Поэтому появление *у* вместо *о* в них следует связать с безударным вокализмом акающих говоров. Во-вторых, нельзя не обратить внима-

¹ Окончание *-уй* проникает и в положение после шипящих, *ц* и мягких согласных: *с прѣжуј, кѣшуј, птѣцуј, за дѣрѣвн'уй, куд'ѣл'уй, торгѣвл'уй*.

ния на то, что *-уй* вместо *-ой* встречается особенно часто после задненебных и губных согласных. Наконец, нельзя пройти мимо того факта, что форма твор. п. жен. рода ед. ч. существительных на *-а* и прилагательных рядом с односложным окончанием *-ой* имеет двусложный вариант окончания *-ою* (при этом второй старше первого и, видимо, более свойственен ю-в-р говорам, чем с-в-р) и что полновесность заударного *о*, находящегося в конечном слоге в первом случае и в неконечном слоге во втором, весьма различна: она сравнительно велика в конечном слоге, и, напротив, очень незначительна в неконечном.

Все это позволяет сделать следующее предположение о происхождении форм на *-уй*: эти формы возникли в акающих говорах и при этом первоначально в двусложном варианте окончания (*-оју*), где *о*, находясь в заударном неконечном слоге, подвергался особенно сильной редукции (*-оіу → -ѳіу*). Как уже не раз отмечалось выше, редуцированный звук *ѳ* весьма подвержен воздействию соседних артикуляций. В условиях заударного неконечного слога, как слога с минимальной полновесностью, вместо *ѳ* после задненебных и губных согласных легко может появиться *у* (об этом см. §§ 54 и 92): *-ѳіу → -уйу*.

Звук *у* вместо *ѳ* в заударном неконечном слоге в некоторых говорах мог появиться под воздействием не только предшествующей губной или задненебной согласной, но также и последующей гласной *у*. Ср.: *с-пáлкују, перед свáд'бују, с-т'óткују св-старѳхују што гъварѳт'*. Что *у* вместо *ѳ* в заударном неконечном слоге в некоторых говорах может явиться также под дополнительным ассимилирующим влиянием последующего *у*, видно из таких примеров как *прóхѳр* (= Прохор), но *х-прóхуру, пѳн'т'ил'ѳжѳн*, но *х-пѳн'т'ил'ѳжѳну* (примеры из б. Дмитровского у. Московской губ.).

Укреплению формы с *у* в других говорах могло содействовать неразличение форм вин. и твор. п. жен. р. ед. ч. прилагательных с безударными окончаниями во многих ср-в-р и ю-в-р говорах: произношение *-ѳју* как в соответствии с ударенным *-óју* (твор. п.), так и с ударенным *-ѳју* или *-ѳја* (вин. п.) в результате ослабления *у* в заударном неконечном слоге и утраты лабиализации (ср.: *стáръју сабáку* и *за стáръју сабáкѳју*).

Указанным путем появились формы *с-пáлкују, т'óткују, старѳхују, корóвују* и т. д. Затем с переходом от двусложного варианта окончания к односложному появились формы *с пáлкуј, т'óткуј, старѳхуј, корóвуј* и т. д. Формы с гласной *у*, появившись первоначально в положении после задненебных и губных, в дальнейшем могли распространиться на положение после любой согласной, в том числе и мягкой. Так появились формы *б'ер'óзуј, н'ев'ѳстуј, кóжуј, пт'ицуј, д'ер'ѳвн'ѳј, торгóвл'ѳј*.

§ 105. В связи с ослаблением заударных слогов по говорам в них могут подвергаться качественной редукции фонемы верхнего подъема — *ы* (после твёрдых согласных *и* отсутствует) и *у*.

В результате такой редукции вместо *ы* появляется *ѳ*. Ср.: *вѳмѳла*,

вы́рѣла, вы́бѣла и рядом *вы́мѣл, вы́рѣл, вы́бѣл, пр'ишѣл-бѣ* вместо *вы́мыла, вы́рыла, вы́была, вы́мыл, вы́рыл, вы́был, пр'ишѣл-бы*. Возможно, что качественная редукция *ы* первоначально возникла в заударном неконечном слоге (в случаях типа *вы́мѣла*), наиболее слабом и неполновесном, а потом была перенесена на заударный конечный слог (на случаи типа *вы́мѣл*), более полновесный сравнительно с первым.

В заударном конечном слоге, видимо, в результате продления и прояснения *ѣ* в условиях интонационно-ритмической концовки вместо *ѣ* появляется *а*: *вы́мал, вы́рал, вы́бал, небал, пр'ишѣл-ба*.

Такое произношение характерно для ряда ю-в-р и ср-в-р говоров (например, в Московской и Рязанской областях) и известно также некоторым с-в-р говорам (например, Владимирской области).

§ 106. Также в связи с ослаблением заударных слогов по говорам происходит в этих случаях утрата лабиализации и качественная редукция гласной *у*, т. е. изменение ее в *ѣ*. Например, некоторым ю-в-р и ср-в-р говорам, а также отдельным с-в-р говорам, находящимся под воздействием первых, свойственно произношение *вы́рѣпка* вместо *вы́рупка, вы́лѣп'ил* вместо *вы́луп'ил, вы́пѣст'ил* вместо *вы́пуст'ил* и др. Многим ю-в-р говорам и некоторым ср-в-р известно произношение *о́кѣн', о́кѣн'и, о́лѣл', о́лѣл'и, о́мѣт, о́мѣта, про́лѣл* (прорупь), *за́мѣш* (= замуж), *за́мѣжам* вместо *о́кун', о́кун'и, го́лун', го́луб'и, о́мут, о́мута, про́лун', за́муш, за́мужем*. В тех же говорах и в заударном конечном слоге, видимо, в результате продления и прояснения звука *ѣ* в условиях интонационно-ритмической концовки вместо *ѣ* может появляться и *а*: *о́кан', го́лап, о́мат, про́лап, за́маш*. Описанное явление широко известно, например, по говорам Рязанской области, а также Московской, Калужской и др.

Сюда относится, видимо, также изменение *у* в *ѣ* в заударном неконечном слоге, как более слабом сравнительно с конечным, в окончании вин. п. ед. ч. женского рода прилагательных: характерный для ю-в-р говоров, а также части ср-в-р: *у́ју → ѣ́ју: кра́снѣ́ју ко́хту, у-ста́рѣ́ју хату, до́брѣ́ју, у́мнѣ́ју, ху́трѣ́ју*. В эмоциональной речи и при продлении (например, в пении) в тех же говорах *ѣ* легко проясняется в звуки, близкие к *а*, т. е. *кра́сна́ју, ста́ра́ју, до́бра́ју*¹.

Положение после мягких согласных и шипящих.

§ 107. Особенно сложна картина заударного вокализма в положении после мягких согласных и шипящих. Эта сложность объясняется тем, что рядом с фонетическими процессами и специфическими явлениями, связанными с интонационно-ритмическим и синтаксическим членением речи, здесь особенно большое значение имел фактор морфологический — влияние твердой разновидности ряда форм на мягкую. При этом действие всех этих факторов в разных говорах

¹ Аналогичные изменения имеют место и в мягкой разновидности прилагательных: например, *с'ѣн'и́ју* или реже *с'ѣн'а́ју* вместо *с'ѣн'у́ју*.

проходило не всегда в одинаковой степени и в одинаковом направлении. О многих деталях заударного вокализма мы не можем судить за отсутствием надежного материала. Для более полной характеристики заударного вокализма после мягких согласных недостаточно иметь известное количество фонетически более или менее точных записей — для этого необходимо, чтобы записи охватывали бы все этимологически различные гласные и во всех возможных морфологических категориях. Таких материалов у нас почти нет.

§ 108. В с-в-р говорах возможно различие гласных фонем неверхнего подъема после мягких согласных и шипящих — *ѐ*, *о*, *а*: 1) *ѐ* — *вѣл'ез* или *вѣл'из* (ср.: *л'ѐзу*), *нѣ-ст'ену* или *нѣ-ст'ину* (ср.: *ст'ѣны*), *зѣсв'етло* или *зѣсв'итло* (ср.: *св'ѣтлој*), *на-робѣт'е* или *на-робѣт'и* (ср.: *на-ст'ен'ѐ*)¹; 2) *о* — *вѣн'ос* (ср.: *н'ос*), *вѣв'ол* (ср.: *в'ол*), *вѣт'осал* (ср.: *т'ос*), *вѣшол* (ср.: *шол*), *вѣжоғ* (ср.: *жоғ*); *вѣн'ес'ош*, *вѣн'ес'от*, *вѣн'ес'ом*; *бѣд'ош*, *бѣд'от*, *бѣд'ом*; *стѣн'ош*, *стѣн'от*, *стѣн'ом*; *пѣшош*, *пѣшот*, *пѣшом* (ср.: *н'ес'ѣш*, *н'ес'от*, *н'ес'ѣм*), *мѣр'о*, *пѣл'о*, *гѣр'о* (ср.: *зв'ер'јѣ*, *м'ѣдв'ед'јѣ*); *за-кѣмн'ом*, *пѣл'ом*, *за-с'ѣм'ом*, *с-мѣжом* (ср.: *за-кон'ѣм*); *кам'ѣн'јов*, *зѣб'јов* (ср. *крајѣв*), *за-д'ер'ѣвн'ој*, *за-кѣпл'ој*, *за-кѣжој* (ср.: *з'ѣмл'ѣј*); 3) *а* — *вѣт'анул* (ср.: *т'ѣнут*), *вѣгл'анул* (ср.: *гл'ѣнул*) или *вѣт'енул*, *вѣгл'енул*, *с-мѣр'а*, *пѣл'а*, *гѣр'а* (ср.: *зв'ер'јѣ*); *к-жѣтел'ам*, *л'ѣст'јам* (ср.: *уч'ит'ел'ѣм*); *о-жѣт'ел'ах*, *в-л'ѣст'јах*, *в-тѣч'ах* (ср.: *об уч'ит'ел'ѣх*).

§ 109. Однако многим с-в-р говорам с неполным оканьем, а также части ср-в-р говоров свойственно неполное различие гласных неверхнего подъема после мягких согласных и шипящих в заударном конечном слоге ввиду совпадения в этом положении фонем *о* и *а* в одном общем варианте *а* или *ѣ*: 1) *о* — *вѣн'ас* или *вѣн'ѣс* (ср.: *н'ос*), *вѣв'ал* или *вѣв'ѣл* (ср.: *в'ол*), *вѣшал* или *вѣшѣл* (ср.: *шол*); *стѣн'аш*, *стѣн'ат*, *стѣн'ам* или *стѣн'ѣш*, *стѣн'ѣт*, *стѣн'ѣм*; *бѣд'аш*, *бѣд'ат*, *бѣд'ам* или *бѣд'ѣш*, *бѣд'ѣт*, *бѣд'ѣм*; *пѣшаш*, *пѣшат*, *пѣшам* или *пѣшѣш*, *пѣшѣт*, *пѣшѣм* (ср.: *н'ес'ѣш*, *н'ес'от*, *н'ес'ѣм*); *пѣл'а*, *мѣр'а*, *гѣр'а* или *пол'ѣ*, *мор'ѣ*, *гор'ѣ* (ср.: *зв'ер'јѣ*); *за-кѣмн'ам*, *пѣл'ам*, *с-мѣжам*, *зѣмужам* или *за-кѣмн'ѣм*, *пѣл'ѣм*, *с-мѣжѣм* (ср.: *за-кон'ѣм*); *зѣб'јав*, *кам'ѣн'јав* (ср. *крајѣв*); *за-д'ер'ѣвн'ѣј*, *за-кѣжој* или *за-д'ер'ѣвн'ѣј*, *за-кѣжѣј* (ср.: *з'ѣмл'ѣј*); 2) *а* — *с-мѣр'а*, *с-пѣл'а*, *без-гѣр'а* или *с-мѣр'ѣ*, *с-пѣл'ѣ*, *без-гѣр'ѣ* (ср.: *зв'ер'јѣ*); *к-жѣтел'ѣм*, *к-л'ѣст'јам* или *к-жѣт'ел'ѣм*, *к-л'ѣст'јѣм* (ср.: *к-уч'ит'ел'ѣм*); *о-жѣт'ел'ах*, *л'ѣст'јѣх*, *тѣчах* или *о-жѣт'ел'ѣх*, *л'ѣст'јѣх*, *тѣч'ѣх* (ср.: *об уч'ит'ел'ѣх*).

Характерно, что в говорах, где вообще в заударном слоге после мягких и шипящих вместо *о* может звучать *а* или *ѣ*, в корнях слов и в глагольных окончаниях наряду с *а* и *ѣ* может звучать также *ь* или вообще *и*-образный звук (после шипящих — близкий к *ы*: *вѣн'ьс*, *вѣв'ѣл*; *стѣн'ѣш*, *стѣн'ѣт*, *стѣн'ѣм*, *пѣшыш*, *пѣшыт*, *пѣшыш*).

¹ Здесь имеются в виду говоры, не изменившие *ѐ* в *и* во всех положениях.

ного языка в его старом московском произношении¹. Последнее широко известно во многих ср-в-р говорах, а в несколько ином виде — также и во многих ю-в-р говорах. Опишем эти отношения.

§ 110. Литературному языку в его старо-московском варианте и в сходной с ним в этом отношении части ср-в-р говоров свойственно следующее произношение: фонема *ѣ* в заударном слоге после мягких согласных реализуется в варианте *ь* (или *и*); фонемы *о* и *а* в том же положении не в падежных окончаниях также реализуются в варианте *ь*:

1) *ѣ*: *выл'ѣз* (ср.: *л'ѣзу*), *засв'ѣтлѣ* (ср.: *св'ѣтлѣѣ*), *на-ст'ѣну* (ср.: *ст'ѣны*), *гул'ал ф-пол'ѣ*, *в-аткр'ѣтѣм мор'ѣ*, *нѣ-работ'ѣ* (в конечном открытом слоге вместо *ѣ* возможно было также *и*: *ф-пол'и*, *мор'и*, *нѣ-работ'и*); 2) *о*: *вѣн'ѣс* (ср.: *н'ѣс*), *зат'ѣмнѣ* (ср.: *т'ѣмнѣѣ*); *вѣн'ѣс'ѣш*, *вѣн'ѣс'ѣт*, *вѣн'ѣс'ѣм*; *б'уд'ѣш*, *буд'ѣт*, *буд'ѣм*; *стан'ѣш*, *стан'ѣт*, *стан'ѣм*, *пл'ач'ѣш*, *пл'ач'ѣт*, *пл'ач'ѣм* или *б'уд'ѣиш*, *стан'ѣиш*, *пл'ач'ѣиш* (ср.: *н'ѣс'ѣш*, *н'ѣс'ѣт*, *н'ѣс'ѣм*); *л'ѣжѣш*, *л'ѣжѣм*, *л'ѣжѣт* или *л'ѣжѣиш*, *л'ѣжѣм*, *л'ѣжѣт* (ср.: *зѣпр'ѣжѣш*, *зѣпр'ѣжѣт*, *зѣпр'ѣжѣм*); *бол'ѣн*, *бл'ѣд'ѣн* (ср.: *с'ил'ѣн*); 3) *а*: *ѣт'ѣнул* (ср.: *т'ѣнут*), *ѣгл'ѣнул* (ср.: *взгл'ѣнут*) *на-п'ѣт'* (ср. *п'ат'*).

Однако в падежных окончаниях, особенно последовательно у существительных, фонемы *о* и *а* в заударном слове после мягких согласных и шипящих совпадают в варианте *ѣ* (*а* не *ь*, как в прочих случаях!); 1) *о*: з-з'áт'ѣм, с-т'ѣст'ѣм, кáмн'ѣм, пóл'ѣм, гóр'ѣм, за-ч'ájѣм, зъ-сарáјѣм, с-плáч'ѣм, с-мúжѣм (ср.: с-кан'б́м); сарáјѣф, б́рат'јѣф, крýл'јѣф, прýт'јѣф (ср.: крајб́ф); пól'ѣ, мór'ѣ, гóр'ѣ, плáт'јѣ, кúшн'јѣ (им.п. ед. ч.), причем в конечном открытом слоге возможно было также и а: пól'а, мór'а, гóр'а, плát'ја, кúшн'ја (ср.: кап'јб́, зв'ер'јб́); 2) *а*: а-брáт'јѣх, в-á'ист'јѣх, на-зуб'јѣх, ф-сарáјѣх, в-бан'ѣх, а-д'ет'ѣх (ср.: ф-крајáх нъ-лъшв́д'áх); бан'ѣм, дýн'ѣм, зуб'јѣм, сарáјѣм (ср.: крајáм); нér'јѣ, д'er'ев'јѣ, калóc'јѣ.

Нетрудно заметить, что во всех приведенных случаях рядом с безударной флексией имеется ударенная флексия (см. выше в скобках) и, кроме того, та же флексия имеется в твердой разновидности соответствующих форм как с ударенной гласной, так и безударной. Ср.: з-з'а́т'ѣм—ка́н'бм и бра́тѣм—ста́лбм; са́рајѣѣ—крајѣѣ и сто́ликѣѣ—ста́лѣѣ; пла́т'јѣ—кап'јѣ и д'ѣлѣ—с'ѣлѣ, ѣ-са́рајѣх—крајѣх и ѣ-с'ѣлѣх—д'ѣлѣх и т. д.

В некоторых формах рядом с *э* произносится и *ь*. Сюда относятся формы твор. п. ед. ч. женского рода имен на *-а* и твор. п. мн. ч. *капл'эј* и *капл'ьј*, *за-бан'эј* и *бан'ьј*, *за-д'ьр'эвн'эј* и *д'ьр'эвн'ьј*, *за-туч'эј* и *туч'ьј*, *куч'эј* и *куч'ьј* (ср.: *з'емл'эј*); *за-бан'эм'и* и *бан'ьми*, *туч'эм'и* и *туч'ьми*, *зуб'эъм'и* и *зуб'ьъм'и* (ср.: *д'ьр'эвн'эм'и*). Можно думать, что более первоначальными здесь является *э* и что *ь* появляется вместо *э* в результате воздействия последующей

¹ В современном литературном произношении эти нормы нарушаются под влиянием правописания: *ь* появляется и в других случаях, например *кѣмѣм*.

мягкой согласной (м') и предшествующей мягкой согласной или *j* (*j*). Что именно *ъ* является основным в форме твор. п. мн. ч. видно из случаев, в которых окончание следует после сочетания „гласная + *j*“ основы: *сарáѣм'и*, *г'ѣрбѣм'и*, *пѣпугáѣм'и*; если бы в окончании было *ь* после *j*, то сочетание *ьѣ* в положении после гласной могло бы произноситься как *и* (ср. *знáим* вм. *знá'ѣм*) — *сарáим'и*, *г'ѣрбим'и*, что является явным диалектизмом.

Колебание в произношении с *ъ* и *ь* отмечается также в формах род. и дат., а также предл. п.п. ед. ч. мужского и среднего рода: *с'йн'ѣѣ* и *с'йн'ѣѣѣ*, *гар'ач'ѣѣ* и *гар'ач'ѣѣѣ*; *с'йн'ѣму* и *с'йн'ѣму*, *гар'ач'ѣму* и *гар'ач'ѣму*; *в-с'йн'ѣм*, *гар'ач'ѣм*, *на-пр'ѣжн'ѣм м'ѣс'т'ѣ*, *ф-тр'ѣт'ѣм ч'ѣс'у*, а также *в-с'йн'ѣм*, *в-гар'ач'ѣм*. Следует отметить, что для прилагательных мягкой разновидности отсутствуют формы с ударением на окончании. Можно заметить также, что *ь* в предл. п. встречается реже, чем в род. и дат. п.п.: рядом с произношением *в пр'ѣжн'ѣм* нередко произносят *пр'ѣжн'ѣѣѣ*, *пр'ѣжн'ѣму*. Надо думать, что это объясняется тем, что интересующая нас гласная в этих формах находится в разных заударных слогах: в предл. п. — в конечном закрытом слоге, а в род. и дат. п.п. в неконечном открытом. Заударный неконечный слог принадлежит к числу самых ослабленных в слове, и в этих условиях произносится *ь*. Напротив, заударный конечный слог более полновесен, в связи с чем в нем возможно произношение *ъ*.

Из приведенного выше материала выясняется следующая характерная особенность в произношении гласных заударных слогов после мягких согласных и шипящих: в падежных окончаниях при наличии в данной морфеме ударенных *о* и *а* в заударном слоге может произноситься *ъ* (иногда рядом с *ь*); в то же время в личных окончаниях глаголов при наличии в данной морфеме ударенного *о* в заударном слоге обычно произносится *ь* (и даже *и*). Таким образом в соответствии с одной и той же ударенной гласной *о* в падежных и личных окончаниях произносятся разные звуки — в первых *ъ*, во вторых *ь*. Ср.: *м'ѣд'в'ѣд'ѣм*, но *јѣд'ѣм*; *с-плáч'ѣм* (существительное), но *плáч'ѣм* (глагол), *за-рбѣм* (пч'ол), но *зарбѣм* или *зарбим* (*в-маг'илу*), *с-пѣпугáѣм*, но *пѣпугáѣм* или *пѣпугáим* (*јѣѣѣ*), *кáмн'ѣм*, но *стáн'ѣм*.

§ 111. Отмеченная особенность свойственна многим ср-в-р говорам, а также литературному языку в его старом московском варианте. Еще более ярко она представлена во многих ю-в-р говорах. Например, в ряде говоров Рязанской области в соответствии с ударенным *о* в падежных окончаниях, кроме *ъ*, часто произносится *а*, а в глагольных окончаниях вместо *ь* обычно звучит *и*: *з'-з'áт'ам*, *з-г'ор'ам*, *с-т'ѣс'т'ам*, *за-кáмн'ам*, *шол пбл'ам*, *за-ч'áѣм*, *с-плáч'ам*, *зѣ-сарáѣм*, *с-м'ужам*, *кáмн'аф*, *с'в'ид'ѣт'ѣл'аф*, *сарáѣф нѣту*, *ис-пр'ут'ѣаф*, *д'ир'ѣв'ѣаф*; *пбл'а*, *к'уш'ѣн'ѣа* (им. п. ед. ч.); *за-бáн'ај*, *к'уч'ај*, *зѣ-д'ир'ѣвн'ај*, *з-д'áд'ај*, *с-вáр'ај*; *на пр'ѣжн'ам*, *м'ѣс'т'и*, *в-гар'ач'ам*, *ф-с'йн'ам* *плáт'ју*, *ф-тр'ѣт'ѣм* *часу*, *л'ѣтн'ај д'ен'*, *пр'ѣжн'ај муж*, *д'ев'ич'ај стыд*; но: *стáн'иш*, *стáн'им*, *б'уд'иш*,

бۇд'им, л'эз'иш, л'эз'им, плдч'иш, плдч'им, л'ажыш, л'ажым и т. д. Таким образом, в остальном созвучные падежные и глагольные формы в таких говорах произносятся особенно контрастно: *с-м'идв'эд'ам*¹, но *јед'им, с-плдч'ам, но плдч'им, за-рѡјам, но зарѡим*.

Можно указать на произношение *нѣч'им* (ср. под ударением в твор. п. *ч'ем*) при *н'ѣ-нѣ-ч'ам* (ср.: под ударением в предл. п. *на-ч'ом*), отмеченное в ряде ю-в-р говоров (например, в Рязанской области).

§ 112. Несомненно, что указанная двойственность в произношении заударных гласных после мягких согласных в соответствии с одной и той же ударенной гласной имеет глубокие исторические корни. Однако для решения вопроса о ее происхождении мы не располагаем пока достаточным материалом. Поэтому приходится ограничиться лишь некоторыми предположениями.

Прежде всего можно заметить, что *ѣ* в заударных слогах после мягких согласных произносится в тех формах, которые имеют твердые варианты (существительные, прилагательные), а *ь* — в таких формах, где отсутствует различие твердых и мягких вариантов. Отсюда естественно сделать вывод о том, что *ѣ* в именных окончаниях появляется благодаря воздействию форм твердой разновидности. Итак, под влиянием *селѡм — дѣлѡм* появляется *кон'ѡм*, а затем в заударном слоге *з'ат'ѡм* (по говорам и *з'ат'ам*, как *дѣлам*); под влиянием *бол'нѡм — старѡм* появляется *прѣжн'ѡм* (по говорам и *прѣжн'ам*, как *старам*). В тех же формах, где нет образца для аналогического воздействия, там в заударном слоге в соответствии с ударенным *о* является *ь*: *стан'ьш, стан'ѡм* и т. д.

Сделанное предположение объясняет появление звука *ѣ* или *а* в формах типа *з'ат'ам*, но оставляет открытым вопрос о том, почему этот звук не мог появиться в личных окончаниях глаголов 1-го спряжения в соответствии с тем же ударенным *о*. Априори можно предположить, что ударенное *о* в падежных и личных окончаниях появилось одновременно. Это предположение находит себе подтверждение в фактах русских говоров: сохранение *е* в окончании глаголов 1-го спряжения (*несѣшь, ведѣшь, плетѣшь* и т. д.) — черта, широко распространенная для ю-в-р говоров и исконная для них (формы *несѣшь, ведѣшь* в большей их части появились, видимо, под влиянием литературного языка), и, кроме того, встречается в с-в-р говорах. Напротив, формы типа *кон'ѡм* (не *кон'ѡм*) неизвестны. Следовательно, можно думать, что звук *о* аналогического происхождения в окончании мягкой разновидности склонения проник раньше, чем в глагольные окончания: в ту эпоху, когда заударные гласные подверглись редукции, в соответствии с *о* появлялся *ѣ* (*кан'ѡм — з'ат'ѡм*), а в соответствии с *е* — *ь* (*нес'ѣм — стан'ѡм*). После этого в глаголь-

¹ Ударение на основе в этом слове редко употребляется в ю-в-р говорах и, видимо, вызвано влиянием литературного языка: обычно произносят *медведя, медведю, медведѣм*.

ных окончаниях также появлялся *о*, но это уже могло не отразиться на судьбе заударной гласной, так как это имело место после появления в заударном слоге редуцированного гласного *ѵ*¹.

§ 113. В некоторых говорах на юго-востоке Московской области и в северной части Рязанской области отмечено произношение *е* и даже *а* на месте *и* в конечном закрытом слоге. Чаще всего такое произношение встречается в личных формах глаголов 2-го спряжения и в образованиях на *-ик*.

Примеры в личных формах: *кѹн'ем, настѣв'ем, нѣмалѹт'ем, заплѹт'ем, ув'ид'ем; кѹн'еш, нѹс'еш, вѹз'еш, хѹд'еш, накрѹм'еш* и т. д. В 3-м л. ед. ч. одни из этих говоров имеют *т* твердое (*хѹд'ет, кѹн'ет, настѣв'ет*), другие — *т* мягкое (*хѹд'ет', кѹн'ет'*). В тех же говорах и в тех же формах отмечено также *а*: *нѹс'аш, вѹд'аш; нѹс'ам, вѹз'ам, д'ѣржам; хѹд'ат, нѹс'ат* (это форма 3 л. ед. ч.); особенно часто *а* отмечено в форме 3 л. ед. ч. при мягком *т*: *л'ѹб'ат', кѹн'ат', вывѹд'ат', крас'ат'* и т. д. Надо отметить, что формы 3-го л. ед. ч. на *-ат* и *-ат'* не совпадают с формами 3 л. мн. ч., т. е. последние имеют окончание *-ут* или *-ут'* (*нѹс'ут, вѹз'ут* или *нѹс'ут', вѹз'ут'*). С другой стороны, при ударе на основе формы глаголов 2-го спряжения создаются с формами глаголов 1-го спряжения. Ср.: *т'ан'еш, јѣд'еш; т'ан'ем, јѣдем; т'ан'ет, јѣдет* или *т'ан'ет', јѣдет'*, а также *т'ан'аш, т'ан'ам, т'ан'ат* или *т'ан'ат'* (при 3 л. мн. ч. *т'анут* или *т'анут'*).

Примеры существительных на *-ик*: *дѹм'ек, снѹп'ек, фѹнт'ек, мал'чек, дѹж'ек, двѹр'н'ек, плѹтн'ек, извѹш'ек*, реже *прѹз'н'ак, разбѹн'ак*. В тех же говорах нередко произносится *-ик*: *д'ев'ѹшн'ик, навѹн'ик* и т. д.

Характерно, что глагольные образования на *-ил* в этих говорах обычно сохраняют *и*: *брѹс'ил, јѣзд'ил, кѹраѹл'ил, настѣв'ил*, а не *брѹс'ал, јѣзд'ал, кѹраѹл'ал, настѣв'ал*, как это обычно для рязанских и многих других говоров. Приведенные выше примеры записаны в Коломенском и Егорьевском районах Московской области, причем формы 3 л. глаголов с твердым *т* относятся к Егорьевскому району. Независимо от представленного выше материала во многих говорах *е* или *а* вместо *и* произносится в словах *бѹр'ен* (*бѹр'ан*), *м'ѣр'ен* (*м'ѣр'ан*).

Отсутствие достаточного материала не позволяет решить вопрос о том, имеет ли описанное явление фонетическое или морфологическое происхождение.

Весьма сложная картина заударного вокализма представлена в говоре с. Уляхино Курловского района Владимирской области (акающий говор с яканьем, близким к сильному, *з* взрывным, 3 л. глаголов на *-т*). Здесь, также в конечном закрытом слоге представлено *е* или *а* вместо *и* и при этом более последовательно, в большем количестве примеров: в глагольных окончаниях — *вѹз'еш, станѹв'еш, насѹп'еш; в'ид'аш, прѹс'аш; насѹшам, слѹжам, брѹсам; л'ѹб'ат, накрѹм'ат, хвѹт'ат, прѹс'ат* (3 л. ед. ч.); в существительных на *-ик* — *нѹс'ак, тѹз'ак, прѹз'н'ак, чѹп'н'ак, агур'ѣшн'ак, уч'ѣбн'ак*; в глагольных формах на *-ил* — *брѹс'ал, вѹл'ал, астѣв'ал*; в словах *бѹр'ан, м'ѣр'ан*; в других случаях — *р'ѣдк'ех, јѣт'ах* (= этих).

При *-ат* в 3 л. ед. ч. глаголов 2-го спряжения те же глаголы в 3 л. мн. ч. имеют обычно *-ут*: *прѹс'ут, сѹшут, стрѹют*. В окончаниях *-ут* глаголов как 2-го так и 1-го спряжения вместо гласной *у* нередко произносится *ѹ*, *ѹа* и даже просто *о*: *прѹс'ѹот, прѹс'ѹат, прѹс'от; кѹс'ѹот, кѹс'ѹат, кѹс'от; малѹт'ѹот, кѹн'от, гѹн'от* (2-е спряжение); *пѹшѹот, пѹшѹат, пѹшот; они вѹткот, мѹгот, плѹкот* (=плачут), *вѹзавот* (1-е спряжение).

¹ Высказанное предположение вполне подтверждается тем, как реагируют гласные предударного слога при некоторых видах диссимилятивного яканья на ударенное *о* в падежных окончаниях и *о* или *е* в глагольных личных формах: *м'идв'ад'ѹм*, но *в'ид'ѹм* или *в'идѣм*. Подробнее об этом см. выше § 79.

В том же говоре *а* (а также *е* или *еа*) вместо *и* произносится в конечном открытом слоге: во мн. ч. глаголов прош. вр. — *бы́л'а, же́л'а, пахáл'а, нас'и́л'а, тка́л'а, пра́л'а; гул'а́л'е, жы́л'е, пла́сал'е, пра́л'е; сказа́л'еа, бы́л'еа, игра́л'еа, бра́л'еа*; в имен.—вин. п.п. существительных на *-и* *бу́лк'а, скáск'а, картóшк'еа, приба́утк'а, де́н'г'еа, д'е́т'еа* (= дети), на *сáн'а, на́рук'а*; ср. также *по-тр'а* (= по три). В том же положении *а* произносится также на месте *ѣ(ѣ)*: *нѣ-даро́г'а, ф-пасу́д'а, на-ры́нк'еа*.

КОНСОНАНТИЗМ.

Состав согласных фонем.

Общие замечания.

§ 114. Как известно, в русском литературном языке 34 согласных фонемы.

Эти фонемы в определенных условиях видоизменяются в своем фонетическом качестве, образуя закономерные ряды своих модификаций — вариаций и вариантов. Важнейшей особенностью системы согласных русского языка является параллельность изменений отдельных групп согласных в тождественных условиях, что приводит к наличию соотносительных рядов фонем. Система согласных фонем русского языка характеризуется наличием двух рядов соотносительных фонем, различающихся и совпадающих в пределах каждого из этих рядов в тождественных фонетических условиях. Один из этих рядов образуется согласными глухими и звонкими, другой — согласными твердыми и мягкими.

Система согласных фонем русского литературного языка может быть представлена в следующей таблице:

$\begin{bmatrix} n \\ \\ n' \end{bmatrix}$	$\begin{bmatrix} б \\ \\ б' \end{bmatrix}$	$\begin{bmatrix} ф \\ \\ ф' \end{bmatrix}$	$\begin{bmatrix} в \\ \\ в' \end{bmatrix}$	$\begin{bmatrix} т \\ \\ т' \end{bmatrix}$	$\begin{bmatrix} д \\ \\ д' \end{bmatrix}$	$\begin{bmatrix} с \\ \\ с' \end{bmatrix}$	$\begin{bmatrix} з \\ \\ з' \end{bmatrix}$
$\begin{bmatrix} ж \\ \\ ж' \end{bmatrix}$	$\begin{bmatrix} ш \\ \\ ш' \end{bmatrix}$	$\begin{bmatrix} л \\ \\ л' \end{bmatrix}$	$\begin{bmatrix} н \\ \\ н' \end{bmatrix}$	$\begin{bmatrix} р \\ \\ р' \end{bmatrix}$	$[ш — ж]$	$[\bar{ш}' — \bar{ж}']$	$[к — з]$
$[х]$	$[ч']$	$[ц]$	$[j]$				

Примечание. Таблица эта будет разъяснена ниже по мере изложения системы консонантизма.

§ 115. Системы согласных фонем разных говоров могут отличаться друг от друга — 1) количеством фонем; 2) качеством той или иной соответственной в разных говорах фонемы¹; 3) качеством вариаций и, в особенности, вариантов согласных фонем и условиями, в которых эти вариации и варианты выступают.

¹ Соответственными мы называем такие фонемы, которые в разных говорах закономерно употребляются в одних и тех же словах и формах. Например *г* и *γ*: *гос'т* и *γос'т*, *дугá* и *дугá*.

§ 116. Литературный язык обладает максимальным количеством известных в русском языке согласных фонем. Многие говоры не отличаются в этом отношении от литературного языка. Колебания в составе согласных фонем по говорам зависят от того — 1) различаются или не различаются фонемы *ц* и *ч'*; 2) имеются или нет фонемы *џ* и *џ'*; 3) имеются ли в качестве особых фонем долгие шипящие. Рассмотрим каждую из этих особенностей в отдельности.

§ 117. Фонемы *ц* и *ч'*. В литературном языке и ю-в-р наречии¹, а также в значительной части ср-в-р говоров и части с-в-р говоров различаются фонемы *ц* и *ч'*. Ср., например, в литературном языке *ч'астъ, ч'истъ, н'ятач'ок, н'ыч'ьво, куч'ь, туч'ь, п'еч', но кур'ицъ, целъж, цѣны*. Этим говорам обычно свойственно мягкое небно-зубное *ч'* и твердое зубное или альвеолярное *ц*. Каждая из этих фонем вполне противопоставлена другим согласным фонемам. Ср.: *ч'ас — вас, нас, бас, фас, пас, гас; цел — бел, жел, с'ел, т'ел*. Однако друг другу *ц* и *ч* слабо противопоставлены.

Это объясняется происхождением аффрикаты *ц* и *ч*, которые некогда были позиционными вариантами фонемы *к*, образовавшимися из *к* в разные эпохи и в разных условиях². Звуки *ц* и *ч* и до сих пор недостаточно противопоставлены друг другу и редко служат единственным различительным признаком слов и морфем: такие случаи, как *цех* и *ч'ех, цокат'* и *ч'окат'*, единичны и объясняются заимствованием из других языков или принадлежностью к эмоциональной лексике и к специальной лексике.

В соответствии с фонемами *ц* и *ч* указанных выше говоров в значительной части с-в-р говоров употребляется одна фонема, обычно *ц*, в некоторых говорах — *ч*. Неразличение фонем *ц* и *ч* при их совпадении в одной фонеме *ц* носит название цоканья. Более редко встречающееся совпадение *ц* и *ч* в одной фонеме *ч* называется чоканьем. Например, при цоканье произносят не только *кур'ица, целој*, но и *цасто, цисто, молцй, н'етац'ок, ниц'озо, куца, туца, п'ец*. При чоканье произносят не только *часто, чисто, молчй, н'етац'ок, п'еч*, но и *курича, челој, ченá*.

Следует иметь в виду, что цоканющие говоры, как и чокающие, не различающие двух аффрикат, равно противопоставляются нецоканющим говорам, различающим две аффрикаты. Последние имеют на одну согласную фонему больше, чем в остальном сходные с ними цоканющие говоры.

Таким образом в функциональном отношении цоканье и чоканье не отличаются друг от друга. Отличие касается лишь звукового

¹ В отдельных говорах на ю-в-р территории представлено цоканье или следы его.

² Звук *ч'* в русском языке может быть и другого происхождения — из *tj*, например *св'еч'á*.

качества фонемы, в которой совпадают фонемы *ц* и *ч* других говоров.

Более подробные сведения о качестве *ц* и *ч* по русским говорам см. ниже в § 125.

§ 118. Фонемы *в* и *ф*. В большей части с-в-р и ср-в-р говоров, а также в части ю-в-р говоров различаются как особые фонемы губные фрикативные звонкие (*в*, *в'*) и глухие (*ф*, *ф'*). Произносятся, с одной стороны, *ваш*, *вѣпил*, *травá*, *совѣ*, *гóлову*, *в'ѣдно* и т. д., с другой стороны, *фабрика*, *фѣркат*, *фу*, *фонáр'*, *фунт*, *фомá*, *фил'ип*, *ф'одор* и т. д. Однако противопоставленность фонем *в* и *ф* друг другу очень небольшая: редко эти звуки являются единственным различительным признаком слов и морфем (как, например, *вон* и *фон*, *вас* и *фас*, *в'инт'йт'* и *ф'инт'йт'* в литературном языке). Это объясняется тем, что искони фонема *ф* не была свойственна славянским языкам, в том числе и русскому. Она появилась в части русских говоров в позднейшее время в составе слов, заимствованных из других языков, или в словах эмоционального значения (ср. *фу* из *т'фу*, которое в свою очередь восходит к особому диффузному звуку, воспроизводящему удаление из полости рта постороннего предмета). В древнейших заимствованиях иноязычное *ф* передавалось через *п* (ср. украинское *Пилип*, *Ничипір*, *Опанас* — в именах греческого происхождения *Филипп*, *Никифор*, *Афанасій*). Такая замена, между прочим, представлена в некоторых русских говорах Поволжья и Заволжья, граничащих с другими языками (например, марийским, удмуртским), а также в русской речи представителей этих языков: *С'ерап'има*, *Пил'ип*, *панáр'*. Позднее звук *ф* иноязычных слов в части русских говоров сохранялся, а в другой части заменялся звуками *хв*, *хф*, *х*. Ср. современные ю-в-р: *хвунт*, *хфунт* или *хунт*; *с'рахвáн*, *с'рахáн*; *хвáбр'ика*, *хфáбр'ика*, *хáбр'ика*; *хванáр'*, *ханáр'*, *хвáртуч'ик*, *грах* *Талстóј*, *торх*, *нъ-тархú* *рабóтл'и*, *хлак* (*флаг*); в собственных именах — *Хвамá*, *Хамá*, *М'итрахвáн*, *М'итрахан*, *Хв'одар*, *Хв'ил'ип*, *Хрóл*, *Ахр'ём*, *Хв'адóс'ја*, *Хаврóн'ја* (Февронья). Можно отметить также характерное для ю-в-р говоров слово *кóхта* (= кофта) со звуком *х* перед глухой согласной.

Различная передача иноязычного *ф* в русских говорах, видимо, связана с разным качеством соответствующей звонкой согласной фонемы *в*: в одних говорах звук *в* был губно-зубного образования (*в*), в других — губно-губного (*w*). Когда после падения глухих звонкие согласные, оказавшись перед глухими, а также на конце слова, оглушались, то в говорах, имевших губно-зубное *в* в результате оглушения *в* появлялся звук *ф*, как позиционный вариант фонемы *в*, обусловленный положением перед глухой согласной или на конце слова: *корóва* — *корóфка* — *корóф*, *травá* — *трафка* — *траф* (ср. др.-р. *корова* — *коровька* — *коровь*). В говорах же, имевших губно-губное *w*, в положении перед согласной и на конце слова звучало *w* или *ў*: *коро́wa* — *коро́wка* — *коро́w*.

Первые говоры легко могли усвоить фонему *ф* заимствованных

слов в независимом положении, т. е. перед гласными и сонорными, так как они имели губно-зубное *в*, а после падения глухих, кроме того, развили — правда, только в определенных позиционных условиях — и соответствующий, также губно-зубной, глухой звук (*ф*). В таких говорах укрепились произношение *фáртук*, *фона́р'*, *фунт*, *фра́нцус*, *то́рф* и т. д.

Говоры же, не знавшие губно-зубной *в*, а имевшие в соответствии с ней *ш* губно-губного образования или *у* (у неслоговое), не могли освоить звука *ф*, так как губно-зубная артикуляция им вообще была чужда. Передача же этого чуждого говору звука через оглушенное губно-губное *ш* (*ф*) или безголосое *у* (*у*) была невозможна ввиду очень малой акустической выразительности (слабой слышимости) этих звуков без голоса. Учитывая двухфокусность артикуляций *ш*, *у* (губная артикуляция + заднеязычная), замену иноязычного *ф* через *х*, *хф*, *хв* можно понять как результат усиления заднеязычной артикуляции, увеличивающей акустическую выразительность звука. Следует при этом иметь в виду, что сочетания *хф* и *хв* по говорам иногда являются не обычными сочетаниями задненебного и губно-зубного согласных, а представляют собою сложную, трудно расчленимую артикуляцию, второй элемент которой имеет губно-губной характер (*хф*, *хш*). Именно такое образование, вероятно, и представляет старую замену иноязычной фонемы *ф* в соответствующих говорах.

Итак, одни говоры различают две пары губных фрикативных фонем — *в*, *в'* и *ф*, *ф'*, другие — только одну из них, а именно звонкую, так как вместо второй (*ф*, *ф'*) имеют *х*, *хв* или *хф*. Последние, таким образом, имеют на две фонемы меньше, чем в остальном сходные с ними говоры, различающие звонкие и глухие губные фрикативные согласные.

§ 119. Выше было указано, что фонема *ф*, имеющаяся в части русских говоров, употребляется в них лишь в словах иноязычного происхождения. Однако некоторые из таких говоров (например, с-в-р говоры на северо-западе Европейской части СССР) развивают, кроме того, звук *ф* на месте старого сочетания *хв*, что довольно заметно расширяет сферу употребления фонемы *ф*. Таким говорам свойственно произношение: *фа́стат'*, *фата́т'*, *фал'и́т'*, *фос*, *фо́жа*, *фо́рос* вместо *хва́стат'*, *хвата́т'*, *хвал'и́т'*, *хвост*, *хво́жа*, *хво́рост*. Предполагают, что к таким словам с исконным *хв* относится также слово *ф'и́л'ин*, видимо, заимствованное в литературном языке из говоров, в которых сочетание *хв* изменилось в *ф*.

В некоторых говорах появление *ф* вместо исконного *хв* объясняется их приспособлением к системе литературного языка: таким говорам искони было свойственно *хв* как на месте исконного сочетания *хв*, так и на месте фонемы *ф* других говоров. Усваивая под влиянием литературного языка звук *ф*, представители этих говоров нередко употребляют его не только на месте фонемы *ф*, но также и на месте сочетания *хв*, так как в их родных говорах они не различаются.

Вне зависимости от замены *хв* на *ф* и значительно шире известна в русских говорах замена сочетания *кв* звуком *ф* в нескольких новых заимствованных словах: *ф'итанц'я* вместо „квитанция“ и, в особенности, *фа'т'эра* вместо „квартира“.

Следует отметить также возможность развития *ф* на месте *х* (ср. *футор* вм. *хутор*).

§ 120. Вопрос о долгих согласных в русском языке. Русскому языку вообще несвойственна категория „долгих“ согласных фонем, противопоставленных „кратким“, так как первые почти исключительно употребляются на стыке морфем и поэтому представляют собой сочетания фонем. Например, долгое *ш* в слове *ш'ит'* является при сочетании фонемы *с* приставки с фонемой *ш* корня. Приставка *с*, сочетаясь с глаголом *ш'ит'*, привносит известное добавочное значение и делает его глаголом совершенного вида совершенно так же, как в тех случаях, когда она сочетается с *л'ит'*, *п'ит'*, *в'ит'* и другими. Отношения между *ш'ит'* и *ш'ит'* таковы же, как отношения между *л'ит'* и *сл'ит'*, *б'ит'* и *зб'ит'*, *в'ит'* и *св'ит'*. Они могут быть выражены пропорцией: *ш'ит': ш'ит' = л'ит': сл'ит' = б'ит': зб'ит'* и т. д. Точно так же звук *т* с долгим затвором в слове *ат'а'ш'ит'* представляет собой сочетание двух фонем *т*, одна из которых заканчивает собою приставку, а другой начинается непроезвонный глагол (ср. *зат'а'ш'ит'*, и *тай'ит'*). И здесь также: *тай'ит': ат'а'ш'ит' = в'ес'т'й: атв'ес'т'й = н'ес'т'й: атн'ес'т'й*.

Встречаясь только на стыке морфем, такие звуки, как *ш*, *т*, могут быть определены как долгие только с точки зрения физиолого-акустической, т. е. при изучении звуков речи вне их отношения к значению, к смысловой стороне языка.

С точки же зрения учения о системе фонем, т. е. при изучении звуков речи как различителей значения, долгие согласные русского языка следует квалифицировать как двойные согласные, т. е. как сочетания фонем.

Долгие согласные не на стыке морфем в русском языке встречаются, главным образом, в словах иноязычного западноевропейского происхождения, следовательно, в значительной мере в литературном языке.

Ср. такие слова, как *ва'нь*, *бо'нь*, *ка'сь*, *ма'сь*, *тра'сь*, *га'нь*, *э'нь* (Эмма), *э'ль* (Элла), *э'ладъ* (Эллада). В словах исконно русских долгие согласные не на стыке фонем встречаются в совершенно единичных случаях (например, *с'уда*, *с'ора*). Но и эти случаи в прошлом или представляли стык морфем или имели между согласными исчезнувший гласный (напр., *ъ* или *ь*). Несовместность русскому языку долгих согласных не на стыке морфем сказывается, между прочим, в том, что слова иноязычного происхождения в живой литературной речи и, конечно, в говорах — в той мере, в какой такого рода слова попадают в говоры — обычно утрачивают долготу. Например, слова *профессор*, *атака*, *оппозиция*, *профессия*, *дифференциация*, *металлический*, *коммунист* обычно произносятся без

долгой согласной (*праф'эстр, атакъ, апаз'ицыль, праф'эсий* и т. д.), сохраняя лишь в орфографии (и то не во всех словах) двойное написание. В литературном языке лишь лица, обладающие особым „книжным“ произношением, основанным на письме, произносят в подобных словах долгий согласный звук (*проф'эстр, атака* и т. д.).

§ 121. Долгие шипящие. В одном случае для русского литературного языка и сходных с ним в этом отношении говоров вопрос о долготе согласных решается иначе. Речь идет о долгих шипящих, которые в отличие от других согласных часто встречаются и не на стыке морфем, а в пределах одной морфемы, причем в этом случае они отличаются своим качеством от долгих шипящих на стыке морфем. Поэтому долгота их является признаком отдельной фонемы: ср. долгие шипящие в корневой морфеме: *ш'ука, пай'ада, иш'у, л'ш'и, т'ош'а, јеж'у, жуж'ит, вож'и, дрож'и, виж'ат', др'об'ьж'ат', дож'ик*. В таких говорах на стыке морфем употребляются долгие шипящие твердые. Последние, встречаясь на стыке морфем членимы и потому представляют собой двойные согласные, т. е. сочетания фонем (например: *ш'ят', иж'ар'ит'*; ср.: *шит', жар'ит'*), в то время как долгие мягкие согласные, встречающиеся в пределах корневой морфемы, нечленимы и представляют собой особые отдельные фонемы. Однако и в этом случае долгие шипящие фонемы не противопоставлены кратким, потому что первые мягки, а вторые „краткие“ тверды (ср. например: *ш'ит* и *ш'ят*), и, таким образом, они отличаются друг от друга в двух отношениях — мягкостью или твердостью и долготой или отсутствием ее.

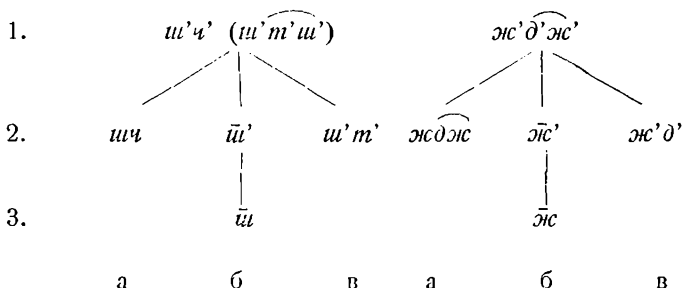
Итак, в литературном языке и сходных с ним в этом отношении говорах имеются особые долгие мягкие шипящие фонемы (*ш'ука, јеж'у*). Они выделяются как отдельные фонемы, потому что шипящие как сочетания фонем всегда тверды (ср. *иш'анк'и, жен'и*, т. е. *из шапки, с женой*).

Однако в соответствии с долгими мягкими шипящими (*ш', ж'*) литературного языка и части русских говоров в других русских говорах мы находим иные, весьма разнообразные звуки, являющиеся в результате разных процессов или разных стадий одного и того же процесса, которому подверглись единые исходные звуко сочетания.

Таковыми исходными звуко сочетаниями являются *ш'ч' (ш'т'ш')* и *ж'д'ж'* (мягкие сочетания с аффрикатой во второй части), которые и сейчас употребляются в ряде говоров. В результате ослабления, а затем и утраты взрыва по говорам появляется *ш', ж'*; долгая фрикативная шипящая имеет тенденцию к отвердению и по говорам отвердевает (звучит *ш̌, ж̌*). Таково главное направление изменения и его основные стадии, широко представленные по русским говорам. Но есть и побочные направления, менее распространенные по говорам: 1) в аффрикате исходных сочетаний — *ш'ч' (ш'т'ш')*, *ж'д'ж'* — ослабляется конечный фрикативный элемент, который в отдельных говорах может и вовсе утратиться; в результате возникают сочетания *ш'т', ж'д'*. Такие сочетания свойственны, например, некоторым

говорам Вологодской области; 2) исходные сочетания *ш'ч'*, *ж'д'ж'* отвердевают, появляются *шч*, *ждж*. Отверждение долгих шипящих при сохранении взрывного элемента свойственно, например, белорусскому языку и некоторым русским говорам, граничащим с белорусскими. Оно известно также в отдельных других русских говорах (например, олонечких, вологодских).

Указанные выше различия в произношении долгих шипящих как результаты описанных фонетических процессов могут быть представлены в следующих схемах:

Приведем примеры на произношение долгих шипящих по разным русским говорам:

16. *ш'ч'ука*, *иш'ч'у*, *пуш'ч'а́*, *л'еш'ч'а́*; 26. *ш̄'ука*, *иш̄'у*, *пуш̄'а́*, *л'еш̄'а́*; 36. *ш̄ука*, *иш̄у*, *пуш̄а́*, *л'еш̄а́*; 2а. *шчука*, *ишчу*, *пушча́*, *л'ешча́*; 2в. *шт'ука* *шт'у*, *пушт'а́*, *л'ешт'а́*;

16. *жеж'д'ж'у*, *вож'д'ж'и*, *дрож'д'ж'и*, *дож'д'ж'ик*; 26. *же̄ж'у*, *во̄ж'и*, *дро̄ж'и* *до̄ж'ик*; 36. *же̄жу*, *во̄жы*, *дро̄жы*, *до̄жык*; 2а. *жежджу*, *вожджы*, *дрожджы*, *дожджык*; 2в. *жежд'у*, *вожд'и*, *дрожд'и*, *дожд'ик*.

Кроме указанных основных разновидностей произношения долгих шипящих, в говорах с шепелявым произношением шипящих или их заменой свистящими встречается произношение *с'ц'*, *с̄'* вместо глухой и *з̄'* вместо звонкой: *с'ц'ука*, *ис'ц'у*; *с̄'ука*, *ис̄'у*; *во̄з'и*, *дро̄з'и*.

Таковы основные различия в произношении долгих шипящих по русским говорам.

В чисто теоретическом плане изменения долгих шипящих — глухой и звонкой — протекают, как это видно уже из приведенных схем, совершенно параллельно. Однако практически (если иметь в виду конкретную реализацию долгих шипящих по отдельным говорам) полного параллелизма здесь нет: дело в том, что взрыв при звонких согласных вообще слабее, чем при глухих (например, слова *папа* и *баба* отличаются не только глухостью или звонкостью согласных, но также и более сильным взрывом глухих и более слабым взрывом звонких). В связи с этим ослабление и утрата взрыва легче и раньше начинается у звонких долгих шипящих, чем у глухих. Поэтому звонкие долгие шипящие могут

„обгонять“ в своем изменении глухие: нередко в том или ином говоре глухая звучит, как *ш'ч'*, а звонкая уже как *жс'* (*ш'ч'ука*, но *жэжсу*); или глухая звучит, как *ш'*, а звонкая — с отверждением как *жс* (*ш'ука*, но *жэжсу*); такое произношение, между прочим, широко проникло в современный литературный язык, хотя и не может считаться орфоэпическим.

Различная реализация по говорам долгих шипящих находится в разных отношениях к двойным шипящим, т. е. к сочетаниям фонем на стыке морфем. В одних говорах те и другие не совпадают в своем качестве; в них, следовательно, безусловно, имеются особые долгие шипящие фонемы. В других говорах они совпадают; поэтому в них — категория долгих шипящих фонем может не быть достаточно резко выражена.

Итак, если на стыке морфем (как в литературном языке) долгие шипящие звучат твердо (*шыл*, *ижар'ил*), а не на стыке мягко (*ш'ука*, *вожсу*), то в говоре имеются особые долгие мягкие шипящие фонемы. Если в говоре произносится *жс'д'жс'* или *жсд'жс* (*жэж'д'жсу*, *вожс'д'жсу*, *дрожж'д'жсу* или *жэжсд'жсу*, *вожсд'жсу*, *дрожсд'жсу*), то *жс'д'жс'* и *жсд'жс* надо также признать особой отдельной фонемой: ее нельзя принять за сочетание фонем, так как вторая ее часть (*д'жс'*, *д'жс*) отсутствует в русском языке как отдельная фонема. Напротив, если в говоре не на стыке морфем произносятся долгие твердые шипящие (*ш'ука*, *жэжсу*), не отличающиеся от соответствующего сочетания фонем на стыке морфем (*шыл*, *ижар'ил*), то имеется много оснований для вывода о том, что в таком говоре отсутствуют долгие шипящие как отдельные фонемы. То же можно сказать о говоре, в котором не на стыке морфем произносится *ш'ч'* (*ш'ч'ука*) и в котором имеется мягкая фонема *ч'*, причем на стыке морфем при сочетаниях фонем *с + ч'* или *з + ч'* также звучит *ш'ч'* (*ш'ч'ист'ит'*, *иш'-ч'аст'и*): в таком говоре всякое *ш'ч'* можно квалифицировать как сочетание фонем. Сказанное полностью может быть отнесено к говору с *шч* не на стыке морфем и с фонемой *ч* твердой (*чисто*, *молчй*): в таком говоре *шч* не на стыке морфем и сочетания фонем *с + ч* или *з + ч* на стыке морфем также произносятся одинаково: *шчука*, *ишчй*; *шчйшчу*, *иш-чайника* и, следовательно, отсутствует долгая шипящая как отдельная фонема.

Итак, состав согласных фонем русских говоров может быть неодинаков в зависимости от того, имеет ли тот или иной говор долгие шипящие согласные фонемы (две или одну) или они отсутствуют.

Следует иметь в виду, что вопрос о наличии или отсутствии долгих шипящих как особых фонем очень затруднен тем, что в пределах одного и того же говора их произношение часто очень неустойчиво: например, может быть очень различной степень мягкости: их произносят мягко и полумягко или полумягко и твердо, а также без взрывного элемента (например: *ш'*) и с взрывным элементом (например: *ш'ч'*). Поэтому практически удобнее всего рас-

смаatrивать долгие шипящие согласные не на стыке морфем как особую категорию фонем по отношению ко всем говорам.

§ 122. В произношении долгих шипящих, как и многих других фонетических черт, обращает на себя внимание судьба отдельных слов. Например, слово «щи», как и любое другое слово с долгой шипящей глухой, может произноситься как *ш'ч'и*, *ш'и*, *шы*, *шт'и*, *шчы*, *с'ц'и* и т. д. Однако во многих говорах это слово произносится с сочетанием *шт'* (*шт'и*, *шт'эц*), хотя во всех других случаях произносится что-нибудь другое (*ш*, *ш'ч'* и т. д.). Следует отметить также слово «еще»: здесь также долгая глухая шипящая может произноситься самым разнообразным образом; но в некоторых говорах наблюдается своеобразное исключение: произношение в этом слове *шт:* *ješto* (видимо, под влиянием *што*). Весьма своеобразно и слово «что»: наряду с обычным *што* это слово произносится как *ш'то*, *ш'ч'о*, *шчо*, *ш'о*, *шо*, *чо*, *цо* и т. д. (см. карту П. Я. Черных на стр. 302). Различные произношения этого слова имеют разные фонетические и морфологические объяснения.

В слове *ви́зжать* вместо долгой шипящей звонкой в отдельных говорах произносится глухая: *ви́ж'át'*, *ви́ж'át'* и рядом по говорам: *в'иш'át'*, *в'иш'át'*.

§ 123. Как видно из предыдущего, в русском письме отсутствуют единые знаки для долгих шипящих фонем. Долгая шипящая глухая обозначается буквой *щ* (*щука*), а также произносится на месте сочетаний *сч*, *зч* не на стыке ясно членимых приставок и корней (*счастье*, *разносчик*, *извозчик*). Долгая шипящая звонкая обозначается сочетанием *жж* (*вожжи*, *дрожжи*), сочетанием *жж* не на стыке приставки и корня (*езжу*, *ви́зжать*), а в слове «дождь» и производных от него — сочетанием *жд* (*дождик*, *дождей* и т. д.). Последний корень в литературном произношении звучит с *ж'* (*до́жж'ик*), по говорам с *жс* (ср. ю-в-р: *да́жж'ок*, *д́жж'а́ч'ок*), *ж'д'ж'* (*до́жж'д'ж'а́*) и т. д. Правописание этого корня с *жд* объясняется как написание книжного, церковнославянского происхождения. Лица с книжным произношением под влиянием правописания обычно произносят *до́жд'ик*, *да́жд'а́* и т. д.

§ 124. Различия в составе согласных фонем по говорам. Из предыдущего явствует, что различия в составе согласных фонем по говорам могут иметь место в следующих пределах: одни говоры различают *ц* и *ч*, другие не различают, имеют вместо них одну фонему, т. е. характеризуются цоканьем или чоканьем (отметим неразличение *ц* и *ч* буквой *а*); одни говоры имеют фонемы *ф* и *ф'*, в других они отсутствуют: вместо них употребляют *х*^{тв}, *хф*, *х* (отметим отсутствие *ф* и *ф'* буквой *б*); одни говоры имеют особые долгие шипящие фонемы, другие их не имеют (отметим отсутствие долгих шипящих фонем буквой *с*).

Говоры, различающие *ц* и *ч*, имеющие фонемы *ф* и *ф'* и долгие шипящие, обладают 34 согласными фонемами — максимальным количеством согласных фонем, известным в русских говорах. Таков состав согласных фонем литературного языка и ряда говоров. Говоры цоканющие (*а*), имеющие *ф* и *ф'* и долгие шипящие, имеют в своем составе 33 согласных фонемы: 34 — *а* = 33. Таковы многие с-в-р говоры. Говоры, различающие *ц* и *ч* и имеющие долгие шипящие фонемы, но не знающие фонем *ф* и *ф'* (*б*), имеют в своем составе 32 согласных фонемы: 34 — *б* = 32. Такова часть ю-в-р говоров. Столько же фонем имеют говоры, различающие *ц* и *ч*, имеющие фонемы *ф* и *ф'*, но не знающие долгих шипящих как особых фонем (*с*): 34 — *с* = 32. Говоры, цоканющие (*а*) и не знающие долгих шипящих

как особых фонем (*с*), но знающие фонемы *ф* и *ф'*, имеют в своем составе 31 фонему: $34 - a - c = 31$. Таковы многие с-в-р говоры. 30 согласных фонем имеют говоры, различающие *ц* и *ч*, но не имеющие в своем составе *ф* и *ф'* и долгих шипящих как особых фонем: $34 - b - c = 30$. Таковы многие ю-в-р говоры. Наконец, говоры цокающие (*а*), не знающие фонем *ф* и *ф'* (*б*) и долгих шипящих как особых фонем (*с*), имеют 29 согласных фонем: $34 - a - b - c = 29$. Таковы, например, некоторые говоры на север и северо-запад от г. Рязани.

Таким образом количество согласных фонем по русским говорам колеблется от 34 до 29.

Качество отдельных согласных фонем.

§ 125. Качество *ц* и *ч*. Говоры, различающие *ц* и *ч*, обычно имеют твердое зубное *ц* — со взрывом, производящимся передней частью языка у верхних зубов, и мягкое небно-зубное *ч* — со взрывом, производящимся кончиком языка у зубной части неба. Такое произношение свойственно литературному языку и значительной части всех нецокающих говоров. Лишь в небольшой части говоров, граничащих с белорусским языком, фонема произносится твердо: *молчѣ, чѣсто, кончыл, чѣсто, учѣт', учѹ*. Кроме того, твердое *ч* известно и в отдельных с-в-р говорах и вообще в говорах *ч* в прошлом цокающих, но усваивающих в настоящее время различение *ц* и *ч* под влиянием литературного языка.

Некоторым нецокающим говорам, главным образом ю-в-р, свойственно ослабление взрыва аффрикаты *ч*, т. е. произношение *"ш'*, и далее полная утрата взрыва, т. е. произношение *ш'* вместо *ч'*: *"ш'уднѡ, "ш'ѣста, н'и"ш'аѹб, "ш'ѣста, "ш'итыр'ѡх* или *ш'уднѡ, ш'ѣста, н'иш'аѹб, ш'ѣстај, ш'итыр'ѡх*.

В некоторых говорах ослабление взрыва и возможная утрата его испытывается аффрикатой *ц*: *ц* → *"с* → *с*. Например, произносится: *ѹл'иса, кѹр'иса, дѣ-кансѣ, јѣсѡ, сар', с'ѣрса, атѣс, к-в'ансѹ*. Такое произношение известно в части ю-в-р говоров, между прочим, в некоторых говорах Тульской, Орловской и Курской областей.

Качество фонемы *ц* при цоканье может быть весьма различно: в значительной части нашего Севера, например в Карело-Финской ССР, в Архангельской, Вологодской, Кировской областях, в Коми АССР, произносится мягкое *ц* (*ц'*) или *ц* мягкое шепелявое (*ц''*). Такое цоканье может быть названо мягким цоканьем.

При мягком *ц* кончик языка опущен и взрыв происходит между довольно значительной поверхностью передней части языка и верхними зубами: *ц'ѣсто, ц'ѹдо, плѣц'от, помолц'ѣ, кѹр'иц'а, ц'ѣбѡк*. Неопытный наблюдатель, ранее незнакомый с этой фонемой, нередко отождествляет мягкое *ц* с мягким *т* литературного языка. Эти звуки, действительно, близки по образованию: они тождественны по месту образования и отличаются, видимо, лишь фрикативным элементом, достаточно выраженным у мягкого *ц* и могущим отсутствовать у

мягкого *т*. Близость этого диалектного звука с мягким *т* литературного языка особенно велика, потому что мягкое *т* в этом последнем нередко произносится со слабым фрикативным элементом (*т'с'ом'с'а*, *т'с'ихъ*).

При мягком шепелявом *ц* (*ц'*) кончик языка приподнят и смыкается с альвеолами, и взрыв происходит, таким образом, между кончиком языка и альвеолами. Шепелявое мягкое *ц* акустически производит впечатление звука среднего между *ц* и *ч*. Многие наблюдатели поэтому обозначают его знаком *ц'* или *ч'*: *ц'асто*, *заплáц'у*, *ц'угún*, *плáц'от*, *ц'исто*; *кун'иц'а*, *куп'ец'*.

Фонема *ц* при цоканье может быть и твердой (твердое цоканье). Твердое *ц* известно, например, в цокающей части новгородских говоров, в цокающих ср-в-р и мещерских говорах Рязанской области: *цáсто*, *цýсто*, *помолцý*, *дóчка*; *кúр'ица*, *куп'ец*, *купцý*. В тех же говорах отмечается иногда полумягкое *ц* (*ц̣*): *цáсто*, *цýсто*, *помолцý*, *дóчка*; *кúр'ица*, *куп'ец̣*, *куп'ц̣ý*.

При неразличении *ц* и *ч* та фонема, в которой совпадают *ц* и *ч*, может звучать не только как *ц*, но и (правда, значительно реже), как *ч* (чоканье). Чоканье известно, например, в части говоров б. Вятской губернии. Примеры чоканья: *чáсто*, *чýсто*, *дóчка*; *кúр'ича*, *офчá*, *куп'еч̣а*, *купчá*, *ченá*. Звук *ч* при чоканье может быть как мягким, так и твердым.

§ 126. Следует иметь в виду, что цоканье, являясь весьма резкой диалектной особенностью, не свойственной литературному языку, по говорам уже давно под влиянием последнего начало утрачиваться. Процесс утраты цоканья особенно усилился в наше время благодаря воздействию школы, печати, радио, а также благодаря непосредственному воздействию языка города. Следует иметь в виду, что если в свое время при образовании цоканья переход от различения *ц* и *ч* к употреблению одного звука на их месте, вероятно, не представлял особых затруднений для говорящих (это, между прочим, явилось одним из благоприятствующих условий для образования и распространения цоканья), то, напротив, переход от цоканья к различению *ц* и *ч* представляет для говорящих весьма трудный, болезненно протекающий процесс. Трудность этого процесса объясняется тем, что говорящие на цокающем диалекте не находят в своем родном говоре указаний на то, в каких случаях и категориях следует употреблять *ц* и в каких *ч*. Благодаря этому при переходе от цоканья к различению *ц* и *ч* может иметь место стадия беспорядочной мены *ц* и *ч*, т. е. употребление *ц* вместо *ч* и, наоборот, *ч* вместо *ц*, например: *цáсто*, *п'атацóк*, *молцáт'*, но *офчá*, *кúр'ича*, *продавчú*. Конечно, рядом с таким неправильным употреблением *ч* и *ц* говорящий иной раз употребит *ч* и *ц* правильно, в соответствии с тем, как они употребляются в говорах, различающих эти фонемы.

Но надо иметь в виду, что неопытный наблюдатель обычно отмечает в своих записях лишь те факты, которые обращают на себя внимание своим несоответствием языку наблюдателя, т. е. обычно несоответствием литературному языку. Поэтому случаи правильного употребления *ц* и *ч* он обычно

не записывает, а записывает лишь случаи употребления *ц* вместо *ч* и *ч* вместо *ц*. Если не учесть этой особенности многих записей, произведенных наблюдателями, не имеющими достаточной лингвистической подготовки, то на основе непосредственного анализа их записей можно сделать совершенно неправильный вывод о том, что в том или ином говоре фонемы *ч* и *ц* различаются, но употребляются как раз наоборот, вопреки этимологии, вопреки их употреблению в литературном языке и других говорах, различающих этимологическое *ц* и *ч*. Записи с *ц* вместо *ч* и с *ч* вместо *ц* свидетельствуют лишь о беспорядочной мене звуков *ц* и *ч*, один из которых только недавно усвоен говором под влиянием литературного языка и сходных с ним по этой черте говоров. Пройдет еще некоторое время и *ц* и *ч* в таком говоре „станут на свои места“, т. е. будут употребляться в соответствии с говорами, различающими *ц* и *ч*.

При переходе от цоканья к различению *ц* и *ч* возможна не только беспорядочная мена *ц* и *ч*, но и своеобразное различение аффрикат. Так, например, при твердом цоканье может появиться звук *ц'*, который употребляется вместо *ч*, например: *до-конц'а*, но *конц'ат'*. В таком говоре, следовательно, раньше усваивается мягкость, а не „шипящая“ дорсальная артикуляция. При твердом же цоканье может появиться звук *ч* твердый, который употребляется на месте *ч*: *канц'ы*, но *к'ончыл*. В этом случае, напротив, раньше усваивается артикуляция шипящей согласной, но сохраняется твердость, присущая своему исконному звуку *ц*. Можно быть уверенным, что следующей стадией развития аффрикат будет замена мягкой свистящей аффрикаты *ц* или твердой шипящей *ч* — мягкой шипящей аффрикатой *ч*.

При мягком цоканье сравнительно легко может появиться мягкое *ч'*, которое может правильно употребляться на месте *ч*, но свое исконное мягкое *ц'* нередко держится довольно стойко, произносят: *ч'асто*, *ч'исто*, *молч'и*, но *ул'иц'а*, *до-кон'ц'а*, *с'ер'ц'о*, *сон'ц'о*, *продав'ц'а*. В дальнейшем мягкое *ц* заменяется твердым.

Следует иметь в виду, что при переходе от цоканья к различению *ц* и *ч* отсутствующий звук (обычно *ч*) усваивается раньше всего вместе со словами городскими, такими, как *рабочий*, *кожегар*, *ткач*, *читатель*, *чувствовать* и т. д. В употреблении аффрикат, как и во многих других явлениях, следует обращать внимание на элементы двуязычия, так как носители диалекта обычно хотя бы частично владеют и общелитературным языком: с городскими людьми они нередко говорят, употребляя наряду с *ц* и звук *ч*, в то время как в разговоре между односельчанами цоканье выдерживают более последовательно. Нередко, начиная разговор с городскими людьми, местный житель различает *ц* и *ч*, но затем, особенно в эмоциональной речи, увлекаясь, он переходит на родное ему цоканье.

§ 127. В говорах с мягким цоканьем мягкое *ц* или *ч* шепелявое произносится также на месте сочетаний *т + с* и *д + с* перед согласной на стыке корня и суффикса: *по-брац'к'и*, *в'ац'кой*, *вологод'кой*; *гороц'к'ой* или: *по-брац'к'и*; *в'ац'кой*; *вологод'кой*, *гороц'к'ой* (по-братски, вятский, вологодский, городской). В этих же говорах мягкое *ц* или *ч* шепелявое, но с долгим затвором произносится перед гласной в возвратных глаголах на стыке форм

на *т* или *т'* и возвратной частицы *-ся*, а также в числительных от 11 до 20 и 30: *остави́ц'а, уц'и́ц'а, см'и́жц'а; ўц'и́ц'а, см'и́жц'а; соб'и́рајуц'а; дв'она́дц'ет'; п'етна́дц'ет', два́дц'ет', тр'и́дц'ет'*. Такое *ц'* может сохраняться и в говорах, где цоканья уже нет.

В следующих говорах во всех приведенных категориях случаев возможно и с долгим затвором перед гласной: *в'ац'кой, волог'ой'кой; оста'в'ѣа, с'м'и-
ј'о'ѣа, дв'он'ѣт', дв'ѣт'.*

В говорах, различающих *ц* и *ч*, в этих категориях случаев произносятся соответственно *ц* или *ч* с долгим затвором. Ср. в литературном языке: *в'ацкѣ*, *в'лазбцкѣ*; *аставѣца*, *см'ицѣѣ*; *д'вѣнцѣт'*, *двѣцѣт'*.

§ 128. В говорах, утративших цоканье, могут остаться отдельные реликты, указывающие на то, что в прошлом цоканье им было свойственно. Например, имеются говоры (новгородские), различающие *ц* и *ч*, но употребляющие причастные формы; *ушѣтцы*, *пришѣтцы* вместо *уштити*, *приштити*; ср. др.-р.: *ушьѣвши*; в дальнейшем: *ушедши* → *уштити* → *ушѣти* (*ушѣчи*). Многим из таких говоров когда-то было свойственно цоканье, и тогда формы *пришѣтцы*, *ушѣтцы* не противоречили всей языковой системе. В дальнейшем цоканье было изжито, но в этих формах сохранился звук *ч*. Сохранение *ц* в указанных случаях объясняется, вероятно, тем, что они находились в составе диалектных форм, отсутствовавших в литературном языке. Поэтому влияние последнего не могло их затронуть. В других говорах, не имеющих и не имевших ранее цоканья, подобные формы с *ц* могли быть усвоены из цоканьих или ранее цоканьих говоров.

Или имеются говоры, различающие *ц* и *ч* и при этом употребляющие формы *пшон'ясној*, *молосној* (пшеничный, молочный), *ясная каша* и др. Как известно, в древности в этих случаях было сочетание *чън* (*пъшеничьный*, *молочьный*).

Звук *с* из *ч* вообще получиться не может, но он легко мог получиться из *ц*: аффриката *ч*, оказавшаяся после падения глухих перед *н*, имела тенденцию к утрате затвора, а затем отвердению перед согласной: *ч'ьн* → *ч'н* → *ш'н* — *шн*. Этот процесс легко понять, если иметь в виду, что аффриката *ч* состоит из элементов *т'* и *ш'* (*т'ш'*). Отсюда старые литературные формы: *пшен'йшнѣ*, *малѡшнѣ*. Так же и во многих диалектах. В цокающих говорах до изменения сочетания *чн* в *шн* звук *ч* в этих случаях, как и во всех других, заменился звуком *ц*; получилось сочетание *цн*, которое после утраты взрыва и отвердения дало *сн*: *ц'ьн* → *ц'н* → *с'н* (или *цн*) → *сн*. Так образовались формы *пшон'йснѣ*, *молѡснѣ*, *јаснѣ*, которые употребляются как в цокающих говорах, так и в говорах, различающих *ц* и *ч*. Если эти формы в нецокающих говорах не заимствованы из цокающих говоров, то они могут служить указанием на то, что цоканье в прошлом было свойственно данному говору.

§ 129. Реликты цоканья, нередко сохраняясь в топонимике — в названиях населенных пунктов, рек, урочищ и т. д., — также служат указанием на наличие в прошлом цоканья. Так, например, на значительной территории русских говоров распространены названия населенных пунктов на *-ици* (*Городковичи, Дубровичи, Бобровичи, Сухиничи, Батеничи* и др.). Такие названия в отдельных случаях могли быть и на территории цокających говоров. При цоканье они звучат с *ц* — (*-ици*) и далее при твердом цоканье с твердым *ц* — *ицы* (*Дубровицы* и т. д.). Названия на *-ицы* осознаются при отсутствии цоканья как множественное число от образований с суффиксом *-ица*, но по сути дела иногда являются лишь реликтами цоканья и исторически имеют совсем другой суффикс (*-ичи*).

§ 130. Так как говорам, не знающим цоканья, свойственно как *ц*, так и *ч*, то при заимствовании ими какого-нибудь слова из цокającego говора *ц* может сохраняться. Так, например, предполагают, что литературное *цапля* представляет собою *ц* на месте этимологического *ч*, т. е. звучит в цокającym оформлении (как и какое-нибудь с-в-р *цасто*, *цисто*). Об этом свидетельствуют ю-в-р говоры, различающие *ц* и *ч* и знающие это слово со звуком *ч*, а не *ц*: *ч'апл'а*.

Иначе, видимо, объясняются слова *цепь* и *чепь*, известные в нецокающих говорах как с *ц*, так и с *ч*. Звуки *ц* и *ч* употреблены в них в обоих случаях этимологически правильно¹. Об этом свидетельствует, между прочим, наличие слова *чепь* со звуком *ч* в ю-в-р говорах: при различении *ч* и *ц* старый этимологический звук должен сохраниться.

Особую судьбу имеет по говорам звук *ц* в слове *цвет* и производных. В литературном языке и многих говорах, имеющих вообще твердое *ц*, в этом слове может произноситься мягкое *ц* (*ц'*) в результате уподобления следующему мягкому *в* (*в'*): *ц'вет*, *зац'в'бл*. С этим связаны и дальнейшие изменения в произношении аффрикаты в этом слове по говорам — ослабление и утрата в ней взрывного или фрикативного элементов: *ц'в' → т' с' в' → с' в* или *ц' в' → т' с' в' → т' в'*. Ср. обычные в ю-в-р говорах, как *т' в' ет* *т' в' ит' бт'*, *т' в' ат' ут'* или *с' в' ет* *зс' в' ит' бт'*, *с' в' ат' й*, *с' в' ят' бч' ик*.

§ 131. Качество *ш* и *ж*. Шипящие *ш* и *ж* тверды почти во всех говорах русского языка: *шыл*, *шыркој*, *шаг*, *шуба*, *шол*; *жыл*, *жыр*, *живој*, *жар*, *жук*, *жблтој*. Лишь в единичных говорах кое-где (например, в Кировской и Ивановской областях) имеются мягкие *ш* и *ж*. При этом в одних говорах шипящие вообще тверды, но в определенных условиях они смягчаются (см. ниже § 166). В других говорах шипящие *ш*, *ж* постоянно мягки: *ж'ар*, *ж'ук*, *нош'*, *нож'а*, *нож'у*, *нож'ик*, *на-нож'е*, *ж'ил*, *ж'ар*; *ш'аг*, *ш'ум*, *ш'олк*, *пиш'у*, *п'иш'й*, *ш'ил*, *в-ш'алаш'е*, *ш'ест*.

Отдельным говорам свойственны шепелявые *ш*, *ж* (*ш''*, *ж''*), т. е. звуки как бы средние между *ш'*, *ж'*, и *с'*, *з'*, и даже замена шипящих *ш*, *ж* свистящими *с*, *з*: *ж'енá*, *ж'áрко*, *ж'ил*, *нож'ик*, *нож'а*; *ш'ум*, *ш'аг*, *ш'олк*, *пиш'у*, *п'иш'й*, *ш'ил*, *ш'ест* или же *зенá* или *з'енá*, *кбза* или *кбз'а*, *нозык* или *ноз'ик*; *суба* или *с'уба*, *пису* или *пис'у*, *сест* или *с'ест*.

Замена шипящих (*ш*, *ж*) свистящими (*с*, *з*) наблюдается при смешении диалектов русского языка с другими языками. Она встречается в русских говорах Сибири, а также кое-где в Европейской части СССР. Однако мы не обладаем достаточными и доброкачественными источниками, чтобы судить о степени распространенности данного явления, о том, последовательно ли оно проведено или захватывает лишь определенные случаи, а также о качестве свистящих, заменивших собою шипящие, и о том, происходит ли действительное и полное совпадение шипящих и свистящих или же имеет место лишь сближение этих звуков и совпадение их лишь в определенных условиях или случаях.

§ 132. Качество *с'*, *з'*. Мягкие свистящие фонемы *с*, *з* (*с'ила*, *с'ем'*, *с'ено*, *с'ола*, *зус'у*, *с'áду*, *з'има*, *з'емл'а*, *з'орна*, *кн'áz'у*, *з'áбну*) в отдельных говорах произносятся шепеляво, т. е. как очень мягкие звуки, акустически производящие впечатление звуков как бы средних между мягкими свистящими (*с'*, *з'*) и мягкими шипящими (*ш'*, *ж'*). В русской диалектологической литературе подобные звуки нередко обозначаются знаками *с'ш'*, *з'ж'* (в настоящей книге для них принято обозначение *с''*, *з''*). Приведем примеры: *с''ила*, *с'ем*, *с'ено*, *с''ола*, *зус''у*, *с'áду*, *з''има*, *з'емл'а*, *з'орна*, *кн'áz''у*, *з'áбну*.

¹ Как известно, звук *ц* мог получиться из *к* перед *е* из дифтонга *oi*, а звук *ч* из того же *к* перед *е* (ср. др.-р. *цъль* и *чель*).

В таких говорах шепелявые *с*, *з* обычно произносятся и перед теми мягкими согласными, перед которыми *с*, *з* вообще смягчаются. Например, произносят: *с''в'ёт*, *с''в'ин'ја́*, *н'е с''м'ёј*, *пус''т'и́*, *з''м'еја́*, *з''в'ер'ь*, *звóз''д'и*.

Говоры с шепелявыми *с''*, *з''* сохранились кое-где в Псковском крае (в прошлом они были там значительно более широко распространены). Подобные говоры известны и во многих других местах: в северных районах Рязанской области, в Поветлужье и Вятском крае, в Сибири и других местах. Весьма возможно, что шепелявые свистящие представляют собой реликт иноязычной подосновы русского языка на этих территориях.

§ 133. Качество *т'*, *д'*. Мягкие согласные фонемы *т'*, *д'* во многих русских говорах произносятся с более или менее заметным фрикативным свистящим элементом: *т'с'*, *д'з'*. Такое произношение *т'*, *д'* с слабым фрикативным элементом свойственно и литературному языку, причем фрикативный элемент более заметен в устах младшего поколения. Поэтому произношение *т'с'и́хъ*, *ат'с'ё́и*, *т'с'о́ткаъ*, *ид'з'и́*, *д'з'ё́н'*, *д'з'а́д'з'ё́*, при условии если фрикативный элемент будет достаточно слабым, собственно, не является диалектным. По говорам фрикативный элемент может быть и более сильным, впрочем, редко доходя до той степени, которая наблюдается при белорусском „цеканье“ и „дзеканье“, т. е. произношении вместо мягких *т'*, *д'* мягких аффрикат *ц'* и *д'з'* (ср. в белорусском: *ц'и́ха*, *ац'ё́и*, *ц'о́тка*, *ид'з'и́*, *д'з'ё́н'*, *д'з'а́д'з'а́*). Элементы цеканья и дзеканья отмечены в некоторых говорах Псковских, Калининских, в части так называемых мещерских говоров Московской и Рязанской областей и в других местах.

Кое-где (например, в северных районах Рязанской области, а также некоторых из Псковских говоров) отмечены такие говоры, в которых мягкие *т'*, *д'* произносятся с фрикативным шипящим элементом: *т'ш'и́ха*, *ат'ш'ё́и*, *т'ш'о́тка*, *ид'ж'и́*, *д'ж'ё́н'*, *д'ж'а́д'ж'а́*.

Произношение мягких *т'*, *д'* без фрикативного элемента свойственно многим с-в-р говорам. Возможно, что это связано вообще с меньшей степенью палатализации согласных, свойственной значительной части этих говоров.

§ 134. Качество *в*. Значительной части русских говоров свойственно губно-зубное *в*. Однако в некоторых говорах (главным образом ю-в-р) эта фонема имеет губно-губное образование (*ʋ*): нижняя губа артикулирует по отношению к верхней. Губно-губное *в* (*ʋ*) произносится главным образом перед гласными переднего ряда: *каро́ʋа*, *сва́кроʋа*, *шо́с'и́м*, *траʋа́*, *џлаʋа́*, *џы́рыл*. Перед гласными переднего ряда в тех же говорах чаще произносится губно-зубное *в*, хотя возможно и губно-губное *ʋ*: *в'и́д'и́м'*; *в'ерх*, но и *ʋ'ерх*.

§ 135. Качество фонемы *з*. В с-в-р наречии фонема *з* имеет взрывное образование, так же как и в литературном языке. В значительной части тех говоров, которые принято относить к

ср-в-р также произносится взрывное *г*. Напротив, ю-в-р наречию свойственно фрикативное образование этой фонемы (*γ*). Ср. с-в-р и литературное: *гос'т'*, *гус'*, *дуга́*, *гром*, *глупо́й* при ю-в-р: *γос'т'*, *γус'*, *дуга́*, *γром*, *γлупо́й*.

В части русских говоров Карело-Финской ССР между гласными в результате ослабления взрыва вместо *г* произносится фрикативный звук *γ*: *ноγа́*, *дуга́*, *на-γолову*.

В литературном языке фрикативное *г* (*γ*) в соответствии со старыми нормами произносилось в ряде слов церковно-книжного происхождения: *бог*, *господь*, *благо*, и производных от них: *з-бóγьм*, *γóспьд'и*, *блγγдар'у* и т. д. Однако, за последнее время такое произношение почти исчезло, сохранившись отчасти лишь в языке старшего поколения. Те же слова могут произноситься с фрикативным *γ* нередко и в с-в-р говорах. Впрочем, такое произношение за последнее время сильно убывает. Такое произношение звука *г* в литературном языке и с-в-р говорах объясняется влиянием языка церкви, в котором фрикативное *γ* было усвоено, в свою очередь, благодаря южнорусскому, позднее украинскому влиянию. В с-в-р говорах *γ* произносится нередко также в слове иноязычного происхождения *боγатыр'* (богатырь).

Особого замечания требуют отдельные слова. Таковы слова: *корóд* — *короγóд* — *хоровóд* и *пóбóст* — *поγóст* — *повóст*. В значительной части с-в-р говоров эти слова известны с звуком *в* между гласными, в ю-в-р говорах — с *γ*. Это позволяет предположить, что данные слова в с-в-р говорах являются заимствованными из ю-в-р: звук *γ* между гласными ослаблялся и затем утрачивался, после чего между гласными развивался вторичный *в*: *оγо* → *оо* → *ово*. Такое предположение тем более вероятно, что второе, ударенное, *о* имело восходящую интонацию и по общему правилу должно было измениться в *δ* (*γδ*), которое не после согласных выделяло перед собой особую губную фрикативную артикуляцию (ср.: *вóтчим* при *от'я́ц*).

Так же как в словах *хоровод*, *повост*, объясняется, видимо, звук *г*, *γ* или *в* в окончании *-ого* (*-его*).

Диалектные различия в этом окончании прежде всего касаются согласной фонемы *г* — в одних говорах, *γ* — в других, *в* — в третьих. Кроме того, имеются говоры, в которых это окончание произносится без согласной между гласными.

Во многих говорах Северной и Олонецкой групп при общем взрывном характере *г* в этой форме также звучит *г*: *худо́го*, *злóго*, *дóброго*, *с'йн'ого*. В говорах тех же групп представлено и *γ* в этой форме: *худо́γо*, *злóγо*, *дóброγо*, *с'йн'оγо*. Следует иметь в виду, что в части говоров Олонецкой группы (например, в Карело-Финской ССР), как было указано выше, между гласными вообще вместо *г* известно *γ*: по отношению к таким говорам качество фонемы *г* вообще соответствует тому звуку, который произносится в данном окончании. Наконец, в говорах названных групп отмечено и произношение этой формы без согласной между гласными: *злбо*, *дóброо*, *стáроо*. Звуки *г* и *γ* в этом окончании отмечены в отдельных говорах Западной (Новгородской) группы.

В с-в-р говорах Восточной и Владимирско-Поволжской группы, а также в ср-в-р говорах и в литературном языке в этом окончании употребляется фонема *в*: *зл^ово, доб^ово, син'ово* (с *о* или *а* на конце).

В наиболее архаических ю-в-р говорах в соответствии с фрикативным образованием *з* (*γ*) и в этой форме произносится *γ*: *зл^оγа, худ^оγа, добр^зγа, с'йн'ьγа*. Форму с *γ* надо считать, видимо, общей для всех ю-в-р говоров в прошлом. Однако позднее, по ю-в-р говорам под влиянием литературного языка широко распространилось произношение в этом окончании *в*: *сл'ан^ова, стар^зва, с'йн'ьва*.

Естественно, что фонема *в* в этой форме под влиянием литературного языка сейчас широко проникает и в с-в-р говоры, имевшие ранее (и частично еще сохраняющие) в ней фонему *з* или *γ*.

Любопытно отметить, что не всегда имеется точное соответствие в произношении форм на *-ого (-его)* прилагательных и местоимений. Так, например, известны ю-в-р говоры, имеющие фонему *в* у прилагательных и сохраняющие фонему *γ* у местоимений (*γаγ^о*, но *з'ьл'ан^ова*). Подобные несоответствия отмечены и в с-в-р говорах.

В отдельных словах (главным образом эмоционального значения) по говорам возможно отклонение в произношении *з* от общей нормы. Например, на северо-западе при взрывном вообще *з* произносится и *γ^{ам}кат', γ^укат'*; в ряде говоров при взрывном *з* произносится *γ* (или даже фарингальное *h*) в междометии *аγ^а* (*аh^а*). Напротив, при вообще фрикативном *з* (*γ*) или даже *h* нередко в этом междометии произносится взрывное *з*: *аγ^а*.

§ 136. Качество фонемы *л*. Русскому языку во всех его говорах свойственны две фонемы *л* — твердая и мягкая. Ср.: *л^авка* и *л'амка, на-кол^у и кол'у, в-мел^у и м'ел'у, вол^ны и вол'ны* и т. д. Однако качество твердой фонемы *л* перед гласной неодинаково по говорам. В значительной части русских говоров и в литературном языке — это звук очень твердый, велярный: в его образовании принимает участие задняя часть спинки языка, которая поднимается по направлению к мягкому небу (такой звук в транскрипции латинским алфавитом обычно обозначается буквой *l* с перечеркиванием: *l̥*). Ср. в литературном языке: *пр'ишл^а, дал^а, ход'ил^а, пришл^о, кал^от', бал^от^ь; пал^уч'ит, к-стал^у, стал^и*.

Однако на севере Европейской части СССР, в особенности в части говоров Вологодской, Кировской и других областей, а также по русским говорам Сибири распространено произношение так называемого „среднего“, „европейского“ *л* (обозначаем его через *l̥*) вместо *л* перед гласными. Это звук того типа, который свойственен западноевропейским языкам, например немецкому и французскому, почему и называют его „европейским“. Другое название этого звука („среднее“) объясняется его акустическим впечатлением: это звук как бы средний между нашим обычным твердым *л* и мягким *л'* — более мягкий, чем *л*, и более твердый, чем *л'*. Физиологически „сред-

¹ В связи с описанным качеством *l̥* находится возможное изменение его по говорам в *й* перед согласной и в конце слова (см. об этом ниже §§ 76—180).

нее" *l* отличается от твердого главным образом произношением при плоской спинке языка, отсутствием поднятия ее задней части к мягкому небу, характерного для твердого *л*. Отличие „среднего“ *l* от мягкого *л'* лежит в другом: мягкое *л*, как и другие мягкие согласные, образуется при дополнительной „йотовой“ артикуляции (т. е. при поднятии средней части спинки языка к соответствующей части неба), которая отсутствует или бывает лишь слегка намечена при образовании „среднего“ *l*. Приведем примеры: *np'ushlá, dalá, hod'úla, shála; prišlós', kolóm', molot'úm', bólotó; polýc'um, лук, požá-lujt'o к столу; столы, лёко*.

Среднее *l* особенно упорно сохраняется в языке женской части населения, в некоторых местах исключительно характеризую язык женщин.

Кроме указанной выше территории на севере, „среднее“ *l* или близкое к нему образование встречается в единичных ю-в-р говорах.

§ 137. Образование звука *p*. Образование звука *p* не представляет особого разнообразия по русским говорам. Можно только отметить наличие в некоторых говорах — в Поволжье, по говорам Сибири, в отдельных ю-в-р говорах — особого „раскатистого“ *p*. Как известно, звук *p* образуется путем вибрации, дрожания кончика языка, который то смыкается, то смыкается с зубной частью неба. Количество вибраций (т. е. „раскатов“) может быть различным, например: перед гласной, в начале слога, раскатов бывает больше, чем после гласной перед согласной, в конце слога (ср.: *ры́ба* и *го́рка*). В указанных выше говорах перед гласными произносятся раскатистое *p* (реже и *p'*): произносят как бы: *pp'ы́ба, хорpp'иш, горpp'á, ррука́, з-горpp'й, борpp'отка*. Можно предполагать, что такое произношение является остатком иноязычной подосновы русских говоров соответствующих территорий.

Согласные глухие и звонкие.

Соотносительный ряд глухих и звонких согласных.

§ 138. Соотносительный ряд согласных фонем, глухих и звонких по русским говорам включает в себя до 11 пар фонем. В каждую такую пару входят фонемы, отличающиеся друг от друга только глухостью или звонкостью, т. е. отсутствием или наличием голоса. Литературный язык обладает всеми 11 парами: $n : б = n' : б' = ф : в = ф' : в' = m : д = m' : д' = c : з = c' : з' = ш : ж = ш' : ж' = k : г$. Остальные 12 согласных фонем литературного языка (*м, м', н, н', л, л', р, р', j, x, ц, ч'*) не образуют соотносительных пар по глухости и звонкости, являясь в этом отношении внепарными.

Из предыдущего известно (см. § 118), что значительная часть ю-в-р говоров не имеет фонем *ф* и *ф'*. В таких говорах, следовательно, фонемы *в* и *в'* относятся к внепарным, а соотносительных пар глухих и звонких фонем не 11, а только 9. Из предыдущего известно также (см. § 121), что в части русских говоров могут

отсутствовать долгие шипящие (обе или одна) как особые, отдельные фонемы. В таких говорах, следовательно, не 11 пар глухих и звонких фонем, как в литературном языке, а 10. Такие говоры имеются как на ю-в-р территории, так и на с-в-р. Имеются и такие говоры, в которых одновременно отсутствуют как фонемы ϕ и ϕ' , так и долгие шипящие как особые, отдельные фонемы. В таких говорах, следовательно, $в$ и $в'$ относятся к числу внепарных фонем, а парных фонем по глухости и звонкости оказывается всего 8.

Наконец, из предыдущего известно (см. § 135), что фонема $г$ в одних говорах имеет взрывное образование ($г$), в других фрикативное (γ). В говорах с $г$ взрывным фонема $г$ образует пару с соответствующей глухой $к$, а фонема $х$ остается вне пары по глухости и звонкости. В говорах же с $г$ фрикативным (γ) фонема γ образует пару с соответствующей глухой $х$, а внепарной остается $к$ (подробнее об этом см. ниже в § 143).

§ 139. Укажем основные различия русских говоров по количеству соответственных парных глухих и звонких согласных фонем.

1. Говоры, имеющие ϕ , ϕ' , долгие шипящие как особые фонемы и $г$ взрывное: $\bar{n} : \bar{б} = \bar{n}' : \bar{б}' = \bar{\phi} : \bar{в} = \bar{\phi}' : \bar{в}' = \bar{т} : \bar{д} = \bar{т}' : \bar{д}' = \bar{с} : \bar{з} = \bar{с}' : \bar{з}' = \bar{ш} : \bar{ж} = \bar{ш}' : \bar{ж}' = \bar{к} : \bar{г}$.

2. Говоры, имеющие ϕ , ϕ' , долгие шипящие как особые фонемы и $г$ фрикативное (γ): $\bar{n} : \bar{б} = \bar{n}' : \bar{б}' = \bar{\phi} : \bar{в} = \bar{\phi}' : \bar{в}' = \bar{т} : \bar{д} = \bar{т}' : \bar{д}' = \bar{с} : \bar{з} = \bar{с}' : \bar{з}' = \bar{ш} : \bar{ж} = \bar{ш}' : \bar{ж}' = \bar{x} : \bar{\gamma}$.

3. Говоры, имеющие ϕ , ϕ' , $г$ взрывное, но не знающие долгих шипящих как особых фонем: $\bar{n} : \bar{б} = \bar{n}' : \bar{б}' = \bar{\phi} : \bar{в} = \bar{\phi}' : \bar{в}' = \bar{т} : \bar{д} = \bar{т}' : \bar{д}' = \bar{с} : \bar{з} = \bar{с}' : \bar{з}' = \bar{ш} : \bar{ж} = \bar{к} : \bar{г}$.

4. Говоры, имеющие ϕ , ϕ' , $г$ фрикативное (γ), но не знающие долгих шипящих как особых фонем: $\bar{n} : \bar{б} = \bar{n}' : \bar{б}' = \bar{\phi} : \bar{в} = \bar{\phi}' : \bar{в}' = \bar{т} : \bar{д} = \bar{т}' : \bar{д}' = \bar{с} : \bar{з} = \bar{с}' : \bar{з}' = \bar{ш} : \bar{ж} = \bar{x} : \bar{\gamma}$.

5. Говоры, не имеющие ϕ , ϕ' , имеющие $г$ фрикативное (γ) и долгие шипящие как особые фонемы: $\bar{n} : \bar{б} = \bar{n}' : \bar{б}' = \bar{т} : \bar{д} = \bar{т}' : \bar{д}' = \bar{с} : \bar{з} = \bar{с}' : \bar{з}' = \bar{ш} : \bar{ж} = \bar{ш}' : \bar{ж}' = \bar{x} : \bar{\gamma}$.

6. Говоры, не имеющие ϕ , ϕ' и долгих шипящих как особых фонем и обладающие $г$ фрикативным (γ): $\bar{n} : \bar{б} = \bar{n}' : \bar{б}' = \bar{т} : \bar{д} = \bar{т}' : \bar{д}' = \bar{с} : \bar{з} = \bar{с}' : \bar{з}' = \bar{ш} : \bar{ж} = \bar{x} : \bar{\gamma}$.

Во всех русских говорах внепарными по глухости и звонкости являются следующие фонемы: $\bar{м}$, $\bar{м}'$, $\bar{н}$, $\bar{н}'$, $\bar{л}$, $\bar{л}'$, $\bar{р}$, $\bar{р}'$, \bar{j} , $\bar{ц}$, $\bar{ч}$. Фонема \bar{x} является внепарной, если в говоре $г$ имеет взрывное образование. Фонема $\bar{к}$, напротив, является внепарной, если в говоре $г$ имеет фрикативное образование. Фонемы $\bar{в}$, $\bar{в}'$ являются внепарными в говорах, в которых отсутствуют соответствующие глухие фонемы $\bar{\phi}$, $\bar{\phi}'$.

Сильное положение глухих и звонких согласных.

§ 140. Сильным положением для глухих и звонких согласных фонем, т. е. таким положением, в котором они остаются неизменными и выступают в своем основном виде, является положение перед гласными, сонорными ($\bar{м}$, $\bar{м}'$, $\bar{н}$, $\bar{н}'$, $\bar{л}$, $\bar{л}'$, $\bar{р}$, $\bar{р}'$), а также $\bar{в}$, $\bar{в}'$ и \bar{j} . Перед этими звуками глухость и звонкость согласных не обусловлена, различается. Иными словами, перед ними может произноситься

как глухая согласная, так и звонкая. Например, перед гласными: *пáшн'а* и *бáшн'а*, *п'ил* и *б'ил*, *тоскá* и *доскá*, *т'ен'* и *д'ен'*; *сад* и *зад*, *нá-с'ем'* и *нá-з'ем'*, *шал'* и *жал'*; перед сонорными, *в* — *в'* и *ј*: *вос'м'й* и *воз'м'й*, *пис'мó* и *в'аз'мó*, *н'е-с'м'ěj* и *з'м'ej*, *попос'н'ėje* и *попóз'н'ėje* (попостнее и попозднее), *с'л'ит'* и *з'л'ит'*, *ср'éзал* и *зр'éлој*; *отм'ёт'ил* и *подм'ёт'ил*, *отн'ós* и *подн'ós*, *тл'а* и *дл'а*, *на-в'етрú* и *к-в'едрú*, *плох* и *блòх*, *прóс'иш* и *брóс'иш*, *шрам* и *жрат'*, *с'в'ер'* и *з'в'ер'*, *сват* и *зват'*, *тв'ер'* и *дв'ер'*, *пју* и *бју*, *шју* и *ружју*, *шјом* и *ружјóm* и т. д. В говорах, различающих *ф* и *в*: *ф'ин'т'йт'* и *в'ин'т'йт'*; *ф'ёршал* (= фельдшер) и *в'ешал*; в говорах, имеющих пару *к* — *г*: *кóлос* и *гóлос*, *корá* и *горá*, *икрá* и *игрá*; в говорах, имеющих пару *х* — *г*: *хóлод* и *гóлод*, *хам* и *г'ам* (= гам), *хвóс'т'ик* и *г'вóз'д'ик*, *хр'ип* и *гр'ип* (= гриб), *хл'еб* и *г'л'еб* (= Глеб).

Модификации глухих и звонких согласных в слабом положении.

§ 141. В других положениях парные глухие и звонкие согласные не различаются, так как одна из фонем, входящих в каждую пару, изменяется, совпадая с другой фонемой той же пары в одном звуке. Такие положения, следовательно, являются слабыми для глухих и звонких согласных. К слабым положениям для глухих и звонких согласных относятся: 1) положение в конце слова; 2) положение перед парной глухой или звонкой согласной (кроме *в*, *в'*).

Звонкие согласные фонемы на конце слова.

§ 142. В подавляющей части русских говоров звонкие парные согласные на конце слова оглушаются, совпадая в одном общем варианте. Ср., например: *сноп* и *боп* (ср. в сильном положении: *снопý*, *бобý*), *глуп* и *груп* (ср. в сильном положении: *глупóј*, *групóј*); *рос* и *морóс* (ср. в сильном положении: *росла*, *морóзы*); *прут* (= прут и пруд; ср. в сильном положении: *прут'ик* и *пруд'ик*); *молот* (= молот и молод; ср. в сильном положении: *мóлота*, *молóдóј*); *грош* и *рош* (ср. в сильном положении: *грошéй*, *ржи*); *дош'* и *л'еш'* (или по говорам: *дош* и *л'еш*, *дош'ч'* и *л'еш'ч'* и т. д.); ср. в сильном положении: *дóж'ик* и *л'еш'ý* (или по говорам: *дóжык* и *л'ешý*, *дóждэжик* и *л'ешчý* и т. д.). Особого рассмотрения требуют фонемы задненебные и губные.

§ 143. В говорах с *г* взрывным, как было указано выше, имеется пара *к* — *г*, причем *х* является внепарной фонемой. В говорах с *г* фрикативным (*г*) имеется пара *х* — *г*, причем внепарной остается *к*. Это можно пояснить на примере следующих трех слов, имеющих на конце соответственно фонемы *к*, *г* (*г*), *х*: *мок*, *мог*, *мох*. В говорах с *г* взрывным первые два слова звучат одинаково: *мок* (*мок под дождем*, *не мок прийти*), но *мóкл'и*, *могл'ý*; третье слово — по-иному: *мох* (*растет мох*); в говорах с *г*, напротив, второе и

третье слово звучат одинаково: *мох* (*растет мох, не мох прийти*), но *мо́хом* (или *мхом*), *моу́л'я*, а первое слово звучит иначе: *мок* (*мок под дождем*).

Итак, в говорах с *г* взрывным на конце слова в результате оглушения произносится звук *к*, в котором совпадают фонемы *г* и *к*: *сапо́к*, *п'иро́к*, *с'н'ёк*, *д'ён'ок*, *кру́к*, *ро́к* (= ро́г), *сто́к* (= сто́г), *вдру́к*, *лу́к* (= лу́г), *плу́к*, *ду́к* (род. п. мн. ч. от „дуга“), *продрóк*, *ч'етв'ёрк*, *вокру́к*, *т'ел'ёк* (род. п. мн. ч. от „телега“) и т. д. Напротив, в говорах с фрикативным *г* — на конце слова, также в результате оглушения произносится звук *х*, в котором совпадают фонемы *γ* и *х*: *сапо́х*, *п'иро́х*, *с'н'ех*, *д'ён'ах'*, *кру́х*, *ро́х*, *сто́х*, *вдру́х*, *лу́х*, *плу́х*, *ду́х* (род. п. мн. ч. от *ду́ха*), *продрóх*, *ч'етв'ёрх*, *т'ел'ёх* и т. д.

Сказанное можно пояснить такой схемой:

<i>мок под дождем</i>	{	<i>к</i>	}	<i>мок под дождем</i>
<i>не мок прийти</i>	{	<i>г — γ</i>	}	<i>не мох прийти</i>
<i>растет мох</i>	{	<i>х</i>	}	<i>растет мох</i>

Выше было отмечено наличие в говорах с *г* взрывным нескольких слов главным образом церковно-книжного происхождения, произносящихся с *γ*. Естественно, что если в таких словах звук *γ* оказывается на конце слова, то, оглушаясь, он произносится как *х*: *бо́га*, *бо́гу* и *бох*; *бла́го*, *бла́га* и *блах*. В этих словах звук *х* на конце слова вместо *γ*, таким образом, может произноситься не только в говорах, имеющих фрикативное *г* (*γ*), но также и в говорах с *г* взрывным.

В отдельных с-в-р говорах (главным образом в Архангельской, Вологодской, Молотовской областях, а также в Забайкалье) в результате ослабления на конце слова артикуляции *г* в соответствии с *г* взрывным в этом положении произносится *х*: *ночл'ёга*, но *ночл'ёх*; *рога́*, но *рох*; *т'ел'ёга*, но *т'ел'ёх*; *вокру́х*; *шага́т'*, но *шах*¹.

В этих говорах, следовательно, *г* и *х* образуют пару, оставляя вне пары *к*.

Такое же соотношение отмечено в ряде ср-в-р говоров (например, Коломенского и Озерского районов Московской обл.); при взрывном образовании *г* на конце слова произносится *х*: *сѣпага́* — *сапо́х*, *п'ирага́* — *п'иро́х*; *с'н'ега* — *с'н'ех*, *дѣ-чѣт'ерга́* — *читв'ёрх*, *шыга́т'* — *шах* и т. д. Однако в этих говорах *х* на конце слова имеет другое происхождение, отличное от только что указанного внешне сходного факта отдельных с-в-р говоров: по всей видимости, этим говорам некогда было свойственно *γ* (*на́га*, *ду́га*, *гро́м* и т. д.), которое закономерно на конце слова оглушалось в *х* (*нох*, *дух*); позднее под влиянием городского языка или других ср-в-р говоров они усвоили в сильном положении *г* взрывное (*нага́*, *дуга́*, *гром*), но в слабом положении сохранили еще свое старое оглушенное *γ*,

¹ В этом последнем случае во многих с-в-р говорах звук *х* обобщается и для положения перед гласной; произносится не только *шах*, но и *ша́хм*, *шаха́т'* и т. д.

т. е. х. Такое произношение, между прочим, упорно сохраняется у уроженцев, например, Рязани, Тулы, Курска и иных городов на территории говоров с γ фрикативным, хотя в других отношениях эти лица вполне владеют системой литературного языка.

Наконец, в отдельных ср-в-р говорах (в юго-западном Подмосковье) при фрикативном вообще образовании z (*на́гá, ду́гá, съна́гá, ѳо́с'т'и* и т. д.) на конце слова при оглушении звучит *к* (*но́к, ду́к, сапо́к* и т. д.). Весьма возможно, что такие говоры ранее имели взрывное образование z и, следовательно, пару z — *к* и затем только под влиянием ю-в-р говоров в сильном положении усвоили γ (*на́гá, съна́гá*), сохранив старое произношение на конце слова (*но́к, сапо́к*).

Впрочем, вопрос о том, что является исконным и что усвоено под влиянием других говоров, решается неодинаково для разных говоров: здесь большое значение имеет учет других языковых явлений в их развитии, а также история самих носителей соответствующего говора.

Таким образом, кроме основных пар z — *к* и γ — *х*, образующих единство как с функциональной, так и исторической точек зрения (*к* и *х* в таких говорах являются результатом оглушения физиологически соответствующих парных звонких), с функциональной точки зрения по говорам возможно объединение в одну пару z — *х*, а также γ — *к*, где *х* и *к* не являются результатом оглушения соответствующей звонкой фонемы z и γ , а появились на почве смешения диалектов, имеющих разное образование заднеязычной звонкой согласной фонемы — взрывное или фрикативное (z или γ).

§ 144. В говорах, имеющих парные по глухости и звонкости фонемы *в, в'*, эти фонемы обычно реализуются в конце слова в своем глухом варианте *ф, ф'*. Иными словами, фонемы *в, в'*, как и другие звонкие согласные фонемы, на конце слова оглушаются, совпадая с соответствующими глухими. Такое произношение характерно для значительной части с-в-р говоров, для части (восточной) ю-в-р говоров, а также для литературного языка: *роф* (ср. *рва*), *кроф* (ср. *крóва*), *корóф* (ср. *корóва*), *голóф* (ср. *голо́ва*), *здорóф* (ср. *здорóвој*), *кл'уф* (ср. *кл'úва*); *крофф'* или *крофф* (ср. *крóв'и*), *л'убóфф'* или *л'убóфф* (ср. *л'убв'и*).

Однако в части говоров, имеющих парные фонемы *в, в'*, а также в говорах с фонемами *в, в'*, внепарными по глухости и звонкости², губно-зубного или губно-губного образования, на конце слова эти фонемы реализуются в своих особых вариациях, не теряющих голоса: в губно-губном *в* (*ш*) или — чаще — в унеслоговом (*ў*). Такое произношение типично для значительной части ю-в-р говоров, а также некоторых говоров с-в-р: *рош* или *роў*, *крош* или *кроў*, *корóш* или *корóў*, *голóш* или *голóў*, *здорóш* или *здорóў*, *крош'*, *крош*, *кроў* или *кроў*; *л'убóш'*, *л'убóш*, *л'убóў* или *л'убóў*, *зготóш'*; *зго-*

¹ Т. е. в таких говорах, в которых рядом с *в, в'* имеются соответствующие глухие фонемы *ф, ф'*.

² Т. е. в таких говорах, в которых отсутствуют глухие фонемы *ф, ф'*.

тош, зготѡў или *зготѡу*. Можно думать, что вариации *ш, ѡ* первоначально употреблялись только в говорах, не знающих глухих фонем *ф, ф'*, причем внепарные фонемы *в, в'* в них, видимо, ранее имели губно-губное образование (*ш, ш'*). Звук *ѡ* (или *ш*) на месте *в* является вариантом фонемы *в*, если в том же говоре и в тех же условиях он произносится на месте фонемы *л*: ср. *пáўка* (род. п. мн. ч. *пáлок*) и *пáўка* (уменьш. от Павел).

Описанное произношение свойственно также украинскому и белорусскому языкам.

§ 145. В некоторых ю-в-р говорах, а также отдельных ср-в-р и даже с-в-р говорах на конце слова фонема *в* реализуется в варианте *х*: *корѡва*, но *корѡх*; *голова́*, но *голо́х*. В этих же говорах отмечается иногда губно-губное образование *в* перед гласной: *корѡ́ша, голо́ша*. Можно думать, что *х* на конце слова вместо *в* могло явиться в говорах, имевших первоначально губно-губное *в* (*ш*): появление *х* связано с тем, что в результате оглушения *ш* образуется звук, обладающий весьма малой акустической выразительностью (*ф*); а так как губно-губное *ш* обладает двумя артикуляционными фокусами — губным и заднеязычным, то появление *х* можно считать вызванным усилением последнего, повышающим акустическую выразительность этого звука.

Среди говоров, в которых фонемы *в, в'* на конце слова в результате оглушения выступают в своих глухих вариантах (*ф, ф'*), встречаются такие, в которых рядом с *голо́ф, кро́ф, сло́ф, тра́ф, остро́ф* и т. д. в формах род. п. мн. ч. на *-ов* употребляется *х*: *сто́лох, домо́х, дво́рох, горо́дох, бе́рего́х, остро́вох* и т. д. Такие говоры имеются, например, в Рязанской области. В первом из приведенных выше рядов слов на конце представлена фонема *в*; это видно из того, что она звучит в своем основном виде в сильном положении (см. § 140): *голова́, головно́й, корѡва, тра́ва, сло́во, остро́ва, островно́й* и т. д. Что касается форм род. п. мн. ч. на *-ох*, то в этой морфеме конечная фонема не может быть поставлена в сильное положение. Однако первоначальность в ней фонемы *в* явствует не только из этимологии и истории языка, но и из других говоров, в которых произносится *-ош (-оу)* или *-оф*: *сто́лош, дво́рош, домо́ш, остро́вош* или *сто́лоф, дво́роф, домо́ф, остро́воф* и т. д.

Можно думать, что формы на *-ох* появились первоначально в говорах, имевших губно-губное образование фонемы *в* (*ш*), т. е. что первоначально *домо́х* появилось рядом с *корѡ́х*. Позднее было усвоено губно-зубное *в* (*в*). В тех случаях, когда в одной и той же морфеме фонема *в* могла быть как в сильном, так и в слабом положении (например, *корова — коров*), под влиянием сильного положения с губно-зубным *в* — в слабом положении появляется тот же звук в оглушенном виде (т. е. *ф*), который заменил собой звук *х* (*корѡ́х*). В тех же случаях, когда такого чередования сильного и слабого положения в одной и той же морфеме не было, звук *х* мог остаться без замены: *сто́лох, дво́рох*. С точки зрения современных отношений можно считать, что в таких говорах формы род. п. мн. ч. на *-ох* имеют на конце фонему *х*, так как закономерным вариантом фонемы *в* в данном положении в этих говорах является звук *ф*.

§ 146. В некоторых с-в-р говорах звонкие согласные на конце слова не оглушаются или, что, видимо, вернее, оглушаются не в полной мере и таким образом не совпадают с соответствующими глухими фонемами. Произносят, например, *хлеб, склад, город, мороз, сторож, пирог, снег* с звонкими или полувзвонкими согласными в корне. Такие говоры отмечены, например, в Костромском районе Костромской обл., в Поветлужье и в некоторых других местах.

Звонкие согласные перед глухими.

§ 147. В русском языке как литературном, так и в говорах звонкие согласные перед глухими оглушаются, совпадая с соответствующими глухими в одном глухом варианте. Если два слова отличаются друг от друга только одной глухой или звонкой фонемой, то при совпадении этих фонем в одном варианте совпадают и сами эти слова. Ср. *душка* — уменьшительные от „дуга“ с *ш* на месте *ж* (*дужка*, ср. *дужек*) и от *душа* (*душка*, *душонка*).

Только фонемы *в*, *в'* перед согласными по отдельным говорам имеют свои особые изменения. Поэтому они будут рассмотрены особо (см. ниже § 148).

Примеры на оглушение звонких согласных перед глухими: *бапка* (ср. *баба*), *шўпка* (ср. *шўба*), *хр'ептá* (ср. *хребет*), *гр'áтки* (ср. *гр'áдок*), *гáткої* (ср. *гáдок*, *гáд'ен'кої*), *ýкої* (ср. *ýзок*), *гласки* (ср. *глазá*), *скáска* (ср. *сказочка*), *в'ес'т'и́* (ср. *в'эзу́*), *л'ес'т'* (ср. *л'эзу*), *кн'йшка* (ср. *кн'йжеск*), *сторóшка* (ср. *сторож'ыл*), *л'áкт'е* или *л'áхт'е* (ср. *л'á'гу*, *л'á'чу*)¹, *нóкти* или *нóхти* (ср. *ногот'*), *кóкти* или *кóхти* (ср. *когот'*), *д'óкт'а* или *д'óхт'а* (ср. *д'óгот'*)².

В приведенных примерах оглушению подвергалась конечная звонкая согласная корня перед глухой согласной суффикса. Такому же изменению подвергается парная звонкая согласная приставки или предлога перед глухой согласной корня или следующего за предлогом слова. Например: *опт'ану́т'*, *спт'есáт'* (ср. *облóжыт*, *обр'эзат'*), *потп'исáт'*, *потт'ану́т'*, *потш'ыл*, *потсад'ыл* (ср. *подр'эзал*, *поднос'ыл*), *пот-кр'ышо́ј*, *пот-кровáт'ју* (ср. *под-лáвкој*), *нат-пóлкој* (ср. *над-лáвкој*), *б'ес-платкá* (ср. *без-рубáх'и*), *ис-кор'ита* (ср. *изложáн'и*), *роскаж'и*, *ропаш'и* (ср. *розлом'и́*, *розмоч'и́*, *розвоз'и́*).

§ 148. Фонема *в* перед согласными. В значительной части говоров, имеющих парную по глухости и звонкости фонему *в*, эта фонема перед глухими согласными выступает в варианте *ф*, сохраняя свое качество (*в*) перед остальными согласными. Ср. *голова́* — *голóфка* — *головнóј*; *кóрoвa* — *кóрoфка* — *бескóрoвнóј*; *фпyс'т'и́л* — *влóж'ыл*, *вд'элáл*; *ф-солóм'е*, *ф-с'én'е*, *ф-трав'е́*, *ф-шáпкe* — *в-ног'е́*, *в-рук'е́*, *в-мáсл'е*, *в-л'ес'у́*, *в-дóм'е*.

¹ Если не употребляется форма *л'áшт'е* при *л'áжу*.

² О наличии *к* или *х* в последних трех случаях см. ниже § 171. Литературному языку свойственно *кóхти* со звуком *х* при *к* в других словах.

Однако для части говоров, имеющих парную по глухости и звонкости фонему *в*, а также для говоров с внепарной фонемой *в* (*ѡ*) характерны иные изменения этой фонемы перед согласной. Прежде всего выделяется положение в начале слова и не в начале слова.

В этих говорах фонема *в* (*ѡ*) не в начале слова перед всякой согласной реализуется в своей вариации *ѡ* или *ѣ*: перед глухими — *лаѡка* или *лаѣка*, *канаѡка* или *канаѣка*, *д'ѣѡка* или *д'ѣѣка*, *корѡѡка* или *корѡѣка*, *л'ѣѡѡа* или *л'ѣѣѡа*, *заѡѡтра* (*заѡѡтр'а*) или *заѣѡтра*, *аѡѡа* или *аѣѡа* (от „овѣс“); перед звонкими — *праѡѡда* или *праѣѡда*, *кр'ѣѡѡда* или *кр'ѣѣѡда*; перед сонорными — *отпраѡѡл'а* или *отпраѣѡл'а* (ср. *отп'рав'ит'*), *лѡѡѡл'а* или *лѡѣѡл'а* (ср. *лов'ит'*), *рѡѡѡно* или *рѡѣѡно* (ср. не *рав'он час*), *д'ѣр'ѣѡѡн'а* или *д'ѣр'ѣѣѡн'а* (ср. *д'ѣр'ѣв'ѣнској*), *даѡѡно* или *даѣѡно*.

В тех же говорах фонема *в* (*ѡ*) в начале слова перед согласной реализуется в гласной *у*, совпадая таким образом с фонемой *у*. Например: перед глухой согласной: *поѡѡл у-пѡл'о*, *упал у-колѡѡд'ез*, *полоѡѡѡл у-ѡѡп'ку*, *у-ѡѡс обернѣѡс*, *вес' у-т'ѣб'ѣ* (=в тебя), *ус'иѡѡд'а*, *уч'ѣрѡѡс*, *уѡѡрн'ик*, *ус'а*, *у-траѡѡѡ*, *успаѡѡл*, *у-Курск*, *уѡѡѣ* (род. мн. от „вошь“); перед звонкими: *уѣѡѡл у-д'ѣр'ѣѡѡн'у*, *поѡѡл у-бѡл'н'ѣѡу*, *леѡѡл у-бал'н'ѣѡе*, *уѣѡѡл у-гѡѡрѡд*, *уѡѡл*, *удѡѡв'а*; перед сонорными: *поѡѡл у-л'ѣс*, *у-мѡр'а* (=в море), *уѡѡс'т'ѣ* (=вместе), *уѡл'ѣт'ѣл* (=взлетел), *уѣѡѡл у-Москѡѡѡ*, *у-Р'аѡѡн'*, *у-Л'ѣѡѡѡны*, *у-м'ѣн'ѣ* (=в меня), *уѡѡѡѡ*, *ур'ѣѡѡ'а*.

Гласная *у* вместо *в* произносится обычно или в абсолютном начале, т. е. после паузы, или в положении после согласной, например: *пр'иѡѡл у-д'ѣр'ѣѡѡн'у*, *он уѡѡл*. В положении после гласной обычно произносится *ѣ*: *пр'иѡѡл ѣ-д'ѣр'ѣѡѡн'у*, *ана ѣѡѡлѡѡ*.

Такое изменение создает почву для совпадения предлогов-приставок *в* и *у*: литературные формы *уѡѡс'т'ѣт'* и *ѡѡѡс'т'ѣт'*, *уѡѡс'ѣт'* и *ѡѡѡс'ѣт'*, *у-м'ѣн'ѡ*, *у-т'ѣб'ѡ* и *ѡ-м'ѣн'ѡ*, *ѡ-т'ѣб'ѡ*, *у-б'рѡѡѡѡ* и *ѡ-б'рѡѡѡѡ*, *у-мѡр'ѡ* и *ѡ-мѡр'ѣ* и т. д. в таких говорах не различаются, произносясь в обеих конструкциях одинаково: *уѡѡс'т'ѣт'*, *уѡѡс'ѣт'*, *у-м'ѣн'ѣ*, *у-т'ѣб'ѣ*, *у-б'рѡѡѡѡ*, *у-мѡр'ѡ* и т. д.

Естественно, что если в таких говорах под влиянием литературного языка или других говоров начинается тяга к различению этих предлогов-приставок, то последнее — за неимением в самом говоре критериев для различения того или иного предлога-приставки (*у* или *ѡ*) — дается нелегко: этот процесс часто сопровождается неправильным употреблением *ѡ* вместо *у* и наоборот: *ѡн'ѡс ис шѡѡѡѡѡ* и *уѡн'ѡс у-шѡѡѡѡѡ*; *спрос'ѣл ѡ-м'ѣн'ѣ* (=у меня), *ѡ-б'рѡѡѡѡ ѡѡѡѡ* и *ѡѣс' у-м'ѣн'ѣ* (=в меня), *ѡѣс' у-б'рѡѡѡѡ* (=в брата).

Относительно слоговости начального *у* вместо *ѡ* надо сделать следующее замечание: гласный звук *у* слоговой произносится в абсолютном начале и после согласных предшествующего самостоятельного слова: *уѡѡѡѡ*, *удѡѡѡѡ*; *поѡѡл у лес*, *он уѡѡл*, *уѡѡѡѡѡл*; после гласной предшествующего слога звук *у* может примыкать к этой гласной, закрывая собою слог, и быть таким образом неслоговым:

она-ў|довá; пошла-ў|л'ёс, она-ў|з'ула. Ср.: у-хáту-ў-твайú; а т'еб'ё-ў|с'б-н'ёту.

§ 149. В отдельных говорах, имеющих или имевших ранее фонему в губно-губного образования, перед глухой согласной в связи с оглушением *ш* произносится *х* (образование этого звука на месте подвергшейся оглушению фонемы *ш*, т. е. на месте *ф*, было объяснено выше; см. § 145): *тра́хка*, *д'ёхка*, *ла́хка*, *кана́хка*, *коро́хка*.

Во многих русских говорах губные согласные, в том числе и фонема *в* (*ш*), перед мягкими задненебными смягчаются. Ср., например, в старом московском произношении: *ла́фка* — из *ла́ф'к'и*, *тра́фка* — *тра́ф'к'и*, *каро́фка* — *каро́ф'к'и*, *д'ёфка* — *д'ёф'к'и* (рядом с *ша́пка* — *ша́п'к'и*, *шу́пка* — *шу́п'к'и*, *н'ёмка* — *н'ём'к'и*).

В говорах, имеющих на месте *в* (*ш*) перед глухой согласной *х*, в случае смягчения этой глухой согласной смягчается и *х*, вместо которого звучит *х'*; однако надо иметь в виду, что звук *х* в этом положении при сильной палатализации степени очень близок к *j* (*й*), а по говорам даже не отличается от *j* (*й*). Поэтому при наличии по говорам *тра́фка* — *тра́ф'к'и* или *тра́ўка* — *тра́ў'к'и* в иных говорах, имеющих *х* вместо *в* (*ш*), мы находим: *тра́хка* — *тра́х'к'и* или *тра́йки*, *д'ёхка* — *д'ёх'к'и* или *д'ёй'к'и*, *ла́хка* — *ла́х'к'и* или *ла́й'к'и*. Такое произношение отмечено в некоторых говорах северных районов Рязанской области.

§ 150. В связи с описанными выше особенностями реализации фонемы *в* (*ш*) в начале слова перед согласной — по говорам имели место некоторые аналогические процессы: например, появляется форма *ув'ёс* вместо *в'ес* под влиянием форм женского и среднего родов, косвенных падежей и множ. числа (ср.: *ус'á*, *ус'ó*; *ус'аўó*, *ус'аму́*; *ус'ё*, *ус'ёх*). Появляются формы *ува-ус'ёх*, *ува-двор* и др. как бы с удвоением предлога, видимо, под влиянием форм: *у-но́ло*, *у-л'ёс* и т. д. Сюда, может быть, можно было бы прибавить случаи вроде *ув-дз'еро*, *ув-огон'*, *ув-ос'ен'*; *ув-од'йн' рас*, *ув-ов'ёс*, *ув-угол*, и т. д., если соответствующие слова в этом же говоре начинаются с гласных, а не с *в* (т. е. если произносятся: *дз'еро*, *ог'он'*, *ов'ёс*, *од'йн*, а не *во́дз'еро*, *вог'он'*, *вов'ёс* и т. д.). Однако такое произношение часто слышится в говорах, в которых эти слова начинаются с протетического *в* (*ш*). При наличии *во́дз'еро*, *ваў'он'*, *вастр'ох*, *вако́шко*, *вав'ёс* и т. д. сочетания типа *у-во́дз'еро*, *у-ваў'он'*, *у-вастр'ох*, *у-вако́шко*, *у-вав'ёс* членятся таким образом, что к предлогу относится только *у*.

§ 151. В говорах, имеющих в положении после гласных перед согласными губно-губное *в* (*ш*) или *ў*, звуки *ш*, *ў* всегда замыкают собой слог, так что предшествующий слог оказывается закрытым и слогораздел проходит между *ш* (или *ў*) и следующей согласной: *ла́ш|ка* или *лаў|ка*, *тра́ш|ка* или *траў|ка*, *ча́лбш|ка* или *чалбў|ка*, *даш|но́* или *даў|но́*, *пра́ш|да* или *праў|да*, *оста́ш|ла́т'* или *остаў|ла́т'* и т. д.

Напротив, в говорах, имеющих в том же положении губно-зубные звуки — *в* (перед звонкими и сонорными) и *ф* (перед глухими), — эти звуки начинают собой слог. Таким образом, предшествующий слог в таких говорах оказывается открытым: слогораздел проходит перед сочетанием согласных, начинающихся с *в* (*ф*), а последующий слог начинается этим сочетанием: *ла́|фка*, *тра́|фка*, *голо́|фка*, *да|внó*, *пра́|вда*, *оста́|вл'áт'*.

§ 152. Под влиянием литературного языка и многих говоров говоры, имеющие на конце слова и перед глухой *ш* или *ў*, нередко заменяют эти звуки звуком *ф*: вместо *коро́ў*, *чо́лоў*, *тра́ўка*, *чо́лоўка* появляется *коро́ф*, *голо́ф*, *тра́фка*, *голо́фка*. Надо иметь в виду, что если этими говорами не

освоена фонема *ф* в самостоятельном употреблении, а в соответствии с нею произносятся *хв*, *х* и т. д. (*хвона́р'*, *хла́к* и т. д.), то звук *ф* в таких случаях, как *тра́фка*, *голо́ф*, является не вариантом фонемы *в*, а лишь её вариацией, так как изменение фонемы *в* в *ф* не совпадает с изменением какой-либо другой фонемы.

Глухие согласные перед звонкими.

§ 153. Глухие парные согласные перед звонкими парными (кроме *в*, *в'*) озвончаются, совпадая со звонкими фонемами в одном общем звонком варианте. Ср., например *коз'ба* и *р'ез'ба* при *кос'йт'* и *р'эзат'*: фонемы *с'* и *з'* перед звонкой согласной *б* совпадают в звуке *з'*. Или: *молод'ба* и *ход'ба* при *молот'йт'* и *ход'йт'*. Здесь также глухая и звонкая фонемы (*т'* и *д'*) перед звонкой (*б*) совпадают в общем звонком варианте (*д'*). Другие примеры: *ка́г-же* (ср.: *ка́к-это*), *та́г-же* (ср.: *та́к-ли*), *то́д-же* (ср.: *то́т-ли*).

Примеры на озвончение глухой согласной приставки перед звонкими парными согласными: *з-бра́том*, *з-горы́*, *з-д'ёр'ева*, *з-з'имы́* (ср.: *с-ати́ом*, *с-р'аб'ины*, *с-л'эта*); *збро́сил*, *здав'ыл*, *згор'ёл* (ср.: *ср'эзал*, *слом'ыл*, *свар'ыл*); *одбро́сил*, *оддав'ыл*, *одгор'ёл* (ср.: *отр'эзал*, *отлом'ыл*, *отвар'ыл*). В этих примерах звонкие согласные в конце предлогов и приставок являются вариантами глухих фонем, так как в сильном положении, где глухие и звонкие фонемы различаются и выступают поэтому в своем основном виде, в конце этих же приставок и предлогов произносятся глухие согласные.

В говорах, имеющих *г* взрывное, фонема *к* перед звонкими парными согласными, озвончаясь, совпадает с фонемой *г*, выступает в своем звонком варианте *г*: *г-з'им'ё*, *г-женё*, *г-бол'н'ице*, *г-д'ёр'еву*, *г-горо́ду*¹ (ср.: *к-ла́вк'е*, *к-ло́д'ке*, *к-о́з'еру*).

Глухие внепарные согласные озвончаются в том же положении, в каком озвончаются глухие парные, т. е. перед звонкими парными. Например: *ле́д'ж'-бы* (лечь бы), *до́д'ж'-бы* (дочь бы), *оте́дз-бы* (отец бы); в говорах с *г* взрывным, где *х* является внепарной: *засо́г-бы* (засох бы), *дву́г-бы* (двух бы). Звонкие согласные *д'ж'*, *дз*, *г* в приведенных примерах являются вариациями фонем *ч'*, *ц*, *х*, ввиду отсутствия в системе языка соответствующих звонких фонем.

§ 154. Следует сделать одно замечание о говорах с *г* фрикативным (*γ*), где фонема *к* является внепарной. В таких говорах фонема *к*, озвончаясь перед звонкой парной согласной, выступает в своей вариации *г*, например: *г-з'им'ё*, *г-з'ем'ё*, *г-женё*, *г-жен'иху́*, *г-жо́рнову*; *г-го́роду*, *г-го́р'ё*, *г-го́ст'у*. Звук *г* в таких говорах является вариацией фонемы *к* (а не её вариантом), ввиду отсутствия в них соответствующей звонкой взрывной фонемы *г*. Впрочем, известны и случаи произнесения *γ* вместо предлога *к* в таких говорах: *γ-женё*, *γ-го́роду*.

Процесс озвончения согласных представлен в русском языке более узко, чем процесс оглушения звонких, который количественно значительно преобладает над первым. Случаи озвончения глухих представлены лишь в сравнительно ограниченных категориях.

¹ Если в последних трех примерах в результате диссимиляции не произносится *γ*: *γ-бо́льнице*, *γ-де́реву*, *γ-го́роду* (об этом см. ниже, § 171).

§ 155. Среди согласных, образуемых с помощью голоса и шума, выделяется группа сонорных. Сонорные фонемы характеризуются преобладанием голоса над шумом и внепарностью по глухости и звонкости (т. е. отсутствием соответствующей парной глухой фонемы). Кроме того, они характеризуются тем, что перед ними различаются глухие и звонкие согласные и, наконец, тем, что при сочетаниях с последующими шумными согласными они отходят к предыдущему слогу, образуя таким образом закрытый слог.

§ 156. Обыкновенно к сонорным в русском языке относят фонемы *р, р', л, л', м, м', н, н'*; но к ним следует отнести также фонему *ј* (*й*), которая функционально ничем не отличается от перечисленных выше согласных: 1) у всех этих согласных, как и у *ј*, отсутствует глухая пара; 2) перед ними, как и перед *ј*, различаются глухие и звонкие согласные (ср.: *крѳм'е* и *гром*, *с'л'ит'* и *з'л'ит'*, *отм'енной* и *надм'енной*, *кнут* и *гнут* и рядом *п'ју* и *б'ју*, *шјом* и *ружјѳм*, *колѳб'ја* и *полѳз'ја*; 3) при сочетании с последующими шумными согласными они, как и *ј*, замыкают собой предшествующий слог, делая его закрытым (*кур|ка*, *мал|ч'и*, *лам|па*, *зѳн|ко* и рядом *бој|ца*, *чај|ку*, *пај|ка*).

§ 157. Неодинаково положение губных фрикативных звонких в системе согласных разных говоров. В говорах, где фонемы *в, в'* являются парными по глухости и звонкости (т. е. где имеются соответствующие глухие фонемы *ѳ, ѳ'*), эти фонемы перед согласными произносятся, как звуки губно-зубного образования *в* или *ѳ* (*п'равда*, *лаѳка*), и в отношении слогоделения отходят к следующему слогу, благодаря чему предшествующий слог оказывается открытым (*п'равда*, *лаѳка*); по отношению к таким говорам можно считать, что фонемы *в, в'* относятся к шумным согласным. Однако с сонорными эти фонемы роднятся тем, что перед ними различаются глухие и звонкие согласные. Ср.: *твоѳх* и *двоѳх*, *твар'* и *два*, *сват* и *зван*, *сѳ'ол* и *изѳ'ол* и т. д. Если в говорах, подобных только что охарактеризованному, фонемы *в, в'* занимают как бы промежуточное положение между категориями сонорных и шумных согласных, то в других говорах они полностью относятся к сонорным. Таковы говоры, в которых фонемы *в, в'* являются внепарными по глухости и звонкости (т. е. где отсутствуют соответствующие глухие фонемы *ѳ, ѳ'*) и в которых эти фонемы перед согласными произносятся как *у* или *ѳ* и при сочетании с последующими шумными согласными отходят к предшествующему слогу, образуя закрытый слог (*п'раўда*, *лаўка*, *траўка* или *п'раѳда*, *лаѳка* *траѳка*).

Таким образом, фонемы *в, в'* в одних говорах полностью относятся к сонорным, в других в большей или меньшей степени приближаются к ним, входя, в основном, в категорию шумных согласных. Но во всех русских говорах перед *в, в'*, как и перед сонорными, глухие и звонкие различаются. Эти противоречия в отношении места фонем *в, в'* в системе согласных русских говоров объясняются развитием этих согласных из гласного звука *у*. А как известно, сонорные звуки являются промежуточными между гласными и шумными согласными. Более старые отношения, видимо, сохранены теми говорами, в которых *в, в'* еще полностью относятся к категории сонорных согласных.

Согласные твердые и мягкие.

Соотносительный ряд твердых и мягких согласных.

§ 158. Соотносительный ряд согласных фонем, твердых и мягких, в русском языке включает в себя до 12 пар фонем. Фонемы, входящие в каждую из этих пар, по своему образованию отличаются

друг от друга отсутствием или наличием дополнительной, „йотовой“ артикуляции. Эти пары следующие: $n:n' = б:б' = ф:ф' = в:в' = м:м' = т:т' = д:д' = с:с' = з:з' = л:л' = н:н' = р:р'$. Литературный язык и значительная часть русских говоров имеют все эти 12 пар твердых и мягких фонем. Другая часть русских говоров, в которых отсутствуют губные фрикативные глухие фонемы ($ф, ф'$), обладает лишь 11 парами таких фонем. Остальные возможные 10 согласных фонем ($щ, ж, ш', ж', х, j, ц, ч', г, к$) соотносительных пар по твердости и мягкости не образуют. Одни из них по говорам являются твердыми, другие мягкими, но все они по твердости и мягкости внепарны, так как в системе согласных каждого из русских говоров отсутствуют соответствующие твердые, если они мягки, и соответствующие мягкие, если они тверды.

В сильном положении твердые и мягкие парные согласные различаются, т. е. выступают в своем основном виде и служат для различения значений. В слабом положении они могут совпасть в одном общем варианте.

Сильное положение для твердых и мягких согласных.

§ 159. Сильным положением для твердых и мягких парных согласных — всех или части — по русским говорам является положение на конце слова, перед рядом гласных фонем ($а, о, у, и$, частично $ъ$), перед задненебными и твердыми губными.

1. Во всех русских говорах парные язычные твердые и мягкие согласные фонемы различаются на конце слова. Ср.: *брат* и *брат'*, *вз'ат* и *вз'ат'*, *пуст* и *пуст'*, *сл'ес* (слез) и *сл'ес'* (слезь), *одб'рос* и *одб'рос'*, *м'ел* и *м'ел'*, *стал* и *стал'*, *вон* и *вон'*, *кон* и *кон'*, *жар* и *жар'*, *удар* и *удар'*.

Парные твердые и мягкие губные согласные на конце слова различаются лишь в части русских говоров а также в литературном языке; ср.: *цеп* и *цеп'*, *сруп* (сруб) и *вглуп'* (вглубь), *с'jem* и *с'ем'*, *упр'ам* и *впр'ам'*, *кроф* (кров) и *кроф'* (кровь), *готѡф* и *готѡф'*, а также *голуп'* (голубь), *руп'* (рубль), *сып'*, *на-з'ем'*, *на-с'ем'*, *л'убѡф'* (любовь), *остѡф'* (оставь), *моркѡф'*¹ и т. д. Однако широко известны и такие русские говоры, в которых на конце слова твердые и мягкие губные не различаются. В таких говорах на конце слова произносятся губные только твердые: *цеп* как вместо *цеп'*, так и вместо *цеп'*; *готѡф* (или *готѡш, готѡу*) как вместо *готов*, так и вместо *готов'*; *кроф* (или *крош, кроу*) как вместо *кров* так и вместо *кров'*; *сруп* и *вглуп*, *с'jem* и *с'ем*, *упр'ам* и *впр'ам*, а также *голуп*, *руп*, *сып*, *на-з'ем*, *на-с'ем*, *л'убѡф* (или *л'убѡш, л'убѡу*), *остѡв* (или *остѡш, остѡу*), *моркѡф* (или *моркѡш, моркѡу*)¹ и т. д. Такое произношение широко известно среди говоров Вологодской группы, в Новгородских говорах и ряде других.

¹ Если не употребляется известная по некоторым русским говорам форма *моркѡв*.

Таким образом, для язычных твердых и мягких парных согласных конец слова является сильным положением во всех русских говорах. Для губных же твердых и мягких согласных конец слова является сильным положением в одних говорах (где твердые и мягкие губные различаются) и слабым — в других (где они не различаются, совпадая в твердых).

2. Во всех русских говорах парные твердые и мягкие согласные различаются перед гласными *а, о, у, и*, частично *ё*.

Перед *а*: *мал* и *м'ал*, *вал* и *в'ал*, *пáл'цы* и *п'áл'цы*, *ста́нут* и *ст'áнут*, *пта́шка* и *пт'áшка*, *судá* и *суд'á*, *к-са́ду* и *с'áду*, *оз'áб* и *за́пад*, *ра́д* и *р'áд* (ряд), *гла́д'* и *гл'áд'* (глядь), *о́на* и *ко́н'á*.

Перед *о*: *вол* и *в'ол*, *мол* и *м'ол*, *пост* и *п'ос*, *ворс* и *в'орст*, *сто́пка* и *ст'о́пка*, *дом* и *ид'ом*, *то́лка* и *т'о́лка*, *взор* и *з'о́рна*, *ров* и *р'ов*, *гроб* и *гр'об*, *нос* и *н'ос*, *ло́ва* и *л'о́ва* (Лёва).

В говорах, не знающих результата изменения *е* в *о*, звук *о* после мягких согласных употребляется только в некоторых падежных окончаниях и в уменьшительном суффиксе *-ок* (см. выше § 24). Поэтому различение твердых и мягких согласных перед *о* в таких говорах ограничено только падежными окончаниями и названным суффиксом: *п'ил'о́ж* — *з'ем'л'о́ж*, *сто́лом* — *ду́пл'о́м*, *ша́ром* — *фо́нар'о́м*, *уго́лок* — *угол'о́к*, *брат'о́к* — *з'ат'о́к*, *кус'о́к* — *гус'о́к*. В других случаях после мягких согласных произносится *е*, после твердых *о*; ср.: *подно́с* и *подн'ёс*, *вол* и *в'ел*, *прив'ёл*, *то́нок* и *кот'ёнок* и т. д.

Перед *у*: *колу́* (дат. п. ед. ч.) и *кол'у́*, *п'илу́* (вин. п. ед. ч.) и *п'ил'у́*, *к-сто́лу* и *ст'ел'у́*, *жа́ру* и *жа́р'у*, *злу* и *зл'у*, *те́плу́* и *ут'епл'у́*, *лук* и *л'ук*, *блуд* и *бл'уд*, *стук* и *т'ук*, *сру́бу* и *го́луб'у*, *сле́ду* и *ме́дв'ёд'у*.

Перед *и*: *забы́л* и *заб'ил*, *мышка* и *м'и́шка* (Мишка), *вы́дано* и *в'идано*, *ты́на* и *т'и́на*, *сыт* и *с'и́то*, *з-гор'ы́* и *гор'и́*, *вади́* и *вад'и́*, *плати́* и *плат'и́*, *п'илы́* и *земл'и́*, *в-ыно́м* (в ином) и *в'ино́м*, *с-и́вој* (с ивой) и *с'и́вој*. Так как в последней группе примеров имеется одна и та же гласная фонема, а именно *и*, причем *ы* является вариацией фонемы *и*, обусловленной положением после твердой согласной (об этом см. выше § 27), то, следовательно, приведенные слова отличаются друг от друга согласной фонемой — твердой или мягкой.

В немногих говорах (например, у так наз. „терюхан“ — Дальне-Константиновский р-н Горьковской области) парные твердые и мягкие губные не различаются перед фонемой *и*, так как твердые губные перед *и* смягчаются, совпадая с мягкими губными в одном общем варианте; например, произносятся: *сноп*, *снопа́*, *снопу́*, но *сноп'и́*; *клоп*, *клопа́*, *клопу́*, но *клоп'и́*; *боп*, *боба́*, *бобу́*, но *боб'и́*; *м'и* *б'или* (мы были), *в'и* *заб'и́ли* (вы забыли), *б'и́стро* (быстро), *м'и́ло* (мыло), *п'и́лно* (пыльно), *коп'и́то* (копыто), *б'ик* (бык).

Перед *ё* (*уо*). В говорах, имеющих особую фонему *ё* (*уо*), эта фонема закономерно употребляется после твердых парных согласных, а также *к, г, х* (см. выше § 23). Однако под влиянием некоторых именных форм твердой разновидности с *ё* (*уо*) эта фонема может проникнуть в соответствующие формы мягкой разновидности. В связи

с этим по говорам, хотя и в немногих случаях, перед гласной *о* (*уо*), относящейся к флексии, твердые и мягкие согласные могут различаться; ср.: *п'ил'уој* и *з'емл'уој*, *конопл'уој*; *горуој* и *зор'уој*; *с'елуо* и *дупл'уо*, *п'оруо*, *нутр'уо*.

3. Во всех русских говорах парные твердые и мягкие согласные язычные различаются перед губными и задненебными; ср.: *изб'а* и *р'ез'ба*, *смог'у* и *пис'мо'*, *т'ес'ма*; *изм'уч'ил* и *ваз'м'у'*², *в'аз'ма*, *в'аз'мо*; *ман'ка* (крупа) и *ман'ка*, *бан'ка* и *бан'ка*, *вар'ка* и *вар'ка*, *гор'ка*, и *гор'ка*, *кол'ка* и *кол'ка*, *р'ётко* и *р'ёт'ка*, *вол'га* и *ол'га*.

Примечание. По говорам встречается мягкость задненебных после мягких согласных (*бан'ка*, *ман'ка* и т. д.; об этом см. подробнее ниже, §§ 167 и 168). Следует иметь в виду, что в таких говорах мягкость задненебных обусловлена мягкостью предшествующей согласной, но никак не наоборот. Перед мягкой задненебной предшествующая согласная различается по твердости и мягкости; ср.: *бан'ки* и *бан'ки*, *ман'ки* и *ман'ки*, *р'ётки* и *р'ётки* и т. д.

По говорам произносится мягкое *р* перед задненебными и губными в сочетаниях, восходящих к старому сочетанию *tyrt*: *ч'етв'ёр'г* *в'ер'х*, *з'ёр'кало*, *цёр'ков'*, *м'ёр'кн'от*, *д'ёр'гат'*, *коч'ер'г'а*, *п'ёр'вој* *с'ер'п*, *в'ёр'ба* и др.

Мягкость звука *р* в этих случаях первоначально была обусловлена положением после определенной гласной переднего ряда перед губными или задненебными согласными. В одних говорах эта обусловленность сохраняется, в других она утрачена.

Однако в значительной части русских говоров, а также в литературном языке в настоящее время в приведенных выше случаях произносится твердое *р*: *ч'етв'ёр'г*, *в'ер'х*, *з'ёр'кало*, *п'ёр'вој*, *с'ер'п*, *в'ёр'ба* и т. д. Впрочем, литературному языку еще недавно было свойственно и мягкое *р*. В словах *в'ер'х*, *в'ер'хом*, *цёр'ков'*, *ч'ьтв'ёр'г* (т. е. перед задненебными) мягкое *р* можно встретить еще и в настоящее время. В слове *п'ёр'вој* мягкое *р* произносил, например, Л. Н. Толстой (это зафиксировано в записи на граммофонную пластинку речи Л. Н. Толстого). Для более раннего времени можно припомнить надпись, высеченную на памятнике Петру Первому в Ленинграде: *Петру первому Екатерина вторая*.

Фонемы *л* и *л'* различаются не только перед губными и задненебными, но также и перед другими согласными, в том числе мягкими. Ср.: *пол'з'и* и *пол'з'ит'ел'но*, *вол'на* и *вол'на*, *пол'но* и *бол'но*, *полн'еје* и *бол'н'еје*; *потол'ше* (потолще) и *бол'ше*, *мал'ч'и* и *мал'ч'ийшк'и* и т. д. Таким образом, для фонем *л* и *л'* положение перед любой согласной является сильным.

Примечание. В некоторых с-в-р говорах вместо мягкого *л'* перед *н*, *ш* произносится твердое *л* (например, *болш'ој*, *колокол'на*, *болн'ој* и т. д.).

¹ По говорам представлена и твердость *с* перед *м*: *пис'мо*.

² По говорам представлена и твердость *з* перед *м* и *м'*: *возм'у*, *возм'и*.

Однако и в таких говорах фонемы *л* и *л'* перед *н* и *ш* нередко различаются, так как вместо твердого *л* в этом положении часто произносится *у́* (*потбу́ше*, *по́уно*). Об этом см. ниже §§ 176—179.

Твердые и мягкие парные губные согласные перед согласными не различаются. Даже перед губными и задненебными, перед которыми другие парные согласные различаются по твердости и мягкости, губные согласные не различают твердости и мягкости. В русском языке нет противопоставления сочетаний типа *бв* и *б'в*, *мб* и *м'б*, *пк* и *п'к*, *жк* и *ж'к* и т. д. внутри слова: перед твердыми губными и задненебными произносятся только твердые же губные.

Степень противоположности парных твердых и мягких согласных.

§ 160. Противопоставленность твердых и мягких согласных друг другу неодинакова для разных согласных и в разных положениях, как неодинакова и по разным говорам. Учитывая то и другое, можно считать наиболее резко противопоставленными друг другу согласные язычные сонорные *н* — *н'*, *л* — *л'*, *р* — *р'*; слабее противопоставлены остальные язычные *т* — *т'*, *д* — *д'*, *с* — *с'*, *з* — *з'*; еще слабее противопоставлены друг другу губные *п* — *п'*, *б* — *б'*, *м* — *м'*, *в* — *в'* и, в особенности, *ф* — *ф'*.

Важнейшим положением, которое позволяет выделить твердые и мягкие согласные как особые фонемы, является конец слова, так как перед гласной твердость или мягкость согласной может зависеть от последующей гласной. Между тем на конце слова во всех русских говорах различаются только первые две группы твердых и мягких согласных. Губные на конце слова различаются по твердости и мягкости только в части говоров. Выделяя в слове *пыл'* мягкую согласную фонему *л'*, мы эту же фонему узнаем в словах *л'амка*, *л'ук*, *л'ак*, считая более передний характер *а*, *у* обусловленным их положением после мягкой согласной. Точно так же выделяя фонему *л* в слове *мыл*, мы ту же фонему узнаем в *ла́вка*, *лу́к*, *лы́ко*, считая более заднее образование звука *ы* обусловленным положением его после твердой согласной, так как в начале слова не после согласной произносится только *и*. Именно таким образом мы различаем *л* и *л'* в качестве разных фонем, объединяя *а* и *а'*, *у* и *у'*, *и* и *ы* как вариации одной и той же фонемы.

Точно так же в слове *с'ем'* (с мягкой *м'*) выделяется фонема *м'*, которая наличествует в слове *м'ал*, а в слове *сам* — фонема *м*, которая имеется в словах *мак*, *мост* и т. д.

Иначе обстоит с твердыми и мягкими губными в говорах, в которых они на конце слова не различаются, — в которых на конце слова произносятся только твердые губные (*л'убо́бш* или *л'убо́ш*, *с'ем рас*, *сын*). Слова *мот* и *м'от* (мёд) или *пáл'цы* и *п'áл'цы* с физиолого-акустической точки зрения отличаются друг от друга в двух отношениях: твердостью или мягкостью согласных (*м* или *м'*, *п* или *п'*) и качеством последующей гласной (*о* или *ó*, *а* или *á*). Не имея возможности по отношению к таким говорам выделить мягкость и твердость губных на конце слова, мы сталкиваемся с серьезным затруднением при решении вопроса о том, какое из этих двух различий является основным, обусловливающим, и какое, напротив, второстепенным, зависимым, обусловленным. В самом деле: как установить, что в словах *мот* и *м'от* (мёд), *пáл'цы* и *п'áл'цы* — разные согласные фонемы (*м* и *м'*, *п* и *п'*) и одна и та же гласная фонема (*о* в первой паре слов, *а* — во второй), выступающая в разных своих вариациях, обусловленных твердостью или мягкостью предшествующей согласной (*о* или *ó*, *а* или *á*), если саму эту мягкость и твердость согласной мы не можем изолировать от следующей гласной (в говорах, не знающих мягких губных на конце слова)?

Если не учитывать в должной мере всей системы языка, то из анализа подобных примеров не трудно сделать и обратный вывод о том, что в них — разные гласные фонемы и одна и та же согласная фонема в ее твердой и мягкой разновидности, обусловленной качеством гласной. В этих примерах по отношению к говорам, не различающим на конце слова мягкости и твердости губных, четче выделяются целые слоги как „твердые“ или „мягкие“ (*мо* и *м'о*, *па* и *п'а*), чем отдельные фонемы. Однако, учитывая всю систему согласных таких говоров, где имеются рядом сочетания *ро — р'о*, *ра — р'а*, *ло — л'о*, *ла — л'а*, *то — т'о*, *та — т'а* и т. д., в которых твердые и мягкие согласные фонемы выделяются, так как они различаются на конце слова, в сочетаниях с губными (*мо — м'о*, *па — п'а* и т. д.) мы также выделяем твердость и мягкость согласных как фонемообразующую категорию, хотя и с гораздо меньшей отчетливостью. К такому же выводу мы приходим, имея в виду, что в части русских говоров и в литературном языке твердые и мягкие губные различаются на конце слов и потому противопоставляются друг другу с достаточной определенностью.

Таким образом, в говорах, не различающих твердость и мягкость губных на конце слова, противопоставленность этих фонем друг другу выражена значительно слабее, чем в говорах, различающих их.

§ 161. Неодинаково также противопоставление отдельных групп твердых и мягких согласных перед разными гласными. Это имеет свое историческое объяснение: парные мягкие согласные имеют разное происхождение — одни из них (так называемые исконно смягченные согласные) восходят к доисторическим сочетаниям с *j* (таковы *н'*, *л'*, *р'* из *nj*, *lj*, *rj*)¹; другие (так называемые согласные вторичного смягчения) восходят к старым несмягченным согласным, которые позднее в говорах восточных славян в положении перед гласными переднего ряда смягчились, причем *н'*, *л'*, *р'* этого происхождения совпали с *н'*, *л'*, *р'* из сочетаний с *j* (такowymi могут быть все парные мягкие согласные). Наконец, любые мягкие парные согласные могут явиться на стыке с гласными окончаний в результате морфологических процессов (например, влияния одних типов склонения на другие. Ср.: *звѣр'ѣм*, *гвозд'ѣм*, *голуб'ѣм*, *звѣр'у*, *голуб'у*, *гвозд'ѣм* и т. д.).

Твердые и мягкие *н*, *л*, *р* в достаточной мере противопоставлены друг другу перед всеми гласными, перед которыми твердые и мягкие согласные вообще различаются. Слова и формы с сочетаниями *ны — н'а*, *на — н'а*, *но — н'о*, *ну — н'у*; *лы — л'и*, *ла — л'а*, *ло — л'о*, *лу — л'у*; *ры — р'и*, *ра — р'а*, *ро — р'о*, *ру — р'у* широко представлены в русском языке. Это объясняется тем, что мягкие *н'*, *л'*, *р'* восходят ко всем трем указанным выше источникам.

Твердость и мягкость остальных согласных перед фонемой *и* представлена также достаточно широко (ср. слова и формы с сочетаниями *ты — т'и*, *ды — д'и*, *сы — с'и*, *зы — з'и*, *пы — п'и*, *бы — б'и*, *мы — м'и*, *вы — в'и*); однако перед другими гласными она представлена несколько менее широко. Это связано, вероятно, с тем, что фонетически мягкие губные всегда, а мягкие зубные в значительной части случаев² восходят лишь к одному источнику: это так называемые согласные вторичного смягчения, которые образовались из несмягченных согласных в положении перед гласными переднего образования. Например, слоги *т'о*, *д'о*, *с'о*, *з'о*, *п'о*, *б'о*, *м'о*, *в'о* обычно восходят к несмягченным согласным *+е* или *ь* в сильном положении (ср.: *т'омној*, *ид'ѣм*, *с'ѣла*, *з'ѣрна*, *п'ѣх*, *б'ѣдра*, *м'ѣл*, *в'ѣл*), слоги *т'а*, *д'а*, *с'а*, *з'а*, *п'а*, *б'а*, *м'а*, *в'а* восходят обычно к сочетаниям несмягченных согласных и гласной *е* носовой (*т'ѣга*, *г'ѣд'ѣт*, *д'ѣду*, *з'ѣбну*, *п'ѣтој*, *л'уб'ѣ*, *м'ѣл*, *в'ѣл*). Позднее появляются такие же сочетания на стыках с гласными падежных

¹ А также — в ограниченном количестве случаев — *с'* и *з'* из *ch*, *g* в результате одного из процессов палатализации задненосных, например, в словах *в'еѣ'*, *кн'ѣз'*.

² Звуки *с'*, *з'* в немногих сравнительно случаях являются исконно смягченными и восходят к *ch*, *g* в определенных фонетических условиях.

окончаний в результате морфологических процессов — влияния одних типов склонения на другие, например: *гвозд'ом, гвозд'ѣм, голуб'ѣм, голуб'ѣх, лошад'ѣм, в цеп'ѣх*; по говорам: *гус'ом, гус'ѣм, медвед'ом, медвед'ѣх* и т. д.

Наконец, еще более слабо противопоставление твердости и мягкости этих согласных перед *у*. Это объясняется тем, что сочетания мягких согласных (кроме *к', л', р'*) с *у* не могут быть фонетического происхождения: они обычно являются на стыках с гласными надежных окончаний в результате морфологических процессов (*гвозд'у, голуб'у, медвед'еду*; по говорам: *гл'ад'у, молот'у, прб'су, вб'зу, куп'у, л'уб'у* и т. д.). В немногих словах в середине слова эти мягкие согласные перед *у* являются в словах заимствованных, в словах эмоциональных, а также в отдельных словах неясного происхождения (например: *т'ук, т'укнут, ст'ухат', т'ур'а, з'ука; с'т'уд'ен'* рядом со *студ'ен'* и др.)¹.

Особенно слабо противопоставление фонем *ф* и *ф'* (в говорах, где такие имеются). Это объясняется их иноязычным происхождением: едва ли можно в русском языке подобрать два таких слова, которые бы отличались друг от друга только твердостью или мягкостью *ф*, так как мягкость *ф* перед *о, а, у*, т. е. слоги *ф'о, ф'а, ф'у* почти не представлены в нем.

§ 162. Наконец, неодинаково также противопоставление разных групп твердых и мягких парных согласных перед губными и заднеязычными. Как было указано выше, в этом положении по твердости и мягкости различаются язычные согласные, но не различаются губные (ср. *бан'ка* и *бан'ка*, но только *гуп'ка*: сочетания *п'к* внутри слова нет в русском языке). Это также выделяет категорию губных согласных, в которой твердость и мягкость менее противопоставлены, чем у согласных язычных.

Таким образом, противопоставленность разных групп твердых и мягких согласных перед разными гласными, а также перед заднеязычными и губными согласными в разных говорах неодинакова.

Твердые и мягкие парные согласные в слабом положении.

§ 163. В других положениях твердые и мягкие согласные не различаются, совпадая друг с другом в одном варианте. Эти положения поэтому являются слабыми. К слабым положениям для всех парных твердых и мягких согласных относится положение перед гласными фонемами переднего ряда неверхнего подъема (*ѐ, е*). Для определенных групп парных твердых и мягких согласных слабым положением является также положение перед определенными согласными.

В этих положениях твердые согласные обычно смягчаются, совпадая с соответствующими мягкими.

Твердые и мягкие парные согласные перед гласными *ѐ, е*.

§ 164. Твердые согласные перед *ѐ* и ее соответствиями по говорам, а также перед фонемой *е* в той мере, в какой она представлена без изменения в *о*, смягчаются, совпадая с соответствующей мягкой. Ср., например: *ра'на — бан'а, ра'ны — бан'и, ра'ну — бан'у*, но *в-ра'н'е — бан'е* (в обоих случаях с *н'*). Или *д'ѐло — пол'о*,

¹ В литературном языке, где заимствованных слов значительно больше, — больше и противопоставленность этих твердых и мягких согласных перед *у*, так как там больше случаев с мягкими парными согласными перед этой гласной. Ср.: мягкие губные перед *у*: *б'уст, б'уа'р, б'уро, б'удж'ет, н'ур'е, н'уп'ѣтр, д'уш'е* и т. д.

д'ела — пол'а, д'елу — пол'у, но в-д'ел'е, в-пол'е (в обоих случаях с л').

Иллюстрируем это примерами.

1. Твердые парные согласные смягчаются перед фонемой *ê* и ее соответствиями в других говорах: вода́, на-вод'е́, гора́ — на-гор'е́, ст'ена́ — на-ст'ен'е́, стол — на-стол'е́, сноп — в-сноп'е́, с'оло́ — в-сел'е́; ср. также: д'ело, в'ера, м'ера, с'ено, с'ел, п'ел, р'езам'.

2. Твердые парные согласные смягчаются перед *e*, не изменившимся в *o*. Звук *e*, не изменившийся в *o*, представлен в литературном языке и большей части говоров обычно перед мягкой согласной. Довольно широко известно по говорам (особенно ю-в-р) *e* в личных окончаниях глаголов как перед мягкой согласной, так и перед твердой (отвердешью или исконно твердую). Ср. по говорам: н'есу́ — н'ес'еш, н'ес'ет, н'ес'ем, в'еду́ — в'ед'еш, в'езу́ — в'ез'еш, гр'ебу́ — гр'еб'еш; примеры с *e* в корнях: с'ел'ско́й (при с'о́ла), в'ес'ел'жо́ (при в'ес'о́лој), б'ер'ез'ник (при бер'о́за), д'ен' (при п'ам' д'о́н), д'ер'е-в'ја́ (при д'ер'о́в), н'ес'т' (при н'ос).

В говорах, не знающих изменения *e* в *o*, широко представлено *e* с предшествующей мягкой парной согласной в положении перед твердой согласной: пр'ин'ес, пр'ив'ез, п'ам' в'ерст, б'ер'еза, кл'ен, в'ес'ело́ј, кот'енок.

Однако — в результате позднейшего отвердения согласной перед *e* — в отдельных говорах перед *e* произносится твердая согласная: в'еду́ — в'едэш, н'есу́ — н'есэш, гр'ебу́ — гр'ебэш, дэн' (при п'ам' д'о́н), в'есэл'жо́ (при в'ес'о́лој), дэ́р'ево, дэн'ги, дэ́сам', отэц. Среди говоров, не знающих изменения *e* в *o* (например, в б. Михайловском у. Рязанской обл.), встречаются такие, в которых гласная *e* с предшествующей твердой согласной произносится также перед твердой согласной: пр'инэс, привэл, п'ам' вэ́рст, б'ерэ́за, в'есэ́лој, котэ́нок.

Твердые и мягкие парные согласные перед согласными.

§ 165. По говорам отдельные группы согласных не различаются по твердости и мягкости перед определенными группами согласных.

1. Во многих говорах твердые и мягкие парные зубные согласные (кроме *л*) не различаются перед зубными: перед твердыми произносятся твердые зубные (*т, д, с, з, н*), а перед мягкими — мягкие (*т', д', с', з', н'*); ср.: расту́ — рос'т'о́т, просто́ј — про́с'т'ен'ко́ј, узда́ — уз'д'е́чка, з'везда́ — вы́з'вез'д'ило, росла́ — рос'л'и́, н'есла́ — н'ес'л'и́, в'езла́ — в'ез'л'и́, зло́ј — з'л'ит', сосна́ — на сос'н'е́, весна́ — к-в'ес'н'е́, гра́зној — гра́з'н'е́је, в'и́нт — в'ин'т'ик, а также рас'с'ел'ис', з'-з'ем'и́, от'м'ану́л, од'д'елал.

2. Во многих говорах парные твердые и мягкие зубные согласные не различаются перед губными: перед твердыми губными произносятся твердые зубные (*т, д, с, з, н*), а перед мягкими губными — мягкие зубные (*т', д', с', з', н'*); ср.: два́ — д'в'е, плотва́ — плот'в'и́ца, ботва́ — в-бот'в'е́, проспал́ — н'е-прос'н'и́, изба́ — из'б'о́нка, канва́ — на-кан'в'е́, а также т'в'ер', т'в'ордо́ј, в'ет'в'и́,

д'в'ер', ж'ед'в'ед', с'п'ина, с'п'елоj, с'м'елоj, з'в'езда, кон'ф'ета (кон'х'в'ета), *с'п'иса́т', с'м'е́р'ит', з'б'е́гат', с'в'е́р'ит'*.

3. Парные твердые и мягкие губные по говорам не различаются перед губными: твердые губные произносятся перед твердыми, мягкие — перед мягкими; ср.: *ла́мпа — в-ла́м'п'е, бо́мба — бо́м'б'ит', в-ма́с'л'е, в'-м'у́р'е, в'б'ит, ф'п'ер'од, в'м'е́с'т'е¹, об'в'ол*.

4. Фонемы *p* и *p'* по говорам не различаются перед зубными и губными: перед твердыми может произноситься твердое *p*, а перед мягкими — мягкое *p'*; ср.: *портý — пор'т'анка, го́рдоj — гор'д'ит-ца, испо́р'т'ил, кар'т'ина, кор'з'ина, шер'с'т', с'м'е́р'т', ко́р'н'и; кор'м — кор'м'ит', кор'ма́ — на-кор'м'е́, сор'в'у́ — сор'в'и́, кар'п'ет', горба́тоj — зго́р'б'илса, скор'бе́т'*.

5. Твердые и мягкие парные согласные не различаются перед *j* (*i*). Твердые парные согласные язычные (т. е. все, кроме губных) в большей или меньшей степени смягчаются перед *j* во всех русских говорах. Поэтому перед *j* произносятся обычно только мягкие язычные согласные²: *бра́т — бра́т'я, ко́лос — колос'я, по́лоз — полос'я, из'-ямы, с'-я́ковом, з'ат'я́, д'ад'я, л'ис'т'я, из'я́н, л'ју, ж'ед'в'ед'јо́, з'в'ер'јо́*. Во многих говорах парные твердые губные также в большей или меньшей степени смягчаются перед *j*, в связи с чем перед *j* произносятся губные только мягкие. Однако в других говорах губные перед *j* сохраняют твердость. Таким образом, одним говорам свойственно произношение: *б'ју, п'ју, в'ју, воро́б'ја, мурав'ја, солов'ја, тр'ап'јо́, с'ем'ја́, п'ја́ној*, а другим: *бју, пју, вју, воро́бја́, муравја́, соловја́, тра́пјо́, с'емја́, пја́ној*.

Зубные и губные перед зубными, губными и *j* часто встречаются на стыке приставки и корня, а также предлога и следующего слова. По говорам их мягкость перед мягкими зубными и губными на стыке указанных морфем может иметь большие или меньшие ограничения. В одном и том же говоре может произноситься, например, *ж'ед'в'ед', но́ подв'е́сил, т'в'ордо́j, но́ отв'орты́ват', лу́д'м'ила*, но *подм'о́л, воро́б'ја́, но́ об'е́жал*.

6. В некоторых говорах губные согласные смягчаются перед мягкими заднеязычными; ср.: *ша́пка — ша́п'к'и, шу́пка — шу́п'к'и, ба́пка — ба́п'к'и, дубо́к, дупка́ — дуп'к'и́, тра́пка — тра́п'к'и, то́п-кој — то́п'к'их, ро́пкој — ро́п'к'их, ло́мкој — ло́м'к'их, н'е́мка — н'е́м'к'и, ла́пка — ла́п'к'и, д'е́пка — д'е́п'к'и, тра́пка — тра́п'к'и*. Если звонкая губная фрикативная фонема перед согласной имеет губно-губное образование (*ʋ* или *ʏ*), то в положении перед мягким заднеязычным может произноситься в результате переддвижки артикуляции вперед *ʋ'* или *j* (*i*). Если та же фонема перед глухой согласной реализуется в звуке *x*, то перед мягким заднеязычным может произноситься *x'*: *тра́шка, тра́ука — тра́ʋ'к'и, тра́јк'и; д'е́шка, д'е́-*

¹ Если не произносится *уп'ер'од, ум'е́с'т'е*.

² Если на месте мягкой согласной и *j* не образуется двойная согласная: *с'ви́н'а, бра́т'а, колос'а, воскр'е́с'е́н'о* и др. Такое произношение известно, например, по говорам Вологодской, Кировской и Костромской областей.

ука — д'ѣѡ'к'и, д'ѣјки; канѡшка, канѡука — канѡѡ'к'и, канѡј'к'и; трахка — трах'к'и, д'ѣхка — д'ѣх'к'и.

Как видно из примеров, смягчение губных перед задненебными представлено почти исключительно перед *к*. В единичных случаях можно отметить также смягчение губной перед *г*: с'ѡмга — с'ѡм'г'и.

Смягчение губных перед задненебными представляло собой, между прочим, одну из характерных черт старого московского произношения. Однако оно почти утрачено, и можно считать, что современному литературному языку оно уже не свойственно.

7. Фонемы *н* и *н'* не различаются перед *ч'*, *ц'* и *ш'*, так как перед этими фонемами произносятся только *н'*: н'ан'ч'ит', кон'ч'ит', стакан'ч'ик, бр'ев'ен'ч'атој; при цоканье с мягкой *ц'*: н'ан'ц'ит'; кон'ц'ит', стакан'ц'ик, бр'ев'ен'ц'атој; до-кон'ц'а, полот'ен'ц'о. При цоканье с твердой *ц* предшествующая зубная носовая фонема произносится в одних говорах мягко (кон'цык, стакан'цык), в других — твердо (концык, стаканцык). Наличие мягкости *н* перед твердой *ц* (вместо *ч*), возможно, указывает на сравнительно позднее отверждение такого *ц*.

Перед фонемой *ц* (если она произносится твердо) обычно произносится только твердое *н* (концѡ, гонцѡ, с'енцѡ, полот'енцѡ). Но отмечены отдельные говоры, в которых перед твердою фонемой *ц* произносится мягкое *н*: кон'цѡ, гон'цѡ, с'ен'цѡ, полот'ен'цѡ. Перед фонемой *ц* (если она произносится твердо) также обыкновенно произносится твердое *р* (огурцѡ, корцѡ, старцѡ), но имеются говоры с мягким *р* перед *ц*: огур'цѡ, кор'цѡ, стар'цѡ.

В с-в-р говорах с мягкой *ц* (*ц'*) перед нею произносятся мягкие *н* и *р*: кон'ц'а, с'ин'ц'а, огур'ц'а, стар'ц'а.

Как известно, звук *ц* в прошлом был мягок. Между *н* или *р* и последующей *ц* находился звук *ь*, который в одних положениях изменялся в *е*, в других исчезал. Перед *ь* согласные произносились мягко. Сохранившаяся по говорам мягкость *н* и *р* перед твердою *ц* является следом бывшей мягкости *ц* (*ц* уже отвердело, а *н* и *р* еще не ассимилировались ему), а также того, что они находились перед *ь*.

Перед фонемой *ш* в определенных категориях случаев обыкновенно произносится мягкое *н* (тон'ше, м'ен'ше), но по говорам представлено и твердое *н*: тонше, м'енше.

Перед фонемой *ш'* произносится мягкое *н*: жѣн'ш'ина, д'ер'ев'ѣн'ш'ина, под'ѡн'ш'ик¹. Если в соответствии с фонемой *ш'* по говорам произносится *ш*, то перед такой твердою согласной в одних говорах произносится мягкое *н'* (жѣн'ш'ина, д'ер'ев'ѣн'ш'ина), в других твердое *н* (жѣншына, д'ер'ев'ѣншына).

Степень мягкости согласных перед мягкими согласными неодинакова для разных групп согласных и для разных говоров; в одних случаях она незначительна, так что наблюдатель колеблется, следует ли отнести данные согласные к категории мягких или твердых со-

¹ Фонема *ш'* после согласной имеет тенденцию к утрате долготы: жѣн'ш'ина, д'ер'евѣн'ш'ина.

гласных, в других она вполне выражена, и мягкость согласной не вызывает сомнения. Вообще в современном русском языке отмечается тенденция к отвердению согласных перед мягкими согласными; например произношение *дв'е, л'удм'йла, сл'йва*, в особенности *к'орт'ит', к'орт'и, к'орт'йна* вместо более старых *д'в'е, л'уд'м'йла, сл'м'йва*. Эта тенденция особенно сильна, когда сочетание согласных относится к разным морфемам — приставке и корню или предлогу и следующему слову.

Относительно говоров, которым свойственна сильная степень мягкости согласных перед мягкими согласными, надо сделать следующее замечание: в некоторых из таких говоров мягкие *с, з* произносятся шепеляво (*с'', з''*), как звуки акустически средние между мягкими свистящими и шипящими (между *с'* и *ш'*, *з'* и *ж'*); или мягкие *т'* и *д'* произносятся с более или менее заметным фрикативным (обычно свистящим) элементом: *т'с', д'з'*. В таких говорах эти шепелявые звуки *с'', з''* или мягкие *т', д'* с фрикативным элементом (*т'с', д'з'*) произносятся обычно также и перед мягкими согласными: *росту* — *рос''т'от, узда* — *уз''д'э'ка, росла* — *рос''л'и, сосна* — *на сос''н'е, с''т'енá, з''д'ес', с''в'ин'já, с''п'инá, з''б'егал, с''м'ело; в'ет'с'в'и, т'с'в'ордож, д'з'в'е, м'ед'з'в'ед'*. В некоторых говорах мягкие *т* и *д* имеют фрикативный элемент шипящий: *т'ш'в'ордо, д'ж'в'е*.

Согласные фонемы внепарные по твердости — мягкости.

§ 166. Шипящие и *ц*. Внепарные по твердости и мягкости согласные *ч, ц, ш', ж'* и их соответствия по говорам в каждом данном говоре или тверды, или мягки (о качестве этих фонем см. выше §§ 121, 125, 131). Внепарные по твердости и мягкости фонемы *ш, ж* в подавляющей части русских говоров во всех положениях звучат, как твердые согласные, и лишь в немногих говорах они мягки (см. выше § 131). В некоторых говорах (например, в Вятской области) фонемы *ш, ж* вообще тверды, но они приобретают позиционную мягкость перед *и, ё, е*: *нош, ножá, ножу́, на ножáх, но на нож'е; п'ишу́, но п'иш'и; ж'ён'ш'ина, ш'ес'т', ж'ил, ш'ил, ж'ир*. Довольно широко известно смягчение *ш, ж* перед мягкой *н*: *сап'ож'н'ик, пир'ож'н'ик, пр'эж'н'еј, в'эш'н'еј, страш'н'еје, но сап'ожној, страшној*. Такое произношение не чуждо и литературному произношению (например, в его ленинградском варианте), но не может считаться орфоэпическим.

§ 167. Задненебные. Внепарные задненебные согласные *к, г (γ), х* в определенных условиях могут смягчаться, выступая в своих мягких вариациях *к', г' (γ'), х'* и некоторых других, качество которых описано ниже.

Задненебные согласные *к, г (γ), х*, так же как и парные твердые согласные, смягчаются перед *ё* и ее соответствиями по говорам, а также перед *е* в той мере, в какой эта последняя фонема может употребляться после задненебных: *рука* — *рук'ё(ё), ногá* — *ног'ё*

(или: *ногá — ног'е*), *сохá — сох'е* (ср.: *водá — вод'е*, *ст'енá — ст'ен'е*), *кусóк — куск'е*, *пирóг* (или *пирóх*) — *пирог'е* (или *п'ироγ'е*), *плук — плу́г'е* (или *плух — плуγ'е*), *слух — слу́х'е*. Случаи с *к*, *г* (*γ*) перед *е* находим, например, в говорах, сохранивших звук *е* без замены его звуком *о*, в личных окончаниях глаголов 1-го спряжения: *п'ек'эш*, *воло́к'эш*, *т'ек'эш*, *зап'ег'эш* (или *зап'ег'эш*), *б'ер'ег'эш* (или *б'ер'ег'эш*), *стр'иг'эш* (или *стр'иг'эш*).

Задненебные *к*, *г* (*γ*), *х*, кроме того, смягчаются еще перед фонемой *и*: *рука — рук'и*, *ногá — ног'и* (или *ногá — ног'и*), *сохá — сох'и*, *кусóк — куск'и*, *п'ирóк* (или *п'ирóх*) — *п'ирог'и* (или *п'ироγ'и*), *слух — слу́х'и*. Таким образом, в противоположность парным твердым согласным, в зависимости от которых следующая за ними фонема *и* изменяется, выступая в своей вариации *ы*, задненебные *к*, *г* (*γ*), *х* сами подвергаются изменению: смягчаются в положении перед *и* и выступают в своих мягких вариациях — *к'*, *г'* (*γ'*), *х'*. Ср.: *ст'енá — ст'ен'ы* (род. п. ед. ч.), но *рукá — рук'и*; или *стол — стол'ы* (им. п. мн. ч.), но *п'ирóк* (или *п'ирóх*) — *пирог'и* (или *п'ироγ'и*).

В указанных выше положениях фонемы *к*, *г* (*γ*), *х* выступают в своих мягких вариациях во всех говорах русского языка. Кроме этих положений, есть еще одно, в котором мягкие вариации задненебных согласных выступают только в части говоров, — это положение после мягких согласных.

В значительной части ю-в-р говоров, а также в части с-в-р и ср-в-р говоров фонема *к* после парных мягких согласных (*н'*, *р'*, *л'*, *т'*, *д'*, *с'*, *з'*) и *й* смягчается, выступая в своей вариации *к'*: *вáн'к'а*, *п'ен'к'ом*, *вáр'к'у*, *пос'т'ел'к'у*, *п'ет'к'а*, *р'ет'к'а*, *вас'к'а*, *гус'к'ом*, *чайк'у*, *дáж'к'а*, *давáж'к'а* (или *давáж'к'о*), *стáд'н'-к'а* (или *стáд'н'-к'о*), *мáл'ин'к'и́я*, *мáл'ин'к'и́у*, *мáл'ин'к'а́й* (маленькая, маленькую, маленький). В части говоров смягчение *к* распространяется также на положение после *ч*: с *к'* употребляются не только примеры подобные выше приведенным, но также *дóч'к'а*, *д'эвоч'к'а*, *бóч'к'а*, *кúч'к'у*, *суч'к'а*, *суч'к'ов*, *за дóч'к'а́й* (или *за дóч'к'о́й*), *струч'к'áм'и*. Наконец, в немногих говорах фонема *к* выступает в своей мягкой вариации *к'* также после *ш*, *ж*. Это, возможно, говоры, в которых *ш*, *ж* произносятся или в недавнем прошлом произносились мягко: *рубáшк'а*, *старúшк'а*, *пирóшк'а* (пирожка), *подрúшк'а*, (подружка), *окошк'а*, *лукошк'а*, *кадúшк'а*, *бат'ушк'а*, *дар'юшк'а*, *з'áт'ушк'а*.

Другие задненебные — *г* (*γ*) и *х* — также могут смягчаться после мягких согласных. Но в то время как случаев с *к* после мягких согласных много (сюда относятся многие слова с уменьшительным суффиксом *к*, прилагательные с суффиксами *-ен'к* (*-он'к*), формы повелительного наклонения с частицей *-ко* (*-ка*) и некоторые другие), — случаев с *г* (*γ*) и *х* после мягких согласных в русском языке очень немного: это прежде всего несколько слов, в которых *г* (*γ*), *х* по говорам оказывается после *р'* (*четв'ер'г*, *кочер'гá*, *д'ер'гáт'*; *в'ер'х*), и еще некоторые единичные примеры (*ден'гáм*, *-áм'и*, *-áх*, *о́л'га*,

ол'ха). Например: *ч'етвер'г'а* (или *ч'етвер'г'а*), *ч'етвер'г'ом* (или *ч'етвер'г'ом*), *коч'ер'г'а* (или *коч'ер'г'а*), *д'ер'г'ат'* (или *д'ер'г'ат'*), *д'ен'г'ам'и* (или *д'ен'г'ам'и*)¹, *д'ен'г'ам* (или *ден'г'ам*), *Ол'г'а* (или *Ол'г'а*)², *нав'ер'х'у*, *в'ер'х'ом*, *ол'х'а*.

§ 168. Возможность во многих говорах сочетаний *ка* — *к'а*, *ку* — *к'у*, *ко* — *к'о* может привести к выводу о том, что в этих говорах перед рядом гласных различаются *к* и *к'*, представляя собой две разные фонемы. Но такой вывод был бы неверен: ведь в них представлены сочетания: а) твердой согласной + *к* (например, *нк*); б) мягкой согласной + *к'* (например, *н'к'*); при последовательном проведении этого явления отсутствует сочетание мягкой согласной + *к* (например, *н'к*); но имеется — и это особенно важно — сочетание твердой согласной + *к'* (*нк'*). Таким образом, в соответствующих говорах произносят: *ба́нка* и *ба́н'к'а* (после мягкой не может быть *к*) — звуки *к* и *к'* в одном и том же положении, т. е. после одной и той же согласной и перед одной и той же гласной не различаются. Мягкость *к* позиционна: зависит от мягкости предшествующей согласной. Звуки *к* и *к'* возможны только в разных положениях, в которых они замещают друг друга, являясь разновидностями одной фонемы. Звук *к'* является вариацией фонемы *к*, обусловленной положением после мягкой согласной. Напротив, звуки *н* и *н'*, как и другие парные твердые и мягкие согласные, перед одной и той же согласной *к'* различаются как две разные фонемы; их твердость или мягкость не зависит от качества звука *к'* и служит для различения слов; ср.: *в-ба́н'к'е* и *в-ба́н'к'е*, *из-ма́н'к'и* и *у-ма́н'к'и*, *в-та́н'к'е* и *к-та́н'к'е*, *о-ва́р'к'е* и *к-ва́р'к'е*, *ска́с'к'и* и *у-ва́с'к'и*, *р'э́т'ки* и *р'э́т'к'а* и т. д. В дальнейшем, когда под влиянием литературного языка проникает произношение твердого *к* после мягкого согласного, описанные отношения нарушаются.

В литературе предмета есть указания на то, что звук *к'*, фонетически закономерный в положении после мягких согласных, в отдельных говорах отмечен также в некоторых словах и в положении после твердых парных согласных: *тра́в'к'а*, *коро́в'ку*, *жа́гот'к'а*, *квас'к'у*, *кус'к'ом*³. Таким образом, звук *к'* отрывается от позиционных условий, в которых он возник. Однако такие факты случайны и единичны. Слоги *ка* — *к'а*, *ку* — *к'у*, *ко* — *к'о* в таких говорах также не могут дифференцировать слова, различать их значения. Поэтому звуки *к* и *к'* благодаря таким случаям все же не становятся двумя разными фонемами.

Нельзя не отметить и другие процессы, приводящие к различению твердых и мягких заднеязычных как особых фонем; говоры, знающие под ударением *е* в личных окончаниях глаголов 1-го спряжения (*п'е'к'ем*, *толк'ем*, *т'е'к'ем*, *воло'к'ем*, *бер'е'г'ем*, *запр'е'г'ем*, *стр'и'г'ем*), под влиянием других говоров, имеющих звук *о* в этих формах, приобретают в них *о*. Появляются формы: *п'е'к'ом*, *толк'ом*, *т'е'к'ом*, *воло'ком*, *бер'е'гом*, *запр'егом*, *стр'и'гом*, в которых звуки *к'*, *г'* (*г'*) произносятся перед *о*. Но так как перед *о* произносятся также соответствующие твердые согласные *к*, *г* (*г*) (ср. *кот*, *год* и др.), то оказывается, что перед *о* звуки *к* и *к'*, *г* (*г*) и *г'* (*г'*) различаются, т. е. что твердость и мягкость заднеязычных не обусловлена фонетическим положением, самостоятельна, иначе говоря, образует разные фонемы.

Однако и в этом случае противопоставленность *к* — *к'*, *г* (*г*) — *г'* (*г'*) весьма невелика, значительно меньше, чем в других парах твердых и мягких

¹ Форма *дэн'г'им'и* (*д'ен'г'им'и*) с ударением на 1-м слове сюда не относится, так как в ней может быть окончание *-ими*; ср.: *утк'им'и*, *стару'х'им'и*, а также *брат'им'и*, *крыл'ими*. А как известно (см. выше § 167), заднеязычные перед *и* смягчаются.

² Имя „Ольга“ по говорам произносится также *ол'га*. О произношении *г* вместо *г'* см. ниже § 170.

³ В слове *сахар'ку* звук *к'* может быть фонетического происхождения, если учесть, что соответствующее непроизводное слово по говорам широко известно с мягкой *р* на конце: *сáхар'*, *сáхар'у* и т. д.

согласных, так как всё же твердые и мягкие задненебные не различаются перед *и, а, у*, а также, что особенно важно, на конце слова. В самом деле: имеются сочетания *к'и, г'и* (*г'и*), но отсутствуют сочетания *кы, гы* (*гы*) в пределах слова (ср. в других парах твердых и мягких согласных: *б'ил — был, т'ина — тына*), имеются сочетания *ка, га* (*га*), но отсутствуют независимые сочетания *к'а, г'а* (*г'а*)¹ (ср. в других парах твердых и мягких согласных: *мал — м'ал, к-сáду — с'áду*); имеются сочетания *ку, гу* (*гу*), но отсутствуют независимые сочетания *к'у, г'у* (*г'у*). На конце слова произносятся только твердые задненебные (ср. в других парах твердых и мягких согласных: *брат — брат', шест — шес'т', стан — стан'*).

Примечание. В литературе предмета отмечены отдельные случаи употребления мягких задненебных на конце слова. Это прежде всего в звательной форме без окончания от уменьшительных имен, имеющих в тех же говорах на конце *-к'а* (*вáн'к'! н'ém'к'! вáс'к'! с'én'к'!*), в слове *ч'етв'ер'к'* (видимо, при *ч'етв'ер'г'á, ч'етв'ер'г'ý*) и еще в нескольких не вполне достоверных случаях.

§ 169. В ряде говоров вместо *к', г'* произносятся звуки *т', д'*: *рукá — рут'á — рут'é, мука́ — мут'á — мут'é, р'екá — р'ет'á — р'ет'é; в-р'еч'т'э, вáс'т'а, вáн'т'а, дóч'т'а, т'áнул, т'ис'эл', т'áсло, т'ир'н'áч', т'áно* (кино). Звук *д'* как взрывной может произноситься вместо мягкого *г'* в говорах, в которых эта фонема имеет взрывное образование: *ногá — нóд'и — нод'é, сапогá — сапод'á, д'ен'гам — д'én'д'и*. Ввиду недостаточного количества достоверных материалов трудно судить, совпадают ли изменения фонем *к, г* — звуки *к', г'* — с фонемами *т', д'*, образуя таким образом варианты, или звуки *т', д'* вместо *к', г'* сохраняют свое особое, несколько отличное от фонем *т', д'* образование, представляя таким образом лишь вариации фонем *к', г'*. Для ряда говоров во всяком случае можно утверждать последнее.

Физиологически изменение *к', г'* в *т', д'* объясняется сильным палатализирующим влиянием последующей гласной переднего ряда (или предыдущей мягкой согласной) и в связи с этим — передвижкой места артикуляции далеко вперед — близко к месту образования *т', д'*. В зависимости от степени передвижки артикуляции вперед могут образоваться заднепалатальные *т', д'*, отличные от фонем *т', д'* (отметим первые знаками *т'к', д'з'*) или переднепалатальные *т', д'*, совпадающие с фонемами *т', д'*. Таким образом, например, слова *к'áну* (глагол) и *т'áну* (вин. п. ед. ч.) в одних из говоров, знающих описанный процесс, различаются (произносятся *т'к'áну* и *т'áну*), в других совпадают (в обоих случаях произносится *т'áну*)².

Описанный процесс, видимо, возник на территории говоров с взрывным *г*; ср. изменение *г'* в взрывной звук *д'*. В связи с тем, что палатализирующая сила гласных переднего ряда в ю-в-р говорах вообще, видимо, сильнее, чем в с-в-р, можно думать, что описанный процесс возник на путях смешения двух основных наречий русского языка как результат приспособления к ю-в-р произноше-

¹ Разве кроме *к'ахта*.

² В результате описанного процесса появилось *т'* в *Овдот'я* (ср. книжное *Евдокия*). В связи с этим процессом по говорам появляется и *к'* вместо *т'*: *к'иáтр* вместо „театр“, *к'есто* вместо *тесто* и др.

нию. С таким предположением хорошо согласуются и данные о территории распространения этого явления: звуки *т'*, *д'* вместо *к'*, *г'* встречаются, главным образом, в ср-в-р говорах, звук *т'* вместо *к'* встречается, кроме того, в Тульской группе говоров — ю-в-р по происхождению, но заключающих в себе и ряд других ср-в-р особенностей.

§ 170. В связи с большей палатализирующей силой гласных переднего ряда в ю-в-р говорах фонема *γ* в положении перед гласными переднего ряда может произноситься не только как *γ'*, но даже и как *ј*, что объясняется максимальным приспособлением артикуляции согласной *к* артикуляции последующей передней гласной — сильной передвигной артикуляции вперед. Наряду с *γ'úr'a*, *γ'úb'el'*, *γ'úpkaј*, *γ'utára*, *paγ'úp*, *maγ'ýla*, *γ'eróј* по ю-в-р говорам известно произношение: *јúr'a*, *јúb'el'*, *јúpkaј*, *јutára*, *paјúp*, *maјýla*, *јeróј*. То, что этот звук говорящими отождествляется с *ј*, видно из того, что перед *ј* вместо *γ'*, как и перед фонемой *ј*, по говорам не происходит озвончения согласной. Отмечены случаи: *с'-јúr'aj* (ср. в других говорах: *з-γ'úr'aj*, *з-г'úr'bj*), *с'ји.нул* (ср. в других говорах: *зγ'ýнул*, *зг'ýнул*), *с'-јeróјam* (ср. в других говорах: *з-γ'eroјam*, *з-герóјьm*). Отождествление *ј* на месте *γ'* с фонемой *ј* явствует также из анализа орфографических ошибок школьников. Например, у учеников начальной школы в с. Новоселки Рыбновского района Рязанской области обнаружены следующие написания: с одной стороны, *воробги*, *братги* (им. п. мн. ч.), *гих*, *гим* (их, им); с другой — *Турьенев* (Тургенев), *иря* (гиря), *моила* (могила). Буква *г* на месте *ј* и, наоборот, обозначение *ј* на месте *γ'* (*Турьенев*; сюда относятся и написания без согласной буквы: *иря*, *моила*, так как звук *ј* перед *и* на письме может не обозначаться; ср. написания *их*, *бои* при возможном произношении *јих*, *бају*; ср. также написание *гих* вм. *их*) не могут быть истолкованы иначе, как совпадением звука *γ'* с фонемой *ј*.

Надо отметить, что слова иноязычного происхождения перед гласной переднего ряда нередко имеют *ј* вместо *г'* и в говорах с *г* взрывным. При *г* взрывном широко представлен по русским говорам звук *ј*, например, в словах: *јенарál*, *јерmán'с'ка војна*, *јерán'*, *јeróј*, *јимнáz'ua* и некоторых других. Такое произношение известно во многих с-в-р говорах и не связано, таким образом, с качеством фонемы *г*. В указанных условиях и старые заимствования с *г* приобрели в русском языке *ј* вне зависимости от качества фонемы *г*. Ср.: *янтарь*, в литературном произношении *јьнтáр'* и литовское *gentáras*.

Взрывные и фрикативные согласные.

§ 171. Взрывная задненебная фонема *к* перед взрывными согласными в значительной части русских говоров в результате диссимилиации изменяется в соответствующий фрикативный звук (*х*), причем перед звонкой согласной одновременно имеет место ассимиляция по участию голоса, в связи с чем звучит соответствующий звонкий звук (*γ*). Иначе говоря, на месте фонемы *к* перед взрывными

согласными произносятся: *х* (перед глухой согласной) и *γ* (перед звонкой).

Описанный процесс можно понять и как следствие ослабления первого элемента сочетания, в результате которого он теряет затвор.

Примеры: перед *т, п, к* — *та́х-то* (ср.: *так-ли*), *х-тому́* (ср.: *к-н'ему*), *х-т'алку́*, *хто́*, *до́хтор*, *тра́хт*, *прадо́хты*, *трахт'ёр*; *х-попу́*, *х-по́л'у*, *х-п'етру́*, *х-п'ер'евóзу*, *х-праз'н'ику*; *х-ко́му*, *х-каро́вам*, *х-куз'н'ецу́*, *х-ко́шкам*; перед *д, б* и *г* взрывным¹: *γ-до́му*, *γ-д'ёр'еву*, *γ-д'ёлу*, *γ-бе́ду*, *н'е-γ-добру́*, *γ-доч'ер'ам*, *γ-ба́б'е*, *γ-ба́уш-к'е*, *γ ба'л'ни́це*; *γ-го́роду*, *γ-гор'ё*, *γ-гос'т'ам*.

Процесс диссимиляции взрывной согласной *к* по способу образования отмечается также перед аффрикатами (*ц, ч*), образование которых также включает взрывный элемент: *х-цыга́ну*, *х-ч'ему́*, *х-чо́рту*.

В говорах, в которых вместо *х* представлено *ф* (см. § 119), звук *х*, появляющийся на месте фонемы *к* перед взрывной согласной, также может замениться звуками *ф* (перед глухой согласной) и *в* (перед согласной звонкой): *ф-па́влу* (вместо *к* Павлу), *в-д'ёр'езу* (вместо *к* дереву).

В некоторых говорах на северо-западе Европейской части СССР начальное сочетание *кк* на стыке предлога и следующего слова, начинающегося с *к* изменяется в *пк*: *т-ко́му*, *т-коро́ве*, *т-кору́ту*, *т-кон'у́*, *т-куз'н'ецу́*. Такое произношение, видимо, объясняется невыразительностью *к* с долгим затвором в абсолютном начале на стыке предлога и следующего слова и в связи с этим изменением места затвора в первой части сочетания *кк* передвижкой его вперед, в зону *т*. В дальнейшем *т* в качестве предлога (вместо *к*) может в результате обобщения появиться и перед другими согласными: *т-хо́з'яну*, *т-пи́сар'у*, *т-по́л'у*, *д-бы́к*.

Взрывная задненебная звонкая фонема *г* перед взрывными согласными в значительной части говоров в результате диссимиляции по способу образования изменяется в соответствующий фрикативный звук, причем перед глухой согласной одновременно происходит ассимиляция по участию голоса, в результате чего звучит соответствующий глухой звук (*х*): *л'о́хко* (ср. *л'его́н'ко*), *д'охт'а* (ср. *д'огот'*), *кохт'и* (ср. *когот'*), *нохт'и* (ср. *ногот'*). Сюда можно отнести также случай *м'а́хкој* (ср. *м'а́жок*), хотя форма с *г* в этом слове вторична: перед нами первоначальное сочетание *кк* (ср. *м'а́к'иш*, *м'а́к'йна*), а не *гк*.

В части с-в-р говоров, имеющих *г* взрывное, диссимиляции в сочетании *гк* не происходит — произносят: *л'о́хкој*, *м'а́ккој*.

В говорах с *г* фрикативным, естественно, произносится *л'о́хкој*, *д'о́хт'а* и т. д., причем *х* объясняется лишь оглушением *γ* в положении перед глухой согласной: диссимиляция здесь отсутствует. Ср. в таких говорах: *м'а́гон'квј*, *д'о́гвт'*.

Не исключено, что в некоторых говорах с *г* взрывным и *х* вместо *г* перед взрывными согласными (*л'о́хкој* и др.) звук *х* появился не в результате диссимиляции *г* и *к* по способу образования, а на

¹ В говорах с *г* фрикативным не может быть диссимиляции. Поэтому взрывная согласная *к* в них может лишь озвончаться перед *γ*, как и перед другими фрикативными, в *г*: *г-го́рьду*, *г-га́р'ё*, *г-га́ст'ам* (ср. в тех же говорах: *г-з'им'е*, *г-же́н'ё*). Впрочем, известно и произношение *γ-го́рьду* и т. д.

почве смешения диалектов, один из которых имел *г* фрикативное (*γ*), а другой — взрывное. Возможна, в частности, исконность для некоторых из таких говоров фрикативного *г* (*γ*) и в соответствии с ним глухого *х* перед глухими и вторичность взрывного *г* в сильном положении перед гласными, заимствованного из говоров с *г* взрывным. Иными словами, случаи типа *л'огок* — *л'охкој* могут объясняться в некоторых говорах так же, как случаи типа *нога* — *нох* и др. (см. выше § 143).

К описанному процессу непосредственное отношение имеет произношение слов *где*, *когда*, *тогда*. В слове *где* *г* образовалось в историческое время после падения глухой в результате озвончения *к* перед звонкой согласной *д* (*къде* → *кде* → *где*); в словах *тогда*, *когда* звук *г* относится к более давнему, доисторическому периоду. В значительной части русских говоров, в том числе в говорах, имеющих *г* взрывное, в этих словах произносится — в результате диссимиляции по способу образования — *γ*: *γд'е*¹, *коγда*, *тоγда* (*коγды*, *тоγды*). В некоторых с-в-р говорах (на северо-востоке Европейской части СССР, а также в Сибири) звук *γ* в этих словах (не в начале слова) заменялся билабиальным образованием (*ш*): *кошда*, *тошда* (*кошды*, *тошды*), последнее в тех же говорах могло замениться велярным *л*: *колда*, *толда* (*колды*, *толды*).

Надо иметь в виду, что в словах *где*, *когда*, *тогда* и производных от них звук *γ* имеет позиционный характер и как таковой он широко известен также в говорах с *г* взрывным.

Во многих говорах и в разговорном стиле литературного языка слова *когда*, *тогда* произносятся без согласного перед *д* (*када*, *тада*), что непосредственно объясняется, видимо, утратой ранее имевшегося *γ*.

Губные и задненебные согласные.

§ 172. Губная звонкая фрикативная согласная (*в*) перед губной в отдельных русских говорах в результате диссимиляции изменяется в задненебную фрикативную (*γ*); при этом перед губной глухой согласной одновременно происходит и оглушение — ассимиляция по наличию или отсутствию голоса, в результате чего произносится *х*: *γ-Москв'е*, *γ-м'ел'н'ице*, *γ-м'ешк'е*, *γ-мој'еј*, *γ-мор'е*; *γ-бол'н'ицу*, *γ-б'ан'у*; *γ-бар'ак'е*, *γ-бак'у*, *γ-б'елом*; *х-пос'ол'ке*, *х-п'ат'н'ицу*, *х-под'ал'е*, *х-п'ол'е*, *х-п'шан'е*; *γ-ведр'е*, *γ-вод'е*, *γ-в'одро*, *γ-в'ол'у*. В некоторых говорах, знающих *γ* (*х*) вместо *в* перед *ж*, *б*, *п*, звук *в* перед *в* сохраняется: *в-ведр'е*, *в-вод'е* и т. д.

Описанное явление отмечено, между прочим, у „терюхан“ в Дальне-Константиновском районе Горьковской области и у рязанской

¹ Начальное *γ* в этом слове может быть весьма ослаблено, а по говорам в беглой речи может отсутствовать (*д'е*). Во многих ю-в-р говорах это слово произносится с начальным *и* (перед *γ*) неясного происхождения: *и'γд'е*. Возможно, что форма *и'γд'е* получилась в результате контаминации форм *γд'е* и известной по говорам и показаниям письменных памятников *ид'е*.

„мешеры“ (например, в д. Тимохино Клепиковского района Рязанской области). Это дает возможность предполагать, что оно явилось на почве языкового смешения, возможно, — перехода на русский язык иноязычного населения.

Изменение *в* перед губными в $\gamma(x)$, вероятно, связано с двухфокусностью артикуляции *в* — губной и языковой (задней): с ослаблением в результате диссимилиации губной артикуляции усиливается языковая — появляется $\gamma(x)$ вместо *в*.

§ 173. В говорах, знающих описанное явление, в системе языка γ (x) вместо ϕ может занимать различное место в зависимости от того, каково качество фонемы g , а также от того, свойственна ли данному говору диссимилиация взрывных заднеязычных перед взрывными. Если говору свойственно g фрикативное (γ), то фонема ϕ , изменяясь в γ (x), вообще совпадает с фонемой γ в одном общем варианте. Однако реально такого совпадения нет ввиду отсутствия в русском языке сочетаний gm , gb , gn . Впрочем, совпадение фонем ϕ и γ возможно перед ϕ ; ср. γ -воду (в воду) и γ -вод'т' (гвоздь). В говорах, знающих диссимилиацию заднеязычных взрывных перед взрывными, совпадение фонем ϕ и k , g в одном варианте — обычное явление перед взрывными губными b , p ; ср.: γ -барак'е (в бараке) и γ -барак'у (к барак'у), γ -бал'н'ицу (в больницу) и γ -бал'н'ице (к больн'ице), γ -бан'е (в бане и к бане), x -пол'е (в поле) и x -пол'у (к полю), x -пост'ел'и (в постели и к постели).

В говорах с *г* взрывным и не знающих диссимиляции задненебных взрывных перед взрывными звук *γ* вместо *в* представляет собой вариацию фонемы *в*; ср. в таких говорах: *γ-бал'нице* (в больнице) и *г-бол'нице* (к больнице). Звук *х* вместо *в* в таких говорах можно считать вариантом фонемы *в*;

ср.: *х-подва́л*, *х-по́л'е* (при *к-подва́лу*, *к-по́л'у*), так как теоретически здесь возможно совпадение фонемы *в*, выступающей в варианте *х* с фонемой *х*. Но реального совпадения нет ввиду отсутствия в русском языке сочетания фонем *хп*.

Неносовые (чистые) и носовые согласные.

§ 174. Особого замечания требует судьба сочетания зубных и губных взрывных согласных (*т, д; н, б*) с последующей одинаковой по месту образования (т. е. также зубной или губной) носовой согласной (*н* или *м*). Указанные сочетания представлены, например, в словах *полотно, одно, обман* и др. Сочетания *тн, пм* во всех русских говорах, а также сочетания *дн, бм* в говорах, сохранивших их, произносятся при помощи одной объединенной артикуляции, так как звуки *т, д* и *н* или *п, б* и *м* одинаковы по месту образования, то при произношении их происходит не два смыкания и размыкания органов речи, нужных для раздельного произношения каждого из звуков сочетания, а одно: органы речи смыкаются в начале произношения первого звука и размыкаются в конце произношения. Например, при произношении слова *обман* нижняя губа смыкается с верхней в начальный момент артикуляции *б* и размыкается в конечный момент артикуляции *м*. Наличие одного смыкания и размыкания (взрыва) при произнесении сочетания *бм* каждый может легко заметить, наблюдая движения нижней губы говорящих (или наблюдая свою собственную артикуляцию в зеркале). Точно так же при произнесении слов *плотный* или *ладно* кончик языка смыкается

с верхними зубами в начальный момент артикуляции *т* или *д* и замыкается в конечный момент артикуляции *н*. Увидеть наличие одного смыкания и одного размыкания (взрыва) при произнесении этих сочетаний несколько труднее, но заметить его все-таки можно (как и для сочетания *бм*), наблюдая свои мускульные ощущения.

Надо иметь в виду, что артикуляции языка при произнесении *т, д*, с одной стороны, и *н, м*, с другой, не отличаются друг от друга: в обоих случаях кончик языка смыкается с верхними зубами. Точно так же не отличается губная артикуляция при произнесении *п, б*, с одной стороны, и *м*, с другой: в обоих случаях нижняя губа смыкается с верхней. Звуки *т, д* и *н*, равно как и звуки *п, б* и *м*, в своем образовании отличаются друг от друга положением небной занавески: при произнесении *т, д*, а также *п, б* небная занавеска поднята и прижата к зеву, а при произнесении носовых *н, м* она опущена, благодаря чему между небной занавеской и стенкой зева имеется свободный проход для воздуха. Поэтому при произнесении *т, д*, а также *п, б* воздух проходит только в момент взрыва, размыкания через рот, при произнесении же *н, м* воздух, кроме того, все время проходит через нос. В этом именно отличие между артикуляциями *д* и *н*, *б* и *м*: если к артикуляции *д* (или *б*) добавить опущение небной занавески, то образуется *н* (или соответственно *м*). Напротив, если, произнося *н* (или *м*), поднять небную занавеску и прижать ее к зеву, то образуется *д* (или соответственно *б*). Звуки *т* и *п* отличаются соответственно от *н* и *м*, кроме того, отсутствием голоса.

Таким образом, сочетания *тн, дн* и *пм, бм* образуются одной общей артикуляцией — зубной при *тн, дн* и губной при *пм, бм*. Переход от чистой (неносовой) согласной к носовой осуществляется изменением положения небной занавески: в начале описанной общей артикуляции небная занавеска приподнята и прижата к стенке зева, а в середине ее она опускается, открывая таким образом доступ воздуха в полость носа. Так именно произносятся указанные сочетания, например, в словах (общность зубной или губной артикуляции для двух фонем отметим знаком \sim): *плѳтнѳној, плѳтнѳној, сѳтнѳној, с'ѳтнѳној, полѳтнѳно, п'атнѳно; ѳднѳно, лѳдно, хѳлодно, роднѳно, два д'н'ѳ, в'ѳдно, стѳдно; ѳбмѳн, ѳбм'ѳн, ѳбмѳзат', ѳбм'ѳр'ѳт*.

Сочетания глухих *т, п* с тождественными по месту образования носовыми *н* или *м* дальнейших изменений в русском языке не претерпели: им мешало то, что *т* и *н* или *п* и *м* отличаются в своем образовании друг от друга не в одном, а в двух отношениях — не только положением небной занавески, но также и отсутствием голоса при *т, п* и наличием его при *н, м*. Сочетания же звонких согласных *д, б* с тождественными по месту образования носовыми *н* или *м*, отличающиеся в своем образовании только положением небной занавески, по говорам пережили дальнейшее изменение. При произнесении сочетаний *дн* и *бм* в процессе приспособления артикуляции первой согласной ко второй небная занавеска по говорам стала опускаться раньше, чем это было нужно для произнесения *н*

или *м*. А так как при образовании *д* и *н* или *б* и *м* не было других отличий, кроме положения небной занавески, приподнятой при *д*, *б* и опущенной при *н*, *м*, то более раннее опущение небной занавески привело к полному отождествлению, ассимиляции первой согласной второй. Так образовалось характерное для многих с-в-р говоров произношение: *онна́ко, ла́нно, онна́, онному́, ронно́й, рон'н'а́, в'инно, об'инно, м'енно́й, холо́нно́й, л'у́нно, тр'и н'н'и* (= три дни); *омма́н, оммо́кла, омме́рил, омма́зал, ом'м'ел'ела, ом'м'ен'а́л*.

По отношению к говорам, знающим описанный процесс, звуки *н* и *м* в указанных случаях являются вариантами фонем *д* и *б* в положении перед *н* и *м*; ср.: *од'ин — онна́; холо́д, холо́да — холо́нно́й, д'ен' — тр'и н'н'и, л'уд'и — л'у́нно; обн'ос, обр'езал, обломáл, обд'умал, опт'есáл, опсад'ыл — омману́л, омма́зал, ом'м'ен'а́л* и т. д.

Описанная черта представляет собой резкую диалектную особенность, хорошо осознаваемую передовыми в языковом отношении группами населения соответствующих территорий, а также представителями говоров, не знающих этой черты. В результате этого сложилась поговорка: *м'енно́й кофш упáл на-ннó, и об'инно, и досáнно, ну, да ла́нно: фс'о онно́*.

Утрата этой диалектной черты под влиянием литературного языка сопряжена с некоторыми трудностями. Дело в том, что литературному языку равно свойственны как сочетания *дн*, так и сочетания *нн* (ср.: *не видно* и *невинно*), в то время как в соответствующих говорах на месте обоих сочетаний звучит *нн*. Поэтому в процессе приспособления к системе литературного языка представители таких говоров не имеют в своем языке критериев для правильного употребления *дн* и *нн*. В связи с этим иногда появляется сочетание *дн* и там, где его нет в литературном языке: *Адна* вместо *Анна*, *беспремедно* вместо *беспременно*, *длїдно* вместо *длїнно*. В сочетании *бм* такого явления не наблюдается, так как оно обычно встречается на стыке одной и той же приставки *об* и корня, и потому фонема *б* выделяется значительно ярче.

§ 175. По с-в-р говорам распространено изменение сочетания *мн* в *вн* (первоначально, видимо, в *шн*). Такое изменение является результатом пережитой диссимиляции — утраты смыкания губ и поднятия небной занавески при произношении первого звука сочетания перед звуком *н*, произносящимся с помощью смыкания и при опущенной небной занавеске: *вного, гувно* (вместо *гумно*), *н'е по́вну, т'евнотá, т'овно*.

По с-в-р говорам широко представлен и обратный процесс ассимиляции в сочетании *вн*. В этом случае образование первого звука сочетания приобретает смыкание и носовой характер (благодаря опущению небной занавески) под влиянием артикуляции последующего звука *н*. В результате вместо сочетания *вн* произносится *мн*: *мнук, дамнó, (но дав'е), д'ер'емн'а (но д'ер'ев'енско́й), рóмно (но н'е ров'он час), п'етрóмна*.

Возможно, что эти два противоположные явления — произношение *вн* вместо *мн* и, наоборот, *мн* вместо *вн* — связаны друг с дру-

гом и одно из них появилось на почве другого в результате стремления к правильному произношению — различению *м* и *в* перед *н*.

Обе эти особенности широко распространены по с-в-р говорам, известны также и в ср-в-р говорах, но встречаются в ограниченном круге лексики, видимо, не охватывая все подходящие случаи. Иными словами, описанные явления лексикализировались, т. е. прикрепились к отдельным словам, причем разные слова с *мн* вместо *вн* и, наоборот, *вн* вместо *мн* имеют весьма различное распространение по говорам. Особенно широко известно произношение *мнук*, а также *зувно* (вместо *гумно*), заходящее частично и на ю-в-р территорию.

В результате диссимилиации по с-в-р говорам представлено изменение сочетания *пт* в *мт*, *пч* в *мч* (первый звук сочетания приобретает голос и носовое образование в отличие от второго): *мт'ица*, *мт'аха*, *мч'елд*. Такое произношение известно по говорам бывших Новгородской, Олонецкой, Костромской, Вологодской губерний.

В результате диссимилиации же, притом не регрессивной, как в других случаях, а прогрессивной, сочетание *мн'* изменяется в *мл'* во многих с-в-р говорах: *не уп'омл'у*, *п'омл'иш*. Впрочем, здесь речь идет едва ли не об одном этом слове.

Возможно, диссимилиацией двух губных носовых, разделенных друг от друга гласной, объясняется встречающееся во многих с-в-р говорах *нимо* вместо *мимо*, *гумага* вместо *бумага*.

Быть может, диссимилиация имела место и в произношении по говорам *гд'а* вместо *для*.

Модификации фонемы *л* и *л'*.

§ 176. Как было указано выше, в русском языке среди других парных по мягкости и твердости фонем имеются фонемы *л'* и *л* (ср.: *пол'а* и *столá*). Последняя в части говоров северо-востока Европейской части СССР и в отдельных ю-в-р говорах перед гласной переднего ряда звучит, как „среднее“, „европейское“ *l*: *dalá*, *skazála*, *m'úloj*, *lánti*, *l'áko*, *stol'ý*, *k-stol'ý*, *máclo*, *s'eló* (см. выше § 136).

В тех же говорах, особенно часто на северо-востоке Европейской части СССР, фонема *л* (*l*) в положении перед согласной и на конце слова изменяется в своем качестве, выступая в звуке *ɤ* или *ý*: *dalá* (или *dalá*), но *daɤ* (или *daɤ*), *skazála* — *skazáɤ*, *bylá* — *byɤ*, *poɤlá* — *poɤóɤ*, *hod'úla* — *hod'iuɤ*, *n'ulá* — *n'iuɤ*, *v'úd'ela* — *v'úd'eɤ*, *u-stolá* — *stoɤ*, *páɤka*, *šoɤk*, *poɤk*, *voɤk*, *doɤgo*, *moɤc'át*, *moɤv'it*; сочетание *лв* (*lɤ*), изменяясь в *ýв* (*ýɤ*), может в дальнейшем измениться в *в* (*ɤ*): *móv'it*, *móv'iuɤ* (молвил) рядом с *móv'v'it*. Звук *ý* (*ɤ*) вместо *л* на конце слова и перед согласной встречается также в сравнительно немногих ю-в-р говорах.

В некоторых говорах фонема *л* перед гласною также изменилась в билабиальное образование: *skazáɤwa*, *svar'ýɤwa*, *ɤwa* (шла), *ɤóɤadi*, *ɤóɤɤka* (ложка), *ɤwómáɤw* (сломал) и т. д.

Следует иметь в виду, что в *ɤ* или *ý* может измениться *л* твердое, но никак не „среднее“ „европейское“: русское *л* твердое имеет

велярное образование, т. е. в его образовании активное участие принимает задняя часть спинки языка, поднимающаяся к мягкому небу. Таким образом, артикуляция твердого *л* близка к артикуляциям *й* и *ш*, для которых также характерно поднятие задней части спинки языка. Эта близость увеличивается еще потому, что велярные согласные склонны к лабиализации, а лабиализация или губная артикуляция свойственны звукам *й* и *ш*. Одной из важнейших характерных особенностей образования *л* является смыкание кончика языка с передними зубами (при опущенных боках языка). Если почему-либо этого смыкания не будет, то образуются звуки типа *й* (или *ш*). „Среднее“ *л* само по себе не может измениться в *й* или *ш*, так как при его образовании задняя часть спинки языка индифферентна, не принимает участия в артикуляции.

Отсюда можно сделать вывод о том, что первоначально произошло изменение в определенных условиях твердого *л* в *й*, *ш*, а затем уже твердое *л* в тех положениях, в которых оно не изменялось в *й*, *ш*, заменилось „средним“ *л*.

§ 177. Для тех же говоров, которым свойственно „среднее“ *л*, а также *й* (*ш*) на месте *л* перед согласной и на конце слова, характерно изменение мягкой *л* в твердое велярное *л* в положении перед твердыми *н*, *ш*: *бо́лно* (ср.: *бо́л'он*), *с'йлно* (ср.: *с'йл'он*), *во́лно*, *оста́лно́й*, *колоко́лна*, *бо́лшо́й*, *до́льше*. В некоторых говорах отмечено твердое *л* вместо мягкого также перед некоторыми другими согласными, например: *па́лц'ом* (ср.: *пал'ец*), *по́лза*, *палто́*.

§ 178. Отверждение *л* перед твердой согласной относится ко времени более позднему, чем изменение *л* в *й* (*ш*) перед согласной: в то время, когда отвердело *л* перед твердыми согласными, закономерность изменения *л* в *ш* (*й*) уже прекратила свое действие. Именно поэтому сейчас в одних и тех же говорах можем найти, например, слова *воу́на* и *волна́*: первое происходит из *волна́*, а второе из *вол'на́*.

Кроме того, изменение *л'* в *л* перед твердой согласной было после того, как твердое *л* перед гласной заменилось „средним“ *л*: поэтому вновь появившееся твердое *л* (*болно́й*) не заменилось „средним“ *л*.

В целом хронология различных изменений *л* и *л'* может быть представлена в следующем виде:

1. *во́лк*, *да́л*; *да́ла*, *бы́ла*; *бо́лно*, *бо́льше*
 ↓ ↓
2. *воу́к*, *дау́*; *да́ла*, *бы́ла*; *бо́лно*, *бо́льше*
 ↓ ↓
3. *воу́к*, *дау́*; *да́ла*, *бы́ла*; *бо́лно*, *бо́льше*
 ↓ ↓
4. *воу́к*, *дау́*; *да́ла*, *бы́ла*; *бо́лно*, *бо́льше*

Все эти стадии изменений *л* и *л'* представлены в современных русских говорах.

Примечание. По говорам, имеющим *й* вместо *л* перед согласной и на конце слова и *л* вместо *л'* перед твердыми *н*, *ш*, можно встретить в отдельных случаях в этих положениях *л*: *пои́ол*, *ска́зал*, *бо́лно*, *бо́лшо́й*. Звук *л* в этих положениях является, безусловно, вторичным: он появился на путях утраты описанных диалектных черт едва ли не под влиянием литературного языка.

§ 179. В говорах, в которых фонема *л* имеет „среднее“ образование (*л*) звук *ў* как разновидность фонемы *л* (*пáўка* — *пáлоўка*, *быў* — *была*, *даў* — *дала*) можно считать вариацией фонемы *л*, если фонема *в* перед согласной и на конце слова реализуется не в звуке *ў* (или *ш*); если, например, произносится *траўка*, *дроф*. Так обстоит дело в большей части тех с-в-р говоров, которые имеют фонему *л* и звук *ў* (*ш*) как ее разновидность. Однако в некоторых с-в-р и ю-в-р говорах рядом со звуком *ў* (*ш*) как разновидностью фонемы *л* (*л*) тот же звук представлен в качестве разновидности фонемы *в*, т. е. произносят: *пáўка*, *лаўка* и рядом: *пáлочка*, но *ла́вочка*; *драў*, *траў* и рядом: *драла* и *травá*. В таких говорах звук *ў* (*ш*) является вариантом фонемы *л* (*л*).

Звук *л* вместо *л'* перед твердой согласной является вариацией мягкой фонемы *л'*, если твердая фонема *л* в этом положении реализуется в своей разновидности *ў* (*ш*); ср.: *с'ил'он* — *с'ўлној* и *пóлон* — *пóўној*. Однако имеются говоры, в которых *л'* и *л* совпадают перед некоторыми согласными: произносится *вол'он* — *вóлној* и *пóлон* — *пóлној*. В этом случае *л* может явиться вариантом фонемы *л'*.

§ 180. „Среднее“ *л* вместо *л* твердого в с-в-р говорах представляет собой, видимо, один из остатков иноязычной подосновы соответствующих говоров, вероятно, подосновы финской. Таково же, быть может, происхождение *ў* (*ш*) вместо *л* в некоторых же говорах северо-востока Европейской части СССР. Среднее *л* и теперь характеризует многие языки финно-угорской группы, а также русскую речь соответствующих народов. Звук *ў* (*ш*) вместо *л* перед согласной и в конце слова произносится, например, во многих говорах комиюского языка.

Что касается аналогичных явлений в ю-в-р говорах, то они имеют другое происхождение: среднее *л* встречается лишь в немногих ю-в-р говорах. Если не иметь в виду отдельных говоров переселенцев с севера, то среднее *л* в ю-в-р говорах встречается, главным образом, в языке детей и женщин. Возможно, что оно появилось и без иноязычного воздействия, может быть, имела значение здесь эмоционально-экспрессивная сторона языка. Звук *ў* (*ш*) вместо *л* встречается на западе ю-в-р территории, в районах, пограничных с территорией белорусского языка. В белорусском же языке *ў* вместо *л* является одной из его общих характерных особенностей. В связи с этим *ў* вместо *л* в пограничных ю-в-р говорах следует связать генетически с образованием той же черты в белорусском языке.

§ 181. В русских говорах Нижней Колымы, а также в отдельных случаях в немногих говорах на севере Европейской части СССР представлено так называемое „сладкоязычие“, т. е. употребление *ј* вместо *л*, *л'*, а также вместо *р*, *р':го́ва́* (голова), *люб́у́* (люблю), *ход'а́ја* (ходила), *хо́лош* (хорошо), *јэ́зат'* (резать). „Сладкоязычие“ свойственно, главным образом, говору женщин, в особенности старух, а также детей. Мужчины избегают его. Но эта черта ранее была свойственна и им. Это видно из того, что, приобщаясь к русскому литературному языку, они нередко употребляют *л* или *р* вместо *ј*, например: говорят *во́лова́т'* вместо *во́вова́т'*, *отча́ланној* вместо *отча́јанној*.

„Сладкоязычие“, безусловно, представляет собой черту иноязычного говорения и образовалось на почве перехода от местных языков к русскому.

Исторические напластования в лексике традиционных говоров.

§ 182. В диалектологической литературе накопилось весьма много материалов по лексике русских говоров. Имеемся „Опыт областного словаря великорусского языка“, правда, весьма устаревший (1852 г.), и „Дополнения“ к нему, большое количество областных слов помещено Далем в его „Толковом словаре“, имеется, наконец, ряд словарей по отдельным местным говорам. Кроме того, почти в каждом описании диалекта или ответе на ту или иную программу прилагается словарик, большего или меньшего объема, — такие словарики в целом также дают довольно значительный материал. Однако, несмотря на все обилие материала, лексика русских говоров до сих пор остается самой неразработанной областью диалектологии. У нас нет исследований о лексике отдельных говоров или о той или иной отрасли лексики. Едва ли не единственной относящейся сюда большой работой является „Исследование о лексике русских говоров“ Ф. П. Филина (1936 г.), посвященное сельскохозяйственной терминологии.

Ввиду отсутствия должной опоры в предшествующих исследованиях, в настоящее время не представляется возможным дать в общем курсе цельный очерк лексики, и потому ниже мы ограничимся лишь краткой характеристикой диалектной лексики.

Как и все в языке, развитие и состав лексики обусловлены общественно-экономическими условиями развития соответствующего народа. Больше того, поскольку лексика непосредственно отражает общественные и экономические условия, характер производства, техники и культуры народа, постольку эта обусловленность в лексике наблюдается более ярко и непосредственно, чем в других сторонах языка: вместе с изменением общественно-экономических условий, организации производства, уровня техники, культуры меняются и словарь — появляются новые слова, отражающие новые предметы и понятия, старые слова или исчезают, или меняют свое значение, приспособляясь к новым общественно-экономическим условиям.

§ 183. Словарь традиционных русских говоров (о лексике, относящейся к советскому периоду нашей истории, к новым

условиям развития советской деревни в условиях диктатуры пролетариата и строительства социализма, см. ниже главу „Языковые процессы современной деревни“) представляет собой результат длинного исторического пути от эпохи родового строя до наших дней. В нем в той или иной мере отразились разные этапы этого пути. Одни слова возникли и развились в сравнительно недавние времена — в эпоху царизма, другие относятся к разным периодам эпохи феодализма, третьи ведут свое начало от еще более ранней эпохи родового строя. Конечно, чем в более раннюю эпоху возникло то или иное слово или группа слов, тем в большей степени это слово или группа слов могли измениться как в своем внешнем звуковом виде, так и — что особенно важно — в своем значении. Поэтому нередко лишь при помощи научного анализа то или иное слово можно отнести к определенному историческому периоду.

Так, например, известная группа слов восходит еще к эпохе родового строя. Сюда относится, например, терминология родства и притом не только такие общеупотребительные слова, как *жена*, *отец*, *род* и др., но и выходящие из употребления типа *сноха*, *шурин*, *тесть*, *деверь*, *свекровь*, *золовка* и др. Характерно, что некоторые из этих слов, по говорам изменившие свою форму, в других говорах, в силу косности быта в прошлом, напротив, сохранились в своей старейшей форме. Ср. ю-в-р — рязанское, подмосковное (Коломенское) и др. — *свекръ*; ср. *зѡлва* в б. Иркутской губ., *зѡлвица* в б. Тверской губ. (при др.-р. *зѡлва*, старосл. *зѡлва*; *зѡлвица* — нормальное для др.-р. языка уменьшительное образование в старейшей форме — с суффиксом *-иц-* от существительных женск. р. на *-а*; образования на *-ѡк-* относятся к более позднему времени. Ср.: *девица* и *девка*, *горица* и *горка*, *книжица* и *книжка*).

К этому же периоду, вероятно, относятся слова, обозначающие сельское общество, общину и определенных лиц в ней — *мир* (*всем миром просили*, *на миру и смерть красна*, *полно миру охоло лавки*, т. е. народу), *опчина*, а также *опчество* (с *ч* при церковнославянском *щ*¹⁾; ср. слово того же корня *оптом* (из *обѣтъ*) с изменившимся значением „целиком, все сразу, гуртом“. Сюда, возможно, относятся и такие слова, как *толокѡ* — „общественная уборка хлеба или сена, принадлежащего одному хозяину, при помощи соседей, родных и знакомых“, а отсюда и более общее значение вообще „помощи“ (в б. Курской, Псковской, Смоленской, Тверской губ.); *скоп* — „собрание людей, сходка (в б. Новг. губ.), *скопка* — с тем же значением (в б. Арханг., Новг. губ.), ср. выражение *скопом*, *всем скопом пошли* в значении „все вместе, сообща, толпой“; *сойма* — „сходка“ (в б. Калужск., Нижегород. губ.); слово это представляет сочетание предлога-приставки *сѡ* (в более древнем виде *сѡл*) и корня *-ит-*, *-ѣт-* (ср.

¹⁾ Впрочем, слово *опчество* укрепилось в крестьянском языке не без влияния литературного языка, в котором оно является церковнославянизмом: ср. *щ* вм. *ч* и *е* на месте слабого *ѣ*, причем последняя особенность отразилась и в говорах.

imati, vyz-ьmъ); при старосл. *съньмъ*, соответствующее в русском литературном языке слово *сонм* (вместо *сн'ом*) — *сонма*, ср. другие случаи с наличием или отсутствием звука *н* на конце приставки: *сымать* и *снимать*, *сойдет* и церковнославянское *снидет* и т. д.; ср. польское *sejm* — „сейм“.

Многие из относящихся к этому давнему периоду слов частично или даже полностью утратили свое старое значение, связанное с родовым строем, и теперь только путем научного анализа могут быть возведены к этой эпохе. Таковы, например, слова *выть*, *соха*, *кол*, *кулига*, *обжа* и др., отношение которых к названиям общины установлено Ф. П. Филиным в названном выше исследовании.

Сравнительный анализ всех значений, которые имеет слово *выть* по разным говорам, а также их сопоставление с значением слова *выть*, зафиксированным в древнерусских памятниках, позволил установить основные этапы в развитии значений этого слова — от названия первобытной общины, далее, „части сельской общины, группы домохозяев, объединенной общим владением земли“, к названиям земельной площади — „общей полосы нескольких домохозяев“, „пая или надела в лугах“, устанавливаемого на время сенокоса, при барщинном хозяйстве — „общества крестьян, отбывающего барщину“, „части земельного надела“, просто „пая“ или „части“, просто „пашни“, „двора“, определенной площади земли, т. е. единицы измерения; далее, от названий площади к временным значениям — „отрезка времени“, „рабочего времени от завтрака до обеда, от обеда до ужина“, отсюда к значениям „обед“, „ужин“; далее, „количество пищи, съедаемой за обедом“, наконец, „аппетит“. (Ср.: *у него большая выть*, т. е. он много ест, *у меня нет выти*, т. е. не хочу есть).

Аналогичный путь развития прошло слово *соха* — от названия „небольшой общины вместе с принадлежащей ей землей“ (ср. тихвинское и соликамское *посоха* — „артель или группа проезжих или рабочих“) к определенной мере земли (неодинаковой в разных местах и в разное время). Рядом с этим *соха* — земледельческое орудие, это значение развивается из значений „кол“, „дубина“, „палка“ (ср. *соха* — палка, „жердь“ в современных говорах, а также *по-сох*, *по-сош-ок*). Отзвук значения *сохи* как названия общины, коллектива сохранился в выражении *мелкая сошка* — человек, занимающий незначительное положение в обществе.

Слово *кол* также первоначально служило названием общины, коллектива, далее — „группы домохозяев, получающих при переделе один общий участок земли“, наконец — „меры земли“ и вообще „земельного угодия“. Подобно *сохе* слово *кол* также, вероятно, обозначало и примитивное земледельческое орудие, вытесненное позднее другими терминами. Пережитком старого значения слова *кол* как земельного участка является выражение *ни кола, ни двора*.

Примерно так же развивались значения таких слов, как *кулига*, *обжа*.

Патриархальный быт, восходящий к весьма давней эпохе, характеризуют такие слова, как *дым* в значении „очаг“, „дом“, „семья“

(Влад., Ворон., Ряз., на севере Европ. части СССР, в Сибири), гнездо в значении „семья“ (*были на сварьбе три гнезда из Бебрюхова — Горьк. обл.*), *семейно* — „многолюдно“ (*бх-ы-с-е-м-е-й-н-о б-ы-л-о на собр-а-н-и-и — фс'е пошл'й; Волог. обл.*).

Отзвуки дохристианского мировоззрения сохраняет слово *домовина* в значении „гроб“ (*домовина*, в отличие от нынешнего гроба, выдалбливалась из целого ствола; такая *домовина* у некоторых старообрядцев была в употреблении еще в начале XX в.).

К эвфемизмам, основанным на запрете (табу) имен богов, духов и пр. и восходящим к отдаленным временам мифологических верований, относятся такие общераспространенные названия, как *хозяйин* вместо *домовой* и *леший* (ср. у П. Бажова: „*Хозяйка медной горы*“), *зверь*, *Потапыч*, *лесник*, *мохнач* и т. д. и даже просто *он* (в охотничьей среде) вместо *медведь*. Сюда относится и бранное слово *тот-то* (о чорте), употребляемое, например, в Орловской и Тульской областях: *тот-то тебе подхватит*.

В эпоху господства феодальных отношений рядом с переосмыслением старых слов, восходящих к предшествующей эпохе, появляются новые слова, возникшие в связи с новыми общественно-экономическими отношениями. Таковы слова *десятина*, *огьмина*, *полосьминник*, *сотня*, *полсотни*, *пятина*, *четверуха* и др. Слово *десятина* первоначально обозначало, вероятно, долю, которую получал феодал от коллектива крестьян. В связи с такого рода значениями многие из этих слов употребляются затем для обозначения крестьянского коллектива, общины эпохи феодализма, а также для обозначения площади земли, сначала менее определенной, позднее — отстоявшейся.

Заметный пласт в словаре традиционного говора составляют слова, проникшие из языка церковного. При этом основная часть церковно-религиозной терминологии на наших глазах утрачивается вместе с утратой церковно-религиозного мышления, отходом от религии, вместе с культурным и политическим ростом. Однако часть слов, не имевших специфически культового характера и проникших в язык деревни очень давно, укрепилась в ней и даже вытеснила свои исконные соответствия. Так, например, в русских говорах в соответствии с общенациональной нормой слова *время*, *сладкий*, *вред*, *храбрый*, *срам*, *враг* и др. почти повсеместно употребляются в церковнославянской огласовке и в значительной мере вытеснили исконно русские *веремя*, *солодкий*, *веред*, *хоробрый*, *сором*, *ворог*. Последние сохранились лишь кое-где и не ото всех слов, причем иногда лишь в том или ином специальном значении; ср.: *веред* — чирей, болячка, прыщ — *не почешешь, так и веред не вскочит*, т. е. без причины ничего не бывает; слово *хоробрый* кое-где сохранилось по с-в-р говорам, а широко — лишь в языке фольклора; *сором* и производные сохранились во многих с-в-р говорах, но значительно шире в них, как и в других говорах, употребляется *срам* (*страм*); слово *ворог* известно по говорам как в общем, так и в специальных значениях (например, „знахарь“, „колдун“), но гораздо шире бытует в языке фольклора.

В традиционных говорах еще до недавнего времени нередко держались названия церковных праздников, утратившие свое церковно-религиозное значение и употребляющиеся для обозначения времени года, месяца, особенно часто для обозначения времени тех или иных сельскохозяйственных работ. Ср.: *до рожества, с паски, к успенью, до Петрова дни* или просто *до Петра, к Петру, до Кузьмы, с Миколы вешнего, после Троицы* и т. д.

Некоторые церковные слова утратили свое культовое значение и употребляются в различных общих и частных значениях, лишенных церковно-религиозного налета. Таково, например, слово *палестина*, *палестинка* (первоначально „земля обетованная“, Палестина), приобретшая нарицательное значение — „родины“, „родных мест“, „хорошего, желанного места“ и т. д. Ср. выражения: *в родных палестинах, в вашей палестине; там такая палестина*; ср. слово *палестинка* у М. Пришвина в сказке-были „Кладовая солнца“, объясненное самим автором, как „отменно приятное местечко в лесу“: „*есть палестинка в лесу... вся красная, как кровь, от одной только клюквы. На этой палестинке еще никто не бывал*“.

Точно так же слово *иордάνь* (*ердάνь, ярдάνь*) — первоначально собственное имя (евангельское название реки), через нарицательное значение „место на реке, где производится водосвятие в некоторые церковные праздники“, затем приобрело по говорам общее значение, не имеющее церковно-религиозного оттенка „проруби“ (б. Вят., Твер. губ.), а также „род колодца у болота, откуда течет вода“ (б. Твер. губ.).

На почве старообрядческой среды церковнославянское слово *еретик* по говорам приобрело бранное значение и употребляется как ругательство: *Еретик ты этакой. Попадись ты мне* (Горьк. обл.).

Крепостнические отношения отразились в терминах *оброк, барщина, недоимки, исполу* („из половины“; например, давать помещику половину урожая; позднее — *снять землю исполу, взять корову исполу*, т. е. кормить корову и пользоваться молоком, но отдавать телят владельцу) и т. д.

Царизм оставил слова *некрут, исправник, становой, урядник, губерния, уезд* и др. Большую часть таких слов можно считать уже утраченной в языке современной деревни (некоторые из них известны лишь глубоким старикам).

Основные стороны лексики традиционных диалектов.

§ 184. Традиционный словарь говора в той мере, в какой он сохранился к началу XX в. и отчасти — пережиточно — до нашего времени, отражает отсталую, в течение веков слабо развивавшуюся технику мелкого индивидуального сельского хозяйства и соответствующий этому хозяйству уклад жизни, быт и мировоззрение. В традиционном диалекте были представлены такие стороны или сферы словаря, как словарь полеводства, животноводства, огородничества, садоводства, средств передвижения, хозяйственных и жилых построек,

словарь разного рода промыслов — уголь, деготь, смола, лесной промысел, сплав, выделка ложек, лаптей, рогожи, валенок, плотничество, плетение кружев, выделка пряжи и ткачество, охота, рыбная ловля и т. д., словарь домашнего хозяйства, посуды, утвари, стряпни, одежды, наконец, бытовой словарь непередметного значения и т. д.

Не только теперь, но и раньше в каждом отдельном говоре неравномерно были представлены отдельные из перечисленных выше сторон словаря. Это зависело от характера экономики данного края, и уровня его общественно-экономического развития. Например, в озерном крае северо-запада, где рыбная ловля имеет важное хозяйственное значение в жизни крестьян, естественно, богато развит соответствующий специальный словарь, который может почти отсутствовать в районах, где отсутствуют большие водоемы и рыбные угодия. Точно так же в диалектах населения богатого лесами севера, где развит лесной промысел, сплав, охота, имеющая промысловое значение, естественно, развита и соответствующая специальная лексика, отсутствующая в говорах юга — степной полосы, бедной лесами. Однако в каждом говоре широко были представлены те стороны лексики, которые отражали существенные стороны экономики и бытового уклада населения данной местности.

Таким образом, богатство диалекта специальной лексикой, соответствующей хозяйственному укладу данной местности, является одной из характерных особенностей диалектной лексики.

§ 185. Далее, для лексики традиционных диалектов характерно наличие большого количества слов, обозначающих видовые понятия, при отсутствии нередко соответствующего слова, обозначающего обобщающее родовое понятие. Так, например, в соответствии с словом литературного языка *сноп* в некоторых говорах мы найдем большое количество слов, обозначающих разновидности снопов, среди них также и слово *сноп*, но не найдем обобщающего названия для „снопа вообще“. Ср.: *старновка* — „обмолоченные по первому разу цепами снопы“, *кубач* — „большой сноп соломы“, *голова* — „тяжелый сноп, который кладется сверху крестца“, *горстка* — „небольшой сноп“, и т. д. В этом ряду и слово *сноп* обозначает лишь один из видов соответствующего предмета, а именно „связанная необмолоченная охапка ржи“.

Для обозначения различного вида стогов имеется большое количество слов, но отсутствует общее название, их объединяющее. Ср.: *копна* — „52 снопа озимых или яровых“; *скирд* — „стог необмолоченного хлеба“, *стог* — „большая копна обмолоченной соломы (или сена)“, *одонья* — то же, что и скирд, *кладушка* — то же, что и одонья; *омёт* — то же, что стог, *бабка* — „10 снопов льна, приставленных друг к другу“, и т. д.

Для обозначения различных видов изгороди употребляются слова *городьба*, *загородка*, *плеть*, *частокол*, *слеги* или *слежки*, *тын* и др.

Для языка крестьян, в хозяйстве которых земледелие имеет основное значение, характерно наличие ряда слов, обозначающих

названия земли, почвы: *гнила* — „глина“, *суглинок*, *белозобина* — „почва, белая снизу, суглинок“, *песчаница*, *мочвище* — „необрабатываемые, заболоченные лужи в поле“, *каменка* — „груда камней в поле“, *белуга* — „светлосерые супески“, и др. Характерна также богатая терминология угодий. Относящиеся сюда слова обозначают угодия по-разному: по их отношению к обработке земли (*цельжень* — „непаханное поле, целина“, *чищеник* — „раскорчеванное место“, *ветча* или *ветша* — „необработанный, отдыхающий участок поля“, *залезь* — „брошенная, отдыхающая земля“, *орка* — „пашня“, *суки* — „подсека, вырубленное и выжженное место в лесу“), по характеру растительности или по использованию угодья (*гороховище* — „где пахали раньше под горох“ и соответственно *гречневище*, *овсище*, *клеверище*, *льнище*, *ржанище*, *яровище* (после овса), *клюковошник* — „место, где растет клюква“, *прутняк* — „место, заросшее кустарником“, и соответственно *ивняк*, *сосняк* и т. д.), по рельефу местности (*кряжевина* — „возвышение“, *сопка*, *уревы* — „обрывы, овраги“), по характеру и величине угодия (*заклюка* — „изогнутый участок земли“, *рёлка* — „узенькое угодие, мыс на озере“, *наволок* — низменный мыс, полуостров).

Для рыбацкого языка характерно, например, обозначение разных видов дна: *креж* — „яма на дне“, *мякоть* — „дно на озере“, *нальё* — „каменистое дно“, и т. д.

Для крестьянских диалектов, в особенности лесных районов, характерны многочисленные названия леса в его разных видах, например: *бор* — „хвойный лес“, *сузём* или *сузёмок* — „густой, непроходимый лес, удаленный от жилья“, *лядина* — „густой лес“, *шелеп*, *шелепок* — „лесок, рошица“, *дровяник* — „нестроевой лес, годный на дрова“, *сосняк*, *ельняк*, *ивняк*, *олешняк*, *вересняк*, *березняк*, *осинник* и т. д. (или *сосняк*, *ельняк*, *ельник* и т. д.), *дуброва* (в б. Курск. губ. — „дубовый и вообще лиственный лес“; на Колыме — „лиственная поросль, мелкий ивняк“), *урема* (в Тат. АССР, Чкаловск. обл., на Урале, в Сибири — „поемный лес и кустарник по берегу реки“), *урман* (в Сибири — „дремучий лес“), *тайга* (Сибирь), *кондовый лес* (б. Вят., Пермск. губ., Сибирь) и т. д. При этом характерно, что слово *лес* в говорах далеко не всегда употребляется в общем значении, объединяющем частные значения указанных только что слов. Слово *лес* в некоторых говорах, например, обозначает „дубовое дерево“ (б. Воронеж. губ.) или „засека, заповедный лес“ (Ряз., Тульск. губ.). Во многих говорах слово *лес* обозначает „строительный материал“, понятие же „пространство, заросшее деревьями“ обозначается множеством слов с видовым значением в зависимости от породы леса, возраста, хозяйственного употребления и т. д.

Весьма богато по говорам представлены названия сельскохозяйственных животных по возрасту, полу, хозяйственному использованию. Ср., например, названия лошади по возрасту — *сосун* (*сосунок*), *стригун*, *лоньшак*, *третьяк*, *борноволок* („лошадь двух лет“), *баронка* („лошадь по третьему году“) и т. д., названия крупного рогатого скота — *слеток* („однолетний теленок“), *ососок* („молодой теленок или поросенок“),

поводник („годовалый бычок“), *первак* („корова, отелившаяся в первый раз“), *переходница* („нестельная корова“), *мякинник* („двухгодовалый теленок“) и т. д.

Таким образом, крестьянские говоры отличаются богатством лексики, относящейся к специальным отраслям хозяйства, экономики, быта. Каждая деталь, имеющая то или иное значение в хозяйстве, обозначается определенным словом. В этом смысле диалект сближается с специальными и профессиональными языками, для которых также характерна детализация специальных сфер лексики (ср., например, словарь железнодорожников, шахтеров, текстильщиков, врачей и т. д.). Однако существенной особенностью словаря традиционных диалектов является нередкое отсутствие или во всяком случае слабое развитие обобщающей лексики, обозначающей родовые понятия, при богатстве лексики, обозначающей видовые понятия.

Нетерминологическая диалектная лексика.

§ 186. Много своеобразного имеется по русским говорам также в нетерминологической лексике бытового характера, сохранившей немало архаизмов, известных частью по памятникам древнерусского языка. Так, например, в ряде с-в-р говоров сохранились наречия *вдругорядь* (*пошлѣ я к нѣмѣ вдругорѣть, а он бѣют ѿ полѣ ушѣтчи*), *вѣнорядь* (*вѣнорядѣ не придѣ*), *посѣсь* („до сих пор“: *так посѣсь и живут*), *сейгод* (*сейгот хлѣп-от был хорошой*), *сегододу* (*сегододу было мало рыбы*) или просто *сегоду*, *сѣсьгот*, *сѣлето*, *сѣночи* (или *сѣйночи*) и т. д.¹, *назадь* (образовано от предлога *на* и существительного основ на *і*—*задь*; ср. в литер. языке: *сзади*, *позади*), *начасу* („тотчас, скоро“: *начасу сбегаю*; *начасу ходит* — беременная в последние дни перед родами; б. Арх. губ.) и т. д.

Характерны наречия-предлоги вроде следующих: *абѣпола* (подле, близ, ю-в-р.: *его дом абѣпола школы*, *абѣпола мѣжавѣ дварѣ он ы живѣ*); *поздоле* (*поздоль* — „вдоль“): *поздоль улицы прошли* (Волог. обл.); существительное-предлог — *край* (*крей*, *кри*) в значении „на краю“, „около“, „подле“: *край села живем*, *край нашево двора* (Яросл.), *кри озера* (Ряз.). Архаизмом, почти не сохранившимся в русских говорах, является предлог *перез* в значении „через“: *перез реку*, *перез лес* (б. Влад. губ.), *перез день* (б. Твер. губ.)².

Любопытны относительные слова: *пока* — *пота*, *покамест* — *потамест*, а также наречия: *пока*, *пота*, *пося*, *посяместа*, сохранившиеся в отдельных говорах (и притом не только во временном

¹ Наречные образования *сѣйгод*, *сѣсьгод* и *сегоду* (из *сегододу*) в говорах аналогичны образованиям *сейчас* (вин. п.; ср.: *сию минуту*) и *сегодня* (род. п.). *Сесь* представляет собой удвоение старого местоимения *сь* (им.-вин. п. ед. ч. муж. р.): *сьсь* → *с'ес'* подобно *тот* из *тѣтъ*; *сѣй* (ср. по говорам параллельное образование *той* вм. *тот*) представляет собой распространение местоимения *сь* (или *тѣ*) местоимением *и* (старое *ѣ*).

² Ср. польск. *przez*, чешск. *přes* — „через“ (напр., чешск. *přes hory* — „через горы“).

значении, но кое-где и в более старом пространственном значении). Ср. в застывшем выражении-поговорке: *пока быт, пота и кричи*; в обычной речи: *покамест не спросит, потамест молчи; пося не слышал* (до этого времени), *пося режь* (до этого места).

В русских говорах нередко сохранялись слова, известные только по письменным памятникам и отсутствующие в литературном языке. Так, например, в отдельных говорах еще в XIX в. сохранялись некоторые слова, знакомые нам по „Слову о полку Игореве“: *комонь*, *кикать* или *кыкать* (в песенном языке), *шоломя*, *туга*: *воротите вы комоной* (свадебная песня, б. Арх. губ.), *кичет лебедь белая* (в песне; б. Арх. губ.), *а лебедушка кыкати*; *лебедь кычет* (в песне; б. Иркутск. губ.); *шоломя* — „возвышенность, холм“ (б. Арх. губ.); *туга* — „тоска“ (б. Иркутск. губ.).

В курских и воронежских говорах сохранялось старинное слово *борошно* в значении — „ржаная мука“ или „вообще мука“ (ср. старослав. неполногласную форму этого слова: *брашьно*). В значительной части с-в-р говоров сохранилось слово *долонь* без перестановки согласных *д* и *л* в значении „ладони руки“, а также в значении „гладкого места для тока“ (ср. старослав. неполногласную форму: *длань*). По с-в-р же говорам известно слово *живот* в значении рабочего скота, в особенности лошадей, — вообще имущества, богатства, жизни. В тех же говорах (а частично и в рязанских) сохранилось слово *зобать*, *позобать* в значении есть, в особенности что-нибудь мелкое, например ягоды, горох, толокно; „есть, подбирая прямо губами с ладони“, и т. д.: *позобал ягод; что ты зоблешь; позобли еще* (ср. в старосл. языке: *і придошъ пѣтицѣ небесьскыѣ і позобашъ ѿ*, т. е. семена). В с-в-р говорах широко известно слово *имать* в значении „ловить“, как несозерш. вид к *поймать* (ср. литер.: *поймать*): *пошол ф полѣ имать коня*. Интересно слово *дор* — „вновь расчищенное от леса место“ (Арх., Волог. обл.): *на дору выстроился* (корень *дор* вместе с *дер* и *др* (др.-рус. *дър*) образуют одну группу с чередующимися гласными: *дор—деру—драть* из *дѣрати*). Слово *дор* весьма часто употребляется в качестве названия населенного пункта (вероятно, образовавшегося на расчищенном от леса месте); ср.: дер. *Дор* Бронницкого р. Моск. обл. и другие.

В ряде случаев слово, сохранившееся в диалекте, помогает осмыслить образованное от него слово, имеющееся в литературном языке, поставить его в определенный словообразовательный ряд. Например, слово *брезжит* — „рассветает“ — в литературном языке не мотивировано, не объясняется из соответствующего непроизводного слова. Между тем последнее представлено в говорах и хорошо объясняет соответствующее слово литературного языка. Ср. *брезг* — „рассвет“ (б. Симб. губ.): *приехал на брезгу, выехали на работу с брезгом*. В говорах б. Новг. и Твер. губ. отмечено слово *лыбить* — „улыбаться“, „усмехаться“ (говорят о младенце), объясняющее слово литературного языка *улыбаться*. В костромских говорах отмечено слово *печный* — „заботливый“, объясняющее слово литературного языка *беспечный* (с приставкой *без*, имеющей значение отрицания; ср.: *без-*

радостный, безвольный и др.). Сибирский фольклор сохранил непроизводное слово *вен*, от которого образованы уменьшительные по происхождению слова *венец, веночек*: *Кому мой вен достанется* (свадебная песня).

§ 187. По говорам некоторые понятия передаются различными словами. Понятие „много“ передается словами *много, людно, богато, дивно*: у н'аво *мнбѹа ов'ѣц паслѣс'* (Ряз.), у н'их в д'ер'ѣвн'е *л'ѹнѹ собак*; *комаров л'ѹнѹ* (Вологод. обл.), *поросят-то людно же у вас* (б. Арх. губ.), *рыбы людно в озере, дров людно заготовили на зиму* (Костр. обл.), *там камаря багато* (б. Воронеж., Орл. губ.); *юрта хорошая, только блох дивно*. Сколько тебе годов? А уж *дивно* (Сибирь).

Понятие „очень“ передается словами *очень, дюже (дуже), шибко, больно, гораздо (горазд), прытко, порато, пылко, добре* и др. Ср.: *дюже устал* (ю-в-р), *горазд хорошо, старик был горазд умный* (Арх., Новг., Пск. обл.); *шибко болен, нешибко далеко живут* (Костр., Молот. обл.), уж *больно он сердит; прытко болен, прытко умен* (Моск., Горьковск. обл.), *порато мелко, не порато давно, как ушел* (Арх., Вологод. обл., Карело-Финская ССР), *пылко холодно* (б. Вологод. губ.), *добре хорошо* (Волог.; Яросл., Тверск. Орл., Тамб. и др.).

Наряду со словом *второй* в том же значении употребляется слово *другой* (*другой год мальчику; сегого десятка другой ли третьей год пошел, как живу на свете*). Наряду со словом *здесь* и производными (*здесека, zdeка, здесетко* и др.) употребляется слово *тут, туто (туда)* с производными (*тутока, тутокатки, туточка, тутоди*). Ср. объединение обоих слов в одном наречии *тутозде* (б. Вятск. губ.) в значении „кое-где по близости“.

Великая Октябрьская социалистическая революция и развитие русских диалектов.

§ 188. Победа Великой Октябрьской социалистической революции открыла новую эру в языковом развитии всех народов Советского Союза, в том числе русского. Открылись неограниченные возможности экономического, политического и культурного роста крестьянства и вместе с тем его широкого языкового развития.

Однако языковое развитие крестьянства не было прямолинейно и просто: оно было обусловлено сложными социально-политическими и экономическими процессами, пережитыми нашей деревней с 1917 г.

Трудящиеся СССР — рабочие, крестьяне, интеллигенция — глубоко изменились за годы социалистического строительства. Появился новый тип свободного от всякой эксплуатации крестьянства, которого еще не знала история человечества. В вышедшем в 1938 г. „Кратком курсе истории ВКП(б)“ о происшедших в жизни СССР великих изменениях говорилось: „Таким образом, стираются классовые грани между трудящимися СССР, исчезает старая классовая исключительность. Падают и стираются экономические и политические противоречия между рабочими, крестьянами и интеллигенцией. Создалась основа морально-политического единства общества“¹.

Годы второй и третьей пятилетки, годы, предшествующие началу Великой Отечественной войны, наряду с громадными успехами во всех областях социалистического строительства, роста промышленности и культуры, характеризовались расцветом колхозного строя в деревне, мощным развитием крупного механизированного коллективного сельского хозяйства, ростом культуры многомиллионных крестьянских масс.

Это явилось, как известно, одной из важнейших предпосылок нашей победы в Великой Отечественной войне. Колхозное крестьянство полностью выполнило свой долг перед страной и бесперебойно снабжало хлебом советский народ и армию. Все помнят, что

¹ История ВКП(б). Краткий курс, стр. 329.

по почину тамбовских колхозников и колхозниц в стране развернулось широкое движение по сбору средств в фонд Советской Армии. „Советский строй оказался не только лучшей формой организации экономического и культурного подъема страны в годы мирного строительства, но и лучшей формой мобилизации всех сил народа на отпор врагу в военное время“¹.

И по окончании войны колхозное крестьянство не покладая рук трудится, залечивая нанесенные войной раны, стремясь к дальнейшему подъему социалистического хозяйства. Крупнейшее значение в деле дальнейшего развития колхозной деревни имел февральский пленум ЦК ВКП(б) 1947 г., принявший развернутое постановление „О мерах подъема сельского хозяйства в послевоенный период“.

Большое значение имел также указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении передовикам сельского хозяйства звания Героя Социалистического Труда и о награждении их орденами и медалями. В 1947—1948 гг. тысячи лучших колхозников, отличников социалистического сельского хозяйства были награждены правительством.

Бедя крестьянство к коммунизму, партия и правительство всегда подчеркивали необходимость коренного поднятия культурно-политического и образовательного уровня крестьянских масс. Еще VIII съезд партии (март 1919 г.) принял развернутое постановление „О политической пропаганде и культурно-просветительной работе в деревне“. В этом постановлении указывалось, что для развития деревни „политическая темнота, общая невежественность и низкий уровень сельскохозяйственных знаний в деревне являются серьезным препятствием и в то же время осуждают беднейшее и среднее крестьянство на нищету и косность“. Поэтому „коммунистическая партия не может не отнестись с самым серьезным вниманием к просвещению деревни“. Постановление предусматривало мероприятия по коммунистической пропаганде, общему образованию и агрикультурному образованию в деревне². В резолюции XIII съезда партии было записано: „Товарищ Ленин многократно говорил в последних своих речах о том, что теперь дальнейшее продвижение по пути к социализму возможно лишь на базе культурного подъема деревни. Политпросветработа в деревне теперь наиболее насущная с точки зрения победы коммунизма“³. В том же постановлении говорилось о важности задачи выдвижения крестьянки в общественную жизнь села⁴. Можно привести и много других указаний партии и правительства о необходимости решительного повышения политического и общеобразовательного уровня сельского населения. Приведем высказывание товарища Сталина из доклада на XVIII съезде

¹ И. Сталин, О Великой Отечественной войне Советского Союза, изд. 5-е, стр. 120.

² ВКП(б) в резолюциях, ч. I, стр. 309.

³ Там же, стр. 596.

⁴ Там же, стр. 594.

партии: „Мы хотим сделать всех рабочих и всех крестьян культурными и образованными, и мы сделаем это со временем“¹.

С тех пор политический, культурный и общеобразовательный уровень советского крестьянства значительно повысился. В последние же годы большое значение имело в этом отношении возвращение в деревню по окончании Великой Отечественной войны демобилизованных солдат и офицеров Советской Армии. Значительно выросшие в политическом, культурном и общеобразовательном отношении, приобретшие большой жизненный опыт и нередко получившие в армии специальность, которую они с успехом применяют в колхозном сельском хозяйстве, они в большинстве своем являются передовиками сельского хозяйства в борьбе за высокий урожай.

Исторический путь, пройденный нашей деревней, начиная с 1917 г. до наших дней, естественно не мог не сказаться в её языковом развитии. Борьба за установление и упрочение советской власти, ожесточенная классовая борьба в деревне, принимавшая в разные годы различные формы, ликвидация капиталистических элементов и, прежде всего, последнего эксплуататорского класса СССР — кулачества; революция в сельском хозяйстве — переход от мелкого отсталого единоличного хозяйства к крупному, передовому механизированному коллективному хозяйству, к новым социалистическим отношениям, исключающим эксплуатацию; окончательное укрепление колхозного строя; культурный и политический рост сельского населения — все это ярко отразилось в языке крестьянства.

С обострением классовой борьбы усиливалось социально-классовое расслоение языка. Нередко одни и те же слова в устах представителей разных групп сельского населения приобретали разную эмоциональную окраску. Вместе с индустриализацией и коллективизацией, вместе с политическим и культурным ростом сельского населения усиливаются процессы сближения диалектов с литературным языком. Все более суживается круг носителей традиционных местных диалектов, причем и последние начинают поддаваться значительному влиянию со стороны литературного языка. Местные диалекты испытывают сильные изменения во всех своих сторонах — в фонетике, морфологии, синтаксисе, лексике. Но естественно, что исторический путь, пройденный крестьянством за советский период, полнее и непосредственнее сказывается в лексике.

Лексика.

§ 189. Появление новых слов, соответствующих новым понятиям и предметам, проникающим в деревню в связи с новыми хозяйственными и общественными отношениями, является одним из основных процессов в развитии языка советской деревни.

Уже с первых дней советской власти в деревне появляются новые слова — названия органов советской власти, в особенности

¹ И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 609.

местной (например, *сельсовет, вик, исполком, волисполком, губисполком, Совнарком, ВЦИК, ВЧК, трибунал*), постановлений правительства (*декреты*), партийных и общественных организаций (например, *партия, ЦК, уком, губком, ячейка, комсомол*), лиц по принадлежности к ним (*партийный, большевик, коммунист, комсомолец, комиссар*). Политика партии в деревне в годы военного коммунизма вызывает к жизни такие слова, как *продразвёрстка, продотряд, продкомиссар, комбед* и др. Приобретают особое значение слова, обозначающие классовую дифференциацию сельского населения (*беднота, бедняк, батрак, беднейшее крестьянство, середняк, кулак, кулачество* и др.). Появляются слова, отражающие отрицательную оценку классового врага, ненависть к нему (например, *кулачье, контра, буржуй, беляки, белячье*, т. е. белогвардейцы). В деревне постепенно укрепляются слова, обозначающие новые формы общественных отношений (например, *товарищ, гражданин, делегат, делегатка, собрание, митинг, оратор*), крепнущий союз с рабочим классом (*смычка, шефы, шефство, кооперация*), культурный рост крестьянства (*ликпункт, ликбез, школа взрослых, газета, селькор* и др.). Период нэпа отразился в появлении в языке деревни, например, таких слов, как *нэп, нэпман, нэпач, продналог, гужналог, единый сельхозналог, частник, спекулянт*; политика ограничения кулака — в таких словах, как *лишенец, твердозаданец*.

Развитие колхозного строительства, переход к сплошной коллективизации на базе ликвидации кулачества как класса вызывает к жизни в деревне много слов (например, *сплошная коллективизация, коллектив, коллективизировать, обобществить, обобществление, колхоз, ликвидация кулачества как класса, раскулачить, раскулаченный*). В эту эпоху окончательно укрепляется в языке деревни основной словарь нашей колхозной деревни, словарь, относящийся к новым общественным отношениям, новым формам организации труда, новой технике сельского хозяйства, новому быту.

Как видно из приведенных выше примеров, не все новые слова, появившиеся в разные годы, в разных исторических условиях, сохранились до сих пор в языке колхозного крестьянства. С изменением исторических условий, с ростом советской деревни часть новых слов, выполнив свою роль, исчезала из языка вместе с исчезновением из жизни соответствующих явлений, понятий, предметов (ср., например, такие слова, как *вик*, т. е. волостной исполнительный комитет; *комбед* — комитет бедноты и т. д.).

Однако многие слова сохранялись, так как продолжали служить для обозначения соответствующих явлений действительности, понятий, предметов.

В развитии языка советской деревни ведущее значение имел и имеет язык городской, литературный, язык рабочего класса и советской интеллигенции. Однако рядом с этим, в особенности в первые годы после Октябрьской социалистической революции, имели место некоторые частные процессы, отрицательные по своему ха-

рактеру и в значительной своей части уже утратившиеся. Так, например, в годы нэпа в язык крестьянства проникали слова из блатного языка (например, *буза, лафа, шамать, шпана* и т. д.), а также слова из языка городского мещанства и мелкой буржуазии (например, в двадцатых годах в языке сельской молодежи ряда районов нами было отмечено слово *барышня* вместо *девушка*: *В ячейку входят я, брат, потом еще одна барышня. У нас в ячейке три барышни* и др.).

Вместе с ликвидацией капиталистических элементов в городе и деревне резко уменьшилась возможность таких воздействий на язык крестьянства. Поэтому в последующие годы сталинских пятилеток эти языковые особенности не только не получили развития, но по большей части утратились.

Итак, словарь современной колхозной деревни в основном установился уже в годы сплошной коллективизации. В него вошла часть слов, образовавшаяся ранее. С другой стороны, он продолжал пополняться и позднее, по мере организационного и хозяйственного укрепления колхозов, а также продолжает расти и развиваться теперь вместе с политическим, хозяйственным и культурным ростом колхозного крестьянства. При характеристике языка советской деревни нашего времени следует иметь в виду, что колхозное крестьянство резко отличается от крестьянства царской России: основная масса колхозного крестьянства не только элементарно грамотна, культурна, но и имеет начальное или неполное среднее образование. Многие сотни тысяч крестьян имеют специальное образование или окончили среднюю школу. Это относится не только к молодежи, которая выросла в колхозах в годы сталинских пятилеток, но также и в значительной мере к среднему поколению (30 и 40-летним), детство или юность которых прошла в советский период. В числе молодых передовиков сельского хозяйства, получивших высокое звание Героя Социалистического Труда, большинство имеет хорошую общеобразовательную подготовку, основательные знания агротехники, полученные на курсах или путем самообразования. „В моем звене, — рассказывает Герой Социалистического Труда М. Озерный, — все девушки — комсомолки, и все они имеют среднее образование. Еще в школе они изучали физику, химию, естествознание, и это им сейчас пригодилось. Образование помогает им быстрее освоить агротехнику и стать настоящими мастерами земли“.

Значительно повысился политический и общеобразовательный уровень также и пожилых людей — активных колхозников. Вот как рассуждает, например, отец Паши Ангелиной, старый колхозник, бывший батрак, о не удовлетворившем его докладчике из города:

„Товарищи из областного центра ошибочно считают, что деревня нынче принимает с удовольствием любого лектора. Деревня нынче не та стала. Нашим мужичкам подавай хорошего лектора. Выросли, слава тебе господи. Научились... Чай, должен был знать лектор, что выступает не перед школьниками. Полтора часа гово-

рил, а ни одной живой мысли. А ведь сколько народу собралось послушать доклад о международном положении! Не прав я, а? Тошно было его слушать. Без души говорил"¹.

Повышение политического уровня и общеобразовательной подготовки основных масс колхозного крестьянства не могло не вызывать значительного языкового развития, решительных и принципиальных отличий языка советской деревни от языка крестьянства в царской России.

Здесь в полной мере применимы слова тов. А. А. Жданова: „Каждый день поднимает наш народ все выше и выше. Мы сегодня не те, что были вчера, и завтра будем не те, что были сегодня. Мы уже не те русские, какими были до 1917 года, и Русь у нас уже не та, и характер у нас не тот. Мы изменились и выросли вместе с теми величайшими преобразованиями, которые в корне изменили облик нашей страны“².

Богатство языка колхозного крестьянства не дает возможности сколько-нибудь полно охарактеризовать его лексику, поэтому приходится ограничиться лишь немногочисленными примерами из различных областей лексики, тем более, что язык современного колхозного крестьянства еще не подвергался систематическому изучению.

В языке советской деревни широко развит словарь, относящийся к советской и партийной жизни. Сюда относятся названия органов советской власти — местной и центральной (например, *советская власть, Совет, сельсовет, райсовет, исполком, райзо, министерство, Совет Министров, Верховный Совет*); представителей советской власти (*председатель сельсовета, председатель исполкома, депутат облисполкома* и т. д.); партийных организаций (*партком, райком, обком, ЦК, партийное бюро, парт-актив, партийная организация, партия большевиков*); лиц по принадлежности к партии, а также по занимаемым в ней выборным должностям (например, *коммунист, большевик, партиец, член партии, кандидат партии, секретарь парткома, парторг, инструктор*).

Большой круг слов относится к колхозу, его организационной структуре, управлению, колхозным предприятиям, организации труда в колхозе. К структуре колхоза относятся, например, слова *колхоз, сельскохозяйственная артель, устав артели, Сталинский артельный устав, артельное хозяйство, артельные фонды, правление колхоза, бригада, звено*. Виды бригад: *бригады полеводческие, огородные, тракторные* и др. Колхозный труд специализирован. Должностные лица колхоза и МТС и разные специальности обозначаются, например, словами: *председатель правления, член правления,*

¹ П. Ангелина, Люди колхозных полей. „Октябрь“, 1948, № 6, стр. 137.

² Доклад товарища Жданова о журналах „Звезда“ и „Ленинград“, Госполитиздат, 1946, стр. 36.

счетовод, учётик, плановик, бригадир, звеньевой, полевод, овощевод, огородник, животновод, коневод, конюх, овцевод, доярка, телятница, свиновод, скотница, зав. фермой, агроном, зоотехник, землемер, землеустроитель, тракторист, комбайнер, водитель, механик, прицепщик, заправщик, сеяльщик, директор МТС, заместитель директора по политчасти, дирекция МТС. Колхоз — сложное предприятие, в состав которого входит ряд хозяйственных единиц, которые обозначаются словами: МТФ (молочно-товарная ферма), птицеферма, свиноферма, конезавод, ветпункт, ветлечебница, случайный пункт, колхозная кузница, хата-лаборатория и т. д.

К планированию и организации колхозного труда относятся такие слова и выражения, как *пятилетний план колхоза, промфинплан, сверх плана сдали государству, планировать, мы сполна рассчитались с государством, трудодень, начислить трудодни, списать трудодни, дополнительное начисление трудодней, полноценный трудодень, расходование трудодней, учет работы, нормы выработки, выполнил две нормы по пахоте, бригада выполнила три годовых нормы, сдельщина, индивидуальная и мелкогрупповая сдельщина, семенной фонд, контрактация, правильно расставить рабочую силу и др.* В связи с борьбой с нарушениями устава сельскохозяйственной артели характерно употребление таких слов и оборотов: *необходимо строжайшее соблюдение артельного устава; надо ликвидировать работу скопом и внедрить в практику мелкогрупповую и индивидуальную сдельщину; прекратить расхищение трудодней, разбазаривание трудодней; ликвидировать текучесть состава бригад, изжить штурмовщину, компанейщину, работать ритмично, по плану, бороться с обезличкой, выйти из прорыва, бороться с рвачами, лодырями, дармоедами.*

Колхозное строительство неразрывно связано с новыми формами общественной и политической жизни, которые вызвали к жизни в деревне, например, такие слова: *заседание, собрание, общее собрание, митинг, конференция, слёт, комиссия, пленум, президиум, организация, постановление, резолюция, доклад, выступление, дискуссия, реплика, высказываться, оратор, докладчик, председатель, секретарь, актив, активист и т. д.* В связи с социалистическим соревнованием употребляются слова: *соревнование, ударничество, стахановское движение, встречный план, вызов, вызвать на соревнование, принять вызов, социалистические обязательства, красная доска, чёрная доска, ударник, отличник, стахановец, пятисотница, передовик, знатный полевод, опытник.* Активное участие колхозного крестьянства в государственной жизни страны, в выборах органов Советского государства привело к употреблению в деревне таких слов, как *Сталинская Конституция, выборы, переизборы, избирательная кампания, кандидат в депутаты, депутат, делегат, агитатор, избирательная комиссия, участок, округ, избирательный список, бюллетень, предвыборное собрание, выдвижение кандидатов, выработали наказ депутату, голос, подсчет голосов, право голоса и т. д.*

Колхозное производство в значительной мере механизировано и основано на передовой агротехнике. С этим связано развитие соответствующего богатого словаря. Длинный ряд слов употребляется для обозначения сельскохозяйственных машин и их частей, например: *машина, трактор, гусеничный трактор, комбайн, самоходный комбайн, лобогрейка, сноповязалка, зерноуловитель, конные грабли, молотилка, сложная (а также полусложная) молотилка, льнотеребилка, картофелекопалка, дисковая сеялка, вейлка, сортировка, триер, культиватор, агрегат, прицепной инвентарь; части машин: мотор, подшипник, стартер, поршневые кольца, цилиндр, картер, запальные свечи, гусеницы, шины, хедер (комбайна), запасные части, деталь, диск культиватора, руль (десять лет работаю за рулем трактора); с уходом за машинами связаны такие слова, как ремонт машин, текущий ремонт, технический осмотр, исправность машины, сборка машины, сменили деталь, чертеж, инструмент, регулировали молотилку и т. д.* Механизация сельскохозяйственного труда вызвала к жизни целый ряд специальностей по обслуживанию машин, которые были ранее неизвестны в деревне (некоторые из названий этих специальностей см. выше).

С передовой агротехникой связаны такие широко известные в колхозной деревне слова, как *агротехника, агротехминимум, агротехнические мероприятия, селекция, яровизация, протравленные семена, кондиционные семена, морозостойкие семена, засухостойчивое растение, опытный участок, экспериментировать, опытник, мичуринец, многополье, севооборот, многопольные травы, травосеяние, люцерна; минеральные удобрения — азот, фосфор, суперфосфат; подкормка, снегозадержание, лесонасаждение, полезащитные полосы, качество пахоты, весновспашка, зяблевая вспашка, взмет зяби, подъем паров; сельскохозяйственные культуры, яровые культуры, технические культуры, землеустройство, осушительные работы, мелиорация, полив, дождевание, элеватор, зернохранилище, овощехранилище и т. д.* С передовой агротехникой связано также употребление таких слов и выражений, как *вести бой за влагу, посеять в лучшие агротехнические сроки, заложить основы будущего урожая, добиться сталинского урожая, заделать семена на нужной глубине, свято выполнять агротехнические правила, вести сельскохозяйственные работы комплексно, строго по графику.* С колхозным животноводством связано употребление ряда слов — для обозначения должностных лиц, соответствующих специалистов и хозяйственных единиц (см. выше), продукции животноводства (например, *продуктивность скота, прирост живого веса, настриг шерсти, надой молока, выращивание молодняка*), кормов (например, *сочные корма, грубые корма, концентрированные корма, силос, кормовая база, кормовые ресурсы, прифермские участки*) и т. д. В колхозной деревне, как и во всей стране, широко употребляются меры метрической системы (*гектар, га, тонна, центнер, килограмм, грамм, литр, метр, километр*).

Вместе с политическим и хозяйственным ростом колхозного крестьянства, вместе с внедрением в сельскохозяйственную практику передовой агротехники рос и его общий культурный уровень. Это сказалось в развитии соответствующего словаря. В словаре колхозника имеется много слов, обозначающих разного типа общеобразовательные учреждения (например, *курсы, краткосрочные курсы, школа* — старой деревне больше свойственно было слово *училище*, *ШКМ* (школа крестьянской молодежи), *семилетка, десятилетка, техникум, педучилище*), культурные учреждения (*изба-читальня, дом культуры, клуб, избач, культурник*), кружки (*политкружок, кружок по истории партии, драмкружок, литкружок, хоровой кружок* и др.), учреждения для детей дошкольного возраста (*ясли, детские ясли, детская площадка, консультация*), медицинские учреждения (*амбулатория, больница, поликлиника, дом отдыха, санаторий* и др.); слов, относящихся к спорту (*стадион, матч, состязание, футбол, волейбол, шахматы, спорт* и т. д.), предметам культурного обихода (*радио, радиоприемник, громкоговоритель, антенна, электричество, выключатель, штепсель, розетка, шнур, проводка, фотоаппарат, патефон, пластинка*), слов, относящихся к новому семейному быту (например, *расписаться* вместо *венчаться*, они уже *были в загсе*, т. е. оформили брак).

В языке колхозного актива широко употребляются слова и обороты, относящиеся к организационной и административной деятельности (например, *наведу справку, выдал справку, послал отношение в рик, надо это согласовать с председателем, надо ввести его в комиссию, я отвожу его кандидатуру, я очень загружен, узкое место в нашем хозяйстве, надо во-время спустить план в бригады и звенья* и т. д.).

Широкое употребление получил в языке деревни многочисленный слой общей лексики литературного языка, перечислить которую нет никакой возможности (например, *факт, фактический, конкретный, политический, культурный, серьезный, авансировать, инициатива, масса, преодолеть, метод, реальный, реализовать*). Семантика речи колхозного актива уже вплотную подошла к семантике речи рабочего класса и интеллигенции. Вот несколько примеров речи колхозных активистов: *вырастили сталинский урожай колхозники безавестно трудились, надо воспитывать любовь к общему добру, коллективный честный труд принес богатый урожай, знатная трактористка, не опозорить честь нашего звена график у нас был напряженный, но борьбу за урожай мы выиграли; надо систематически делиться опытом с другими бригадами, мы применяем новую методику, приходится экспериментировать, у нас много опытников-мичурицев, надо реализовать план полностью*.

§ 190. Усвоение новых слов не является таким простым процессом, как это может показаться с первого взгляда. Оно связано прежде всего с усвоением нового понятия, с освоением новой техники, новых форм советской общественности и новым советски

бытовым укладом, иными словами, оно зависит от роста производительных сил, от развития мышления, от роста культуры. Новые слова на первых порах понимались не всегда точно, а иногда даже и неверно. Новые слова раньше входят в пассивный словарь (т. е. узнаются в чужой речи или в чтении), а потом уже появляются в активном словаре говорящего.

Например, для б. Ярославской губ. в 1925 г. отмечено такое определение слова *гражданин*: *гражданин — по-нынешнему зовут так*. Однако уже через несколько лет (в 1929—1930 гг.) тот же наблюдатель отметил, что в тех же деревнях слово *гражданин* понимают не только как обращение, но и как название *равноправных людей в государстве*. С введением метрических мер крестьянское население не везде сразу усвоило реальное содержание новых мер. Это отразилось, между прочим, в „Поднятой целине“ М. Шолохова (реплики крестьян во время производственного совещания):

— Вы про хлеб гутарьте, сколько кило в на эту га надо.

— Ты нам киломи голову не морочь! Мерой али пудом вешай!

Однако уже в скором времени в деревне прекрасно разбирались в отношениях кило к фунту, гектара к десятине и т. д.

§ 191. В процессе первоначального усвоения нового слова наблюдатели иногда отмечали смешение разных слов, близких по звучанию, например: *дистанция* и *инстанция*, *элементы* и *алименты*, *страховать* и *штрафовать*.

Некоторые из новых слов в процессе освоения могут приобрести более широкое значение. Такое значение отмечено, например, для слов *вредил*, *вредительство*, *ликвидировать как класс* в 1930—1931 гг.¹: *тот, кто имел эксплуатацию чужого труда, тот вредил; вредительство полное!*—воскликает председатель колхоза, говоря о недостатках и необходимости борьбы за повышение урожайности; *девять хозяйств, которые раскулачены, ликвидированы как класс, придется взять и ликвидировать тебя как класс* (реплика на собрании). Такое значение зафиксировано, между прочим, в романе М. Шолохова „Поднятая целина“, действие которого относится к 1930 г.

— Собрание бедноты постановило тебя, гражданин Фрол Дамасков, выселить из дома, конфисковать все имущество и скот.

— Это почему же такое?

— Уничтожаем тебя как кулацкий класс.

В ряде случаев вновь усваиваемые словосочетания лексикализировались, употребляясь как определенные устойчивые сочетания. Приведем некоторые примеры, также относящиеся к 1931 г. (Псковский район): *На сегодняшний день у нас уже много активистов; вот, товарищи, громадная задача стоит перед нами на сегодняшний день, мы должны играть громадную фигуру—лен сеять, сейчас основная фигура—коллективизация, по ночам*

¹ Здесь и ниже привожу ряд слов и выражений, записанных в 1931 г., д. Мелехово, Псковского района.

сидели разрешали разные основные вопросы (ср. определение разные, ослабляющее значение определяемого основные вопросы), хлебозаготовки выполнены полностью на сто процентов, когда мы возьмемся как один обем рукам — мы все повернем, надо всем как один обем рукам взяться — починить дороги. В этих примерах, взятых из речи местного крестьянина, председателя сельсовета, определяющее значение имеют не недостатки в построении фраз, не употребление диалектных форм (*обем рукам* вместо *обеими руками*) и тем более не звуковое оформление, которое быстро меняется, а значение фраз в целом, свидетельствующее о высокой сознательности колхозного актива уже в первые годы широкого колхозного строительства.

Ср. с этим отрывок из записок Паши Ангелиной: „Пять дней и пять ночей не отдыхал и не ложился спать старик Степан Иванович Николаев. Он возил на государственные склады хлеб нового урожая. Шли шестые сутки. Председатель колхоза прислал ему замену.

— Предлагаю тебе отдохнуть, Степан Иванович, — писал Коссе.

— Отдохни час — другой, легче станет. . .

— Легче не станет, — ответил Степан Иванович. — *Сперва с государством рассчитаемся, апосля и отдохну*¹.

В этой реплике, как и в предыдущих примерах, важно не употребление диалектизма (*апосля*), а высокий уровень политической сознательности, чувство долга перед Советским государством, характерные для передового колхозного крестьянства.

Некоторые словосочетания, расширяя свое значение и лексикализируясь, постепенно приближаются к свойствам формальных слов — предлогов и союзов. Таковы, например, слова *насчет*, *на сей счет* и некоторые другие: *насчет прогулов — этого у нас нет, ревизия на сей счет есть; есть обязательное постановление, с таким расчетом, чтоб и за прошлый год контрактацию выдать, есть постановление рика, плюс к этому мы должны сегодня решить*.

Усвоение новых слов нередко бывает связано с рядом морфологических и фонетических процессов. Так, например, нередко отмечалось склонение существительных на -о иноязычного происхождения, а также новых сложносокращенных слов: *пальтá, пальтú; в горпé, из сельпá*. Иногда появляется окончание -а и переход в женский род слов мужского рода, оканчивающихся на два согласных звука обычно с *ж* или *р* на конце: *механизма, кадра, метра, литра* (ср. более старое заимствование: *тигра*).

В новых словах в той или иной степени могут отразиться фонетические черты говора. Так, например, нередко отражается яканье *вр'ад'йт'ьл', кл'áкт'ьф, д'ажурна́я*. При этом яканье может появиться и в соответствии с звуком *и* литературного языка: (точнее со звуком *и*, не проверяемым в той же морфеме ударенным

¹ П. Ангелина, Люди колхозных полей. „Октябрь“, 1948, № 6, стр. 123.

положением): *арт'ал'ёр'иа, бр'агда, р'асунак, пѣ'аробы* (Псковский район, 1931 г.). Носители традиционных с-в-р говоров иногда даже новые слова произносят с цоканьем, например: *роску-лѣц'ил'и, ц'истка апарату* (Поветлужье, 1932 г.). В говорах, знающих *и* вместо звука *о* абсолютного начала во 2-м предударном слоге, иногда *и* произносится и в новых словах: *икад'ѣмију кон-чыл; ип'арáцыју надъ з'д'ѣлът'* (Псковский район, 1931 г.). В говорах, не знающих фонемы *ѳ*, вместо нее и в новых словах нередко произносят *хв* или *х*: *хвакт, хвонды, пѣ'ехон, работы'ли па-ч'рáхв'ику* (Рязанская область, 1940 г.), *хр'ицы* (Курская область, 1946 г.) и т. д.

Сочетания согласных в новых словах нередко подвергаются тем же изменениям, как и в своих исконных словах: например, сочетание *кт* в результате диссимиляции изменяется в *хт* — *трахтор, дилехтор, карахтер, контрахтация*, сочетание губной носовой *м* с другими губными также в результате диссимиляции изменяется в сочетание зубной носовой (*н*) с губными, т. е. *мл* → *нл, мб* → *нб, мв* → *нв*: *ланпа, канпания, бонба, конбайн, трамвай*.

В новых словах, особенно иноязычного происхождения, нередко бывают сочетания звуков, не свойственные своим, исконно диалектным словам. В таких сочетаниях отмечаются различные изменения, например при наличии в разных слогах слова двух *р* нередко одно из них заменяется звуком *л*; ср.: *лаболатория, секлетарь, дилектор, левольвер, колидор, лекорд, леригия, легистрировать*. При наличии в слове *н* и *м* или *р* и *л* иногда отмечается перестановка этих звуков; ср.: *агромон* вместо *агроном*¹, *рал'ок* вместо *лар'ок* (в этом случае характерно, что меняется местами основная артикуляция *р* и *л* — дрожащая и плавная; дополнительная же артикуляция — твердость и мягкость — остается на местах, т. е. модель слова в отношении твердости и мягкости остается без изменения). Ср. также: *Рал'ивон* вместо *Лар'ион*.

При наличии сочетаний гласных — между ними нередко образуется *в*; ср.: *радиво, какаво*. Отмечаются и другие случаи искажения звукового состава новых слов, а также неправильные ударения (например: *процент, прѣзидиум, прѣдметы, пѣриод, портфель, кѣно, километр*). Впрочем, наряду с этим явлением именно с новыми словами нередко проникает и новое звуковое оформление, соответствующее литературному языку (об этом см. ниже в этой главе § 194).

Однако все эти отклонения от литературного языка являются преходящими и быстро устраняются по мере общего культурного роста населения. Наблюдатели не раз отмечали, что одно и то же лицо, допуская искажения в произношении новых слов, через несколько лет в основном уже произносило их правильно, в соответствии с нормами литературного языка.

¹ Ср. также давно известное *ярманка* (в том числе в литературном языке XVIII в. и начала XIX в.) при современном литературном *ярмарка*.

§ 192. Кроме появления в деревне громадного количества новых слов, соответствующих новым формам экономики, культуры и быта — этого основного языкового процесса, — для развития языка советского крестьянства весьма характерна утрата старых слов, оказавшихся ненужными в новых условиях. „Вытеснение лексических диалектизмов, — пишет исследователь лексики русских говоров Ф. П. Филин, — происходит везде одинаково: местное слово сначала выходит из употребления у культурно-передовых колхозников, потом и вовсе переходит в разряд „пассивного лексического запаса“¹.

Не все старые слова выходят из употребления одновременно. Известное время старое слово и в большей или меньшей степени соответствующее новое слово сосуществуют. При этом они могут сосуществовать не только в языке разных лиц, но даже и в языке одного и того же лица в одно и то же время. Так, например, довольно долго сохранялись слова: *волость, уезд, губерния*² рядом со словами *сельсовет, район, область*. При этом, хотя не было обычно территориального совпадения между волостью и сельсоветом, уездом и районом, губернией и областью, диалектологи отмечали иногда употребление старых слов вместо слов, обозначающих новые административные деления.

В связи с проникновением в деревню метрической системы в крестьянском языке появляются слова *метр, кило, гектар, литр* и др., но рядом долго еще сохранялись слова *аршин, фунт, десятина, бутылка, кружка* и т. д.

По мере усвоения новых терминов метрической системы и тех реальных понятий, которые ими обозначаются, — мер, старые слова постепенно переходят в пассивный словарь, а затем и вовсе утрачиваются.

Некоторые внешние соответствия между старыми и новыми словами в первый период освоения нового слова устанавливались и в терминологии общественной, ср., например: *сходка* и *собрание*, *староста* и *председатель* и др. Однако старые слова в этих парах в связи с развитием новых форм общественной жизни быстро уступили место новым.

Некоторые старые слова бытового характера также сменяются соответствующими новыми: *раньше про крестьян говорили серый народ, а теперь мы учимся, несознательных у нас мало* (из речи пожилого крестьянина Рязанской области в 1939 г.), *я была раньше как лесной пенёк, а теперь сознательная стала* (из речи пожилой женщины Рязанской области, 1940 г.). Слово *баба* в деревенском быту заменяется словом *женщина*. Н. П. Гринкова отмечает, что когда один из колхозников на собрании употребил слово *бабы*, председатель поправил: *женщины; прошу не выражаться*.

¹ Ф. П. Филин, Новое в лексике колхозной деревни. „Литературный критик“, 1936, № 3.

² В советский период в течение ряда лет сохранялось старое административное деление на губернии, уезды и волости.

Среди старых слов в первую очередь вытесняются слова, обозначающие вышедшие из обихода предметы и понятия¹. Так, например, по наблюдениям Н. П. Гринковой, в воронежской деревне знают еще слово *понёва*. „Старшая часть населения, старухи и пожилые женщины, для которых изготовление одежды, ее украшение было живым бытовым фактом, еще сохраняют эту детализацию названий“²: для них не существует „понёвы вообще“, а существует понева определенного типа: *понёва с белью*, *понёва колодой*, *красная понёва*, *понёва со столбами*, *понёва-белгородка* и т. д. Естественно, что молодежь, не носящая понёвы, не занимающаяся ее изготовлением, не знает всех этих слов. Можно быть уверенным, что с уходом из жизни нынешнего старшего поколения забудется не только вся эта специальная терминология, но и само слово *понёва* в связи с отсутствием в жизни соответствующего предмета.

Утрачивается терминология, связанная со старыми отсталыми формами мелкого индивидуального сельского хозяйства. В связи с коллективизацией утеряли свою актуальность такие слова, как *полоса*, *чересполосица*, *межа* и др. В связи с переходом сельского хозяйства на новую технику утрачиваются, например, слова, обозначающие части *сохи*, не применяющейся в современном хозяйстве: *рассохи*, *конопные подвои*; слова, обозначающие части *цепы*: *держак* или *держалень*, *тягишка*, *капица* (молотильный цеп) и др.

§ 193. Кроме появления новых слов и утраты старых, отмечено приспособление старых слов к новым условиям, приобретение старыми словами нового значения. Это относится прежде всего к словам нетерминологического характера.

Ср., например, такое употребление слов: *наша святая обязанность — добиться высокого урожая*; *нужно беззаветно трудиться на полях*; *знатные люди нашего колхоза*; *не посралим чести нашего краснознаменного колхоза*; *наш колхоз выполнил первую заповедь — полностью рассчитался с государством*. В слова *святая*, *беззаветно*, *знатный*, *честь*, *первая заповедь* вкладываются качественно новые значения, которых они не имели раньше.

Новые явления в области фонетики, морфологии и синтаксиса.

§ 194. Однако процесс нивелировки диалекта охватывает не только лексику, но и все другие стороны языка: утрачиваются все те языковые особенности, которые не соответствуют нормам литературного языка. Одни из них утрачиваются легко и безболезненно, другие держатся крепче, а иные с трудом поддаются воздействию со стороны литературного языка. Так, например, фрикативное *з* (*γ*), свойственное всему нашему югу, держится весьма крепко, в то время как мягкое *т* (*т'*) в 3-м л. глаголов заменяется твердым *т* сравни-

¹ См. Н. П. Гринкова, Воронежские диалекты, Л. 1947, гл. V, стр. 183. Ниже проводятся некоторые примеры из этой работы.

² Там же, стр. 184.

тельно легко (кроме некоторых случаев, когда форма 3-го л. употребляется в качестве вводного слова, в которых *т'* упорно сохраняется: *так, значить, он не прадед? может, может быть*). На севере цоканье, хотя и не так легко, уступает место различию *ц* и *ч*, но элементы оканья в первом предударном слоге держатся более крепко.

В области синтаксиса, например, конструкции типа *у него уехано в город; он ушотчи; косить трава; живут не разделивши* заменяются соответственно конструкциями *он уехал в город; он ушел; косить траву; живут не разделившись*. В области морфологии, например, формы типа *пекчи, пекѡм* или *пекѣм, нести, плести* заменяются формами *печь, печѣм, нести, плести*; формы типа *у сестре, на горы, у мене, со старым друзьям* сменяются формами *у сестры, на горе, у меня, со старыми друзьями* и т. д. В области фонетики яканье и ёканье сменяется еканьем и иканьем (*уш он чиво стал говорить* — слышал Н. М. Каринский в качестве похвалы жениху, ставшему икать, еще в начале XX в. в подмосковной деревне), в с-в-р говорах развивается редукция безударных гласных (кроме гласных первого предударного слога), утрачиваются гласные *ѡ* и *ѣ*, заменяясь соответственно гласными *о* и *е*, утрачивается цоканье, заменяясь правильным различием *ц* и *ч*, появляется звук *ф* вместо диалектного *х* или *хв*.

При этом новые черты не сразу выступают как цельные синтаксические, морфологические или фонетические явления, а усваиваются прежде всего в определенных, заимствованных из города сочетаниях, фразеологических оборотах, словах. Далее они проникают в слова, общие как диалекту, так и литературному языку. Напротив, дольше всего сохраняется старое произношение в таких из своих исконных слов и оборотов, которые чужды литературному языку. Так, например, известно, что слово *солдат*, появившееся в крестьянском языке из административно-военного языка очень давно, многими с-в-р говорами было усвоено в акающей огласовке. А. А. Шахматов, отметивший в 1912—1913 гг. фонему *ѡ* в селе Лека (Коробовский район Московской области), в качестве исключения привел слово *вол* с *о* (а не *ѡ*), в связи с тем, что в подмосковной деревне вол в качестве рабочего скота неизвестен, и это слово, следовательно, было усвоено из городского языка. Известно, что *ч* в цокающих говорах прежде всего появляется в словах, которые появились из города, с завода, из литературного языка и т. д. (ср., например, *рабѡчиј* во многих цокающих говорах). Затем усвоенная черта может постепенно переноситься на свои исконные слова и обороты и, наконец, стать общей чертой языковой системы.

§ 195. Процесс перехода от диалектной речи к литературной сопряжен на определенных его этапах с своеобразным двуязычием, т. е. наличием в языке одного и того же лица в одно и то же время как диалектной, так и общелитературной разновидности того или иного соответствующего явления. При этом в одних словах, при одной ситуации речи употребляется диалектная форма, а в дру-

гих словах или при других условиях — общелитературная. Последняя, например, нередко употребляется местными жителями при разговоре с приезжими, городскими людьми. Отмечены и обратные случаи: местный житель, проживший в городе и усвоивший основы литературного языка, приехав в деревню, при разговоре с односельчанами переходит снова на систему диалекта: в противном случае такие лица нередко подвергались насмешкам. Между прочим, наблюдатель казачьих говоров б. Терской области для конца XIX в. указывал, что школьники лишь в школе употребляли слово *здесь*, а дома говорили только *тут*, рискуя иначе подвергнуться насмешкам. Конечно, это явление в советскую эпоху имеет чем далее, тем все меньшее значение, но все же при обзоре языковых процессов современной деревни нельзя его совсем обойти.

На почве взаимодействия литературной и диалектной разновидности соответствующего явления возникают новые особенности, не свойственные ни литературному языку, ни данному диалекту ранее.

Например, значительной части с-в-р говоров свойственна форма тв. п. мн. ч. на *-ам*, совпадающая с формой дат. п. мн. ч. (ср.: *жали серпам* и *привыкли к серпам*), в то время как в литературном языке эти формы различаются (ср.: *жали серпами*, но *привыкли к серпам*). В результате влияния литературного языка на диалекты, раньше чем диалектная особенность окончательно утратится, нередко появляются новые формы, отсутствующие в литературном языке и неизвестные ранее также и диалектам: говорящий на диалекте усваивает форму на *-ми*, но так как системе диалекта несвойственно различение форм тв. и дат. п. мн. ч., то он эту форму иногда употребляет и вместо дат. п. Так, рядом с *косили серпами* появляется *привыкли к серпами*, *пришли к вами*, *не подходи к лошадями* и т. д.

Приведем несколько примеров из области фонетики. В результате влияния литературного языка на цокающий говор звук *ч* может проникнуть в диалект. Но говорящий на нем вообще не различает *ц* и *ч*. Поэтому вновь усвоенный звук он может употребить не только в соответствии с *ч* литературного языка, но и в соответствии с *ц*. Так появляется ранее не свойственное диалекту и отсутствующее в литературном языке нерегулярное и безразличное произношение *ч* вместо *ц* и *ц* вместо *ч* (например, *овча*, *курича*; *цасто*, *цисто*).

Как известно, во многих с-в-р говорах сочетание *дн* изменилось в *н*. В результате этого *н* произносится как на месте *дн*, так и на месте *нн* (ср.: *винная лавка* и *она винная из себя*). В результате влияния литературного языка говором может быть усвоено сочетание *дн*. Но так как в говоре *н* произносится и на месте *дн*, и на месте *нн*, то вновь усвоенное сочетание *дн* может быть употреблено не только правильно (например, *медный*), но и неправильно — на месте сочетания *нн* (например, *обмедный фонд*, *напрямедно* — оба примера записаны в Псковском районе в 1931 г.).

Русским говорам Колымы, как известно, свойственно „сладко-

язычие*, т. е. произношение вместо *л*, а нередко также и вместо *р* перед гласными звука *ј*: *гојовѧ* вместо *голова*, *ход'ѧ* вместо *ход'ила*; *дѧгого* вместо *дѧрого* и т. д. В таких говорах, следовательно, произносится *стѧја* как вместо *стая*, так и вместо *стала*, произносится *војовѧм'* как вместо *воевать*, так и вместо *воровать*. При усвоении норм литературного языка этими говорами усваиваются звуки *л* и *р* перед гласными. Но так как в системе говора *л* (или *р*) и *ј* не различаются, то вновь усвоенный звук употребляется не только правильно (в соответствии с литературным *л* или *р*), но иногда также и неправильно — в соответствии с литературным *ј*; появляется произношение *боловоѧ* вместо *боевой*, *воловоѧ* вместо *воевать*.

§ 196. К сожалению, развитие языка крестьянства советского периода изучено очень недостаточно. Многие упущено лингвистами, так как языковые процессы, имевшие место в деревне в этот период, нередко протекали весьма быстро. Вновь появляющиеся языковые явления, в связи с быстро изменяющимися в условиях роста советской деревни общественно-экономическими условиями, нередко утрачивались, уступая место еще более новым языковым особенностям, отвечающим изменившейся действительности.

Однако упущенное отчасти можно возместить путем изучения языка произведений советской литературы, изображающих жизнь нашей деревни с 1917 г. до наших дней. Правдиво изображая жизнь, наши лучшие писатели чутко прислушивались и к языку нашей деревни. Ещё у Л. Сейфуллиной в „Виринее“ при изображении жизни деревни в период подготовки и проведения Октябрьской социалистической революции отмечено: „Сходы стали митингами называть, а мир товарищами, а то граждане. Слова новые по новости звонки выходили, как звякали: инструкции, резолюции... Разъяснителей из города ораторами звать стали“. Сравнение языка действующих лиц — крестьян — произведений, относящихся к разным историческим периодам жизни Советского государства, позволяет нам установить специфические языковые явления каждого периода, а также воочию убеждает в том, какой громадный путь проделало наше колхозное крестьянство в своем языковом развитии за годы советской власти.

Необработанная речь многих сельских активистов эпохи военного коммунизма, доставшаяся в наследство от царизма и широко отраженная в советской литературе, и, с другой стороны, почти безупречный литературный язык сельского активиста послевоенных лет, например Сергея Тутаринова („Кавалер Золотой Звезды“ С. Бабаевского), свидетельствуют о происшедшем скачке в языковом развитии советской деревни, о переходе из старого качественного состояния в новое.

Весьма поучительно сравнение языка персонажей „Поднятой целины“ М. Шолохова, действие которой относится к 1930 г., и только что названного романа С. Бабаевского. Сельские активисты,

изображенные М. Шолоховым, — Нагульников и Разметнов — широко пользуются советским общественно-политическим и производственным словарем, но не всегда в правильном значении, нередко искажают новые слова в фонетическом или грамматическом отношении; кроме того, в их речи много диалектизмов. В противоположность этому сельский активист послевоенного периода председатель станичного Совета Савва Остроухов (из романа С. Бабаевского) вполне владеет основными нормами литературного языка. Он свободно пользуется жанром публичной речи общественно-политического и производственного характера. Вот отрывок из его речи на собрании, посвященном послевоенному пятилетнему плану станицы:

„Есть еще одна доходная отрасль — рыба! — сказал Савва. — Водоем готовый. Значит, ворошиловцам запланируем зеркального карпа. Но главное — планирование действительно должно пойти по линии нового строительства. Мы с Сергеем Тимофеевичем в уме уже прикидывали: предстоит большая стройка! По самым малым подсчетам потребуется три конюшни — по одной каждому колхозу, три коровника, кошары, свинарники, птичники и еще двенадцать полеводческих станков с зернохранилищами при них! А если к этому прибавить нужды самой станицы, скажем: клуб, избучитальню, родильный дом, детские ясли, школу-десятилетку, дом агротехника и животноводства? Кроме всего прочего, на первом месте в плане поставлена электростанция! Можем ли сократить строительство? Нет, не можем! Но поднять такую стройку нелегко, если учесть недостаток в строительном материале, особенно в лесе. Допустим, мы построим свой кирпичный завод, займем кирпич. Часть построек будет саманная. Тут можно выйти из положения. А лес? Где возьмем столько леса? Мы с Сергеем Тимофеевичем подсчитали: потребуется не много не мало шестнадцать вагонов леса! Вот тут и надо найти выход...“

Как видно из этого примера, оформление речи С. Остроухова почти безукоризненно (можно упрекнуть оратора лишь в употреблении слова *займеем* вместо *будем иметь*).

Различия в языке героев М. Шолохова и С. Бабаевского не могут быть отнесены целиком к различию в стиле этих писателей, их творческого метода, а отражают прежде всего качественные изменения в самой действительности.

Изучение языка советской литературы, в частности произведений, посвященных советской деревне, представляет собой важную задачу науки о русском языке.

Ф. Энгельс в „Анти-Дюринге“ писал: „Уже первое большое разделение труда, отделение города от деревни, приговорило сельское население к тысячелетиям долгого отупения“, „оно уничтожило основу духовного развития“¹ сельского населения. Язык крестьян

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 297.

царской России соответствовал их отсталой экономике, примитивным формам сельского хозяйства, традиционному быту. Октябрьская социалистическая революция разбудила творческие силы советского народа. Развитие колхозного строя, тесно связанное с механизацией и электрификацией сельскохозяйственного труда, вместе с тем было серьезным шагом на пути превращения сельскохозяйственного труда в разновидность труда индустриального. Значительно выросла общеобразовательная и специальная подготовка крестьянских масс, выросли многочисленные местные кадры разнообразных специалистов сельского хозяйства. Растет общественная и политическая активность колхозного крестьянства. Представители деревенского актива как посланцы народа участвуют в работе не только местных, но и центральных органов власти. Дочь бывшего батрака — знатная трактористка Герой Социалистического Труда Паша Ангелина и многие другие являются депутатами Верховного Совета СССР. Вместе с нею можно сказать: „Где, в какой другой стране, кроме моей родной, возможно, чтобы рядовая крестьянка участвовала в парламенте и наравне с вождами решала судьбу своего государства? Другой такой страны нет!“¹.

Естественно, что в этих условиях ведущим в развитии языка советской деревни является литературный язык. Новые явления проникают в язык деревни из города, с завода и фабрики, из языка рабочего класса и советской интеллигенции. Громадное значение в языковом развитии деревни имели и имеют доклады и речи вождей нашей партии, руководителей правительства, решения партии, правительственные указы. Все эти документы читаются и изучаются многомиллионным крестьянским активом, и язык их оказывает мощное воздействие на языковое развитие колхозного актива, а через него и на язык всего крестьянства.

Качественно новым в языковом развитии советской деревни является то, что новые слова относятся к сферам общественно-политической, производственной, агротехнической и общекультурной лексики, которые объединяют язык колхозного крестьянства с литературным языком, с языком рабочего класса и интеллигенции. Качественно новым в языковом развитии советской деревни является также то, что в силу характера социалистического строя с его плановым началом, с его коллективными формами труда и крупным, самым передовым в мире коллективным сельским хозяйством, индустриализованным и все более и более электрифицируемым, — языковые явления современности отличаются всеобщностью, они охватывают всю страну, а не одни какие-нибудь местные говоры в отличие от других. В СССР давно уже нет „медвежьих углов“, которыми славилась царская Россия. Передовые люди колхозов и совхозов, мастера разных отраслей социалистического сельского хозяйства выросли во всех краях нашей великой страны. Вокруг них группи-

¹ П. Ангелина, Люди колхозных полей, „Октябрь“, 1948, № 6, стр. 104.

руется многомиллионный сельский актив. Вот что, например, пишет писатель Всеволод Иванов об одном из передовиков сельского хозяйства — председателе колхоза „Заря“ Ачитского района Свердловской области — А. П. Тернове: „Прежде чем привести какие-либо слова А. П. Тернова, я должен кое-что пояснить. Тернов, окончивший лишь всего сельскую школу, говорит превосходным современным языком, как может говорить московский профессор“¹. Эти передовики вместе со всем громадным сельским активом не только сами все больше и больше переходят на нормы литературного языка, но вместе с тем оказывают мощное воздействие в том же направлении на языковое развитие всего колхозного крестьянства. В связи с этим социальный круг носителей традиционных диалектов все более и более суживается. Во многих деревнях уже теперь о традиционных говорах можно судить почти только по наблюдениям над языком отдельных неграмотных старух, так как язык таких деревень в целом уже в значительной степени приближается к литературному языку. Самый традиционный говор также уже поддается значительному воздействию литературного языка. Мы являемся свидетелями интереснейших языковых процессов, которые заслуживают самого тщательного изучения.

¹ Литературная газета, № 54 (2369), 1947.

ГРУППИРОВКА ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ И ГОВОРОВ РУССКОГО ЯЗЫКА.

Схождения и расхождения между современными восточно-славянскими языками и их диалектами.

§ 197. Современные восточнославянские языки в своем происхождении теснейшим образом связаны друг с другом. Это сказывается, между прочим, в том, что русский, украинский и белорусский языки и до сих пор весьма близки друг к другу по своей грамматической структуре, фонетическим особенностям, а также обладают большим общим словарным фондом. Однако между ними есть и существенные отличия. Если выделить черты различий между русским и украинским языками и сопоставить их с особенностями белорусского языка, то окажется, что при помощи одних из этих различительных черт русский язык противопоставляется как украинскому, так и белорусскому языкам, в то время как другими чертами русский язык, объединяясь с белорусским, противопоставляется только украинскому языку. Кроме того, есть и такие черты, на основе которых одно из двух основных наречий русского языка (ю-в-р или с-в-р) объединяется с другим восточнославянским языком (белорусским или украинским), противопоставляясь другому русскому наречию и третьему восточнославянскому языку. Имеются и такие черты, которые характеризуют, например, белорусский и украинский языки и вместе с тем те или иные русские говоры, противопоставляясь остальной части русских говоров.

Черты схождения и расхождений между современными восточнославянскими языками оказались бы еще более многообразными, если их рассмотреть также с точки зрения украинского и белорусского языков.

Изучение взаимоотношений, существующих между современными восточнославянскими языками и их диалектами, дает важнейший материал для восстановления процесса их формирования.

§ 198. Однако при пользовании данными соотношений между современными диалектами и близко родственными языками для установления их истории надо иметь в виду, что черты диалектных схождения и расхождения сами по себе для истории этих диалектов или языков мало говорят без учета данных истории языка, территориального распределения диалектных черт, исторической географии, истории самих носителей этих диалектов или

языков на данной территории. Надо иметь в виду, что хотя диалектология и дает важные данные для истории языка и истории, но сами диалектологические факты исторически интерпретируются на основе данных истории языка и истории.

1. Черты сходства двух диалектов с точки зрения истории языка могут представлять собой новообразование или сохранение старого. Естественно, что только первые могут достаточно выразительно свидетельствовать об общности происхождения соответствующих диалектов, так как черты старого могут сохраниться в разных диалектах независимо друг от друга.

Например, фрикативное образование *г* (*γ*) является новообразованием по сравнению с *з* взрывным. Гортанное образование этой фонемы (*h*) является результатом дальнейшего изменения *γ* (иначе — *h* непосредственно получилось из *γ*). Поэтому наличие в ю-в-р наречии *γ* и в украинском и белорусском языках *h* может быть принято в качестве свидетельства о том, что древние восточнославянские диалекты, на основе которых впоследствии образовались ю-в-р наречие, с одной стороны, и украинский и белорусский языки, с другой, в какую-то весьма отдаленную эпоху были ближе между собой (благодаря чему во всех них *з* изменялось в *γ*), чем по отношению к говорам, которые впоследствии положили начало с-в-р наречию (сохранившему взрывное образование *з* без изменения).

Однако дальнейшее изменение *γ* в *h* охватило не все говоры, а лишь те, на основе которых впоследствии образовались украинский и белорусский диалекты: в говорах, к которым восходит ю-в-р наречие, сохранилась более старая стадия — *γ*. Это свидетельствует о продолжении и усилении генетической близости между говорами, положившими начало украинскому и белорусскому языкам (все они пережили общее новообразование — изменение *γ* в *h*), и в то же время об ослаблении их связей с говорами, к которым восходит ю-в-р наречие (последние сохранили *γ*). Ослабление одних связей, видимо, находилось в зависимости от усиления других, а именно связей между говорами, к которым восходят нынешние ю-в-р и с-в-р наречия. Об усилении связей между ними свидетельствует целый ряд новообразований, пережитых как теми, так и другими и представляющих собою общие черты русского языка в отличие от украинского и белорусского.

Другой пример: аканье является чертой новой по сравнению с оканьем. Поэтому наличие аканья в ю-в-р наречии, с одной стороны, и в белорусском языке, с другой, может свидетельствовать о генетической близости соответствующих древних восточнославянских диалектов в определенную эпоху их развития. Напротив, наличие оканья в с-в-р наречии и в украинском языке не дает само по себе оснований для утверждения об общности происхождения соответствующих древних диалектов, так как оканье представляет собою сохранение старины, а последнее могло иметь место в разных говорах независимо друг от друга.

2. Далее, даже в том случае, если черты сходства двух диалектов с точки зрения истории языка представляют новообразование, они в разных диалектах не всегда имеют одинаковое происхождение. В одних случаях можно говорить об общности происхождения в полном смысле слова, в других случаях — и едва ли не чаще — языковая черта-новообразование, появившись на определенной, ограниченной территории, впоследствии благодаря причинам социально-экономического и культурно-исторического порядка распространялась на более обширной территории. Именно так, вероятно, в процессе дальнейшего территориального расширения появилось аканье в белорусском языке. Наконец, одинаковые новообразования в разных диалектах могли появиться и независимо друг от друга. Это могло иметь место благодаря общности языковой системы, унаследованной от более ранней эпохи, а также и по другим причинам, например благодаря иноязычному воздействию или межъязыковому смешению. Например, одной из типичных общих особенностей украинского и белорусского языков является изменение многих согласных в сочетании с *ј* в двойные согласные (белор.: *свиння*, *вяселля*, *укр.: весілля*). Однако оказывается, что та же черта имеется в некоторых

с-в-р говорах на северо-востоке Европейской части СССР — Вологодской, Костромской, Кировской и др. областях (ср., напр., ветлужское: *с'в'и́н'а*, *воскре'сѣн'о*, *бра́т'а*, *ко́лѣ'а* и т. д.). Принимая во внимание территориальную разобщенность, отсутствие связей между населением соответствующих территорий не только сейчас, но и в прошлом, можно думать, что указанная черта в с-в-р говорах появилась независимо от той же особенности в украинском и белорусском языках. Наличие аналогичных особенностей в финских языках северо-востока Европейской части СССР (например, в коми) позволяет думать, что двойные сочетания вместо сочетания согласных с *ј* в с-в-р говорах могли явиться пережитками иноязычной системы или образоваться в процессе межъязыкового смешения.

3. Мы только что видели, что для решения вопроса о том, как появились черты сходства между диалектами, необходимо учитывать географическое распространение соответствующих диалектов, их территориальную смежность или разобщенность и притом не только в настоящее время, но и в прошлом. Естественно, что общие языковые черты не могли появиться при полной территориальной разобщенности теперь и в прошлом.

4. Наконец, надо иметь в виду, что даже при территориальной смежности не всегда могут появиться новые общие языковые черты. В условиях прошлого, в особенности феодального прошлого, к которому относятся многие черты современных диалектов, смежные территории нередко в социально-экономическом и политическом отношении могли быть разобщены (например, если в течение длительного времени проходила граница между разными феодальными государственными образованиями). Естественно, что на таких смежных, но экономически, политически и культурно разобщенных территориях новые черты сходства появиться не могли, а, напротив, могли появиться лишь всё новые черты диалектных отличий.

Учитывая все это, при рассмотрении черт сходства и различий между современными восточнославянскими языками нельзя не прийти к выводу о том, что современные восточнославянские языки и диалекты образовались в результате ряда перегруппировок древних восточнославянских диалектов, в результате сложных процессов смешения и объединения отдельных их частей в одни периоды и, напротив, разъединения и разобщения — в другие, сложных взаимодействий с соседними языками иных систем, что соотношения между восточнославянскими диалектами не раз менялись, пока не установились современные русский, украинский и белорусский языки в их диалектах.

§ 199. Основными чертами, которыми русский язык отличается как от украинского, так и от белорусского, являются следующие.

1. Русскому языку свойственно задненебное образование звонкой фонемы *г*, правда, не одинаковое по говорам в отношении способа образования — взрывное (*г*) в с-в-р наречии, а также в литературном языке и значительной части ср-в-р говоров и фрикативное (*ɣ*) в ю-в-р наречии: *гус'*, *дугá* или *γус'*, *дугá*. В противоположность этому в украинском и белорусском языках произносится гортанное придыхание, точнее фарингальный звук (*h*): *хус'*, *дуhá*.

2. Среди русских говоров — как с-в-р, так и ю-в-р — имеются такие, в которых различается фонема *ѵ* (*yo*) в отличие от *о*. Фонема *ѵ* образовалась в результате изменения старого *о* под ударением при восходящей интонации. Такое изменение в прошлом, видимо, было свойственно, если не всем говорам русского языка, то во всяком случае значительной их части в отличие от украинского и белорусского языков, где на месте старого *о* под ударением вне зависимости от интонации развился звук *о*. В дальнейшем большая часть рус-

7. Многим сочетаниям согласных с *j* русского языка в белорусском и украинском языках соответствуют двойные согласные. Это объясняется тем, что эти сочетания, появившиеся после падения слабых редуцированных, в русском языке вообще сохранялись, в то время как в украинском и белорусском сочетания „согласная + *j*“ подверглись изменению в двойную согласную. Такому изменению в сочетании с *j* подвергались в украинском зубные и небно-зубные согласные (т. е. *т, д, с, з, л, н*), кроме *р*. Двойные согласные такого происхождения вообще мягки, кроме шипящих, которые отвердели в белорусском языке, а также в значительной части украинских говоров, но в части последних сохранили мягкость. В белорусском языке по говорам отвердело также и *р* из нового *рj*. Ср. в русск.: *жит'jó, суд'já, полбз'já, с'в'ин'já, в'ес'ел'jo, н'ер'ja, нощ'ju* и т. д. при укр.: *жйт'а, сѣд'а, колбѣ'а, полбз'а, вес'йл'а, н'йчу, зб'йжа, роск'йшу* и т. д. и белор.: *жиц'о, судд'з'а, св'ий'а, калбѣ'а, палбз'а, в'ас'ел'а, нощу, збожа; н'ѣра или н'ѣр'а*.

В некоторых белорусских говорах описанный процесс охватил также сочетания губных с *j*, которые также изменились в двойные согласные: *рыб'а* при более обычной форме *рыбja*.

В части украинских говоров двойные согласные из сочетаний согласных с *j* утратили долготу: *жйт'а, вес'йл'а* и т. д.

Описанная черта представляет собой одну из характерных особенностей украинского и белорусского языков в отличие от русского.

Однако нельзя не отметить, что кое-где и по русским говорам (главным образом, на северо-востоке Европейской части СССР, а также в Сибири) встречаются такие, в которых также совершился аналогичный процесс. Например, в Поветлужье можно услышать: *воскр'ес'ей'о, св'ий'а, бес-плат'а, бад'а, нал'у, в'ес'ел'о* и т. д. Можно с достаточной уверенностью предполагать, что этот процесс в русских говорах появился вне связи с соответствующим процессом украинского и белорусского языков. В русском языке это явление известно, главным образом, в окраинных говорах по соседству с нерусскими народами (например, коми), в языках которых имеются аналогичные явления. Поэтому возможно, что двойные согласные в подобного рода русских говорах появились на почве межъязыкового смешения, в частности в результате перехода в разное время на русский язык представителей местных языков.

8. По русским говорам широко представлено смягчение *к* в положении после мягкой парной согласной, *j* (*й*), в части говоров также после *ч*: *угол'к'а, ван'к'а, чаѣк'у, девоч'к'а*. Эта особенность свойственна почти всему ю-в-р наречию, а также многим с-в-р говорам Восточной и Владимирско-Поволжской групп¹. В противоположность этому данная черта не свойственна не только украинскому языку,

¹ Карту этого явления (сост. Д. К. Зеленин) см. на стр. 300.

но и белорусскому языку, который сближается с ю-в-р наречием по такой важной черте, как аканье. В связи с этим наличие смягчения *к* после мягкой согласной может быть принято как свидетельство принадлежности соответствующего говора к русскому языку.

9. В русском языке отсутствует придыхание перед начальными гласными: *арбуз, это*. В противоположность этому по украинским и белорусским говорам развито придыхание: *háрбус, нето*.

10. В русском языке вообще утратилась старая звательная форма (лишь кое-где по говорам имеются остатки ее), сохранившаяся в украинском и белорусском языках. Ср. в укр.: *чоловіче, дїду, синку, друже, мамо, жіноко*; в белор.: *челове́че* или *челове́ку, вол́че* или *во́лку, бра́те, му́жу, ко́ню*. В связи с этим в русском языке появились новые звательные формы от имен на *-а*, без окончания: *ван', пет', ман', бабушк, стару́х* и т. д.

11. В русском языке отсутствует старое чередование заднебных *к, г, х* с свистящими *ц, з, с* при образовании форм дат. и местн. п. ед. ч. существительных на *-а*, а также местн. п. ед. ч. существительных муж. р. без окончания в им. п. — заднебные твердые *к, г, х* в них чередуются перед *е (ѣ)* с заднебными мягкими *к', г', х'*. Ср.: *рука́ — рук'ѣ, нога́ — ног'ѣ, соха́ — сох'ѣ, батра́к — о батрак'ѣ, пиро́г — о пиро́г'ѣ, слух — о слух'ѣ*. В украинском и белорусском языках чередование *к || ц, г || з, х || с* сохранилось в формах дат. и местн. п. ед. ч. женск. рода, также в форме местн. п. ед. ч. мужск. рода, если она не заменилась формой на *-у* (или *-ови*). Ср. белор.: *руце́, наз'ѣ, сас'ѣ, на-лаўце́, на-даро́з'е, на-наро́з'е*; укр.: *руц'ї, на-дору́-з'и, на-ноз'ї, в-луз'и, в-кожус'и, на-пору́з'и, на-бе́рез'и* (ср. рядом *-у: у-м'ишк'у, на-роб'їтниківи* или *на-роб'їтнику*).

12. Русскому языку свойственна форма им. п. мн. ч. на *-а́* от существительных мужск. рода, а по говорам также от существительных женск. рода. Ср. русск.: *города́, дома́, берега́, леса́, глаза́, учителя́*; в ю-в-р говорах, кроме того: *староста́, деревня́, лошада́, пустоша́, зеленя́, матеря́* и т. д. Белорусскому и украинскому языкам вообще эти формы не свойственны¹. Ср., напр., в белор.: *гарады́, домы́, берягы́, лясы́, глазы́* и т. д.

13. В русском языке формы вин. п. мн. ч. от названий животных сходны с род. п. Ср.: *пасты волов, лошадей, доить коров, есть раков*. Напротив, в украинском и белорусском языках образование вин. п. мн. ч. от названий животных сходно с им. п. Ср. в укр.: *пасты воли, доити корови, їсти раки*; в белор.: *даць каровы, есць раки*².

14. В русском языке при числительных, обозначающих 2, 3, 4, существительные мужск. рода употребляются в род. п. ед. ч., в то время как в украинском и белорусском языках — в им. п. мн. ч. Ср. в русском: *два дома, три стола, четыре двора*; но в белор.: *два дома́,*

¹ В укр. языке формы на *-а* от имен сущ. мужск. рода встречаются от отдельных немногих слов.

² Впрочем, в некоторых говорах украинского языка от названий встречаются формы вин. п. также и сходные с род. п.: *пасты волів* и т. д.

тры столы, четыре двory; в укр.: два доми, три столи, четыре двори.

Существительные женск. и ср. родов при этих числительных в русском языке также употребляются в род. п. ед. ч. Ср. в русск.: *две руки, три сестры, два ведра*. Что касается белорусского и украинского языков, то при числительных 2, 3, 4 существительные жен. и ср. родов употребляются по говорам различно. Ср. в белор.: *дзве руце, тры сястры, чатыры сяле* или *дзве руки, тры сястры, чатыры сястры, два сялы* и т. д., в укр.: *дві руці, три сестрі, чотире відрі* или *дві руки, три сестри, чотире (два) відра*.

15. Числительные, обозначающие числа от 5 до 20 и 30, образуют косвенные падежи в русском языке по единственному числу, а в белорусском и украинском языках обычно по множественному числу. Ср. в русск.: *пяти, пятью, пятнадцать, пятнадцатью* и др., но в белор.: *пяцёх, пяцём, пяцма*; в укр.: *п'ятьох, п'ятьох, п'ятьма* или *п'ятьома; сімох, сімом, сьома* или *сімома*.

16. Глаголы с основой на заднеязычные *к, г* в русском языке сохраняют *к, г* в формах повелительного наклонения, в то время как в белорусском и украинском языках вместо заднеязычных в этой форме выступают шипящие *ч, ж*. Ср. в русск.: *пеки, помоги, беги*; но в белор.: *пачы, памажы, бежы*; в укр.: *печи, помози, біжи*.

§ 200. Основными чертами, которыми русский язык, объединяясь с белорусским, отличается от украинского языка, являются следующие.

1. В русском языке, а также в белорусском (кроме юго-западных говоров) отсутствует чередование небеглых гласных *о* и *е* при формообразовании и словообразовании с гласной *и* или другими гласными, связанное с положением небеглых *о* и *е* в открытом или закрытом слоге. Ср. в русском: *носа — нос, ноч'и — ноч', соли — сол', слово — слов, росла — рос, кон'а — кон', печ'и — печ', ос'ен'и — ос'ен', с'ола — с'ол, н'есла (н'осла) — н'ос*. В украинском языке, напротив, в указанных морфологических и фонетических условиях происходит чередование гласных *о*, *е* с иными гласными — в литературном украинском языке и в значительной части говоров с гласной *и*, смягчающей предшествующую гласную, в полесско-украинских с дифтонгами *ю* и *йе*; по говорам представлены и другие гласные, которые чередуются с *о* и *е*. Примеры: *носа — н'ис, ночи — н'ич, н'иѣу, соли — с'ил', слово — сл'ив, росла — р'ис, кон'а — к'ин', печи — п'ич, осени — ос'ин', село — с'ил, с'ил'с'ких, несла — н'ис, вол'а — в'ил'них, работа — роб'итник, стојати — ст'уй, бојус'а — б'иѣа*; или: *носа — н'уос, соли — суол', слово — сл'уов, росла — руос, кон'а — куон', печи — п'ич, село — с'уол, несла — н'уос, стојати — ст'уој* и т. д. Эта особенность украинского языка объясняется удлинением и дальнейшими изменениями гласных *о* и *е* в слогах, находившихся перед слогами, в которых утратились слабые редуцированные *ъ, ь* (ср. в др.-р.: *нось, печь, роботъникъ* и т. д.). Подобный процесс не был пережит в говорах, на основе которых образовался русский язык: это отсутствует также в большей части белорусских говоров.

Надо отметить, что частные условия, в которых встречается эта особенность, неодинаковы по украинским говорам (например, в одних из них чередование гласных *о, е* с иными гласными встречается почти исключительно в ударенном слоге, в других — как в ударенном, так и в безударных слогах). Кроме того, чередование *о, е* с иными гласными не представляет в настоящее время живого фонетического явления. Поэтому имеет место большое количество разного рода исключений (напр.: *к'инец* вм. *конец*, *н'игот'* вм. *ногот'* по образцу *к'ини'а*, *н'игт'а*; *вод, меж*—род. п. мн. ч. по образцу других форм и т. д.).

В юго-западных белорусских говорах вместо *о, е* встречаются дифтонги *уо, уе* во многих случаях в тех же условиях, что и в украинском языке. Ср.: *соли*—*суол'*, *н'есла*—*н'уос*, *печи*—*п'иеч*.

2. Значительная часть русских говоров и белорусский язык характеризуются наличием под ударением после мягкой согласной перед твердой звука *о* вместо *е*: *с'ола, в'ес'олој, з'ел'оној, ов'ос, н'ос* (по с-в-р говорам *о* встречается и в безударных слогах: *с'олб, н'осү, буд'от, пол'ом*). Перед твердыми шипящими в большей части русских говоров также представлено *о*, а в меньшей их части и в белорусском языке—*е*; русск.: *д'ошово, од'ожа, л'ожа, л'ен'ошка*; русск. диалектное: *д'ешово, од'ежа, л'ежа, л'ен'ешка*; белор.: *д'з'ешава, ад'з'ежа, л'ежа, л'ап'ешка*.

В соответствии с гласной *о* в положении после мягкой согласной перед твердой¹ в украинском языке произносится *е* с предшествующей твердой согласной: *села, веселиї, зелениї, овес* и т. д. (произносится: *сэла, весэлиї* и т. д.).

Лишь в отдельных случаях в украинском языке представлена под ударением перед твердой согласной гласная *о* с предшествующей мягкостью: *л'он, с'омиї, сл'ози, л'оду, тр'ох* и др. По говорам *о* после мягкой согласной представлено в падежных окончаниях, напр.: *к-н'ому, в-н'оно, с'оно*, в других говорах: *к-нему, в-нео, сео*; рядом с литературными формами: *конём, землеју* по говорам встречаются формы: *кон'ом, земл'оју*². Гласная *о* после мягких согласных в окончаниях объясняется аналогией со стороны твердой разновидности склонения (ср.: *тому, кому, тоно, коно; столом, жоноју*). Различными аналогиями объясняются и случаи не в окончаниях (напр., *л'он*, возможно, по образцу *л'на, л'ну; л'оду* по образцу *л'ид, л'уод* и т. д.).

В сравнительно небольшой части русских говоров (главным образом, ю-в-р) в указанном положении представлена гласная *е* без изменения в *о* с предшествующей мягкостью: *с'эла, в'ес'элој, зе'л'э-*

¹ Кроме тех случаев, когда в украинском вместо *о* и *е* в новых закрытых слогах (т. е. перед слогом с утратившимся слабым редуцированным) представлены иные гласные; например: *н'ис, н'уос* и др. (рус. *нос*) и *сил, с'уол* и др. (русск. *сол*), см. выше п. 1.

² Мягкость согласных и последующее *о* в украинском правописании обозначаются буквой *ь* после согласной + буква *о*: *льон, льоду, к ньому* и т. д.

но́й, ов'ёс, л'ён, сл'ёзы, кл'ен и т. д.; однако и в этих говорах звучит *о* в некоторых формах: з'емл'о́й, гвозд'о́м, п'ен'о́к. (Подробнее о таких говорах см. ниже § 212.)

3. В русском и белорусском языках перед *е* все согласные (кроме *ш, ж, ц*) произносятся мягко, в то время как в украинском они звучат твердо. Ср. русск.: д'ен', з'емл'и, в'еч'ер, ст'еп'и; ю-в-р: м'ен'е, белор.: д'з'ен', з'емл'и, в'ечар, ст'еп'и, м'ен'е; но в укр.: ден', земли, веч'ир, степи, мене, несу, веду, осени, передати (произносятся: дэн', стэпи, мэна и т. д.). Ср. в укр.: по́л'а, по́л'у, но поле, полем (произносятся по́лэ, по́лэм), кин', кон'у, но конем (= конэм), земл'а, земл'у, но земле́ю (= зэмлэ́ю).

4. В русском и белорусском языках перед фонемой *и*, которая выступает в двух своих разновидностях — *и* и *ы*, различаются мягкие и твердые согласные: после мягких произносятся *и*, после твердых — *ы*. В украинском языке в соответствующих случаях звучит всегда звук *и*, менее переднего образования, чем в русском и белорусском (т. е. как звук как бы средний между *и* и *ы*), перед которым произносятся твердые согласные¹. Ср. в русск. и белор.: был'и и б'ил'и, мыло и м'ило, в то время как в украинском только били, которое обозначает как „были“, так и „били“; только мило, которое означает как „мыло“, так и „мило“. Другие примеры: русск.: сын, закры́то, но́вых, сы́той; с'ила, т'йхо, ход'йт'; белор.: сын, закрыты, новых, сыты; с'йла, ц'йха, хад'з'йц'²; но в укр.: син, закрити, нових, сити; сила, тихо, ходити.

5. Звук *ц* в русском и белорусском языках произносится всегда одинаково в отношении твердости или мягкости: в белорусском всегда твердо; также твердо произносится *ц* в русском литературном языке и в нецокающих (т. е. различающих фонемы *ц* и *ч*) говорах³. В противоположность этому в украинском языке *ц* вообще звучит мягко, но в положении перед *е* и *и* — твердо. Ср. русск.: конец, канца, концом; девица, девицу, девиц, девицей; белор.: канец, канца, канцом, д'ав'йца, д'ав'йцу, д'ав'йц, д'ав'йцеј, но в укр.: конец', к'инц'а, к'инц'у, но концем; д'ивиц'а, дивиц'у, дивиц', но д'ивицеју; улиц'а, улиц', но улицеј.

6. В русском (кроме отдельных говоров) и белорусском языках звонкие согласные на конце слова оглушаются. В противоположность этому в украинском языке звонкие согласные на конце слова сохраняются полностью или частично (т. е. звучат полувзвонкие): хлѣ́б, холо́д, моро́з и т. д.

¹ В украинском языке имеется фонема *и* с мягкостью предшествующей согласной, но она соответствует иным фонемам русского и белорусского языков. Ср. укр.: л'ис, д'ид, н'ис, сл'ив и русск.: л'ес, д'ед, н'ос, нос, слов.

² В белорусском языке *ц'* и *д'з'* звучит вместо мягких *т'* и *д'* (так наз. цеканье и дзеканье).

³ В значительной части русских цокающих говоров фонема *ц*, употребляющаяся как вместо *ц*, так и вместо *ч*, произносится мягко — но так же во всех положениях.

7. В русском и белорусском языках стабилизировалось место возвратной частицы (-ся, -сь), которая употребляется после глагола и слилась с глаголом в одно слово. В противоположность этому в украинском языке возвратная частица может занимать разное место в предложении и не слилась с глаголом в одно слово.

§ 201. Кроме черт, которыми русский язык отличается от украинского и белорусского или вместе с белорусским от украинского, имеются еще черты, которыми русский язык отличается от украинского, а белорусский язык занимает как бы промежуточное место: одни его говоры в отношении этих черт сходятся с русским языком, другие с украинским. Укажем несколько таких черт:

1. В русском языке нет форм дат. п. ед. ч. существительных мужск. р. на -ови (-еву), в то время как в украинском языке они широко употребительны. Ср. в русск.: *работнику, учителю, коню*, но в укр.: *робітникові, учителеві, коневі*.

В части юго-западных белорусских говоров, как и в украинском, употребляются формы на -ови (*работникови, канёви*), а остальным белорусским говорам свойственны, как и русскому языку, форма на -у (*работнику, каню*).

2. В русском языке отсутствуют формы им. п. мн. ч. существительных на -е (на месте старого ъ), которые употребительны в украинском¹. Ср. в русск.: *квашни, земли, ключи, кони*; но в укр.: *квашні, землі, ключі, коні, ковалі*. В юго-западных белорусских говорах сохранились, как и в украинском языке, формы, кончающиеся на старое ъ: *канё, зямлё, квашнё, гасце* и т. д. В противоположность этому остальным белорусским говорам свойственны формы, сходные с русским языком: *кони, земли, квашни, госци*.

3. В русском языке формы 1-го л. мн. ч. глаголов кончаются на -м, а в украинском языке обычно на -мо (по говорам на -ме). Ср. русск.: *идём, несём, любим*; укр.: *идемо, робимо, бачимо* и т. д. В юго-западных белорусских говорах, как и в украинском, встречаются формы на -мо (*идземо, несемо*), но в остальных употребляются, как и в русском языке, формы на -м (*идзем, несем*).

4. В русском языке в значении 1-го л. мн. ч. повелительного наклонения употребляется форма 1-го л. мн. ч. будущего времени: *пойдём (пойдёмте), понесём (понесёмте)*. В 2-м л. мн. ч. повелительного наклонения в русском языке всегда употребляется окончание -ите с гласной и — *понесите, пойдите, скажите*. В украинском языке глаголы 1-го спряжения сохранили старые формы 1-го и 2-го л. мн. ч. на -ім, -іть (восходящие к древнорусским формам на -ѣмъ, -ѣте), которые распространились также и на глаголы 2-го спряжения. Ср. в русск.: *понеси, понесём, понесите; приходи, приходите*; в укр.: *неси, несі́м(о), несіть; ходи, ході́м(о), ходіть*. Ту же форму, имеющую в своем составе гласную, восходящую к старому

¹ Вместо старого ъ в значительной части украинских говоров и литературном языке произносится звук и, смягчающий предшествующую согласную (пишется і).

ть, имеют юго-западные белорусские говоры: *нясі, нясём, нясёця; хвали, хвалём, хвалёця*; однако в других белорусских говорах употребляются формы, сходные с русскими: *няси, прынясем, хвали, хвалим, хвалиця*.

На основе приведенного выше материала нетрудно сделать вывод о том, что белорусский язык занимает как бы промежуточное положение между русским языком и украинским, сближаясь по одним чертам с русским языком, а по другим — с украинским. Особенно близки к последнему юго-западные белорусские говоры.

Весьма важно сходство белорусского языка с ю-в-р наречием (а также ср-в-р говорами) по такой существенной черте, как аканье. При этом характерно, что аканье и яканье восточно-белорусских говоров (диссимилятивное) приближается к соответствующим чертам соседних ю-в-р говоров в отличие от остальных белорусских говоров.

Северновеликорусское наречие.

Общие черты северновеликорусского наречия.

§ 202. С-в-р наречию в целом, в отличие от ю-в-р, свойственны следующие черты:

1. Различение фонем *о* и *а* после твердых парных и заднебных согласных в безударных слогах, во всяком случае в 1-м предударном слоге, т. е. оканье (ср.: *полоскát'* и *поласкát'*, *дровá* и *травá*). В других безударных слогах по с-в-р говорам *о* и *а* могут совпадать в редуцированном звуке (ср., например, *мѣлодѣ́* и *мѣловáто*, *зѣгорóдѣ́* и *к-зѣгорóдѣ́*). Впрочем, в значительной части с-в-р говоров фонемы *о* и *а* после указанных согласных различаются и в других безударных слогах. Ср.: *молодóбѣ́*, *головá*, но — *маловáто*; *огорóдом* (тв. п. ед. ч.) и *к-огорóдам* (дат. п. мн. ч.).

2. Полное или частичное различие гласных фонем неверхнего подъема в 1-м предударном слоге после мягких согласных или их совпадение в одном общем варианте *е* (при еканье). Ср. при полном различии этих фонем: *т'ану́*, *н'осу́*, *в-л'есу́*; при частичном их различии: *т'ану́* — *н'осу́*, *р'ока́*; *т'ану́* — *н'есу́*, *р'ека́*; *т'ену́*, *р'ека́* — *н'осу́*; *т'ену́* — *н'осу́*, *р'ока́*; при их совпадении (еканье): *т'ену́*, *н'есу́*, *р'ека́*¹. Это явление вместе с указанным в п. 1, как известно, носит название оканья в широком смысле².

3. Взрывное образование заднебной звонкой согласной фонемы — *г*: *гром*, *гну*, *гус'*; *гора́*, *нога́*. (О возможном фрикативном образовании *гг* в некоторых Олонецких говорах см. ниже § 205.)

¹ Следует иметь в виду, что еканье встречается и в ср-в-р, акающих говорах.

² Следует иметь в виду, что термин ёканье характеризует лишь произношение фонемы *о* после мягких согласных в безударных слогах, для некоторых говоров также произношение фонемы *ѣ* (*е*) в тех же положениях, а не всю систему реализации в безударных слогах гласных фонем неверхнего подъема после мягких согласных. Поэтому этот термин не соотносителен терминам: оканье, аканье, иканье, еканье.

4. Возможная утрата интервокального *j* (*i*) с последующей ассимиляцией и стяжением некоторых групп гласных: *знáэт, знáат, знат; бывáэт, бывáат, бывáт; ум'ээт; ум'эт; посп'ээт, посп'эт; мбэт, мот; торгуэт, војуэт; робóтут, думут; бол'шб с'олó, бол'шá д'ер'евн'а, на-бол'шó доро́гу; стáра избá, стáро плáт'ю, ф-стáру избу.*

5. Форма род.-вин. падежей возвратного и личных местоимений на -а: *с'еб'á, м'ен'á, т'еб'á.*

6. Форма 3-го л. ед. и мн. ч. глаголов на -т: *н'ес'от, в'ед'от, прóс'ит, сп'ит, н'ес'ут, в'ед'ут, прóс'ат, сп'ат.* (О возможности мягкого -т в 3-м л. мн. ч. глаголов 1-го спряжения в некоторых Олонекских говорах см. ниже § 205.)

Кроме черт, общих для всего с-в-р наречия, следует отметить черты, свойственные большей части с-в-р говоров. С-в-р говоры, не имеющие этих черт, в одних случаях утратили их в позднейшее время под влиянием литературного языка и других говоров, а в иных случаях, видимо, и никогда не имели этих черт.

Черты, свойственные большей части с-в-р говоров, следующие:

7. Изменение *а* в *е* под ударением между мягкими согласными: *гр'ес'* (но *гр'азној*), *вз'ет'* (но *вз'ал*), *з'ет'*, *оставл'ет'*.

8. Совпадение звуков *ц* и *ч* в одном звуке: в звуке *ц* мягком (*ц'*), или *ц* твердом, или *ц* мягком шелелявом, акустически среднем между *ц'* и *ч'* (*ц''*), или в небольшой части говоров — в *ч*: *хоц'у, п'ец', ц'áсто, у́л'иц'а, куп'ец'; хоцу́, п'ец, цáсто, у́лица, куп'ец; хоц'у́, п'ец'', ц'áсто, у́лиц''а, куп'ец''; хоцу́, п'еч, чáсто, у́лица, куп'еч.* В части с-в-р говоров встречаются оба звука *ц* и *ч*, но они употребляются не всегда этимологически правильно: нередко *ц* вм. *ч*. и наоборот. Например: *хоцу́, п'ец, цáсто*, но *у́лица, куп'еч.* Эти говоры также в прошлом были цокающие. Однако некоторые с-в-р говоры этимологически правильно различают фонемы *ц* и *ч*. Одни из них безусловно в прошлом имели цоканье, утратив его в позднейшую эпоху, другие — в частности, многие так называемые залесские говоры на территории бывш. Ярославской, Владимирской и Костромской губ. — его, видимо, никогда не имели.

9. Наличие фонемы *ф*: *сарафáн, фáртук, Митрофáн, фунт, Фрол, торф.*

10. Изменение сочетания *дн* в *н*: *о́нó, о́нá, в'и́но, лáно, холóној.*

11. Изменение сочетания *бм* в *м*: *ома́н, ом'ер'ил, о́мýл, о́мазал.*

12. Изменение сочетания *вн* в *мн*: *мнук, да́мнó, ромно, д'е-р'емн'а.*

13. Мягкость *с* в суффиксах -ск-, -ств-¹: *жéн'с'кој, д'ер'ев'ен'с'кој, рúс'кој, в'етлúс'кој* (ветлужской), *в'áт'с'кой* или *в'áц'кой* (вятский),

¹ Эта черта, фонетическая в своем происхождении, с точки зрения системы современных с-в-р говоров, является не фонетической, а скорее словообразовательной, так как она характеризует лишь состав фонем определенных суффиксов. Однако она дается рядом с фонетическими особенностями ввиду отсутствия здесь специального отдела словообразования.

горот'с'кој или *гороц'кој* (городской); *боѣс'во* (богатство), *ср'ес'ва* (средства), *балос'во* (баловство).

14. Формы тв. п. мн. ч. на *-м*, совпадающие таким образом с дат. п. мн. ч.: *свойм глазам в'идел, вышл'и ф-пол'о с-с'ер'нам, з-грабл'ам*; ср. выражение: *сам с усам*. Части с-в-р говоров (главным образом, на северо-западе) свойственна форма тв. п. мн. ч. на *-ма* и *-мы*: *с хорошыма роб'атамы, покрыто п'ескамы, с умныма луд'ама*. Известны также формы на *-м'а*, главным образом у местоимений: *им'а, т'ем'а, вс'ем'а* (ср. в литературном языке: *дуем'а, тр'ем'а*). Следует отметить, что формы на *-м'а, -ма* по говорам встречаются и в значении дат. п. мн. ч.

15. Формы инфинитива на *-чи* (*-ци*) от глаголов с основой на *к*, г: *п'еч'и, ст'ер'еч'и, мо'и, б'ер'еч'и, запр'еч'и*. Широко известны также формы инфинитива на *-чи* с предшествующим вторичным *к*: *п'екч'и, ст'ер'екч'и, мокч'и, б'ер'екч'и, запр'екч'и*. Формы инфинитива на *-сти*: *пл'ест'и, н'ест'и, рост'и*.

16. Особенности ударения: а) сохранение подвижного ударения в склонении существительных женск. р. на *-а*: перенос ударения на основу в вин. п. ед. ч. в таких словах, как: *рука — р'уку, нога — н'огу, гора — г'ору, вода — в'оду, овца — о'вцу, земля — з'емлю, борона — б'орону, сторона — ст'орону*; б) перенос ударения на предлог в таких случаях, как: *на дом, на воз, на берег, под носом, за ногу, на голову, на пять, на десять, на сто рублей, срубили под корень*; в) ударение на личном окончании у глаголов типа: *кур'ишь — кур'ят, кос'ишь — ко-сят, пил'ишь — пил'ят, вар'ишь — вар'ят, кат'ишь — кат'ят, дар'ишь — дар'ят*; г) ударение на конечном слоге во 2-м л. мн. ч. глаголов наст. и буд. вр.: *куда вы ид'ит'е* (или *идит'о*), *прив'ед'ит'е* (или *прив'ед'ит'о*), *куп'ит'е* (или *куп'ит'о*), *воз'м'ит'е* (или *воз'м'ит'о*).

17. Употребление так называемой постпозитивной частицы, выступающей в формах *-от, -та, -то, -ту, -ти* (или *-те*): *д'ом-от у-м'ен'а хорош'о; мужык-от мо'й у'е'хал; изб'а-та згор'ела; с'оло-то бол'шо; жен'у-ту дам'но похорон'ил; избы-т'е н'овы'ю поста-в'ил'и; р'ук'и-т'и бол'ат; по-л'осам-т'и фс'о х'од'ит*.

Группировка северновеликорусских говоров.

§ 203. По наличию или отсутствию тех или иных характерных особенностей в с-в-р наречии выделяется пять групп говоров: 1) Северная (иначе: Поморская или Архангельская); 2) Олонецкая; 3) Восточная (иначе: Вологодско-Вятская); 4) Западная (иначе: Западно-Новгородская); 5) Владимирско-Поволжская. Наиболее сильно отличаются от других с-в-р групп говоры Владимирско-Поволжской группы: все остальные с-в-р говоры заметно ближе друг к другу, чем к говорам Владимирско-Поволжским. Среди остальных с-в-р групп более заметно отличаются друг от друга группы северная и восточная. Олонецкая группа говоров в основе своей, видимо, относится к северной, но испытала некоторое влия-

ние со стороны говоров восточной группы. То же можно сказать и о говорах западной группы, но часть их (часть новгородских говоров) испытала, кроме того, еще влияние московского говора или с-в-р говоров центральных областей (бывш. Ярославской губ.).

Указанные группы говоров мы можем выделить лишь в самых общих чертах: с одной стороны, мы не обладаем достаточным материалом, чтобы установить сколько-нибудь точно границы распространения отдельных языковых особенностей на обширной территории с-в-р наречия. С другой стороны, с-в-р говоры почти на всем протяжении своей исторической жизни были тесно связаны друг с другом, и это сказалось на значительной их близости между собой. Даже на основании уже имеющегося материала можно утверждать, что пределы распространения каждого отдельного языкового явления редко совпадают друг с другом. В связи с этим, как правило, говоры на с-в-р территории характеризуются лишь постепенным, мало заметным на ограниченной территории переходом от одного типа говоров к другому. Поэтому можно думать, что четких границ между отдельными группами говоров в пределах с-в-р наречия, в сущности, нет. А это равносильно тому, что ставится под сомнение самое выделение большей части этих групп.

Деление с-в-р наречия на указанные выше пять диалектных групп было предложено авторами „Опыта диалектологической карты русского языка в Европе“ (1915). Как видно из только что сказанного, это деление является в значительной мере условным. Но поскольку до составления Атласа русского языка оно не может быть заменено более или менее точным описанием соответствующих изоглосс на с-в-р территории, приходится в рабочем порядке пользоваться старой, явно не удовлетворяющей классификацией, которая, однако, хотя и в самых общих чертах, указывает на характерный комплекс черт говоров отдельных зон с-в-р территории.

Авторы „Опыта“ делят с-в-р наречия на более мелкие диалектные группы производили на основе учета различий в судьбе старого *ѣ* (см. „Опыт“, стр. 19). Однако этот принцип нельзя признать удачным даже с точки зрения того материала, который был известен уже в начале XX столетия. Материал, собранный в последующие почти четыре десятилетия, еще больше подчеркнул неудачность взятого в основу классификации с-в-р говоров критерия. Подробнее об этой классификации см. ниже в § 208.

§ 204. Северная группа. Северная группа говоров с-в-р наречия характеризуется следующими особенностями:

1. Фонема *ѣ* под ударением произносится в одних говорах этой группы, как *е*, перед твердой согласной и, как *ѣ*, перед мягкой (*с'ѣно* — *ѣ-с'ѣн'е*, *с'ѣл* — *с'ѣл'и*), в других говорах — как *ѣ* в положении перед твердыми и мягкими согласными (*с'ѣно* — *ѣ-с'ѣн'е*, *с'ѣл* — *с'ѣл'и*, *л'ѣто*, *в'ѣра*). Однако на месте конечного *ѣ* в большей части говоров группы отмечена фонема *и*: *на-стол'и*, *на-двор'и*, *мн'и-ка* (мне), *гд'и*.

2. Фонема *ѡ* отсутствует или не отмечена в говорах этой группы — вместо нее отмечено *о*: *стол*, *двор*, *вѡл'а*, *ворѡна*, *сторѡнка*.

3. Фонема *ѣ* в 1-м предударном слоге перед твердой согласной произносится, как *е*: *р'екá*, *л'есá*, *сл'епѡ́ј*, *с'екý*, *б'едá*, *н'етýх*, *дв'енáт'ц'ет'*.

4. Фонема *о* после мягких согласных в 1-м предупредном слоге перед твердой согласной в части говоров или в некоторых случаях сохраняет свою лабиализацию (произносится слабо лабиализованный переднего образования звук *о̥*), в других говорах или случаях утрачивает лабиализацию (произносится *е*): *н'осу, т'опло̥, д'оржам̄, с'оло̥, в'осна̥, н'осла̥* или *н'есу, т'епло̥, д'ержам̄, с'ело̥, в'есна̥, н'есла̥*.

5. Фонема *в* на конце слова и перед глухой согласной произносится без голоса, как *ф*; перед другими согласными произносится *в*: *короб̄ф, короб̄фка; траф̄, траф̄ка; дроф̄; правда, давн̄о*.

6. Фонема *л* (твердая) сохраняет свое качество на конце слова и перед согласными: *дал̄, сказа̄л, волк̄, пал̄ка, полно̄*.

7. Фонема *к* после мягких согласных и *ј* не смягчается: *ван̄'ка, ббр̄'ка, ц'ајк̄у, д'евоц̄'ка*.

8. В род. п. ед. ч. мужск. и ср. р. местоимений и прилагательных произносится окончание *-ого* или *-оґо* с *г* взрывным или фрикативным между гласными: *пр'амбо̄го, ста̄рого, с'йн'ого, тоґо̄, коґо̄, ц'оґо̄*, или *пр'амбоґо̄, ста̄роґо̄, с'йн'оґо̄, тоґо̄, коґо̄, ц'оґо̄*. В некоторых говорах этой группы то же окончание произносится как *-оо*, без согласной между гласными: *ста̄роо̄, с'йн'оо̄, тоо̄, коо̄*.

9. Глаголы 1-го спряжения с основой на задненебные согласные перед окончаниями 2-го и 3-го л. ед. ч. и 1-го и 2-го л. мн. ч. имеют обычно мягкие задненебные: *п'ек'ош, п'ек'ом̄, т'ек'ом̄, п'ек'ом̄, волок'ом̄; п'ек'ит'е̄, волок'ит'е̄; запр'ег'ош; б'ер'ег'ош; запр'ег'ом̄, б'ер'ег'ом̄; запр'ег'ом̄, б'ер'ег'ом̄; запр'ег'ит'е̄, б'ер'ег'ит'е̄*.

10. В форме 2-го л. мн. ч. глаголов произносится *-т'е̄*, а не *-т'о̄*: *појд'ит'е̄, пр'ин'ес'ит'е̄, сп'ит'е̄*.

§ 205. Олонецкая группа. Олонецкая группа с-в-р наречия весьма близка к Северной. Укажем отличительные черты этой группы.

1. Фонема *ѐ* под ударением перед твердыми согласными произносится как *е* закрытое (*ѐ*); та же фонема перед мягкими согласными в одних говорах сохраняется как очень закрытое *е* (*ѐ*), в других изменяется в *и*: *с'ѐно — ф-с'ѐн'е, д'ѐло — в-д'ѐл'е, с'ѐл — с'ѐл'и, м'ѐс'ец̄, в'ѐт'ор*; или: *с'ѐно — ф-с'ѝн'е, д'ѐло — в-д'ѝл'е, с'ѐл — с'ѝл'и, м'ѝс'ец̄, в'ѝт'ор*.

Особенности, отмеченные выше в п. п. 2 — 5, а также 7 — 10 для Северной группы говоров, свойственны и Олонецкой группе.

6. В части говоров Олонецкой группы фонема *л* твердое на конце слова и перед согласной произносится, как *ў*: *была̄ — быў, пришла̄ — пришб̄у, палочка̄ — паўка, воўк, поўной*.

Эти черты отличий Олонецкой группы говоров от Северной в то же время являются чертами, сближающими первые с Восточной группой с-в-р наречия (см. ниже § 207).

Олонецкая группа говоров характеризуется еще следующими особенностями:

1) В части говоров этой группы задненебная звонкая согласная фонема в положении между гласными имеет фрикативное образование (*γ*): *ноґа̄, дорб̄оґа, поґод'ӣ*.

2) В части говоров этой группы в личных окончаниях глаголов 1-го спряжения под ударением сохраняется звук *е* (без замены его звуком *о*): *пр'ин'ес'еш, пас'еш, в'ед'еш; пр'ин'ес'ет, пас'ет, в'ед'ет; п'ек'еш, запр'ег'еш; п'ек'ет, запр'ег'ет; п'ек'ем, запр'ег'ем*.

3) В части говоров этой группы на конце формы 3-го л. мн. ч. глаголов 1-го спряжения произносится *т'* (таким образом, *т'* произносится в составе окончания *-ут'*): *пр'ин'ес'ут', в'ед'ут', пас'ут', п'ек'ут', запр'аг'ут'*, но *кр'иц'ат, кур'ат, прбс'ат, въз'ат; н'ес'ет, в'ед'ет, п'ек'ет* (или *н'ес'от, в'ед'от, пек'от*), *прбс'ит, кур'ит*.

В говорах этой группы отмечена также форма 3-го л. глаголов без *т*.

4) В части говоров этой группы употребляется *ѣ* вместо *хв*: *ѣал'ит, ѣат'ат', ѣос* (хвост,) *ѣоја*.

§ 206. Западная группа. Западная группа с-в-р наречия в своей основе также близка к Северной группе, но некоторыми чертами (напр., звук *в* в окончании *-ого*) сходится с Восточной. Кроме того, многие говоры этой группы испытали в прошлом влияние московского говора или с-в-р говоров центра (главным образом бывшей Ярославской губ.). В связи с этим последним влиянием многие говоры этой группы утратили цоканье.

Укажем основные особенности говоров этой группы:

На месте фонемы *ѣ* под ударением как перед твердыми, так и перед мягкими согласными произносится *и*: *с'ѣно, ѣ-с'ѣн'е; д'ѣло, в-д'ѣл'е; с'ѣл на-л'ѣфку, с'ѣл'и на-л'ѣфку; рѣзат', б'ѣлој, т'ѣсто, хл'ип*. Эта черта представляет собой самый характерный признак говоров западной группы, хотя она вообще не чужда и отдельным говорам других групп (например, Восточной). В части говоров Западной группы фонема *ѣ* сохраняет свое образование закрытого (местами очень закрытого *е*) под ударением как перед твердыми, так и перед мягкими согласными: *с'ѣно, ѣ-с'ѣн'е, хл'ѣп, хл'ѣб'ец, р'ѣзат', б'ѣлој, в'ѣт'ор, м'ѣс'ец*.

Большая часть остальных черт в говорах Западной группы такая же, как в говорах Северной группы. Существенное отличие заключается лишь в произношении окончания *-ого* (пункт 8): Западной группе говоров свойственно произношение в этом окончании звука *в* (*-ово*): *слеп'ово, стар'ово, тов'о*. Однако в некоторых архаических говорах бывш. Новгородского уезда сохранилось произношение этого окончания с *г* или *γ*: *-ого, -оγо*.

Из других особенностей говоров Западной группы отметим следующие:

1) В большей части говоров этой группы фонемы *ц* и *ч* различаются: *овца — часто, конц'а — конч'ат'*. В части говоров *ч* твердое. Твердость *ч*, а также наличие некоторых реликтов цоканья (например, формы деепричастия типа *уш'отцы*) свидетельствуют о том, что нецокающие говоры Новгородской группы восходят к цокающим. Известно, что цоканье для новгородских говоров засвидетельствовано памятниками письменности, начиная с XI в. Утрата цоканья в них произошла под влиянием московского говора и нецокающих с-в-р областей, прилегающих к Москве. При этом здесь имело место,

видимо, не только языковое влияние, но и обновление населения выходцами из названных областей.

2) Вместо мягких губных на конце слова в говорах Западной группы произносится твердая губная, в связи с чем мягкость и твердость губных на конце слова не различается: *с'ем*, *цеп* (в значении „цепь“), *вглуп* (вглубь) *фпр'ам* (впрямь), *кроф* (кровь), *л'убоф*, *пост'аф* (поставь). Однако эта черта встречается и в других с-в-р говорах, а также ср-р-в и ю-в-р.

§ 207. Восточная группа. Восточная группа с-в-р наречия характеризуется следующими особенностями:

1. Фонема *ѐ* под ударением перед твердой согласной произносится, как *ѐ* (е закрытое), или — реже — как дифтонг *йе*, а перед мягкими согласными, как *и*: *с'ѐно* или *с'йено* — *в-с'йн'е*, *д'ѐло* или *д'йело* — *в-д'йл'е*, *в'ѐтра* или *в'йетра* — *в'йт'ор*, *б'ѐлој* или *б'йелој* — *б'йлен'кој*, *хл'ѐп* или *хл'йеп* — *хл'йбец'*, *л'ѐс* или *л'йес*, *н'ѐт* или *н'йет*, *с'ѐрој*, или *с'йерој*, *м'ис'ец'*, *в'йн'ик*, *з'д'ис'*. Дифтонг *йе* отмечен в некоторых говорах также и перед мягкой согласной: *м'йес'ец'*, *в'йет'ор*.

2. В части говоров Восточной группы отмечено различие фонем *о* (или *уо*) и *о*: *вдл'а* (или *вудл'а*) — *пбл'о*, *выс'ок* (или *выс'ук*) — *нос'ок*, *кдт* (или *куот*) — *год*.

3. Фонема *ѐ* в 1-м предударном слоге перед твердой согласной во многих говорах этой группы произносится, как *о*: *р'ок'а*, *л'ос'а*, *сл'оп'ој*, *с'ок'у*, *б'од'а*, *п'от'ух*, *дв'он'ат'ц'ет'*.

4. Фонема *о* после мягкой согласной в 1-м предударном слоге перед твердой согласной обычно произносится, как *о*: *н'ос'у*, *в'од'у*, *с'остр'а*, *в'осној*, *с'оло*, *п'ор'о*, *пр'ин'осл'а*, *пр'ив'ол'а*.

5. Фонема *в* на конце слова и перед согласной в части говоров этой группы произносится, как *у* (или *ш*): *корб'у*; *корб'ука*; *тра'у*, *тра'ука*, *дро'у*; *пра'уда*; *отпра'ул'у*.

6. Фонема *л* твердое на конце слова и перед согласными во многих говорах этой группы произносится, как *у* (или *ш*): *да'у*, *ска'з'а'у*, *во'ук*, *па'ука*, *пб'уној*.

7. В довольно значительной части Восточной группы фонема *к* после мягкой согласной и *ј* смягчается: *в'ан'к'а*, *б'ор'к'а*, *ц'а'к'у*.

8. В род. п. ед. ч. мужск. и ср. рода местоимений и прилагательных произносится окончание *-ово* со звуком *в* между гласными: *сл'оп'ово*, *ст'арово*, *с'йн'ово*, *тов'о*, *ков'о*, *ц'ов'о*. При безударности конечной гласной отмечена также форма *-ова* с гласной *а* на конце: *сл'оп'ова*, *ст'арова*, *с'йн'ова*, *это'ва*.

9. Глаголы 1-го спряжения с основой на заднеязычные согласные перед окончаниями 2-го и 3-го л. ед. ч. и 1-го л. мн. ч. могут иметь твердые заднеязычные согласные: *п'ек'ош*, *воло'к'ош*; *п'ек'от*, *воло'кот*; *п'ек'ом*, *воло'ком*; *зап'рег'ош*, *б'ер'ег'ош*; *зап'рег'от*, *б'ер'ег'от*; *зап'рег'ом*, *б'ер'ег'ом*.

10. В форме 2-го л. мн. ч. глаголов произносится *-т'о*, но не *-т'ѐ*: *појд'ит'о*, *пр'ин'ес'ит'о*, *с'н'ит'о*.

Кроме того, характерной особенностью многих говоров Восточной группы является „среднее“ *л* вместо твердой *л* в положении перед гласной (*был'а*, *дал'а*, *пл'ыл'и*, *пол'уц'ыл'а*), а также формы будущего

времени с вспомогательным глаголом *иму*: *имѹ нос'ѹт'*, *им'ѹш' нос'ѹт'* и т. д.

Достаточно сопоставить только что перечисленные для с-в-р говоров Восточной группы десять пунктов с соответствующими десятью пунктами, указанными выше для говоров Северной группы, чтобы было достаточно обосновано положение о том, что среди рассмотренных четырех групп говоров с-в-р наречия более резко отличаются друг от друга говоры Северной и Восточной групп.

Однако все четыре рассмотренные выше группы с-в-р говоров, вместе взятые, в еще большей степени противопоставлены пятой — Владимирско-Поволжской.

§ 208. Владимирско-Поволжская группа. В говорах этой группы прежде всего нередко отсутствует ряд характерных черт, свойственных большей части остальных с-в-р говоров:

а) Звук *а* между мягкими согласными обычно сохраняется: *з'ат'*, *вз'ал'и*, *гр'ас'* (ср. в других с-в-р говорах: *з'ет'*, *вз'ет'*, *гр'ес'*).

б) Обычно сохраняется также звук *а* после мягкой согласной в 1-м предударном слоге перед твердой согласной (*зѣгл'анѹ*, *п'ат'ак*, *зѣт'анѹл*, *р'абѹ*); тот же звук перед мягкой согласной в одних говорах этой группы сохраняется (*зѣгл'ан'ѹ*, *п'ат'ѹ*, *зѣт'ан'ѹ*), в других — изменяется в *е* (*зѣгл'ен'ѹ*, *п'ет'ѹ*, *зѣт'ен'ѹ*).

в) Значительной части говоров этой группы свойственно неполное оканье, т. е. различие фонем *о* и *а* после твердых согласных лишь в 1-м предударном слоге при их совпадении в одном общем варианте *ѡ* или *а* в других безударных слогах: *мѡлодѹ* — *мѡлѣт* — *молѹжа*; *гѡродѹ* — *гѡрѣт*; *пѡ-домѹ* — *нѡ-ѣм*; *стѡр'ик'ѹ* — *стѡрѣ*; *дѡровоѹ* — *дѡрѣм*, *скѡрѣ*, *т'ѹхѣ* или *скѡра*, *тиха*; *д'ѣлѣ*, *с'ѣнѣ* или *д'ѣла*, *с'ѣна* как в им., так и род. падежах ед. ч.

г) В довольно значительной части говоров группы (в большей части относящихся к этой группе говоров бывших Ярославской, Костромской и Владимирской губерний) отсутствует цоканье, т. е. фонемы *ц* и *ч* различаются.

д) Звук *с* в суффиксах *-ск-*, *-ств-* произносится твердо: *жѣнскѣ*, *д'ер'евѣнскѣ*, *бѣлѡствѹ* или *бѣлѡфѣвѹ*.

е) Сочетание *дн* сохраняется: *однѹ*, *лѣднѹ*, *в'ѣднѹ*.

ж) Отсутствуют некоторые типично с-в-р особенности в ударении: например, отсутствует форма 2-го л. мн. ч. наст. и буд. времени с ударением на конечной гласной окончания: *с'п'ѹт'о* (или *сп'ѹт'а*, *сп'ѹте*), *к'ѹп'ѹт'о* (или *к'ѹп'ѹт'а*, *к'ѹп'ѹте*), *прив'ѣд'ѹт'а* (*прив'ѣд'ѹте*); ср. в других с-в-р говорах: *с'п'ѹт'ѣ* (или *с'п'ѹт'ѹ*), *прив'ѣд'ѹт'ѣ* (или *прив'ѣд'ѹт'ѹ*).

Укажем особенности Владимирско-Поволжских говоров по тем же 10 пунктам, которые были рассмотрены для других групп с-в-р говоров.

1. В значительной части говоров этой группы на месте фонемы *ѣ*, как и в литературном языке, под ударением перед твердой согласной произносится *е*, перед мягкой согласной — *ѣ*: *с'ѣл* — *с'ѣл'и*, *д'ѣлѣ* — *ѡ-д'ѣл'е*, *в'ѣтра* — *в'ѣт'ор* (или *в'ѣт'ар*).

Однако принятое, в общем, мнение о том, что *e* открытое под ударением перед твердой согласной является общей заменой *ě* во всех говорах Владимирско-Поволжской группы, не подтверждается полностью диалектологическими материалами, собранными в течение последних лет: наряду с такой заменой фонемы *ě* — в разных пунктах территории этой группы обнаружены говоры, имеющие *ě* (*с'ěl*, *д'ěль*, *в'ěтра*); отмечены также говоры, имеющие на месте *ě* под ударением перед мягкой согласной звук *и* (*пов'ір'ил*, *в'ім'ар*).

2. Фонема *ǫ* в большей части говоров этой группы отсутствует или не отмечена собирателями. Однако принятое, в общем, мнение о том, что фонема *ǫ* отсутствует во всех говорах Владимирско-Поволжской группы, не подтверждается материалом: известны говоры (напр., во Владимирской, Костромской и Горьковской обл.), различающие *о* и *ǫ*.

3. На месте фонемы *ě* в 1-м предударном слоге перед твердой согласной произносится *о*: *р'окá*, *б'одá*, *дв'онáтицэт'*, *п'от'ух*, *в-л'ос'у*.

4. Фонема *о* после мягких согласных в 1-м предударном слоге перед твердой согласной произносится, как *о*: *н'ос'у*, *п'в'оз'у*, *сл'озá*, *в'оснá*, *с'олó*, *с'острá*.

5. Фонема *в* на конце слова и перед глухой согласной произносится без голоса, как *ф*: *корóф*, *корóфка*; *лáфка*, *канáфка*, *дрóф*.

6. Фонема *л* (твердая) сохраняет свое качество на конце слова и перед гласной: *был*, *знал*, *волк*, *пáлка*.

7. Фонема *к* после мягких согласных *и* *ј* смягчается в части говоров: в одних говорах этой группы произносят *вáн'к'а*, *чајк'у*, в других — *вáн'ка*, *чајк'у*.

8. В род. п. ед. ч. мужск. и ср. р. произносится окончание *-ово* или *-ова* (последнее при ударении не на последнем слог) с звуком *в* между гласными: *сл'опóво* или *сл'опóва*, *стáрово* или *стáрова*, *товó*, *ковó*.

9. Глаголы 1-го спряжения с основой на задненебные согласные перед окончаниями 2-го и 3-го л. ед. ч. и 1-го л. мн. ч. могут иметь твердые задненебные: *п'екóш*, *ст'ер'егóт*, *с'екóм*.

10. О гласной фонеме конечного ударенного слога в форме 2-го л. мн. ч. глаголов не приходится говорить, так как Владимирско-Поволжские говоры имеют в этой форме ударение не на конечном слог (см. выше п. «ж»).

Таким образом, многие говоры Владимирско-Поволжской группы не разделяют ряда характерных особенностей с-в-р наречия, примыкая в отношении их к говорам ср-в-р, в частности московскому, а через них и к ю-в-р наречию. Таковы особенности, перечисленные выше в пунктах «а — ж». Это нельзя считать случайностью, принимая во внимание территориальную близость этих говоров к ю-в-р, рязанским, а также к Москве и территории ср-в-р говоров. Московское княжество входило в прошлом в состав Ростовско-Суздальской земли и в дальнейшем было теснейшим образом связано с северо-восточной Русью, центром которой была основная территория современных говоров Владимирско-Поволжских говоров.

В словарном отношении говоры Владимирско-Поволжской группы также заметно отличаются от других групп с-в-р наречия: в них отсутствуют некоторые слова, свойственные другим с-в-р говорам (напр., *баској*, *лон'ис'*). Можно отметить для Владимирско-Поволжской группы говоров преимущественное употребление слов *бороновать* (не *волочить*), *лошадь* (не *конь*), *пахать* (не *орать*), *зола* (не *попел*), *пахарь* (не *ратай*). Эти лексические особенности также сближают Владимирско-Поволжские говоры с ср-в-р и ю-в-р говорами, а во многих случаях также с литературным языком.

По ряду других своих особенностей многие говоры Владимирско-Поволжской группы сходятся с говорами Восточной группы. Ср. п. 2 (*р'окá*, *п'от'ух*), п. 3 (*н'ос'у*, *сл'озá*), п. 8 (окончания *-ово*, *-ова*), п. 9 (формы типа *п'екóт*, *ст'е'р'егóт*). Сюда, может быть, можно отнести и п. 2 (возможность различения в части говоров фонем *δ* и *о*). Однако Владимирско-Поволжские говоры не разделяют вместе с Восточными особенности, указанные в п. 5 и 6 (в них произносится *корóф*, *корóффа*, а не *корóу*, *корóука*, а также *был*, *пáлка*, а не *быу*, *пáука*, как это может быть в говорах Восточной группы): *ў* на месте *в* и *л* — специфические особенности части говоров Восточной группы.

Сообщенный в этом разделе материал подтверждает высказанное нами выше (см. § 203) положение о том, что различия в судьбе старого *ъ* не могут служить критерием для выделения основных типов с-в-р говоров. В самом деле, под ударением перед твердой согласной *ѣ* на месте *ъ* может быть в говорах любой из пяти групп (*с'н'ѣк*, *с'ѣно*), в том числе и во Владимирско-Поволжских: наблюдения последних лет, вопреки данным „Опыта“, все время открывают на территории этой группы говоры с *ѣ*. Звук *и* на месте *ъ* под ударением перед твердой согласной считается не без оснований характерной чертой говоров Западной группы (новгородских). Однако такое произношение известно рядом с *ѣ* в довольно значительном числе говоров Восточной группы (вологодских, кировских, костромских и др.). Произношение *е* (*е* открытого) в этом положении известно во многих (но не во всех!) говорах Владимирско-Поволжских, в части Поморских, но оно же известно и во всех других группах как черта, в настоящее время широко проникающая под влиянием литературного языка.

Поэтому, в соответствии с выше изложенным, можно считать значительно более обоснованным выделение по целому комплексу черт говоров Владимирско-Поволжских среди остальных с-в-р. Что касается до дальнейшего деления этих последних, то окончательный ответ на этот вопрос дадут карты диалектологического атласа русского языка, которые покажут распределение важнейших изоглосс на интересующей нас территории.

§ 209. Лексические отличия с-в-р и ю-в-р наречий. Помимо отличий фонетических и грамматических, с-в-р и ю-в-р говоры отличаются друг от друга также рядом соотносительных лексических элементов. Таковы, например, с-в-р *квашня* и ю-в-р *дежа*, с-в-р *орать* и ю-в-р *пахать* и т. д. Приведем несколько таких соотносительных элементов русской диалектной лексики (первый пример каждой пары с-в-р, второй — ю-в-р): *изба* — *хата*, *квашня* — *дежа*, *ковш* — *корец*, *ухват* — *рогач*, *емки*; *кринка* (*крынка*) — *махотка*; *петух* — *кочет*, *волк* — *бирюк*, *векша* — *белка*, *конь* (реже *комонь*) — *лошадь*, *орать* — *пахать*, *бороновать*, *воло-*

чить — *скородить*, *песни петь* — *песни играть*, *брезговать* — *гребовать*, *гутарить* (*гуторить*) — *баять* (при нейтральном, т. е. свойственном говорам как с-в-р, так и ю-в-р наречия *говорить*), *бодать*, *бости* (о корове) — *брухать* (известно по говорам также *пырять* и др.), *звать* — *гаркать*, *смеяться* — *грохотать*, *прыгать* — *сигать*, *тропинка*, *стопинка* — *стёжка*, *волосы* — *виски*. Части с-в-р говорам свойственно слово *ратай* при *пахарь* в остальных русских говорах, а также *попел* при *зола* — в остальных. Значительная часть с-в-р говорам знает слово *баской* в значении „хороший“, „красивый“, *лони* или *лонись* в значении „в прошлом году“, *оболочка* в значении „одежда“, *оболокаться* в значении „одеваться“ и др. неизвестные в ю-в-р говорах.

Границы распространения по русским говорам отдельных слов и их групп весьма мало изучены. При этом надо иметь в виду, что лексические элементы особенно легко могут заимствоваться из одного говора в другой. Поэтому границы распространения отдельных типично с-в-р или ю-в-р слов могут не совпадать с теми границами между основными двумя наречиями русского языка, которые устанавливаются на основании изучения фонетических и грамматических особенностей.

Так, например, Владимирско-Поволжская группа говоров с-в-р наречия выделяется среди других с-в-р говоров именно отсутствием ряда типичных с-в-р слов и схождением этих говоров в данном отношении с территориально-примыкающими ср-в-р и ю-в-р говорами: Владимирско-Поволжским говорам свойственны, например, слова *лошадь* (а не *конь*), *пахать* (а не *орать*), *зола* (а не *попел*) и т. д. В эти говоры заходят такие типично ю-в-р слова, как *кочет*, *дежа* и др. В них отсутствуют такие слова, как *баской*, *лонись*, широко употребляемые в других с-в-р говорах.

Экономические, политические и культурные взаимоотношения между носителями с-в-р и ю-в-р говоров на разных территориях и в разное время были неодинаковы. Поэтому естественно, что в определенных условиях слова, первоначально специфически с-в-р, могли проникать в ю-в-р говоры и наоборот. Характерно, что ср-в-р говоры не имеют своих специфических лексических элементов, а характеризуются смешанной лексикой, состоящей из элементов с-в-р и ю-в-р, нередко наличием лексических дублетов (типа: *петух* — *кочет*), употребляемых либо безразлично, либо с теми или иными ограничениями, относящимися к вещественному значению слова, или его стилистическому употреблению (например, вообще *волосы*, но *виски* — „волосы на затылке“; или: вообще *лошадь*, но в языке фольклора *конь* и т. д.).

При изучении соотносительных элементов диалектной лексики следует иметь в виду, что русский литературный язык представляет собой весьма сложное образование, в которое вошли, между прочим, лексические элементы как с-в-р, так и ю-в-р. Поэтому часто одно из двух соотносительных слов, первоначально характеризовавшее то или другое основное наречие русского языка, входит в состав лите-

ратурного языка, а другое сохраняется лишь в пределах данного наречия.

Ср., например: *петух* и *кочет* или *орать* и *пахать*; литературному языку свойственно первоначально с-в-р *петух* и первоначально ю-в-р *пахать*. Естественно, что в дальнейшей эволюции русских говоров первоначально диалектное слово, попавшее в состав литературного языка, имеет шансы вытеснить из употребления соответствующее слово другого наречия. Поэтому с-в-р по происхождению слово *петух* может появиться в ю-в-р говорах рядом со словом *кочет*, а потом и вытеснить собой слово *кочет*, то же можно сказать о слове *волк* по отношению к ю-в-р *бирюк*. Слово *пахать* может появиться в с-в-р говорах рядом со словом *орать*, а затем и вытеснить собой последнее. Между тем, как известно, на севере первоначально вместо *пахать* употреблялось слово *орать* (слово *пахать* в них имело значение „мести“, например *пахать пол*). С течением времени слово *орать* уступает свое место слову *пахать*, свойственному ю-в-р говорам и укрепившемуся в литературном языке. Однако до того, как оно совсем исчезнет, оно может сохраниться в специальном значении, например, отражающем более старую технику обработки земли (ср. отмеченное по говорам *орать сохой*, но *пахать плугом*).

При движении слов из одного диалекта в другой большое значение имеет то, каков удельный вес той отрасли хозяйства или быта, к которой относится данное слово. Например, земледелие нашего южновеликорусского и украинского юга имеет ведущее значение для всей страны, поэтому элементы соответствующей ю-в-р и украинской лексики имеют тенденцию проникать не только далеко на север, в с-в-р говоры, но также и в литературный язык. Ср., например: *хаты-лаборатории*, которые имеются и в таких местах, где вообще не употребляется слово *хата*, а вместо нее употребляется слово *изба*. Иногда *хата-лаборатория* в одной и той же деревне уживается рядом с *избой-читальней*.

При изучении соотносительной диалектной лексики надо также иметь в виду, что отдельные члены соотносительного лексического ряда могут иметь не вполне одинаковое значение, а если речь идет о словах предметного значения—употребляется в качестве названий разных предметов (хотя и сходных по своей функции). Ср., например, слова: *крынка* (*кринка*) и *махотка*; или слова, обозначающие виды изгороди: *плетень*, *огород*, *городьба*, *тын*, *забор* и др.

Лексические отличия имеются не только между с-в-р и ю-в-р наречиями в целом, но также и между отдельными группами говоров в пределах того или иного наречия. Так, например, рядом своеобразных слов выделяется Новгородский и Олонецкий северо-запад, к которому примыкает также Псковщина в отличие от Вологодского и Кировского северо-востока и Ярославского и Владимирско-Поволжского края. Выделяется также южновеликорусский запад (калужские, брянские, смоленские говоры) рядом совпадений с бело-

русским языком, а также юг (курские, воронежские, донские говоры) совпадениями с украинским языком.

Выделяются также сибирские говоры (ср., например: *лопоть* в значении „одежда“, *однако* — „вероятно“, „пожалуй“, *ну* — „да“, „конечно“ и т. д.).

При указании на лексические отличия русских говоров между собой нельзя не отметить таких слов, как *второй* и *другой*, *здесь* и *тут*; *навоз*, *назём*, *гной*, *сор* (последние два слова в значении „навоз“ — типично с-в-р, где употребляются, видимо, на более или менее ограниченной территории). По говорам представлено большое количество слов, обозначающих понятие „очень“: *очень*, *дуже* (*дуже*), *шибко*, *больно*, *прытко*, *пылко*, *гораздо* (*горазд*), *порато* и т. д. Среди этих слов *дуже* выделяется как типично ю-в-р; *добре* — так же, как ю-в-р, но употребляется и в с-в-р и ср-в-р говорах; *порато* — как типично с-в-р, употребляющееся, главным образом, на северо-западе; *гораздо* — уже — как новгородское, псковское.

Однако лексические взаимоотношения между разными русскими говорами до сих пор еще изучены весьма слабо, поэтому мы ограничимся здесь лишь сделанными выше замечаниями.

Южновеликорусское наречие.

Общие черты южновеликорусского наречия.

§ 210. Ю-в-р наречию в целом, в отличие от с-в-р, свойственны следующие черты.

1. Неразличение фонем *о* и *а* после твердых парных согласных и задненебных в безударных слогах, т. е. аканье в собственном смысле. Применительно к 1-му предударному слогу значительной части ю-в-р говоров свойственно аканье недиссимилятивное, а части говоров — диссимилятивное аканье.

2. Неразличение гласных фонем неверхнего подъема в безударных слогах после мягких согласных, т. е. вместе с чертой 1 — аканье в широком смысле. Применительно к 1-му предударному слогу ю-в-р говорам свойственны разные типы яканья, а также иканье. Последнее представлено большей частью островками (напр., по городам и крупным селам), характеризует в значительной мере „мещанские“ говоры и появилось, видимо, в результате московского влияния.

3. Фрикативное образование задненебной звонкой фонемы *ɣ*: *ѣром*, *ѣну*, *ѣус'*, *ѣра* (или *ѣра*), *наѣа* (или *нѣа*).

4. Отсутствие стяжения гласных по утрате интервокального *j* (*j*): *знáйт'* или *знáја* (ср. с-в-р: *знат*, *знáэт*), *ум'ѣит'* или *ум'ѣја* (ср. с-в-р: *ум'ет*, *ум'ѣт* при возможном *ум'áют*), *тарѣйт'*, или *тарѣја* (ср. с-в-р *торгúэт*), *работѣйт'* (ср. с-в-р *робóтут*); *бал'шáја* (или *бъл'шáја*) *дарóѣа* (ср. с-в-р: *бол'шá дорóга*), *нѣ-бал'шѣја* *дарóѣу* (ср. с-в-р: *на-бол'шѣ дорóгу*), *на-стáръѣу* *дарóѣу* (ср. с-в-р: *на-стáру дорóгу*), *стáръѣа* *плáт'ја* (ср. с-в-р: *стáро плáт'jo*).

5. Формы род.-вин. падежей возвратного и личных местоимений на -е: себе, мене, тебе.

6. Формы 3 л. ед. и мн. ч. глаголов на -т': н'ес'ёт', в'ед'ёт' (или нес'ёт', в'ед'ёт'), пр'об'ит', сп'ит', н'ас'ут', в'ад'ут', сп'ат', пр'об'ут', а также широкое распространение форм 3 л. без т'.

Кроме того, ю-в-р наречию свойственны следующие фонетические и морфологические черты, встречающиеся в той или иной мере также и в части с-в-р говоров.

7. Сохранение вообще а между мягкими согласными: үр'ас', з'ат', вз'ат', аставл'ат' (или аст'вл'ат'), стр'ил'ат'. Впрочем, в отдельных говорах известно е вместо а под ударением между мягкими согласными.

8. Различение звуков ц и ч — при твердости ц и мягкости ч: д'ав'йца, куп'ёц; ха'ч'у, п'еч', ч'аста.

9. Отсутствие фонемы ф и наличие вместо нее сочетаний хф, хв или звука х: с'рах'ф'ан, хв'артук, митрах'ан, хв'унт, хр'ол, торх.

10. Сохранение сочетания дн: ад'но, лад'на.

11. Сохранение сочетания бм: аб'ман, аб'м'ял.

12. Отсутствие изменения сочетания вн в мн: ун'ук (или вн'ук), дав'но (или дай'но), д'ер'евн'а (или д'ер'ёун'а)¹.

13. Твердость с в суффиксах -ск, -ств: жён'скај, д'ер'ев'ёнскај, үбра'цк'ој, ба'ц'ства (или б'ц'ства), б'ластв'о.

14. Различение дат. и тв. падежей множ. числа при формах на -м в дат. п. и на -ми в тв. п.: свой'м'и үлаз'ам'и, ж'ал'и с'ерп'ам'и, ход'ил'и з'б-үраб'л'ам'и (при дат. п.: н'и пав'ёр'ил свой'м үлаз'ам и т. д.).

15. Формы инфинитива на -ч' от глаголов с основой на к, г: п'еч', с'т'ер'ёч', пам'оч', б'ер'ёч', запр'ёч', а также формы инфинитива на -т' от глаголов с основой на другие согласные: н'ес'т', рос'т', пл'ес'т', в'ес'т', м'ес'т', скр'ес'т' и т. д.

16. Особенности ударения: а) неподвижное ударение в склонении существительных на -а: в вин. п. ед. ч. ударение падает на окончание в таких словах, как рука — рук'у, нога — ног'у, гора — гор'у, вода — вод'у, земля — земл'ю, борона — борон'у, сторона — сторон'у; б) не переносится ударение с существительного на предлог в таких случаях, как на д'ом, на в'оз, на б'ерег, под н'осом, за ног'у, на голов'у, на п'ять, на д'есять, на сто рублей, срубили под ко'рень; в) ударение на основе в личных формах глаголов типа ку'ришь — ку'рють, ко'сишь — ко'сют', пи'лишь — пи'лют', ва'ришь (во'ришь) — ва'рють (во'рють), ка'тишь (ко'тишь) — ка'тют' (ко'тют'), да'ришь (до'ришь) — да'рють (до'рють); г) ударение не на конечном слоге в форме 2 л. мн. ч. глаголов наст. и буд. вр.: куда вы идёте (идёте), приве'дете, (приве'дете), возьмёте (возьме'те), ку'пите.

¹ Впрочем, по ю-в-р говорам в отдельных словах встречается мн вместо вн (например, дам'но).

17. Отсутствие типично с-в-р употребления изменяющейся постпозитивной частицы.

Кроме перечисленных выше черт ю-в-р наречия, соотносительных с соответствующими чертами с-в-р наречия, отметим еще следующие характерные ю-в-р особенности:

а) Смягчение *к* после мягких парных согласных и *j* (*j*), а по говорам также после *ч'*: *в́ан'к'а*, *ч́ус'к'ом*, *ч'а́жк'у*; *б́о́ч'к'а*. Эта черта, между прочим, отличает значительную часть ю-в-р говоров от белорусских, где она не встречается.

б) Твердое произношение долгих шипящих: *ш́ука*, *да́жжа*.

в) Формы предл. п. ед. ч. на -у от слов муж. р. с неподвижным ударением, а также от слов сред. р.: *на ко́нцү*, *при о́тцү*, *на сто́лику*, *у по́лю* (= в поле).

г) Формы тв. п. ед. ч. от существительных жен. рода на согласную с окончанием -уј (или -јуј) при ударении на основе: *с-ма́т'ьр'уј* (или: *с-ма́т'ьр'јуј*), *э́тај о́с'ьн'уј* (или: *о́с'ьн'јуј*); *но́ч'уј* (или: *но́ч'јуј*), *за-ло́шэ'д'уј* и т. д. Наряду с этой формой ю-в-р говорам свойственны также формы на -еј (-ај): *с-ма́т'ьр'ај*, *о́с'ьн'ај*, *но́ч'ај* (по образцу *за-д'ер'эвн'ај*).

д) Формы им. п. мн. ч. на -а не только от существительных ср. и муж. р., но и от существительных жен. р.: *д'ер'эвн'а*, *лэ́шад'а*, *плэ́шад'а*, *ст'ен'а* и *ст'енá*, *з'ел'ен'а*.

е) Формы вин. п. ед. ч. жен. р. прилагательных на -јуа при ударении на первом слоге окончания и на -ају (-эју) при ударении на основе: *плаху́ја*, *сла́пүја*, *худу́ја*, *пра́мүја*; *ста́рају* (*ста́рэју*), *до́брају* (*до́брэју*); после мягких согласных вместо -эју звучит -эју или -ају: *с'ин'ају ко́хту* или чаще *с'ин'ају*, *ма́л'ьн'кију* *д'эвэч'к'у*.

ж) Формы род.-вин. п. жен. р. ед. ч. местоимений с гласной *е* на конце: *је́је*, *та́је*, *сма́је*, *у́с'е́је*, *адна́је* в тех говорах, где вместо них не представлены формы на -ју: *ја́ју*, *та́ју*, *у́с'а́ју* и т. д.

з) Гласная *э* в окончаниях 2 и 3 л. ед. ч. и 1 и 2 л. мн. ч. глаголов 1-го спряжения при ударении на окончании: *н'ес'э́ш*, *н'ес'э́т*, *н'ес'э́м*, *н'ес'э́т'е*; *в'ед'э́ш*, *в'ед'э́т*, *в'ед'э́м*, *в'ед'э́т'е*; *п'ек'э́ш*, *п'ек'э́т*, *п'ек'э́м*, *п'ек'э́т'е*.

Широко встречающиеся сейчас формы с *о* (*н'ес'о́ш*, *н'ес'о́т*, *н'ес'о́м*, *н'ес'о́те*), видимо, появились в более позднее время под влиянием литературного языка и сходных с ним по этой черте говоров.

и) Неразличение личных окончаний глаголов 1-го и 2-го спряжений при ударении на основе: *ко́л'иш* и *п'ыл'иш*; *ко́л'ит'* и *п'ыл'ит'*; *ко́л'им* и *п'ыл'им*; *ко́л'ит'а* и *п'ыл'ит'а*; *ко́л'ут'* и *п'ыл'ут'*. Ср. типичные с-в-р формы: *ко́л'ош*, *ко́л'от*, *ко́л'ом* и *мо́л'иш*, *мо́л'ит*, *мо́л'им*; *буд'ош*, *буд'от* (от *быть*) и *бу́д'иш*, *бу́д'ит* (от *будить*)¹.

¹ Впрочем, по с-в-р говорам, в особенности Владимирско-Поволжским, представлено и совпадение личных окончаний глаголов 1-го и 2-го спряжений при ударении на основе.

§ 211. Группировка ю-в-р говоров сопряжена с еще большими трудностями, чем группировка говоров с-в-р. Причины этих трудностей отчасти те же, которые указаны выше для с-в-р говоров (см. § 203), но в еще большей степени заключаются в особенно неоднородном и сложном социальном составе населения ю-в-р территории, которая в значительной своей части была колонизована в позднее время (в XVI—XVII вв. и позднее). В связи с этим в противоположность с-в-р территории с ее, в общем, более однородным составом говоров и характерным для многих мест почти незаметным постепенным изменением диалектного типа, ю-в-р территория в отношении своих диалектных типов весьма чересполосна: нередко на очень ограниченной территории существуют весьма отличные друг от друга говоры: иногда отличаются говоры не только соседних селений, но даже и разных концов одного и того же селения. Поэтому для того, чтобы представить себе территориальное распределение отдельных языковых черт и на основе этого попытаться установить территории отдельных диалектных типов, необходимо сплошное обследование говоров всей ю-в-р территории при определенной и при том весьма густой сети обследуемых пунктов. Такая работа пока не была проделана. Поэтому мы лишены возможности более или менее точно выделить основные группы ю-в-р говоров и их территории и ниже ограничимся, главным образом, лишь указанием таких языковых явлений, которыми отличаются разные ю-в-р говоры друг от друга с указанием их преимущественного территориального приурочения в тех случаях, где для этого имеются достаточные данные.

§ 212. Ю-в-р говоры отличаются друг от друга следующими главнейшими особенностями:

1. Характером аканья в узком смысле слова. Часть ю-в-р говоров (главным образом, на западе ю-в-р территории) характеризуется диссимилятивным аканьем, произношением *вада́, трѣва́*, но *вади́, травѝ* и т. д. В другой, преобладающей части ю-в-р говоров — аканье недиссимилятивное: *вада́, травѧ́, вади́, травѝ* и т. д.

2. Характером яканья. Наиболее характерным для ю-в-р наречия типом яканья является диссимилятивное яканье в его разных разновидностях. Этот тип яканья распространен на западе и юге и юго-востоке ю-в-р территории. На востоке ю-в-р территории распространены ассимилятивно-диссимилятивное и сильное яканье. В северной части ю-в-р территории распространено умеренное яканье.

3. Наличием или отсутствием особой фонемы *ѡ* (*ѡо*) в отличие от *о*. Значительная часть ю-в-р говоров не различает *ѡ* (*ѡо*) и *о*. Но говоры, имеющие фонему *ѡ*, в отличие от *о*, встречаются в разных частях ю-в-р территории; они отсутствуют в западной части ю-в-р территории, примыкающей к пределам белорусского языка.

11. Качеством мягкой *к*. Вместо мягкой *к'* в некоторых говорах — главным образом Тульской группы — произносится *т'*: *рѹт'и*, *вѧн'т'а*, *т'ис'ѣл'*. Этой чертой, как и некоторыми другими, говоры Тульской группы сближаются с соседними ср-в-р говорами, под влиянием которых, надо думать, она и появилась в Тульских говорах.

12. Наличием или отсутствием форм вин. п. ед. ч. женского рода местоимений типа *јајѹ*, *тајѹ*, *аднајѹ*.

13. Наличием или отсутствием чередования согласных и подвижного ударения в личных формах глаголов 2-го спряжения: при *хажѹ* — *хѡд'иш*, *жѡлач'ѹ* — *малѡт'иш*, *прашѹ* — *прѡс'иш*, *вожѹ* — *вѡз'иш*, *л'убл'ѹ* — *л'ѹб'иш*, *кармл'ѹ* — *кѡр'м'иш*, *спл'ѹ* — *сп'иш* значительной части ю-в-р говоров свойственны формы без чередования согласных (*сп'ѹ* — *сп'иш*) с сохранением подвижного ударения (*хад'ѹ* — *хѡд'иш*, *жѡлат'ѹ* — *малѡт'иш*, *прас'ѹ* — *прѡс'иш*, *ваз'ѹ* — *вѡз'иш*, *л'уб'ѹ* — *л'ѹб'иш*, *карм'ѹ* — *кѡр'м'иш*) или с неподвижным ударением на основе (*хѡд'ѹ* — *хѡд'иш*, *малѡт'ѹ* — *малѡт'иш*, *прѡс'ѹ* — *прѡс'иш*, *вѡз'ѹ* — *вѡз'иш*, *л'ѹб'ѹ* — *л'ѹб'иш*, *кѡрм'ѹ* — *кѡрм'иш*).

14. Наличием или отсутствием чередования *к*, *г* с шипящими (*ч*, *ж*) в личных формах глаголов 1-го спряжения. В некоторых ю-в-р говорах это чередование сохраняется, вероятно, под влиянием ср-в-р говоров и в особенности литературного языка. Однако в значительной части ю-в-р говоров этого чередования нет: вместо *к*, *г* в формах 2-го и 3-го л. ед. ч. и 1-го и 2-го л. мн. ч. перед *е* (или *о*) произносятся мягкие заднеязычные *к'*, *г'*: *п'акѹ* — *п'ек'ѣш*, *п'ек'ѣт'*, *п'ек'ѣм*, *п'ек'ѣт'а*; *п'ирс'акѹ* — *п'ирс'ек'ѣш*, *ст'ир'аѹ* — *ст'ир'еѣш*, *зѣпр'аѹ* — *зѣпр'еѣш*; а также *п'ек'ѡш*, *п'ек'ѡт'*, *п'ек'ѡм*, *п'ек'ѡт'а* и т. д.

Рассмотренные особенности вместе с указанием на преимущественные территории их употребления позволяют в ю-в-р наречии условно выделить следующие три группы говоров: 1. Южную (Курско-Орловскую); 2. Восточную (Рязанскую); 3. Северную (Тульскую).

§ 213. Южная группа. Южная группа характеризуется: а) обладанием диссимильного яканья в его различных разновидностях, большей частью с высокой артикуляцией гласной 1-го предударного слога в тех положениях, где звучит „не -а“ (*н'ислѧ*, *н'ис'ѣт'*, а не *н'еслѧ*, *н'ес'ѣт'*). Части говоров на востоке территории этой группы (в б. Воронежской губ.) свойственна более низкая артикуляция гласной в этих положениях (*н'еслѧ*, *н'ес'ѣт'*); б) наличием вместо *в* в конце слога *ѹ* (*ѡ*), а в начале слова перед согласной также *у* (*дроѹ*, *траѹка*, *унѹк*). К этой группе примыкают также говоры крайнего юга ю-в-р территории — среднего и нижнего течения Дона и Северного Кавказа.

В части говоров этой группы (главным образом, на западе ее территории) представлено также диссимильное аканье. Но пределы его распространения все еще нельзя считать окончательно установленными¹.

¹ Карту диссимильного аканья (сост. И. Г. Голанов) и дополнительные замечания о территории его употребления см. на стр. 301 и 303.

§ 214. Восточная группа. Восточная группа характеризуется:

- а) преобладанием сильного или ассимилятивно-диссимилятивного яканья преимущественно с низкой артикуляцией гласной 1-го предударного слога в тех положениях, где звучит „не-а“ (*н'ес'ёт', в'ед'ёт'*); б) наличием по большей части вместо *в* звука *ф* на конце слова и перед глухой согласной при сохранении звука *в* перед остальными согласными (*дроф, тра́фка, давно́, внук*). Впрочем, в отдельных говорах этой группы встречается и *у* (*тш*), *у* (*тра́ука, унук*).

§ 215. Северная группа. Северная группа характеризуется:

- а) преобладанием умеренного яканья с высокой артикуляцией безударной гласной 1-го предударного слога перед мягкой согласной (*стр'ил'ат', в'ид'ош*); б) двойственностью реализации фонемы *в*: на севере территории этой группы, как обычно и в Восточной группе, произносится *ф* и *в* (*дроф, тра́фка; давно́, внук*), на юге — преобладает *у* (*тш*) и *у* (*дроу́, тра́ука, дау́но, уну́к*).

Говоры Северной группы весьма неоднородны в своем составе: все они в большей или меньшей степени заключают в себе черты, объединяющие их с ср-в-р говорами, в частности с московским. Такие черты особенно сгущаются на севере территории этой группы, пограничной с ср-в-р говорами, и заметно уменьшаются к югу. Помимо того, что в говорах этой группы обычно произносятся *в* в окончании *-ого* (не *γ!*) и *о* в личных окончаниях глаголов 1-го спряжения (не *е!*): *н'ис'ош, н'ис'ом* (эти особенности в настоящее время широко известны и другим ю-в-р говорам) — по крайней мере в части говоров Северной группы отсутствуют такие особенности, как смягчение заднеязычных после мягких согласных (*ва́н'ка*), формы на *-ýja* (*с'а'епу́ју*), формы 3-го л. ед. ч. глаголов без *т'* (*нис'ом'*), употребляются слова *бороновать* (вместо ю-в-р *скородить*), *ухват* (вместо ю-в-р *рогач*) и т. д.

Средневеликорусские говоры.

§ 216. Между двумя основными с исторической точки зрения наречиями русского языка — с-в-р и ю-в-р, а также между с-в-р наречием и белорусским языком узкой полосой от Псковского озера на юго-запад через Москву по направлению к Поволжью до обоих берегов р. Суры и далее далеко на юг тянутся говоры, в которых совмещаются некоторые из специфических черт с-в-р с чертами ю-в-р (или белорусскими). Эти говоры, смешанные по своему происхождению, образовались в результате скрещения с-в-р и ю-в-р (или белорусских) говоров и носят название средневеликорусских. Типичным ср-в-р говором является, между прочим, московский, в котором такие с-в-р черты, как *з* взрывное и твердое *т* в 3-м л. глагола, сочетаются с аканьем — чертой ю-в-р происхождения.

Как указано было выше, ср-в-р говоры занимают длинную, но большей частью узкую полосу между территорией с-в-р и ю-в-р

(или белорусских) говоров. Таким образом, название „средневеликорусский“ объясняется как географическим положением территории распространения соответствующих говоров, так и самым их строем, занимающим промежуточное, среднее положение между строем с-в-р и ю-в-р (или белорусских) говоров. Впрочем, и вне основной полосы ср-в-р говоров имеются некоторые „острова“ ср-в-р (акающих) говоров среди окающих с-в-р говоров. Самый большой „остров“ ср-в-р говоров в Костромской области между гг. Буюм и Галичем (на юге) и севернее г. Солигалича (на севере).

Вторичность ср-в-р говоров, их более позднее образование сравнительно с говорами с-в-р и ю-в-р — вне всякого сомнения. Это свидетельствуется как историей средней полосы России и ее северо-восточного Ростовско-Суздальского ядра, так и данными чисто языковыми: ср-в-р говоры, как правило, не имеют своих специфических и исконных языковых особенностей, а представляют собой обычно комбинацию таких языковых особенностей, одни из которых являются по происхождению с-в-р, другие ю-в-р. Некоторые же языковые особенности, в которых можно усмотреть специфические ср-в-р особенности при ближайшем рассмотрении оказываются возникшими на почве взаимодействия соответствующих черт с-в-р и ю-в-р наречий или появились в результате воздействия литературного языка, влияние которого было более сильным на значительной части ср-в-р территории, в особенности вокруг г. Москвы. Иными словами, специфически ср-в-р особенности оказываются позднего происхождения.

Ср-в-р говоры образовались в разное время — в течение ряда столетий, на разных территориях, в разных общественно-экономических, политических и культурных условиях и потому, естественно, разными путями.

Одни из них — первичные, образовались путем смешения самого населения, говорившего на разных диалектах. С течением времени один из ср-в-р говоров, именно московский, приобрел ведущее значение в языковом развитии страны. Это повело к сильному влиянию московского говора, а через него в большей или меньшей степени и вообще ср-в-р говоров, как на с-в-р так и на ю-в-р. Так стали формироваться ср-в-р говоры вторичного происхождения с с-в-р основой и ю-в-р наслоением а также с ю-в-р основой и с-в-р наслоением.

В связи с позднейшими колонизационными движениями населения (XVI — XVII вв. и в более позднее время) ср-в-р говоры появляются на местах новой колонизации (например, в Пензенской и Саратовской областях), а также образуются в это позднейшее время на этих территориях из с-в-р и ю-в-р элементов. Вместе с этим надо иметь в виду, что процесс образования вторичных ср-в-р говоров не закончился: и до сих пор под влиянием литературного языка, а также говоров, лишенных важнейших особенностей с-в-р или ю-в-р (т. е. ср-в-р говоров), как ю-в-р, так и с-в-р

говоры утрачивают ряд своих специфических особенностей, приобретая все более и более ср-в-р облик¹.

Общей чертой всех ср-в-р говоров является аканье. Первый предударный слог после твердых согласных характеризуется аканьем недиссимилятивным (*вада́, вадѣ́; старá, стар'ѣ́к*). Вокализм 1-го предударного слога после мягких согласных представляет значительное разнообразие: в ср-в-р говорах известно яканье умеренное, ассимилятивно-умеренное, сильное, известно также еканье и иканье, в редких случаях представлено яканье ассимилятивное. Таким образом, для ср-в-р говоров характерны типы яканья вторичного происхождения, образовавшиеся в результате взаимодействия безударного вокализма ю-в-р и с-в-р говоров, и, напротив, в них отсутствует яканье диссимилятивное (во всех его разновидностях), наиболее архаическое и исконное среди других типов яканья и характерное для ю-в-р говоров.

В некоторых ср-в-р говорах вторичного происхождения, усвоивших аканье недавно, отмечено различие или неполное совпадение гласных *а, ѣ* и *е-о* в 1-м предударном слоге после мягких согласных; например: *т'ану́*, но *н'есу́, р'екá* (в Костромской обл., в северных районах Московской и Рязанской областей) или *в'есна́, н'есу́*, но *р'ика́, б'ида́* (в б. Ардатовском у. Нижегородской губ.).

Для многих ср-в-р говоров характерно произношение *т', д'* вместо *к', г'* (*т'ислый, рут'и; ан'д'ел, нод'и*). Впрочем, произношение *т'* вместо *к'* известно и в части Тульской группы говоров (в Коломенском, Зарайском районах Московской обл., в Тульской обл.), которые принято относить к ю-в-р наречию². Но, как известно, эта группа говоров и по другим своим чертам (напр., умеренному яканью) сближается с ср-в-р говорами. Черта эта, вызванная особенно сильным смягчением согласных *к', г'*, т. е. значительной передвижкой артикуляции вперед, видимо, как и другие специфические ср-в-р явления, объясняется взаимодействием между ю-в-р и с-в-р говорами: дело в том, что многим ю-в-р говорам свойственна значительно большая степень смягчения, чем с-в-р. В результате взаимодействия говоров с разной степенью смягчения согласных появляется произношение *т', д'* вместо *к', г'* (подробнее об этом и смежных явлениях см. § 169 и 170).

§ 217. В „Опыте диалектологической карты русского языка в Европе“ ср-в-р говоры разделены на две группы: А и Б. Первая занимает северо-западный участок полосы ср-в-р говоров (кроме

¹ Иную точку зрения на образование ср-в-р говоров см. в „Опыте диалектологической карты русского языка в Европе...“ под редакцией проф. Д. Н. Ушакова, 1915 г., стр. 32—47. Проблема образования ср-в-р говоров в связи с образованием русского языка вообще подробнее освещена мною в специальной статье „Вопросы образования русского языка в его говорах“ (см. „Вестник Московского университета“, 1947, № 9).

² Произношения *д'* вместо *г'* в ю-в-р говорах быть не может ввиду фрикативного образования *г*, т. е. ввиду наличия вместо *г* звука *γ*.

ряда северных районов), вторая — остальную часть этой полосы. Территория говоров группы А согласно этой карте тянется от Пскова на севере к Осташкову, Ржеву и Зубцову (Калин. обл.) на востоке и юго-востоке. Эту группу ср-в-р говоров условно можно назвать Псковской. Они образовались, видимо, путем смешения с-в-р говоров Новгородского типа с говорами белорусскими. В них отмечаются, например, такие с-в-р черты, как стяжение гласных после утраты интервокального *j* (*така́, хоро́шá жéньшына, знаш, знам, дела́ш*), изменение сочетания *дн* в двойное *н* (*ла́нно, анна́*), форма дат. п. мн. ч. на *-м* (*за гриба́м, с ва́м*) или такая особенность новгородского диалекта, как употребление деепричастия в роли сказуемого (*он уехати́, корова́ была тели́фши, он ушови́и* и т. д.). Вместе с тем в некоторых из них встречается ряд форм, сближающих данные говоры с белорусским языком. Сюда относится, например, употребление формы *злый, худый, мыю, крыю, шыл*, дзеканье и цеканье, т. е. произношение мягких аффикат *д'з', ц'* вместо *т', д'*, (*д'з'э́ци, ид'з'и́ца, д'з'е́н'зи, ц'и́ха*); *ў* или *в* вместо *у* в определенных условиях (*ўрожа́j или врожа́j, наўчы́ц' вместо научи́ть*), форма им. п. мн. ч. *горо́ды, леса́, бере́ги* при *города́, леса́, берега́*, ударение типа *спáла, бы́ла, пи́ла, ни́кого, ни́кому, ни́чего* и др. Некоторые особенности этих говоров могли бы появиться как из ю-в-р, так и из белорусских говоров. Сюда относится помимо аканья и яканья (по преимуществу сильного) *ў* вместо *в* (*д'е́р'еўна́, дваро́ў*) и мягкое *т* в 3-м л. глаголов или формы без *т* (*несе́ть, несé*), ударение типа *на водо́у, под гору́*.

В части псковских говоров (в бывш. Новоржевском, Холмском и Опочечком уездах Псковской губ. и в некоторых других местах) отмечено произношение шепелявых звуков, близких к мягким *ш', ж'* вместо мягких свистящих *с', з'*: *ш'э́на, ш'и́льный, ш'в'ет* вм. *сено, сильный, свет; бж'им, ж'емл'а, ж'ел'о́ный* вм. *озимь, земля, зелёный*. Эта черта протягивает нити от современных псковских говоров к говорам древнего Пскова, насколько они известны нам по показаниям письменных памятников.

Говоры группы Б на северо-западе от г. Порхова до г. Зубцова тянутся параллельно говорам группы А, севернее последних и далее занимают остальную ср-в-р территорию. Эти говоры образовались в результате взаимодействия с-в-р и ю-в-р говоров.

В ср-в-р говорах группы Б черты с-в-р происхождения, например, такие, как стяжение гласных после утраты интервокального *j* (*быва́т, зна́т, рабо́тут*), вообще убывают с севера на юг. В отдельных говорах этой группы встречается и *е* вместо *а* под ударением между мягкими согласными (*грезь, взеть*).

Среди говоров, которые обычно относят к ср-в-р группы Б, заметно выделяются говоры юго-западной части ср-в-р территории, а также „мещерской“ части Рязанской области и сходные с ними говоры Тамбовской и Пензенской областей: часть из них имеет мягкое *т'* в 3-м л. глаголов, а мещерские говоры, кроме того, могут

иметь и 2 фрикативное (γ), многие из них имеют также *ѣ* и *у* вместо *в* (например, *д'еѣка*, *карбѣ*, *унѣк*) и ассимилятивно-диссимилятивное яканье. Не может быть сомнения в том, что ю-в-р элемент по крайней мере в части этих говоров очень велик и во многих случаях является для них исконным.

Авторы „Опыта диалектологической карты русского языка в Европе“ ср-в-р говоры группы Б делят на две подгруппы (западную и восточную), границу между которыми условно проводят через Москву с северо-запада на юго-восток. Четкой границы, основанной на комплексе языковых черт, здесь, видимо, нет. Но замечено, что одни черты убывают по направлению к востоку, другие, напротив, по направлению к западу. Например, только в западной части подгруппы отмечено двойное *н* вместо *дн* (*лаѣъ*), а также твердые губные на конце слова вместо мягких (*гблуп*); напротив, только в восточной подгруппе отмечено *у* вместо звука *о* абсолютного начала слова во 2-м предударном слоге (*утап'у*), *ѣ* вместо *в* (*траѣка*), смягчение *к* после мягких согласных и *ј* (*Вѣн'к'а*) и др. Эти различия объясняются тем, что ю-в-р и с-в-р говоры, из смешения которых образовались данные ср-в-р говоры, не были одинаковыми, а заключали в себе заметные диалектные отличия. Так, например, нельзя не обратить внимания на то, что встречающееся в западной подгруппе двойное *н* вместо *дн* является характерной чертой с-в-р говоров запада (т. е. Новгородских), а *у* вместо *о* в определенных условиях встречающееся в восточной подгруппе, напротив, характерно для с-в-р к востоку от них (т. е. для Владимирско-Поволжских).

Непосредственные наблюдения лингвиста.

Территориальная и социальная дифференциация диалектов.

§ 218. Как известно, диалектология является прежде всего наукой о местных разновидностях языка. Поэтому территориальная дифференциация диалектов сама собой разумеется: на разных территориях звучат разные диалекты, бытуют разные диалектные особенности. Но, кроме дифференциации территориальной, обусловленной исторически (см. §§ 11—15), первостепенное значение имеет дифференциация социально-классовая.

При проведении наблюдений над говором необходимо иметь в виду часто встречающуюся неоднородность говора деревни, его социальную дифференциацию. Эта дифференциация имеет глубокие исторические корни. Диалекты как таковые восходят к феодальному и дофеодальному прошлому. Уже в эпоху капитализма, не говоря — применительно к нашей стране — об эпохе социализма, диалекты являются категорией пережиточной: они уже не вызываются к жизни существующими общественно-экономическими условиями, а, напротив, продолжают существовать, несмотря на новые условия, которые вызывают к жизни процессы их постепенного разложения, деформации, нивелировки, приближения к нормам литературного языка. (См. Введение, §§ 11—16.)

При этом влияние литературного языка обычно распространяется неравномерно на говоры разных территорий и разных социальных групп местного населения в пределах одной территории. Оно распространяется прежде всего по основным, важным для экономики страны путям сообщения: по большим трактам, водным путям, позднее — железным дорогам. Диалектологи не раз отмечали, что на территориях, прилегающих к основным путям сообщения, распространены говоры, претерпевшие в большей степени влияние литературного языка и потому менее цельные и архаичные, чем на территориях, находящихся в стороне от этих путей, где часто сохраняются более архаичные говоры, не испытавшие или в меньшей степени испытавшие это влияние. Чем теснее экономические и культурные связи данной местности с административным, экономическим

и культурным центром, тем сильнее обычно влияние языка центра на соответствующие говоры.

Однако направление экономического и культурного тяготения отдельных территорий в истории данного края или страны обычно не раз менялось; следовательно, и направление языкового развития в разное время было неодинаковым. Последнее не могло не сказаться на территориальном распределении диалектных особенностей.

Разные диалектные особенности нередко охватывают разные территории и могут указывать этим на разные этапы в экономической, политической и культурной жизни населения данной территории в прошлом.

Влияние литературного языка может быть неравномерным не только по отношению к разным территориям, но также и по отношению к разным социальным группам населения одной и той же территории, одного населенного пункта. Капиталистическая деревня в социально-классовом отношении была весьма дифференцирована. Кулаки, торговцы, середняки, бедняки, батраки в различных конкретно-исторических и экономических условиях были в разных отношениях к городу: одни группы были более тесно связаны с определенными группами городского населения, другие — менее, третьи вовсе не были связаны. Поэтому одни социальные группы сельского населения быстрее приспосаблились к языку города и перенимали многие из норм литературного языка, другие медленнее. Большое значение в этом отношении имело отходничество, развитие отхожих промыслов. Известны села, в которых значительная часть мужского населения работала в одной из столиц или крупном местном центре (например, губернском городе) извозчиками, официантами в ресторанах, дворниками, мелкими торговцами-разносчиками, сезонными рабочими (плотниками, каменщиками) и т. д. Менее развито было отходничество женского населения. Но все же немало женщин работало в городах в качестве „прислуги“, а также в прачечных, гостиницах, ресторанах и т. д. Естественно, что длительное пребывание в городе не могло не наложить своего отпечатка на язык выходцев из деревни, оно способствовало нивелировке наиболее ярких диалектных особенностей, усвоению в большей или меньшей степени общегородских норм языка.

Если связи с городом были непостоянны и охватывали лишь отдельных, единичных представителей данного говора, то последние по возвращении в свою деревню под влиянием господствующей в устах местного населения диалектной речи с течением времени могли полностью или частично забыть городские новшества и вернуться к системе своего родного диалекта. Нередко этому способствовало и то, что городская речь бывалых людей вызвала среди местного населения острые насмешки, и последние, чтобы не подвергаться им, предпочитали говорить у себя в деревне и со своими односельчанами на местном диалекте. На этой почве создавалось известное двуязычие: бывалые люди обычно владеют как местным говором, так

и в известной степени нормами литературного языка, которыми пользуются, например, при разговоре с городскими людьми.

Однако, если связи с городом постоянны, имеют место в течение длительного периода, охватывают более или менее широкие круги местного населения, то, возвращаясь в деревню, бывалые люди нередко сохраняют значительную часть городских черт своего языка и сами становятся в известной степени проводниками городского влияния на язык местных жителей.

Одним из путей влияния литературного языка на диалекты являлась служба в армии. Этот фактор имеет особенно большое значение в наше время в связи с той громадной воспитательной и образовательной работой, которая ведется с бойцами в Советской Армии.

Следует иметь в виду, что до Великой Октябрьской социалистической революции городское влияние на диалект разных социально-классовых групп крестьянства было неоднородно: оно исходило в одних случаях от городских мещанских кругов, мелкой буржуазии, в других случаях — от пролетариата. Однако эта неоднородность сказывалась главным образом в лексике и семантике и была меньше в фонетике и морфологии, где узко диалектные черты вообще имели тенденцию заменяться соответствующими городскими особенностями, близкими или тождественными нормам литературного языка.

Известное значение для языкового развития капиталистической деревни имела школа. Однако ее значение, неодинаковое для разных территорий, в целом было ограниченным вследствие малочисленности школ в деревне, слабого охвата ими сельской молодежи и неграмотности значительной части населения. К тому же влияние школы впоследствии нередко нейтрализовалось: например, если бывший школьник в дальнейшем оставался полностью связанным со своей деревней, жил там и работал, то он мог опять вернуться в основном к диалектной речи.

Следует иметь в виду, кроме того, что наряду с так называемой земской школой в селах существовали и церковно-приходские школы, через которые помимо воздействия литературного языка шло также влияние специфически церковного языка. Вообще при учете разного рода воздействий на крестьянские диалекты капиталистической эпохи нельзя забывать о влиянии церкви, языка церковной литературы. Степень этого влияния была весьма разнообразной в разных местных условиях. Например, оно могло быть заметнее в районах больших монастырей, где население в прошлом экономически тяготело к монастырю, а значительная часть его принадлежала монастырям (так называемые монастырские крестьяне). Оно было заметно также у старообрядцев вследствие значительного распространения среди них церковной грамотности и чтения религиозной литературы. Оно было значительно меньше и непосредственно мало заметно в других случаях.

Наконец, диалектологи часто отмечают дифференциацию языка половую, т. е. различия в языке мужчин и женщин. Можно не

сомневаться, что эта дифференциация является не половой в собственном смысле, т. е. биологической, а социальной, обусловленной общественно-экономическими условиями, которые были в прошлом неодинаковыми для мужской и женской части населения.

Как это видно из предыдущего, мужская часть населения в значительно большей степени была связана с городом, вообще с деятельностью за пределами родной деревни, чем женская: отходничество, уход на заработки, торговля и пр. — все это охватывало главным образом мужское население. В школе училось также значительно большее количество мальчиков по сравнению с девочками. Напротив, женское население в подавляющей своей части было тесно связано с деревней. Значительная часть женщин безвыездно жила и работала в родной деревне, многие из них нигде не бывали дальше своего уездного города. Этим объясняются многие отличия языка женщин от языка мужчин. Во многих местах первый отличается от второго наличием ряда таких диалектных особенностей, которые отсутствуют в языке мужчин, в этом отношении сближающемся с городским языком. Так, например, на северо-востоке Европейской части СССР нередко *л* „среднее“, или европейское *л* (*l*), вместо твердого произносят только женщины; во многих местах цоканье также являлось особенностью языка женского населения, в то время как мужчины большей частью различали *ц* и *ч*. Вообще говор женщин в большей степени сохранял типичные особенности традиционного диалекта.

При изучении языка деревни надо иметь в виду еще одно обстоятельство: взрослое женское население данной деревни (замужние женщины) весьма часто по происхождению было из других деревень, близких или более отдаленных. Поэтому говор замужних женщин может отражать особенности языка не только данной деревни, но и той, откуда они происходят, откуда они „взяты“. Так как браки с девушками из других деревень имели место на протяжении многих поколений, то нельзя не учитывать, что этот фактор, мог иметь известное значение в языковом развитии деревни.

Таким образом, язык деревни в эпоху капитализма нельзя представлять себе как нечто однородное. Напротив, он был весьма дифференцирован и многообразен у различных социально-классовых групп населения.

§ 219. Языковая дифференциация деревни принимает новые формы после Великой Октябрьской социалистической революции. Связи с городом значительно увеличиваются, приобретая совершенно новое качество. В связи с индустриализацией нашей страны деревня за годы сталинских пятилеток выделила немалую долю своего населения для работы в городской промышленности и транспорте. Индустриализируется и местный край: на местах создаются новые заводы и фабрики, вокруг которых объединяются как приезжие из города кадровые рабочие и интеллигенция, так и местное население и приезжие из других сельских местностей. Коллективизация сельского хозяйства тесно

связана и с механизацией крестьянского труда: появляются МТС, хозяйство оснащается тракторами, комбайнами и другими машинами. Реконструируется энергетическая база: многие деревни получают электрический ток не только для освещения, но также и для производственных нужд. При этом деревня получает энергию не только от крупных районных и областных электростанций, но также от создаваемых на месте мелких электростанций, сельских и колхозных. Резко усиливается политико-воспитательная и образовательная работа в деревне, сильно увеличивается сеть школ, создаются избы-читальни, клубы, сеть кинопередвижек, развивается районная печать; для деревни издаются миллионные тиражи популярной литературы по общественно-политическим, агрономическим, техническим вопросам, а также художественной и научно-популярной литературы. Большое количество центральных изданий также поступает в деревню. Все это ведет к сплошной грамотности молодого и среднего поколения сельского населения.

Раскрепощение женщины, создание для женщин равных с мужчинами условий участия в общественно-политической и хозяйственной деятельности приобщает к культуре и женскую часть сельского населения, ранее значительно более отсталую по сравнению с мужским населением.

Мы являемся свидетелями того, как стирается противоположность между городом и деревней. Этому содействовала прежде всего коллективизация сельского хозяйства и его индустриализация, благодаря которой создается многочисленная сельская интеллигенция (агрономы, трактористы, шоферы, монтеры, механики, врачи, учителя и т. д.), этому способствует и усиленный обмен населением между городом и деревней.

Указанные процессы не могли не вызвать нивелировки диалектов, не могли не способствовать овладению колхозным крестьянством важнейшими чертами литературного языка. Однако литературный язык проникает в деревню неравномерно на огромной территории распространения русского языка: в одни районы он проникает в большей мере, в другие — в меньшей, и в пределах одной и той же местности одни группы населения в большей степени приобщаются к нормам литературного языка, чем другие.

Благодаря этому в языковом отношении современная деревня характеризуется весьма глубокой языковой дифференциацией, большой пестротой. Неопытному наблюдателю может показаться, что в говоре отсутствуют какие бы то ни было закономерности. Однако это впечатление в значительной мере рассеется, если учитывать, что в современной деревне на одной и той же территории по существу уживается несколько языковых типов, свойственных разным группам населения. Выделяется, с одной стороны, традиционный тип говора — язык той части населения, которая в наименьшей степени испытала воздействие литературного языка. Этот тип свойственен главным образом старшему поколению, в особенности женщинам, нередко безвыездно жившим в своей деревне. С другой стороны, легко выделяется также

говор передовых сельских кругов: молодежи, комсомольцев, активистов, местной интеллигенции, который приближается к нормам литературного языка или сходен с ними. Между этими крайними типами говоров существуют, конечно, типы переходные, границы которых весьма зыбки и трудно поддаются определению.

Отмеченные типы говоров, сосуществующие на одной территории, не отличаются устойчивостью во времени: на протяжении последнего времени, в особенности за последние 15—20 лет, в связи с коллективизацией и осуществлением сталинских пятилеток, по мере культурного роста колхозного крестьянства совершились большие сдвиги и в языке — переход от системы традиционного говора к говору передовых групп сельского населения. В наше время все более и более сужается круг носителей традиционного диалекта. При этом сами традиционные диалекты начинают также сильно поддаваться нивелирующему воздействию литературного языка. Взаимодействие между народным языком и языком литературным определяет пути дальнейшего обогащения и развития того и другого.

Жанрово-стилистическая дифференциация диалектов.

§ 220. При производстве наблюдений над говором диалектолог должен помнить не только о территориальной и социальной дифференциации диалектов, но также и о дифференциации жанрово-стилистической. На одной и той же территории, в устах носителей одного и того же типа говора, т. е. одной и той же социальной группы, возможно употребление не одного, а двух (или нескольких) диалектных разновидностей одного языкового явления: одна из этих разновидностей употребляется в обиходно-бытовой речи, другая в языке фольклорном. В особенности отличается в этом отношении язык песенный, где большое значение приобретает фактор музыкально-мелодический.

§ 221. Язык старинных песен и былин нередко включает в себе такие архаизмы, которые давно утрачены в обыденном языке данной местности, а с другой стороны, в нем могут отражаться также черты говора той местности, откуда занесена песня: как известно, фольклорное произведение, зародившееся в одной местности, нередко быстро продвигалось в другие местности, часто охватывая большую территорию. Песни и частушки нового происхождения, идущие из города или зарождающиеся у передовых групп населения деревни, часто в сильной степени отражают городской язык и не всегда соответствуют говору, господствующему в данной деревне в данное время.

В качестве иллюстрации того пути, который может быть пройден фольклорным произведением, укажем на старую пословицу: *дело не волк, в лес не убежит*. Оказывается, что эта пословица по говорам бытовала еще в следующих разновидностях: *дело не медведь, в лес не убежит*; *дело не медведь, в лес не уйдёт*; *дело не медведь, в лес не уйдётся*

и, наконец: *дело не медведь, в лес не уйде́ть* (с *е* в глагольном окончании). Анализ звукового и лексического состава пословицы не оставляет сомнения в том, что пословица эта зародилась в южно-великорусской языковой среде с мягким *т* (*т'*) и звуком *е* в глагольном окончании, благодаря чему составляющие ее две части рифмовались. Рифма, как обруч, стягивала в одно целое лексический состав пословицы. В дальнейшем усвоение *о* вместо *е* в окончании (*уйде́ть*) или усвоение *о* вместо *е* рядом с твердым *т* (*уйде́т*) привело к разрушению рифмы. После этого данный лексический состав оказался уже необязательным: слово *уйде́т* могло замениться тем или иным синонимом (появилось *убежит*), а слово *медведь* — другим словом из того же предметного ряда (*волк*). Появилась пословица с нарушенной первоначальной формой.

Отмечено, что пословица: *сам с усам* — употребляется не только в говорах, которым во множественном числе свойственно совпадение форм дат. и твор. падежей (хотя в говорах, различающих эти формы, она легко принимает новый и притом не нарушающий рифму вид, находящийся в согласии с их морфологической системой, благодаря употреблению подлежащего во множ. числе: *сами с усами*). Пословица *у голодной куме все хлеб на уме* с формой род. п. ед. ч. *куме* употребляется шире, чем только в диалектах, имеющих эту форму в обыденном языке.

Пословицы *поделом ворю и мука* или *ласковое теля двух маток сосет; кто кого смога, тот того в рога* и многие другие, более или менее широко употребляющиеся в литературном языке или по говорам, могут свидетельствовать о сохранении в жанре пословиц архаизмов (*поделом, теля, смога*), давно исчезнувших из обыденного языка.

Морфологический и фонетический состав песенного языка нередко определяется ритмико-мелодической структурой песни или старины. Иллюстрируем это несколькими наблюдениями, сделанными нами в Карело-Финской ССР (с. Семеновское на Водле, 1937 г.). Некоторые грамматические формы, употребляющиеся, например, в северновеликорусской старине, обусловлены в ней ее ритмом и мелодией. Таково нередко употребление стяженных или нестяженных форм прилагательных и глаголов. Как известно, для ритмико-мелодического строя русской народной песни, в особенности старины, характерны дактилические окончания стиха, или — что то же — музыкальной фразы. В связи с этим формы прилагательных на *-ьи* (*-ии*) или *-ы* (*-и*), *-ых* (*-их*) или *-ых* (*-их*), *-ым* (*-им*) или *-ым* (*-им*) и т. д. употребляются в зависимости от места ударения: если ударение находится на слоге, находящемся непосредственно перед окончанием, то употребляется двусложное окончание с сочетанием *ьи* (*ии*); если же ударение падает на второй слог от конца, то употребляется односложное окончание с *ы* (*и*). Таким образом, в обоих случаях обеспечивается дактилическое окончание. Ср. характерные концовки в старинах: с одной стороны — *люди добрыи, да калёныи, перехожьи, горы лютыи, да шолковыи; на ширёкниих, булътныхи*;

з другом милым; с другой стороны — *да догадливы; чернигоськи; да калиносим*. Характерно, что при наличии двусложного окончания -*ыма* (-*има*) сочетание *ьи* (*ии*) употребляется только в том случае, если ударение падает на первый слог окончания; если же ударение падает на слог непосредственно перед окончанием, то употребляются формы с *ы*(*и*), так как и без растяжения *ы* (*и*) в *ьи* (*ии*) обеспечено дактилическое окончание; ср.: *со родны́има, да слепы́има*, но *со вели́кима, востры́ма, со широ́кима, да пога́ныма, за желе́зныма* и т. д.¹

В таких же соотношениях находятся нестяженные и стяженные формы прилагательных на -*аја* и -*а*, -*оја* и -*о*, -*ују* и -*у*: на конце стиха двусложное окончание употребляется при наличии ударения непосредственно перед окончанием (ср.: *саблю востру́ю, да вели́кую, в чужеда́льную*); если же ударение находится на втором слоге от окончания, то употребляется односложное, стяженное окончание, так как последнее обеспечивает дактилическое окончание (ср.: *белока́менну, саблю востре́нску, в окоше́цко кося́щато*).

Так же объясняется нередко употребление в былинах на конце стиха нестяженных и стяженных личных форм глаголов: употребляются рядом с формами *да робота́јот* и *не ве́дајот* формы *переска́живат, повыта́скиват, да посту́киват*; при наличии ударения непосредственно перед сочетаниями, которые могут стягиваться в один слог, стяжения не наблюдается; если же ударение находится на втором слоге от этого сочетания, ближе к началу слова, то употребляется стяженная форма; благодаря этому в обоих случаях получается ритмико-мелодическое тождество — дактилические окончания.

В песенном языке место ударения очень часто не совпадает с ударением в обыденной речи: оно может быть, собственно, на любом слоге в зависимости от требований ритмо-мелодии: *шолко́вой — шолко́вой — шелко́вой; лазу́ровой — лазу́ровой, жо́на — жо́на* и т. д.; ср.: *как во зе́леном, зелёном, зелено́м са́ду; стрéлил и стрéлил*; в конце стиха *не́ можно, опозна́л* и т. д.

В песенном языке могут быть и отличия в произношении отдельных звуков, не свойственные обыденной речи. Так, при отсутствии в говоре ёканья или очень слабом ёканье (когда произносится переднее слегка лабиализованное *е* — *ё*: *пр'ин'ёсу́, п'ёкла́*) в пении, в особенности когда гласная протягивается по требованию мелодии, нередко произносится вполне отчетливое и более заднее *о*. Например:

в обыденной речи:

б'ер'ежо́ц'ка или *б'ер'ёжо́ц'ка*
но́ц'ева́т' или *но́ц'ёва́т'*

в пении:

б'ер'о́жоц'ка
но́ц'о́зат'

¹ Впрочем, имеются говоры, в которых формы с *ьи* (*ии*) произносятся в обычной речи.

В тех же условиях безударное *е* перед мягкими согласными в обычной речи может произноситься как *е* склонное к *и* (звук средний между *е* и *и*), а в пении как открытое, широкое *е*:

в обыденной речи:

с'т'е'р'о'к
реч'иво'ю

в пении:

с'т'ер'о'к
р'ет'иво'ю

Как известно, во многих северновеликорусских говорах вместо ударенного *а* между мягкими согласными, а также вместо безударного *а* после мягкой согласной может произноситься *е*. Однако в пении при протягивании гласных нередко звучит *а*. Например:

в обыденной речи:

кн'ес'
р'еб'йна
зат'енула

в пении:

кн'ас'
р'аб'йна,
зат'анула.

Иногда при пении произносятся „лишние“ гласные, отсутствующие в обыденной речи, например: *ро-зъ-бой-н'и-ц'ка*, сына *м'ен'ешова*, *п'е-р'еву заставу*.

Например, поется в конце фразы:

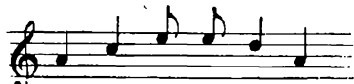

ро- зъ- бой- н'и-ц'ка

или:

п'е-р'е- ву за-ста-ву

сы- на м'е-н'е-шо- во

Если в первом примере (*ро-зъ-бой-н'и-ц'ка*) „лишний“ слог требуется чтобы обеспечить каждый из основных (по $\frac{1}{4}$) звуков мелодии, то этого нельзя сказать о двух других: в них количество слогов совпадает с количеством основных звуков мелодии. Однако благодаря особой манере пения некоторые закрытые слоги, на которые, как и на любые другие слоги, приходится звук в $\frac{1}{4}$, делятся на две восьмые и соответственно произносится „вторичный“ слог после согласной *п'ер'е* вместо *п'ер'*, *м'ен'е* вместо *м'ен'*.

Часто в пении отмечается „лишний“ *ј* в начале слова перед гласной (в особенности после паузы или после гласной предыдущего слога): *на јул'ице* (Ряз. обл.); *јон јиз замку јуб'ижал* (б. Шацкий у. Тамб. губ.).

Все это указывает на то, какая требуется осторожность при пользовании песенным материалом для диалектологических целей.

В то же время нельзя не отметить, что изучение языка фольклора вообще и песенного языка в частности, почти еще не начатое, имеет большое научное значение.

Языковая система диалекта и литературного языка в их соотношениях.

§ 222. Понятие диалекта как одной из форм языка предполагает наличие в диалектах известной системы, в том числе системы фонетической. Однако понятие фонетической системы имеет разное содержание в зависимости от того, применяется ли оно к диалекту или литературному языку, а также к диалектам и литературным языкам разных эпох.

Необходимо иметь в виду принципиальную нормированность литературного языка в противоположность диалекту. Литературный язык всегда, хотя бы в потенции, имеет свои нормы, свою орфоэпию. Поэтому из двух языковых вариантов в систему литературного языка входит только один как „правильный“, в противоположность другим — „неправильным“, находящимся за пределами его. (Практически это может быть не всегда так, ввиду того что литературные языки могут быть на разных ступенях своего развития, в том числе на более ранних, когда они не успели еще выработать достаточно четких норм.)

В противоположность литературному языку диалект, даже в тех случаях, когда он обладает достаточно цельной системой, именно в принципе не нормирован. Однако идея нормы не вполне чужда диалекту, особенно при определенных конкретно исторических условиях. Языковая норма складывается обычно из признания одних языковых черт „своими“, а соответственных других — „чужими“, и, в особенности, из признания первых „правильными“, а вторых „неправильными“. Правда, носители крестьянских диалектов в XIX—XX вв. обычно считают свой диалект „неправильным“ по сравнению с городским языком „образованных“ кругов, с которым они в той или иной мере всегда бывают знакомы. Однако признание одних диалектных черт за „свои“, а других, соответственных им за „чужие“ весьма развито среди носителей диалектов, причем черты своего диалекта нередко (хотя и далеко не всегда) признаются за „правильные“ по сравнению с соответственными чертами чужих диалектов.

Нередко отмечались замечания крестьян о правильности их говора по сравнению с окружающими: *наша пѣговорка самѣя пѣав'ил'нѣя; нашо нар'иц'ю ц'ѣстоѣ, н'е как у в'ац'к'их*. А это уже свидетельствует о наличии хотя бы в зародыше нормы. О ней свидетельствует большое количество поговорок, пословиц, дразнилок, применявшихся к представителям других диалектов. Ср., например: *у нас в-р'азан'и цр'ибѣ з-глазѣм'и — јѣх јад'ам', а анѣ ѣл'ад'ам'* — так говорили о рязанцах; или: *болѣго в Волод'ѣм'ир'е — стокаѣ исп'ѣм', голова бол'ѣм* — говорили акальщики об окальщиках- „володимерцах“; с -*Маскѣѣ*, с -*пасада*, с -*авашнѣва р'ада* — не оставались в долгу окальщики: так они имитировали акальщиков, растягивая предупредные гласные, при этом часто в связи с речью своих односельчан, побывавших в городах и усвоивших аканье.

Можно думать, что языковая норма в большей степени была присуща диалектам эпохи феодализма с их относительной замкнутостью, охватом в принципе всего населения данной территории; все это делало, вероятно, более острой реакцию на явления чужого говора. Другое дело крестьянские диалекты, начиная с эпохи капитализма, когда они становятся категорией пережиточной, деградирующей, когда начинаются в той или иной степени процессы распада диалекта благодаря смешению с другими диалектами и, в особенности, благодаря нивелирующему воздействию литературного языка.

§ 223. Выше было уже указано на социальную и жанрово-стилистическую дифференциацию языка современной деревни. Если диалектолог уподобится фонографу, который фиксирует все, что звучит у микрофона, и будет записывать в деревне без разбора все, что услышит, то, естественно, он не установит никакой системы. Умелый отбор — это один из важнейших принципов работы. Нередко в одном и том же населенном пункте можно записать факты, по существу, относящиеся к разным диалектам. Ведь в пределах одного населенного пункта может наличествовать, по существу, несколько систем, свойственных разным группам местного населения. Одна из этих систем обычно более устойчива, другие менее. Это объясняется тем, что сейчас нет таких территорий, говоры которых не испытывали бы в той или иной мере влияния со стороны литературного языка или со стороны тех или иных соседних диалектов, более близких к системе литературного языка. Поэтому требуется строгая паспортизация всего материала, возможно более подробные и точные сведения о каждом из объектов наблюдений. Только наличие таких сведений позволит установить динамику изучаемого говора, его развитие за последние десятилетия.

Далее, не только в данном населенном пункте, но даже в пределах одной категории объектов, например в языке носителей традиционного диалекта, нередко можно отметить двойственность или противоречивость, если не учитывать явлений, обусловленных жанрово-стилистическими особенностями. Здесь выделяется, например, группа явлений аллегрных, свойственных беглой, неотчетливой речи.

Сюда относятся, например, такие формы, как *хош*, *хотца* вместо *хочешь*, *хотется*, *сма-ка* вместо *смотри-ка*, *ской* много *лить-то* (*ской* вместо *сколько*), *ме чал* („мне чаялось“), *пра* вместо *право*, *прѣ слѣ* вместо *право слово* (Рязанская, Тульская области), *хба* или *хуба* вместо *хоть бы* (или *хуть бы*), *дыть* вместо *да ведь* (Курская область); *атѣняш* или *атѣня* вместо *а то нешто* (Рязанская, Тульская, Курская области); *кубыть* („как будто“, на Дону и во многих других местах). Аллегрные явления имеют место не только в ю-в-р говорах, где при аканье и редукции безударных гласных происходят особенно сильные изменения безударного вокализма, но также и в с-в-р говорах. Ср., например: *ли-ко* вместо *гляди-ко* (б. Вятская губерния). К аллегрным явлениям восходит,

вероятно, также пропуск некоторых согласных между гласными (например, *похой, погляй, лошай* вместо *походь, поглядь, лошади: t'eje, saje* вместо *тебе, сабе* и др.), утрата интервокального *j* и дальнейшие процессы ассимиляции и стяжения гласных (*знаэт, знат* вместо *знает, работают* вместо *работает, работают* вместо *работают, думат* вместо *думает, думут* вместо *думают*) и некоторые другие явления.

С другой стороны, выделяются явления, свойственные различным жанрам народной поэзии, в особенности песенному языку. Следовательно, чтобы установить систему диалекта, надо не только умело выбрать объект наблюдения, но и дифференцировать разные жанры речи и не смешивать материала, записанного хотя и от одного и того же лица, но относящегося к разным жанрам языка, например к обиходно-бытовой речи и песенному языку. Основным объектом диалектологического изучения должны быть явления стилистически и жанрово нейтральные, т. е. факты обычной, „нормальной“, обиходно-бытовой речи. Лишь на этом фоне возможно изучение аллегорических явлений, явлений традиционного народного поэтического языка, общественных выступлений (речи на собраниях) и других форм стилистически и жанрово обусловленной речи.

Необходимо еще иметь в виду взаимодействие между разными стилями и жанрами языка. Некоторые явления, первоначально характеризующие определенный стиль или жанр речи, затем могут расширяться в своем употреблении и попасть в „нормальный“, стилистически и жанрово нейтральный язык (таковы, например, формы *хош, хотца, пра* вместо *хочешь, хочется, право* во многих говорах; редукция до нуля во 2-м предударном слоге в некоторых говорах; возможно, таково же происхождение стяженных форм в с-в-р говорах и др.).

Если учесть всё это и собирать материал в пределах одной территории, одной определенной социальной группы населения, одного жанра, то окажется возможным установление системы говора в той мере, в какой он сохранился ко времени наблюдений. Конечно, и в этом случае наблюдатель часто отмечает отклонения от системы, касающиеся отдельных слов или форм, но они свидетельствуют не об отсутствии системы, а прежде всего о тенденциях развития диалекта.

Такие отклонения нередко характеризуют речь даже тех из местных жителей, которые вообще в наибольшей степени сохранили старый традиционный говор. Но они обычно легко выделяются из общей системы: например, при цоканье — в некоторых словах (например, новых, усвоенных из города) могут произноситься *ч*; при оканье — в отдельных словах могут произноситься безударное *а* (опять-таки в более или менее новых, городских по происхождению словах), при наличии особой фонемы *о* — в некоторых словах, неисконных для говора, может произноситься вместо нее фонема *о* (например, в селе Лека Моск. обл. в слове *вол* произносится *о* вместо ожидаемого *о*; это связано с тем, что жители Московской области не

знают волов как рабочий скот, и это слово, таким образом, для них является заимствованным) и т. д.

Во всех этих и подобных случаях нетрудно установить, что относится к системе традиционного диалекта и что является отклонением от нее, характеризующим современное состояние диалекта в его реальном бытовании.

Выбор объектов наблюдения.

§ 224. Выбор объектов наблюдения зависит от той цели, которую ставит диалектолог, описывая говор. Если он ставит перед собой исторические задачи — вскрыть прошлое говора, собрать материал для истории языка, то он должен прежде всего описать язык тех групп местного населения, которые в наибольшей степени сохранили старый традиционный диалект. То же относится в значительной мере к лицам, изучающим местные диалекты, чтобы собрать материал для диалектологического атласа русского языка.

Дело в том, что направление языковой эволюции современной деревни для всей территории русского языка одно: в сторону полного отождествления диалектов с литературным языком. Поэтому конечный этап процесса в общем един для всей территории русского языка. Отлично же для каждой территории исходное положение: тот пережиточный традиционный говор, который мог сохраниться в той или иной мере у более или менее широкого круга местного населения. Отсюда вывод: традиционные говоры разных территорий отличаются друг от друга значительно сильнее, чем говоры передовых социальных групп тех же территорий, которые (говоры) в принципе должны быть тождественны, и если они не совсем тождественны, то только потому, что мы застали их на разных этапах их пути по направлению к литературному языку.

Говоры передовых групп населения тех или иных территорий отличаются друг от друга лишь непреодоленными особенностями своих местных традиционных говоров или такими особенностями, которые появляются в результате взаимодействия местных диалектных особенностей с соответствующими особенностями литературного языка. Поэтому, если бы мы имели лингвистическую карту говоров передовых групп населения на более или менее обширной территории, мы в ней нашли бы значительно меньше диалектных отличий, чем в карте традиционных говоров той же территории. Промежуточные (между традиционным и передовым) типы говоров обычно бывают мало отстоявшимися. Кроме всего сказанного, надо иметь в виду, что процессы нивелировки говора в современных условиях протекают весьма бурно и быстро.

Для исследователей, ставящих своей задачей изучение истории данного языка и его диалектов, объектом наблюдений должны быть прежде всего носители традиционного говора. Это относится также и к тем, кто работает над диалектологическим атласом, поскольку одной из основных задач последнего является историческое изучение

языка. Однако, даже собирая материал для атласа, нужно производить наблюдения также над языком передовых групп населения — молодежи, сельского актива. Эти наблюдения помогут установить, какие из диалектных явлений еще живут, употребляясь в языке передовых групп населения и переходя на новые слова, и какие, напротив, отмирают, сохраняясь лишь в устах носителей традиционного говора. Иными словами — эти наблюдения содействуют тому, чтобы диалектолог составил себе объективное представление о системе говора в том виде, как он реально бытует в момент описания. Естественно, что эти наблюдения не могут не внести существенных коррективов в карты атласа; они также используются в комментариях к ним.

Однако описание диалекта может ставить и другие задачи, не связанные с изучением происхождения и далекого прошлого русских говоров. Диалектолог может поставить своей целью описать язык современной деревни во всей сложности его социальной и жанрово-стилистической дифференциации, схватить те языковые процессы, которые переживает она в наши дни. В этом случае он должен в избранном им для наблюдений населенном пункте изучить язык возможно большего количества лиц, относящихся к разным группам местного населения — отсталых и передовых, старых и молодых, женщин и мужчин, разных специальностей и профессий и т. д. Далее, в пределах языка одной и той же группы населения он должен изучить разные стили и жанры языка — обиходно-бытовую речь, речь на собраниях, фольклорный язык в тех его жанрах (частушки, сказки, песни, былины и пр.), которые бытуют в местных условиях. При этом все собранные материалы должны быть строго распределены по лицам, группам населения, стилю и жанру. Такое распределение даст возможность исследователю установить основную с исторической точки зрения традиционную систему говора и на ее фоне выделить ряд переходных типов, в большей или меньшей степени приближающихся к системе литературного языка. Оно даст возможность сделать выводы о языковых процессах, переживаемых диалектом в настоящее время и в данном месте, о динамике его развития за последние десятилетия.

Условия работы диалектолога в деревне.

§ 225. Основным способом изучения диалектов являются непосредственные наблюдения над устной речью носителей диалектов, наблюдения, производящиеся специалистом-диалектологом и фиксируемые им в диалектологических записях.

Работа диалектолога в деревне — дело очень трудное и ответственное. От него требуется много такта и осторожности. Вызвать к себе доверие, установить дружеские отношения с населением, такова первая задача по приезду в деревню. Без разрешения этой задачи нельзя надеяться на успех. Эта задача достигается в разных конкретных условиях разными путями.

Применительно к условиям нашей колхозной деревни лучше всего по приезду в район установить связь с райисполкомом, районным отделом народного образования, представителями местной общественности. Желательно получить от исполкома указание сельским организациям и администрации школ о содействии диалектологу, или экспедиции, если работу ведет группа лиц. На месте необходимо прежде всего установить контакт с сельскими советскими и общественными организациями, со школой. При помощи сельского актива устанавливаются более широкие связи с местными жителями, из среды которых в дальнейшем будут выбраны объекты для наблюдений.

То обстоятельство, что диалектолог будет, так сказать, рекомендован населению местными — районными и сельскими — советскими и общественными организациями, безусловно будет содействовать установлению необходимых связей между местным населением и приезжими. Однако этого недостаточно: диалектологи должны проявить и сами немало усилий, чтобы расширить и укрепить эти связи. Прежде всего они не должны отгораживаться от общественной и производственной жизни деревни, колхоза. Прочитать свежую газету, разъяснить последние постановления партии и правительства, провести беседу по политическим вопросам, например по вопросам международной политики, дать советы местным учителям; молодежи, участвующей в экспедиции, принять иной раз хотя бы некоторое, но непосредственное участие в колхозном труде, написать письмо старухе или дать ей совет о том, как ей оформить получение пенсии и т. д. и т. п., — таковы возможные формы участия диалектологов в местной жизни. Конечно, не надо думать, что каждый из диалектологов должен участвовать во всех перечисленных видах работы, но он должен в известной мере войти в местную жизнь, в местные интересы, так как только в этом случае он приобретет в наибольшей степени доверие и авторитет среди населения, без чего его диалектологическая работа не будет иметь полного успеха. Степень участия диалектологов в местной общественной и хозяйственной жизни может быть различной в зависимости от времени их пребывания в данном месте: в случаях более длительного пребывания (например, когда собирается материал для монографии) это участие может быть более глубоким и разносторонним, чем тогда, когда работа ведется всего в течение нескольких дней.

§ 226. Приехав на место, диалектолог не должен стремиться тут же как можно больше записать. Напротив, он должен некоторое время лишь прислушиваться к говору, получить общее представление о нем, в известной мере „войти“ в него, почувствовать его систему, так как только после этого он сможет выбрать для наблюдения типичные объекты, только после этого будет гарантия, что он не наблюдает язык случайных лиц с нетипичным говором.

Длительность этого предварительного периода может быть различной в зависимости от целей, которые ставит диалектолог: если он предпринял монографическое описание одного диалекта, которое

требует длительного пребывания в деревне и, возможно, неоднократного приезда туда, то, естественно, предварительный период должен быть более длительным. В этом случае и задачи этого периода могут быть более глубокие — усвоить практически местный говор, не только „войти“ в него и почувствовать его, но и научиться свободно говорить на нем, хотя бы на первых порах в сфере фонетики и морфологии.

Предварительное практическое изучение говора имеет весьма большое значение: оно поможет, во-первых, при составлении всестороннего исчерпывающего описания говора изучить систему говора, так сказать, „изнутри“, а не глазами постороннего наблюдателя, который не может заметить всех тонкостей; во-вторых, хотя бы частичное пользование диалектом в общении с объектом наблюдения будет содействовать большему контакту между диалектологом и объектом его наблюдений, будет содействовать тому, чтобы последний не подлаживался под городскую литературную речь, а говорил бы в полной мере на местном диалекте.

В других случаях, когда диалектолог ставит своей задачей составить лишь краткое описание говора, например, на основе составления ответов на вопросы диалектологической „Программы“, и пребывание его в данной деревне ограничено несколькими днями, то период предварительных наблюдений по необходимости будет кратким и цели его будут более скромными: главным образом — обеспечить выбор типичных объектов наблюдений.

§ 227. Практически важным вопросом является вопрос о том, как должен информировать диалектолог местное население о целях своей работы. Решение этого вопроса во многом зависит от конкретных условий работы, поэтому оно может быть принято диалектологом лишь на месте. Конечно, местное население, в особенности когда будут уже налажены отношения диалектолога с ним, не может не знать, что его язык является объектом наблюдения. Но лучше всё же начать беседы в более общей форме, но зато более понятной и доходчивой. Опыт многих диалектологов говорит, что понятнее всего для местного населения, когда диалектолог говорит, что он приехал изучать историю местного края, данной деревни, что он собирает сведения о старых обычаях и преданиях, изучает хозяйство, быт, сельскохозяйственное производство и промыслы, а также язык.

Поэтому целесообразно для наблюдений над языком вести беседы на краеведческие, производственные и бытовые темы. Интерес к этим вопросам со стороны горожан вполне понятен для местного населения. Можно рекомендовать, например, такие темы, как история села, описание данной местности, окружающие села, районный центр, города, пути сообщения; сельскохозяйственные орудия, полевые работы, животноводство и вообще текущая производственная жизнь колхоза; обработка льна и ткань полотна, другие ремесла, если они имеются в данной местности (выделка рогожи, деревянных ложек, гончарное и бочарное

производства и т. д.); рыбная ловля и охота (для тех местностей, где они имеют промысловое значение), лесной промысел и сплав; описание построек (дома, усадьбы, хозяйственных построек), домашней утвари и посуды, стряпни, старинных обрядов, например похоронного и свадебного, и т. д. Одни из этих тем годятся для бесед главным образом с мужчинами, другие — с женщинами; одни — больше для разговора с пожилыми людьми, другие также и для бесед с молодежью. Наконец, разные темы для разных мест имеют неодинаковое значение. Надо суметь выбрать для данной местности, данного времени и данного лица наиболее интересные для живой беседы темы.

§ 228. Опыт многих показал, что диалектологическую работу удобнее всего вести вдвоем: один, главным образом, поддерживает разговор, другой ведет записи. Однако нередко приходится прибегать и к более крупным группам. Нужно, чтобы в каждой группе находился один более или менее опытный наблюдатель. А так как на каждого „новичка“ не всегда в местных условиях может найтись один уже имеющий хотя бы некоторый опыт работник, то при первоначальном вовлечении в диалектологическую работу студентов приходится прибегать к большим группам, с тем чтобы приобретшие известный опыт студенты уже в следующем году приняли на себя роль руководителя группы.

При производстве диалектологических наблюдений надо стараться меньше говорить самому наблюдателю. Его задача лишь поддерживать беседу, задавать вопросы, направлять ее по нужному руслу, во-время менять тему, если беседа иссякает. Это достигается, большей частью, короткими репликами. Во время этой беседы диалектолог ведет записи. Надо стремиться записывать связную речь, но не в ущерб точности. Поэтому нередко приходится ограничиваться записью и отдельных фраз, частей фраз, словосочетаний и даже отдельных слов.

Диалектолог должен максимально проникнуться местными интересами и даже уже — интересами и жизнью тех лиц, язык которых подвергается наблюдению. Только в этом случае можно достигнуть полного успеха. Для этого диалектолог должен проявить много такта в общении с местными жителями, в беседах с ними, в своем образе жизни и т. д.

Если наблюдатель владеет местным диалектом (благодаря предшествующему изучению его или благодаря своему местному происхождению), то весьма целесообразно в беседе при производстве записей пользоваться им: это будет содействовать установлению контакта и доверия, сближению с местным населением, а также тому, чтобы объект наблюдения не приспосабливал свою речь к языку городского жителя, не пытался говорить „по-образованному“, а пользовался бы в полной мере местной речью. Многие диалектологи отмечают, что в разговоре с посторонними, приехавшими из города, местные жители пытаются говорить иначе, чем между собой. Нередко отмечали, что местный житель в общении с приезжими из

города, начав свою речь языком более или менее близким к городскому, затем, — если тема разговора близка ему и захватывает его за живое, — увлекаясь, постепенно переходит к чистому диалекту (например, в начале он акал, различал *ц* и *ч*, а потом начинает все больше окать, употреблять *ц* вместо *ч* и т. д.).

Итак, диалектолог должен больше слушать, чем говорить сам. Еще лучше, если создаются условия, при которых диалектолог может только вести наблюдения, не принимая участия в разговоре. Это имеет место при беседе местных жителей между собой, на собраниях и т. д. В этом случае в наибольшей степени гарантируется отсутствие влияния на речь местных жителей со стороны приезжего — диалектолога. Особенно удобно вести наблюдения при разговоре местных жителей между собой в тех случаях, когда диалектолог останавливается в семье, представители которой могут служить объектами наблюдения. Живя вместе с ними, прислушиваясь к их разговору между собой, диалектолог может получить особенно достоверный материал.

Срок пребывания диалектолога на месте определяется теми задачами, которые он ставит: для детального монографического описания необходимо длительное изучение говора на месте, нередко требуется неоднократный проезд в то же место; описание говора по программе, например по программе Института русского языка, требует от двух-трех диалектологов 4—6 дней (в зависимости от степени подготовки и наличия опыта). Выше уже было указано, какое большое значение имеет первоначальный предварительный период ознакомления с говором, когда диалектолог делает наблюдения, но еще не фиксирует их в записи. Одна из главных задач этого предварительного периода — выбрать типичные объекты наблюдения.

§ 229. Язык скольких местных жителей должен наблюдаться? Ответ на этот вопрос будет также различным в зависимости от целей изучения. При монографическом описании говора требуется наблюдение над языком возможно большего количества лиц и при этом относящихся к самым разным группам местного населения — активистов, передовиков и рядовых колхозников, старых, молодых и детей, мужчин и женщин и т. д. При собирании материала по программе Института русского языка для диалектологического атласа требуется описание традиционного местного говора, который в большей степени обыкновенно сохраняется в устах старшего поколения, в особенности женщин, в устах тех групп населения, которые не связаны по своей работе с поездками в город. Однако дополнительный материал должен быть собран и от других групп населения, в том числе молодежи, сельского актива и т. д. Таким образом, и в этом случае количество лиц, язык которых подвергается наблюдению, не должно быть очень маленьким. Нельзя описывать говор данного села, даже по программе, на основании наблюдений над языком одного лица, так как в этом случае не будет уверенности в том, что собранный материал действительно характеризует говор села, а не индивидуальные особенности речи данного лица. Количество

объектов наблюдения зависит от величины населенного пункта: одно дело — какой-нибудь починок на севере в 5—10 дворов, другое дело — большое село в центральных областях и на юге, имеющее нередко 500—1000 и больше дворов.

Естественно, что во втором случае нужно произвести наблюдения над языком большего количества лиц, чем в первом случае, чтобы убедиться в однородности говора данного населенного пункта и типичности избранных объектов. Но даже и для небольших населенных пунктов количество объектов наблюдения не должно быть меньше 3—4, так как только в этом случае можно быть более или менее уверенным в типичности собранного материала.

Надо иметь в виду, что иногда говор одного населенного пункта, в особенности большого, бывает неоднороден: в разных „концах“ одного села распространены разные диалектные особенности. Такие случаи, например, отмечены в с. Горы Озерского р. Московской области (по наблюдениям Л. Н. Булатовой), в с. Долгинино Солотчинского р. Рязанской обл. (по наблюдениям Г. А. Касвин), в с. Кануевка Городищенского района Пензенской обл. (по наблюдениям А. Н. Гвоздева) и др. Это объясняется обычно исторической неоднородностью местного населения — тем, что одна часть населения, например, — потомки „однодворцев“, а другая — помещичьих крестьян; одна часть — потомки дворовых местного помещика, другая — помещичьих, государственных или монастырских крестьян и т. д. Естественно, что если диалектолог обнаружит два говора в одном селе, он их должен изучить отдельно, наблюдая для каждого из них говор достаточного количества лиц.

Собирание общих сведений о селе.

§ 230. Из сказанного выше уже ясно, какое большое значение для диалектологических изучений имеет получение общих сведений о селе и его населении.

Необходимо записать точное название данного населенного пункта с указанием сельсовета, района, области. Если населенный пункт имеет несколько названий, то надо привести все в орфографическом написании и фонетической транскрипции, обязательно с указанием ударения. Весьма полезно отметить расстояние до ближайшей ж. - д. станции, пристани, города, до районного центра, с указанием направления (например, на юг, на северо-запад и т. д.). Все это поможет легче найти соответствующую точку на карте.

Иногда местное название населенного пункта расходится с официальным, указанным на карте. В этом случае обязательно надо записать оба: официальное название поможет найти данный пункт на карте, а местное — может иной раз дать те или иные важные сведения (например о том, откуда пришло в данную местность население, к какой группе крестьянства оно принадлежало ранее, и т. д.).

Следует указать, какие культурные учреждения существуют

в данном селе и как давно они существуют; какие промыслы — на месте или отхожие — развиты или были развиты в прошлом; куда уходит или уходило раньше население на заработки, и т. д.

Очень важно из бесед со стариками получить все возможные сведения по истории данного населенного пункта и его населения: как давно он существует, откуда пришло сюда местное население, к какой социальной группе относилось местное население в прошлом: к однодворцам, государственным, помещичьим крестьянам, и т. д. Обязательно следует узнать, не имеет ли местное население каких-либо названий (например, саяны, цуканы, щекуны, литва, баляки, паны, мешера и т. д.).

Все это поможет лучше осмыслить собранные языковые факты, выяснить пути развития данного говора за последнее время, иной раз за целое столетие и больше.

Следует заинтересоваться, нет ли местных архивов (административных, церковных) в данном пункте или районном центре, и, если есть, познакомиться с ними: архивные материалы могут также пролить свет на вопросы истории данного населенного пункта и его населения, а также послужить дополнительным источником наблюдений над языком (многие местные документы могли быть писаны местным жителем и потому отразить те или иные местные языковые особенности).

Само собой разумеется, что все материалы по диалектологии должны быть снабжены указаниями о том, кто и когда собирал их.

Паспортизация диалектического материала.

§ 231. Производя диалектологические записи, всегда нужно указывать, от кого сделана запись: фамилия, имя, отчество. О лицах, от которых производятся записи, должны быть собраны следующие данные: возраст, пол, степень грамотности и образования, род работы, профессия или специальность. Весьма желательно выяснить, бывало ли данное лицо на стороне, в городах и каких именно, как долго жило в них и чем там занималось.

По возможности не должно быть анонимного материала: перед каждой записью в книжке нужно сделать пометку, указывающую, от кого велась запись. Если один и тот же наблюдатель записывает речь двух лиц, то это удобнее делать на развороте книжки, с тем чтобы записи от одного лица заносились на левую сторону, а от другого — на правую. Если наблюдателей двое, то удобнее каждому из них записывать речь одного из говорящих.

Порой случается сделать записи от какого-нибудь неизвестного наблюдателю жителя деревни при случайно сложившихся обстоятельствах. Если речь такого лица соответствует типу говора данной местности, то записанный от такого лица материал может быть использован при описании говора, но обязательно с указанием на то, что он записан от неизвестного лица.

При дальнейшей работе над собранным материалом последний должен обрабатываться отдельно для каждого лица, от которого были сделаны записи. Отличия в языке отдельных объектов нередко объясняются их биографией (степенью грамотности; тем, жили они в городах или нет, и т. д.). Четкое разграничение материалов, собранных от разных лиц, поможет исследователю отделить типичное от случайного для данного говора. Лишь в том случае, если по обработке материала окажется, что в материалах, записанных от разных лиц, нет существенных различий, последние могут быть объединены в последующем описании говора.

Отсутствие четкой паспортизации материала не даст возможности исследователю установить систему говора и отклонения от нее; среди последних — черты старые и новые, отживающие и зарождающиеся.

Проведение наблюдений над говором.

§ 232. Диалектологические записи должны делаться на основе наблюдений над обычной непринужденной речью местных жителей. Записываются отрезки речи такой величины, которую удастся наблюдателю передать в достаточно точной фонетической записи.

Как было указано выше, лица, язык которых подвергается наблюдениям, как правило, во всяком случае в момент производства наблюдений, не точно представляют себе цели наблюдателя. Они скорее полагают, что последний интересуется бытом, тем или иным промыслом, обычаями, чем собственно языком, т. е. скорее содержанием беседы, чем её формой. И в области языка они больше знают об интересе наблюдателя к названиям тех или иных чисто местных предметов и вещей, связанных с различными сторонами местного быта и хозяйства, чем об изучении им произношения и форм, т. е. строя языка. Желая получить материал наиболее типичный для обыденной разговорной речи местных жителей, диалектолог не должен подсказывать предполагаемые им формы или слова: его задача — непосредственно услышать в речи своих объектов нужные факты. Отсюда важное правило — по возможности не ставить прямых вопросов: „произносят ли у вас так-то?“ или „употребляют ли у вас такое-то слово или форму?“ и т. д. Такие вопросы приводят к стереотипным ответам „да“ или „нет“, „говорят“ или „не говорят“, и притом — к ответам не всегда верным, так как объекты наблюдений иногда, в особенности после длительной беседы с диалектологом, утомившись, часто отвечают невпопад или дают ответ, который, как им кажется, более устраивает диалектолога или, наконец, дают ответ более соответствующий их представлению о городском языке „образованных“ людей.

Итак, основной материал должен собираться не путем опроса, а путем наблюдений над свободной диалогической и отчасти монологической речью местных жителей. Но это не значит, что метод опроса абсолютно не может применяться.

§ 233. Метод опроса может применяться, прежде всего, при сборе материала по лексике в той части, когда речь идет о названии различных предметов и вещей сельского обихода при непосредственном ознакомлении с этими предметами и вещами. Вопросы: „что это такое?“ и „как это называется?“ вполне законны в таких случаях и даже необходимы. Но даже в отделе лексики, когда наблюдатель-диалектолог хочет выяснить, употребляется или нет то или иное слово и каково его значение, метод прямого опроса будет малопродуктивным и малонадежным. Можно, конечно, спросить: „употребляется ли у вас слово *виски*?“. Но ответ как положительный, так и отрицательный не может служить доказательством наличия или отсутствия в говоре данного слова. Тем более мало доверия будет и ответу на вопрос типа: „что означает у вас слово *мост* — *сени*? *пол*? *лавка*?“. Что касается нетерминологической лексики (ср., например, слова, обозначающие понятие *очень*), то её вообще почти невозможно вызвать путем прямого опроса, а можно лишь услышать в речи наблюдаемых лиц.

§ 234. При наблюдениях над другими сторонами говора — фонетикой, морфологией, синтаксисом, метод прямых вопросов при собирании основного материала вообще не должен применяться. Однако это не значит, что он абсолютно не может применяться при известных условиях. Все дело в такте диалектолога, в чувстве меры, в умении вести беседу, ставить наводящие вопросы. Когда основной материал уже собран, когда у диалектолога установились особенно близкие, основанные на полном взаимном доверии отношения с некоторыми из объектов наблюдения, в особенности, если обнаружили среди них лица, обладающие врожденным чутьем языка (такие лица нередко попадаются среди местных жителей), — то можно кое-какие оставшиеся неясными или не вполне ясными пункты выяснить путем разного рода вопросов.

Прежде всего надо иметь в виду, что не только в лексике, но также и фонетике и морфологии мы имеем дело часто с отдельными словами или ограниченными группами слов (ср., например, мягкое или твердое *р* в словах *первый*, *серб*, *верба*, *четверг*, *верх* и еще немногих; произношение *держим*, *дѣржим* или *доржим* в одном слове; разное произношение долгой звонкой шипящей в ограниченном круге слов *вожжи*, *дрожжи*, *визжать*, *дождик* и еще нескольких; формы *дашь* или *даси*, *вшь* или *еси* в двух-трех словах; *печешь*, *пекѣшь* или *пекошь* в ряде глаголов I-го спряжения с основой на *к*, *г* и т. д.). В свободной беседе эти слова могут долго не попасться. Здесь может существенно помочь метод тематических бесед и наводящих вопросов. Если вы хотите узнать, как образуются многие формы и инфинитив от *пеку*, то заведите беседу о печении хлеба. Некоторые из форм этого глагола сразу попадутся, других все же не окажется. Здесь будет уместно приступить к наводящим вопросам: — А что ты делаешь, бабушка? — спрашиваете вы, видя, как женщина печет хлеб. А *хл'йбец'-от п'оку*, *бат'ушко*. — А тетка Орина что сейчас делает? — А *хто еѣ знат*, *бат'ушко*. — А она что же

покупает хлеб-от? — *А н'эт, бат'ушко; у нас пекóново-то не быват хлебу-ту; и она п'екóт* (Записано в Поветлужье в 1928 г.). Таким образом вам удастся вызвать формы *п'екóново, п'екóт*; таким же образом, продолжив беседу, можно вызвать формы *п'екцй* или *пект'й*. Если хотите узнать формы глагола *запрягу*, заведите беседу о лошади и работе с ней, и вам удастся услышать нужные формы этого глагола.

Однако тематическая беседа и наводящие вопросы не всегда приводят к цели, так как за говорящим всегда сохраняется свобода выбора слов-синонимов и построения фразы, а последним определяется и форма слова, не всегда совпадающая с той, которая нужна диалектологу. В этом случае диалектолог должен подобрать вопрос так, чтобы в ответе на него обязательно было употреблено нужное слово и в требуемой форме. Трудность здесь заключается в том, что диалектолог не должен употребить эту форму, чтобы тем самым не позлить на речь отвечающего. Сначала придумывание таких вопросов требует много времени, раздумий, изобретательности, но с течением времени у наблюдателя вырабатываются штампы, которыми он с успехом пользуется в каждом новом пункте.

Иногда бывает так, что в ответе на вопрос одного из собеседников употребляется нужное слово, но не в той форме, которая требуется, или вместо него употребляется местоимение. В таком случае другой собеседник-диалектолог, как бы не расслышав, переспрашивает, строя вопрос так, чтобы в ответе обязательно появилась нужная форма.

§ 235. Нередко попадают такие люди, часто даже старые, неграмотные, но с изумительно развитым чутьем языка, которые, не имея понятия о грамматике, быстро догадываются, что от них требуется, и бойко „склоняют“ и „спрягают“, вставляя нужное слово в предложение-трафарет, которое предлагается наблюдателем: вышла из... *того дóму*; живу в... *т'ем домú*; жила у... *с'естр'е*; поехала к... *с'естр'е*; она купила ситцу, я завтра тоже... *кúп'у*; наши соседи тоже ситцу... *кúпляют*; они сегодня намолотили много, а я завтра еще больше... *нэмалóт'у*, и т. д.

Следует иметь в виду, что „склонять“ и „спрягать“ нужно не только при наблюдениях над морфологией, но также при собирании сведений по фонетике. Вот вы слышали фразу: *с'алó ф-н'ят'й в'ирстáх*, и хотите получить другие надежные формы, чтобы установить тип яканья. Методом вопросов-трафаретов вы получаете: откуда пришел председатель? — *Ис-с'илá*; а где он живет, председатель-то? — *А ф-с'ал'е*. — Мы подъехали к ...*с'алú*; поле начинается за...*с'илóм*. Таким образом выясняется диссимилятивное яканье архаического типа. Такие же данные можно получить, заставив проспрягать глагол *везти*: я завтра дрова ...*пр'ив'азú*; он дрова завтра...*пр'ив'ез'ет'м*; они завтра дрова... *пр'ив'азúт'*; я вчера дрова... *пр'ив'излá*.

Основное правило в собирании недостающего материала путем наводящих вопросов и вопросов-штампов, трафаретов заключается

в том, чтобы не произносить нужной, искомой формы, а пользоваться только теми формами данного слова, которые ранее были отмечены в речи данного лица и записаны.

§ 236. В этой окончательной стадии работы можно вести уже вполне откровенные беседы о языке, узнать отношение своих собеседников к тому или иному произносительному варианту, форме или слову. Вы можете услышать где-нибудь, что *н'ас'ёт', в'ад'ёт'* они не скажут, а говорят: *н'ес'ёт', в'ед'ёт'*, да и то только старухи, а люди помоложе да пограмотнее скажут: *н'ис'ёт', в'ид'ёт'*. В другом месте вам объяснят, что говорят *с'остр́а, с'остру́*, но *к-с'остр'е* не скажут, а обязательно говорят *к-с'естр́е*. Вам дадут подробные разъяснения о значениях тех или иных слов. Народный опыт велик и богат, но нужно уметь открыть эти богатства, суметь ими воспользоваться. А для этого от диалектолога требуется много умения.

§ 237. Фонетический и морфологический материал можно записать во время беседы на любую тему. Основной материал по этим разделам можно собрать путем свободной беседы. Однако ряд вопросов потребует более специальной тематической беседы, наводящих вопросов, фраз-трафаретов. Материал по лексике можно собрать частично путем прямой постановки вопросов. Однако и здесь наиболее ценным окажется материал, полученный из сплошной записи свободной речи, где нужное слово употреблено в естественных условиях, в типичном контексте. Иными словами, лексический материал в значительной мере извлекается из тех же записей, которые послужили для собирания сведений по фонетике и морфологии.

Едва ли не наиболее трудным разделом для наблюдений является синтаксис. Трудность здесь объясняется, прежде всего, тем, что синтаксические наблюдения требуют записи связных текстов или хотя бы целых фраз, в то время как для фонетики и морфологии часто бывает достаточно записи отдельных словосочетаний и слов, что дается значительно легче, чем запись связной речи. Описание синтаксической системы трудно еще потому, что последняя может быть выявлена лишь на основании очень большого количества записей, проведенных в течение длительного времени. Нужно записать весьма большое количество связанных текстов и фраз, чтобы встретились все основные, характерные для говора синтаксические конструкции. Между тем диалектологу редко приходится быть очень долго на одном месте.

В заключение дадим несколько более общих и частных советов.

§ 238. При первых записях наблюдатель вносит в свою книжку все, что он успевает записать фонетически. В дальнейшем, по мере предварительной обработки материала, когда выясняется, что на одни явления материал уже получен в виде большого количества примеров, на другие — материал имеется, но мало примеров, а для ряда явлений он вовсе отсутствует, — наблюдатель специализирует свои записи, уделяя преимущественное внимание таким явлениям, по которым мало или вовсе нет материала. Материал должен соби-

ратся до тех пор, пока не будут отмечены все нужные явления или даны ответы на все вопросы программы, если работа ведется по программе. Отсутствие ответа по некоторым вопросам может привести в дальнейшем к невозможности составить многие карты атласа (если материал собирается для атласа).

§ 239. Диалектологические записи нередко разнятся в зависимости от того, собирается ли материал для фонетики, морфологии, синтаксиса или лексики.

Материал, собираемый для фонетики, всегда может быть использован и для морфологии: ведь и для фонетики нужен хотя бы минимальный контекст, и поэтому чаще всего записываются короткие фразы или отрезки фраз. Даже запись отдельных слов обычно также может послужить материалом для морфологии, так как форма их большей частью бывает ясна сама по себе. В тех же случаях, когда форма слова, записанного отдельно, неясна, при нем надо сделать грамматическую помету (например, указать падеж, род и т. д.). Однако рекомендовать запись отдельных слов не следует. С другой стороны, богатый материал для морфологии можно извлечь из записей, сделанных для изучения синтаксиса. Таким образом, многие сведения для морфологии могут быть извлечены из материалов, собранных для фонетики или синтаксиса. Однако раздел морфологии безусловно потребует также производства специальных наблюдений. В записях по морфологии интересующая наблюдателя форма должна быть дана в контексте и обязательно снабжена ударением. Записи для морфологии должны производиться фонетически.

Прямая постановка вопросов, в которых бы фигурировало интересующее наблюдателя слово, при собирании материала по фонетике и морфологии, как было уже сказано, не может быть рекомендована. Только в том случае, когда к концу обследования выясняется невозможность собрать материалы по некоторым явлениям, опытный диалектолог может позволить себе попытку в косвенной форме подвести наблюдаемое лицо к употреблению нужной формы.

§ 240. Записи, которые послужат материалом для описания синтаксиса, должны представлять собой точную и полную передачу звеньев связной речи, но ни в коем случае не быть переложением их применительно к собственным языковым навыкам и нормам наблюдателя. Само собой разумеется, что при записях для синтаксиса нельзя пропускать или вставлять что-нибудь, менять порядок слов или их форму и т. п. С другой стороны, нельзя не считаться с тем, что невозможно точно и полно записывать оживленный рассказ или быстро протекающий диалог. Поэтому при записях по синтаксису надо, не обязательно стремясь к точной транскрипции (в этом случае записи не используются для фонетики), записать возможно более законченные фразы и более крупные отрезки речи. Такие записи целесообразно вести одновременно нескольким лицам. Сверка записей тотчас по их окончании поможет избежать неполноты или неточности индивидуальной фиксации.

§ 241. Лексические материалы по первой части раздела лексики программы Института русского языка АН СССР — „Как у вас называется“ — собираются, главным образом, путем прямой постановки вопросов обследуемому лицу. При этом желательно давать краткие описания предметов или производственных процессов, с которыми связано то или иное слово, а также по возможности записать тот контекст, в котором было употреблено интересующее наблюдателя слово. Желательно этот материал в необходимых случаях сопровождать зарисовками, например, сельскохозяйственных орудий и их частей, предметов утвари, одежды, построек и их частей и т. д. В некоторых случаях целесообразно составить план (например, двора, распределения помещений в избе и т. д.). В случае, если тот или иной предмет называется не одним, а двумя (или несколькими) словами, необходимо привести эти слова и указать, какое из них местные жители считают исконным, более старым для их местности, и какое, напротив, более новым.

§ 242. Неопытный наблюдатель часто записывает лишь то, что резко отклоняется от нормы его языка, обычно от норм литературного языка, не отмечая в своих записях те черты говора, которыми последний сходится с литературным языком.

Так, например, при наличии колебаний в говоре он записывает случаи цоканья, точнее — употребления звука *ц* вместо *ч*, и проходит мимо случаев с этимологически правильным *ч*; записывает слова с *γ*, но проходит мимо случаев с *г*. Знакомящийся с таким материалом может подумать, что перед ним говоры с цоканьем, фрикативным *г* (*γ*), в то время как на самом деле это могут быть говоры, сохранившие лишь остатки этих явлений.

Еще больше недоразумений окажется в тех случаях, когда языковое явление представляет сложную систему реализации ряда фонем в определенных фонетических условиях, хотя и в разных, но всегда совпадающих между собой вариантах. Таково, например, яканье. Представим себе, что наблюдатель записал случаи *javó*, *jamú*, но пропустил такие случаи, как *н'ислá*, *н'исú*, *н'ис'ú* и другие подобные, как не заключающие в себе ничего интересного, не отличающиеся, в общем, от соответствующих форм литературного языка. Знакомясь с таким материалом, можно подумать, что перед нами якающий говор, что может оказаться неправильным. Местоимение, как известно, представляет собою такую категорию, в которой часто наблюдаются отклонения от общих произносительных норм. В частности, известны последовательно икающие говоры (например, в юго-западном Подмоскowie), в которых, однако, произносится *javó*, *jamú*. Такой именно говор, видимо, и встретился наблюдателю. Другой пример: наблюдая говор с одним из типов яканья, неопытный наблюдатель нередко записывает лишь случаи с *а* в предударном слоге, пропуская, напротив, случаи с *и* (или *е*). В его записях находим, например, *в'асный*, *н'ас'ú*, *пр'ив'аз'ú*, но как произносятся, например, слова *весна*, *деревня*, *летела* и т. д., остается неизвестным. Поэтому остается неизвестным и тип яканья.

Возможно, что он не записал этих слов, так как они произносятся „правильно“, тогда, следовательно, в говоре — диссимилативное яканье; но, возможно, его наблюдения лишь ограничились записанными словами, т. е. другие слова с другим положением предударных гласных ему не встретились. Как известно, для того, чтобы установить тип яканья, требуется записать примеры на весьма большое количество положений (перед твердой и мягкой согласной; перед разными ударенными гласными), вне зависимости от того, произносится ли в том или ином положении звук, сходный с литературным языком или отличный от него. Но для того, чтобы записать примеры на все нужные положения, наблюдатель заранее и хорошо должен быть знаком со структурой яканья, его возможными типами и разновидностями, со всеми потенциальными фонетическими условиями, с типичными исключениями и т. д. Без этих предварительных сведений обычно получается дефектный материал.

Напомним, что ассимилятивно-диссимилативное яканье Новоселковского типа отличается от сильного только тем, что при ударенном *е(о)* в предударном звучит „не-а“ (*н'ес'эш, д'ер'эвн'а*). Если наблюдатель слова с этим положением предударной гласной не записал, ввиду их совпадения с соответствующими формами литературного языка или потому, что они ему не попались, то, интерпретируя такие записи, нельзя определить тип яканья; можно лишь сказать, что говору свойственно или сильное, или ассимилятивно-диссимилативное яканье Новоселковского типа. Однако так как последнее до недавнего времени считалось редким, то на основе таких дефектных материалов обычно определяли сильное яканье. Между тем широкие обследования рязанских и других говоров за последние годы свидетельствуют о том, что ассимилятивно-диссимилативное яканье в них распространено довольно широко.

§ 243. В еще большей мере надо предостеречь наблюдателя от того, чтобы он записывал какие бы то ни было языковые явления не в момент произнесения, а спустя известное время, по памяти и по общему впечатлению от говора. Это абсолютно недопустимо. Представьте себе, что наблюдатель записал случаи *н'аслá, с'алó, с'алý, с'алóm, ф-с'ал'э, стр'ал'át', үл'ад'ý, н'ас'ý* и т. д. Говор безусловно якающий, причем *а* в 1-м предударном слоге произносится во многих положениях как перед твердым, так и перед мягким согласным, при наличии под ударением самых разных гласных. И вот на основании этого общего „якающего“ впечатления по памяти наблюдатель дополнит свой материал случаями вроде *н'ас'óш, б'ар'óm, пл'ат'эн'* и т. д., в то время как если бы он записал эти слова непосредственно на слух, в момент произнесения, то он услышал бы *н'ес'óш, б'е'р'эм, пл'ет'эн'*. В этом случае уже не только нельзя будет точно определить тип яканья, но будет сделан заведомо неправильный вывод о сильном яканье, в то время как в говоре представлено яканье ассимилятивно-диссимилативное.

§ 244. Следует отметить, что значительная часть фонетических явлений наблюдается без труда лицами, имеющими средний слух.

Необходима только известная предварительная подготовка по фонетике и знакомство с фонетическими явлениями русского языка в его говорах, чтобы будущий диалектолог научился слушать то, что обычно он, слыша, так сказать, пропускал мимо ушей. Как искусствоведы „открывают глаза“ на картину, учат видеть картину, так должны быть „открыты уши“ будущего диалектолога, он должен научиться слушать, фиксировать внимание на существенном для фонетики, которое для обычного нелингвистического слуха нередко может казаться несущественным.

Однако есть и такие явления, для наблюдения которых требуется более изощренный слух и более серьезная фонетическая подготовка. Так, например, известные затруднения бывают с наблюдением звука *ѣ* под ударением перед твердой согласной, а также звука *ѓ*. Дело в том, что степень закрытости этих звуков бывает неодинаковой по говорам: в одних говорах она меньше, в других — больше, хотя и всегда отличается от *е* и *о*. Наблюдатель, привыкший к системе литературного языка, где под ударением перед твердой согласной представлены *е* (открытое) и *и* и неизвестно *ѣ*, при слабой закрытости слышит обычное *е* (открытое), а при сильной закрытости на месте *ѣ* воспринимает *и*. Отсюда записи *л'ѣто*, *в'ѣра*, *б'ѣлој*, *с'ѣл* в первом случае и *л'ито*, *в'ира*, *б'илој*, *с'ил* — во втором. Сказанное относится также к различению *о* и *ѓ*. Многие наблюдатели не слышат его сразу. Достаточно сказать, что академик А. А. Шахматов не мог услышать этот звук в с. Лека, пока на него не указал местный житель Гришкин, язык которого подвергался Шахматовым наблюдению. Оказывается, что то, чего не замечал академик А. А. Шахматов, привыкший к системе литературного языка, четко различал крестьянин Гришкин, так как в его языке эти звуки представляли особые фонемы.

При слабой закрытости *о* наблюдатель нередко не отличает *ѓ* от *о* и соответствующие слова записывает с *о*; напротив, при сильной закрытости он на месте *ѓ* слышит *у* и записывает, например, *валу́га*, *лу́фцы* (название деревни Ловцы), *сару́ка*, *кару́ф* и т. д.

Чтобы научиться различать эти звуки, надо прежде всего знать, в каких словах и морфемах они могут встретиться, и специально прислушиваться к ним. Очень важно научиться самому произносить эти звуки, что требует определенной фонетической тренировки и не всегда дается легко.

Подобного рода трудности встречаются и при наблюдениях над консонантизмом. Нелегко наблюдается, например, степень мягкости согласных, в особенности перед мягкими согласными (например, *с'в'ѣт*, *раз'н'ѓс*, *м'ѣд'в'ѣд'*), наличие у мягких *с'*, *з'* шепелеватого оттенка (*с'ш'в'ѣт*, *з'ш'м'ѣја*), наличие фрикации у мягких *т'*, *д'*, а также степень фрикации и качество фрикативного элемента (например,

Ѣ'в'ѣ, *Ѣ'з'в'ѣ*, *Ѣ'з'в'ѣ*, *Ѣ'ж'в'ѣ*, *Ѣ'ж'в'ѣ* и т. д.), качество аффрикаты, в которой при цоканье совпадают фонемы *ц* и *ч* (твердость — мягкость, соотношения между взрывным и фрикативным элементом,

возможность шепелеватого произношения и т. д.). Особо следует отметить, что при мягком цоканье неопытный наблюдатель *ц'* может принять за *т'* и записать *т'ај, т'ас'* вместо *ц'ај, ц'ас'*. Это может объясняться тем, что в системе литературного языка, которым обычно владеет наблюдатель, нет мягкого *ц*, и ближайшим к нему звуком является мягкое *т* (*т'*), которое кстати и в литературном языке может произноситься с легким свистящим фрикативным элементом (*т'^с*). Здесь, как и в других случаях, неопытный наблюдатель неизвестное ему может заменить известным.

§ 245. Другого рода ошибки характерны для наблюдателя — местного жителя или вообще лица, полностью или частично говорящего на диалекте. Такие наблюдатели нередко не замечают очень типичных и легко наблюдаемых посторонними явлений, например, не замечают качества отдельных фонем: фрикативный, а не взрывной характер *з* (*γ*), особое „среднее“ образование *л* (*l*), утрату интервокального *j* в глаголах, например, *знáт, соби́ра́т* и т. д. Один студент-филолог, коми по национальности, с хорошей лингвистической подготовкой, долгое время не мог заметить шепелеватый характер мягких *с'* и *з'* в своем произношении, а также вообще в русском произношении как комийцев, так и русских на территории Коми АССР (*с'ш'в'ѐт, рáз'ж'в'е* и т. д.).

Поэтому диалектологические записи весьма полезно снабжать не только указанием на то, кто записывал, но и на то, откуда он происходит, в каком отношении он находится к данному месту, как долго там жил и пр.

§ 246. Из сказанного выше видно, что ответственность диалектолога за его работу на месте чрезвычайно велика. В то время как работа исследователя письменного памятника может проверяться и контролироваться другим исследователем, последующими поколениями, так как письменный памятник доступен для обозрения и исследования многих, — устная речь доступна наблюдению лишь в момент произнесения, когда осуществляется акт речи. Поэтому диалектологические записи почти не могут быть проверены и проконтролированы другим лицом позднее, не в том месте, где произведена запись. Даже в том случае, если удастся произвести вторичные наблюдения над языком того же лица и встретить уже записанные факты, и в этом случае нельзя отождествить факты старой и новой записи: при новом наблюдении, в другое время, при другой ситуации, через известный промежуток времени могло иметь место произношение, отличное от того, что было отмечено в старой записи.

Итак, особая ответственность ложится на диалектолога: его нельзя проверить, и потому он должен быть чрезвычайно осторожен, чтобы не ввести в заблуждение других, не вызвать в науке ложных выводов, не соответствующих действительному положению вещей.

Имеются два рода недостатков в записях: диалектолог не все заметил, что есть в говоре, и он отметил то, чего нет в говоре.

Недостатки первого рода в известной степени неизбежны и понятны: они зависят от степени его подготовки, которая должна непрерывно совершенствоваться, от количества времени, в течение которого производились наблюдения. Недостатки же второго рода нетерпимы и могут принести большой ущерб науке: диалектолог должен фиксировать в своей записи лишь то, в чем он абсолютно уверен. Всё, в чем он не уверен, что вызывает сомнения, он должен еще и еще проверять, делиться сомнениями с товарищами по работе, совместно с ними производить наблюдения и лишь по окончательном выяснении вопроса фиксировать в записях. Если же вопрос не удастся окончательно выяснить, то рядом с соответствующими записями необходимо изложить все сомнения наблюдателя.

Большое будущее в изучении живой речи принадлежит звукозаписи, которая для того, чтобы быть фонетически записанной при помощи транскрипции, может быть воспроизведена сколько угодно раз. Только в этом случае фонетическая запись связной речи и притом в абсолютно точной форме — в смысле порядка слов, пауз, интонации и пр. — будет полностью обеспечена, и наблюдения диалектолога станут доступны проверке и контролю, как и наблюдения над языком письменного памятника.

Фонетическая транскрипция.

§ 247. Диалектологические записи вообще должны вестись фонетически. Это совершенно необходимо при записи материалов для фонетики и морфологии. Что касается материала по лексике, то желательно его записывать и орфографически, и фонетически, чтобы не было сомнений в фонематическом составе слова. Так, например, если будет записано *кѧт'ц'а*, то мы не сразу догадаемся, что это *кадца* — слово, родственное словам *кадь*, *кадка*, *кадочка* и т. д. В других случаях желательно дать разные формы слова, чтобы полностью обнаружить его фонематический состав. Например, слово *хр'епт'ук* может иметь на конце фонему *г* или *к*; то же относится к конечной согласной суффикса в словах *мал'ий'ук*, *ивн'ѧк*. Поэтому рядом с этими словами в им. п. ед. ч. следует записать формы косвенных падежей — *малий'ика* или *мал'ий'ига?* *ивн'ѧкѧ* или *ивн'ѧгѧ?*

Для наблюдений над синтаксисом нужна запись связных текстов и целых фраз. Записать связные тексты фонетически — дело трудное, а для начинающего и невозможное. Поэтому записи материала для синтаксиса можно производить и орфографически, но тогда его нельзя использовать для фонетики и лишь частично можно использовать для морфологии. Некоторые применяют такой прием: в основном записывают обычной орфографией, но некоторые слова или части слов подчеркивают; подчеркнутые места используют не только для синтаксиса, но также и для фонетики. В идеале же, конечно, всякая диалектологическая запись, в том числе и для синтаксиса, должна быть сделана фонетически.

§ 248. Существуют разные системы фонетической транскрипции. Различны их алфавиты, диакритические и иные дополнительные знаки, различна степень детализации в обозначении звуков речи. В русской науке применительно к изучению звуковой стороны русского языка в его говорах наиболее распространена транскрипция, принятая Академией наук СССР при собирании материалов для диалектологического атласа русского языка. Она принята в настоящей книге (с некоторыми добавлениями в необходимых случаях) и рекомендуется в практической работе по русской диалектологии.

Эта транскрипция строится на основе русского алфавита с привлечением немногих букв латинского и греческого алфавитов, а также нескольких диакритических знаков. Вот ее краткое описание.

§ 249. Обозначение гласных. Для обозначения гласных звуков употребляются следующие знаки:

и ё е а о ъ у ь ъ ы ѓе ѓо

Замечания к отдельным знакам:

1. Знак *ё* служит для обозначения так называемого „закрытого“ или „узкого“ *е*, отличающегося от *е* „открытого“ или „широкого“ (обозначаемого знаком *е*) несколько более высоким поднятием спинки языка и большей напряженностью языкового тела. Например, *л'ёто*, *с'ёно*, *н'ёт*, *гд'ё* в ряде русских говоров. Особенно важно отмечать наличие звука *е* „закрытого“ в тех говорах, в которых его употребление не обусловлено, как, например, в русском литературном языке, положением перед мягким согласным (ср.: *кл'ёт'*, при *л'ётъ*, *нб-стал'ё*), в которых, иными словами, *ё* произносится перед твердым согласным и на конце слова, образуя особую фонему.

После шипящих и *ц*, если они тверды, артикуляция *е* заметно отодвигается назад (ср.: *шест* и *тесто*). Отодвижка артикуляции назад может обозначаться знаком *э* (*шэст*, *жэст*). При этом звук *э*, как и *е*, имеет две основные разновидности — более открытую (*э*) и более закрытую (*ѐ*). Последняя, как и для *е*, обусловлена мягкостью последующего согласного (*шѐс'т'*, *жѐс'т'*). Однако употребление знаков *э* и *ѐ* не является необходимым, так как наличие *э* (т. е. более заднего оттенка *е*) целиком обусловлено твердостью предшествующего согласного и характеризует все русские говоры в той мере, в какой представлены в них предшествующие твердые согласные, ввиду чего эта черта не является особенно существенной при изучении русских говоров.

2. Знак *ѓ* служит для обозначения так называемого „закрытого“ или „узкого“ *о*, отличающегося от *о* „открытого“ или „широкого“ (обозначаемого знаком *о*) несколько более высоким поднятием спинки языка, большей степенью лабиализации, большей напряженностью языкового тела. Ср., например, в ряде вологодских, части ветлужских, рязанских, в лекинском и других говорах *пѓл'о*, но *вѓл'а*, *сырѓј* (им. п. ед. ч. м. р.), но *сырѓј* (косвенные падежи ед. ч. ж. р.) и др. При наличии в го-

воре различения *о* и *ѵ* это различие должно быть проведено в записях диалектологических материалов.

3. Знаки *и̑* и *у̑* употребляются для обозначения соответствующих написанию дифтонгов. Они могут быть различны по своему качеству, по тому, какая их часть является слоговой, но употребляются они обычно в тех же условиях, что и *ѐ* и *ѵ*, часто даже наряду с *ѐ* и *ѵ* в тех же самых говорах.

4. Знаки *ь* и *ѣ* употребляются для обозначения весьма различных разновидностей редуцированных гласных.

При помощи знака *ь* обозначаются редуцированные гласные переднего образования довольно высокого (верхне-среднего) подъема; при помощи знака *ѣ* — редуцированные гласные среднего (в определенных условиях и по говорам также заднего) образования среднего подъема или приближающегося к нему. Редуцированные гласные обоих указанных типов характеризуются ненапряженностью языкового тела и даже особой его ослабленностью.

По степени поднятия языка звуки типа *ь* находятся между *е* и *и̑*; но они резко отличаются от *ѐ* указанной только что ненапряженностью, ослабленностью языкового тела. Степень редукции звуков типа *ь* может быть различной в пределах одного и того же говора в зависимости от разных фонетических условий, а также неодинакова по разным говорам.

Редуцированные звуки, обозначаемые буквой *ѣ*, могут быть довольно разнообразны по качеству даже в пределах одного и того же говора: от звуков, приближающихся по степени поднятия языка к *ы*, до звуков, близких к *а*; звуки типа *ѣ* отличаются от *ы* также ненапряженностью, ослабленностью языкового тела, его укладом, близким к нейтральному.

Редуцированные звуки типа *ь* и типа *ѣ* отличаются друг от друга, таким образом, как местом подъема языка (передним образованием первого и средним или среднезадним второго), так и степенью поднятия спинки языка (верхне-среднего подъема при звуках типа *ь* и среднего при звуках типа *ѣ* с возможностью как более пониженного, так и более повышенного образования). При этом второе отличие, видимо, является более существенным: степень подъема спинки языка при *ѣ* может быть разной (в том числе в определенных условиях по говорам и верхне-средней): степень же подъема спинки языка при *ь* обязательно достаточно высокая (звуки *ь* верхне-среднего подъема). Можно указать, например, на то, что в русском литературном языке именно степенью подъема спинки языка, главным образом, отличаются *ь* и *ѣ* после твердых шипящих. Ср.: *лужьѣ*, *грушьѣ* и *в-лужьѣ*, *на-грушьѣ* (после твердых шипящих *ь* произносится с некоторой отодвижкой назад; ср. отодвижку артикуляции *е* под ударением в тех же условиях: *шѣст* и *т'ѣсто*).

Высшая степень редукции *ь* и *ѣ* может быть обозначена знаками *ѵ*, *ѣ̑*, меньшими по размеру, выше строки: *п'ѣр'ѵп'исѣл'ѵ*, *пѣм'лад'ѣл*.

5. Передвижка артикуляции непередних гласных вперед обычно обозначается в зависимости от степени ее одной или двумя точ-

ками над соответствующей буквой — *а, а̇, ӓ; о, о̇, ӧ; у, у̇, ӱ* (ср. в литературном языке: *п'а́тэ́ж, п'а́т', п'о́с, п'о́с'ик, л'у́бэ́, л'у́б'ит*; в северновеликорусских говорах: *н'о́сла́, пр'ив'о́зэ́* или *н'о́сла́, пр'ив'о́зэ́, дв'о́на́т'ц'е́т'*; в южновеликорусских говорах: *пр'ин'а́сэ́, пр'ив'а́дэ́, пр'ин'а́с'и́, в'а́л'у́* и т. д.).

Передвижка артикуляции непередних гласных вперед не имеет переступенного значения в русском языке: ни в одном русском говоре более передние или задние типы *а, о* или *у* не различаются в одних и тех же условиях и потому не образуют самостоятельных фонем; эти оттенки гласных по отношению друг к другу не играют заметной роли и как отличительные признаки отдельных русских говоров. Кроме того, различение степени передвижки вперед артикуляции не представляется легким делом тем более, что она может быть различной в говоре одних и тех же лиц, но в разных стилях (беглая обиходная речь, отчетливая речь, песенный язык и т. д.). Поэтому в записях, делающихся по крайней мере для атласа русского языка, достаточно указаний на тип *а, о* или *у* вообще, а не в отличие от *а̇, ӓ, о̇, ӧ, у̇, ӱ* и т. д.

6. Долгота гласных обозначается горизонтальной черточкой над буквой: *а̄, о̄*.

7. Ударение обозначается знаком акута (*ˊ*) над соответствующей буквой: *а́, о́*. Побочное (слабое) ударение при записи фраз и связанных текстов обозначается знаком грависа (*ˋ*). Ср. с-в-р.: *јо́му н'е бу́д'от сорока́-то л'и́т* или ю-в-р: *ја́мѹ н'а бу́д'ит' сѣрака́-тѣ л'ѣт*.

§ 250. Обозначение согласных. Для обозначения согласных звуков употребляются следующие знаки:

п, б, м, ф, в, ъ или *ш*
т, д, ц, з, н, с, з, л, л̣
ч, ж, ш, ж, р
й или *ј*
к, г, х, γ
h

Замечания к отдельным знакам:

1. Знак *ѹ* употребляется для обозначения билабиального *в* (*ш*), а также „*ѹ* неслогового“ (*ѹ* или *Ѹ*). Различия между этими двумя звуками не всегда может схватить даже опытный наблюдатель. В ряде говоров произносятся оба эти звука, причем употребление того или другого звука связано с индивидуальными особенностями речи и ее эмоциональной стороной. Для истории русского языка и диалектологии весьма важно определение губно-зубного или губно-губного характера данной фонемы. Различение же в последнем случае более тесного сближения губ без заметного вытягивания их вперед и округления при менее активной работе языка (*ш*) или менее тесного сближения губ при сильно вытянутых вперед и округленных губах и при более энергичном поднятии задней части спинки языка (*ѹ*) менее существенно, а главное, трудно уловимо. Ввиду

этого при собирании материалов, по крайней мере для атласа русского языка, можно отказаться от различия *ѣ* и *ѡ*, обозначая буквой *ѣ* или *ѡ* как „у неслоговое“, так и билабиальное *в*. Предпочтение дается знаку *ѣ* как букве русского алфавита. Однако в непосредственных записях на месте практичнее пользоваться знаком *ѡ*, весьма удобным в скорописи, так как он не требует отрыва руки для диакритического знака неслоговости. Следует иметь в виду, что при обработке материалов, собранных для атласа, записи, употребляющие *ѣ* и *ѡ*, не будут отделены друг от друга, а напротив, будут объединены и в целом противопоставлены записям, употребляющим в тех же условиях *в* (или различные замены звука *в*).

2. Знак *й* служит для обозначения как „и неслогового“, так и йота (*ј*). Различение этих звуков на практике изучения русского языка и его говоров весьма трудно. С другой стороны, оно не имеет большого значения для группировки русских говоров. Поэтому при собирании материалов, по крайней мере для атласа, достаточен один знак для обоих звуков. В качестве такого знака может быть принят *й* или *ј*. Однако при произведении записей на месте практичнее пользование знаком *ј*, весьма удобным в скорописи, так как эта буква, очень несложная по начертанию, в скорописи может писаться без точки сверху, т. е. без отрыва руки. Отсутствие диакритического знака в этом случае не поведет ни к каким недоразумениям. Необходимо иметь в виду, что при обработке материалов, собранных для атласа, записи, употребляющие знаки *й* и *ј*, не будут отделены друг от друга, а будут рассмотрены вместе. Звук „и неслоговое“ в отличие от *ј* может обозначаться также знаком *і*.

3. Знак *л* служит для обозначения так называемого „среднего“, „европейского“ *л*, представленного в ряде русских говоров, в особенности на севере, главным образом в соответствии с твердым *л* русского литературного языка перед гласными: *ход'ѹла*, *дала*, *лыко*, *молоко*.

4. Знак *ґ* служит для обозначения задненебного фрикативного образования *г*, широко представленного в южновеликорусских говорах, а также в некоторых категориях случаев и в других говорах: *ґорат*, *наґа*, *стаґъа*.

5. Знак *һ* служит для обозначения фарингального „придыхательного“ образования *г* (обычно не совсем точно называемого гортанным), типичного для украинского и белорусского языков. Ср.: белорусские *наһа*, *һара* или *ныһа*, *һыра*; украинские *ноһа*, *һора*.

6. При записи образцов русских говоров весьма важно обозначение мягкости согласных. Это связано прежде всего с тем, что твердость и мягкость согласных в русском языке вообще создают различные, самостоятельные фонемы, которые должны быть так или иначе обозначены в любом виде письма (в том числе в практическом письме). Это связано, далее, с тем, что некоторые из таких фонем не различаются в определенных положениях в некоторых говорах. Таковы губные на конце слова: при *с'ем'* и *с'јем*, *цеп'* и

цеп, кроф' и *кроф*; по говорам встречается произношение *с'ем, с'jem*, а также *цеп, кроф*, в которых совпадают приведенные омонимические для данных говоров слова. Это связано, наконец, с тем, что даже и в тех случаях, когда твердость — мягкость тех или иных согласных не различается, тем не менее качество соответствующей согласной фонемы в отношении наличия или отсутствия поднятия средней части спинки языка к соответствующей части неба оказывается весьма существенным при группировке русских говоров. Ср., например, твердость или мягкость шипящих, качество *ч* и *ц* при их различении, или одной аффрикаты — обычно *ц* — при так называемом цоканье, т. е. их неразличении; ср. также мягкость *к* после мягких согласных: *ва́н'к'а* и др.

Ввиду всего сказанного, в фонетических записях русских говоров мягкость согласных должна быть последовательно обозначена.

Очень важно обозначить в записях мягкость согласных перед мягкими согласными, так как в обычном письме она остается большей частью не обозначенной: например, в таких случаях, как *раз'д'эл'ит* или *разд'эл'ит*, *пас'м'эл* или *пасм'эл*, *д'вер'* или *двер'*, *ат'м'эт'ил* или *атм'эт'ил*, *ша́н'к'и* или *шапк'и* и т. д.

7. Мягкие шелелявые фрикативные звуки небо-зубные по месту, к которому артикулирует кончик языка, и акустически близкие к шипящим, произносимые в соответствии с мягкими *с'*, *з'* (по говорам могут быть также на месте *ш*, *ж*), а также мягкая шелелявая аффриката, акустически средняя между *ц* и *ч*, передаются буквами *с*, *з*, *ц*, с двойным обозначением мягкости: *с''*, *з''*, *ц''* (последнее нередко обозначается в диалектологической литературе как *ц'* или *ч'*): *з'има*, *с'эно*, *с''в'ин'ја*, *з'меј*, *з'арко*, *с''уба*.

8. Сильный фрикативный элемент при произношении мягкого *д* (дзеканье, т. е. произношение свистящей аффрикаты *д'з'*) может обозначаться буквой *з*: напр. *з'е́ц'и* (*д'з'е́ц'и*), *з'ела* (*д'з'ела*, т. е. дело), *из'и́ц'а* (*ид'з'и́ц'а*, т. е. идите). В скорописи эта буква может писаться без перечеркивания. Соответствующая шипящая аффриката может обозначаться буквой *ж*: *хо́жу* (т. е. *хо́жду*). В тех же звуковых значениях могут употребляться сочетания *дз* и *дж*.

9. Долгота согласных может обозначаться двойным написанием: *ссоръ*, *ззэд'и*, *дл'инна*, *ввал'илсъ*, *гул'л'ивъј*. Так же может обозначаться долгий затвор взрывных: *а́дд'ат'*, *а́тт'аск'ат'*, *оп'н'вл*, *к-кам'у*, *г-гор'ьду* (если не произносится *х-кам'у*, *г-гор'ьду* или как-нибудь иначе). Долгий затвор аффрикат обозначается написанием буквы *т* с последующей буквой аффрикаты *ц* или *ч*: *дв'ат'ц'эт'*, *уц'и́т'ц'ь* (по гозорам: *дв'ат'ч'ет'*, *уц'и́т'ч'а*), *в'ьт'ч'и́на*, *пат'ч'и́с'т'ит'*. Подобное обозначение аффрикат с долгим затвором правильное, чем обозначение их при помощи двойного написания (*цц*, *чч*), так как долгота в них относится, собственно, к затвору, а не к моменту взрыва, размыкания и тем менее к его фрикативному элементу. Кроме того, такие написания удобнее, так как они ближе к обычному орфографическому письму (сравните *отца*, *ситцу*

и т. д.). Обозначение долгих согласных двумя буквами (в особенности при отсутствии мягкости) удобно тем, что не требует отрыва руки, а также удобно при наборе (не требует горизонтальной черточки над буквой).

Однако в лингвистической литературе долгота согласной обычно обозначается горизонтальной черточкой над буквой: *т́оръ, з́адъи, м́анъ, в́ол* и т. д.

10. Слоговой характер согласных обозначается кружком под буквой: *клдава́ја, зб́лта, н'ѣнч'ам* (не на чем), *выс́азвыит'*.

§ 251. Запись связной речи. Кроме указанных выше знаков для отдельных звуков, при записи связной речи употребляются следующие приемы.

Знаки препинания не ставятся (кроме вопросительного и восклицательного знаков).

Для отделения фраз и вообще относительно законченных в интонационном и смысловом отношениях единиц речи употребляются две вертикальные черты ||. В конце фраз с вопросительной или восклицательной интонацией ставится вопросительный или восклицательный знак.

Для отделения частей фразы, произносящихся без паузы и отделенных от других таких же частей фразы небольшими паузами, (так называемыми речевыми тактами) употребляется одна вертикальная черта |. Таким образом, одна вертикальная черта является знаком небольшой паузы, которой отделяются друг от друга „речевые такты“, а две параллельные вертикальные черты являются знаком более длительной паузы, отделяющей друг от друга фразы, а также знаком абсолютного конца речи.

Все слова как самостоятельные, так и служебные пишутся раздельно в соответствии с обычными нормами орфографического письма. Самостоятельное слово вместе с служебным словом или частицей, объединенные общим ударением, могут в транскрипции писаться через дефис: *зъ-гарб́ј, на-гъльву, когда-тъ-в'ѣт', н'ъ-знáл'и*. Слитное написание слов возможно только в тех случаях, когда в результате фонетических процессов на стыке слова затруднено словоделение: ср., например, по говорам *пѣднаму́*, т. е. по одному; *уднавó*, т. е. у одного; *н'иддава́ит'*, т. е. не отдавать (не отдает); *ниткаво́*, т. е. ни от кого, и т. д.

Побочное ударение для слов слабо ударяемых обозначается знаком грависа (`) в отличие от нормального ударения, вообще (например, в отдельно взятом слове) обозначаемого знаком акута (').

ОБРАЗЦЫ ЗАПИСИ СВЯЗНОЙ РЕЧИ.

1. В литературном произношении (из Короленко): *высо́к'иш ста-
л'ѣтн'иш со́сны | с кра́сным'и магу́ч'им'и ства́лам'и | стаја́л'и хму-
рѣју ра́т'ју | плóтнъ самкнѹфшис' в'ѣрху́ | з'ѣл'óным'и в'ѣршáнъм'и ||
вн'изу́ бѣлѣ́ т'ѣхѣ́ | пáхлѣ́ смалóј ||*

2. Запись говора с. Семеновского на р. Водле (Пудожский район, Карело-Финская ССР, 1937 г.):

У по́пá бы́ла́ жо́на | н'е софс'ѣм ва́жна | а у кр'ес'а́н'ина ива́на
о́ц'ен' хоро́шá || рб́стом обноков'ѣна́я | то́личино́й облажѣ́на́я | б'й-
л'ен'ка ру́м'а́н'ен'ка | о́ц'ен' по́пу мрáв'илас' || ста́л по́п к н'ѣ́й по-
ха́жыват' | с' н'ѣ́й ста́л погу́ливат' || ё́той же́нщины ма́ло прихó-
дит'ца́ с по́пом позабавл'а́т'ца́ || фс'о́ му́ж жыв'ѣт кру́г до́му ||
ста́ла же́нщина хворáт' || вот му́жыц'ку́и говор'йт || ива́нушко |
мн'ѣ́ да н'ездорóв'ит'ца́ || ја́ ны́н'цо́ ва́н'ушко понаслу́шала́с' у су-
с'одо́к сво́йх | кабы́ сход'ыл бы ва́н'ушко | в р'йм'с'ко́ю ц'а́р'с'во по
по́сно́ю ма́сло || говор'я́л'и сус'о́тки мн'ѣ́ | о́ц'ен' помога́ю || от
э́того ма́с'л'ица́ фс'а́ бо́л' прохóдит || до́лго му́жыц'о́к-от одб'ива́л-
са | по́том скла́л да пошóл в р'йм'с'ко́ю ц'а́р'с'во по по́сно́ю ма́сло.

§ 252. Возможные упрощения в транскрипции. В условиях быстрой записи на месте при непосредственных наблюдениях над говором возможны некоторые облегчения в транскрипции. Они касаются, главным образом, двух явлений: сочетаний мягких согласных с последующими гласными и сочетаний *j* („йот“ или „и неслоговой“) с последующими гласными:

а) Сочетание мягкого согласного с последующим гласным *a* или *y* может обозначаться буквой соответствующего согласного и одной из букв гласных — *я*, *ю*. Таким образом, вместо *з'а́бну*, *с'а́ду*, *т'а́нут*, *л'а́гу*, *р'ат*, *зав'а́л*, *м'ал*, *п'ат'* можно писать *зя́бну*, *ся́ду*, *тя́нут*, *ля́гу*, *рят*, *завя́л*, *мя́л*, *пя́т'*. Вместо *р'у́мкэ́*, *л'у́тэ́*, *н'у́хэт'* или диалектных *про́су*, *л'у́бу*, *ү́лад'у́* можно писать *рю́мкэ́*, *лю́тэ́*, *ню́хэт'*, *про́сю*, *лю́бю*, *ү́лядю́*. Сочетание мягкого согласного с последующим гласным *e* можно обозначать буквой соответствующего согласного и буквой *e*, но тогда твердость согласного перед *e* должна обозначаться буквой *э* (т. е. вместо *у те́бе́* можно писать *у тебэ́*). Таким образом, в облегченной транскрипции написания *вот э́тэт* и с *э́тим* обозначают *вот э́тэт*, с' *э́тим*, а твердое произношение согласного перед *e* обозначается буквой *э*: *вот э́тэт*, с *э́тим*.

Сочетание мягкого согласного с последующим *o* не допускает никакого упрощения, так как наше письмо без двух точек над *e* двусмысленно (может обозначать как *o*, так и *e*), ставить же две точки над буквой не легче, чем обозначать мягкость. Таким образом, слова *нѣ́с*, *вѣ́л*, *лѣ́н* (при наличии *o* в произношении) надо обязательно транскрибировать как *н'ос*, *в'ол*, *л'он*. Необходимо твердо помнить, что написания *нес*, *вел*, *лен* в транскрипции указывают только на гласный *e* (*н'ес*, *в'ел*, *л'ен*).

Сказанное распространяется на шипящие *и* *ц*, если они произносятся мягко. Сочетание мягких шипящих или *ц* с последующим гласным *a* или *y* можно передать буквой согласного звука с последующей буквой *я* или *ю*. Ср. транскрипции следующих слов в лите-

атурном произношении: *ч'яс'тэ, ч'юдэ, ч'югун*, в северновеликорусском произношении: *ч'ясто, у'л'иця, ч'югун*.

б) Сочетание звуков *j* (йот) или „и неслоговой“ с последующим гласным *a* или *y* в начале слов и после гласных можно обозначать соответственно буквой *я* или *ю*. Таким образом, вместо *ја, јакър', јаснэ, јук* (юг), *јула* при транскрибировании можно писать *я: якър', яснэ, юк, юла*. Точно так же вместо *маја, стаја́л, баја́лсэ, мају́, стају́, нэ крају́* можно писать *мая́, ста́ял, ба́ялсэ, ма́ю, ста́ю, нэ кра́ю*. Для обозначения сочетания *j* или „и неслоговой“ с последующим гласным *o* нельзя пользоваться этим приемом облегчения транскрипций, так как буква *e* без двух точек сверху двусмысленна (может обозначать как *o*, так и *e*), а написание двух точек не легче написания *jo*. Поэтому слова *ёлка, ёмкий, моё, твоё, вдвоём* должны транскрибироваться всегда строго фонетически: *jóлкэ, jóмкэ́j, ма́ю, ста́ю, нэ кра́ю, вдва́юм*.

Буквы *я, ю* после согласных для обозначения сочетания *ја, ју* не должны употребляться. Поэтому слова *ч'я, солов'я, ч'ю, п'ю, л'ю, солов'ю* применительно к литературному произношению должны передаваться в транскрипции: *ч'ја, с'лав'ја́; ч'ју, п'ју, л'ју, с'лав'ју́*.

Обработка диалектологического материала.

§ 253. Обработку записей, разнесение материала по определенным фонетическим, грамматическим, лексическим рубрикам обязательно нужно делать на месте, ежедневно, по мере накопления материала. Это даст возможность наблюдателю все время знать, по каким вопросам у него имеется достаточно материала, по каким — мало или он вовсе отсутствует, и в соответствии с этим устремлять свое внимание на собирание недостающих сведений. Отсутствие первичной обработки на месте и обработка материала спустя более или менее длительный срок после производства наблюдений, уже по возвращении из экспедиции, нередко ведут к невозможности расшифровать некоторые записи, сделанные карандашом в записной книжке, т. е. влекут за собой потерю части собранного материала.

Еще больший недостаток такой обработки заключается в том, что в тех случаях, когда к обработке приступают впервые только по приезде из экспедиции, сплошь и рядом оказывается, что материал собран неравномерно: по одним вопросам его имеется очень много, тогда как по другим вопросам его вовсе нет или очень мало. Если бы это было известно собирателю на месте, во время производства наблюдений, то не так уж трудно было бы собрать недостающие сведения путем дополнительных специальных наблюдений. При обработке же материала после экспедиции недостающие сведения уже нельзя восполнить: для этого потребовалась бы вторичная поездка на место, что далеко не всегда возможно.

§ 254. Следует иметь в виду, что произведенная запись, в особенности если это запись фразы, может быть использована при описании разных явлений и сторон диалекта.

Например, фраза: *лон'с'кѳ-от гѳт хл'йб'ец'* урод'й'с'а дает материал для ряда вопросов фонетики („среднее“ л вместо твердого, мягкость сочетания н'с' и оканье в слове *лон'с'кѳ*; звук и вместо ъ и мягкое ц' в слове *хл'йб'ец'*, оканье и й' вместо л в слове *урод'й'с'а*), морфологии (возвратная форма на -с'а после й'), словообразования (уменьшительно-ласкательный суффикс в слове *хл'йб'ец'*), синтаксиса (постпозитивная частица: *лон'с'кѳ-от*), наконец, лексики (*лон'с'кѳ гѳт* в значении „прошлый год“). Поэтому надо записывать в достаточно точной фонетической транскрипции побольше хотя бы отдельных, но соответствующих реальному произношению по строю (заучанию, формам, порядку слов и т. д.) фраз: такие записи дадут обильный материал для описания всех сторон говора.

§ 255. Для обработки собранного материала на каждое явление заводится большая карточка или лист. Если описание ведется по программе, то карточка заводится на каждый вопрос программы. Наверху ее справа указывается название населенного пункта, слева — номер вопроса программы. Затем на такую карточку выносятся все записанные наблюдателем примеры, относящиеся к данному вопросу программы. Если вопрос делится на части, отмеченные буквами или выделенные абзацами, то эти деления должны быть произведены при выписке на карточку примеров. В конце каждой группы примеров, записанных от одного лица, в скобках указывается номер, под которым записаны в списке данные об этом лице. Если примеры записаны от неизвестных лиц, то вместо номера ставится знак х („икс“).

Приведем образцы ответа на вопрос № 5 программы Института русского языка.

Б.

с. Новоселки

а) в'ал'у, пѳс'т'ал'у, пѳб'ал'у (2), пѳс'м'ај'ус', д'ар'уја (3), пѳс'т'ал'у, з'м'ај'у, нѳ-с'ам'ј'у (5);

б) пр'ин'ас'и, пр'ив'ад'и (1), пр'ин'ас'и, пр'ив'аз'л'и, в'ал'им', нѳп'ак'и (2), пѳс'ал'ил'ис', пр'ив'ал'и, укр'ан'ил'и (3), пѳс'т'ал'ила, ув'ал'и, пѳб'ал'ил'и (5), ун'ас'л'и, з-д'ат'м'и (х);

в) ул'ат'ела, ф-с'ал'е; но: н'ид'ел'а (1), пѳб'ал'ела, к-с'т'ан'е (3), у-с'астр'е, в-б'ад'е, пѳс'ад'ела (5);

г) д'ир'евн'а, в'ис'елај, б'ир'еза (1), б'ир'еска, в'ир'евка, пл'ит'ен' (3);

пр'ин'ис'ем, ув'ед'ет', уб'ер'еш (1), нѳп'ик'ем, пр'ив'ез'ет' (2), нѳпл'ит'ем, нѳб'ер'ет' (3);

д'ан'ок, н'ан'ок (1), д'ан'ок (3), н'ан'ок (4), м'ид'в'ад'ом, з'вар'јом (1), з-з'амл'ѳј (2), м'идв'ад'ов, з'амл'ѳју (5), зѳ-м'идв'ад'ом (х);

д) с'ам'ја, пѳт'ар'ал, пѳм'ан'ал (1), пѳс'м'ајал'с'и (2), н'и-пѳт'ар'ај, пѳстр'ал'ал'и (3), д'ас'атај (5), с'ам'ја, д'ир'ав'ан'ја, јад'ат' (х).

Если материал собирался коллективно, то и обработка проводится коллективно. При этом тот или иной языковой факт (слово, словосочетание или фраза), повторенный много раз лицом, говор которого подвергался наблюдению, записывается и при обработке заносится на карточку-лист столько раз, сколько он был произнесен.

Напротив, однажды произнесенный языковой факт, хотя и записанный несколькими наблюдателями, при обработке следует фиксировать один раз, чтобы не создавалось впечатление его большей употребляемости. Карточки-листы по мере накопления в них материала должны просматриваться наблюдателями, чтобы выделять вопросы, по которым нет или недостаточно материала. По этим вопросам затем проводятся дополнительные наблюдения до тех пор, пока не будут собраны все необходимые сведения.

Карточки-листы должны быть одного формата. Если материала по данному вопросу много, и он не уместается на одну карточку, то заводят вторую (или третью) под тем же номером программы, но с надписью „вторая“ или „третья“. На карточках-листах с левой стороны следует оставлять поля шириной не менее чем в 2 сантиметра, чтобы по окончании работы материалы по каждому населенному пункту могли быть сшиты в тетрадь.

Если то или иное явление не последовательно в своем употреблении, то необходимо материал сопровождать краткими пометами, вроде „реже“, „чаще“, в „единичных случаях“, „у молодежи“, „только у старух“ и т. д.

Анкетный метод и описание диалекта по чужим записям.

Приемы критического использования анкетных данных и чужих записей.

§ 256. Следует иметь в виду, что диалектологу приходится изучать говоры не только путем непосредственных наблюдений над ними, но также и путем изучения материалов, собранных обычно специалистами в виде ответов на разного рода анкеты и программы, а также путем изучения чужих записей и описаний диалектов.

Чужая запись и анкетный материал требуют к себе такого же критического отношения, как и любой письменный памятник, привлекаемый для изучения как источник живой устной речи. В нем могут быть ошибки разного происхождения, часть которых была рассмотрена выше при описании приемов наблюдений над говорами. Так, например, наблюдатель — местный житель, видимо, сам хотя бы частично являющийся носителем диалекта, часто не замечает фрикативного характера звука *z*, так как для него буква *z* является вполне „естественным“ знаком для звука *γ*. Из Рязанской области в Институт русского языка прислано большое количество ответов на „Краткую программу для собирания сведений о народных говорах русского языка“ и только в 2—3 из них указано произношение звука *γ* между тем как значительная часть ответов, безусловно, относится к говорам с *z* фрикативным. Ошибки постороннего наблюдателя, владеющего литературным языком, обычно носят другой характер: он, напротив, отмечает все чисто диалектное, отличающееся от системы литературного языка, не замечая черты сходные или тождественные с этой последней. Ясно, что такой материал дает одностороннее и неполное представление о системе диалекта.

§ 257. Иногда в ответах на вопросы анкеты, составленных неподготовленными наблюдателями, сказывается более или менее сильное влияние орфографии.

В тех случаях, когда та или иная языковая черта является общей для всего русского языка во всех его говорах, орфографическое написание, не отразившее это явление, не является большой помехой для интерпретации записи. Таково, например, написание *ножками* с буквой *ж* перед глухой согласной: оно не может нас смутить, так как мы знаем, что фонема *ж* перед глухой согласной во всех русских говорах реализуется в варианте *ш*¹. Другое дело, когда речь идет о явлениях не общих всему русскому: в этих случаях орфографическое написание может оказаться ближе к одному из произносительных вариантов, чем к другому, и тем самым может иногда привести интерпретатора чужих записей к неправильному выводу. Так, например, написание *травка* само по себе уже двусмысленно — буква *в* может быть сохранена, так как она соответствует орфографической норме; но может быть она соответствует произношению, и наблюдатель, употребив ее, хотел отметить отсутствие оглушения, произношение не *тра́вка*, а *тра́вка*. Приведем несколько других образцов записей, которые могут быть приняты за орфографические. Например, наряду с фактами последовательного еканья в 1-м предударном слоге неопытный наблюдатель под влиянием орфографии может записать *рабо́та*, *расска́з* и т. д. с буквой *а*; или для говора, не знающего редукции гласной заударного слога, рядом с *коро́вој*, *бер'о́зој*, *к ста́рој*, *на ста́рој* он может записать *ста́рыј*, *до́брыј*, *м'ы́лыј* в им. п. ед. ч., отличая, таким образом, на письме эту форму от форм косвенных падежей женск. рода. Что это — усвоение соответствующих звуков в безударных слогах под влиянием орфографии или просто орфографические написания? При наличии еканья неопытный наблюдатель рядом с написаниями типа *несла*, *веду*, *стена*, *сестра* и т. д., соответствующими произношению, может под влиянием орфографии записать *т'ан'ут'*, *вз'алá*, *п'атáк*, несмотря на то, что в этих словах произносится *е*: *т'енут'*, *вз'елá*, *п'етáк*. Подобного рода ошибки могут ввести в заблуждение лиц, пользующихся чужими записями, так как не всегда легко отделить написания, вызванные орфографией, от написаний фонетических, т. е. соответствующих произношению.

Для записей некоторых наблюдателей, внешне и механически усвоивших основы фонетической транскрипции, характерны „обратные“ ложно-фонетические записи типа *пра́жда*, *ф́ дому*, *уца́мба*. Ошибочность такого рода написаний обычно выявляется легко, но записи лиц, у которых встречаются такого рода написания, сами по себе, конечно, не внушают доверия.

¹ Впрочем, не исключено, что в отдельных пограничных смешанных ю-в-р — украинских говорах может произноситься *ножка*, так как по говорам украинского языка представлено сохранение звонких согласных перед глухими.

§ 258. Таким образом, при встрече с сомнительным написанием необходимо его подвергнуть „перекрестной“ проверке: необходимо прежде всего выяснить отношение наблюдателя к местному говору и отношение сомнительного написания к орфографической норме. Далее необходимо сопоставить показания данного написания с совокупностью других языковых особенностей данного говора. Например, наблюдатель указывает на произношение *гус'*; но у нас возникли сомнения; мы узнаем, что наблюдатель — местный уроженец, который, может быть, и сам произносит *γ* и потому не замечает его и не умеет фиксировать в записи; сопоставляя с другими особенностями данного говора, мы находим, что на конце слова вместо *з* произносится *х*. Это последнее обстоятельство, не доказывая обязательно фрикативного образования *з* в самостоятельном положении, все же скорее свидетельствует именно об этом; но далее оказывается, что данному говору свойственен такой комплекс южновеликорусских особенностей, как мягкое *т* в 3 л. глаголов, формы род.-вин. п. *мене, тебе*, формы типа *плаху́жа, таку́жа* и т. д. Все это утверждает нас в предположении о наличии *γ* в данном говоре. Наконец, имеется последнее средство проверки — обращение к территориально соседним говорам, к говорам ближайших мест. Предположим, что в нашем случае оказывается, что повсюду вокруг говора данного населенного пункта господствует *γ*. Все это вместе взятое может заставить нас отвергнуть написание *гус'* как орфографическое и считать, что в данном пункте произносится *γ*.

§ 259. При встрече с двойственностью показаний в диалектологических записях следует иметь в виду всё то, что говорилось выше в разделе „Проведение наблюдений над говором“: двойственность в произношении или формах (например, произношение *н'осу́* и *н'есу*, *н'ата́к* и *н'ета́к*, *дума́т* и *дума́ют*, *ста́рых* и *ста́рых* и т. д.) может иметь самое различное происхождение. Если это не мнимая двойственность (например, сохранение орфографического написания в одном случае и фонетическая запись в другом), то она может объясняться неправильным выбором объектов (например, характеризовать речь разных лиц, относящихся к разным группам местного населения, или выходцев из разных мест), неразличением разных стилей и жанров языка (например, тем, что в записи подряд даны явления аллегрового порядка, факты обычной речи, песенного языка и т. д.). Критическое использование данных чужих записей требует самого строгого учета всех возможных причин двойственности в их показаниях. Только после этого двойственность в фактах языка может быть в полной мере отнесена к языковой системе диалекта в его современном состоянии.

Обзор важнейших программ.

§ 260. Из предыдущего видно, что ведение наблюдений над говорами — дело весьма нелегкое, требующее от наблюдателя как известной научной подготовки, так и много такта и умения в под-

ходе к местному населению. Для того, чтобы оказать помощь наблюдателю, различные научные организации и отдельные лица уже давно стали выпускать специальные программы наблюдений и анкеты. (Можно указать, например, на анкету И. И. Срезневского, относящуюся еще к середине XIX в.) Одни из этих программ имели общий характер и охватывали все стороны языка, другие — специальный и предназначались для собирания материала по одному определенному разделу, например, лексике или даже части лексики (например, „Программа по собиранию названий животных“). Далее, одни программы были рассчитаны на собирание материала по любому говору русского языка, другие предназначались лишь для определенной области, края.

Из многочисленных диалектологических программ за последние 50 лет наибольшее значение имели, а отчасти и имеют до сих пор, две большие академические программы (1896 г.), две программы Московской диалектологической комиссии (1909, 1911 гг.) и „Вопросник“ Института языка и мышления имени акад. Марра (1936 г.). В настоящее время диалектологи пользуются „Программой“ Института русского языка (1945 г.), а также „Краткой программой“ того же Института (1946 г.).

§ 261. Большая академическая программа¹ была издана в двух частях, двумя отдельными книгами. Первая часть была предназначена „для собирания особенностей северновеликорусского наречия“, вторая — „для собирания особенностей южновеликорусского наречия“.

Обе части этой программы построены по одному общему плану, многие вопросы в обеих программах совпадают, но часть вопросов специализирована применительно к двум основным наречиям русского языка. Эти программы заключают в себе следующие отделы: гласные, согласные, ударение, склонение имен, глагол, синтаксические особенности, словарь. Главное достоинство большой академической программы — её полнота, обилие фактического материала в каждом из перечисленных разделов, а также и то, что в ней предусматриваются не только основные закономерные явления фонетики и грамматики, но также и многие частности и детали, касающиеся произношения отдельных слов или образования форм отдельных слов. Особенно ценна детальная разработка ударения, то, что не упущены основные явления синтаксиса, разработана лексика. В этом смысле большая академическая программа и до сих пор сохраняет свое значение. Однако в теоретическом отношении она весьма устарела: в ней не разграничены факты прошлого и настоящего, фонетика, с одной стороны, и морфология и лексика — с другой; общие явления часто даны вперемежку с отдельными част-

¹ Программы для собирания особенностей народных говоров. I. Программа для собирания особенностей северновеликорусского наречия. СПб 1896. II. Программа для собирания особенностей южновеликорусского наречия. СПб 1896. Издание отделения русского языка и словесности Академии наук.

ными и единичными фактами, недостаточно учитываются фонетические положения, в которых произносится тот или иной звук. Иллюстрируем это несколькими примерами. Например, по разделу фонетики, в вопросе § 17 северновеликорусской программы спрашивается — „нет ли таких слов, где вместо *ы* произносят *о*“. Как видим, в заголовке не определяется положение, в котором эту замену предлагается наблюдать. И, действительно, в примерах даны случаи с *о* вместо *ы* как в безударных слогах, так и под ударением, а также с *а* вместо *у*, с *о* вместо *у*. Случаи эти имеют совершенно разное происхождение и должны быть квалифицированы в одних случаях как факты, действительно фонетические (например, *пазаха, палаба* вместо *пазуха, палуба* с *а* или *ъ* вместо *у* в результате делабиализации звука *у* и, возможно, его редукции в заударном неконечном слоге), в других — как факты морфологические, но возникшие на почве фонетики (например, *белюу руку* вместо *белую руку* — здесь в результате полной или частичной делабиализации *у* в заударном неконечном слоге появляется *а* или *ъ* и таким образом происходит совпадение в женском роде формы вин. п. с формой твор. п.), в-третьих — как факты лексические (например, *рохлый* или *рухлый* вместо *рыхлый*; как известно, наличие *о, у* или *и* под ударением в этом и подобных случаях не имеет никакого отношения к фонетике современного русского языка и объясняется чередованием гласных *ы, у* и *о* из *ъ*, восходящим к далекой доисторической древности). В вопросе § 22 спрашивается о том, не произносится ли *я* вместо *ь*, но дающиеся примеры не имеют ничего общего между собой: в самом деле *'а* вместо *ь* в *сясть* имеет морфологическое происхождение — оно появилось ввиду обобщения основы настоящего времени (ср.: *сяду*), а *'а* в *видял* появилось в результате фонетического изменения гласной в заударном слоге. В вопросе § 13 спрашивается о произношении *и* вместо *е*, причем примеры даются как под ударением (*динь* вместо *день*), так и в безударных слогах (*рибята* вместо *ребята, дайте* вместо *дайте* и т. д.). Ясно, что эти две категории случаев не имеют ничего общего как в отношении происхождения, так и по своему месту в фонетической системе говора.

§ 262. Программа Московской диалектологической комиссии¹ (МДК) была издана также в двух выпусках: первый был предназначен для собирания материала по южновеликорусским говорам, второй — по северновеликорусским и средневеликорусским. Эта программа по объему значительно меньше большой академической. Наиболее подробно в ней разработана фонетика, меньше — морфология, совсем мало предусмотрено сведений по синтаксису и лексике. По сравнению с большой академической программой в программе Московской диалектологической комиссии нет такого разнообразия частных языковых фактов, касающихся произ-

¹ См.: „Программа для собирания сведений, необходимых для составления диалектологической карты русского языка“. I. Южновеликорусские говоры; II. Северновеликорусские и средневеликорусские говоры. 1909 и 1911.

ношения отдельных слов или образования от них тех или иных форм. Но в последней значительно строже подобран материал по фонетике и отчасти по морфологии: в ней даются лишь основные и существенные для фонетической и морфологической системы русского языка явления, по которым проходят наиболее важные диалектные различия между русскими говорами. Наиболее сильная сторона этой программы — раздел фонетики. В ней более строго отграничены явления фонетики от морфологии и — что особенно важно — в ней фонетические особенности даются с учетом тех условий, позиций, в которых они проявляются. Так, например, в этой программе какое-нибудь *взеть* вместо *взять* и *гледь* вместо *глядь*, *взела* вместо *взяла* не дается нерасчлененно, вместе, как в большой академической. Дело в том, что хотя во всех этих примерах отмечается *е* вместо *я* (точнее *е* вм. *'а*), но эта замена осуществляется в них в разных фонетических условиях и имеет разные объяснения: в первом случае изменение *а* в *е* имеет место в ударном слоге между мягкими согласными; это одна из типичных черт многих с-в-р говоров. В двух других случаях то же изменение связано с положением в безударном слоге и притом не обязательно перед мягкой согласной (ср. *взела* рядом с *гледь*). Такое изменение характерно не только для многих вообще окружающих, т. е. с-в-р говоров, но также и для части говоров акающих. Наконец, в некоторых говорах изменение безударного *а* в *е* обусловлено положением только перед мягкой или только перед твердой согласной (т. е. произносится *гледь*, но *взяла* или *взела*, но *глядь*), и этого тоже нельзя не учитывать. Все это и учитывается в программе МДК.

Большим шагом вперед в этой программе явилась разработка явлений предударного вокализма, дающая возможность собрать наиболее точный материал для установления типов аканья и яканья. Здесь предусмотрены все основные положения гласной 1-го предударного слога: положение после твердой или мягкой согласной, в последнем случае — перед твердой или мягкой, положение перед слогом с разными ударными гласными.

Однако существенными недостатками программ МДК является слабая разработка в них вопросов синтаксиса и лексики. Впрочем, во втором издании программы была сделана попытка восполнить этот пробел путем добавления соответствующего материала¹.

Программа МДК и Большая академическая сходятся в том отношении, что каждая из них не предназначена для собирания материала по любому русскому говору: один из выпусков той и другой предусматривает собирание материала по южновеликорусским говорам, другой — по северновеликорусским. Что касается программы МДК, то ее второй выпуск имеет в виду северновеликорусские и средневеликорусские говоры, т. е. одновременно и акающие и акающие. Наблюдателю акающего говора предлагается пропустить

¹ См.: I. Программа для собирания сведений, необходимых для составления диалектологической карты русского языка. II. Северновеликорусские и средневеликорусские говоры. Ярославль 1926.

часть вопросов, предназначенных для окающих говоров и, наоборот, наблюдатель окающего говора должен пропустить часть вопросов, предназначенных для акающего говора.

Как разделение программы на два выпуска, так и выделение в программе вопросов, предназначенных только для определенного типа говоров, нельзя считать целесообразным, в особенности, если ставится цель — установить границы диалектных различий¹. Ведь подобное разграничение уже предусматривает деление русского языка на ю-в-р, с-в-р и ср-в-р говоры, между тем установление их — это задача, которая должна быть разрешена после сбора материалов по программе. Разграничение акающих и окающих говоров, установление их границы является одной из важнейших задач, которая может быть решена только после изучения собранных по программе материалов. Между тем при делении программы на два выпуска, посылая последнюю на место, надо уже заранее знать, какой там говор — окающий или акающий (а по программе МДК для акающего говора, кроме того, надо знать, является ли он южновеликорусским или средневеликорусским).

Наконец, надо иметь в виду, что кроме говоров акающих и окающих в промежуточной полосе имеются говоры, совмещающие в себе в той или иной степени принципы аканья и оканья, причем изучение их представляется весьма важным.

Программа МДК отличается от Большой академической большей целенаправленностью. В то время как последняя не имеет точной целевой установки — она адресована ко всем желающим с тою или иною целью производить наблюдение над говорами, — программа МДК имеет вполне определенную цель: это программа собирания сведений, необходимых для составления диалектологической карты русского языка. Именно с учетом этой цели подбирался материал, вошедший в нее. Как известно, эта программа сослужила большую службу: на основе ответов на нее, наряду с привлечением данных печатных источников, была составлена известная диалектологическая карта русского языка МДК.

§ 263. Вопросник ИЯМ. Следующей программой, оказавшей серьезное влияние на развитие изучения русских народных говоров является „Вопросник для составления диалектологического атласа русского языка“ Института языка и мышления имени акад. Марра. „Вопросник“ этот был выпущен в 1936 г. и в последующие годы

¹ Это было осознано составителями Большой академической программы, которые в последующем издании объединили два выпуска своей программы в одной брошюре. См.: Программы для собирания особенностей народных говоров. I. Программа для собирания особенностей великорусских говоров. Издание ОРЯС АН, СПб. 1900. В предисловии к этой программе, составленном В. И. Чернышевым, читаем: „Настоящая программа... представляет свод из двух прежних программ, составленных отдельно для северно- и южновеликорусских говоров. Ввиду того, что многие говоры соединяют черты северновеликорусские с южновеликорусскими, представлялось удобным соединить вопросы двух программ в одной, так как иначе пришлось бы составить особую программу для смешанных говоров“.

вышел в ряде изданий. Основная особенность „Вопросника“ ИЯМ — детальная разработка раздела лексики, значение которой вообще недооценивалось в прежних программах. Этот раздел занимает в нем большое место (ему посвящено около 100 вопросов); последнее подчеркивается и тем, что он не заканчивает собою вопросника, как это принято в других программах, а им вопросник начинается. „Вопросник“ ИЯМ охватывает также основные явления синтаксиса. То и другое представляют собой весьма положительные черты. Слабой стороной „Вопросника“ ИЯМ оказалась разработка вопросов фонетики. Раздел фонетики в нем представляет собой несистематический перечень разных особенностей, важных и второстепенных, не всегда с должным учетом фонетических условий, в которых выступает то или иное явление. Некоторые важные явления пропущены, другие даны без нужного расчленения. Вообще, в разделе фонетики не учтен весьма положительный опыт „Программы“ МДК по систематизации фонетического материала и выявлению основных фонетических явлений. В этом отношении „Вопросник“ ИЯМ ближе к Большой академической программе, но без ее широкого охвата многочисленных частных конкретных фактов. Сбор материалов по „Вопроснику“ не обеспечивает установление типов предупредного вокализма, разных замен старого *ль* и некоторых других явлений.

Значение „Вопросника“ ИЯМ определяется тем, что на его основе впервые было начато массовое собирание материала для атласа русского языка. За несколько предвоенных лет было проведено большое количество экспедиций, изучены по „Вопроснику“ говоры нескольких сот населенных пунктов. Этот опыт дал возможность Институту русского языка Академии наук СССР, учтя как достоинства, так и недостатки „Вопросника“, составить новую окончательную программу, по которой ведется массовое собирание диалектологического материала с 1945 г.

§ 264. Программа ИРЯЗ. „Программа собирания сведений, для составления диалектологического атласа русского языка“, утвержденная Институтом русского языка Академии наук СССР, была издана в 1945 г.¹ По этой программе в настоящее время ведут свою работу десятки вузов, сотни студентов. Хорошее знакомство с программой, ее построением — необходимая предпосылка успешной работы. Поэтому ниже приводим краткую характеристику этой программы.

Основные принципы, на которых построена „Программа“ ИРЯЗ, заключаются в следующем:

1. Атлас русского языка — часть атласа языков народов СССР. Ввиду того, что атлас русского языка должен составить часть атласа языков народов СССР, то и настоящая

¹ Издание Ярославского государственного педагогического института. В 1946 г. та же программа вышла в изданиях Вологодского педагогического института и Московского Государственного университета. В 1947 г. она выпущена издательством Академии Наук СССР. Далее эта программа называется „Программой“ ИРЯЗ.

программа является одной из серии программ, посвященных диалектам отдельных языков. Естественно, что отдельные программы и, следовательно, более или менее частные атласы должны быть связаны друг с другом. Поэтому в настоящей программе предусмотрены явления, которые объединяют русский язык с соседними славянскими и неславянскими языками, или которыми они противопоставляются друг другу.

В отношении близко родственных украинского и белорусского языков, для установления границ языковых явлений, существующих между ними и русским языком, собиратели материала для атласа русского языка должны будут дойти до территории украинского и белорусского языков. Именно поэтому в вопросе о качестве звука *г* предусмотрено не только заднеязычное произношение этой фонемы (*г*, *γ*), но и придыхательное, или фарингальное (*h*), включены пункты о соотносительных сочетаниях *ый* — *ой*, *ий* — *ей* определенного происхождения (*злый* — *злой*, *шия* — *шея*), о двойных согласных в соответствии с сочетанием „согласный + *j*“, о звательной форме и ряд других во всех разделах программы. Подобные вопросы должны показать связи между украинским и белорусским языками, с одной стороны, и русским — с другой. Вопрос о качестве согласных (их твердости или мягкости) перед *е* и *и* осветит связи украинского и русского языков. Вопросы о так называемых „дзеканье“ и „цеканье“, о различении двух *р* (мягкого и твердого) или наличии лишь одной фонемы *р* (твердой) свяжут русскую и белорусскую диалектологию.

Вопросы о „среднем“ *л* (*l*), о количестве и качестве аффрикат, о мене свистящих и шипящих (не только аффрикат, но и фрикативных звуков), о шепелявых звуках, о „дзеканье“ и „цеканье“ для некоторых областей (не на западе), о заменах звука *х*, о произношении согласных перед *е* и *и*, о двойных согласных для некоторых областей на северо-востоке в соответствии с сочетаниями „согласный + *j*“ литературного языка и некоторые другие (например, об изменении *в* перед губными в *γ* или *х*: *γ-больницу*, *х-пятницу*) покажут связи между русским языком и соседними неславянскими (мордовским, марийским, удмуртским, коми и др.). Подобные вопросы имеются не только в фонетике, но и в других разделах программы.

2. Объем программы обусловлен ее задачей служить для собирания не вообще диалектологических материалов, а материалов именно для атласа. При знакомстве с настоящей программой надо иметь в виду, что она не стремится охватить все явления говоров с таким расчетом, чтобы из ответов на вопросы программы составилось исчерпывающее описание говора. Такая программа могла бы существовать, и ее составление было бы желательно, так как она принесла бы большую помощь изучающим русские говоры, в особенности начинающим. Но это совершенно другая задача, не связанная непосредственно с работой по составлению атласа русского языка.

„Программа“ ИРЯЗ целиком ориентирована на атлас. Поэтому в нее включаются только такие языковые явления, по отношению к которым предполагается, что они реализуются различно на различной территории, и которые поэтому дадут изоглоссу на картах атласа. Такие вопросы существенны при группировке, классификации русских говоров и при выяснении вопросов их генезиса. Этим объясняются детальная разработка одних вопросов (например, в фонетике — о вокализме 1-го предударного слога, в морфологии — о форме 3-го лица настоящего времени глаголов) и отсутствие в программе других.

Таким образом, программа строится на учете наших предварительных знаний о русских говорах. Такое ее построение обусловлено тем, что сама идея лингвистического атласа предполагает предварительное знание основных фактов данного языка. Невозможно, например, составление атласа говоров совершенно неизвестного (например, вновь открытого) языка: по отношению к такому языку возможно только предварительное монографическое изучение его отдельных говоров. Лишь после этого, — когда неизвестный язык в результате предварительного изучения станет известным во всех основных чертах своего строя и в многообразии своих типичных диалектов, — можно приступить к работам по составлению диалектологического атласа данного языка. Такой подход не навязывает составителю атласа то или иное решение стоящих перед ним вопросов. Но неизвестными при составлении атласа являются не самые факты языка (они в принципе должны быть известны заранее), а лишь их территориальное распределение. Задачей атласа и является выяснение территориального распределения уже известных в основном языковых фактов.

Такова принципиальная постановка вопроса. Однако это не значит, что на практике собиратели материалов для атласа не могут встретиться с теми или иными новыми фактами. Поэтому нередко вопросы формулируются так, что, перечисляя ряд диалектных вариантов, указывается на возможность и иных, не предусмотренных вариантов (ср. частые концовки вопросов: „или как-нибудь иначе“). Во многих случаях перечень диалектных вариантов заканчивается многоточием, как бы приглашающим собирателя отметить и не предусмотренные программой варианты, если таковые имеются. Несмотря на наличие подобных формулировок, все же необходимо по отношению ко всем вопросам программы обратить внимание собирателя на то, что, кроме диалектных вариантов, предусмотренных программой, в говоре могут существовать и иные варианты, отсутствующие в ней; в этих случаях в своих ответах на вопросы программы он должен привести те варианты, которые имеются в говоре, не считаясь с тем, предусмотрены они или не предусмотрены программой.

3. Программа предназначена для собирания сведений по любому русскому говору. Основная задача настоящей программы — предусмотреть важнейшие диалектные различия применительно ко всем говорам русского языка как северновелико-

русским, так и южновеликорусским. Кроме того, необходимо особенно тщательно учесть явления говоров промежуточной полосы, отделяющей два основных наречия русского языка, — полосы, которая характеризуется особенно сложными процессами междиалектного смешения и которая имеет особое значение в образовании русского национального языка.

При этом в настоящей программе не выделены особые группы вопросов, предназначенные только для отдельных типов говоров. Нет, например, вопросов только для окающих или только для акающих говоров: это объясняется тем, что, кроме окающих или акающих говоров, в пограничной полосе имеются говоры, в которых безударные гласные различаются в одних условиях и совпадают в других, т. е. в которых сосуществуют в той или иной мере принципы оканья и аканья. Ср., например, подмосковные говоры Шатурского района, где произносится *вада́, нага́*, но *води́, ноги́, воде́, ногé, водой, ногой* и т. д., т. е. *о* и *а* предударного слога совпадают при наличии под ударением *а* и различаются при других ударенных гласных (по наблюдениям 1929 г.); ср. также совмещение в первом предударном слоге яканья (т. е. неразличения безударных гласных верхнего подъема после мягких согласных) с оканьем (т. е. различением их после твердых согласных) и другие разнообразные сочетания элементов аканья и оканья в говорах с так называемой наметающей переходностью. Таким образом, вопрос о том, является ли данный говор акающим или окающим, так же как и другие вопросы, касающиеся той или иной квалификации отдельных говоров, не предreshается заранее: он должен быть решен в результате изучения говора, а не до изучения.

Сказанным определяется основной принцип построения настоящей программы: вопросы в ней разработаны таким образом, что каждый из них адресован ко всем русским говорам. С этим связаны многие особенности её: так как для разных говоров существенны разные фонетические положения, а программа предназначена для всех русских говоров, то естественно, что в ней учитываются все положения, которые существенны хотя бы для некоторых (иногда даже не очень многочисленных) говоров. Это несколько увеличило объем программы, но зато, надо думать, облегчит собирание материала, обеспечит необходимую полноту и — что особенно важно — облегчит обработку материала для составления карт атласа.

4. Количество примеров в вопросах программы. На каждое явление в вопросах программы дается обыкновенно довольно большое количество примеров. Эти примеры (в разделах фонетики и морфологии) подбираются таким образом, чтобы они по возможности относились к общему лексическому фонду русского языка и к числу широко распространенных слов. Обилие примеров поможет собирателю ориентироваться в языковом материале, поможет ему в поисках материала.

Наблюдатель должен стараться найти в говоре все предусмотренные в программе примеры. Больше того, весьма важно, чтобы он

кроме них привел на данное явление ряд своих примеров (в особенности местных слов), не предусмотренных программой.

Чем больше будет собрано на каждое явление примеров, тем надежнее будут выводы.

Предположим, составители ответов на программу сообщили, что в обследованных ими говорах произносится: в одних *пять* (или *опять*), в других *петь* (или *опеть*). Если подобных сообщений будет много, из многих мест, то можно составить карту на звуковой вид данного слова. Это будет полезная карта. Но для атласа важны не только такого рода карты отдельных единичных фактов, но и карты цельных, более общих, в данном случае звуковых явлений: как произносятся в тех говорах, где представлен звуковой вид *петь*, *опеть* слова *грязь*, *взять*, *мяли*, *стреляли*, *оставляли*, *днями* (если не употребляется форма *дням*, *днямы* и др.) и т. д. Если то или иное произношение гласного в подобных случаях проведено последовательно (т. е. вместо всякого *а* между мягкими согласными под ударением произносится *е* в любых морфологических категориях), то мы в праве сделать вывод о фонетическом характере данного явления.

Но давно уже известно, что имеются говоры, в которых *е* произносится в одном или нескольких единичных случаях (*петь*, *опеть*, *мечик*, *племянник* и др.) при звуке *а* в остальных случаях. Имеются также ограничения, обусловленные морфологическим строением слова. Таким образом, возможны говоры, которым свойственно *петь*, но *зять*, или *петь*, *зеть*, но *взяли*, *мяли*; или *петь*, *зеть*, *взели*, *мели*, но *днями* (или *сидять*) и т. д., т. е. пределы распространения употребления *е* вместо *а* могут быть неодинаковы для отдельных слов или категорий слов и форм. Такие говоры с разной степенью последовательности в проведении данного явления обычно встречаются территориально между говорами, знающими данное явление как фонетическое (т. е. его последовательно проводящими), и говорами, его вовсе не знающими.

В этом и подобных случаях необходимо будет наряду с картой данного явления составить ряд карт для отдельных, наиболее часто употребляющихся слов с этим явлением. Несовпадение между пределами распространения явления как фонетической (или грамматической) черты и отдельных единичных фактов-слов с признаками этого явления, отмеченное на картах атласа, даст весьма важный материал для истории соответствующих говоров в связи с историей заселения края, путей его колонизации, сменой культурно-экономических центров в нем.

5. О построении вопросов программы. Выше уже было отмечено, что любой вопрос программы предназначен для каждого русского говора. Но так как для разных русских говоров существенны разные фонетические положения или разные грамматические формы, то вопросы программы должны стремиться предусмотреть все эти фонетические положения или все эти грамматические формы.

Поясним это на одном примере. Возьмем такой важный для русской диалектологии вопрос, как гласные 1-го предударного слога. Здесь прежде всего существенно различие положения после твердых согласных и после мягких согласных (ср. аканье в узком смысле слова и яканье). Далее, для многих южновеликорусских говоров существенно качество ударенного гласного (диссимилятивное аканье и яканье). С другой стороны, для северновеликорусских говоров, а также для многих средневеликорусских существенно положение предударного гласного (после мягких согласных) перед твердым или мягким согласным: ср. говоры с умеренным яканьем, а также северновеликорусские говоры, где *нѣсѹ́, нѣсла́, но несѣ́, а* также возможно *тянѹ́, но тенѣ́* (при *пять, грѣсь*).

При этом для всех акающих (якающих) говоров, как правило, несущественно различие разных предударных гласных неверхнего подъема, так как все они (замены старых *ѣ, е* и *'а*) в тождественных условиях совпадают в одних и тех же звуках (ср., например, *в лѣсѹ́, нѣсѹ́, тянѹ́* или *в лисѹ́, нисѹ́, тинѹ́*). Но их приходится в программе различать, так как в северновеликорусских говорах эти гласные могут полностью или частично различаться. Ср. полное различие трех гласных при произношении в *лесѹ́, нѣсѹ́, тянѹ́*. Однако наряду с произношением *в лесѹ́* в северновеликорусских говорах возможно произношение *в лѣсѹ́*, наряду с *нѣсѹ́* возможно *несѹ́*, наряду с *тянѹ́* возможно *тенѹ́*. Поэтому возможно совпадение двух гласных при различии их с третьим (например, *в лѣсѹ́, нѣсѹ́, но тянѹ́*, или *в лесѹ́, тенѹ́, но нѣсѹ́* и т. д.). Но возможно в северновеликорусских говорах и совпадение всех трех гласных: *в лесѹ́, несѹ́, тенѹ́*.

Наконец, приходится учитывать еще одно фонетическое условие: положение после шипящего согласного или перед шипящим согласным. И вот почему: как видно из предыдущего, мягкость или твердость согласных имеет то или другое влияние на качество предыдущего или последующего гласного во всех русских говорах. Положение же шипящих в этом отношении своеобразно: шипящие, в прошлом все мягкие, в дальнейшем в значительной своей части отвердели. Отсюда их двойственная „роль“ в отношении к гласным: в одних говорах они „ведут себя“ как мягкие согласные, в других — как твердые. Например, при умеренном яканье, т. е. при *нясу, ниси*, произносится *мижа, пишком, в мишке* в говоре с. Шехмина Рыбновского района, Рязанской области; ср. с этим говор с. Криуши Солотчинского района, Рязанской области, где при *нясу, ниси* говорят *мяжа, смяшал, убяжал, мяшок* и т. д.¹

Поэтому, формулируя вопросы о гласных предударного слога таким образом, чтобы по ним можно было собирать материалы всех говоров русского языка, приходится различать такие положения:

- 1) положение после твердых, мягких или шипящих согласных;
- 2) положение перед твердым, мягким или шипящим согласным;

¹ По наблюдениям 1940 г.

3) положение перед слогом с различными ударенными гласными (например, перед ударенными *и, ы, у*, с одной стороны, и *а* — с другой; перед ударенными *о, е* разного качества и происхождения); 4) кроме того, приходится давать в вопросах отдельно слова и формы с разными по происхождению предударными (*ь, е, 'а*), так как последние полностью или частично могут различаться в северновеликорусских говорах.

Кроме фонетических условий, приходится учитывать еще морфологическую сторону слова и давать на многие фонетические явления примеры, в которых это явление имеет место в корнях, в суффиксах и префиксах, во флексиях именных и глагольных. Учет морфологических условий, в которых встречено звуковое явление, весьма важен для решения вопроса о генезисе явления, о его фонетическом или морфологическом происхождении. Так, например, при умеренном яканье встречаются говоры, где произносят *н'иклй, ут'икл'й*, несмотря на твердость *к*, видимо, по образцу *в'ил'й, нис'л'й, в'из'л'й* и т. д.; произносят *в в'идрэ*, несмотря на твердость *д*, видимо, по образцу *на-с'т'ин'е, к-вис'н'е* и т. д. (с. Кузьминское Рыбновского района Рязанской области).

В ряде говоров с некоторыми типами диссимилятивного или ассимилятивно-диссимилятивного яканья при наличии под ударением гласных из *е* (и *ь*) в предударном звучит *и* (*е*);: *бирэза, висёлый, нисём, видём* и т. д. (или с гласным *е* под ударением: *бирэза, нисём* и т. д.), но перед слогом с тем же ударенным гласным, представляющим собой именную флексию, в предударном звучит *а*: *зямлёй, бяльём, видяньём, мидвядьём* и т. д. (такое произношение отмечено, например в с. Кидусове Спасского района, Рязанской обл.). Изучение этой двойственности — *видём*, но *мидвядьём* — в связи с соответствующими явлениями других русских говоров позволит вскрыть целый ряд весьма сложных как фонетических, так и морфологических процессов, имевших место в истории развития соответствующих говоров.

Другой пример. Известно, какое большое значение имеет для истории русского языка история звука *ь*. Поэтому соответствующие вопросы в программе должны быть тщательно разработаны. Прежде всего надо отделить вопросы о *ь* в ударенном и безударных слогах. Наиболее важное значение имеет судьба звука *ь* под ударением, так как в безударных слогах замены *ь* в южновеликорусских и средневеликорусских говорах совпадают с заменами других гласных неверхнего подъема. Некоторое значение имеет безударное *ь* в северновеликорусских говорах, но и в них имеют место специфические явления безударного вокализма (например, *рёка, бёгу*; см. выше).

Ударенное *ь* следует дифференцировать следующим образом:

1) перед твердым согласным	} главным образом в корнях.
2) перед мягким согласным	

В положении перед мягким согласным следует, в свою очередь, различать: а) случаи, когда имеется чередование положения перед

мягким с положением перед твердым согласным (*t'et' || t'et*); ср. обычное, например, вологодское: *на-с'ѣн'е — с'ѣно*; б) случаи, где такого чередования нет: *м'ѣс'ец', з'д'ѣс'.*

3) На конце слова. Здесь необходима дифференциация морфологическая: следует, например, учитывать употребление звука *ь* в формах склонения (*на-стол'ѣ, на-стол'ѣ, на-стол'ѣ; к-жен'ѣ, к-жен'ѣ, к-жен'ѣ* и т. д.) и в других случаях (например, в слове *где*)¹. При *к-жен'ѣ* может быть *сѣно*, так как форма *к-жен'ѣ* может иметь звук *и* нефонетическим путем.

Только при тщательной дифференциации фонетических условий с учетом морфологической структуры слова и достаточном количестве примеров — как это делается в вопросах программы — можно получить доброкачественный материал, отвечающий современным научным требованиям. Вопросы других разделов программы тоже построены таким образом, чтобы охватить по возможности явления всех русских говоров.

Таким образом, при составлении „Программы“ ИРЯЗ была сделана попытка учесть лучшие стороны предшествующих программ. В разработке вопросов фонетики, в тщательном разграничении фонетических условий „Программа“ ИРЯЗ продолжает принципы программы МДК; учитывая конкретные частные факты, она следует Большой академической программе; разделы лексики и синтаксиса в значительной мере повторяют „Вопросник“ ИЯМ. Это не значит, конечно, что „Программа“ ИРЯЗ свободна от отдельных частных недостатков, но, будучи утверждена Институтом русского языка Академии наук СССР, она должна действовать, по крайней мере, до тех пор, пока не будет составлен диалектологический атлас русского языка.

„Программа“ ИРЯЗ еще в одном отношении представляет серьезный шаг вперед по сравнению со своими предшественниками. Как мы видели, Большая академическая программа была адресована ко всем лицам, желающим производить наблюдения над говорами. Целевая установка программы МДК и „Вопросника“ ИЯМ уже была более точная: они обращались к тем, кто собирал сведения о говорах русского языка для составления диалектологической карты русского языка (программа МДК) или диалектологического атласа русского языка („Вопросник“ ИЯМ). Однако материал для диалектологической карты или атласа может собираться разными по подготовке лицами: специалистами-диалектологами, аспирантами и студентами, специализирующимися в области истории русского языка, с одной стороны,

¹ Старославянский, а также ряд новых славянских языков указывают на то, что слово *где*, как и выше приведенное *здесь*, имело звук *е* (*кѣ-де съ-де-съ*). Однако русские говоры свидетельствуют о наличии звука *ь*. Последний очень рано (с XIII в.) отразился и в древнерусских письменных памятниках. На *ь* указывает, между прочим, и сербский язык. Вне зависимости от того, представляют ли формы *кѣдѣ, съдѣ* старые варианты наряду с *къде, съде* или появились в результате позднейшего новообразования, можно считать, что тот или иной гласный в этих словах в русских говорах является непосредственной заменой звука *ь*.

я, например, студентами-заочниками всех факультетов, учащимися педучилищ, сельскими учителями, с другой. Названные выше две программы имели в виду как тех, так и других: на основе их проводились диалектологические экспедиции специалистов, в то же время они рассылались на места представителям широких кругов сельской интеллигенции для составления анкетным путем ответов на вопросы.

В противоположность этому, целевая установка „Программы“ ИРЯЗ определяется более точно: программа адресована лишь к специалистам (в том числе к аспирантам и студентам, специализирующимся в области русского языка) и может быть использована для изучения говоров прямым методом, путем экспедиций. Этим определяется объем программы, требование последовательного применения фонетической транскрипции и т. д.

§ 265. Краткая программа ИРЯЗ. Однако чтобы привлечь к собиранию сведений о русских говорах более широкие круги местной сельской интеллигенции и прежде всего сельское учительство, Институтом русского языка была создана специальная „Краткая программа“¹. Таким образом, „Краткая программа“ предназначена для собирания диалектологического материала не прямым методом, путем экспедиций, а косвенным, анкетным методом, путем широкой рассылки на места представителям местной интеллигенции.

Краткая программа обходится почти без фонетической транскрипции. Составление ответов на ее вопросы не требует особой специальной подготовки. В связи с тем, что она предназначена для весьма широкого круга лиц, неспециалистов, в ней сужен охват языковых явлений: оставлены явления наиболее важные и, по возможности, не представляющие больших трудностей для составителей ответов.

Иллюстративный материал (примеры) краткой программы имеет свои существенные особенности по сравнению с полной: в разделах фонетики и морфологии оставлена лишь общерусская лексика, и притом слова наиболее употребительные. В фонетике — везде, где возможно, примеры даются в „начальной форме“ (им. п. ед. ч., инфинитив) или в других формах, но действительно общеупотребительных; избегаются формы диалектные, могущие отсутствовать в ряде говоров. Это дает возможность устранения всякого рода оговорок и примечаний, которых по необходимости требует большая программа. Например, для выяснения произношения гласных предударного слога избегается в качестве примера форма *у сестры́*, так как по разговорам представлена также форма *у сестре́*, равно как не дается форма *на семью́*, так как в некоторых говорах представлена форма вин. п. ед. ч. с ударением на 1-м слоге: *на се́мью*. Все это заметно облег-

¹ См. „Краткая программа для собирания сведений о народных говорах русского языка“, изд. Академии наук СССР, 1946. Программа эта была издана первоначально для рассылки в пределах территории, картографируемой в VI томе атласа русского языка; в 1947 г. она была переиздана Куйбышевским педагогическим институтом для X тома атласа русского языка.

чает составление ответов на вопросы „Краткой программы“. Таким образом, „Краткая программа“ в основном является извлечением из полной, методически переработанным, упрощенным, облегченным.

„Краткая программа“ должна помочь получить с мест массовый дополнительный материал. Ценность этого материала — прежде всего в его массовости. В ряде случаев он позволит установить более точно пределы распространения того или иного языкового явления. Материалы, собранные по краткой и полной программам, будут служить также для взаимного контроля, поскольку из многих мест будут получены ответы как на полную, так и на краткую программы. Быть может, некоторые ответы на краткую программу важностью своих данных побудят к снаряжению особой экспедиции в соответствующие пункты.

Таким образом, обе действующие в настоящее время программы Института русского языка, как полная, так и краткая, имеют целью собрать материал для атласа русского языка. Поэтому они построены на одинаковых теоретических принципах. Но предназначены они для разного круга лиц и для работы разными методами: полная имеет в виду специалистов и изучение говоров путем экспедиций, краткая предназначена для распространения среди местных жителей (прежде всего учителя) и имеет в виду анкетный метод работы — составление ими ответов на вопросы. В связи с этим они резко отличаются как по своему объему, так и по характеру методической разработки.

§ 266. В заключение краткого обзора диалектологических программ необходимо сделать еще одно замечание. Выше мы не раз пользовались терминами „прямой“ и „косвенный“, или „анкетный“ методы, имея в виду под первым непосредственные наблюдения специалиста путем выезда на место, а под вторым — составление ответов на вопросы программы местным жителем — неспециалистом, но обладающим достаточной общеобразовательной подготовкой. Надо иметь в виду всю условность этого разграничения. Ведь в обоих случаях предполагается так или иначе производство непосредственных наблюдений над говором. Следовательно, такое противопоставление в основном опирается на то, какой круг наблюдателей, составителей ответов на вопросы программы, принимать за специалистов, а какой — за неспециалистов. Из этого ясно, насколько условно разграничение прямого и анкетного методов, хотя оно и важно практически. Из прошлого русской диалектологии известно, что иногда анкетным методом получались данные первостепенной научной важности (ср., например, ответ на программу МДК сельского учителя Тоньшина о говоре с. Новоселки Рыбновского р., Рязанской области ¹⁾) и, напротив, экспедиции специалистов не всегда давали достаточно полноценные результаты.

¹ См. „Труды Московской диалектологической комиссии“, вып. 3, 1914.

Общие сведения.

§ 267. Задачи диалектологии усложнялись и видоизменялись вместе с ростом языкознания как науки. Первоначально диалект мыслился как географически замкнутое языковое единство с точно очерченными границами. Самое происхождение диалектов во всех случаях объяснялось как результат распада некогда существовавшего языкового единства. Мало учитывалось взаимодействие между диалектами, влияние одного диалекта на другой, смешение диалектов и языков, которые имели место с самых отдаленных эпох, принимая в разных исторических условиях разные конкретные формы. Такова была точка зрения младограмматиков, основанная на антинаучной теории праязыка.

Однако уже в конце XIX в. по мере накопления фактического материала выяснилось, что представление о диалекте как замкнутой в себе, географически точно очерченной единице не соответствует действительности. Оказалось, что границы распространения отдельных диалектных черт весьма часто не совпадают друг с другом. Отсюда некоторые ученые сделали далеко идущий и в основе своей неверный вывод о том, что диалектов как таковых вообще не существует, а есть лишь отдельные языковые явления, каждое из которых имеет свои границы. Однако на базе указанных выше конкретных наблюдений возникла лингвистическая география, оказавшая большое влияние на развитие истории языка как науки.

§ 268. Лингвистическая география имеет дело с отдельным языковым явлением (фонетическим, морфологическим, синтаксическим, лексическим) или отдельным конкретным языковым фактом. Она устанавливает границы территориального распространения каждого явления или частного языкового факта. Эти границы, нанесенные на карту, носят название изоглосс. Термин „изоглосса“ греческого происхождения (ср. греческие *ἴσος* — равный и *ῥῆμα* — речь, язык). Изоглоссой называется линия на географической карте, соединяющая крайние пункты распространения отдельного языкового явления¹. Так как разновидности данного языкового явления часто не имеют сплошной границы, а на части территории взаимно проникают, то изоглосса не всегда действительно является линией, а нередко представляет собой условные знаки (разного цвета или разных фигур) или просто написания картографируемого явления, покрывающие всю карту и указывающие территорию распространения той или иной разновидности языкового явления и зону их взаимного проникновения.

При нанесении на карту изоглосс разных языковых явлений территория того или иного языка оказывается пересеченной множе-

¹ Ср. географические термины „изотера“ (греческое *θερος* — лето), „изотерма“ (греческое *θερμη* — жар), „изохимена“ (греческое *χειμα* — зима), обозначающие линии на географической карте, соединяющие места с одинаковой температурой лета (изотера), с одинаковой средней температурой (изотерма), с одинаковой температурой зимы (изохимена).

ством линий, проходящих в разных направлениях, часто пересекающих друг друга, так как границы распространения (изоглоссы) разных языковых явлений редко совпадают между собой. Однако не совпадая полностью, нередко целые группы изоглосс проходят близко друг к другу, образуя своего рода пучок изоглосс. Между такими пучками изоглосс выделяются центральные области, обычно тяготеющие или тяготевшие в прошлом к определенному культурно-экономическому центру. Наличие таких центральных областей дает возможность говорить не только об отдельных диалектных языковых чертах, но и о диалектах как об определенном типе языка, характеризующемся своеобразной языковой системой.

§ 269. Неодинаковая территория, на которой бытуют разные диалектные явления, свидетельствует о различных культурных и социально-экономических связях населения в прошлом. Как правило, наличие на данной территории в течение более или менее длительного времени экономических, политических и культурных связей между населением является причиной появления на ней общих языковых черт, — напротив, отсутствие таких связей между населением разных частей данной территории ведет к появлению на них различных диалектных черт. Поэтому данные о территориальном распределении языковых явлений приобретают весьма важное значение при историческом изучении языков и диалектов. Они сопоставляются с данными историческими, археологическими, этнографическими в их географическом распределении. Оказывается, что границы одних диалектных явлений совпадают полностью или частично с территорией того или иного государства позднего средневековья, границы других явлений — с территориями земель и княжеств эпохи феодальной раздробленности, а границы третьих явлений, быть может, в известной мере соответствуют еще племенным объединениям родового общества. Само собой разумеется, что данные лингвистической географии должны контролироваться данными истории языка и изучаться в тесной связи с последними: диалектное явление может быть различно интерпретировано в зависимости от того, является ли оно архаизмом или новообразованием; история языка нередко дает весьма важные сведения об относительной хронологии данного явления сравнительно с другими, она нередко указывает на время появления данной диалектной черты или хотя бы на время, не позднее или не ранее которого данная черта могла появиться (см. об этом выше § 199).

Исторические данные помогают лингвистам уяснить происхождение соответствующих языковых явлений и диалектов. С другой стороны, сами историки для древнейших эпох обладают часто очень скудными источниками. Поэтому данные о древнейших диалектных чертах, добываемые лингвистической географией и историей языка, приобретают в известной степени характер исторического источника, используемого историками при установлении этнических отношений этих эпох.

Таким образом, территориальное распределение диалектных черт

является как бы пространственной проекцией пройденного языком и диалектами исторического пути. Задача заключается в том, чтобы правильно „прочсть“ и интерпретировать данные лингвистической географии. Это достигается путем перекрестного изучения данных лингвистической географии, истории языка и истории в широком смысле слова.

§ 270. Начиная с последней четверти XIX в., разворачивается разработка вопросов лингвистической географии на Западе.

В 1876 г. немецкий ученый проф. Г. Венкер приступил к собиранию материала для составления лингвистического атласа немецкого языка. Для этой цели он составил и распространил специальную анкету, состоящую из 40 предложений, с просьбой перевести их с литературного языка на местные диалекты.

Полученные ответы в количестве до 45 000, составленные школьными учителями, и послужили материалом для немецкого атласа, состоящего из 1500 рукописных карт отдельных языковых явлений. После смерти Венкера (в 1911 г.) работа была продолжена его сотрудниками во главе с Вреде. Часть этих карт была впоследствии издана¹.

Приблизительно в то же время труды французского ученого Жильерона положили начало развитию лингвистической географии во Франции². В противоположность немецкому атласу, материал которого собирался анкетным путем, французский атлас основан на материале, собранном прямым методом. Жильерон также составил анкету или, как более принято у нас называть, программу, содержащую до 2 000 слов и выражений, которые предназначались для перевода на местные диалекты. Но этот „перевод“ был сделан не тысячами неподготовленных местных учителей, а одним лицом и при том специалистом — сотрудником Жильерона Эдмоном. Эдмон в течение четырех лет (1897—1901) лично посетил 638 населенных пунктов и собрал там необходимый материал. Это, несомненно, способствовало значительно более высокому качеству записей, а также единству в методах собирания материала.

Из лингвистических атласов более позднего времени можно указать на итальянский, румынский, американский и некоторые другие. Они строятся в основном на тех же принципах, что и лингвистический атлас Франции.

Лингвистическая география, выросшая в условиях борьбы с младограмматическим учением о языке, в общем явилась определенным шагом вперед в развитии науки. Однако она не вышла за рамки старой буржуазной науки о языке и прекрасно ужилась с традиционным компаративизмом младограмматиков³.

¹ См. Wrede F., *Deutscher Sprachatlas auf Grund des von Georg Wenker gegründeten Reichs*, Marburg 1926.

² См. J. Gillieron et E. Edmont, *Atlas linguistique de la France*, Paris 1900—1912.

³ Обзор взаимоотношений между учением младограмматиков и лингвистической географией, а также критику западноевропейской лингвистиче-

Основной порок западноевропейской лингвистической географии заключается в том, что она по существу отказалась от исследования вопросов генетического порядка, придав решающее значение изучению лишь территориального распространения языковых фактов, т. е. превратив лингвистический атлас из средства исторического изучения языков в самоцель. При этом историческое объяснение языковых явлений она строит на буржуазном абстрактном социологизме, ничего общего не имеющем с марксистско-ленинским учением об обществе. При помощи метода изоглоссов современные диалекты обычно возводятся к тем или иным эпохам классового общества, чаще всего к различным периодам эпохи феодализма. Однако только применение марксистско-ленинского метода даст возможность исследователю сделать выводы относительно диалектов более древних эпох, в частности родового строя, вскрыть социальную обусловленность языков и диалектов, зависимость языковых явлений от общественно-экономического базиса. Вопрос о проникновении в более древние эпохи доклассового общества стоит на очереди. Нельзя не отметить здесь, что Ф. Энгельс в своем замечательном исследовании „Франкский диалект“, на десятилетия предвосхитив достижения лингвистической науки, установил племенной франкский диалект. В противоположность данным современной ему диалектологии, в целях возможно более глубокого исторического анализа Ф. Энгельс отказался от группировки диалектов по наличию или отсутствию так называемого верхне-немецкого передвижения согласных, так как оно представляет собою явление позднейшее, наложившееся на старые племенные диалектные границы. Сняв этот позднейший пласт, Ф. Энгельс вскрыл основы племенного франкского диалекта, который, несмотря на некоторые свои частные отличия, восходящие к еще более отдаленному прошлому, характеризуется рядом общих черт.

Совершенно неприемлемым для советского языкознания является и самое понимание представителями западноевропейской лингвистической географии диалектного различия (диалектной черты). Под диалектным различием они, в особенности во французском атласе, имеют обычно в виду не то или иное явление как определенное звено или элемент языковой системы, а скорее конкретный единичный факт-слово. Составители французского атласа отрицают существование границ фонетических или морфологических явлений: для них реально существуют лишь отдельные слова, жизнь которых (говоря словами составителей — их „путешествия“, „столкновения“, „борьбу“, „победу“, „гибель“) они и изучают. Варианты фонетические и морфологические показаны на картах французского атласа, так как слова даны в фонетической транскрипции, но они не выделяются среди вариантов лекси-

ской географии см. в статье проф. С. Д. Кацнельсона „Лингвистическая география и история языка“ („Бюллетень диалектологического сектора Института русского языка“, вып. 4, изд. Акад. наук СССР, 1948).

ческих: на одной и той же карте даются слова разных корней, а также фонетические и морфологические варианты каждого из них. Таким образом, качественно различные явления, отражающие различные элементы в строе языка, на картах обычно не выделяются.

В немецком атласе в большей степени дифференцируются отдельные стороны языка, в частности фонетика и морфология от лексики. В нем, в отличие от французского атласа, имеются карты фонетические и морфологические. Однако в этих картах все же рассматриваются фонетические и морфологические особенности данных слов, а не соответствующие явления как элементы языковой системы.

Таким образом, для обоих атласов, в особенности французского, характерно внимание не к строю языка как таковому (фонетическому, морфологическому, синтаксическому), а к отдельному слову, его звуковому оформлению, его форме, значениям, к синонимике. Для Жильерона особенно характерно пренебрежительное отношение к фонетике. Исходя из того, что фонетические закономерности обычно не выдерживаются последовательно, что отдельные слова с признаками данного фонетического явления могут заходить далеко в глубь территории, диалектам которой не свойственна данная фонетическая черта, делались поспешные выводы об отсутствии фонетических закономерностей, а отсюда — и об отсутствии диалектов. Подобные выводы делались также на основе наблюдений над грамматическими явлениями, так как иногда та или иная грамматическая форма или синтаксическая конструкция оказывается прикрепленной к определенным словам и тоже создает, таким образом, своеобразное исключение в морфологической и синтаксической системе диалекта. Такого рода выводы, по существу, приводили к отказу от изучения закономерностей языкового развития, так как последнее не покрывается изучением распространения отдельных слов даже при условии учета различий в их звуковом оформлении и формах, изучением разных значений и т. д.: все это лишь частные проявления более общих языковых закономерностей, изучение которых настоятельно необходимо. Таким образом несомненен разрыв между буржуазной лингвистической географией и изучением строя языка в том понимании, которое давно уже выдвинуто советским языкознанием.

Исключительное внимание ко всякого рода отклонениям от системы, к „исключениям“, важное значение которых, вне всякого сомнения, заслонило у представителей буржуазной лингвистической географии необходимость изучения строя языка в его развитии. Язык в своем территориальном распространении им представляется выбким конгломератом исключений и отклонений, где господствует случайное, а не закономерное. Отрицание необходимости, преклонение перед случайностью, бессилие в установлении закономерностей развития изучаемых явлений — все эти органические пороки буржуазной науки в полной мере относятся к представителям западноевропейской лингвистической географии. Последние не поняли, что в качестве

исключений в данном диалекте служат обычно такие факты, которые в другом диалекте являются закономерными. А так как отдельные диалекты не образуют замкнутую в себе систему, а входят в состав более общей системы того или иного языка, то, следовательно, в масштабе этого языка и самые исключения закономерны.

Западноевропейская лингвистическая география оказалась совершенно несостоятельной при изучении строя языков в его развитии, т. е. при постановке проблем стадийно-типологического порядка.

Итак, западноевропейская лингвистическая география, как правило, пренебрегает вопросами строя языка, уделяя основное внимание слову как единичному факту. Подобная точка зрения явилась как реакция против учения младограмматиков с его „слепыми“ фонетическими законами, не знающими исключений. Но как младограмматики, так и представители западноевропейской лингвистической географии в равной мере оказались чужды понятию о строе языка как определенной развивающейся системе, целостном орудии общения. При этом точка зрения последних не может быть оправдана материалом романских и германских языков, диалекты которых, как известно, находятся между собою в иных, значительно более далеких отношениях, чем диалекты русского языка, так как во всех случаях изучение строя языка является одной из важнейших задач языкознания. Изучение особенностей строя языка в территориальном распределении (наряду с изучением единичных фактов-слов) тем более необходимо по отношению к таким языкам, как русский, диалекты которого отличаются чрезвычайной близостью друг к другу. Указанная точка зрения, при которой возводятся в общую теорию наблюдения над некоторыми явлениями немногих языков, антиисторична по своему существу, так как отрицает многообразие исторических путей сложения диалектов и национальных языков и потому многообразие их связей и взаимоотношений в настоящее время.

Исходя из понятия диалектного различия лишь как частного единичного факта-слова и основываясь на идеалистических буржуазных лингвистических концепциях, представители западноевропейской лингвистической географии, по существу, отказались от изучения социальной обусловленности языка, его строя с точки зрения стадийно-типологической, от изучения общих закономерностей происхождения и развития языков и диалектов. Эти кардинальные вопросы лингвистической науки поставлены лишь советским языкознанием, новым учением о языке.

Поэтому западноевропейские опыты лингвистической географии не могут служить образцом при составлении диалектологического атласа русского языка.

Диалектологический атлас русского языка должен строиться на основе методологии марксизма-ленинизма, достижений советского языкознания, исходя из специфики материала русского языка и его говоров.

§ 271. Русское языкознание до сих пор не имеет своего лингвистического атласа. Это связано как с пренебрежительным отношением царского правительства к развитию русской науки в дореволюционной России, так и с обширностью территории русского языка, которая не идет ни в какое сравнение с территорией любого другого европейского языка. Но идея лингвистической географии зародилась в России очень рано. Еще в начале 50-х годов XIX в., когда в Западной Европе не была начата разработка лингвистической географии, акад. И. И. Срезневский в своих „Замечаниях о материалах для географии русского языка“ говорил о „первой и насущной потребности этой новой науки — составлении языковой карты“¹. Вопрос о диалектологической карте русского языка ставился и позднее. Акад. В. И. Ламанский считал составление такой карты „великой насущной нуждой русской науки, литературы и образованности“. Сторонником лингвистической географии у нас является также акад. А. И. Соболевский².

Однако отсутствие достаточного количества подготовленных кадров при обширности территории и при нежелании царского правительства отпустить необходимые средства не дали возможности в досоветский период практически поставить вопрос о создании диалектологического атласа русского языка. Появлялись отдельные частные карты говоров ограниченной территории, например карта Лукояновского уезда Нижегородской губернии³, „Диалектологическая карта Калужской губернии“⁴, а также работы, посвященные отдельным явлениям — смягчению заднеязычных после мягких согласных, диссимилятивному аканью и т. д.⁵.

§ 272. Изучение территориального распределения русских говоров в целом началось после организации в 1903 г. по инициативе группы молодых московских ученых, поддержанной академиком А. А. Шахматовым, Московской диалектологической комиссии. Основной задачей этой комиссии являлось составление диалектологической карты русского языка. Составители карты разработали специальную диалектологическую программу и разослали ее на места⁶.

¹ См. „Вестник Русского географического общества“, 1851 г., ч. I, кн. 1—2, СПб 1851.

² См. его разбор „Опыта диалектологической карты русского языка...“ в „Журнале министерства народного просвещения“, 1915 г., июнь, а также его проект лингвистического атласа русского языка, сохранившийся в архиве Академии наук СССР. Об этом проекте см. у Р. Гельгардта „Очерки из истории языкознания. К критике лингвистической концепции проф. Д. Н. Ушакова“, Молотов 1945, стр. 77—78. (Отдельный оттиск из „Ученых записок Молотовского государственного педагогического института“.)

³ Б. М. Ляпунов, Живая старина, 1894.

⁴ Н. Н. Дурнов, Диалектологическая карта Калужской губернии, СПб 1903.

⁵ См. обзор работ по русской лингвистической географии во 2-й части настоящей книги, в главе „Очерк истории русской диалектологии“.

⁶ О программе МДК см. выше, § 262.

Ответы на эту программу и имевшиеся к тому времени печатные сведения по русской диалектологии послужили материалом для „Опыта диалектологической карты русского языка в Европе, с приложением очерка русской диалектологии“, выпущенной под редакцией Д. Н. Ушакова в 1915 году.

В диалектологической карте МДК показаны территории современных восточнославянских языков (русского, украинского и белорусского), а также членение каждого из них на наречия и группы говоров. Следовательно, авторы этой карты картографируют не отдельные языковые явления, а целые наречия и говоры, что связано с их воззрениями на диалекты и их развитие. Об этом они сами пишут в предисловии к своему „Опыту...“: „В пределах отдельных наречий мы объединяли сходные говоры в группы и устанавливали границы этих групп на карте. Это отвечает нашим принципиальным взглядам на диалектическое дробление языка. Хотя этот способ картографирования и влечет за собой неизбежно некоторые неточности, мы всё-таки предпочли его другому (рекомендуемому, между прочим, Соболевским в его рецензии на нашу карту и принятому, например, во французских диалектологических картах), состоящему в нанесении границ отдельных черт произношения без попытки установить диалектические группы“ (стр. IV). Авторы задались целью показать на одной карте, доступной для широких кругов, территорию распространения отдельных восточнославянских языков и их наречий, а также более мелкие членения внутри наречий. Эту задачу они выполнили путем изучения (правда, очень незначительного за отсутствием массового материала) границ распространения небольшого комплекса черт, признанных ими существенно-важными. Так, например, с-в-р наречие было выделено на основании оканья в 1-м предударном слоге после твердых согласных, взрывного образования *г* и твердого *т* в 3-м л. глаголов; ю-в-р наречие — на основании аканья, фрикативного образования *г* (*γ*), мягкого *т* в 3-м л. глагола. Между территориями центральных областей этих наречий находится зона говоров, в том или ином виде совмещающих признаки того и другого наречия. Это — зона ср-в-р говоров. Что касается выделения авторами групп говоров внутри того или иного наречия, то оно производится, хотя и не совсем удачно, почти исключительно на основе изучения территориального распространения одной отдельной черты: в с-в-р наречии — по судьбе старого *ъ*, в ю-в-р наречии — по типам яканья в 1 предударном слог.

Итак, авторы „Опыта...“ стояли на ложном — традиционном, младограмматическом понимании диалекта и его образования в результате последовательного членения некогда единого языка.

Накопившиеся после 1915 г. материалы, в особенности материалы, собранные за последние годы для Диалектологического атласа русского языка, вскрывают многие ошибки и неточности в карте МДК, объясняемые прежде всего ложностью общей концепции, правязыковой в своей основе.

Других попыток сведения диалектного материала и его картографирования после 1915 г. не было, если не считать карт, приложенных к „Введению в историю русского языка“ Н. Н. Дурново (Вгпо 1927). В этой работе даны 4 карты, в основе которых лежит карта МДК. Две из них воспроизводятся в настоящей книге.

§ 273. Весьма характерна критика, которой подверглась диалектологическая карта МДК со стороны акад. А. И. Соболевского. Акад. А. И. Соболевский, как и И. А. Бодуэн-де-Куртенэ, предлагал изучать говоры методами лингвистической географии — картографировать распространение отдельных диалектных явлений, отказавшись от составления карт с нанесением хотя и четких, но в значительной мере мнимых границ говоров. „Вместо того, чтобы пытаться установить границы между подразделениями великорусских и белорусских наречий, составители карты с большим успехом могли бы попробовать отметить на ней особенно яркие черты говоров“, — писал акад. А. И. Соболевский в своей рецензии на диалектологическую карту МДК, указывая тут же примерный перечень таких явлений: мягкое *ж* после мягких согласных, диссимилятивное аканье, *у* вместо *в*, *с* вместо *ц*, дзеканье, цоканье и др. — „Впечатление от карты с указанием на эти и подобные черты, — продолжал акад. А. И. Соболевский, — получилось бы более сильное, чем от той которую мы перед собой имеем“¹.

Позднее, представляя в Государственное издательство проект лингвистического атласа русского языка, акад. А. И. Соболевский писал:

„Такой атлас, в основу которого должны быть положены карты-монографии, фиксирующие районы распространения отдельных или сродных языковых фактов, важен в следующих отношениях: во-первых, существует ряд языковых явлений, район распространения коих не совпадает с современными диалектными границами (а они важны); во-вторых, детальное изучение отдельных языковых явлений внесет необходимый корректив в установленные приближительные и суммарные деления“².

Из приведенной выдержки видно, что акад. А. И. Соболевский, придавая весьма большое значение изучению изоглосс отдельных явлений, в то же время не отрицает диалектов и их групп как реально существующих языковых типов.

Критика акад. А. И. Соболевского, безусловно, имела свое значение. Однако приступить к непосредственной работе над диалектологическим атласом русского языка удалось значительно позже — лишь со второй половины тридцатых годов³.

¹ См. „Журнал министерства народного просвещения“, 1915, июнь, стр. 401.

² Цитирую по Р. Р. Гельгардту. См. сноску 2 на стр. 297.

³ Метод лингвистической географии на материале белорусского языка признал Бузук. См. его „Спробу лінгвістычнае географіі Беларусі“, Менск 1928.

§ 274. Из работ, посвященных отдельным явлениям, наиболее крупной является труд Д. К. Зеленина „Великорусские говоры с неорганическим и непреходным смягчением задненебных согласных в связи с течениями позднейшей великорусской колонизации“ (СПБ 1913). Тщательно изучив географическое распространение

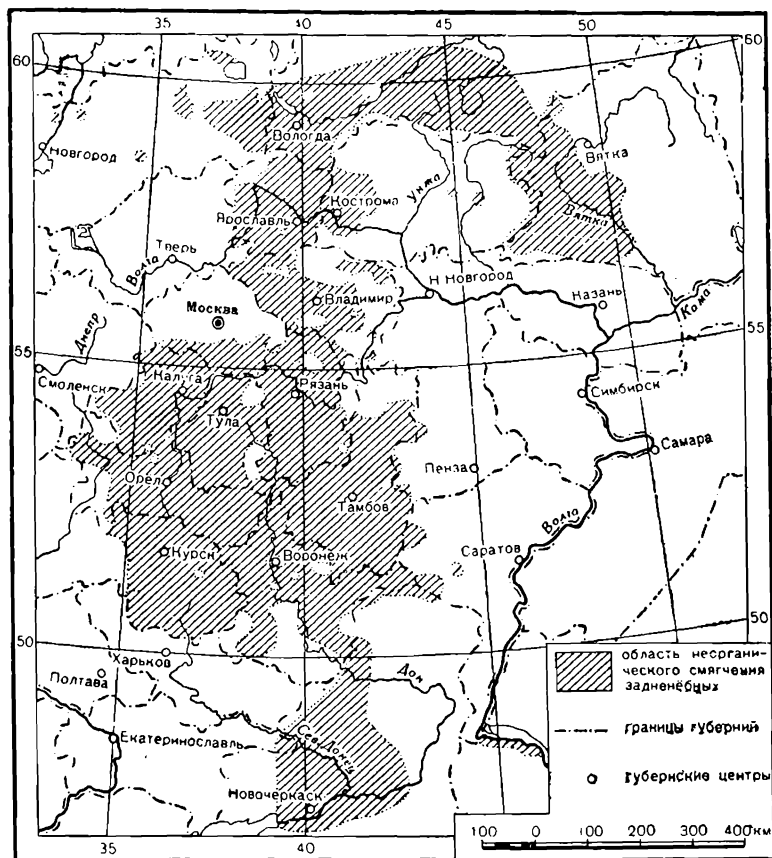

Рис. 1. Карта распространения неорганического смягчения задненебных (составил Д. К. Зеленин, 1913).

смягчения задненебных после мягких согласных (*vān'k'a*, *p'ech'k'a*) в связи с материальной культурой и историей колонизации соответствующих частей нашей страны, автор сделал ряд весьма интересных, хотя и не во всем бесспорных выводов. Во всяком случае, можно считать установленным, что смягчение задненебных после мягких согласных произошло в сравнительно позднюю пору, после утраты редуцированных (по Д. К. Зеленину, не ранее XV в.); что

ся попытка установить территорию распространения этого явления¹.

Однако территория распространения диссимилативного аканья, в особенности на востоке и юго-востоке, не может считаться установленной. Ряд поправок в этом отношении был внесен уже вскоре после опубликования названной работы. Еще больше поправок внес сам автор проф. И. Г. Голанов в статье „Несколько новых данных к вопросу о географическом распространении диссимилативного аканья“ (1927)². В этой статье указывается, что, кроме территории, показанной на карте, диссимилативное аканье распространено в западном углу б. Ржевского уезда Тверской губ., в северо-восточных уездах б. Смоленской губ. — Бельском, Сычевском, Вяземском, Юхновском, а также в западной части Гжатского уезда до самого г. Гжатска и даже несколько восточнее. Кроме того, диссимилативное аканье отмечено в некоторых уездах б. Орловской губ. — в г. Карачеве, в Дмитровском уезде, видимо, также в Севском уезде, в б. Курской губ. — в Дмитриевском уезде, а также в отдельных местах Тимского, Обоянского, Курского и Щигровского уездов.

Нам пришлось наблюдать диссимилативное аканье у нескольких лиц — по происхождению мещан городов Курска и Обояни.

Из более поздних трудов отметим работу проф. П. Я. Черных, о местоимении *что*, к которой приложена карта³. Эта карта составлена также на основе недостаточного количества сведений. Собранные за последние годы материалы диалектологического атласа русского языка позволяют внести значительные уточнения.

Организация работы над Диалектологическим атласом русского языка.

§ 275. Вопрос о создании диалектологического атласа русского языка давно уже занимал русских ученых. Еще Московская диалектологическая комиссия (позднее переименованная в Постоянную комиссию по диалектологии русского языка) по окончании работы над диалектологической картой поставила перед собой задачу составления атласа русского языка. После Великой Октябрьской социалистической революции вопрос о создании атласа русского языка поставил давний сторонник лингвистической географии акад. А. И. Соболевский⁴. По окончании деятельности Постоянной комиссии по диалектологии русского языка (в 1932 г.) вопрос о составлении атласа русского языка был поставлен вновь организованной диалектографической комиссией. Однако в течение всего этого времени не удавалось приступить к

¹ Карту проф. И. Г. Голанова см. на стр. 301.

² См. в „Сборнике в честь А. И. Соболевского“, 1927, стр. 479—483.

³ П. Я. Черных, Очерки по географии русского языка. Местоимение *что* и его варианты, 1927. Карту П. Я. Черных см. на стр. 302.

⁴ См. выше § 273.

практическому осуществлению этой давно назревшей задачи: не были еще найдены организационные формы, мало было подготовленных кадров.

Лишь в 1936 г. в Институте языка и мышления имени акад. Н. Я. Марра (Ленинград) было положено начало этой большой работе. Был составлен „Вопросник для составления диалектологического атласа русского языка“, вышедший затем в ряде изданий и широко применявшийся на практике. „Вопросник“ рассылался по вузам; по нему собирали материалы многочисленные диалектологические экспедиции местных и центральных вузов. Для выработки основных принципов и техники картографирования был создан пробный атлас небольшой территории — района озера Селигер. Составляется и уже близок к завершению атлас русских говоров северо-запада Европейской части СССР, который составит I том Диалектологического атласа русского языка.

Перед войной в работу включился также Институт языка и письменности народов СССР АН СССР (Москва). К работе над атласом русского языка были привлечены многие вузы. Начавшаяся Великая Отечественная война прервала начатую работу над атласом, хотя собрание диалектологических материалов в ряде областей не прекращалось.

Новый этап в работе над атласом русского языка начался после создания в конце 1944 года Института русского языка АН СССР, где сосредоточилась организация и руководство работами над атласом. В этот период неотложной задачей явилась необходимость обобщить накопленный еще с довоенных лет большой практический опыт, зафиксировать выработанные принципы в ряде руководящих материалов и сделать их доступными для всего многочисленного коллектива, работающего над созданием атласа русского языка.

Еще до войны обнаружились серьезные недостатки и пробелы в „Вопроснике“ и появилась необходимость его переработки. Наконец, нужно было составить план атласа русского языка в целом, наметить его части, территорию каждой части и ее построение. Это было сделано Институтом русского языка в изданной „Программе собирания сведений для составления Диалектологического атласа русского языка“, изданной в виде отдельной брошюры в 1945 г. и потом несколько раз переиздававшейся. В этой брошюре была опубликована программа, которая включает в себе материал ранее составленного „Вопросника“ и заменила собой этот последний. Вместе с программой, утвержденной Институтом русского языка и ставшей с 1945 г. основным руководящим документом для всех лиц, работающих над атласом русского языка, был опубликован также ряд инструктивных материалов методического и теоретического характера, имеющих целью разъяснить построение программы, дать сведения о методике собирания и обработки диалектологического материала, о плане атласа, а также ориентировать читателя в вопросах лингвистической географии применительно к материалу русской диалектологии.

Работа эта проводилась в тесном контакте со всеми основными кадрами диалектологов нашей страны и при непосредственном их участии. За время с 1944 по 1948 г. был проведен ряд совещаний по вопросам работы над атласом русского языка в Москве, Ленинграде, Вологде, Куйбышеве, Ростове на Дону, Ярославле, Саратове, Чкалове, Костроме. В работе этих совещаний участвовали основные кадры диалектологов Советского Союза.

В работе над атласом русского языка участвуют десятки вузов, большое количество профессоров и преподавателей, аспиранты, сотни студентов. В некоторых вузах для участия в работе над атласом организованы специальные диалектологические кабинеты. Министерство высшего образования СССР и Министерство просвещения РСФСР оказывают содействие этой работе.

О составе Диалектологического атласа русского языка и построении его частей.

§ 276. Диалектологический атлас русского языка охватывает территорию распространения русского языка в Европейской части СССР. Непосредственная работа по составлению атласа русского говора Сибири и Дальнего Востока будет начата позднее.

§ 277. Состав атласа. Ввиду обширности территории распространения русских говоров, Диалектологический атлас русского языка будет состоять из ряда томов, каждому из которых будет соответствовать определенная территория, участок („квадрат“). Таким образом, территория распространения русского языка будет разделена на ряд частей; диалектологические карты по каждой из них будут составлять особый том атласа.

Таких томов для Европейской части СССР предполагается 11.

Все эти томы атласа будут составлены на основе материалов, добытых прямым методом, путем экспедиций по программе Института русского языка АН СССР¹. Кроме этих областных томов, в состав атласа войдет: а) заключительный сводный том, в котором будут показаны пределы распространения наиболее важных языковых явлений по всей территории русского языка в Европе (12-й том); б) дополнительный том, задача которого — показать состояние разработки русской диалектологии до начала сбора материалов для атласа (13-й том). Источниками этого тома, в отличие от всех остальных, явятся печатные и архивные материалы, которые будут исчерпывающе изучены. Этот том будет представлять собой богато документированный труд справочно-библиографического характера с приведением непосредственного языкового материала в виде выборок из источников, а также с исчерпывающими библиографическими указаниями. Собственно картографический материал в этом томе будет занимать меньшее место: количество карт и их характер определится самим материалом.

¹ Для атласа используются также материалы, собранные за ряд лет, начиная с 1936 г., по «Вопроснику» Института языка и мышления им. акад. Н. Я. Марра Академии наук СССР.

§ 278. Принципы членения атласа. Членение атласа — выделение территории для отдельных частных, „областных“ его томов — может быть произведено, исходя из разных принципов — исторического, историко-лингвистического, этнографического, диалектологического, административного и др. Все эти принципы, хотя и по разным причинам, являются равно нецелесообразными при членении атласа.

Принцип исторический („территория такого-то племени“, а для более поздних эпох „территория такого-то княжества или земли“) неприемлем потому, что нам не всегда известны с достаточной точностью древние этнические и феодально-государственные границы, а также потому, что благодаря специфическим особенностям русского феодализма границы русских феодальных государственных образований не были устойчивыми и довольно быстро изменялись: расширялись за счет других, сужались в пользу других, некоторые прекращали свое существование, другие создавались вновь. Следовательно, при избрании этого принципа неминуемо стал бы вопрос о том времени (веке, эпохе), применительно к границам государственных образований которого будет произведено членение атласа. Но тут нельзя не отметить, что разные феодально-государственные образования древней Руси относятся к разным эпохам и что, следовательно, не может быть установлено членение по одной эпохе для всех томов. Наконец, надо сказать, что в силу пережитых сложных исторических процессов между современными русскими говорами на той или иной территории и старыми феодальными образованиями, и, тем более, древнейшими этническими (племенными) группами во многих случаях нет прямого соответствия. Выяснению сложных отношений между теми и другими как раз и будет способствовать атлас русского языка, наряду с другими источниками, когда он будет создан.

Принцип историко-лингвистический („территория такого-то древнерусского говора“) неприемлем по тем же, в сущности, причинам: границы старых говоров, как и старые административно-государственные границы, не были одинаковыми в разные эпохи; кроме того, границы старых говоров нам известны еще менее, чем границы старых феодальных государственных образований, и потому они не могли бы все равно целиком лечь в основу членения атласа.

Против историко-лингвистического принципа есть еще аргумент: выделение территорий отдельных древних русских говоров представляет собой одну из важнейших задач, выполнить которую можно будет, имея атлас. Если бы мы их хорошо знали, то, может быть, и надобность в атласе в значительной мере отпала бы. Территории отдельных древних говоров представляют собой не то, что нам дано заранее, а то, что нам лишь задано, к чему мы и должны прийти в результате составления атласа с учетом всех других материалов (исторических, археологических, этнографических и др.).

Принцип этнографический (выделение территории по тому или иному признаку материальной культуры) не может быть последова-

тельно проведен хотя бы потому, что мы не обладаем достаточными этнографическо-географическими сведениями.

Принцип диалектологический (выделение территории на основании данных современной диалектологии по установленным типам говоров) не может быть признан удовлетворительным по тем же причинам, о которых сказано выше: типы говоров должны быть установлены в результате составления атласа. Поэтому они не могут служить исходным моментом.

Принцип административный, как самый внешний из всех перечисленных выше, мог бы быть применен. Но он и самый бессодержательный, в связи с чем целесообразность его применения кажется также сомнительной.

Какой же принцип должен быть положен в основу районирования атласа? В самом общем виде можно сказать, что этот принцип не должен быть внешним по отношению к атласу как к работе лингвистической (ср. принципы исторический, административный, этнографический); далее, он не должен быть построен на предварительном учете типов русских говоров, так как главная задача атласа как раз и заключается в том, чтобы их установить. Членение атласа должно быть таким, чтобы в возможно более наглядной форме схватить все то, чем отличаются друг от друга русские говоры разных территорий.

Конечно, невозможно при выделении территорий отдельных томов атласа отрешиться от наших уже имеющихся сведений о русских говорах и их группировке, но эти знания должны быть использованы — если так можно выразиться — отрицательно: учет их при выделении территорий отдельных томов атласа должен выразиться именно в их неучете, в нарочитом их игнорировании. Территории отдельных томов должны быть выделены таким образом: а) чтобы известные нам границы отдельных явлений (например: оканья — аканья, з — ү и др.) или границы отдельных типов говоров не совпадали с границами отдельных „квадратов“, т. е. территорий отдельных томов атласа, так как в противном случае (т. е. если языковые границы совпадут с границами квадратов) мы можем упустить реальные существующие языковые границы; б) чтобы каждый „квадрат“ (т. е. территория каждого тома атласа) охватывал говоры возможно более разнообразные; вследствие этого известные нам границы языковых явлений будут проходить большей частью внутри квадрата.

При таком построении мы не упустим языковых границ: отдельные томы атласа будут иметь карты с хорошо выраженными изоглоссами¹.

Указанные принципы членения атласа не могут быть в одинаковой степени применимы ко всей территории распространения русского

¹ Надо иметь в виду, что если в том или ином квадрате окажутся говоры однородные и, следовательно, по соответствующей территории не будут проходить изоглоссы, то это будет равносильно тому, что для данного квадрата окажется невозможным составление диалектологического атласа.

языка в Европе. Они в полной мере могут быть применимы в области Центра и Юга с их частыми сменами типов говоров. В этих областях проходят важнейшие изоглоссы русских говоров. Напротив, говоры русского Севера характеризуются сравнительно большим однообразием: нередко на протяжении сотен километров тянутся одни и те же говоры, лишь постепенно накапливающие в себе диалектные отличия. Естественно, что в таких случаях на территории квадрата могут оказаться более или менее однородные говоры, благодаря чему изоглосс на нем будет меньше, и они могут оказаться менее яркими и наглядными. Однако и в этих случаях указанные выше принципы остаются в силе, реализуясь лишь в той мере, в какой позволяет материал.

При выделении территорий для отдельных томов атласа, помимо научно-теоретических соображений, надо иметь в виду и некоторые соображения практического характера: выделение должно быть произведено таким образом, чтобы в каждом квадрате имелся один или несколько центров, в которых могла бы быть сосредоточена работа по собиранию материалов для атласа, чтобы в этих центрах имелись по возможности кадры работников, которые могли бы вести эту работу.

Схему членения Диалектологического атласа русского языка с описанием границ территорий, картографируемых в каждом из его томов, см. в „Бюллетене диалектологического сектора Института русского языка“, вып. 2, изд. АН СССР, 1948, стр. 8—10.

§ 279. Построение отдельных частных, „областных“ томов атласа. Каждый том атласа должен состоять из картографического материала, которому предшествует вводная статья, и из библиографического аппарата — документации и указания источников.

Картографическая часть открывается картой Европейской части СССР (в маленьком масштабе) с указанием членения атласа (т. е. с делением на 11 квадратов соответственно количеству частных, „областных“ томов) и особым выделением в нем квадрата, которому посвящен данный том. Эта карта дается для того, чтобы создать у пользующихся атласом общую перспективу, ясное представление о месте данного тома атласа среди работы в целом.

Вслед за этой картой следует до трех карт данного квадрата в том же масштабе, что и последующие диалектологические карты: а) географическая карта с подробными данными по физической географии и прежде всего гидрографии и орографии; на этой карте должны быть указаны, между прочим, лесные массивы и болота, которые обычно находятся в отношениях обратной пропорциональности к степени населенности; б) историческая карта с данными об административных границах разных эпох. Даты более старых границ и их восхождение в глубь веков не могут быть одинаковыми для разных томов, так как они определяются историей русского населения на той или иной территории; в) карта путей сообщения для разных эпох от древних до современных. На этой карте должны быть указаны сухопутные

и водные (речные) пути применительно к разным эпохам с указанием волоков и транзитных пунктов и экономических, а также культурно-политических центров. На этой же карте могут быть даны сведения по экономической географии. Кроме того, по мере необходимости отдельные томы атласа должны включать еще этнографическую карту, на которой будут указаны территории, занимаемые соседними народами. Возможно, что не для каждого тома окажутся необходимыми все указанные карты.

После этого следуют диалектологические карты. Число их не определяется заранее. Оно может быть неодинаковым для разных томов и целиком определяется собранным диалектологическим материалом (чем более однородны говоры данного квадрата, тем меньше будет число диалектологических карт соответствующего тома). Возможно, что не все составленные карты будут изданы: часть их будет храниться в рукописном виде в Академии наук СССР, будучи доступна там для пользования специалистами.

Диалектологические карты должны быть максимально свободны от всякого рода географической нагрузки. На них нанесены только: города и важнейшие пути сообщения, реки (все это без надписей).

Все населенные пункты, откуда имеется диалектологический материал, наносятся на карту с указанием присвоенного каждому из них номера.

Языковые явления, относящиеся к каждому населенному пункту, указываются условным знаком около кружочка соответствующего населенного пункта. В качестве условных знаков используется цвет (например, красный, зеленый, синий, желтый и т. д.) и фигура (круг, квадрат, треугольник и т. д.). В необходимых случаях, вместо условных знаков, около каждого населенного пункта приводится написание соответствующего диалектного варианта слова.

Для обозначения границ языковых явлений, когда таковые имеются, могут быть использованы специальные линии (сплошные, пунктирные, черные, цветные и т. д.).

В качестве итога ко всем диалектологическим картам важнейшие изоглоссы могут быть сведены воедино в одной (или нескольких) картах. Подобное наложение одних изоглосс на другие даст более полное, наглядное представление о говорах края и о постепенном изменении их типа.

Вводная статья должна представлять собой описание говоров данной территории на основании диалектологических материалов тома. При этом в описании должны быть указаны не только черты различий между говорами данной территории и их группировка (они будут ясны и непосредственно из карт), но и — что особенно важно — черты, общие всем говорам данной территории. Последние не могут быть представлены на картах данного тома (так как они не дадут изоглосс), но они весьма важны для атласа в целом: дело в том, что черты, общие для говоров данного квадрата, могут не разделяться говорами другого, соседнего квадрата и стать таким образом разли-

чительными признаками говоров на более обширной территории, ввиду чего на этой последней территории соответствующие черты дадут изоглоссу. Если во вводной статье не будет дано описание общих черт говоров данной территории, то атлас русского языка как целое не сможет существовать: он распадется на ряд частных, областных атласов, каждый из которых будет представлять собою нечто законченное в себе, самодовлеющее, никак не связанное с другими („областными“) атласами. Невозможным окажется также составление заключительного сводного тома атласа всей территории русского языка Европейской части СССР.

Во вводной статье необходимо использовать печатные и архивные источники по диалектологии соответствующего края со ссылками на материалы и карты дополнительного тома. Во вводной статье должны быть также даны замечания технического характера — указаны значения условных знаков, раскрыты сокращения и пр.

Библиографический и справочный отделы должны заключать в себе два указателя населенных пунктов, из которых имеются диалектологические сведения и которые нанесены на карты. Один из них исходит из порядка присвоенных им на карте номеров с приведением названия населенного пункта, номера источника — ответа на программу с указанием места его хранения. Другой указатель строится по алфавиту названий населенных пунктов с указанием номера, присвоенного каждому из них на карте. В последнем указателе, кроме того, должны быть даны ориентиры для отыскания нужных населенных пунктов на карте (например, Б-7 и т. д.).

Кроме того, в этом отделе должны быть даны исчерпывающие библиографические ссылки на дополнительный том атласа, на диалектологические работы, ответы на программы, напечатанные и хранящиеся в архивах, и другие источники, использованные в дополнительном томе. Должны быть отмечены особыми примечаниями все населенные пункты, откуда имеются старые диалектологические материалы, с соответствующими библиографическими ссылками.

§ 280. Заключительный том атласа. Заключительный, сводный том атласа состоит из картографического материала, вводной статьи и справочно-библиографического аппарата.

Цель этого тома — соединить воедино важнейшие данные, которые можно извлечь из частных, „областных“ томов атласа, дать изоглоссы, которые проходят по территории, картографируемой в разных томах атласа.

На картах этого тома будут даны изоглоссы важнейших черт русских говоров на всей территории распространения русского языка в Европейской части СССР. Кроме того, будут даны сводные карты рья явлений. На этих картах будет наложен одна на другую ряд изоглосс.

Во вводной статье должно быть дано описание (в виде систематической каталогизации) русского языка в его говорах с перечислением общих черт для русского языка и различительных черт русских говоров разной степени диалектного членения. Вводная статья должна

представить собой детальный опыт классификации русских говоров в их современном состоянии.

В библиографическом и справочном материале сводного тома атласа указываются в качестве источников все предшествующие тома атласа.

§ 281. Дополнительный том. Дополнительный том в известном смысле является вводным, так как его задача заключается в том, чтобы дать исчерпывающие сведения о разработке русской диалектологии ко времени начала работ по собиранию новых диалектологических материалов для атласа. Для этого должны быть изучены и картографированы печатные и архивные источники русской диалектологии.

Эта работа является необходимым дополнением к частным, „областным“ томам атласа и вместе с тем предпосылкой успешной работы над ним.

Дополнительный том будет состоять: а) из введения, в котором будет дан очерк состояния разработки русской диалектологии по печатным и архивным источникам; б) из обширного справочно-библиографического материала с выборками из диалектологических источников; в) из картографического материала. В силу характера источников дополнительного тома количество карт в нем будет сравнительно небольшим.

Обработке подлежат разного рода печатные и рукописные источники, а именно: а) ответы на диалектологические программы; б) статьи (описания) и исследования по русской диалектологии; в) областные словари и материалы по словарям русских говоров; г) записи образцов говора; д) этнографические материалы и фольклорные записи (по мере необходимости, с указанием жанра).

Весь этот материал берется за время, начиная приблизительно с половины XIX столетия и до 1941 г. (до начала Великой Отечественной войны), имея в виду время производства наблюдений. Главная масса материала падает на последние 50—60 лет, и именно этот материал и будет картографироваться; более ранние материалы найдут свое отражение главным образом во вводной статье и в библиографических указаниях. Материалы дополнительного тома должны дать характеристику русских говоров к началу Великой Отечественной войны. Ограничение этим сроком объясняется стремлением по возможности не совпасть по источникам с частными, „областными“ томами атласа, составляемыми на основании новых материалов, главным образом относящихся ко времени после 1941 г.

Материалы дополнительного тома относятся к разному времени. Поэтому ими следует пользоваться осторожно, подвергнув их критическому анализу с учетом: а) времени, к которому относится запись; б) характера явления с точки зрения исторической (представляет ли оно сохранение старины или новообразование); в) характера явления с точки зрения его наличия или отсутствия в современном литературном языке, под влиянием которого развиваются местные говоры в новое время. Так, например, сохранение старины

в том или ином явлении, отмеченное в диалекте в новейшее время, свидетельствует о том, что это явление имело и в более раннюю эпоху. Точно так же можно с достаточным основанием предполагать, что новообразование, отмеченное на той или иной территории 50 или 60 лет назад и свойственное также современному литературному языку, имеется в говоре соответствующей территории и в настоящее время. Напротив, нельзя быть уверенным, что архаизм или новообразование, не свойственные литературному языку и отмеченные в том или ином говоре 50—60 лет назад, сохраняются в нем в настоящее время. Критический анализ диалектологических материалов даст возможность в довольно значительной мере нейтрализовать их несинхронность и соотносить на одной и той же карте материалы, относящиеся к разному времени (на протяжении 50—60 лет).

Выборки из источников делаются по той же программе Института русского языка, по которой собираются сведения для частных, „областных“ томов атласа; это даст возможность соотносить старые и новые материалы и пользоваться первыми при работе над областными томами. Все населенные пункты, откуда имеются старые диалектологические материалы, будут наноситься на специальную карту. Каждый из них будет иметь присвоенный ему порядковый номер, под которым в дополнительном томе будут даны выборки из источника с указанием времени наблюдения, лица наблюдавшего, а также с критическим анализом материалов, как это было отмечено выше. Одна из карт дополнительного тома покажет распределение наблюдений над русскими говорами Европейской части СССР — их равномерность или неравномерность, покажет степень изученности говоров разных областей, сравнительную густоту наблюдений в одних областях, „белые пятна“ в других. Другие карты покажут распространение важнейших языковых явлений русских говоров на территории Европейской части СССР, в той мере, в какой позволит это сделать имеющийся материал.

Материалы дополнительного тома будут необходимы составителям частных, „областных“ томов атласа при комментировании их карт. Дополнительный том будет ценным пособием для всех диалектологов и историков русского языка и должен будет заменить собою „Опыт диалектологической карты русского языка в Европе“ Московской диалектологической комиссии.

§ 282. Из сказанного выше вытекают основные особенности Диалектологического атласа русского языка в отличие от других работ по лингвистической географии.

1. Атлас русского языка в отличие от немецкого атласа будет основан на материалах, собранных прямым методом, путем непосредственных наблюдений над говорами на месте, а не на анкетных материалах, полученных от неспециалистов.

2. Атлас русского языка должен отразить состояние русского языка в его говорах в 40-х и первой половине 50-х годов XX столетия. Как известно, лингвистические атласы преследуют прежде всего цели исторического характера. Поэтому материалы, собирае-

мые для атласа русского языка, должны представить достаточно полное описание традиционного слоя говоров. Однако должен быть также собран материал, характеризующий новые явления в языке.

Правда, новые явления и слова, вызванные социалистическим строительством, не имеют узко местного, локального характера, поэтому они обычно не дают изоглоссу, необходимую для лингвистических карт. Однако важные для изучения сами по себе, они не могут быть оставлены в стороне и при составлении атласа, так как они служат прекрасной проверкой того, являются ли те или иные черты традиционных диалектов актуальными и продуктивными категориями или носят пережиточный, реликтовый характер.

Так, например, в д. Тимохино Клепиковского района Рязанской области, где традиционный говор вообще сохранил различие двух *о* (*о* и *ѵ*), слово *колхоз* произносится с *о* открытым вместо ожидаемого *ѵ*, тогда как в слове *контора* — „городском“ слове, проникшем в деревню раньше, задолго до Великой Октябрьской социалистической революции, произносится *ѵ*. Это показывает, что данная фонетическая особенность в данном говоре, продуктивная еще в сравнительно недавнем прошлом, в настоящее время уже не является продуктивной категорией, а закреплена лишь в традиционном лексическом слое, т. е. представляет собой пережиток. В других говорах аналогичные фонетические черты иной раз являются еще действующей фонетической закономерностью и распространяются на новые слова, проникающие в говор из литературного языка. Например, в некоторых из говоров, имеющих фонему *ѐ*, последняя известна в таких словах, как *ф'ѐрма*, *кан'ѐта*, *л'ѐкциѝа*.

3. В атласе русского языка будет уделено равное внимание как „отдельному“, так и „общему“, как единичному языковому факту, так и общему языковому явлению, так как при наличии между ними соотносительности первое может быть правильно оценено и понято лишь на фоне второго. Несовпадение территории распространения общего явления и единичного факта с признаками этого общего явления представляет собой один из важнейших источников выяснения истории соответствующих говоров, направления его эволюции в разные исторические периоды.

Например, оканье и аканье, различие фонем *о* и *ѵ* или наличие в соответствии с ними одной фонемы *о*, наличие или отсутствие особой фонемы на месте старого *ѣ*, чередование ударенного *а* с *е* в определенных условиях (*вз'ал* — *вз'ет*'), различие фонем *ц* и *ч* или наличие вместо них одной фонемы, обычно *ц* (цоканье), и т. д. — всё это диалектные различия в фонетическом строе русских говоров, которые вообще представляют определенные целые звенья языковой системы. Все они должны картографироваться.

Однако общеизвестно, что языковые закономерности (и притом не только фонетические, но в равной мере и грамматические) в диалектах обычно не выдерживаются; так, например, при оканье некоторые слова могут произноситься в акающей огласовке (например, по наблюдениям Ф. П. Филина, *авцѝ* в северо-западных окающих диалектах); при различии *о* и *ѵ* в некоторых словах вместо ожидаемого *ѵ* может явиться *о* (например, по наблюдениям А. А. Шахматова, *вол* вместо *вѵл* в Лекинском говоре); при отсутствии чередования *а* с *е* в отдельных словах между мягкими согласными все же может произноситься *е* (*опѐт*', *м'ѐч'и'к* и др.); при отсутствии вообще на месте *ѣ* под ударением между мягкими согласными звука

и последний во многих говорах известен в слове *juc'm'* (= кушать); при поканье известно произношение *ч* в отдельных словах (например, *робочых*). Эти и подобные случаи представляют собой диалектные различия иного рода — это различия в отдельных частных, единичных фактах. Не подлежит сомнению важность их самого тщательного изучения и картографирования.

Каждое из подобных „исключений“ имеет свое особое объяснение: в одних случаях, это — осколок языковой системы старшего периода, в других, напротив, это — новообразование, часто проникшее из литературного языка, за которым — будущее; но всегда оно имеет определенные социально-экономические и культурно-исторические корни, учет которых весьма важен. Однако такого рода диалектные отличия не могут изучаться сами по себе, в отрыве от соответствующих диалектных различий общего характера, в отрыве от системы языка. Поэтому в атласе русского языка особые карты даются как для диалектных различий, представляющих собой цельные звенья языковой системы, так и для диалектных различий — частных фактов, отдельных слов. При этом карты диалектных различий последнего рода обычно даются на фоне карт диалектных явлений первого рода путем нанесения на них специальных дополнительных условных знаков, так как изоглоссы отдельных слов в их звуковом или грамматическом оформлении мало показательно взятые сами по себе, отдельно, вне зависимости от изоглоссы соответствующего общего явления, и, напротив, они делаются весьма интересными с исторической точки зрения на фоне последней.

Однако диалектные различия, представляющие частный конкретный факт, могут и не находиться в видимых связях с диалектными различиями общего характера. Сюда в первую очередь относятся различия в лексике и семантике слов. Все подобного рода различия в атласе русского языка картографируются, и на них даются специальные карты.

Таким образом, в отличие от западноевропейских атласов (в особенности французского), где основным объектом картографирования является слово как единичный факт, в русском лингвистическом атласе наряду с ним картографируется языковое явление как цельное звено, элемент языковой системы. Таким путем снимается противоречие между методом лингвистической географии и изучением языка как системы. Диалектная черта и диалект как тип языка находят свое место как при изучении с точки зрения строя языка, так и при лингвистическом картографировании.

4. Другая важная особенность атласа русского языка заключается в учете того, что каждый отдельный конкретный диалектный факт обычно представляет собой, так сказать, линию пересечения ряда разнокачественных, общих и частных, диалектных явлений — фонетических, морфологических, лексических, синтаксических. В атласе русского языка делается попытка не только показать этот диалектный факт как непосредственную данность, но также и распутать этот клубок, показать отдельные диалектные явления, составившие данный конкретный факт, в их структурных связях.

Иллюстрируем это на одном примере — на форме *п'еч'от* литературного языка. По диалектам соответствующая форма этого глагола различается в зависимости: а) от качества гласного 1-го предударного слога (учтем звуки, типа *а*, *е* или *и*); б) от наличия в основе согласной *ч'*, *к'* или *к*; в) от наличия во флексии гласной *о* или *е*; г) от наличия на конце флексии *т* или *т'* или от отсутствия согласной на конце формы 3-го лица. Таким образом, теоретически возможны свыше 50 разновидностей данного конкретного

факта. На картах атласа они не должны быть показаны как простая сумма единиц: $1 + 1 + 1 + 1 \dots$ и т. д., а скорее по формуле: $3 \times 3 \times 2 \times 3$. Но и эта формула неточна, так как некоторые из возможных комбинаций реально отсутствуют в говорах, а, кроме того, некоторые различия не имеют отношения к данной форме или данной категории слов.

Все же приведенный языковой факт имеет по русским говорам значительное количество разновидностей, и они не должны быть показаны на картах атласа как равноправные варианты, находящиеся на одной плоскости. К тому же карта, включающая в себя несколько десятков различаемых элементов, была бы мало наглядной и больше того — лингвистически мало показательной. Условные знаки (цвет, фигура, дополнительные знаки) должны быть разработаны таким образом, чтобы сразу оттенить основные структурные связи картографируемого факта.

Отдельные структурные элементы приведенного примера в разной степени прикреплены к данному конкретному глаголу.

а) Особое качество гласного предударного слога в нашем примере должно быть охвачено соответствующей фонетической картой и может не приниматься во внимание в данной карте. Только в части ёкающих говоров качество предударного гласного неотделимо от данной формы и данного слова: в том случае, если рядом с *п'оку́*, *н'осу́*, *сл'оза́* и т. д. представлена форма *п'еко́т* (с *e* перед твердой согласной в данной форме). Распространение этой формы на территории ёкающих говоров целесообразно показать на отдельной карте.

б) Если по отношению к гласной 1-го предударного слога форма типа *п'ечо́т* включается в ряд практически трудно исчислимого количества слов (этим в принципе характеризуется фонетическая система языка), то по отношению к наличию в основе согласной *ч'*, *к'* или *к* она включается в весьма ограниченный по своему составу лексико-грамматический ряд глаголов с основой на *к* и *г* (*теку* — *течёт*, *толку* — *толчёт*, *стригу* — *стрижёт*, *берегу* — *бережёт*, *стерегу* — *стережёт*, а также *тку*, *ску*¹, *волоку*, *помогу*, *лягу* и некоторые другие; частью сюда относится также глагол *бегу*). Некоторые из этих глаголов имеют свою особую судьбу. Таковы глаголы, основы которых не образуют слога (*тку*, *ску*; ср. в литературном языке *ткёт*), а также глаголы с постоянным ударением на основе (*лягу* — *ляжешь*) или с подвижным ударением (*могу* — *можешь*); сюда относятся также глаголы, формы которых образовались в результате контаминации, объединения форм разных глаголов со сходной основой (таковы глаголы с основой *бег-* и *беж-*, *воло-* и *волоч-*: от *волоку* — *волочь* и *волочу* — *волочить*, от *бегу* — *бечь* и *бежу* — *бежать*). Судьба подобных глаголов в большей или меньшей степени отошла от общей судьбы глаголов на *к*, *г* с основой, образующей один или два слога и с постоянным ударением на окончании. В связи с этим целесообразно дать прежде всего общую карту для глаголов этой последней группы, а затем на других картах на фоне этой изоглоссы показать индивидуальную судьбу каждого из указанных выше глаголов, если она имеет своеобразные отклонения. В качестве заключительной карты этого комплекса возможно наложение друг на друга всех этих изоглосс — общей и частных — на одной карте, чтобы представить явление в целом. Приведенный пример показывает, в каком тесном переплетении может оказаться фонетика, морфология и лексика.

в) Наличие *e* или *o* в формах типа *печёшь* должно быть показано на карте вместе с более общим вопросом о наличии *e* или *o* под ударением во флексии всех других глаголов 1-го спряжения (т. е. вместе с формами *несёшь* или *несешь*, *плетёшь* или *плетешь* и т. д.), так как в отношении ударенной гласной первые не отличаются от последней. Однако это должно быть представлено также в специальной карте личных форм глаголов с основой на *к* и *г*, так как при наличии во флексии *o* —

¹ Из *сѣку*; ср. тот же корень в *сучить* с гласной *у* в основе, чередующейся с *ѣ*.

в конце основы может выступать не только *к'* (*п'ек'бш*), но и *к* (*п'екбш*). Учет географического размещения этих форм с *ч'*, *к'* или *к* в основе, с одной стороны, и с *е* или *о* во флексии — с другой, помогает установлению относительной хронологии, не одинаковой по говорам, для соответствующих явлений¹.

г) Наконец, вопрос о наличии на конце формы 3-го л. ед. ч. глаголов типа *леку* звука *т*, твердого или мягкого, или об отсутствии *т* должен быть рассмотрен при составлении карт вместе с вопросом о всех других глаголах соответствующего класса, так как по отношению к этой особенности глаголы с основой на *к*, *г* не отличаются от других глаголов 1-го спряжения с ударением на окончании.

Следует иметь в виду, что учет общего и частного, а также структурных связей диалектного факта необходим и при картографировании явлений лексических и семантических.

5. Со сказанным выше связана та особенность атласа русского языка, что в нем уделяется равное внимание всем сторонам языка — фонетике, морфологии, синтаксису, лексике. Дело в том, что при решении одних вопросов большее значение могут приобрести данные по одной стороне языка, а при решении других вопросов — данные по другой стороне языка. Только картографирование всех сторон языка может обеспечить выяснение истории соответствующих говоров с наибольшей полнотой во все периоды их развития.

6. При собирании материалов для атласа русского языка строжайшим образом соблюдаются выработанные принципы отбора объектов, учитывается социальная дифференциация современных говоров, а также отличия, обусловленные стилистически и жанрово. Изучение слов предметного значения проводится в тесной связи с вещами, ими обозначаемыми. Все это содействует получению наиболее доброткачественного материала.

7. Интерпретация данных Диалектологического атласа русского языка производится исходя из принципов созданного акад. Н. Я. Марром нового учения о языке — материалистического языкознания, строящегося на основе марксистско-ленинского учения об обществе. Советское языкознание принимает понятие диалекта, но, исходя из понимания языка как специфической идеологической надстройки, определяет его как категорию историческую. Благодаря этому устраняется абстрактный характер понятия диалект; диалекты и национальные языки наполняются конкретно-историческим содержанием как качественно различные этапы развития языка в разных исторических условиях, в эпоху различных общественно-экономических формаций. Таким путем удастся одни диалекты или диалектные явления возвести к разным периодам эпохи феодализма, а другие явления, иногда сохранившиеся как пережиточные черты, еще дальше, в глубь веков — к эпохе родоплеменного строя.

Марксистско-ленинское учение об обществе помогает не только вскрыть прошлое изучаемых диалектов и языков, но и видеть пути их дальнейшего развития. Еще в буржуазном обществе, как мы видели,

¹ См. мою статью „Об одной северновеликорусской фонетико-морфологической особенности“. Доклады и сообщения филологического факультета МГУ, вып. 2, 1947 стр. 9—14.

начинает действовать тенденция к унификации языка, к нивелировке диалектов. Но благодаря противоречиям капиталистического общества эти тенденции не могут получить полного осуществления. Только уничтожение классов, диктатура пролетариата, социалистический строй ведут к уничтожению противоречий между городом и деревней, что неизбежно должно привести к нивелировке диалектов и распространению литературного языка, который станет общим языком для всех представителей данной нации.

Марксистско-ленинское учение об обществе и принципы материалистического языкознания дают советской лингвистической географии неоценимое преимущество перед западноевропейской буржуазной идеалистической наукой. Что же касается Диалектологического атласа русского языка, то по объему работы, территориальному охвату, обширности программы, изощренности методов, размаху экспедиционной работы и массовости наблюдений он представляет собой работу беспрецедентную в истории мирового языкознания. Только в советскую эпоху, эпоху господства социалистических отношений и плановости могла появиться возможность вплотную взяться за осуществление этой грандиозной работы. Советский диалектологический атлас русского языка должен быть достоин великой Советской страны.

Типы описаний диалектов.

§ 283. В зависимости от задач, которые ставит диалектолог, бывают различны и типы описаний диалектов. Различия могут быть прежде всего в степени детальности: в одних случаях дается весьма подробное описание говора и на большом конкретном материале записей, в других — лишь более общая характеристика говора, с охватом меньшего количества явлений, с опущением деталей. К типу такой более общей характеристики говора можно отнести, например, описание говора в виде ответов на „Программу“ ИРЯЗ. Дело в том, что вопросы этой программы (см. выше § 264) представляют собой не случайный набор фактов, а характеризуют основные звенья языковой системы. Поэтому полные ответы на все вопросы этой программы, по существу, составят описание говора в его важнейших чертах.

§ 284. В старой диалектологии описание говора велось обычно с двух точек зрения — с точки зрения отличий описываемого говора от литературного языка или с точки зрения его отличий от более древнего состояния того же языка. Таким образом в обоих случаях говор описывался, исходя из чего-то вне его находящегося. Естественно, что то и другое нельзя считать целесообразным: предмет изучения должен описываться с точки зрения имеющихся в нем самом закономерностей, а не с точки зрения чего-то находящегося вне его, так как в этом последнем случае легко приписать ему то, чего в нем нет и что может оказаться привнесенным извне.

Описание говора, исходя из его отличий от литературного языка, практически оказывается делом весьма субъективным. Как известно, в литературном языке отсутствует полная нормализация, — немало в нем случаев, в которых имеются колебания. Следовательно, то, от чего исходит диалектолог, не обладает достаточной устойчивостью, и потому некоторые явления он может описать или, напротив, оставить без внимания в зависимости от того, какого из языковых вариантов, допустимых в литературном языке, придерживается он сам. Кроме того, нередко диалектолог бывает частично носителем того или иного диалекта (иногда даже того диалекта, который он описывает), и это сказывается на исходных позициях наблюдателя, в связи с этим могут остаться в тени те явления диалекта, которыми последний сходится с языком наблюдателя. Наконец, нельзя не вспомнить здесь, что для диалектологии и истории языка часто имеют первостепенную важность не только черты диалектных отличий, но и черты, которыми тот или иной диалект объединяется с литературным языком. Современное языкознание требует описания языка или диалекта во всей совокупности составляющих его явлений, образующих определенную систему. Этого нельзя достигнуть, описывая диалект, исходя из его отличий от литературного языка; в результате такого подхода много интересных фактов может ускользнуть от наблюдателя. Поэтому такой тип описания приходится считать мало надежным.

§ 235. Нельзя считать теоретически целесообразным также описание диалекта с точки зрения его отличий от языкового состояния более древней эпохи. Прежде всего надо иметь в виду, что это последнее нам не дано заранее, а выясняется в результате исследования и, между прочим, не в малой мере путем исследования современных говоров. Итак, если говоры изучаются, чтобы открыть прошлое данного языка, то ясно, что последнее нельзя положить в основу изучения говоров — нельзя языковое прошлое сделать исходным моментом в изучении диалектов. Но допустим, что прошлое языка, выясненное путем предшествовавшего исследования, может быть положено в основу дальнейшего исследования диалектов. И в этом случае исходные позиции наблюдателя говора будут весьма шаткими, так как прошлое состояние языка может относиться к разным эпохам, к разным местным разновидностям языка. Практически такой подход сводился к изучению фактов языка с точки зрения их изменений по сравнению с древнерусским языком разных эпох и еще чаще — по сравнению с „общерусским“ или „общеславянским“ языком. Таким образом, заранее принималось ложное положение младограмматиков об образовании всего современного диалектного многообразия из единого языка („праязыка“). Между тем не подлежит сомнению, что уже в глубокой древности существовали многочисленные восточнославянские диалекты, хотя и весьма близкие друг к другу, и что не только русский язык в целом не является единством с исторической точки зрения — он образовался путем объединения разных диалектов и языков прошлого, — но такого единства не образуют и отдельные наречия русского языка: например, современное северновелико-

русское наречие не восходит к единому древнему севернорусскому диалекту, а к нескольким — по крайней мере, к древним диалектам Новгородской земли и Ростовско-Суздальской Руси.

Наконец, при изучении говора сравнительно с древним языковым состоянием нередко теряется различие между явлениями живыми, продуктивными, характеризующими языковую систему изучаемого современного говора, и явлениями уже отжившими, мертвыми, имеющими лишь историческое значение. Первые обычно растворяются во втором.

Следует отметить, что в старых диалектологических работах нередко оба указанных способа изучения диалекта переплетаются.

§ 286. Более правильным можно считать такой подход, когда диалект описывается в целом, во всех его элементах, исходя из тех категорий, которые реально имеются в нем самом в данную эпоху. Мы обладаем рядом превосходных описаний фонетики отдельных говоров с точки зрения произносительно-слуховой, физиолого-акустической. Таковы, например, описания Шахматова, Бубриха¹ и др. В этих работах со всей тщательностью описываются тончайшие оттенки звуков, которые удалось наблюдать исследователю. Однако в них слабо учитывается функциональная сторона звуков речи, роль последних как различителей смысла в процессе языкового общения.

В связи с этим современная лингвистика выдвигает функциональное описание языка или диалекта, т. е. описание диалекта в его современном состоянии как определенной развивающейся системы, в которой выделяется ряд категорий (синтаксических, морфологических, фонологических), находящихся в разных отношениях друг к другу и выполняющих в процессе языкового общения свои определенные функции. Применительно к звуковой стороне языка это означает переход от физиолого-акустического к фонологическому описанию. Задачи такого описания заключаются в том, чтобы не только изучить все оттенки звуков в их образовании и звучании, но также чтобы представить их функциональные связи, установить систему фонем как различителей значения и закономерности реализации фонем в различных своих разновидностях в зависимости от позиционных, фонетических условий. Функциональное описание языка, даже в его фонетической системе, теснейшим образом связано с практическим овладением исследователя описываемым языком или диалектом. Этого принципиально не требуется от исследователя при описании физиолого-акустическом: в последнем случае исследователь должен лишь хорошо слышать и тонко наблюдать произношение своих объектов. Другое дело описание функциональное: здесь от исследователя требуется не только тонкий слух и хорошая наблюдательность — он должен, кроме того, установить внутренние, функцио-

¹ См. А. А. Шахматов, Описание Лекинского говора Егорьевского уезда Рязанской губернии; Д. В. Бубрих, Фонетические особенности говора с. Пустошей Ягодинской вол., Судогодского у., Владимирской губ. — „Изв. ОРЯС“, т. XVIII, кн. 4.

Нальные связи между наблюдаемыми ими оттенками звуков — одни из них объединить в качестве разновидностей одной фонемы, другие, напротив, разделить как представителей разных фонем и т. д. Для всего этого требуется полное понимание изучаемого языка или диалекта и по возможности практическое усвоение его, в особенности овладение его фонетикой и морфологией. Только в этом случае язык или диалект будет описан, так сказать, изнутри, с точки зрения найденных в нем и установленных исследователем закономерностей и категорий, а не с точки зрения категорий, привнесенных им извне.

§ 287. Само собой разумеется, что функциональное описание диалекта в его современном состоянии ни в коем случае не исключает сравнения изучаемого говора с литературным языком или другими диалектами, с фактами древнерусского языка, а также с фактами других языков и т. д. Напротив, научное изучение диалектов невозможно без таких сопоставлений, а также без привлечения данных исторических в широком смысле слова. Но сравнение данных изучаемого говора с данными современного литературного языка или древнерусского языка в этом случае производится не для установления системы изучаемого диалекта, а для исторического его объяснения. Таким образом, функциональное описание языка не исключает исторического его изучения, — напротив, оно не только предполагает его, но поднимает историческое изучение языка на высшую ступень. Историзму в старом смысле слова, при котором обычно имеется в виду история отдельного изолированного явления, изучаемого в отрыве от социально-экономического базиса, противопоставляется иное понимание историзма, предполагающего изучение истории социально-обусловленной развивающейся языковой системы, качественных сдвигов в ней, строя языка с точки зрения стадияльно-типологической.

Одни диалектологические работы носят чисто описательный характер, в других, помимо описания говора, в большей или меньшей степени делаются попытки исторического объяснения диалектного материала.

§ 288. При обзоре типов диалектологических описаний следует также иметь в виду, что описания могут охватывать все стороны диалекта (фонетику, морфологию, синтаксис, лексику) или только одну или некоторые стороны. Так, например, в старых диалектологических работах описывалась главным образом фонетика, в меньшей степени морфология, а синтаксису и лексике обычно не уделялось должного внимания. Современная диалектология ставит своей задачей всестороннее описание диалектов, в том числе детальное описание их синтаксиса и лексики.

§ 289. Из сказанного вытекают следующие основные виды диалектологических работ, желательных для дальнейшего развития русской диалектологии.

Наиболее обычным типом диалектологической работы является монографическое описание говора или группы однородных говоров путем непосредственных наблюдений с привлечением чужих записей и анкетных материалов — известных из литературы предмета и архивных.

Собственно диалектологические материалы могут быть дополнены материалами, извлеченными из памятников старинной письменности, относящихся к территории изучаемого говора. Возможна попытка выяснить историю говора путем сопоставления лингвистических данных с данными истории, археологии и этнографии края.

Первоочередной задачей советской диалектологии является составление монографических описаний языка советской деревни с точки зрения тех качественно новых языковых процессов, которые характерны для языка колхозного крестьянства. Задача работы — изучить язык того или иного населенного пункта в конкретных исторических условиях его общественно-политической и хозяйственной жизни, в условиях борьбы за передовое социалистическое сельское хозяйство; изучить социальную дифференциацию языка современной деревни — от говора передовых групп населения, в основном уже овладевших литературным языком, до говора носителей языковых особенностей традиционного диалекта. Следует также проследить жанрово-стилистическую дифференциацию языка.

Работы этого типа следует всячески поощрять, так как изучение развития языка колхозного крестьянства в советский период представляет собой весьма важную и актуальную задачу науки о русском языке.

При монографическом изучении диалекта возможно описание не всех его сторон, а одной какой-либо стороны (ср., например, большую часть старых описаний, касающихся, главным образом, фонетики). В этом случае следует особое внимание уделять синтаксису и лексике, которые изучены в меньшей степени, чем не только фонетика, но и морфология.

Описание лексики может представлять собой словарь говора или группы однородных говоров со статьей о нем. Возможно ограничение темы той или иной областью лексики — например, сельскохозяйственной или бытовой; лексики того или иного промысла, например, рыбацкого, охотничьего, лесного, гончарного, ткацкого и т. д.

Следует всячески рекомендовать составление атласа говоров избранной территории (района, области). Работа строится на основе материалов, собранных путем экспедиций по „Программе“ ИРЯЗ, с привлечением печатных источников по русской диалектологии. Работа должна представлять: а) атлас, на картах которого будет указано распространение отдельных языковых явлений в говорах изучаемой территории; б) сводку диалектологических материалов, на основе которых составлены карты; в) статью-монографию с характеристикой изученных говоров, с указанием их места среди других русских говоров, попыткой исторической их интерпретации. В течение ряда ближайших лет, пока идет работа над атласом русского языка, особенно важно осуществлять работы этого типа, так как они одновременно дают материал для атласа.

Наряду с описанием русского языка на основной территории его распространения весьма желательно также изучение русских говоров в местах сравнительно нового поселения (например, говоров

духоборов и молокан в Армении и Грузии) сравнительно с говорами метрополии, если может быть выяснено, откуда шло переселение на данную территорию, а также в связи с местными языками и диалектами.

Весьма желательно также описание русского языка у нерусских (например, мордвы, марийцев, коми, удмуртов, чуваш, карел и т. д.), изучение заимствований из русского языка в другие (например, только что названные); подобные заимствования могут дать весьма интересный материал для истории русских говоров, соприкасавшихся с местными языками — на основании их можно выяснить языковые особенности этих говоров в ту эпоху, когда из них были сделаны заимствования в местные языки¹; изучение этих заимствований весьма важно и для истории местных национальных языков. Наконец, серьезное значение имеет изучение топонимики — названий населенных пунктов, рек, озер, болот, различного рода угодий и пр. В топонимических названиях нередко сохраняются языковые особенности, исчезнувшие в обычном языке, в них иногда также сохраняется указание на происхождение населения данного населенного пункта, на его принадлежность в прошлом тому или иному владельцу, на прежнее местное иноязычное население, теперь исчезнувшее, и т. д.

Кроме изучения 'говора в целом или той или иной его стороны (фонетики, морфологии, синтаксиса, лексики), возможно изучение одного какого-либо явления на территории всего русского языка или одного из его наречий.

¹ Например, В. И. Лыткин, изучив заимствования из русского языка в комийском, установил, что все русские говоры, граничившие с комийским, в эпоху заимствования различали звуки *б* и *о*, хотя теперь различают их лишь немногие.

Карта № 1 („Диалектологическая карта восточнославянских языков“) повторяет карту МДК (1915 г.) с поправками 1927 г. Несмотря на коренные недостатки и ошибки этой карты, основанной на ложных методологических принципах и недостаточном материале, за отсутствием пока другой приходится пользоваться ею. Поэтому она воспроизводится в настоящей книге. Следует иметь в виду, что эта карта в основном отражает материал по русским говорам, собранный до 1915 года.

В „Опыте диалектологической карты русского языка в Европе“ (1915 г.) границы русского языка, его наречий и групп говоров даны применительно к старому административному делению (с губерниями и уездами). Это весьма затрудняет пользование картой. Поэтому ниже дается описание важнейших внутренних диалектных границ русского языка по новому административному делению (с указанием областей или автономных республик и районов). При этом ввиду малого масштаба карты № 1 описание границ дается по карте 1915 г., не во всем в точности совпадающей с картой 1927 г.

Южная и юго-западная граница с-в-р наречия на карте МДК проведена по Середкинскому, Струго-Красненскому, Порховскому, Дновскому районам Псковской области; Вологовскому, Белебеловскому, Старорусскому, Залучскому, Полавскому, Демянскому, Валдайскому районам Новгородской области; Бологовскому, Удомельскому, Брусовскому, Козловскому, Ново-Карельскому, Лихославльскому, Рамешковскому, Кушалинскому, Калининскому, Завидовскому районам Калининской области; Высоковскому, Клинскому, Солнечногорскому, Химкинскому, Красно-Полянскому, Мытищинскому, Пушкинскому, Щелковскому, Ногинскому, Павлово-Посадскому, Раменскому, Виноградовскому, Куровскому, Егорьевскому, Кривандинскому районам Московской области; Гусь-Хрустальному, Курловскому, Меленковскому районам Владимирской области; Бельковскому, Касимовскому, Елатомскому районам Рязанской области; Ляховскому району Владимирской области; Выксунскому, Вознесенскому районам Горьковской области; Темниковскому району Мордовской АССР; Дивеевскому, Первомайскому, Арзамасскому, Шатковскому, Лукояновскому, Смирновскому, Гагинскому, Бутурлиинскому, Кзыл-Октябрьскому, Сергачскому, Петрякинскому, Пильненскому районам Горьковской области; Красно-Четайскому, Шумерлинскому, Порецкому, Кубакинскому, Алатырскому районам Чувашской АССР; Астрадамскому, Карсунскому, Вешкаймскому, Барышскому, Базарно-Сызганскому районам Ульяновской области; Николо-Пестровскому, Городищенскому, Чаадаевскому, Камешкирскому, Лопатинскому районам Пензенской области; Базарно-Карабулакскому, Ново-Бураскому, Вязовскому, Татищевскому, Ворошиловскому, Широко-Карамышскому, Красноармейскому, Золотовскому районам Саратовской области;

Нижне-Добринскому, Камышинскому, Николаевскому, Палласовскому районам Сталинградской области.

Южная граница с-в-р наречия в то же время является северной границей ср-в-р говоров (включая псковские).

Южная и юго-западная граница ср-в-р говоров на карте МДК проведена по Печорскому, Качаловскому, Пыталовскому районам Псковской области; Красногородскому, Опочецкому, Идрицкому, Пустошкинскому, Новосокольническому, Невельскому, Пореченскому, Усвяцкому, Прихабскому, Ильинскому, Октябрьскому, Нелидовскому районам Великолукской области; Молодотудскому, Оленинскому, Ржевскому районам Калининской области; Сычевскому району Смоленской области; Зубовскому, Погорельскому районам Калининской области; Кармановскому району Смоленской области; Шаховскому району Московской области; Гжатскому району Смоленской области; Уваровскому, Можайскому, Верейскому районам Московской области; Медынскому, Боровскому, Угдскому районам Калужской области; Лопасненскому, Подольскому, Михневскому, Малинскому, Коломенскому, Луховицкому районам Московской области; Рыбновскому, Солотчинскому, Спаскому, Ижевскому, Мосоловскому, Шиловскому, Путятинскому, Чучковскому, Каверинскому, Сасовскому районам Рязанской области; Зубово-Полянскому, Ширингушскому районам Мордовской АССР; Беднодемьяновскому, Нижне-Ломовскому, Пачелмскому, Чембарскому, Свищевскому, Сердобскому районам Пензенской области; Бакурскому, Екатериновскому, Аткарскому, Дурасовскому, Лысогорскому, Широко-Карамышскому районам Саратовской области; Медведицкому району Сталинградской области; Красноармейскому району Саратовской области.

Южная и юго-западная границы ср-в-р говоров, начиная приблизительно от г. Сычевка Смоленской области, является в то же время северной и северо-восточной границей юв-р наречия.

Восточная граница юв-р наречия (от южной оконечности территории с-в-р говоров) на карте МДК проводится по направлению к г. Камышину, далее по правому берегу Волги до Сталинграда, от Сталинграда на юго-запад по Дону и на юг — Северный Кавказ.

Границы между Псковской группой ср-в-р говоров и остальными ср-в-р говорами (I и II) на карте МДК проведена по Порховскому, Пожеревицкому, Подберезинскому, Холмскому, Серезинскому, Деновскому районам Великолукской области; Демянскому району Новгородской области; Фирсовскому, Осташковскому, Кировскому, Луковниковскому, Ржевскому, Зубцовскому районам Калининской области; Сычевскому району Смоленской области.

Границы между западной и восточной группами ср-в-р говоров (II и III) проведена на той же карте по линии, начиная с северо-запада от Москвы на юго-восток по Красно-Полянскому, Мытищинскому, Балашихинскому, Ухтомскому, Раменскому, Бронницкому, Малинскому районам Московской области.

Границы „Самарского акающего острова“ на карте МДК проведены по Радищевскому, Приволжскому, Сызранскому, Шигонскому, Куйбышевскому, Новобуянскому, Елховскому, Кошкинскому, Кутузовскому, Челно-Вершинскому, Шенталинскому, Клявлинскому, Камышлинскому районам Куйбышевской области; Сок-Кармалинскому, Секретарскому, Абдулинскому районам Чкаловской области; Ермакеевскому, Бижбулякскому, Миякинскому, Стерлибашевскому районам Башкирской АССР; Пономаревскому, Шарлыкскому, Александровскому, Новосергеевскому, Люксембургскому, Сорочинскому, Токскому, Курманаевскому районам Чкаловской области; Алексеевскому, Утевскому, Дубово-Уметскому, Чапаевскому, Колдыбанскому, Безенчукскому, Хворостянской районам Куйбышевской области; Духовницкому району Саратовской области. Материалы по X тому атласа русского языка, собранные под руководством проф. В. А. Малаховского, свидетельствуют о значительных неточностях и

ошибках в карте МДК, допущенных при определении территории этих говоров.

Границы „Чухломского акающего острова“ на карте МДК проведены по Буйскому, Ореховскому, Солигаличскому, Судайскому, Чухломскому, Парфеньевскому, Нейскому, Антроповскому, Галичскому районам Костромской области.

Белой на карте показана территория распространения языков соседних народов, а также территории, откуда не было диалектологических сведений.

Желтые точки на белом фоне указывают на с-в-р говоры среди территорий языков соседних народов.

Остальные знаки объяснены в легенде к карте.

Карта № 2 („Диалектологическая карта южновеликорусских говоров“) также основана на карте МДК 1915 г. с поправками 1927 года. Однако в ней рядом с территориальным распределением типов яканья даются изоглоссы ряда явлений (з взрывного и фрикативного, цоканья, звука у из в, смягчения к после мягких согласных). В этой карте также имеется много неточностей и ошибок. В частности, следует иметь в виду, что, как показали наблюдения последних лет, ассимилятивно-диссимилятивное яканье распространено значительно шире, чем это отмечено на карте.

Карты № 3 и 4 („Окончание -ого, -его“ и „Окончание -мы, -м, -ми“) составлены по материалам I тома Диалектологического атласа русского языка проф. Ф. П. Филиным. В настоящем издании по техническим причинам они несколько упрощены: уменьшен масштаб, опущено различие некоторых частных вариантов картографируемых явлений; цветные условные знаки заменены черными; опущены точки населенных пунктов и присвоенные им на карте номера, так как в книге не было возможности опубликовать список населенных пунктов.

Карта № 5 („Форма *печь* и ее диалектные разновидности“), составленная Г. А. Касвин, заимствована из неопубликованной диссертации того же автора „Глагольные основы в русских говорах“. Эта карта в отличие от двух предыдущих составлена на основании изучения опубликованных диалектологических материалов (описаний говоров, ответов на программы и т. д.). Ввиду малого масштаба (еще более уменьшенного в издании), а также отсутствия во многих источниках точного территориального приурочения диалектологических материалов картографирование производится с точностью до уезда.

Карта основана на старых опубликованных в печати материалах и в оригинале дана у автора в масштабе и на географической основе карты МДК.

Эта карта также подверглась некоторому упрощению по техническим причинам: опущены некоторые детали, уменьшен масштаб, цветные знаки заменены черными.

СОДЕРЖАНИЕ.

Предисловие.

ВВЕДЕНИЕ.

Предварительные сведения.

§ 1. Предмет диалектологии и понятие диалекта (стр. 9). § 2. Диалекты и национальный язык (стр. 10). § 3. Понятия наречия и говора (стр. 10). § 4. Территориальные и социальные диалекты (стр. 11). § 5. О реальности языковой системы диалекта и национального языка (стр. 11). § 6. Диалектология и история языка (стр. 13). § 7. Диалектология и история (стр. 16). § 8. Диалектология и археология (стр. 17). § 9. Диалектология и этнография (стр. 17). § 10. Практическое значение диалектологии (стр. 18).

Диалекты и национальные языки в историческом развитии.

§ 11. Диалекты и национальные языки как исторические категории (стр. 20). § 12. Племенные диалекты эпохи родового строя (стр. 22). § 13. Территориальные диалекты эпохи феодализма (стр. 23). § 14. Образование национальных языков (стр. 27). § 15. Социально-классовая дифференциация языка в эпоху капитализма (стр. 29). § 16. Диалекты и национальные языки в эпоху социализма (стр. 31).

Образование русского языка.

§ 17. Древние восточнославянские племена и племенные диалекты (стр. 34). § 18. Древние восточнославянские диалекты в Киевском государстве и в эпоху феодальной раздробленности (стр. 35). § 19. Образование восточнославянских национальных языков (стр. 37).

ФОНЕТИКА.

Вокализм.

Гласные ударенного слога.

Сильное положение для гласных фонем русского языка в его говорах.

§ 20. Гласные фонемы и их отношение к месту ударения в акающих и окающих говорах (стр. 39). § 21. Гласные фонемы и качество предшествующей и последующей согласной (стр. 40). § 22. Значение этих двух основных факторов в системе вокализма акающих и окающих говоров (стр. 41).

Различия в составе гласных фонем по русским говорам.

§ 23. Устойчивые и подвижные элементы в составе гласных фонем русского языка (стр. 41). § 24. Фонемы *о*, *е*, *е* и их замены в разных диалектах русского языка (стр. 42). § 25. Различия в составе гласных фонем русских говоров (стр. 44).

Модификация гласных фонем в ударенном слоге.

§ 26. Вариации и варианты гласных фонем в ударенном слоге по русским говорам (стр. 50). § 27. Фонема *и* и ее вариации (стр. 50). § 28. Фонема *у* и ее вариации (стр. 52). § 29. Фонема *о* после мягких согласных и вопрос о ее взаимоотношениях с *е* (стр. 53). § 30. Фонема *б* (стр. 54). § 31. Фонема *а* и ее вариации и варианты по говорам (стр. 54). § 32. Фонема *э* и ее вариации и варианты по говорам (стр. 56).

Предударный вокализм.

О распределении экспираторной силы между разными слогами и сравнительной полновесности разных безударных слогов по отношению к ударенному в русских говорах.

§ 33. Постановка вопроса (стр. 58). § 34. Говоры с относительно равномерной полновесностью безударных слогов (стр. 58). § 35. Говоры с различной степенью полновесности разных безударных слогов (стр. 59). § 36. Говоры с наиболее резкими отличиями в степени полновесных безударных слогов (стр. 59). § 37. Фактор интонационно-мелодический (стр. 61). § 38. Различные типы распределения экспираторной силы между разными безударными слогами и членение русского языка на основные наречия и говоры (стр. 61).

Аканье и оканье.

§ 39. Понятия аканья и оканья в широком смысле (стр. 62). § 40. Принципиальное значение системы вокализма 1-го предударного слога для группировки русских говоров и истории русского языка (стр. 62). § 41. Понятие аканья и оканья в узком смысле (стр. 62).

Модификации гласных фонем в 1-м предударном слоге после твердых согласных и в начале слова.

Оканье.

§ 42. Реализация гласных фонем в 1-м предударном слоге при оканье (стр. 63). § 43. Качество гласной *о* в 1-м предударном слоге при оканье (стр. 63). § 44. Правописание безударных гласных в его отношении к оканью и аканью. § 45. Реализация начальных гласных фонем в 1-м предударном слоге (стр. 64).

Смешанный окающе-акающий вокализм.

§ 46. Реализация гласных фонем в 1-м предударном слоге при смешанном окающе-акающем вокализме (стр. 65).

Аканье.

§ 47. Аканье диссимилятивное и недиссимилятивное (стр. 65). § 48. Гласные 1-го предударного слога при недиссимилятивном аканье (стр. 66). § 49. Гласные 1-го предударного слога при диссимилятивном аканье (стр. 67). § 50. О некоторых трудностях в наблюдении диссимилятивного аканья (стр. 67). § 51. Система гласных 1-го предударного слога при диссимилятивном аканье (стр. 67). § 52. Диссимилятивное аканье и абсолютное начало слова (стр. 68). § 53. Вопрос о сравнительной полновесности 1-го предударного слога при диссимилятивном аканье (стр. 69). § 54. Качество редуцированного гласного (варианта „не *а*“) при диссимилятивном аканье и его изменения в определенных фонетических условиях (стр. 69).

Модификации гласных фонем 1-го предударного слога после мягких согласных.

§ 55. Отсутствие четко выраженных типов предударного вокализма после мягких согласных в с-в-р говорах (стр. 70). § 56. Полное или

частичное различие гласных фонем неверхнего подъема в первом предударном слоге (стр. 72).

Еканье.

§ 57. Неразличение гласных фонем неверхнего подъема в 1-м предударном слоге при совпадении их в одном звуке *е* (еканье) (стр. 75). § 58. Нейтральность еканья — наличие еканья как в окающих, так и в акающих говорах (стр. 76).

Иканье.

§ 59. Неразличение гласных фонем неверхнего подъема в 1-м предударном слоге при совпадении их в одном звуке *и* (иканье) (стр. 76).

Яканье.

§ 60. Понятие яканья (стр. 77).

Умеренное яканье.

§ 61. Понятие умеренного яканья (стр. 78). § 62. О разновидностях умеренного яканья (стр. 79). § 63. О некоторых типичных отклонениях от системы умеренного яканья (стр. 80).

Диссимилативное яканье.

§ 64. Понятие о диссимилативном яканье (стр. 80). § 65. Принципы, на основе которых различаются разные типы диссимилативного яканья (стр. 81). § 66. Архаический тип диссимилативного яканья (стр. 82). § 67. Щигровский тип диссимилативного яканья (стр. 84). § 68. Суджанский тип диссимилативного яканья (стр. 85). § 69. Донской тип диссимилативного яканья (стр. 85). § 70. Жиздринский тип диссимилативного яканья (стр. 86). § 71. Вопрос о различении или неразличении под ударением фонем *б* и *о* и отражении этого на качестве гласной 1-го предударного слога (стр. 86).

Сильное яканье.

§ 72. Понятие о сильном яканье (стр. 87).

Яканье, осложненное ассимилятивностью.

§ 73. Понятие об ассимилятивности в яканье (стр. 88). § 74. Яканье ассимилятивное (стр. 88). § 75. Яканье ассимилятивно-умеренное (стр. 89). § 76. Ассимилятивно-диссимилативное яканье Новоселковского типа (стр. 89). § 77. Ассимилятивно-диссимилативное яканье Кидусовского типа (стр. 90). § 78. Вторичность ассимилятивности в яканье и иканье (стр. 91). § 79. О некоторых частностях диссимилативного и ассимилятивно-диссимилативного яканья: о качестве гласной 1-го предударного слога при наличии под ударением *е* или *о* после мягкой согласной (стр. 92). § 80. Трудности в определении типов яканья (94). § 81. Виды и типы яканья в схемах (стр. 96). § 82. Умеренно-диссимилативное и диссимилативно-умеренное яканье (стр. 102).

Модификация гласных фонем 1-го предударного слога после твердых шипящих и ж.

§ 83. Почему необходимо выделение этого положения (стр. 102). § 84. Предударный вокализм после шипящих в окающих говорах (стр. 103). § 85. Предударный вокализм после шипящих в говорах с умеренным яканьем (стр. 103). § 86. Предударный вокализм после шипящих в говорах с диссимилативным яканьем (стр. 104). § 87. Предударный вокализм после шипящих в говорах с сильным яканьем (стр. 105). § 88. Предударный вокализм после шипящих в говорах с иканьем (стр. 105). § 89. О некоторых случаях отклонений (стр. 106).

Модификации гласных фонем в других предударных слогах (кроме первого).

Положение после твердых согласных.

Гласные неверхнего подъема. § 90. Понятия полного и неполного оканья (стр. 106). § 91. Редукция гласных неверхнего подъема в предударных слогах (кроме 1-го) при неполном оканье и аканье (стр. 106). § 92. Лабиализация редуцированного гласного в определенных фонетических условиях (стр. 107). § 93. Вопрос о „полном“ аканье (стр. 108).

Гласные верхнего подъема. § 94. Реализация гласных фонем верхнего подъема в предударных слогах (кроме 1-го) (стр. 108).

Положение в абсолютном начале слова.

§ 95. Различная реализация по говорам гласных фонем абсолютного начала слова в предударных слогах (кроме 1-го) (стр. 109).

Положение после мягких согласных.

§ 96. Реализация гласных фонем в этом положении (стр. 110).

Изменения сочетаний предударных гласных.

§ 97. Вопрос о сочетаниях гласных в русском языке (стр. 110). § 98. Характер изменений сочетаний гласных предударных слогов (стр. 111). § 99. Изменения наиболее часто встречающихся сочетаний гласных 2-го и 1-го, а также 3-го и 2-го предударных слогов (стр. 111). § 100. К вопросу об изменении сочетаний предударных гласных с гласной верхнего подъема (у, и) на втором месте (стр. 112).

Заударный вокализм.

§ 101. Постановка вопроса (стр. 112).

Положение после твердых согласных.

§ 102. Возможность различия в заударных слогах гласных неверхнего подъема в говорах с полным оканьем (стр. 113). § 103. Совпадение в заударных слогах гласных неверхнего подъема в говорах с неполным оканьем и аканьем (стр. 113). § 104. Звук у вместо о в некоторых окончаниях в заударных слогах (стр. 114). § 105. Изменения нелабиализованной гласной фонемы верхнего подъема в заударных слогах (стр. 115). § 106. Изменения у в заударных слогах (стр. 116).

Положение после мягких согласных и шипящих.

§ 107. Причина сложности заударного вокализма после мягких согласных (стр. 116). § 108. Возможность различия гласных неверхнего подъема в говорах с полным оканьем (стр. 117). § 109. Неполное различие гласных неверхнего подъема в говорах с неполным оканьем, а также в акающих говорах (стр. 117). § 110. Основные черты заударного вокализма литературного языка в его старомосковском варианте и в сходных с ним ср-в-р говорах (стр. 118). § 111. Особенности заударного вокализма после мягких согласных в части ю-в-р говоров (стр. 119). § 112. Некоторые предположения о происхождении заударного вокализма (стр. 120). § 113. О некоторых частных особенностях заударного вокализма (стр. 121).

Консонантизм.

Состав согласных фонем.

Общие замечания.

§ 114. Состав согласных фонем литературного языка (стр. 122). § 115. Характер диалектных отличий в системе согласных (стр. 122).

Подвижные элементы в составе согласных фонем русского языка.

§ 116. Перечень подвижных элементов (стр. 123). § 117. Фонемы ц и ч (стр. 123). § 118. Фонемы в и ф (стр. 124). § 119. Фонема ф вместо хв

(стр. 125). § 120. Вопрос долгих согласных в русском языке (стр. 126). § 121. Долгие шипящие (стр. 127). § 122. Долгие шипящие в отдельных словах (стр. 130). § 123. Долгие шипящие в связи с их обозначением на письме (стр. 130). § 124. Различия в составе согласных фонем по говорам (стр. 130).

Качество отдельных согласных фонем.

§ 125. Качество *ц* и *ч* и их замен (стр. 131). § 126. Процессы при переходе от цоканья к различению *ц* и *ч* (стр. 132). § 127. Аффрикаты на стыке морфем (стр. 133). § 128. Реликты цоканья в отдельных словах и формах (стр. 134). § 129. Реликты цоканья в топонимии (стр. 134). § 130. Аффрикаты в отдельных словах (стр. 134). § 131. Качество *ш* и *ж* (стр. 135). § 132. Качество *с'* и *з'* (стр. 135). § 133. Качество *т'* и *д'* (стр. 136). § 134. Качество фонемы *в* (стр. 136). § 135. Качество фонемы *г* (стр. 136). § 136. Качество фонемы *л* (стр. 138). § 137. Образование звука *р* (стр. 139).

Согласные глухие и звонкие.

Соотносительный ряд глухих и звонких согласных.

§ 138. Различия по говорам в соотносительном ряде глухих и звонких согласных (стр. 139). § 139. Количество соотносительных парных глухих и звонких согласных по говорам (стр. 140).

Сильное положение глухих и звонких согласных.

§ 140. Определение этого положения (стр. 140).

Модификации глухих и звонких согласных в слабом положении.

§ 141. Определение слабых положений (стр. 141).

Звонкие согласные на конце слова.

§ 142. Оглушение звонких согласных на конце слова (стр. 141). § 143. Фонема *г* : *γ* на конце слова и ее место в системе парных глухих и звонких согласных (стр. 141). § 144. Фонемы *в* и *в'* и их место в системе глухих и звонких согласных (стр. 143). § 145. Звук *х* на конце слова вместо фонемы *в* (стр. 144). § 146. Звонкие или полувзвонкие согласные на конце слова в отдельных говорах (стр. 145).

Звонкие согласные перед глухими.

§ 147. Оглушение звонких согласных перед глухими (стр. 145). § 148. Фонема *в* перед согласными (стр. 145). § 149. Звук *х* на месте фонемы *в* перед глухими согласными (стр. 147). § 150. Аналогические явления в связи с изменением фонемы *в* в начале слова в одних условиях в звук *у*, в других — с сохранением звука *в* (стр. 147). § 151. Открытость или закрытость слога с фонемой *в* после гласной перед согласной в зависимости от качества *в* (стр. 147). § 152. Звук *ф* в слабом положении на месте фонемы *в* как вариант или вариация этой фонемы (стр. 147).

Глухие согласные перед звонкими.

§ 153. Озвончение глухих согласных перед звонкими (стр. 148). § 154. Об озвончении фонемы *к* в говорах с *г* фрикативным (стр. 148).

Сonorные согласные и их место в системе согласных.

§ 155. Место сонорных в системе согласных (стр. 149). § 156. Фонема *ј* и ее место в системе согласных (стр. 149). § 157. Фонема *в* и ее место в системе согласных (стр. 149).

Согласные твердые и мягкие.

Соотносительный ряд твердых и мягких согласных.

§ 158. Различия по говорам в соотносительном ряде твердых и мягких согласных (стр. 149).

Сильное положение для твердых и мягких согласных.

§ 159. Различение твердых и мягких согласных фонем в сильном положении (стр. 150).

Степень противопоставленности парных твердых и мягких согласных.

§ 160. Различная степень противопоставленности разных групп согласных по твердости и мягкости (стр. 153). § 161. Различная степень противопоставленности твердых и мягких согласных фонем перед разными гласными (стр. 154). § 162. Различная степень противопоставленности твердых и мягких согласных фонем перед губными и задненебными (стр. 155).

Твердые и мягкие парные согласные в слабом положении.

§ 163. Слабое положение для твердых и мягких согласных (стр. 155).

§ 164. Твердые и мягкие согласные перед гласными *е* и *е* (стр. 155).

§ 165. Твердые и мягкие согласные перед согласными (стр. 156).

Согласные фонемы внепарные по твердости — мягкости.

§ 166. Шипящие и *ц* (стр. 159). § 167. Задненебные (стр. 159).

§ 168. Почему мягкие задненебные не являются особыми фонемами (стр. 161). § 169. Изменение *к'*, *г'* в *т'*, *д'* (стр. 162). § 170. Возможность изменения *г'* в *ж* (стр. 163).

Взрывные и фрикативные согласные.

§ 171. Фонемы *к* и *г* перед взрывными (стр. 163).

Губные и задненебные согласные.

§ 172. Изменение *в* в определенных условиях в *у* и *х* (стр. 165).

§ 173. Фонологическая квалификация этого изменения (стр. 166).

Неносовые (чистые) и носовые согласные.

§ 174. Сочетания *тн*, *пм* и *дн*, *бм* (стр. 166). § 175. Сочетания *мн* и *вн* (стр. 168).

Модификации фонем *л* и *л'*.

§ 176. Изменение *л* в *й* (*ш*) (стр. 169). § 177. Изменение *л'* в *л* в определенных условиях (стр. 169). § 178. Относительная хронология изменения *л* в *й* (*ш*) и *л'* в *л* (стр. 170). § 179. Фонологическая квалификация *й* (*ш*) как разновидности фонемы *л* (стр. 170). § 180. О происхождении „среднего“ *л* (стр. 171). § 181. „Сладкоязычие“ (стр. 171).

ЛЕКСИКА.

Исторические напластования в лексике традиционных говоров.

§ 182. Социальная обусловленность диалектной лексики (стр. 172).

§ 183. Исторические напластования в лексике диалектов (стр. 172).

Основные стороны лексики традиционных диалектов.

§ 184. Лексика диалекта и характер экономики данного края (стр. 176). § 185. Богатство диалектов словами, обозначающими видовые понятия (стр. 177).

Нетерминологическая диалектная лексика.

- § 186. Архаизмы нетерминологической диалектной лексики (стр. 179).
§ 187. Диалектные различия в нетерминологической лексике (стр. 181).

ЯЗЫКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ СОВРЕМЕННОЙ ДЕРЕВНИ.

Великая Октябрьская социалистическая революция и развитие русских диалектов.

- § 188. Постановка вопроса (стр. 182).

Лексика.

- § 189. Появление новых слов (стр. 184). § 190. Освоение значения новых слов (стр. 190). § 191. Оформление новых слов (стр. 191). § 192. Утрата старых слов (стр. 194). § 193. Приобретение старыми словами нового значения (стр. 195).

Новые явления в области фонетики, морфологии и синтаксиса.

- § 194. Процессы в фонетике, морфологии и синтаксисе (стр. 195).
§ 195. Диалектные различия, появляющиеся на почве взаимодействия между диалектами и литературным языком (стр. 196). § 196. Отражение языка крестьянства в советской литературе (стр. 198).

ГРУППИРОВКА ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ И ГОВОРОВ РУССКОГО ЯЗЫКА.

Схождения и расхождения между современными восточнославянскими языками.

- § 197. Соотношения между русским, украинским и белорусским языками (стр. 202). § 198. Методологические требования при пользовании данными соотношений между диалектами и близко родственными языками для установления их истории (стр. 202). § 199. Основные отличия русского языка от украинского и белорусского (стр. 204). § 200. Основные черты, объединяющие русский и белорусский языки в отличие от украинского языка (стр. 208). § 201. Диалектные особенности, по которым одна часть белорусских говоров объединяется с русским языком, другая — с украинским (стр. 211).

Северновеликорусское наречие.

Общие черты северновеликорусского наречия.

- § 202. Основные особенности северновеликорусского наречия (стр. 212).

Группировка северновеликорусских говоров.

- § 203. Группировка северновеликорусских говоров и отношение отдельных групп друг к другу (стр. 214). § 204. Северная группа (стр. 215). § 205. Олонецкая группа (стр. 216). § 206. Западная группа (стр. 217). § 207. Восточная группа (стр. 218). § 208. Владимирско-Поволжская группа (стр. 219). § 209. Лексические отличия с-в-р и ю-в-р наречий (стр. 221).

Южновеликорусское наречие.

Общие черты южновеликорусского наречия.

- § 210. Основные особенности южновеликорусского наречия (стр. 224).

Группировка южновеликорусских говоров.

§ 211. Трудности в группировке южновеликорусских говоров (стр. 227). § 212. Черты диалектных отличий между южновеликорусскими говорами (стр. 227). § 213. Южная группа (стр. 229). § 214. Восточная группа (стр. 230). § 215. Северная группа (стр. 230).

Средневеликорусские говоры.

§ 216. Средневеликорусские говоры и их образование (стр. 230).
§ 217. Группировка средневеликорусских говоров (стр. 232).

МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ ДИАЛЕКТОВ.

Непосредственные наблюдения лингвиста.

Территориальная и социальная дифференциация диалекта.

§ 218. Развитие диалектов в эпоху капитализма (стр. 235). § 219. Диалекты после Великой Октябрьской социалистической революции (стр. 238).

Жанрово-стилистическая дифференциация диалекта.

§ 220. Обиходно-бытовая речь и язык фольклора (стр. 240). § 221. Особенности фольклорного языка в его соотношении с обиходно-бытовой речью (стр. 240).

Языковая система диалекта и литературного языка в их соотношениях.

§ 222. Понятие языковой системы применительно к диалекту и литературному языку (стр. 244). § 223. Необходимость учета социальной и жанрово-стилистической дифференциации языка при производстве наблюдения над диалектами (стр. 245).

Выбор объектов наблюдения.

§ 224. Выбор объектов наблюдения и его зависимость от целей наблюдения диалекта (стр. 247).

Условия работы диалектолога в деревне.

§ 225. Установление связи с местными организациями и населением (стр. 248). § 226. Предварительный период наблюдений (стр. 249). § 227. Тематика бесед для диалектологических наблюдений (стр. 250). § 228. Методические замечания о проведении бесед для диалектологических наблюдений (стр. 251). § 229. Вопрос о количестве объектов наблюдения в одной деревне (стр. 252).

Собирание общих сведений о селе.

§ 230. Значение общих сведений при изучении диалекта (стр. 253).

Паспортизация диалектологического материала.

§ 231. Паспортизация материала и ее значение (стр. 254).

Проведение наблюдений над говором.

§ 232. Запись образцов обиходно-бытовой речи (стр. 255). § 233. О границах применения метода опроса (стр. 256). § 234. Метод тематических бесед и наводящих вопросов (стр. 256). § 235. Метод синтаксических трафаретов (стр. 257). § 236. Метод прямых вопросов при собирании сведений по фонетике и морфологии (стр. 258). § 237. Собирание сведений о разных сторонах языка — фонетике, морфологии, синтаксисе, лексике (стр. 258). § 238. Первоначальные общие и дальнейшие специализированные наблюдения (стр. 258). § 239. Использование фонетических и синтаксических записей для морфологии (стр. 259). § 240. Синтакси-

ческие записи (стр. 259). § 241. Собираание лексических материалов (стр. 260). § 242. Типичные ошибки неопытного наблюдателя, связанные с его языковой системой (стр. 260). § 243. Недопустимость записей „по памяти“ (стр. 261). § 244. О фонетической подготовке наблюдателя диалектов (стр. 261). § 245. Типичные ошибки наблюдателя — местного жителя (стр. 263). § 246. Об ответственности наблюдателя диалектов (стр. 263).

Фонетическая транскрипция.

§ 247. Вопрос о характере записей для фонетики, морфологии, синтаксиса и лексики диалекта (стр. 264.) § 248. Система транскрипции при наблюдении русских говоров (стр. 265). § 249. Обозначение гласных (стр. 265). § 250. Обозначение согласных (стр. 267). § 251. Запись связной речи (стр. 270). § 252. Возможные упрощения в транскрипции (стр. 271).

Обработка диалектологического материала.

§ 253. Важность обработки собранного материала на месте (стр. 272). § 254. Использование записанной фразы для описаний разных явлений и сторон диалекта (стр. 272). § 255. Техника обработки собранного материала (стр. 273).

Анкетный метод и описание диалекта по чужим записям.

Приемы критического использования анкетных данных и чужих записей.

§ 256. Типичные ошибки лиц, доставивших анкетные данные (стр. 274). § 257. Влияние орфографии в материале анкетных данных (стр. 275). § 258. Приемы критического использования сомнительных записей (стр. 276). § 259. О двойственности в показаниях записей и их интерпретации (стр. 276).

Обзор важнейших программ.

§ 260. Типы программ (стр. 276). § 261. Большая Академическая программа (стр. 277). § 262. Программа МДК (стр. 278). § 263. Вопросник ИЯМ (стр. 280). § 264. Программа ИРЯЗ (стр. 281). § 265. Краткая программа ИРЯЗ (стр. 289). § 266. Условность разграничения „прямого“ и „анкетного“ методов изучения диалектов (стр. 290).

Лингвистическая география.

Общие сведения.

§ 267. Возникновение лингвистической географии (стр. 291). § 268. Понятие изоглоссы (стр. 291). § 269. Историческая интерпретация территориального распределения языковых явлений (стр. 292). § 270. Лингвистическая география на Западе (стр. 293).

О работах по лингвистической географии русского языка.

§ 271. Возникновение вопроса о лингвистической географии в русской науке (стр. 297). § 272. Опыт диалектологической карты русского языка МДК (стр. 297). § 273. Критика диалектологической карты МДК акад. А. И. Соболевским (стр. 299). § 274. О некоторых работах по лингвистической географии русского языка (стр. 300).

Организация работы над Диалектологическим атласом русского языка.

§ 275. Из истории работы над диалектологическим атласом русского языка (стр. 303).

О составе Диалектологического атласа русского языка.

§ 276. Территориальный охват атласа (стр. 305). § 277. Состав атласа (стр. 305). § 278. Принципы членения атласа (стр. 306). § 279. Построение отдельных частных, „областных“ томов атласа (стр. 308). § 280. Заключительный том атласа (стр. 310). § 281. Дополнительный том (стр. 311). § 282. Основные особенности диалектологического атласа русского языка (стр. 312).

Типы описаний диалектов.

§ 283. Степень детальности описания диалекта (стр. 317). § 284. Описание диалекта с точки зрения его отличия от литературного языка (стр. 317). § 285. Описание диалекта с точки зрения его отличий от языкового состояния более древней эпохи (стр. 318). § 286. Описание диалекта на основе имеющихся в нем самых категорий (стр. 319). § 287. Историзм при описании диалектов (стр. 320). § 288. Описание разных сторон диалекта (фонетики, синтаксиса, лексики) (стр. 320). § 289. Основные типы диалектологических работ (стр. 320).

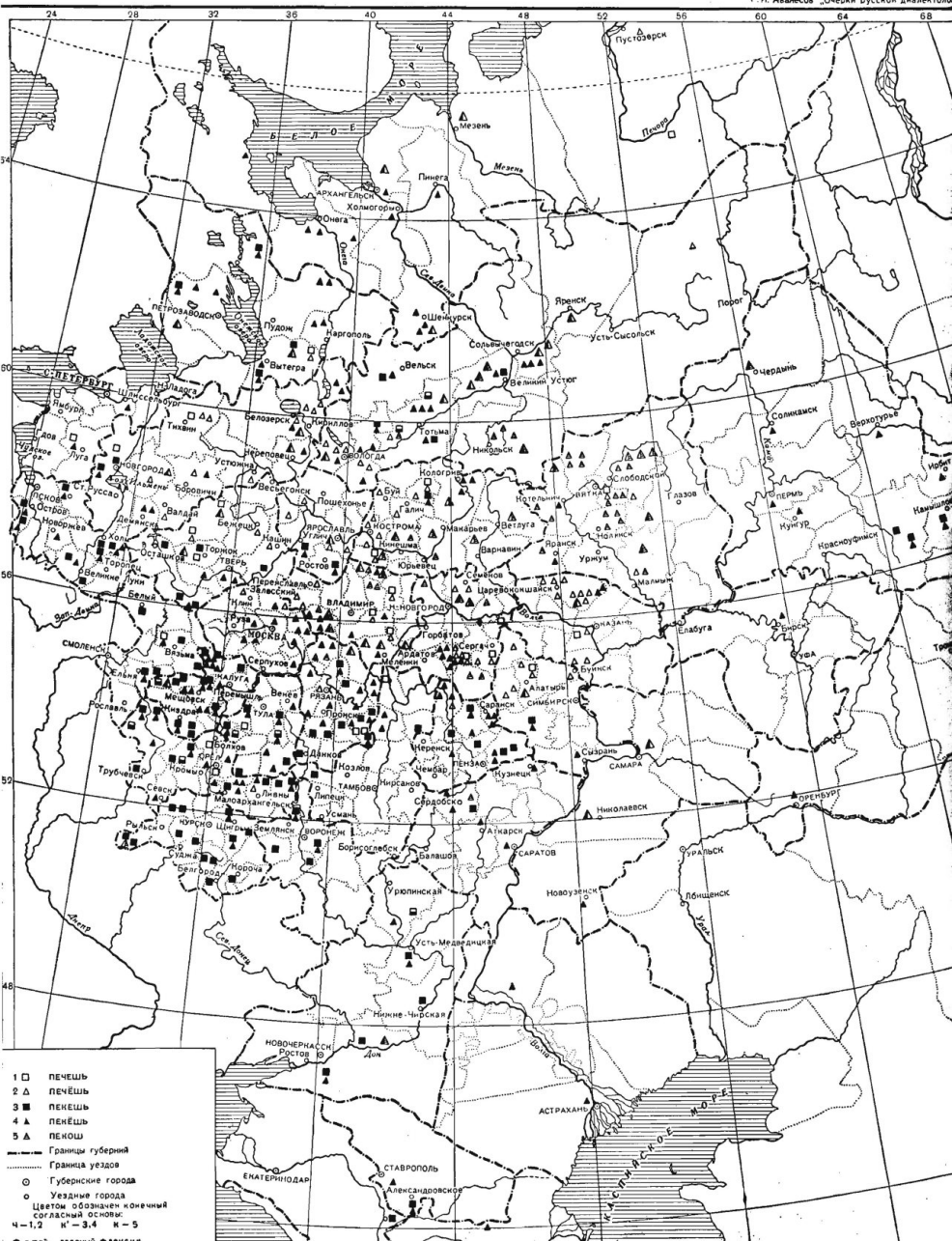
Замечания к картам 323

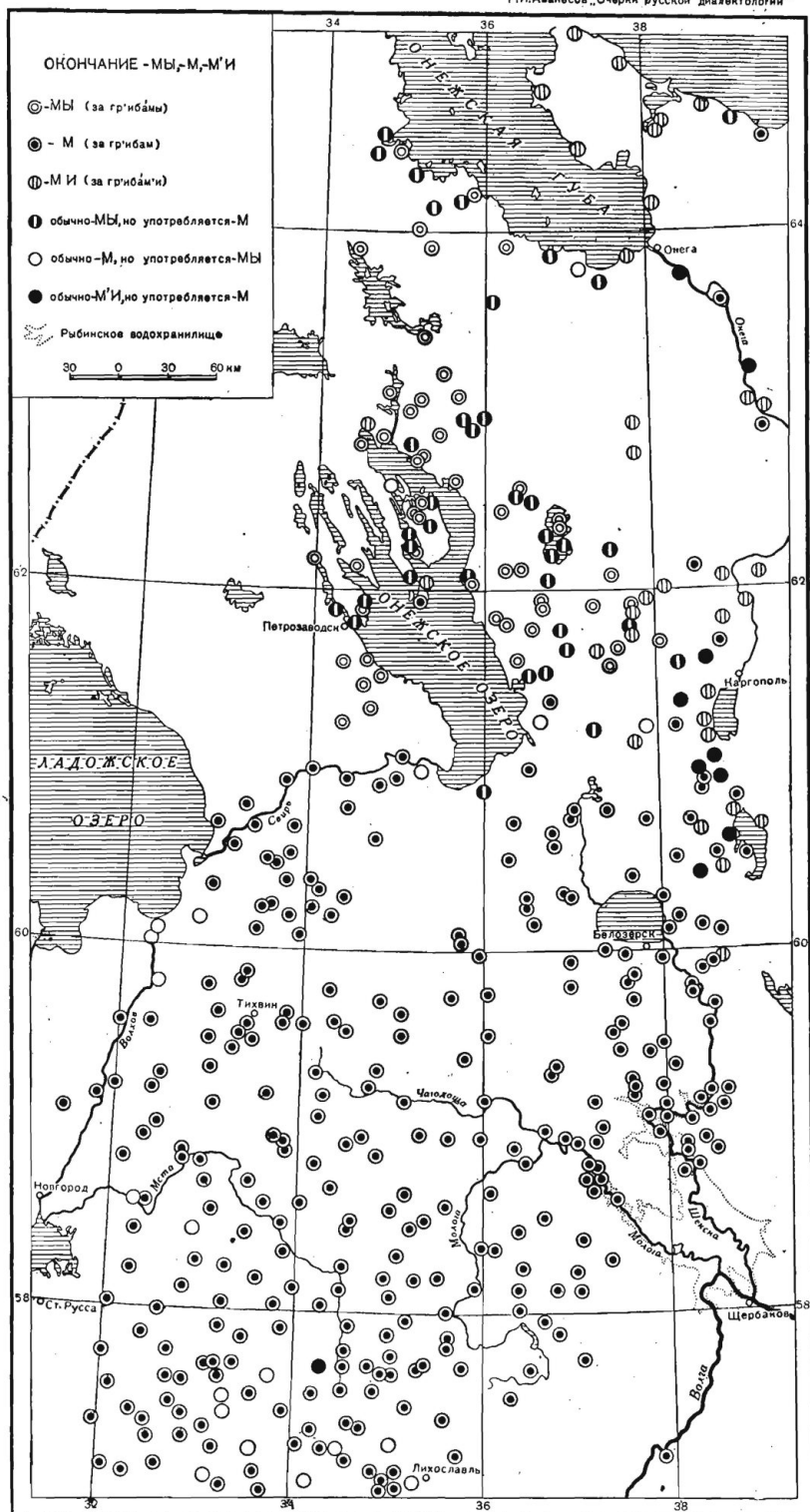
Редактор *Ф. Ф. Кузьмин.*
Техн. редактор *Н. П. Цирульников.*

Подписано к печати 29/XII 1948 г. А-11769.
Тираж 50 тыс. экз. Печатных листов
 $21 + 1\frac{1}{2}$ л. вкл. Учетно-издат. листов
 $25,69 + 0,81$ вкладок. В 1 печ. листе
49 тыс. тип. знаков. Зак. 1426.

2-я типография „Печатный Двор“ имени
А. М. Горького треста „Полиграфкнига“
ОГИЗа при Совете Министров СССР.
Ленинград, Гатчинская, 26.

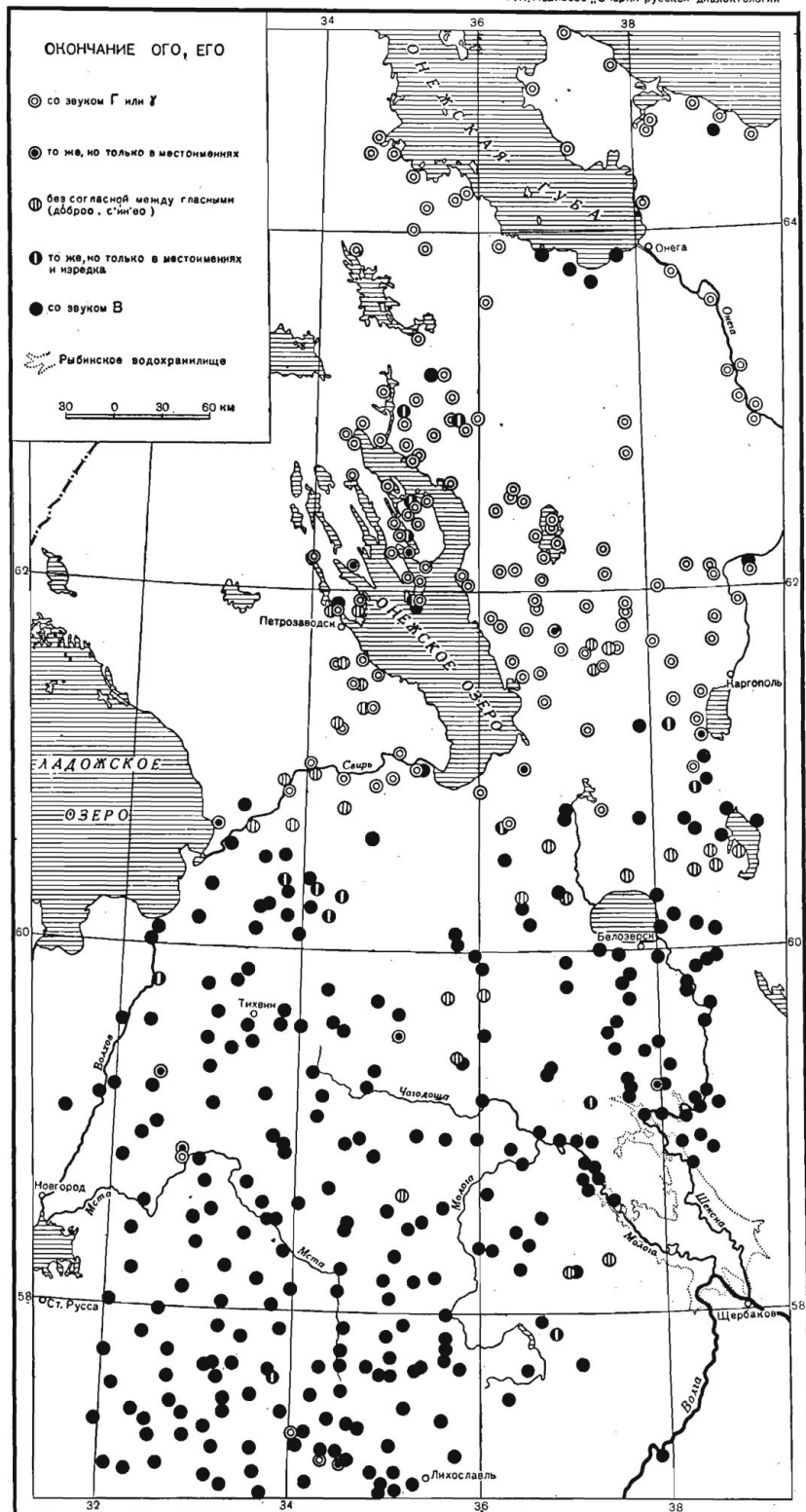

Р.И. Аванесов „Очерки русской диалектологии“

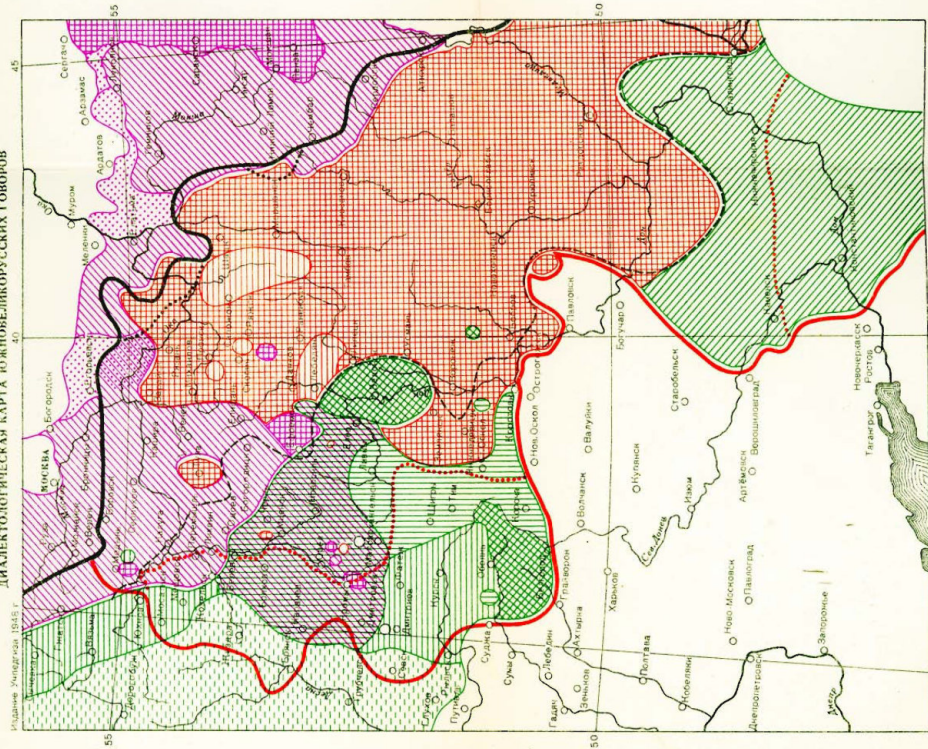

ВАРИАНТЫ ОКОНЧАНИЯ -ОГО (-ЕГО) В РУССКИХ СЕВЕРО-ЗАПАДНЫХ ГОВОРАХ.

Р. И. Аванесов „Очерки русской диалектологии“

ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА ЮЖНОБЕЛОРУССКИХ ГОВОРОВ

Р. И. Адамков „Очерки русской диалектологии“

- Речные диалекты южного западного (Оболонского) типа
- Суздальского типа
- Щегровского
- Донского
- белорусского (Беларуского) типа
- умеренно-диссимильного
- умеренного
- Малые
- Водные, умеренные с элементами негемин-а
- Большие
- Речные, сильные
- ассимильно-диссимильного
- Острова с озерами
- Южная граница Галицкого
- Южная граница цомаля (в пределах высших горных сформирований)
- Восточная граница у ю. в. (в тех же пределах)
- Западная граница смещения к ю. в. (в тех же пределах)
- Ю. в. — Ю. в.

